

ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Внѣшняя политика императора Николая I. Введение въ исторію внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху Севастопольской войны.

Рекомендовано Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

Императоръ Николай и иностранные дворы. Историческіе очерки.

Дипломатическія бесѣды о внѣшней политикѣ Россіи. Годъ первый. 1889.

120-1

ИЗЪ ПРОШЛАГО
РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ.

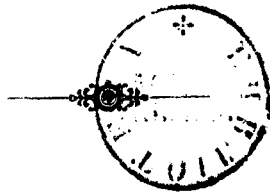

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

И

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

С. С. ТАТИЩЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1890

2007231333

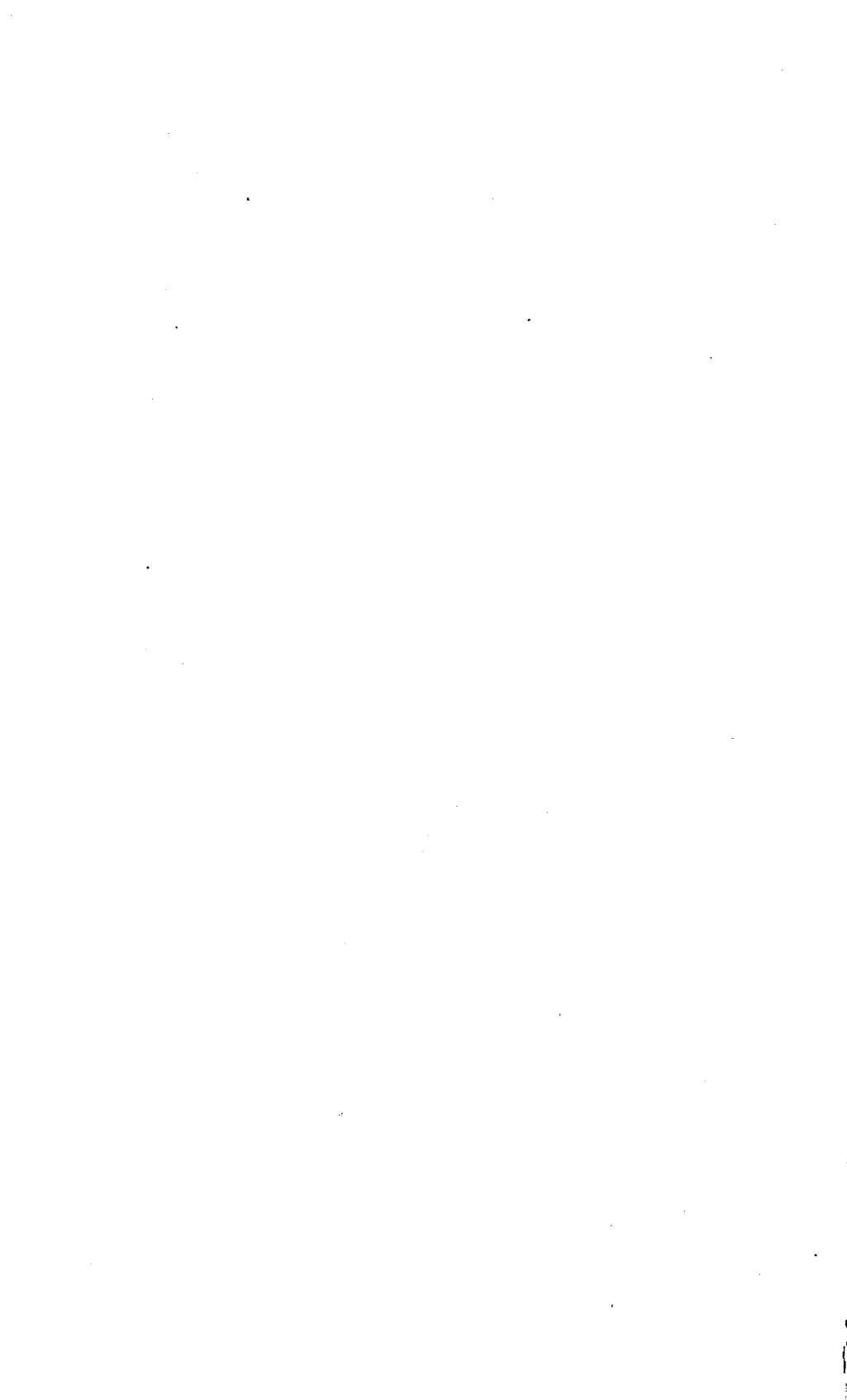
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПАМЯТИ

МИХАИЛА НИКИФОРОВИЧА

КАТКОВА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Русскіе подданные имѣютъ нѣчто болѣе
„чѣмъ права политическія, они имѣютъ поли-
„тическія обязанности. Каждый изъ русскихъ
„подданныхъ обязанъ стоять на стражѣ правъ
„Верховной Власти и заботиться о пользахъ
„государства. Каждый не то что имѣетъ только
„право принимать участіе въ государственной
„жизни и заботиться о ея пользахъ, но при-
„зывается въ тому долгомъ вѣрноподданнаго.
„Вотъ наша конституція. Она вся безъ пара-
„графовъ содержится въ краткой формулѣ на-
„шей государственной присяги на вѣрность“.

Катковъ.

Сложившіяся вѣками, въ силу историческихъ условій, отношенія русскихъ людей къ государю и государству—одно изъ своеобразнѣйшихъ явленій столь богатой своеобразіемъ государственной жизни нашего отечества. Они не вмѣщаются въ узкую рамку правового опредѣленія и сущность ихъ всего яснѣе выражается народнымъ взглядомъ на Царя-батюшку и на матушку-Россію. Мы не ошибемся, назвавъ ихъ семейными, сыновними, тѣми же отношеніями, что связываютъ дѣтей съ родными матерью и отцомъ.

Какъ не бываетъ договора между главою семьи и ея членами, такъ нѣтъ его и быть не можетъ между русскимъ государемъ и вѣрными его сынами—подданными. Самодержавная власть—власть отеческая, но потому-то она и допускаетъ для подданныхъ долю свободы въ обла-

сти мысли и слова несравненно бѣльшую, чѣмъ та, что гарантируется параграфами любой изъ западно-европейскихъ конституцій. Примѣрами подобнаго рода изобилуетъ наша исторія, свидѣтельствующая, что даже такіе Самодержцы какъ Іоаннъ Грозный и Петръ Великій выслушивали внимательно и благосклонно противорѣчивыя ихъ мнѣніямъ по государственнымъ дѣламъ представленія попа Сильвестра и князя Якова Долгорукова, высказываемыя порою съ поразительными настойчивостью и смѣлостью.

Впрочемъ; до конца XVIII вѣка русскіе люди, изъ находящихся не у дѣль, рѣдко имѣли случай излагать предъ верховною властью взгляды свои на внѣшнія отношенія государства. Зависѣло это отъ того, что отъ Іоанна III и до Великой Екатерины политика русскихъ царей слѣдовала неуклонно историческимъ и національнымъ путемъ и исполнителями ихъ предназначеній являлись государственные дѣятели, русскіе плотью и духомъ, взращенные въ отечественныхъ вѣрованіяхъ, преданіяхъ, завѣтахъ. Положеніе измѣнилось въ самомъ началѣ XIX столѣтія, когда, послѣ нѣсколькихъ колебаній, наше дипломатическое вѣдомство перешло въ руки людей иного закала, инородцевъ по происхожденію, иновѣрцевъ по исповѣданію, скоро обратившихъ русскую дипломатію въ нѣчто обособленное, чуждое, лишенное всякой живой и органической связи съ животворящими источниками государственной и общественной жизни Россіи.

Такой оборотъ въ нашей внѣшней политикѣ навлекъ на Россію тяжкія испытанія. Послѣдствіями его были гроза двѣнадцатаго года и Севастопольскій разгромъ. Въ эти години всенароднаго возбужденія впервые раздался независимый голосъ русскихъ писателей-патріотовъ, почитательно, но твердо возвысившихъ его предъ Престоломъ для обличенія превратнаго и пагубнаго теченія, по которому увлекла русскій государственный корабль

инородная и иновѣрная дипломатія, въ защиту покинутыхъ ею историческихъ идеаловъ русскаго народа. Наканунѣ Отечественнѣй войны, Карамзинъ въ Запискѣ о Древней и Новой Россіи, изрекъ строгое осужденіе „совѣтникамъ трона“, которые, „видя бѣду, думали единственно о пользѣ личнаго самолюбія, оправдывались, чтобы винить Монарха“. Въ самый разгаръ Восточной войны 1853—56 годовъ Погодинъ, въ рядѣ историко-политическихъ писемъ, произведшихъ въ рукописи сильное впечатлѣніе на современное общество и обратившихъ на себя вниманіе императора Николая, подвергнулъ тщательному критическому анализу начала, положенныя въ основаніе внѣшней политики русскаго двора за время управленія графа Нессельроде и доказалъ ихъ несостоятельность, обнаруживъ тѣсную причинную связь между ними и порожденными ими событіями, которыя совершенно неожиданно для дипломатіи поставили одинокую Россію лицомъ къ лицу съ грозною обще-европейскою коалиціею.

Въ царствованіе императора Александра II, освобожденіемъ отъ предварительной цензуры, создавалась повременная русская печать и на первыхъ же порахъ убѣдила, что предоставленная ей закономъ свобода гласнаго обсужденія внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ обращается на несомнѣнную пользу государства. Въ единодушій ея русская дипломатія нашла въ 1863 году печальную но могучую опору для побѣдоноснаго отраженія дерзкихъ притязаній трехъ великихъ державъ на вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла.

Съ этимъ великимъ патріотическимъ подвигомъ неразрывно связано имя Каткова. Всею послѣдующею своею дѣятельностью онъ неопровержимо доказалъ, „что печать въ Россіи, и быть можетъ только въ Россіи, находится въ условіяхъ, позволяющихъ ей достигать чистой независимости“. Основную мысль эту онъ развилъ всего за полгода до смерти въ замѣчательной статьѣ, ко-

нечный выводъ которой приведенъ мною въ эпиграфѣ и которая можетъ считаться его политическимъ завѣщаніемъ¹⁾).

Тогда какъ въ конституціонныхъ государствахъ Запада—поучаль Михаилъ Никифоровичъ—печатать служить орудіемъ для политическихъ партій, борющихся изъ-за власти и постоянно стремящихся къ ней, въ Россіи, гдѣ такихъ партій нѣтъ, она является выраженіемъ совѣсти, свободной отъ власти. Тамъ печать ищетъ запутать, затемнить дѣло въ частныхъ интересахъ той или другой партіи; здѣсь она заботится о томъ, чтобы раскрыть и разъяснить его въ общемъ интересѣ отечества. Конечно, въ Россіи печать зависитъ отъ правительства, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за ея направлениемъ, но не менѣе и не болѣе, какъ и наблюденіе за порядкомъ и благочивіемъ на публичныхъ путяхъ или огражденіе общественной безопасности. „Что не противно законамъ и учрежденіямъ страны, что не оскорбляетъ общественной нравственности, что не служитъ орудіемъ обмана и насилія“ — повторю я собственными словами вѣщаго учителя, — „то имѣетъ право высказываться и высказывается съ совершенною независимостью“.

Глубоко возмущало Каткова утвержденіе его ожесточенныхъ противниковъ въ Россіи и въ особенности за границей, что-де правительство обнаруживаетъ непростительную слабость, допуская выраженіе въ печати мнѣній по вѣшной политикѣ, несогласныхъ съ образомъ мыслей и направлениемъ лицъ, находящихся во власти или почему либо имъ неугодныхъ. Притязаніе это онъ объяснялъ полнымъ непониманіемъ сущности русскихъ государственныхъ отношеній. „Въ государствѣ какъ Россія“—восклидалъ онъ съ негодованіемъ—„сохранившемъ непоколебимую, безспорную и священную власть, лица, облеченныя ея полномочіями, менѣе чѣмъ гдѣ

¹⁾ „Московскія Вѣдомосты“ 9 декабря 1886 года.

либо въ правѣ насиловать законную свободу и прибѣгать ко лжи и обману, которые служатъ обычнымъ средствомъ правительствъ въ странахъ, такъ называемыхъ, конституціонныхъ. Если что либо подобное у насъ бываетъ—то это не правило, на которое наши заграничные друзья могли бы сослаться, а нарушеніе правила, роняющее достоинство власти“.

Михаиль Никифоровичъ вполне основательно находилъ, что только правительству, потерявшему смыслъ, могло бы придти въ голову отнимать у людей право исполнять то, что велитъ имъ долгъ присяги, но пользованіе этимъ правомъ самъ онъ признавалъ за русскою печатью лишь подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: чтобы она, являясь какъ новый, особый, требуемый временемъ способъ исполненія всеобщей обязанности радѣть о пользахъ Престола и Отечества, *ни въ чемъ ихъ не раздѣляя*,—держалась на твердой почвѣ и не терялась въ безплодныхъ и опасныхъ отвлеченностяхъ. „Другого смысла“—заключалъ онъ,—„узаконенная въ Россіи политическая печать, обнимающая въ своемъ кругозорѣ всѣ вопросы государственной жизни, имѣть не можетъ. Всякій, кто за это дѣло въ Россіи серьезно берется, долженъ сугубо принять на свою совѣсть долгъ русскаго подданнаго. Для него исполненіе этого долга по совѣсти перестаетъ быть случайностью и становится призваніемъ. Онъ долженъ быть готовъ не только давать отпоръ злу, когда оно само представится, но и выслѣживать его, гдѣ бы оно ни гнѣздилося и какую бы личину ни принимало. Его долгъ—доискиваться правды во всемъ и раскрывать ее, не смущаясь ни предъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не вступая ни въ какіе торги съ совѣстью, не давая сбить себя никакимъ прельщеніямъ съ одной стороны, никакимъ вынужденіямъ съ другой“.

Съ первыхъ шаговъ моихъ въ печати я имѣлъ честь быть принятымъ въ число ближайшихъ сотрудниковъ

М. Н. Каткова, въ изданіяхъ котораго появились начальныя опыты мои по отечественной исторіи и политикѣ.

Всею силою разума и чувства усвоилъ я совокупность завѣтовъ этого мужественнаго и самоотверженнаго борца за русскую правду, положившаго за нее душу свою, и нынѣ исполняю священный долгъ признательности, посвящая незабвенной его памяти настоящую книгу.

Она, по краснорѣчивому его выраженію, „не есть путь власти или ко власти, а путь службы, по совѣсти“.

Татищевъ.

С.-Петербургъ,
1 (19) февраля
1890 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	III
-----------------------	-----

ОТДЕЛЪ ПЕРВЫЙ.

Историческія изслѣдованія.

Русская дипломатія старая и новая	3
Европа наканунѣ Восточной войны 1853—56 годовъ	73
Князь Адамъ Чарторыйскій	155
I. Дѣтство и воспитаніе	159
II. Отъѣздъ въ Россію	164
III. При дворѣ Екатерины	170
IV. Сближеніе съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ	189
V. Въ царствованіе императора Павла	202
VI. Посольство въ Италію	220
VII. Воцареніе императора Александра I	235
VIII. „Комитетъ общественнаго спасенія“	250
IX. Сенатъ и министерства	262
X. Вѣйшняя полетика въ первый годъ царствованія Александра I	277
XI. Вѣйшнія дѣла въ управленіе графа Кочубея	295
XII. Государственный канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ	307
XIII. Князь Чарторыйскій во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и его политическая система	324
Россія и Болгарія. Историческая справка	343
I. Историческое призваніе Россіи на Востокъ. — Утрата русскаго вліянія въ освобожденныхъ Россією странахъ. — Изслѣдованіе причинъ этого явленія. — Задачи русской исторической науки и политической печати	345
II. Цѣль русско-турецкой войны 1877—78 годовъ. — Безкорыстіе какъ основное начало политики русскаго двора. — Примѣненіе его къ освобожденію восточныхъ христіанъ. — Санъ-Стефанскій мирный договоръ. — Возраженія Англіи. — Оправданіе князя	

	Горчакова. — Взгляд русскаго двора на будущее положение Болгаріи	349
III.	Берлинскій конгрессъ. — Русское безкорыстіе въ борьбѣ со своекорыстіемъ прочихъ великихъ державъ. — Предупредительная уступчивость русскихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ. — Отречение Россіи отъ всякихъ преимуществъ въ Болгаріи. — Вѣра русской дипломатіи въ европейскій конгрессъ. — Поведеніе князя Бисмарка	353
IV.	Программа восточной политики русскаго двора. — Упорство дипломатіи въ своихъ заблужденіяхъ. — Воздѣйствіе русской арміи на государственное устройство болгарскаго княжества. — Антагонизмъ между русскими дѣятелями военными и дипломатическими	361
V.	Князь Александръ Баттенбергскій и отношенія его къ болгарскимъ политическимъ партіямъ. — Русскіе дипломатическіе агенты въ Софіи: Давыдовъ и Кумани. — Государственный переворотъ 27 апрѣля 1881 года	365
VI.	Тырновская конституція. — Русская дипломатія поддерживаетъ князя Александра. — Назначеніе агентомъ въ Софію г. Хитрово. — Несогласія его съ княземъ	371
VII.	Русское министерство въ Болгаріи: генералъ Соболевъ и баронъ Александръ Каульбарсъ. — Разладъ ихъ съ княземъ и болгарскими консерваторами — Политическая программа генерала Соболева	377
VIII.	Князь Александръ на коронаціи въ Москвѣ. — Отправленіе г. Юнина въ Болгарію съ чрезвычайнымъ порученіемъ. — Паденіе русскаго министерства. — Востановленіе тырновской конституціи. — Русское дѣло въ Болгаріи въ рукахъ дипломатіи.	384
IX.	Враждебныя Россіи выходы князя Александра. — Конвенція, опредѣляющая положеніе русскихъ офицеровъ въ болгарской арміи. — Назначеніе дипломатическимъ агентомъ г. Кояндера и болгарскимъ военнымъ министромъ князя Кантакузина. — Внутреннее положеніе Болгаріи. — Образъ дѣйствій русскихъ дипломатовъ	390
X.	Восточная Румелія. — Дѣятельность князя Цертелева. — Упадокъ русскаго вліянія при его преeminнахъ. — Соединительное движеніе.	399
XI.	Вопросъ о единствѣ Болгаріи. — Румелійскій переворотъ	406
XII.	Соединеніе обѣихъ Болгарій. — Отозваніе русскихъ военнослужащихъ. — Переговоры г. Кояндера съ княземъ и членами народнаго собранія. — Высочайшая телеграмма изъ Фреденсборга	412
XIII.	Разрывъ русскаго двора съ княземъ Александромъ. — Совѣщанія пословъ великихъ державъ въ Константинополѣ. — Созывъ конференціи. — Предложеніе русскаго уполномоченнаго. — Протестъ Англій	421
XIV.	Сербо-болгарская война. — Вмѣшательство Австріи. — Дипломатическіе переговоры объ условіяхъ мира. — Бухарестскій мирный договоръ	430

	стр.
XV. Неудачная попытка Порты восстановить власть свою въ Восточной Румелии. — Соглашеніе князя Александра съ Турціею. — Возраженіе Россіи. — Признаніе Европою соединенія обѣихъ Болгарій	438
XVI. Упроченіе положенія князя Александра въ Болгаріи. — Заговоръ 9 августа и изложеніе его. — Возвращеніе князя. — Телеграмма его къ Государю Императору и отвѣтъ Его Величества. — Отреченіе князя Александра	447
XVII. Миссія генерала барона Каульбарса. — Дѣйствія его въ Болгаріи. — Разрывъ	457
XVIII. Русскій циркуляръ отъ 11 (23) ноября 1886 года. — Оправданія болгарскаго регентства. — Причина неуспѣха миссін барона Каульбарса. — Вопросъ объ оккупаци. — Недѣлесообразность этой мѣры. — Необходимость удовлетворенія. — Въ чемъ оно должно было заключаться?	474
XIX. Непредусмотрительность дипломатіи. — Мечты и грѣзы болгарской эмиграціи. — Посредничество Турціи. — Обращеніе къ великимъ державамъ. — Призывъ къ примиренію. — Дипломатическая программа русско-болгарскихъ отношеній	483
XX. Направленіе русской дипломатіи въ XIX вѣкѣ. — Разрѣшеніе болгарскаго вопроса на почвѣ обоюдной пользы Россіи и Болгаріи. — Основанія соглашенія Болгаріи съ Россіей	497

Приложенія къ исторической справкѣ „Россія и Болгарія“:

I. Отвѣтъ „Гражданину“	505
II. О дипломатической отвѣтственности	508

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

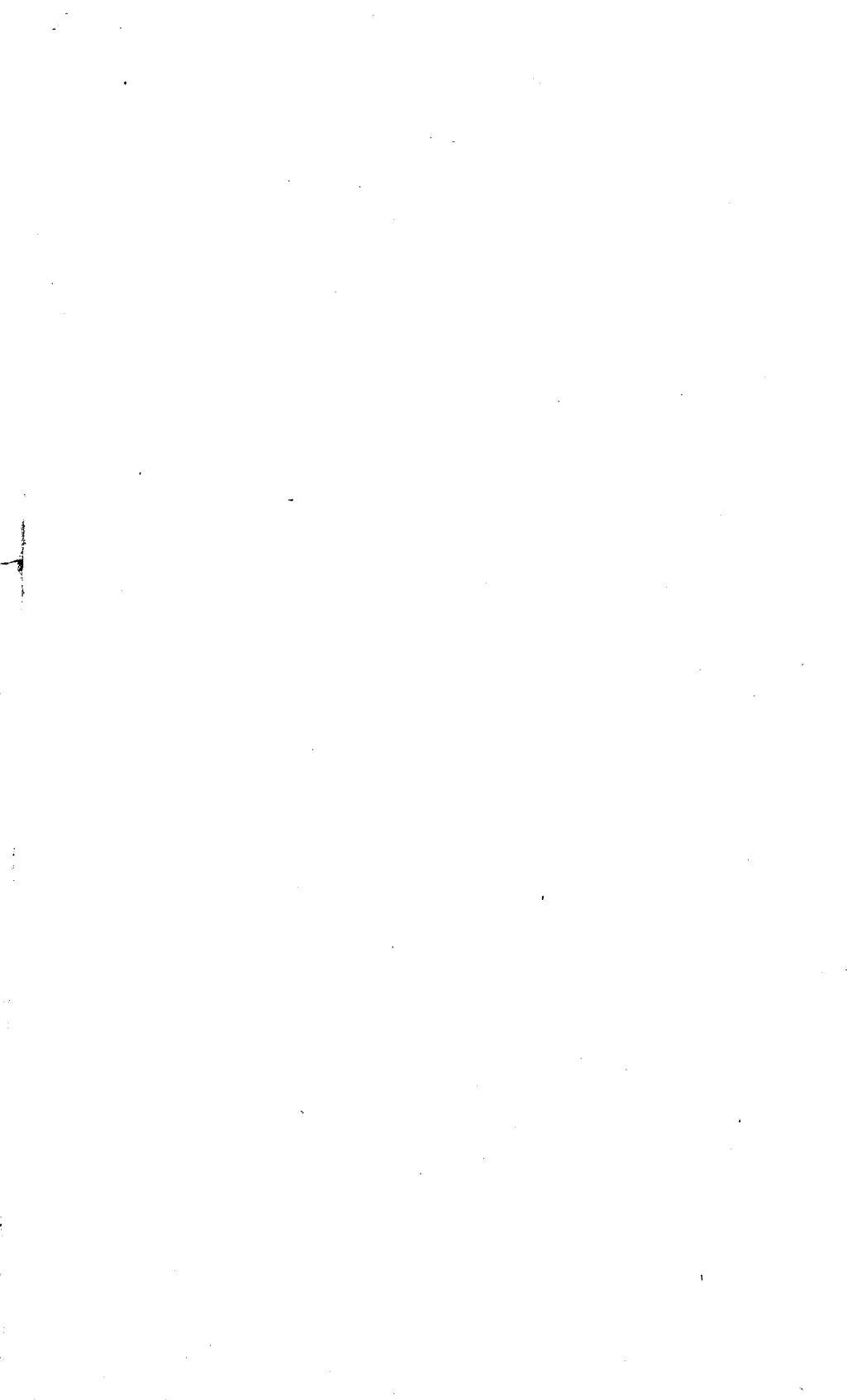
Полемическія статьи.

I. Дипломатія и печать	517
II. Дипломатическіе взгляды на основы русской государственной жизни	532
III. Отвѣтъ г. Мартенсу.	540
V. Документальная справка по вопросу объ австро-венгерскомъ занятіи Босніи и Герцеговины. Письмо къ М. Н. Каткову.	545
V. О „раздражительности“ М. Н. Каткова	555
VI. Франко-русскій союзъ. Отвѣтъ „бывшему дипломату“. Переводъ съ французскаго	557

I.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТІЯ

СТАРАЯ И НОВАЯ.

Русская дипломатія, старая и новая.

Въ московскій періодъ нашей исторіи отличительныя черты русскаго государственнаго строя, своеобразіе и обособленность, всецѣло отразились на нашей дипломатіи. Въ сношеніяхъ съ иностранными державами она руководилась исключительно сознаниемъ нашихъ народныхъ польвъ и нуждъ, строго оберегая при этомъ честь и достоинство государя и государства.

Такъ было при зарожденіи могущества Россіи, когда въ концѣ XV вѣка первый русскій посоль, отправленный къ турецкому султану великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ III, Михайлъ Плещеевъ, вопреки обычаю, которому подчинялись всѣ представители Запада, правилъ поклонъ падишаху *стоя*, а не на колѣняхъ, и, по выраженію Карамзина, „своею гордостью удивилъ дворъ Баязетовъ“ ¹⁾. Такъ было и два столѣтія спустя, наканунѣ Петровскихъ преобразованій. Посоль царя Алексѣя Михайловича къ королямъ французскому и испанскому, Петръ Потемкинъ, прославился въ Европѣ своею надменностью въ вопросахъ этикета при такихъ высокомѣрныхъ дворахъ, каковыми были Версальскій и Эскуріальскій. Настаивая въ Мадридѣ на томъ, чтобъ отвѣтная грамота Карла II къ царю вручена была послу лично королемъ на аудіенціи: „Извѣсти о томъ королевскому величеству“, го-

---

¹⁾ Карамзинъ: *Исторія Государства Россійскаго*, VI, стр. 272.

ворилъ онъ Франциску де-Лира, „если и корма не велить намъ давать, и великую тѣсноту учинить, и мы не токмо тѣсноту за честь великаго государя нашего, его царскаго величества, хотя смерть принять готовы...“¹⁾ Еще болѣе требовательнымъ выказалъ себя Потемкинъ въ Версалѣ. Онъ отказался предварительно представленія королю сообщить списокъ съ царской къ нему грамоты, а также принять предложенный обѣдъ предъ аудіенціей. Король согласился на эти требованія, приказавъ сказать послу: „буди то на вашей волѣ, какъ годно вамъ, такъ королевское величество и велить учинить“. Потемкинъ остался вполне доволенъ вниманіемъ и любезностью оказаннаго ему Лудовикомъ XIV приѣма, но не захотѣлъ принять отвѣтную грамоту, въ которой не были выписаны полностью титулы царя. Онъ объяснилъ маршалу Бельфону: „И великій бы государь вашъ, его королевское величество, велѣлъ тое свою, королевскаго величества, грамоту исправить и велѣлъ въ ней великаго государя нашего царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, его царскаго величества именованье и титулы написать сполна, какъ великій государь нашъ, его царское величество, къ великому государю вашему, къ его королевскому величеству, во своей царскаго величества грамотѣ писалъ, и какъ великаго государя нашего, его царскаго величества, всѣ великіе государи, христіанскіе и мусульманскіе описуютъ, по его царскаго величества достоинству, что ему великому государю нашему отъ прародителей его, отъ великихъ государей, царей и великихъ князей Россійскихъ, Богъ далъ“. Маршалъ постыѣшилъ успокоить посла, сказавъ, что доложить королю объ упущеніи, и тѣмъ временемъ пригласилъ Потемкина откушать приготовленный обѣдъ. „Не только намъ ѣсть“, отвѣчалъ тотъ, „и на свѣтъ зрѣть не можемъ, великаго государя нашего, его царскаго величества въ самомъ, въ великомъ его государскомъ дѣлѣ видя страшное нарушеніе, что межъ такими великими государи не къ любви склоняется, но къ разорванью вѣчному; а намъ нестерпимое о томъ смертное

¹⁾ Статейный списокъ посольства Потемкина въ Италію въ 1667 году. *Древняя Россійская Визююшка*, IV, стр. 421.

уязвленіе: какъ можемъ мы то слушать и живы быти, что великаго и пресвѣтлаго государя нашего царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича, и наслѣдника, и государя и обладателя, его царскаго величества, чести его государскою остерегательно не желаютъ хранить и его государскую братскую дружбу и любовь королевское величество въ презрѣннѣи чинить: такіе великіе и высокіе титулы великаго государя нашего, его царскаго величества, въ его королевской грамотѣ прописаны ¹⁾; а тое грамоту свою королевское величество отдалъ намъ изъ своихъ королевскихъ руки!“ Король тотчасъ же приказалъ исправить опущеніе, но посоль замѣтилъ, что грамота не была написана вновь, а лишь „на подписи у грамоты вычищено, и написаны тѣ титулы на чищеной строкѣ, что было прописано великаго государя, его царскаго величества въ титулахъ“. Этого было достаточно, чтобы снова вызвать горячій протестъ Потемкина. Онъ сказалъ Бельфону что „не токмо съ такою его королевскаго величества грамотою ѣхать къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, и смотрѣть мнѣ на нее страшно, что чинится здѣсь не къ чести великаго государя нашего, его царскаго величества, пресвѣтлому его государскому имени“. Лудовикъ XIV уступилъ. Грамота была переписана „секретаріусомъ“ и въ нее включены „великаго государя, его царскаго величества, именованье и титулы, съ великимъ опасеньемъ, чтобъ ничего было не прописано ²⁾“.

Вотъ каковы были преданія нашего древняго Посольскаго приказа. Переименовывая его въ Посольскихъ дѣлъ канцелярію, великій преобразователь Россіи оставался имъ вѣренъ, и во главѣ канцеляріи поставилъ, съ титуломъ „начальнаго президента“, ближняго боярина Ѡ. А. Головина. Головинъ управлялъ нашими внѣшними сношеніями около семи лѣтъ (1699—1706) съ замѣчательнымъ искусствомъ, достоинствомъ и твер-

¹⁾ Опущены.

²⁾ Статейный списокъ посольства Потемкина во Францію въ 1667 г., тамъ же IV, стр. 457 и слѣд.

достію, за что и былъ възысканъ милостями государя, первый въ Россіи получилъ титулъ графа Священной Римской имперіи, произведенъ въ генераль-фельдмаршалы и генераль-адмиралы и былъ первымъ русскимъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Товарищами и сотрудниками его были также природные русскіе, царскіе сродники, бояре Л. К. Нарышкинъ и Т. Н. Стрешневъ. По смерти его Петръ назначилъ ему преемникомъ графа Г. И. Головкина съ наименованіемъ великимъ канцлеромъ. Учреждая въ 1720 году иностранную коллегію, царь постановилъ правиломъ „къ дѣламъ иностраннымъ служителей коллегіи имѣть вѣрныхъ и добрыхъ, чтобъ не было *дыряво* и въ томъ крѣпко смотрѣть; а ежели кто непотребнаго въ иное мѣсто допустить или, вѣдая за кѣмъ въ семъ дѣлѣ вину, а не объявить, то будутъ наказаны яко измѣнники“¹⁾. Въ коллегію допущены были имъ и иностранцы, но только на подчиненныя должности. Такъ, знаменитый впоследствии Остерманъ занималъ въ ней лишь мѣсто канцеляріи-совѣтника.

Итакъ, при Петрѣ завѣдываніе внѣшними дѣлами находилось въ русскихъ рукахъ. Русскіе же люди преимущественно служили царю посредниками въ его сношеніяхъ съ иностранными дворами, посылались за границу для участія въ конгрессахъ, веденія переговоровъ, заключенія союзовъ, а также и для постоянного представительства. Въ дипломатическомъ персоналѣ петровскаго времени встрѣчаемъ мы только два иностранныхъ имени: Лефорта и Паткуля, положеніе коихъ было очевидно совершенно исключительнымъ. Въ началѣ царствованія важнѣйшія порученія возлагались на думныхъ дьяковъ, представителей старой московской дипломатіи, посѣдѣвшихъ въ преданіяхъ Посольскаго приказа. Нефимоновъ подписываетъ въ Вѣнѣ союзный договоръ съ Австріей; Возницынъ является уполномоченнымъ Россіи на Карловицкомъ конгрессѣ; Украинцевъ на первомъ русскомъ фрегатѣ, появившемся въ Черномъ морѣ, приплываетъ въ Константинополь и ведетъ

---

¹⁾ Царское опредѣленіе объ учрежденіи иностранной коллегіи 13-го февраля 1720 года.

переговоры съ Портой. Въ періодъ преобразованій выступаетъ цѣлая плеяда молодыхъ и талантливыхъ дипломатовъ: графъ М. Б. Шереметевъ, сынъ фельдмаршала, графъ А. Г. Головкинъ, сынъ канцлера, князя П. Ѳ. и Д. В. Голицыны, князя Г. Ѳ. и С. Г. Долгоруковы, князь Б. И. Куракинъ, князь Ю. Ю. Трубецкой, П. М. Бестужевъ, П. А. Толстой, братья А. П. и И. П. Измайловы. Превосходными дипломатами были и главнѣйшіе изъ сподвижниковъ Петра: графъ Б. П. Шереметевъ и князь А. Д. Меншиковъ. Наконецъ всеобъемлющій умъ царя руководилъ внѣшнею политикою, какъ и всѣми прочими отраслями государственнаго управленія. Мало того: въ Москвѣ и Петербургѣ, въ походахъ, въ путешествіяхъ, Петръ самъ велъ дѣятельные переговоры съ иностранными государями, министрами, посланниками и налагалъ на наши сношенія съ Европой печать личнаго своего генія. Политика его была величественна, какъ онъ самъ и какъ Россія; она была политикою вполне русскою, преслѣдуя исключительно русскія цѣли. Царь, подписывавшій свое имя по-голландски, не зналъ и знать не хотѣлъ въ дипломатической перепискѣ иного языка кромѣ русскаго. Истинно по-русски мыслилъ Петръ, и чувствовалъ, и дѣйствовалъ.

При такихъ условіяхъ, немногіе иностранцы, состоявшіе при великомъ императорѣ въ нашей дипломатической службѣ не могли вліять на ходъ и направленіе русской внѣшней политики, а напротивъ служили ей покорными и часто полезными орудіями. Подъ славнѣйшимъ изъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ когда-либо Россіей, Ништадтскимъ, стоятъ чужеземныя имена Брюса и Остермана. Голландскій еврей Шафировъ, достигшій званія подканцлера, оказалъ несомнѣнныя услуги, въ особенности въ критическую минуту при Прутѣ. Замѣчательно, однако, что уже тогда иностранцы, болѣею частію нѣмцы, искали пристроиться къ должностямъ хотя и не блестящимъ, но прочнымъ и прибыльнымъ. По обычаю того времени, важнѣйшія порученія возлагались на чрезвычайныхъ пословъ или посланниковъ, которые, по окончаніи миссіи, возвращались къ своему двору. Въ промежуткахъ между такими посольствами въ болѣею части европейскихъ столицъ оставались резиденты, обязанные производить текущія дѣла и доносить

иностранный коллегіи о замѣчательныхъ случаяхъ¹⁾). На этихъ-то должностяхъ постоянныхъ резидентовъ встрѣчаемъ мы въ перемежку съ русскими и нѣмцевъ: Гизена и Урбиха въ Вѣнѣ, фонъ-деръ-Лита въ Берлинѣ, Шлейница въ Парижѣ.

По смерти Петра, отношеніе между русскими и инородцами въ рядахъ нашей дипломатіи стало видимо измѣняться въ пользу послѣднихъ, и въ царствованіе императрицы Анны и ея злополучнаго преемника перевѣсъ уже былъ на сторонѣ послѣднихъ. Графъ Головкинъ хотя и сохранилъ до своей смерти званіе канцлера, но руководство внѣшнею политикой сосредоточилось въ рукахъ Остермана. Кромѣ того, рѣшающимъ было вліяніе на всѣ государственныя дѣла, не исключая и дипломатическихъ, Бирона, а по паденіи его—Миниха. Нѣмецкое рыцарство прибалтійскихъ областей начало мало-по-малу проникать въ дипломатію. Первыми представителями его въ ней видимъ графа Кейзерлинга и барона Корфа. Число дипломатовъ-остзейцевъ быстро возрастало съ каждымъ поколѣніемъ.

Императрица Елисавета нѣсколько задержала нѣмецкій наплывъ въ государственной службѣ и въ частности въ дипломатіи. При ней русскіе родовитые сановники снова стали во главѣ нашихъ внѣшнихъ сношеній и представляли государыню при чужеземныхъ дворахъ. Три Елисаветинскіе канцлера носили русскія имена: князь А. М. Черкасскій, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, графъ М. И. Воронцовъ. Въ числѣ дипломатическихъ представителей императрицы находимъ: графа П. Г. Чернышева, графа М. П. Бестужева-Рюмина, князя А. М. Голицына, Н. И. Панина. Но и прибалтійцы удержались на своихъ мѣстахъ. Кейзерлингъ былъ при Елисаветѣ посланникомъ въ Вѣнѣ и въ Варшавѣ, Корфъ — въ Копенгагенѣ, Гроссъ — въ Гагѣ.

Послѣ шестимѣсячныхъ сумерокъ правленія Петра III настала для Россіи радостный разсвѣтъ Екатерининскаго цар-

¹⁾ Русскія постоянныя миссіи заведены были впервые по штату 1722 года. Въ Европѣ ихъ полагалось пятнадцать, именно: въ Голландіи, Франціи, Испаніи, Португаліи, Англіи, Польшѣ, Пруссіи, Австріи, Даніи, Швеціи, Турціи, Гамбургѣ, Венеціи, Мекленбургѣ и Брауншвейгѣ.

ствованія. Въвѣтъ великой императрицы былъ золотымъ вѣкомъ русскаго дворянства, заслугъ его и подвиговъ на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности. Дипломаты Екатерины не уступали ей полководцамъ и администраторамъ, писателямъ и ученымъ, прославившимъ ея эпоху. Были между ними и инородцы и иновѣрцы, хотя въ незначительномъ сравнительно числѣ, но всѣ они, вдохновляемые съ высоты Престола, какъ и во дни Великаго Петра, являлись проводниками политики преемственной, исторической, народной. Нѣтъ другаго примѣра въ исторіи такого подъема духа, какъ тотъ, что возбуждали въ русскихъ людяхъ великіе успѣхи императрицы въ войнѣ и мирѣ, почтеніе и страхъ, внушаемые ею всѣмъ европейскимъ державамъ. Справедливо замѣчаетъ Соловьевъ, что представители ея, высокообразованные русскіе вельможи XVIII вѣка, отличаясь самою изысканною вѣжливостью и приемами во внѣшнемъ обращеніи своемъ, превращались во львовъ, когда приходилось имъ охранять или защищать пользы и достоинство Россіи, которую они считали первымъ государствомъ въ мірѣ, „рѣшительницею судебъ другихъ народовъ“¹⁾.

Обладая дипломатическими способностями, ставившими ее на ряду съ величайшими государственными людьми ея времени, Фридрихомъ и Иосифомъ, государыня сама была въ сущности своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Величественные замыслы ея на пользу и славу Россіи находили восторженный откликъ въ душѣ наиболѣе близкихъ къ ней лицъ, князя Г. Г. Орлова и князя Г. А. Потемкина, являвшихся ревностными исполнителями ея предначертаній. Вліятельными сотрудниками ея были оба дипломата, поставленные ею одинъ за другимъ во главѣ Иностранной коллегіи: графъ Н. И. Панинъ въ первую половину царствованія и во вторую графъ А. А. Безбородко, тогда какъ вице-канцлеръ графъ И. А. Остерманъ хотя по смерти Панина и занялъ въ коллегіи председательское кресло, но безо всякаго значенія. Помянемъ и дипломатическихъ представителей Екатерины при европейскихъ дворахъ. То были: въ Вѣнѣ — князь Д. М. Голицынъ и графъ А. К. Разумовскій; въ Берлинѣ — князь В. С. Долгоруковъ,

¹⁾ Соловьевъ: „Императоръ Александръ I“, стр. 28.

графъ С. П. Румянцовъ, графъ В. Ф. Нессельроде, М. М. Алопеусъ; въ Лондонѣ — графъ А. Р. Воронцовъ, А. Л. Гроссъ, графъ А. С. Мусинъ-Пушкинъ, графъ И. Г. Чернышевъ и графъ С. Р. Воронцовъ; въ Парижѣ — С. В. Салтыковъ, князь Д. А. Голицынъ, князь И. С. Барятинскій и послѣ долгаго перерыва И. М. Симолинъ; въ Царьградѣ — А. М. Обресковъ, Я. И. Булгаковъ, М. И. Голенищевъ-Кутузовъ и В. П. Кочубей; въ Варшавѣ — графъ I. К. Кейзерлингъ, князь Н. В. Репнинъ, князь М. Н. Волконскій, Сальдернъ, графъ О. М. Стакельбергъ и Я. Е. Сиверсъ. Любопытно то, что, какъ явствуетъ изъ приведеннаго перечня, къ концу царствованія умножаются снова нѣмецкія имена въ средѣ русской дипломатіи.

Надо отдать справедливость прозорливости иностранцевъ. Они вѣрно разгадали нравъ Екатерины при самомъ вступленіи ея на престолъ и заранее предвидѣли, что царствованіе ея внесетъ существенныя измѣненія въ политическую систему ея предшественниковъ. Пророческими оказались слова австрійскаго посла въ Петербургѣ, столь извѣстнаго впоследствии графа Мерси-Аржанто. „Болѣ чѣмъ вѣроятно“, писалъ онъ своему двору двѣ недѣли послѣ государственнаго переворота 28-го іюня, „что личный, составленный изъ бурныхъ страстей и странныхъ идей характеръ новой государыни сдѣлаетъ ея царствованіе какъ въ хорошемъ, такъ и въ худомъ весьма оживленнымъ и дѣятельнымъ, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что не такъ легко надѣяться на первое, какъ слѣдуетъ опасаться послѣдняго. (Посоль очевидно судилъ съ австрійской точки зрѣнія). Это можно съ достовѣрностью усмотрѣть изъ того, что высокомеріе преобладаетъ во всѣхъ ея рѣшеніяхъ и что съ этихъ поръ она потщится принять во всѣхъ дѣлахъ повелительный диктаторскій тонъ...“ Далѣе австрійскій дипломатъ съ нѣкотораго рода ужасомъ доносилъ, что въ новыхъ русскихъ министрахъ, назначенныхъ императрицею, „съ каждымъ днемъ, повидимому, глубже укореняются *предразсудки*, будто Россія достаточно мощна своими собственными силами, чтобы быть въ состояніи одной защищаться отъ всякаго будущаго иноземнаго нападенія. „Вслѣдствіе того“, заключалъ онъ, „здѣшній дворъ утверждаетъ въ главномъ и основномъ правилѣ: заниматься преимущественно и прежде всего внутренними дѣ-

лами и думаетъ составить въ Европѣ, такъ сказать, обособлен-
ное государство, могущее само по себѣ предписывать законы
сосѣднимъ державамъ, причемъ часто повторяются заявленія,
что Россія во всякое время слишюмъ много дѣлала для своихъ
союзниковъ, не извлекая изъ того для себя существенной пользы,
равно и то, что всѣхъ иностранцевъ выключить должно изъ
военной службы“¹⁾. Нельзя яснѣе и краснорѣчивѣе выразить
знаменательнаго историческаго факта, связаннаго съ воцаре-
ніемъ Екатерины: пробужденія при русскомъ дворѣ народнаго
самосознанія, ставшаго главнымъ источникомъ нашихъ поли-
тическихъ успѣховъ.

Четыре года спустя англійскій посланникъ горько жало-
вался своему правительству на министровъ великой импера-
трицы и на усвоенный ими способъ веденія переговоровъ. Онъ
писалъ по этому поводу: „Дѣловая система, какъ кажется,
принятая здѣшнимъ министерствомъ, состоитъ въ томъ, чтобъ
изъ собственныхъ грубыхъ понятій безцеремонно составлять
ультиматумъ, который долженъ быть проглоченъ всѣми желаю-
щими вести съ ними дѣло, причемъ объясняется, что если по-
добное блюдо намъ не по вкусу, то виновато въ томъ наше
собственное небо, а никакъ не ихъ способъ приготовления.
Понятіе ихъ о собственномъ могуществѣ до того преувеличено
и они такъ мало опасаются прочихъ державъ, что дѣйстви-
тельно считаютъ подобный способъ вести переговоры (они
серьезно называютъ это переговорами!) наиболѣе соответ-
ствующимъ ихъ обстоятельствамъ, положенію дѣлъ и выгодамъ.
Впрочемъ, если мы примемъ въ соображеніе, сколько за ними
ухаживали могущественнѣйшія европейскія державы, и вспо-
мнимъ блестящій успѣхъ, постоянно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ,
увѣнчивавшій ихъ оружіе и политику, то мы не можемъ уди-
вляться тому, что они набрались дерзкаго высокомерія, всегда
сопровождающаго незаслуженный успѣхъ“²⁾. Неудовольствіе,
вызванное въ немъ неудачнымъ исходомъ порученныхъ ему
переговоровъ тотъ же дипломатъ изливалъ въ цѣломъ рядѣ
упрековъ нашимъ государственнымъ людямъ, обвиняя ихъ въ

¹⁾ Графъ Мерси-Аржанто графу Кауницу 12-го (24-го) іюля 1762.

²⁾ Сэръ-Джорджъ Мавартней герцогу Графтоу 14-го (25-го) марта 1766.

невѣжествѣ и грубости. Комично звучить въ устахъ англичанина утверждение, что Россія столь же мало можетъ вѣдаться образованнымъ государствомъ, какъ Тибетъ или владѣнія пресвитера Иоанна, ибо де ни одинъ изъ русскихъ министровъ не понимаетъ латинскаго языка и упоминать въ разговорѣ съ ними о Гроціусѣ и Пуффендорфѣ все равно, что толковать о Кларкѣ и Тиллотсонѣ съ константинопольскимъ диваномъ! ¹⁾).

Въ приведенныхъ нами отзывахъ двухъ иностранцевъ рельефно выступаютъ главные основы екатерининской политики: сознательное преобладаніе нуждъ и пользы Россіи надо всѣми прочими политическими соображеніями и строгое охраненіе нашей государственной чести и достоинства. Къ достиженію этихъ двухъ цѣлей были исключительно направлены всѣ сдѣлки, заключенныя великою императрицей съ иностранными державами, волей-неволей содѣйствовавшими осуществленію ея видовъ и намѣреній. Даже ужасы французской революціи не могли отвлечь государыню отъ преслѣдованія ею чисто русскихъ цѣлей и, пока Австрія и Пруссія неумѣло вступались за погранные французами права монархической власти, она ограничилась нравственною поддержкой коалиціи, а сама воспользовалась отвлеченіемъ вниманія сосѣдей отъ нашей границы, чтобы нанести смертельный ударъ Польшѣ, и уже замышляла подвергнуть той же участи и Турцію, когда смерть остановила ее на пути къ Царюграду и проливамъ.

Личный, исполненный странностей и противорѣчій характеръ преемника Екатерины отразился на его внѣшней политикѣ. Онъ началъ съ того, что устранилъ себя отъ вмѣшательства въ великую борьбу, происходившую на западѣ Европы между древними монархіями и новонародившеюся французскою республикой, но вскорѣ поддался увлеченію чувства и сталъ душою и главнымъ орудіемъ второй коалиціи противъ Франціи. Впервые Россія выступала въ Европѣ защитницею не своихъ интересовъ, а отвлеченныхъ идей права и справедливости. Государственный эгоизмъ, этотъ краеугольный камень здоровой политики, уступилъ мѣсто великодушію и безкорыстію руко-

¹⁾ Сэръ-Джоржъ Макартией герцогу Графтону 11-го (22-го) февраля 1766.

водившими поступками Павла. Но за увлеченіемъ быстро послѣдовало разочарованіе, и въ послѣдній годъ своей жизни государь невольно возвратился къ преданіямъ своей матери, ища обезпечить союзомъ даже съ революціонною Франціей существенныя потребности Россіи.

Перетасовка, произведенная имъ въ личномъ составѣ нашей дипломатіи, объясняется не столько политическими соображеніями, сколько личнымъ его правомъ, безпкойнымъ и причудливымъ. Тотчасъ по воцареніи, онъ возвелъ Остермана въ званіе государственнаго канцлера, а вице-канцлеромъ назначилъ князя А. Б. Куракина. Въ 1797 году Остерманъ былъ уволенъ и замѣненъ въ должности канцлера пожалованнымъ въ князья Безбородкомъ, а вслѣдъ затѣмъ отставленъ и Куракинъ, на мѣсто коего назначенъ вице-канцлеромъ графъ В. П. Кочубей. По смерти Безбородко первоприсутствующимъ въ коллегіи сталъ графъ Ѡ. В. Ростовчинъ, вице-канцлеромъ же сперва графъ Н. П. Панинъ, а потомъ С. А. Колычевъ. Но въ началѣ 1801 года Ростовчина уволили ото всѣхъ дѣлъ, Колычева отправили въ Парижъ для переговоровъ съ Бонапартомъ, Куракина снова опредѣлили вице-канцлеромъ, а графа П. А. Палена — членомъ иностранной коллегіи. За исключеніемъ послѣдняго, всѣ вышепоименованныя лица были русскіе по имени, православные по вѣрѣ. Что же касается до нашихъ пословъ и посланниковъ, то мало-по-малу ихъ почти всѣхъ отозвали, ибо въ послѣдніе дни Павла мы были въ разрывѣ едва-ли не со всѣми великими державами.

Вступая на престолъ, императоръ Александръ I торжественно обѣщаль идти путемъ, начертаннымъ великою Екатериной. Ветеранъ нашей дипломатіи, представлявшій еще Петра III при великобританскомъ дворѣ, графъ А. Р. Воронцовъ, былъ возведенъ въ званіе государственнаго канцлера¹⁾; прежніе послы и посланники, удаленные Павломъ, возвращены къ своимъ мѣстамъ: Разумовскій въ Вѣнѣ, Алопеусъ въ Берлинѣ, Семень Воронцовъ въ Лондонѣ. Даже ко двору перваго консула былъ назначенъ представителемъ Россіи ста-

¹⁾ Въ первый годъ царствованія, но весьма недолго, иностранною коллегіей управляли одинъ за другимъ графы Н. П. Панинъ и В. П. Кочубей.

рый дипломатъ екатерининской школы, графъ А. И. Морковъ. Казалось, при такихъ условіяхъ должны были воскреснуть и и снова восторжествовать преданія ея въ нашей внѣшней политикѣ. На дѣлѣ вышло иначе.

Зависѣло это прежде всего отъ „европейскаго“ воспитанія, полученнаго императоромъ Александромъ. Какъ и большинство своихъ сверстниковъ, государь искренно увлекался господствовавшими тогда въ западной Европѣ общественными теченіями и, оплакивая ужасы французской революціи, вѣрилъ въ спасительность провозглашенныхъ ею государственныхъ и общественныхъ началъ. Мало того, возобновляя борьбу съ нею, онъ хотѣлъ обратить противъ нея ея же оружіе, выставивъ цѣлью борьбы обезпеченіе вольности и благосостоянія народовъ. Цѣль эта была непонятна, чужда старымъ нашимъ дипломатамъ, сподвижникамъ Екатерины. И они находили необходимымъ до извѣстной степени противодействовать французскимъ „перековериваніямъ“, но во имя интересовъ Россіи, какъ великой державы, а не отвлеченныхъ идей европейскаго порядка и законности. Поэтому они не могли раздѣлять идеальнаго взгляда Александра на политику и мало-по-малу сошли со сцены, замѣненные новыми лицами, раздѣлявшими завѣтныя мысли государя и его интимнаго кружка. Въ числѣ этихъ мыслей не послѣднее мѣсто занималъ планъ возстановленія Польши.

Личный другъ Александра, полякъ-патріотъ, князь Адамъ Чарторыйскій, замѣнилъ канцлера Воронцова во главѣ нашего дипломатическаго вѣдомства. Всѣ усилія его политики были направлены къ осуществленію польско-патріотической мечты, и ей подчинены всѣ прочія политическія соображенія. Такая политика еще менѣ могла быть по сердцу русскимъ людямъ, и они, одинъ за другимъ, стали покидать дипломатическое поприще. Тогда-то и начался приливъ въ него иностранцевъ всѣхъ національностей. Чѣмъ менѣ политика Петербургскаго двора становилась русскою, тѣмъ болѣе нуждалась она въ преданныхъ орудіяхъ, а такими орудіями могли служить ей только чужеземцы, ибо тѣ самыя цѣли, къ которымъ недовѣрчиво или равнодушно относились въ Россіи, возбуждали энтузіазмъ въ цѣлой толпѣ эмигрантовъ всякаго рода,

видѣвшихъ въ торжествѣ этихъ цѣлей удовлетвореніе своихъ страстей и интересовъ. Съ каждымъ днемъ встрѣчаемъ мы все новыя и новыя иностранныя имена въ нашей дипломатіи: французъ Убри, альзасецъ Анштеть, венеціанецъ Мочениго, корсиканецъ Поццо-ди-Борго, корфіотъ Каподистрія, всѣ они были приняты въ это печальное время на русскую дипломатическую службу, несмотря на то, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Россіи, не зналъ даже русскаго языка.

Русскій языкъ... да онъ былъ имъ и не нуженъ, такъ какъ, по выраженію Поццо-ди-Борго, ихъ пригласили не для спеціальныхъ русскіхъ, а для такъ называемыхъ „общихъ дѣлъ“¹⁾. Дѣйствительно, во время управленія Чарторыйскимъ иностранною коллегіей народный языкъ былъ окончательно изгнанъ изъ дипломатической переписки русскаго двора и замѣненъ французскимъ. Министръ-полякъ осмѣлился совершить то, на чтò не рѣшались въ XVIII столѣтіи всемогущіе Остерманы, Минихи, Бироны, которые какъ ни презирали Россію, но въ официальныхъ сношеніяхъ своихъ съ ея дипломатическими представителями не позволяли себѣ употреблять иной языкъ кромѣ русскаго. Подъ перомъ самой Евкаторины и ея талантливыхъ сотрудниковъ, Панина, Безбородко и другихъ, русскій дипломатическій языкъ выработался въ чрезвычайно своеобразныя, гибкія и выразительныя формы и многіе рескрипты и реляціи того времени могутъ служить образцами дѣловаго слога. Теперь въ нашемъ дипломатическомъ обиходѣ эти формы замѣнила условная и напыщенная французская фраза, потому только, что русскій министръ иностранныхъ дѣлъ не понималъ по-русски. Принятая Чарторыйскимъ мѣра была для внѣшней политики нашей болѣе чувствительнымъ ударомъ, чѣмъ одновременная потеря Аустерлицкаго сраженія. Она обезличила русскую дипломатію, оторвала ее отъ родной почвы и, конечно, болѣе всего содѣйствовала полному отчужденію ея отъ народныхъ нравовъ и преданій, сужденій и вѣрованій. Двѣнадцатый годъ и взятіе Парижа изгладили слѣды Аустерлица.

¹⁾ Автобіографическая записка Поццо-ди-Борго въ Сборникѣ „И. Р. И. О.“ III, стр. 163.

но народному языку до сего дня не возвращено еще полное право гражданства въ дипломатической перепискѣ русскаго двора.

Удаленіе Чарторыйскаго и назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ генерала барона Будберга хотя и видоизмѣнили нѣсколько направленіе политики императорскаго кабинета, но не въ національномъ смыслѣ. Мѣсто поляка-католика занялъ протестантъ-нѣмецъ; сближеніе съ Австріей замѣнилось тѣснымъ союзомъ съ Пруссіей; отложенъ былъ планъ возстановленія Польши, но цѣлью русскаго двора продолжало оставаться переустройство Европы „на началахъ права и справедливости“. Въ этомъ отношеніи Бартенштейнская конвенція 1807 года представляетъ большое сходство съ такъ-называемымъ „трактатомъ соглашенія“ 1805-го. Та же заботливость о возстановленіи законнаго порядка въ Германіи, Италиі, Голландіи, Швейцаріи, объ усиленіи какъ Австріи, такъ и Пруссіи, и полное умолчаніе о существенныхъ интересахъ Россіи и о какомъ либо вознагражденіи ея за жертвы, принесенныя „общему дѣлу“. Начавшійся при Чарторыйскомъ приливъ иностранцевъ въ русскую дипломатію продолжался и при Будбергѣ, съ тою лишь разницей, что теперь нѣмцы снова стали получать въ ней перевѣсъ надъ другими чужеземцами, въ особенности уроженцы прибалтійскихъ губерній.

Въ числѣ людей, близкихъ къ Александру и пользовавшихся его довѣріемъ, находились и такіе, которые выговаривали ему за выказываемое иностранцамъ предпочтеніе надъ природными русскими. Государь въ слѣдующихъ выраженіяхъ оправдывался предъ адмираломъ П. В. Чичаговымъ въ такомъ обвиненіи. „Могу ли я“, писалъ онъ, „помочь тому, что образованіе у насъ еще такъ отстало, и до тѣхъ поръ, пока не сознаютъ нужды, чтобы родители побольше о немъ заботились, еслибъ я не прибѣгалъ къ содѣйствию извѣстныхъ иностранцевъ, дарованія которыхъ испытаны, число способныхъ людей, и безъ того малое, еще уменьшилось бы значительно. Чтѣ сдѣлалъ бы Петръ Первый, еслибы не пользовался службою иностранцевъ? Чувствую, что въ то же время въ этомъ есть зло; но это зло меньшее изъ двухъ, ибо можемъ ли мы отсрочивать событія до тѣхъ временъ, въ которыя наши земли будутъ находиться на высотѣ всѣхъ тѣхъ должностей,

кои они должны занимать? Все это я сказалъ вамъ для того только, чтобы доказать вамъ, что въ данную минуту нельзя взять за правило не употреблять на службу иностранцевъ⁴⁾. Государь, очевидно, разумѣлъ при этомъ и дипломатовъ, и военныхъ, забывая что въ царствованіе великой бабки его и тѣ, и другіе, набираясь преимущественно изъ русскихъ людей, удивляли міръ своимъ искусствомъ и способностями и подняли честь и могущество Россіи на недостижимую высоту.

Какъ ни разнообразны причины, побудившія императора Александра заключить миръ въ Тильзитѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнить всю свою политическую систему, не подлежитъ сомнѣнію, что въ числѣ ихъ было и убѣжденіе въ бесплодности политики, которой онъ придерживался дотолѣ, истощая всѣ силы Россіи для защиты неблагодарныхъ и завистливыхъ союзниковъ, жертвуя имъ притомъ и нашими существеннѣйшими государственными интересами. Наполеонъ вѣрно опредѣлилъ это положеніе, сказавъ государю, что воевать имъ не изъ-за чего, и что у Россіи, какъ и у Франціи, должна быть своя національная политика, слѣдуя коей обѣ державы никогда не столкнутся. Преженіе союзники не допускали и мысли о расширеніи нашихъ владѣній, тогда какъ недавній противникъ самъ настоялъ на присоединеніи къ намъ Бѣлостокской области, а черезъ два года и Тарнопольскаго округа въ Галиціи. Въ Тильзитѣ же было рѣшено, что Россія завладѣетъ Финляндіей, необходимой для обороны своей столицы, и Дунайскими княжествами, а въ случаѣ отказа Турціи уступить послѣднія, оба императора приступятъ къ раздѣлу европейскихъ владѣній султана.

Новая эта политика весьма близко походила на старую, на ту, которой русскій дворъ придерживался по отношенію какъ къ Западу, такъ и къ Востоку въ славное екатерининское царствованіе. Различіе заключалось лишь въ томъ, что тогда служилъ ей попеременно основаніемъ союзъ то съ Пруссіей, то съ Австріей, теперь же соглашеніе съ императоромъ французомъ. Представителемъ этой политики явился

⁴⁾ Императоръ Александръ I адмиралу Чичагову, 9-го (21-го) марта 1806.

одинъ изъ послѣднихъ дипломатовъ Екатерины, возведенный въ санъ государственнаго канцлера, графъ Н. П. Румянцовъ. Народный нашъ историкъ снялъ взведенное на этого достойнаго русскаго дѣятеля клеветою иностранцевъ обвиненіе въ угодничествѣ Наполеону и едва ли не въ предательствѣ¹⁾. О заслугахъ его отечеству краснорѣчиво свидѣтельствуетъ приобрѣтеніе Финляндіи и Бессарабіи, этихъ двухъ необходимыхъ оплотовъ нашего могущества на Сѣверѣ и Югѣ. Отмѣтимъ также, что со вступленіемъ Румянцова въ управленіе нашими вышними сношеніями, снова встрѣчаются въ рядахъ дипломатіи русскія имена графа П. А. Толстаго и князя А. Б. Куракина.

Согласіе между Александромъ и Наполеономъ продолжалось не долго. Несмотря на три четверти столѣтія, отдѣляющія насъ отъ эпохи Отечественной войны, исторія не вполнѣ еще выяснила истинныя причины, ее вызвавшія. Несомнѣнно, однако, что одною изъ главнѣйшихъ слѣдуетъ считать единодушное нерасположеніе разномастной нашей дипломатіи къ усвоенной государемъ въ Тильзитѣ и настойчиво проводимой графомъ Румянцовымъ политической системѣ. До какой степени ожесточенія и непристойности доходили нападки на нее нѣкоторыхъ изъ нашихъ представителей, можно усмотрѣть изъ слѣдующаго письма Александра къ посланнику въ Вѣнѣ, графу Стакельбергу. „Я не могу взирать безъ удивленія“, писалъ государь, „на тонъ, господствующій въ вашихъ послѣднихъ депешахъ. Онъ неумѣстенъ въ сношеніяхъ вашихъ съ вашимъ начальникомъ. Впрочемъ, каждая депеша, къ вамъ отправляемая, просматривается мною, и потому она можетъ вызывать ваши возраженія, но не критику въ родѣ той, которой вы ее подвергаете. Приглашаю васъ воздержаться впредь и не ставить меня въ необходимость дѣлать вамъ подобныя замѣчанія, дабы не повредить моему къ вамъ уваженію и справедливости, воздаваемой мною вашимъ заслугамъ“²⁾.

¹⁾ Соловьевъ: „Императоръ Александръ I“, стр. 244 и слѣд. Приводя нападки Поццо-ди-Борго и англійскаго дипломата Вильсона на Румянцова, Соловьевъ упустилъ изъ виду самыя ожесточенныя клеветы, исходившія отъ Штейна. См. Pertz: „Stein's Leben“.

²⁾ Императоръ Александръ I графу Стакельбергу, 11-го (23-го) февраля 1812.

Не одинъ Стакельбергъ обнаруживалъ строптивость въ сношеніяхъ своихъ съ отвѣтственнымъ руководителемъ политики императорскаго кабинета. Злобой и ненавистью къ государственному канцлеру пылали всѣ наши дипломаты того времени, какъ мы уже замѣтили выше, болѣею частью иностранцы. Достоинъ, впрочемъ, вниманія, что вторили имъ и русскіе люди, призванные Румянцовымъ представлять Россію при французскомъ дворѣ, Толстой и Куракинъ, до того заразительно было общее направленіе дипломатической среды, въ которую они вступили. Замѣчательно также, что наши дипломаты отдавали единогласно предпочтеніе союзу съ Вѣной и Берлиномъ, а не Парижемъ, въ то самое время, когда дворы австрійскій и прусскій униженно испрашивали у Наполеона дозволенія принять участіе въ замышляемомъ имъ походѣ на Россію и заключали съ нимъ договоры, въ силу коихъ, въ случаѣ успѣха, они должны были получить земельное приращеніе на нашъ счетъ. Такое полное забвеніе не только насущныхъ государственныхъ потребностей, но и самаго достоинства Россіи возможно было только послѣ того, какъ въ нашихъ дипломатическихъ рядахъ окончательно угасли послѣднія преданія екатерининскаго вѣка и установился взглядъ, что цѣль и назначеніе дипломатіи состоитъ не въ томъ, чтобы отстаивать интересы отечества, а дабы доставить, хотя бы въ ущербъ имъ, торжество отвлеченнымъ началамъ европейскаго порядка и законности.

Представителемъ именно этого взгляда явился молодой дипломатъ, успѣвшій въ короткое время достигнуть вліятельнаго положенія въ непосредственной близости императора Александра. Историческая роль, выпавшая на долю графа К. В. Нессельроде, обязываетъ насъ внимательно отнестись къ его личности и ознакомиться съ первыми шагами его на дипломатическомъ поприщѣ ¹⁾).

Семейство Нессельроде принадлежитъ къ древнему германскому дворянству и начало его восходитъ къ XIV вѣку. Оно родомъ изъ графства Бергъ, въ нынѣшней прирейнской Прус-

¹⁾ Нижеслѣдующія подробности заимствованы изъ напечатанныхъ въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1865 года „Записокъ“ графа К. В. Нессельроде и провѣрены по послужному его списку.

си, гдѣ члены его и теперь владѣютъ заповѣдными имѣніями. Нессельроде распадаются на нѣсколько вѣтвей. Та, къ которой принадлежалъ будущій канцлеръ, возведена была въ 1655 году въ баронское, а въ 1705 — въ графское Римской имперіи достоинство. Изъ двухъ сыновей перваго графа Нессельроде, состоявшаго на австрійской службѣ, старшій занималъ почетную должность при дворѣ курфюрста Пфальцскаго, а младшій, Максимилианъ-Юлій-Вильгельмъ-Карль, перешелъ изъ одной службы въ другую, „ища счастья“, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, сначала въ Австріи, потомъ при дворѣ курфюрста-палатина, въ Голландіи, во Франціи, и наконецъ въ Пруссіи. Фридрихъ II пожаловалъ его камергеромъ, но не далъ ему никакого опредѣленнаго назначенія. Въ Берлинѣ познакомился онъ съ княземъ Г. Г. Орловымъ, предложившимъ ему перейти на русскую службу, и скоро, благодаря покровительству ландграфини Гессенъ-Дармштатской, матери первой супруги цесаревича Павла Петровича, его назначили на вновь учрежденную должность посланника нашего при португальскомъ дворѣ. Графъ Вильгельмъ Нессельроде, католикъ, какъ и всѣ члены этой семьи, былъ женатъ на Луизѣ Гонтаръ, принявшей протестантство дочери франкфуртскаго банкира-еврея. 2 (14) декабря 1780 года, въ самый день прибытія въ Лиссабонъ, на перевозившемъ ихъ англійскомъ кораблѣ у нихъ родился сынъ Карль-Робертъ. Мальчика окрестили по англиканскому обряду за неимѣніемъ въ Лиссабонѣ пастора иного протестантскаго толка.

Изъ Португаліи графъ Вильгельмъ переведенъ былъ въ 1788 году посланникомъ въ Берлинъ, но оставался тамъ не долго и былъ отозванъ въ слѣдующемъ же году ¹⁾). Сына своего, записаннаго мичманомъ въ русскій флотъ, онъ оставилъ,

¹⁾ Утверженіе канцлера въ его „Запискахъ“, будто графъ С. П. Румяновъ, котораго отецъ его призванъ былъ замѣстить въ Берлинѣ, поссорился съ прусскимъ дворомъ изъ-за этикета, „причемъ вся вина была на его сторонѣ“, — вполне опровергается документами, напечатанными Э. Э. Маргенсомъ въ его VII томѣ „Собранія трактатовъ и конвенцій“. Столь же неточнымъ оказывается и обвиненіе канцлеромъ Алопеуса въ интригахъ противъ отца. Причиной скорого отозванія старика Нессельроде изъ Берлина была просто его полная несостоятельность и угодливость предъ прусскимъ дворомъ въ такое время, когда тотъ сталъ къ Россіи въ прямо враждебное положеніе по восточнымъ дѣламъ.

однако, на воспитаніе въ берлинской гимназіи Гедике и лишь по достиженіи имъ шестнадцатилѣтняго возраста отправилъ въ Россію для поступленія на службу. Молодой Карлъ-Робертъ прибылъ въ Петербургъ въ 1796 году, за два мѣсяца до кончины Екатерины, и былъ прикомандированъ къ находившемуся въ Кронштадтѣ второму отдѣленію Морскаго Кадетскаго корпуса. БлагОВОЛИВШІЙ къ его отцу императоръ Павелъ при самомъ воцареніи перевелъ его въ свой любимый Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ и назначилъ къ себѣ флигель-адъютантомъ. Сначала Нессельроде быстро подвигался по службѣ, произведенъ былъ въ 1797 году въ штабсъ-ротмистры, а въ 1799 въ ротмистры, но вслѣдъ засимъ лишень званія флигель-адъютанта и возвращень въ полкъ, гдѣ получилъ командованіе эскадрономъ съ производствомъ въ полковники. Въ этомъ званіи его снова постигла немилость государя, онъ былъ уволенъ въ отставку вмѣстѣ съ прочими офицерами своего полка, но тотчасъ же произведенъ въ камергеры и причисленъ къ Герольдіи „для опредѣленія въ мѣсту“. По кончинѣ Павла, Нессельроде отправили съ извѣстительною грамотой о вступленіи императора Александра на престолъ ко двору герцога Карла Виртембергскаго, брата вдовствующей императрицы. Возвратясь изъ командировки, онъ былъ опредѣленъ въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ и назначень состоять при миссіи нашей въ Берлинѣ сверхъ штата.

Въ Берлинѣ и въ предпринимаемыхъ оттуда частыхъ поѣздкахъ по Германіи, молодой дипломатъ завязалъ свои первыя дружественныя связи съ различными представителями средне-европейской, преимущественно нѣмецкой дипломатіи. Онъ сблизился съ австрійскимъ посломъ графомъ Стадіономъ и секретаремъ его Вессенбергомъ, съ прусскимъ профессоромъ Ансильономъ, съ публицистомъ Генцомъ, котораго въ „Запискахъ“ своихъ называетъ „мужественнымъ и просвѣщеннымъ защитникомъ добрыхъ началъ“. „Къ сожалѣнію“, прибавляетъ канцлеръ, „нравственный его характеръ не стоялъ въ уровень съ высотой его генія. Его не безъ основанія обвиняли въ подкушности, хотя впрочемъ онъ пользовался день-

гами только отъ тѣхъ, кто раздѣлялъ его образъ мыслей“¹⁾. Со своей стороны, Генцъ писалъ впоследствии про Нессельроде „что съ первой юности его находился съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ“²⁾. Къ тому же времени относится начало его знакомства съ Меттернихомъ, бывшимъ еще австрійскимъ посланникомъ въ Дрезденъ, и со многими австрійскими аристократами. Общеніе со всѣми этими людьми не могло не отразиться на умственномъ складѣ и чувствахъ будущаго канцлера. Онъ вполне поддался ихъ вліянію, усвоилъ ихъ взгляды, сужденія, симпатіи и антипатіи, тѣмъ болѣе, что того же образа мыслей придерживались и непосредственные его начальники, наши представители: въ Берлинѣ Криднеръ и графъ Стакельбергъ въ Гагѣ, куда Нессельроде былъ назначенъ секретаремъ въ концѣ 1802 года. Въ Голландіи онъ оставался до провозглашенія королемъ Лудовика Бонапарта и даже нѣкоторое время исправлялъ тамъ обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ. Донесенія его нравились въ Петербургѣ и Чарторыйскому, и Будбергу. Послѣдній въ 1806 году назначилъ его состоять дипломатическимъ чиновникомъ при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею графѣ Каменскомъ, а по отъѣздѣ фельдмаршала изъ арміи — сначала при Буксгевденѣ, а потомъ при Бенигсенѣ. Изъ главной квартиры онъ ѣздилъ въ началѣ 1807 года съ дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну, а когда открылись мирные переговоры въ Тильзитѣ, былъ откомандированъ въ распоряженіе нашихъ уполномоченныхъ, князей Лобанова и Куракина, „но“, замѣчаетъ онъ въ своихъ „Запискахъ“, „дѣятельность моя ограничилась переписываніемъ трактата“³⁾. При отправленіи посломъ въ Парижъ графа П. А. Толстаго, пріобрѣтшій себѣ славу ловкаго и усерднаго чиновника и искуснаго редактора Карлъ-Робертъ былъ приданъ ему въ качествѣ совѣтника.

Въ Парижѣ Нессельроде снова встрѣтился съ Меттернихомъ, состоявшимъ уже австрійскимъ посломъ при французскомъ

¹⁾ „Записки“ графа К. В. Нессельроде, „Русскій Вѣстникъ“, октябрь 1865 года, стр. 528.

²⁾ Генцъ господарю Валашскому князю Караджѣ, 4 (16) сентября 1814.

³⁾ „Записки“ графа К. В. Нессельроде, „Русскій Вѣстникъ“, октябрь 1865 года, стр. 541.

дворѣ. Здѣсь окончательно установилась между ними та дружественная связь, которая, по выраженію будущаго главы вѣнскаго кабинета, „ни разу не измѣнялась въ различныхъ фазахъ ихъ политической жизни“¹⁾. Молодой дипломатъ, проникшись подобострастнымъ уваженіемъ къ старшему его семью годами Меттерниху, съ той поры всегда относился къ нему какъ ученикъ къ своему учителю. Подъ вліяніемъ австріяца онъ, по собственному сознанию, въ составляемыхъ имъ для Толстаго депешахъ высказывался противъ союза съ Франціей, и потому, какъ онъ выражается, депеши эти „должны были не понравиться графу Румянцову, заклѣтому приверженцу Наполеона“. Онъ не только не правились, но и вызвали энергическую отвѣдь со стороны канцлера, писавшаго по этому случаю начальнику посольства, графу Толстому: „Его императорское величество въ настоящее время непрѣнно хочетъ имѣть главнымъ союзникомъ императора Наполеона; поэтому онъ хочетъ, чтобы никакой ложный пріемъ, никакая, если смѣю такъ выразиться, параллельная дружба не повредила его дружбѣ съ Франціей, и государь былъ бы крайне недоволенъ, елибъ императоръ французовъ имѣлъ поводъ къ безпокойству по поводу его дружбы. Императоръ позналъ долгимъ и печальнымъ опытомъ, какъ мало пользы онъ извлекъ отъ предшедшихъ своихъ союзовъ, и рѣшилъ, что благо его Имперіи требуетъ перемѣнить ихъ и замѣнить союзомъ, заключеннымъ съ императоромъ французовъ. Въ семъ послѣднемъ направленіи, признанномъ его величествомъ полезнымъ для блага своего государства, государь желаетъ и повелѣваетъ мнѣ наблюдать, чтобы шли всѣ наши дипломатическія сношенія. Вслѣдствіе сего, вы соблаговолите, г. посоль, сообразоваться съ этимъ основнымъ началомъ, поддерживать дружбу и довѣренныя отношенія съ графомъ Меттернихомъ, но съ великимъ тщаніемъ избѣгать всего, что могло бы вызвать подозрѣніе императора Наполеона и навести его на мысль, что мы не считаемъ союзъ съ нимъ прочнымъ и для насъ полезнымъ“²⁾. Понятно, что и въ Эрфуртѣ, куда Нессельреде сопро-

¹⁾ Memoires de Metternich, I, стр. 59.

²⁾ Графъ Румянцовъ графу Толстому, 15 (27) января 1808. Замѣчательную депешу эту мы заимствовали изъ обширнаго неизданнаго труда Н. К. Шиль-

вождалъ своего начальника, государь обошелся съ нимъ довольно холодно. Но вкрадчивый дипломатъ успѣлъ тогда же приобрести себѣ покровителя въ лицѣ всемогущаго въ то время Сперанскаго, съ которымъ онъ по возвращеніи въ Парижъ вступилъ въ тайную переписку, безъ вѣдома назначеннаго на мѣсто Толстаго князя Куракина и даже самого канцлера. Нельзя не удивляться гибкости ума и характера молодаго Карла-Роберта, сумѣвшаго расположить въ свою пользу одного изъ ревностныхъ сторонниковъ нашего соглашения съ Франціей и чрезъ него доводить до свѣдѣнія императора Александра сношенія свои съ вождями тайной оппозиціи Наполеону, Талейраномъ, а впоследствии и Коленкуромъ, сношенія, прямо направленныя противъ политики, усвоенной и проводимой графомъ Румянцовымъ.

Когда въ 1810 году дружескія отношенія наши къ Франціи начали портиться, Нессельроде просилъ объ отозваніи изъ Парижа и по дорогѣ въ Петербургъ заѣхалъ въ Вѣну, гдѣ другъ его Меттернихъ занималъ уже должность министра иностранныхъ дѣлъ. Нессельроде повѣдалъ ему свои опасенія относительно близкаго и неизбежнаго разрыва между Россіей и Франціей, но, какъ самъ рассказываетъ, не достигъ ничего положительнаго, и обѣщаній никакихъ не получилъ. Меттернихъ самъ уже рѣшился построить свою политику на тѣсномъ государственномъ и семейномъ союзѣ съ Наполеоновскою Франціей, а потому убѣдилъ своего покорнаго ученика настаивать въ Петербургѣ на возобновленіи переговоровъ съ Наполеономъ съ цѣлью избѣжать войны. Въ этомъ смыслѣ Нессельроде составилъ записку для государя. На этотъ разъ Александръ принялъ его ласково, пожаловалъ статсъ-секретаремъ и въ концѣ 1811 года объявилъ ему, что намѣренъ, въ виду предстоящей войны, приблизить его къ себѣ. Выразивъ по прочтеніи его записки сомнѣніе въ томъ, чтобы новая попытка наша къ соглашенію съ Наполеономъ могла привести насъ къ мирной развязкѣ, государь сказалъ: „Такъ же какъ и вы, я считаю

дѣла: „Отношенія Россіи къ Европѣ въ царствованіе императора Александра I“, начало коего уже появилось въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ за 1888 годъ.

разрывъ неизбѣжнымъ. Въ случаѣ войны, я намѣренъ предводительствовать арміями. Мнѣ нуженъ будетъ тогда человѣкъ молодой, могущій всюду слѣдовать за мною верхомъ и завѣдывать политическою моею перепиской. Канцлеръ, графъ Румянцовъ, старъ, болѣзненъ, на него нельзя возложить этой обязанности. Я рѣшился остановить выборъ на васъ. Надѣюсь, что вы вѣрно и съ должнымъ молчаніемъ будете исполнять это порученіе, доказывающее мое къ вамъ довѣріе“. Въ началѣ 1812 года положеніе Нессельроде при дворѣ упрочилось женитьбой на дочери богатаго и вліятельнаго министра финансовъ, впоследствии графа, Д. А. Гурьева. Поколебать его не могла даже опала Сперанскаго, который предъ отправленіемъ въ ссылку отослалъ къ государю запечатанную переписку съ нимъ Нессельроде.

Вторженіе Наполеона въ Россію не застало нашу дипломатію въ расплохъ. Въ сознаніи грозившей отечеству опасности графъ Румянцовъ озаботился заблаговременнымъ заключеніемъ мира съ Турціей, союзомъ съ Швеціей, съ Англіей, съ испанскими кортесами. Важенъ былъ вопросъ о нашихъ будущихъ отношеніяхъ къ Австріи и Пруссіи, двумъ державамъ, которыя, забывъ всё наши благодѣянія и потоки пролитой за нихъ русской крови, открыто выступали противъ насъ въ качествѣ союзницъ императора французовъ и подъ знаменами его посылали полки свои въ наши предѣлы. Глубоко возмущенный такимъ вѣроломствомъ, Румянцовъ совѣтовалъ Александру примѣрно наказать ихъ, въ особенности Австрію, возбужденіемъ столь страшнаго для нея Славянскаго вопроса. Война противъ Россіи, доказывалъ онъ, есть война противъ всего славянства. Объ этомъ де слѣдуетъ объявить въ воззваніи къ австрійскимъ славянамъ, пригласивъ ихъ сбросить съ себя иноземное иго. „Я нахожу, государь“, писалъ канцлеръ, „что благо вашей службы требуетъ не падить вѣнскаго двора, ибо лишь умножая его затрудненія вы можете заставить его заключить съ вашимъ величествомъ отдѣльный миръ“¹⁾. Защитникомъ противоположнаго мнѣнія явился графъ Нессельроде. Въ докладѣ императору онъ развивалъ мысль, что Ав-

¹⁾ Графъ Румянцовъ императору Александру, 5 (17) іюля 1812 года.

стрія несомнѣнно де желаетъ сохранить дружественную связь съ Россіей. Если связь эта нѣсколько ослабла, то виновата въ томъ не она, а мы сами. „Въ этомъ отношеніи“, утверждалъ онъ, „необходимо даже признать, что вѣнскій дворъ сдѣлалъ больше, чѣмъ мы могли отъ него требовать; съ нашей стороны ничто не вызывало подобнаго расположенія, и часто доказательства, представленныя имъ намъ съ этою цѣлью, были у насъ или холодно приняты, или дурно истолкованы, порой же вовсе не поняты“. Нессельроде приходилъ въ заключенію, что „держава которая, не взирая на семейные узы, связывающія ее съ императоромъ Наполеономъ, на мимолетную слабость, въ виду полного разстройства своихъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, арміи, совѣтуетъ намъ миръ съ Портой, союзъ съ Пруссіей и видимо старается содѣйствовать такимъ образомъ всему, что можетъ усилить наше положеніе въ отношеніи ко Франціи, что такая держава не можетъ быть тайнымъ другомъ послѣдней. Трудно предположить подобное двоедушіе“¹⁾.

Обнародованные въ послѣдніе годы историческіе документы несомнѣнной подлинности не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Румянцовъ былъ совершенно правъ, тогда какъ Нессельроде ошибался жестоко, если только не намѣренно. Враждебность и ненависть вѣнскаго двора по отношенію къ Россіи никогда не проявлялись съ бѣльшею силой, какъ именно въ эту страшную, но славную годину испытанія и торжества. Одолѣвъ Наполеона, мы спасли себя отъ неисчислимыхъ бѣдствій, подготовленныхъ намъ не явнымъ врагомъ нашимъ, а кознями двора, котораго такъ долго мы, — и прежде, и послѣ, — величали нашимъ вѣрнѣйшимъ другомъ и преданнѣйшимъ союзникомъ. Безчисленныя тому доказательства находимъ мы въ появившихся недавно въ печати *Запискахъ* Меттерниха, въ *Достопамятностяхъ* Гарденберга, въ примѣчаніяхъ г. Мартенса къ издаваемому имъ *Собранію трактатовъ и конвенцій* и въ особенности въ необыкновенно поучительномъ изслѣдованіи профессора Онгена *Австрія и Пруссія въ войнѣ за освобожденіе*. Исторія низошла бы на степень безцѣльнаго упражненія, еслибъ урокамъ ея суждено было про-

¹⁾ Графъ Нессельроде императору Александру, мартъ 1812 года.

падать безслѣдно и не вліять на ходъ и направленіе современныхъ политическихъ дѣлъ.

Но возвратимся къ 1812 году. Посреди двухъ противоположныхъ теченій, выразителями коихъ являлись старикъ-канцлеръ и молодой статсъ-секретарь, Александръ долго колебался, склоняясь, повидимому, на сторону перваго. Согласно съ мнѣніемъ Румянцова, новому главнокомандующему нашею Дунайскою арміею, адмиралу Чичагову, было предписано энергически дѣйствовать противъ австрійцевъ, опираясь на возстаніе всѣхъ подвластныхъ имъ славянскихъ народовъ. Въ инструкціяхъ ему произнесено было даже страшное для Австріи слово: „Славянская имперія“. Но уже съ половины іюля государь измѣнилъ первоначальное свое намѣреніе и согласился на предложеніе вѣнскаго двора вести съ нимъ войну только для виду. Рѣшеніе это было принято имъ благодаря наущеніямъ цѣлой толпы иностранцевъ, военныхъ и дипломатовъ, сопровождавшихъ его въ главную квартиру и которымъ маститый канцлеръ не могъ служить достаточнымъ противовѣсомъ. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ былъ знаменитый нѣмецкій патріотъ и бывшій прусскій министръ, баронъ Штейнъ, сумѣвшій вполне очаровать Александра и овладѣть его довѣріемъ. Значеніе этой замѣчательной личности и участіе ея въ подготовленіи окончательнаго перелома политики русскаго двора, перелома, совпавшаго съ изгнаніемъ французовъ изъ Россіи, возбуждаютъ насъ ближе присмотрѣться къ дѣламъ и средствамъ дѣятельности Штейна въ эту достопамятную эпоху.

Штейнъ былъ вызванъ въ Россію самимъ государемъ весною 1812 года, какъ только разрывъ съ Франціей показался ему неизбѣжнымъ. Въ заботахъ своихъ объ отраженіи грознаго врага, Александръ придавалъ большую важность содѣйствію нѣмцевъ въ надеждѣ на отпаденіе отъ Наполеона его вспомогательныхъ нѣмецкихъ войскъ, а также на диверсіи въ тылу его, причиненныя народными возстаніями въ различныхъ краяхъ Германіи. Надежда эта тщательно поддерживалась Штейномъ. Еще въ Вильнѣ, баронъ, отказавшійся формально вступить въ русскую службу, представилъ государю пространную записку объ организаціи нѣмецкой намъ помощи. Штейнъ предлагалъ посредствомъ летучихъ листовъ возбуждать недо-

вольствіе нѣмцевъ противъ ихъ государей, предавшихъ ихъ въ руки Франціи, расположить въ нашу пользу нѣмецкихъ писателей и ученыхъ раздачей имъ орденовъ и отличій всякаго рода, тайно издавать въ Германіи газету для опроверженія наполеоновскихъ побѣдныхъ бюллетеней, организовать шайки для перехватыванья курьеровъ содержащихъ сообщенія между великою арміею и Парижемъ, обратиться съ воззваніемъ къ находящимся въ составѣ французскихъ войскъ нѣмецкимъ полкамъ, приглашая ихъ дезертировать и, въ случаѣ успѣха, образовать изъ перебѣжчиковъ нѣмецкій легіонъ и т. п.¹⁾ Александръ, относившійся къ нѣмцамъ съ особою благосклонностію, вѣрившій въ стратегію Пфула, прельстился и обѣщаніями Штейна. „Я съ величайшимъ вниманіемъ читалъ вашу записку“, писалъ онъ ему тотчасъ по ея полученіи, „и узналъ въ ней тотъ геній, коимъ вы всегда отличались. Правое дѣло безконечно выиграло бы, имѣя васъ сотрудникомъ. Теперь, какъ вы остроумно замѣчаете, все зависитъ отъ приведенія въ исполненіе того, что заключается въ вашей запискѣ, и вы можете мнѣ истинную услугу, занявшись этимъ тотчасъ же. Я, со своей стороны, попытаюсь доставить вамъ всё зависящія отъ меня облегченія. При нашемъ первомъ свиданіи мы установимъ мѣры, не терпящія отлагательства“²⁾.

Недѣлю спустя послѣ этой переписки Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ и вступилъ въ предѣлы Россіи. Тѣмъ не менѣе всё предложенныя Штейномъ мѣры были исполнены съ нашей стороны. Оставляя армію, государь взялъ Штейна съ собою въ Москву и Петербургъ.

Извѣстенъ ходъ и исходъ Отечественной войны. Какъ негоднымъ оказался Дрисскій лагерь, воздвигнутый генераломъ Пфулемъ, такъ же точно и изъ всѣхъ предположеній барона Штейна не вышло ничего. Нѣмецкіе ученые украсились русскими орденами, нѣмецкіе журналисты получили значительныя средства на изданія подпольныхъ газетъ и листовъ, но ни одинъ человекъ не поднялся во всей Германіи, ни одинъ французскій курьеръ не былъ перехваченъ нѣмцами. Вспомога-

¹⁾ Баронъ Штейнъ императору Александру I, 6-го (18-го) іюня 1812.

²⁾ Императоръ Александръ барону Штейну, 6-го (18-го) іюня 1812.

тельные нѣмецкія войска не думали дезертировать изъ рядовъ французской арміи. Всѣ они, не исключая австрійцевъ и пруссаковъ, дрались съ нами преисправно, а въ жестокомъ обращеніи съ жителями, въ грабежѣ и безчинствахъ, по единоголосному свидѣтельству современниковъ, превзошли самихъ французовъ. Такимъ образомъ, о составленіи нѣмецкаго легіона не могло быть и рѣчи, что, впрочемъ, не мѣшало Штейну сваливать вину на нашу главную квартиру, состоящую де изъ „природныхъ русскихъ“, и на чинимыя ею препятствія ¹⁾).

Какъ бы то ни было, спасеніемъ своимъ Россія была обязана послѣ Бога исключительно себѣ самой: етойности царя, мужеству войска, самоотверженію народа. Изъ Петербурга Штейнъ внимательно слѣдилъ за ходомъ событій на театрѣ военныхъ дѣйствій и, отнюдь не смущаясь неуспѣхомъ задуманныхъ имъ мѣръ, главною задачей поставилъ себѣ обращеніе торжества русскаго оружія на пользу нѣмецкаго дѣла. Вопросъ о перенесеніи войны въ Германію по изгнаніи французовъ изъ Россіи онъ старался предрѣшить въ рядѣ записокъ, представленныхъ имъ на усмотрѣніе и утвержденіе государя. До Петербурга не успѣла еще дойти вѣсть о Бородинскомъ сраженіи, какъ уже Штейнъ высказывался насчетъ будущаго государственнаго устройства Германіи, учрежденія временнаго совѣта для управленія германскими землями по занятіи ихъ русскими войсками, способа веденія войны въ Германіи ²⁾). Александръ одобрялъ всѣ эти проекты, но Штейну это казалось недостаточнымъ. Онъ опасался встрѣтить противодѣйствіе со стороны канцлера графа Румянцова, мало расположеннаго жертвовать пользами Россіи чужимъ интересамъ и весьма недружелюбно относившагося ко вмѣшательству въ наши дѣла иностранцевъ, окружавшихъ государя. И вотъ онъ, не задумываясь, обращается къ англійскому правительству съ просьбой настоять чрезъ своего посланника въ Петербургѣ на удаленіи русскаго государственнаго канцлера, „такъ какъ“, писалъ онъ въ Лондонъ, „если русскимъ посчастливится одер-

¹⁾ Pertz: „Stein's Leben“, III, стр. 135.

²⁾ „Записки барона“ Штейна, представленные имъ императору Александру, 6-го (18-го) сентября 1812.

жать большіе успѣхи, то эта слабая, фантастическая голова, эта ограниченная душа будетъ не въ состояніи возстановить политическій порядокъ на твердыхъ и мудрыхъ основаніяхъ“. Общественное мнѣніе, утверждалъ Штейнъ въ томъ же письмѣ, указываетъ какъ на преемниковъ Румянцова на Моркова, Кочубея или Панина, „которые де всѣ трое извѣстны въ Англіи“. Онъ находилъ необходимымъ, чтобы выборъ палъ „на человѣка съ сильнымъ, благороднымъ и примирительнымъ характеромъ, неспособнаго на своекорыстную и лукавую политику“. *«Дабы направить борьбу къ исключительной выгодѣ Германіи и Европы»*, продолжалъ онъ, „Англія должна присвоить себѣ преобладающее вліяніе на устройство нѣмецкихъ дѣлъ; настоящая минута благоприятна; Англія, увѣренная въ согласіи Россіи и зависящей отъ нихъ обѣихъ Швеціи, пользуется въ Германіи большимъ довѣріемъ, ибо тамъ убѣждены, что истинныя пользы ея и Германіи совпадаютъ“¹⁾.

По мѣрѣ того какъ обозначались наши военные успѣхи, росли опасенія Штейна, какъ бы они не привели къ выгодному для Россіи миру съ Франціей. Всю надежду возлагалъ онъ на Англію и писалъ къ графу Мюнстеру, ганноверскому министру короля Великобританскаго: „Безусловно необходимо, чтобъ Англія взяла на себя руководство нѣмецкими дѣлами, содержаніе нѣмецкаго легіона. Намъ нельзя ожидать отъ расположенія здѣшнихъ (то есть русскихъ) господствующихъ и руководящихъ личностей ни мудрыхъ, великихъ, *безкорыстныхъ* плановъ въ счастіи, ни въ несчастіи — непоколебимой твердости и великодушія“²⁾. И эти строки не устыдился написать человѣкъ, взысканный милостями и щедротами русскаго императора, самъ нашедшій въ Россіи убѣжище отъ преслѣдованій не только французовъ, но и своего, прусскаго правительства, въ то время когда русскій народъ выносилъ непріятельское нашествіе, русская армія проливала кровь свою за освобожденіе Германіи и спасеніе Европы.

Наконецъ узнали въ Петербургѣ, что Наполеонъ оставилъ Москву и, преслѣдуемый по пятамъ русскою арміей, началъ

¹⁾ Баронъ Штейнъ графу Мюнстеру, 29-го августа (10-го сентября) 1812.

²⁾ Баронъ Штейнъ графу Мюнстеру, 12-го (25-го) сентября 1812.

свое гибельное отступленіе. Штейну ясно было, что настала минута воспользоваться плодами русскихъ побѣдъ. Но какъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ его біографъ: „Штейнъ выказалъ себя болѣе великимъ, чѣмъ его современники, тѣмъ, что въ ту самую минуту, когда счастіе едва начало улыбаться издали дѣлу Германіи, онъ перешелъ къ рѣшительному дѣйствію; что онъ мыслилъ и работалъ въ смыслѣ возвращенія Германіи ея древнихъ границъ, Вогезовъ и Мааса, обезпеченія ей твердаго государственнаго устройства и удержанія Россіи отъ расширенія ея тогдашнихъ границъ“¹⁾.

Штейнъ снова обратился къ великобританскому правительству. Въ запискѣ врученной имъ возвращавшемуся въ отечество англійскому посланнику, лорду Вальполю, онъ доказывалъ, что во главѣ русскаго войска, имѣющаго вступить въ Германію, долженъ непременно быть поставленъ графъ Витгенштейнъ, „храбрый, предприимчивый, доброжелательный человѣкъ нѣмецкаго происхожденія“; что войско это должно быть вспомогательнымъ и не превышать восьмидесяти тысячъ человѣкъ; что главныя силы для освобожденія Германіи имѣетъ поставить Австрія—100.000 воиновъ, и Англія въ союзѣ съ Пруссіей и другими нѣмецкими государствами—120.000; что Германію слѣдуетъ подѣлить между Австріей и Пруссіей съ границей между ними по Майну, а со стороны Франціи по Маасу, Мозелю и хребту Вогезовъ; Швейцарію поставить въ союзныя отношенія къ Австріи, герцогство Варшавское отдать королю Саксонскому, Данію распредѣлить между Пруссіей (Шлезвигъ и Голштинія), Швеціей (острова и Норвегія) и Англіей (Ютландія) и наконецъ присоединить къ Англіи и Голландію. „Россія же,“ разсуждалъ Штейнъ, „слишкомъ велика и справедлива, чтобы желать расширенія своихъ предѣловъ и возбужденія противъ себя общаго недовѣрія“²⁾.

Сверхъ того, Штейнъ по-прежнему старался повліять на рѣшенія англійскаго правительства чрезъ посредство графа Мюнстера, которому писалъ: „Успѣхи русскаго оружія естественно возбудили общественное мнѣніе. Оно высказывается

¹⁾ Pertz: „Stein's Leben“, III, стр. 201.

²⁾ Записка Штейна, 20 октября (1 ноября) 1812 г.

различно. Одни надѣются, что по изгнаніи непріятеля будетъ заключенъ миръ, а Европа предоставлена собственнымъ своимъ движеніямъ; другіе хотятъ расширенія территоріи Имперіи, по меньшей мѣрѣ до Вислы, и преобладанія въ дѣлахъ материка; еще другіе желаютъ возстановить въ Европѣ общественный порядокъ, основанный на справедливости и истинныхъ пользахъ народовъ. Само-собою разумѣется, что эта третья партія есть слабѣйшая, хотя мнѣніе ея одно только можетъ обезпечить всеобщее спокойствіе и понравиться на материкѣ, какъ и въ Англіи. А потому Англія должна де взять починъ и принять мѣры для обезпеченія перевѣса мудрѣйшей партіи. Она можетъ разсчитывать на благородный и свободолюбивый образъ мыслей императора¹⁾.

Въ особенности тревожило Штейна, что партія, желавшая земельныхъ приобрѣтеній для Россіи, находила поддержку въ полякахъ, считавшихся вліятельными при дворѣ, Огинскомъ, Сапѣгѣ, Любомірскомъ, которые желали соединенія Польши съ Россіей подъ отдѣльною конституціей. Планъ этотъ онъ находилъ несоотвѣтствующимъ интересамъ какъ Россіи, такъ и прочихъ европейскихъ державъ. Указавъ на невыгоды его съ русской точки зрѣнія, онъ въ письмѣ къ Мюнстеру подробно распространился и о его вредѣ по отношенію къ Западной Европѣ. „Какъ относится возстановленіе Польши и соединеніе ея съ Россіей къ великимъ интересамъ Англіи, Австріи, Германіи—на этотъ вопросъ отвѣчать легко, если взвѣсить, что тогда Висла и Одеръ, приблизительно начиная отъ Кюстрина, станутъ границами Россіи; что значительнѣйшія гавани и устья рѣкъ, впадающихъ въ Балтійское море, сдѣлаются ея собственностью; что польская граница обхватываетъ Венгрію, Силезію, Померанію, Новую Марку и угрожаетъ сердцу Германіи. Излишне останавливаться на развитіи этихъ идей и ихъ необъятныхъ послѣдствій. Англія можетъ, въ особенности въ союзѣ съ Австріей, положить конецъ этимъ „дикимъ“ планамъ, посредствомъ опредѣленныхъ, твердыхъ заявленій, передать которыя будетъ поручено умному и стойкому чело-вѣку. Мысль о присоединеніи Польши собственно не раздѣ-

¹⁾ Баронъ Штейнъ графу Мюнстеру 2 (14) ноября 1812 г.

ляется большинствомъ русскихъ. Послѣдніе презираютъ поляковъ, ненавидятъ ихъ за ихъ измѣнчивость и невѣрность, но хотятъ имѣть границую Вислу. Это также, по приведеннымъ выше причинамъ, нанесло бы вредъ Австріи, Англійи и Германіи. Восточная и западная Пруссія были бы потеряны, полтора милліона нѣмцевъ стали бы русскими, Венгерія была бы обхвачена до источниковъ Вислы, то есть вся, и Силезіи угрожала бы опасность“¹⁾).

Въ заботахъ своихъ о томъ, чтобы не дать Россіи воспользоваться побѣдами для расширенія своихъ предѣловъ, Штейнъ звалъ къ себѣ на помощь другаго иностранца состоявшаго на русской службѣ, Поццо-ди-Борго, который въ это время находился въ Лондонѣ съ дипломатическимъ порученіемъ отъ Петербургскаго двора. Предполагая въ немъ единомышленника, онъ и его убѣждалъ содѣйствовать тому, чтобы Англія взялась быть „руководящею державой“. „Вы знаете русскихъ“, пояснялъ онъ въ письмѣ къ корсиканскому выходцу, „и въ особенности тѣхъ, о комъ я веду рѣчь. Чего можно ожидать отъ такихъ головъ и отъ такихъ характеровъ? Или совершенной вялости, или неискренняго пользованія пріобрѣтеннымъ вліяніемъ. Здѣсь захотятъ дѣлать завоеванія вплоть до Вислы, уже возымѣли нелѣпую мысль возстановить Польшу, учредить изъ нея королевство и ввергнуть въ тревогу Австрію и всю Европу. Одна только Англія можетъ пріостановить неправильное движеніе, повидимому, овладѣвшее здѣсь умами“²⁾. Подобныя письма необыкновенно поучительны. Они наглядно доказываютъ какъ опасно для великой державы ввѣрять наемникамъ веденіе своихъ дѣлъ.

Интриги Штейна въ Англійи, разумѣется, оставались тайною для императора Александра. Въ обращеніяхъ къ нему, прусскій баронъ выражался совершенно въ иномъ тонѣ. Ему ясно было, что судьбы Германіи и всей Европы зависѣли въ сущности отъ русскаго государя, и онъ всячески старался поддерживать въ немъ намѣреніе, не довольствуясь изгнаніемъ французовъ изъ Россіи, продолжать войну за Нѣманомъ. Въ этомъ

1) Баронъ Штейнъ графу Мюнстеру 7 (19) ноября 1812 г.

2) Баронъ Штейнъ Поццо-ди-Борго 7 (19) ноября 1812 г.

смыслъ составлена была новая записка для представленія его величеству. Въ ней Штейнъ высказывалъ предположеніе, что война „вѣроятно“ станетъ изъ оборонительной наступательною. Успѣхъ такой войны зависитъ отъ содѣйствія мѣстныхъ жителей. Чтобы возбудить въ нихъ сочувствіе къ ней, необходимы: „разумъ, дѣятельность, гуманность, просвѣщенные понятія у генераловъ, строгая военная дисциплина у солдатъ“, намекъ на то, что въ предѣлахъ Россіи война велась де варварскимъ способомъ. Кутузовъ давно слылъ у нѣмцевъ за русскаго патриота, мало къ нимъ расположеннаго. Поэтому Штейнъ продолжалъ: „Выборъ генераловъ представляетъ въ настоящую минуту болѣе трудностей, ибо они должны сочетать съ бѣльшимъ воинскимъ талантомъ качества, коими привлекаются чужеземные народы, и быть свободными отъ предрасудковъ, оскорбительныхъ для мнѣнія и національности послѣднихъ. По счастью, сами военныя событія указываютъ на предстоящій выборъ, свидѣтельствуя о блестящихъ, прочныхъ и важныхъ успѣхахъ генерала Витгенштейна, соединяющаго воинскія способности съ тѣмъ смѣлымъ предпримчивымъ характеромъ, коимъ обезпечивается побѣда. Любовь къ нему его войска и всѣхъ, кто къ оному принадлежитъ служить порукою за доброту и благосклонность его души; а потому желательно, чтобъ ему было ввѣрено начальство надъ тою арміей, которая будетъ призвана принять наибольшее участіе въ военныхъ событіяхъ. По отзыву весьма свѣдущихъ австрійскихъ и прусскихъ офицеровъ, самая сложная и дѣятельная задача выпадетъ на долю южной арміи, той, которая должна будетъ находиться между Вартой, силезскою границей и Эльбой. Ей и слѣдуетъ быть наиболѣе сильною и имѣть во главѣ полководца, выказавшаго всѣхъ больше разума, чистую любовь къ отечеству, всѣ такія качества, которыя служатъ ручательствомъ за то, что онъ не станетъ предаваться заблужденіямъ самомнѣнія и своекорыстія“. Отдѣлавъ такимъ образомъ маститаго вождя, въ которомъ русскій народъ уже привѣтствовалъ своего спасителя, Штейнъ изложилъ извѣстный свой планъ веденія войны въ Германіи, рассыпаясь въ похвалахъ императору Александру. „Ложная и лукавая политика“, восклицалъ онъ, „или невѣдѣніе стануть, быть можетъ, совѣтовать

вести войну оборонительную, которая будет разрушительна для войскъ ее вѣдущихъ, для страны служащей ей театромъ, и дастъ лишь непріятелю время привести въ движеніе всѣ военныя средства Запада и Юга Европы. Тогда борьба между Россіей и остальнымъ материкомъ затянется на неопредѣленное время, и обширныя края, въ коихъ она будетъ происходить, превратятся въ необитаемыя пустыни. Столь боязливый и ложный понятія будутъ отринуты благороднымъ и великодушнымъ характеромъ императора Александра. Онъ захочетъ стать благодѣтелемъ и умиротворителемъ Европы, какъ онъ уже сталъ спасителемъ своей имперіи. Онъ предназначаетъ своимъ генераламъ планы, которые тѣ обязаны будутъ исполнить. Онъ скажетъ имъ, что воля его, чтобъ они повели его войска въ сердце Германіи. Онъ предложитъ свой союзъ Австріи и Пруссіи, и тѣ примутъ его горячо и съ благодарностью. Онъ настоитъ на томъ, чтобъ Англія образовала въ странѣ между Эльбой, Исселемъ и Рейномъ войско, которое будетъ содѣйствовать приведенію въ исполненіе этихъ плановъ; и онъ въ согласіи съ этою державой возстановитъ въ Германіи политическій порядокъ, который возвратитъ націи ея независимость и поставитъ ее въ возможность противустоять Франціи и предохранитъ Европу отъ посягательствъ ея буйныхъ и непослѣдовательныхъ обитателей“. Эти льстивыя по формѣ, но притязательныя по существу слова служили лишь переходомъ къ главному предмету записки, доказательству необходимости отстранить отъ дѣлъ графа Румянцева, — несмотря на свою дряхлость и слабость, на поколебленное расположеніе къ нему государя, продолжавшаго зорко и твердо стоять на стражѣ государственныхъ пользъ и достоинства Россіи. „Остается еще одно пожеланіе“, заключалъ Штейнъ, „чтобъ императоръ окружилъ себя самыми глубокими умами и достойнѣйшими уваженія характерами своей обширной Имперіи и чтобы человѣкъ, которому будетъ ввѣрено исполненіе его благородныхъ политическихъ плановъ, владѣлъ великимъ, развитымъ обширными и основательными познаніями умомъ и возвышеннымъ и твердымъ характеромъ, и чтобы ложный и фантастическій духъ, напитанный пошлыми, высказываемыми сгнившимъ сердцемъ царедворца анекдотами (sic), пересталъ дѣйствовать на совѣты

парализовать рѣшенія и повергать въ отчаяніе истинныхъ слугъ государя, коему Провидѣніе предназначило счастливую и блестящую долю стать благодѣтелемъ нынѣ живущаго человѣческаго рода. При выборѣ изъ числа лицъ, назначаеваемыхъ ему въ преемники, можно было бы предоставить жребію положить въ сосудъ десять или двѣнадцать именъ людей считаемыхъ посредственно способными, встряхнуть сосудъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что вынутая записка укажетъ на челоуѣка болѣе способнаго, болѣе уважаемаго и внушающаго болѣе довѣрія *чѣмъ то лицо, которое требуется удалить* и характеръ и поведеніе котораго, извѣстные въ Европѣ и разгаданные, стоятъ въ противорѣчій съ намѣреніями его Августѣйшаго государя: Наступающая для вашего императорскаго величества эпоха рѣшительна. Она осуществляетъ десять лѣтъ ожиданій, трудовъ и жертвъ. Она — плодъ великаго числа неслыханныхъ и непредвидѣнныхъ сочетаній. Вы, государь, станете во главѣ европейскихъ державъ. Вамъ предстоитъ разыграть возвышенную роль благодѣтеля и возстановителя. Тѣ, кто призваны служить непосредственными орудіями вашихъ благородныхъ намѣреній, должны стоять на высотѣ своего высокаго призванія. Они должны внушать вашимъ союзникамъ и Европѣ великое довѣріе. Можно ли сомнѣваться въ томъ, какъ важно избрать только такихъ исполнителей, которыхъ мнѣнія извѣстны, коимъ предшествуетъ ихъ репутація. Беря въ свои руки великое дѣло возстановленія Германіи, вы удовлетворяете требованіямъ государственной мудрости, которая ищетъ въ этомъ возстановленіи твердый оплотъ для неприкосновенности и безопасности Россіи, и вы исполните великодушное желаніе вашего сердца: прослѣдовать къ необъятному пути славы, отвѣчающему свойствамъ и возвышенному характеру вашего императорскаго величества“¹⁾).

Читая это напыщенное и въ то же время преисполненное тайной злобы посланіе, не знаешь чему болѣе удивляться: правоучительному ихъ тону, которымъ нѣмецкій выходецъ дерзаетъ говорить съ русскимъ императоромъ, или лживымъ и непристойнымъ нападкамъ, которыя онъ позволилъ себѣ по отношенію къ двумъ

¹⁾ Баронъ Штейнъ императору Александру I, 5 (17) ноября 1812 г.

вышшимъ сановникамъ имперіи, давшей ему пріютъ: главнокомандующему арміей и государственному канцлеру. Притязаніе его наставить государя, въ чемъ именно заключаются пользы и нужды Россіи, можетъ только вызвать улыбку. Къ несчастію, коварныя внушенія Штейна не остались безъ вліянія на императора Александра. Нельзя, конечно, допустить, чтобы государь раздѣлялъ взглядъ нѣмецкаго патріота на Кутузова и Румянцова. Но его манила слава освободителя Германіи, умиротворителя Европы. Слава эта, думаль онъ, должна неминуемо отразиться и на Россіи, высоко поднять ея нравственное обаяніе въ мірѣ. Однако, любимый внукъ Екатерины, наученный десятилѣтнимъ опытомъ, не могъ упустить изъ виду, что одного нравственнаго обаянія недостаточно, чтобы возмѣстить намъ усиленіе нашихъ ближайшихъ сосѣдей на сушѣ, Англии на моряхъ, каковое должно было неизбѣжно послѣдовать за низверженіемъ Наполеона и раздѣломъ добычи между участниками европейской коалиціи. Присоединеніе къ имперіи Варшавскаго герцогства, о чемъ Штейнъ говорилъ лишь какъ о предположеніи, было безповоротно рѣшено въ умѣ государя. Оно отвѣчало двойной потребности возвышенной, но мечтательной души его: возстановить Польшу и въ то же время усилить могущество Россіи, вознаградивъ ее за великія жертвы, принесенныя „общему дѣлу“. Намѣреніе это онъ вынужденъ былъ держать въ строгой тайнѣ, ибо преждевременное оглашеніе его могло бы повліять на дворы Вѣнскій и Берлинскій и удержать ихъ отъ союза съ нами въ борьбѣ съ Наполеоновою Франціей.

Тому же соображенію пожертвовалъ государь и своимъ канцлеромъ. Впрочемъ, онъ не уволилъ его, а только не взялъ съ собою въ армію, куда на этотъ разъ сопровождалъ его величество одинъ графъ Нессельроде. Государь не прекращалъ съ Румянцовымъ переписки и продолжалъ совѣщаться письменно по важнѣйшимъ насущнымъ политическимъ дѣламъ. Штейнъ также былъ приглашенъ прибыть въ главную квартиру. Онъ былъ нуженъ государю, какъ орудіе для достиженія его цѣлей, которыя, какъ мы видѣли, не всегда сходились съ цѣлями, къ коимъ стремился Штейнъ.

Первымъ вопросомъ, стоявшимъ на очереди, былъ: слѣ-

дуетъ ли намъ переходить Нѣманъ и начинать войну за освобожденіе Германіи? Хотя вопросъ этотъ уже былъ предрѣшенъ государемъ, но его величество пожелалъ ознакомиться съ мнѣніемъ какъ военныхъ людей, такъ и дипломатовъ. Кутузовъ высказался рѣшительно противъ такого предпріятія, и главнокомандующему единогласно вторилъ русскій штабъ его арміи. Напротивъ, дипломаты также точно въ одинъ голосъ настаивали на необходимости перехода въ наступленіе. Даже канцлеръ, въ письмахъ своихъ къ Александру, ободрялъ его на великій подвигъ. Но, присовокуплялъ онъ, „эту небесную миссію“ государь долженъ исполнить безъ союзниковъ, совершенно одинъ. Союзъ съ Пруссіей бесполезенъ, съ Австріей опасенъ. Румянцовъ предвидѣлъ, что всѣ усилія обѣихъ со-сѣднихъ державъ будутъ направлены лишь къ тому, чтобы „на полѣ, воздѣланномъ исключительно Россіей, она не получила въ жатвѣ ни малѣйшей доли“¹⁾.

Графъ Нессельроде не только не испытывалъ подобнаго безпокойства, но находилъ, что такъ и должно быть. Докладъ его государю въ высшей степени характеренъ и проливаетъ яркій свѣтъ на политическіе взгляды и воззрѣнія молодаго дипломата. Продолженіе войны онъ старается связать съ интересами Россіи. Но, говоритъ онъ, интересы эти не требуютъ земельного приращенія. Царствованіе Екатерины II и между-народная ея политика значительно де истощили внутреннее благосостояніе и силы русскаго народа. Россія прежде всего нуждается въ мирѣ, а прочный миръ невозможенъ, пока не будетъ сломлено могущество Франціи и пока страна эта не вклю-

¹⁾ Графъ Румянцовъ императору Александру, 4-го (16) февраля и 20 февраля (4 марта) 1813 г. Характерно среднее мнѣніе по этому вопросу ветерана Екатерининскихъ временъ графа С. Р. Воронцова, проживавшаго въ Лондонѣ на покой и писавшаго оттуда адмиралу Чичагову: „Въ военныхъ и политическихъ видахъ не слѣдовало намъ подвигаться за Одеръ. Нужно было остановиться на лѣвомъ берегу этой рѣки, подкрѣпить войска осаждающія крѣпости, находящіяся вдоль той же рѣки и по Вислѣ, и получивъ ожидаемыя подкрѣпленія, по прибытіи Бернадота въ Померанію, объявить Австріи, что если она немедленно не выступитъ противъ Корсиканца, то мы заключимъ съ нимъ миръ, коюго она будетъ жертвой.. Великъ Богъ русскій, это правда; но Онъ можетъ устать творить чудеса, если мы такъ дурно пользуемся тѣмъ, которыя Онъ совершилъ въ нашу пользу“. (Графъ С. Р. Воронцовъ адмиралу Чичагову 1 (13) августа 1813 г.).

чена въ ея древнія границы между Шельдою, Рейномъ, Альпами и Пиринеями. Цѣли же этой Россія не въ силахъ достигнуть одна, безъ помощи Австріи и Пруссіи. Въ особенности вѣнскій дворъ имѣетъ де право на полное наше довѣріе, давъ намъ многочисленныя доказательства своей искренней пріязни. Но если Австрія и Пруссія откажутся отъ нашихъ предложеній вступить въ союзъ съ нами? Тогда, конечно, намъ не останется ничего иного, какъ заключить миръ съ Наполеономъ, но непременно на *умѣренныхъ* условіяхъ, то есть ни въ какомъ случаѣ не требуя и даже не принимая никакихъ территоріальныхъ вознагражденій ¹⁾.

Въ другомъ докладѣ, статсъ-секретарь столь же горячо ополчался противъ обращенія герцогства Варшавскаго въ Царство Польское, соединенное съ Россіей подъ властью одного монарха. Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣми изъ его доводовъ, которые касаются предположеннаго отторженія отъ Имперіи въ пользу новаго государства областей, отошедшихъ къ Россіи по тремъ раздѣламъ, или несовмѣстимости въ одномъ лицѣ противоположныхъ атрибутовъ русскаго самодержца и конституціоннаго царя польскаго. Но въ докладѣ графа Нессельроде означенные доводы имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Озабочивало его преимущественно то обстоятельство, что осуществленіе излюбленнаго государемъ замысла возбудило бы зависть всей Европы и что въ частности оно лишило бы насъ навсегда союза съ Австріей ²⁾.

Союзъ съ Австріей — таковъ былъ политическій идеалъ графа Нессельроде, которому онъ остался вѣренъ до конца жизни. Неудивительно, что когда начались переговоры наши съ Вѣнскимъ дворомъ о присоединеніи его къ коалиціи, молодой статсъ-секретарь явился усерднымъ посредникомъ между нимъ и императоромъ Александромъ. Теперь намъ хорошо извѣстно, съ какою затаенною враждой къ Россіи Меттернихъ вступалъ съ нею въ союзническія обязательства, имѣя главнымъ образомъ въ виду вырвать изъ рукъ императора Александра руководство соединенными силами Европы. Притязаніе

¹⁾ Докладъ графа Нессельроде императору Александру I, декабрь 1812 г.

²⁾ Докладъ графа Нессельроде императору Александру I, январь 1813 г.

свое на первую роль въ коалиціи, австрійскій министръ не устыдился высказать прямо въ лицо государю при первомъ же свиданіи въ іюнѣ 1813 года, въ Опочнѣ, въ Чехіи. „Будучи поставлены обстоятельствами“, сказалъ онъ ему, „въ положеніе спасителей Европы, мы (то есть австрійцы) спасемъ ее“¹⁾.

Въ началѣ кампаніи Штейнъ близко сошелся съ Нессельроде, о которомъ въ письмѣ къ женѣ отзывался какъ о чедовѣкѣ „вполнѣ свѣтскомъ, честномъ, дояльномъ, трудолюбивомъ и обязательномъ въ дѣлахъ“²⁾. Но какъ только въ главную квартиру нашу прибылъ австрійскій уполномоченный Лебцельтернъ, Штейну ясно стало, что Нессельроде будетъ дѣйствовать не иначе, какъ слѣпо слѣдуя его указаніямъ. Съ появленіемъ же въ лагерь союзниковъ самого Меттерниха, русскій статсъ-секретарь сталъ простымъ отголоскомъ австрійскаго министра. Онъ соглашался съ нимъ во всемъ, даже въ вопросахъ, въ коихъ тотъ расходился съ императоромъ Александромъ, и притомъ въ вопросахъ такой важности, какъ, напримѣръ, намѣреніе государя принять на себя главное начальство надъ союзною арміею или рѣшимость его поставить цѣлью войны низложеніе Наполеона³⁾. Императоръ Александръ едва ли подозрѣвалъ такія продѣлки лица, удостоеннаго его довѣріемъ, но онѣ не составляли тайны для особъ окружавшихъ государя. „Нессельроде въ карманѣ у Меттерниха“, писалъ князь Чарторыйскій Новосильцову изъ Шомона, за нѣсколько дней до взятія Парижа⁴⁾.

По возвращеніи государя изъ Франціи, канцлеръ графъ Румянцовъ получилъ просимую отставку къ великой радости вѣнскаго двора, считавшаго его послѣднимъ представителемъ политической системы „безпокойной, своекорыстной, буйной, жаждавшей завоеваній и господства, которая такъ долго и основательно навлекала де на русскій дворъ недоувѣріе и не-

¹⁾ *Mémoires de Metternich*, I, стр. 143.

²⁾ Баронъ Штейнъ женѣ, 7-го (19) февраля 1813 г.

³⁾ Доказательства тому въ *Mémoires de Metternich*, I, стр. 165 и 185. Ср. также письмо Генца къ государю Валашскому, князю Караджѣ, отъ 24 февраля (8 марта) 1814 г.

⁴⁾ Князь Чарторыйскій Новосильцову, 2 (14) марта 1814 г.

нависть всѣхъ его сосѣдей“¹⁾. Еще болѣе обрадовались въ Вѣнѣ, когда узнали, что управление министерствомъ иностранныхъ дѣлъ поручено государемъ графу Нессельроде, преданному другу и восторженному почитателю Меттерниха. Событіе это, повидимому, даже превзошло ожиданія вѣнскаго двора, судя по слѣдующему, во всѣхъ отношеніяхъ, крайне любопытному отзыву Генца. Упомянувъ объ отставкѣ Румянцова, онъ говорилъ: „Назначеніе графа Нессельроде болѣе замѣчательно. Хотя въ званіи статсъ-секретаря онъ во все время похода исполнялъ уже обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, но казалось весьма сомнительнымъ, чтобы важное мѣсто это было оставлено за нимъ по заключеніи мира. Онъ принадлежитъ къ иностранной семьѣ, хотя отецъ его былъ уже русскимъ министромъ въ Берлинѣ; ему всего тридцать семь и никакъ не болѣе тридцати восьми лѣтъ и онъ былъ только секретаремъ посольства при возвращеніи своемъ изъ Парижа въ 1811 году. Это одна изъ самыхъ быстрыхъ карьеръ когда-либо сдѣланныхъ въ Россіи лицомъ не бывшимъ что называется фаворитомъ. Я съ первой юности его находилъ съ графомъ Нессельроде въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ; время могло только упрочить эту связь, и я думаю, что знаю его вполнѣ. Наружность его не отличается величественностью, онъ безпритязателенъ, не шумливъ, простъ и ограниченъ во вкусахъ, и не имѣетъ ни состоянія, ни склонности, необходимыхъ для высокой представительности. Онъ человѣкъ совершенно прямого характера, съ чистѣйшими принципами, съ весьма здравымъ сужденіемъ и рожденъ для работы и для серіозныхъ дѣлъ. Онъ никогда не будетъ ни вести блестящей жизни, ни пользоваться большимъ вліяніемъ на императора; я думаю, напротивъ, что императоръ, вѣряя ему портфель, хотѣлъ доказать снова, что онъ всегда намѣренъ самъ быть своимъ первымъ министромъ и что, несмотря на расположеніе его къ графу Нессельроде, послѣдній будетъ лишь его первымъ столоначальникомъ. Тѣмъ не менѣе, съ личнымъ характеромъ императора, такимъ въ особенности, какимъ онъ сталъ въ теченіе великихъ событій двухъ минувшихъ лѣтъ, весьма

¹⁾ Генцъ господарю Валашскому, князю Караджѣ, 27 февраля (11 марта), 1813 г.

важно, чтобы министр, завѣдующій внѣшними сношеніями, былъ человѣкомъ благоразумнымъ, умѣреннымъ, безо всякой наклонности къ честолюбію и интригѣ, чуждымъ романтическихъ проектовъ и, главное, другомъ мира. Насколько вліяніе графа Нессельроде способно распространиться, оно всегда будетъ направлено въ благую сторону и безопасно для сосѣдей Россіи. Въ этомъ отношеніи, правда, болѣе *отрицательномъ* чѣмъ положительномъ, назначеніе его драгоцѣнно для всѣхъ, кто заинтересованъ въ соблюденіи всеобщаго спокойствія. Онъ не будетъ настолько силенъ, чтобы постоянно предупреждать мѣры, могущія компрометировать послѣднее, но по крайней мѣрѣ онъ никогда не станетъ благопріятствовать имъ¹⁾.

Въ новомъ званіи Нессельроде сопровождалъ государя въ Вѣну на конгрессъ. Тамъ онъ былъ назначенъ русскимъ уполномоченнымъ вмѣстѣ съ двумя нашими представителями при Вѣнскомъ дворѣ: прежнимъ, Разумовскимъ, и настоящимъ, Стакельбергомъ. Въ этомъ качествѣ онъ долженъ былъ отстаивать требованіе императора Александра о присоединеніи къ Россіи всего Варшавскаго герцогства, требованіе встрѣтившее упорное сопротивление со стороны Англій и Франціи и въ особенности Австріи. Мы выше изложили личный взглядъ Нессельроде на этотъ вопросъ. Въ переговорахъ онъ выказалъ столько слабости и уступчивости, до такой степени поддавался вліянію Меттерниха, что государь отстранилъ его отъ дальнѣйшаго участія въ совѣщаніяхъ, замѣнивъ его въ средѣ комитета по польскимъ дѣламъ Разумовскимъ и Каподистріей. О двусмысленномъ поведеніи его во время конгресса мы имѣемъ свидѣтельство Штейна, котораго, конечно, нельзя заподозрить въ сочувствіи польскимъ замысламъ императора Александра и который произноситъ въ своихъ Запискахъ слѣдующее сужденіе о Нессельроде: „Всѣ эти переговоры происходили безъ участія въ нихъ Нессельроде, который глубоко почувствовалъ, что потерялъ все свое вліяніе. Потерялъ онъ его по причинѣ своей неспособности и слѣпой преданности Меттерниху, чрезъ что онъ часто имѣлъ случай дѣйствовать наперекоръ намѣреніямъ императора или вяло поддерживать ихъ. Такъ было въ осо-

¹⁾ Генцъ господарю Валахскому, князю Караджѣ, 4 (16) сентября 1814 г.

бенности, когда онъ въ швейцарскихъ дѣлахъ поступалъ совершенно въ смыслѣ Меттерниха, усвоилъ себѣ во Франціи Меттерниховскія идеи о мирѣ, порицалъ саксонское дѣло, и наконецъ въ польскомъ дѣлѣ даже прямо противорѣчилъ. Вслѣдствіе сего, императоръ былъ уже недовѣрчиво расположенъ къ нему во Фрейбургѣ; настроеніе это усилилось въ Шомонѣ и въ Труа и обозначилось вполне въ Вѣнѣ, когда живо выразилось отвращеніе государя къ Меттерниху. Посредственность Нессельроде, его невѣжество и черствость въ воззрѣніяхъ и чувствахъ, отсутствіе въ немъ мужества въ трудныя минуты, никогда бы не позволили ему долго удержаться на известной высотѣ. Онъ долженъ былъ пасть, какъ только попытался стать чѣмъ-либо инымъ, кромѣ орудія своего государя, коль скоро возымѣлъ притязаніе на нѣкоторый родъ самостоятельности. Онъ долженъ былъ пасть, потому что почерпалъ ее не въ самомъ себѣ, а былъ направляемъ внушеніями иностраннаго министра, ненавидимаго императоромъ¹⁾. Далѣе Штейнъ рассказываетъ, что однажды Разумовскій и Каподистрія встрѣтили Нессельроде, послѣдно сходявшаго внизъ по лѣстницѣ австрійской государственной канцеляріи, тогда какъ первые два подымались по ней. „Ого, ваше сіятельство!“ воскликнулъ Разумовскій, обращаясь къ нему и хватая его за плечо, „такъ-то вы переговариваетесь тайкомъ! Пойдемте лучше съ нами и помогите намъ бороться!“²⁾.

Неудовольствіе императора Александра на Нессельроде было главною причиною возвышенія Каподистрія. Потерявъ всякое довѣріе къ первому, государь искалъ челоуѣка, которому онъ могъ бы вѣрить важный и отвѣтственный постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Тогда-то онъ могъ убѣдиться въ ошибочности системы распределенія высшихъ дипломатическихъ должностей исключительно между иностранцами. Природнымъ русскимъ и православнымъ былъ одинъ только нашъ первый уполномоченный на конгрессѣ, старикъ графъ Разумовскій, но тотъ самъ отказался отъ предложеннаго ему званія государственнаго канцлера. Всѣ наши послы и посланники

¹⁾ Pertz: *Stein's Leben*, III, стр. 257.

²⁾ Тамъ же, IV, стр. 277.

при европейскихъ дворахъ уже были инородцы и иновѣрцы: Поццо-ди-Борго въ Парижѣ, Ливенъ въ Лондонѣ, Стакельбергъ въ Вѣнѣ, Алопеусъ въ Берлинѣ. Даже во время Отечествен- ной войны при главныхъ квартирахъ нашихъ армій диплома- тическими чиновниками состояли чужеземцы: альзасецъ Ан- штетъ у Кутузова и грекъ Каподистрія у Чичагова. По край- ней мѣрѣ Каподистрія былъ православный, и это обстоятель- ство, въ связи съ его богатыми природными дарованіями, об- ратившими на него вниманіе государя, послужило ему въ пользу. Каподистрія искренно привязался къ новому своему отечеству и служилъ ему вѣрой и правдой, близко принимая къ сердцу его нужды, пользы и достоинство. Поведеніе его на Вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ онъ смѣло вступилъ въ борьбу съ многочислен- ными нашими противниками, отражая ихъ удары, разоблачая ковы, открыто исповѣдуя право Россіи на признательность спасенной ею Европы, такъ рѣзко отличалось отъ образа дѣйствій прочихъ нашихъ дипломатовъ, что не могло не про- извести сильнаго впечатлѣнія на Александра. Даже Генцъ, по- добно Меттерниху, не терпѣвшій Каподистрія, вынужденъ былъ сознаться, что „поле сраженія“ осталось за нимъ. „Онъ сталъ вскорѣ“, читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Генца, „лю- бимымъ секретаремъ императора, его довѣреннымъ совѣтни- комъ, можно сказать, почти другомъ. Его крайнее безкорыстіе въ служебныхъ и денежныхъ дѣлахъ, простота и скромность его обращенія и большая откровенность въ искусномъ соче- таніи съ большою покорностью, упрочивали и усиливали его вліяніе изо дня въ день“¹⁾.

Нессельроде, по увѣренію Штейна, былъ очень смущенъ и разстроенъ, униженный въ своемъ самолюбіи и боясь по- терять имѣніе, которое прусскій король обѣщалъ было ему по- жаловать²⁾. Австрійскіе друзья утѣшали его, совѣтовали ни въ какомъ случаѣ не покидать своего мѣста и терпѣливо ожидать болѣе счастливыхъ обстоятельствъ³⁾. Дѣйствительно, изъ бѣды

¹⁾ Генцъ Валашскому господарю, князю Караджѣ, 20 декабря 1815 г. (1 ян- вара 1816 г.).

²⁾ Pertz: *Stein's Leben*, IV, стр. 277.

³⁾ Генцъ господарю Валашскому, князю Караджѣ, 23 декабря 1814 г. (4 ян- вара 1815 г.).

выручило его бѣгство съ острова Эльбы и вторичное воцареніе во Франціи Наполеона. Извѣстіе это принесъ государю Меттернихъ, съ которымъ его величество прекратилъ было всѣ личныя сношенія во время конгресса, такъ какъ австрійскій министръ осмѣлился однажды заподозрить правдивость словъ императора. Узнавъ объ опасности, снова угрожавшей всей Европѣ, Александръ первый протянулъ Меттерниху руку. Къ нему же обратился государь, когда Наполеонъ прислалъ ему подлинникъ союзнаго договора, заключеннаго за два мѣсяца передъ тѣмъ Австріей, Англійей и Франціей противъ Россіи. „Вы знаете эту бумагу?“ спросилъ его государь въ присутствіи барона Штейна. Австріецъ молчалъ. „Меттернихъ, пока мы живы, никогда больше не должно быть объ этомъ рѣчи между нами“, промолвилъ Александръ, и съ этими словами бросилъ договоръ въ пылающій каминъ ¹⁾. Этимъ не ограничилось великодушіе русскаго императора. Веденіе съ союзными дворами переговоровъ, вызванныхъ нежданною вѣстью, онъ снова поручилъ Нессельроде, какъ лицу, пользовавшемуся особымъ расположеніемъ Меттерниха. За то, по окончательномъ изложеніи Наполеона, главнымъ уполномоченнымъ Россіи на совѣщаніяхъ, приведшихъ ко второму Парижскому миру, явился уже Каподистрія.

Подобно Нессельроде и Каподистрія былъ возведенъ въ званіе статсъ-секретаря, и государь раздѣлилъ между ними завѣдываніе нашими внѣшними сношеніями. По замѣчанію С. М. Соловьева, они избраны были какъ бы въ соотвѣтствіе двумъ противоположнымъ направленіямъ: либеральному и консервативному, „трудную задачу соединенія коихъ императоръ бралъ на себя“ ²⁾. Мы позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что вѣрнѣе было бы назвать эти направленія западнымъ и восточнымъ, или даже русскимъ и иностраннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ совѣтахъ императора Александра Нессельроде выступилъ пред-

¹⁾ Разсказъ объ этомъ сохранилъ намъ очевидецъ Штейнъ. См. *Pertz, Stein's Leben*, IV, стр. 395: Въ запискахъ своихъ Меттернихъ не упоминаетъ о немъ ни единымъ словомъ, за то пространно повѣствуетъ, будто императоръ Александръ намѣревался вызвать его на дуэль. Ср. *Mémoires de Metternich*, I, стр. 326.

²⁾ Соловьевъ: *Императоръ Александръ I*, стр. 246.

ставителемъ общихъ европейскихъ интересовъ, связывавшихъ Россію съ Западомъ, тогда какъ Каподистрія постоянно указывалъ на Востокъ, къ которому Россія естественно тяготѣла въ силу своей тысячелѣтней исторіи, народныхъ польвъ, сочувствій, вѣрованій, и гдѣ интересы ея расходились съ выгодами прочихъ державъ. Большинство нашихъ дипломатовъ нѣмецкаго происхожденія, разумѣется, придерживалось взглядовъ Нессельроде, но немногіе русскіе открыто перешли на сторону Каподистрії. То были вновь назначенные посланники: въ Вѣнѣ — графъ Головкинъ и въ Константинополѣ — баронъ Строгановъ. Поццо-ди-Борго въ Парижѣ и Анштетъ во Франкфуртѣ занимали нейтральное положеніе между обѣими партіями.

Впрочемъ, было бы ошибочно предполагать, чтобы между двумя статсъ-секретарями существовалъ личный антагонизмъ. Напротивъ, они жили мирно и даже дружно между собою, и гибкій Нессельроде тщательно избѣгалъ разлада съ товарищемъ, пользовавшимся въ эпоху Ахенскаго конгресса безграничнымъ довѣріемъ государя. Иначе относился къ Каподистрії Меттернихъ. Онъ видѣлъ въ немъ единственное препятствіе къ вовлеченію Русскаго двора въ свои дипломатическія сѣти, и всѣ усилія направилъ къ устраненію ненавистнаго противника. Долго усилія эти оставались тщетными. На Троппаускомъ конгрессѣ Меттернихъ имѣлъ случай ближе приглядѣться къ положенію, занимаемому обоими министрами императора Александра, и убѣдился, что Нессельроде не под силу отодвинуть Каподистрію на второй планъ. Ничтожество и безпѣтность Нессельроде крайне огорчали Меттерниха. „Въ настоящую минуту“, восклицалъ онъ съ отчаяніемъ, „Нессельроде нравственно умеръ; его какъ бы не существуетъ!“¹⁾ И черезъ нѣсколько дней присовокуплялъ: „Какъ жаль, что Нессельроде такъ ступшевывается! Я не понимаю, какъ можетъ человекъ уничтожать себя до такой степени, что надѣваетъ чужую одежду и прикрывается чужою маской, вмѣсто того, чтобы сохранить собственное выраженіе“²⁾.

Меттернихъ рѣшился взяться за дѣло самъ. Онъ откры-

¹⁾ Письмо князя Меттерниха отъ 23 октября (4 ноября) 1820 г.

²⁾ Письмо его же отъ 23 ноября (5 декабря) 1820 г.

венно признавался: „Еслибъ я могъ дѣлать изъ Каподистріи что захочу, то все пошло бы скоро и хорошо. Императоръ Александръ становится препятствіемъ лишь благодаря своему министру; безъ послѣдняго, все нынѣ было бы уже улажено“ ¹⁾. Но дѣло представлялось не легкимъ, потому что, по собственному замѣчанію Меттерниха, „единственный противникъ, котораго трудно побороть, это человекъ вполне честный“ ²⁾, а такимъ несомнѣнно былъ Каподистрія. Австрійскій министръ не унывалъ. Прежде всего ему нужно было попытаться вернуть себѣ личное довѣріе императора Александра, сильно поколебленное еще со времени Вѣнскаго конгресса. Въ Тропкау представлялся къ тому удобный случай. Любопытно прослѣдить въ перепискѣ Меттерниха успѣхи его въ этомъ направленіи. Уже послѣ перваго свиданія своего съ государемъ онъ пишетъ про него: „Онъ встрѣтился со мною какъ со старымъ товарищемъ по оружію. Развѣ въ мірѣ не бываетъ оружія всякаго рода? ³⁾. На другой же день австріецъ имѣлъ съ Александромъ продолжительный разговоръ, о которомъ рассказываетъ: „Императоръ Александръ податливъ. Онъ извиняется и доходитъ до того, что осуждаетъ самъ себя. Все это слишкомъ хорошо, и еслибъ я не оцупывалъ себя, то подумалъ бы, что мечта играетъ мною. Въ теченіе трехчасовой моей бесѣды съ императоромъ Александромъ, я нашелъ въ немъ то же любовное обращеніе, которымъ я уже восхищался въ 1813 году; но онъ сталъ гораздо разсудительнѣе, чѣмъ былъ въ ту эпоху. Я просилъ его, чтобъ онъ самъ объяснилъ мнѣ эту перемѣну. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ полною откровенностію: „Вы не понимаете, почему я теперь не тотъ, что прежде. Я вамъ это объясню. Между 1813 годомъ и 1820 протекло семь лѣтъ, и эти семь лѣтъ кажутся мнѣ вѣкомъ. Въ 1820 году я ни за что не сдѣлаю того, что совершилъ въ 1813. Не вы измѣнились, а я. Вамъ не въ чемъ раскаяваться. Я не могу сказать про себя того же“. Каковъ поцъ, таковъ и приходъ, подумалъ я. Увидимъ. Нессельроде долженъ пріѣхать“ ⁴⁾.

¹⁾ Письмо его же отъ 6 (18) декабря 1820 г.

²⁾ Письмо его же отъ 2 (14) іюня 1822 г.

³⁾ Письмо его же отъ 8 (20) октября 1820 г.

⁴⁾ Письмо его же отъ 9 (21) октября 1820 г.

Читая эти нахальные строки, не должно забывать, что Меттернихъ былъ большой самохваль и не стѣснялся истиною, коль скоро рѣчь шла о прославленіи самого себя. Но припомнимъ также, что императоръ Александръ прибылъ въ Троппау подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него извѣстіями объ убійствѣ Коцебу и герцога Беррійскаго, а также о революціи вспыхнувшей въ Неаполѣ. Тамъ же получилъ онъ вѣсть о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку. Онъ тотчасъ же послалъ за Меттернихомъ и сообщилъ ему ее. „Мы высказали о ней совершенно одинаковое сужденіе“, повѣствуетъ послѣдній. „Императоръ такъ перемѣнился вообще, что намъ часто приходится теперь соглашаться другъ съ другомъ“ ¹⁾. Съ этого времени Меттернихъ уже могъ видѣть государя, когда хотѣлъ, и долгіе часы проводилъ ежедневно съ нимъ въ бесѣдахъ ²⁾.

Однажды онъ рѣшился прямо высказать ему „все что было на сердцѣ“ о Каподистріи. Произошло это за чаемъ. Меттернихъ обвинялъ Каподистрію въ томъ, что тотъ его не понимаетъ. „Да“, отвѣчалъ государь, „я часто упрекалъ его за это, но происходитъ это оттого, что ему все кажется, будто у васъ есть заднія мысли“ ³⁾. И такъ, въ Троппау Меттерниху все же не удалось достигнуть цѣли. Онъ надѣялся на лучший успѣхъ въ Лайбахѣ, куда въ началѣ 1821 года конгрессъ переносилъ свои засѣданія. Отправляясь въ Лайбахъ, Меттернихъ писалъ: „Рѣшительная минута приближается“ ⁴⁾.

Въ Лайбахѣ Нессельроде продолжалъ приводить Меттерниха въ отчаяніе. Вотъ какъ отзывался послѣдній о своемъ клиентѣ: „Бѣдняжка Нессельроде находится въ нравственномъ состояніи чрезвычайно странномъ. Есть рыбы, которымъ хорошо живется только въ живой водѣ, другія лучше чувствуютъ себя въ мирной водѣ прудовъ и болотъ. Форель принадлежитъ къ первой категоріи, она вянетъ въ водѣ мирной и стоячей, но дайте ей немного свѣжей воды, и бѣдное животное тотчасъ же оживится съ видомъ силы и здоровья, столь свойственными форели, когда она въ водѣ, и составляющими главное ея достоин-

¹⁾ Письмо его же отъ 3 (15) ноября 1820 г.

²⁾ Письмо его же отъ 8 (20) ноября 1820 г.

³⁾ Письмо его же отъ 3 (15) декабря 1820 г.

⁴⁾ Письмо его же отъ 12 (28) декабря 1820 г.

ство. Ну, такъ есть и люди, у которыхъ нѣтъ достаточно силы въ характерѣ, чтобъ обойтись безъ чужой помощи и одолѣть окружающія ихъ препятствія; есть, напротивъ, и такіе, которымъ хорошо живется только въ болотистой мѣстности. Нессельроде по своей природѣ принадлежитъ къ семейству форелей; но, къ несчастію, онъ погрязаетъ въ болотѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я вспрыснулъ его живою водою, онъ удивительно ободрился. Онъ оживился и вздыхаетъ по водѣ болѣе жесткой, но болѣе здоровой, составляющей его истинную потребность. Безъ сомнѣнія это положеніе не можетъ продолжаться, ибо чтó такое стаканъ чистой воды въ болотѣ, въ коемъ онъ томится? Но на бѣдняжку находятъ минуты, когда ему кажется, что онъ пришелъ въ себя; еслибъ онъ былъ рыбой, то захопалъ бы жабрами“¹⁾.

Между тѣмъ подземная работа, предпринятая противъ Каподистріи, подвигалась довольно успѣшно. Прошло немного болѣе мѣсяца со дня отергтія Лайбахскаго конгресса, и Меттернихъ могъ уже писать: „Звѣзда русскаго перваго министра начинаетъ блѣднѣть. Бездна, раздѣляющая Каподистрію и императора, все болѣе и болѣе углубляется“...²⁾. Прошло еще нѣсколько дней: „Никто не вѣрится въ полное согласіе между императоромъ Александромъ и мною, а между тѣмъ оно весьма дѣйствительно. Вліяніе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ превозмогло. Сильнѣйшій увлекъ слабѣйшаго, согласно законамъ механики, физики и нравственности. Русскій первый министръ лежитъ долу. Удастся ли ему подняться вновь?“³⁾.

На помощь Меттерниху приспѣло извѣстіе о греческомъ возстаніи. Оно болѣе его внушеній поколебало довѣріе государя къ Каподистріи. Въ радости своей австрійскій министръ восслицалъ, что Александръ просто изъ чернаго сталъ бѣлымъ. Это привело Меттерниха въ идиллическое настроеніе. Съ наступленіемъ весны онъ пристрастился къ живописнымъ окрестностямъ Лайбаха. „Дипломаты“, писалъ онъ „совершаютъ продолжительныя прогулки. Вчера и я могъ выбратъся въ свою

¹⁾ Письмо его же отъ 23 декабря 1820 г. (4 января 1821 г.).

²⁾ Письмо его же отъ 31 января (12 февраля) 1821 г.

³⁾ Письмо его же отъ 11 (23) февраля 1821 г.

очередь изъ города. Я вырвался изъ канцеляріи съ маленькимъ Нессельроде. Мы провели за городомъ болѣе восьми часовъ. Нессельроде восторгается какъ ребенокъ, никогда не видавшій горъ выше прирейнскихъ“¹⁾). Но прогулка съ Нессельроде по горамъ не расположила Меттерниха къ мягкосердію. Нѣсколько дней спустя онъ восклицалъ по поводу греческаго возстанія: „Усложненій, могущихъ возникнуть на Востокаѣ, предусмотрѣть нельзя. Быть-можетъ это пустыяки. Тамъ, по ту сторону нашихъ восточныхъ границъ, триста или четыреста тысячъ челоѣкъ повѣшенныхъ, зарѣзанныхъ, посаженныхъ на колы не считается ни во что“²⁾). Мы не станемъ утверждать, что „маленькій Нессельроде“ раздѣлялъ этотъ кроважадный взглядъ, но едва ли онъ ему противорѣчилъ.

Въ Лайбахѣ, однако, не удалось Меттерниху достигнуть своей давнишней цѣли — удаленія ненавистнаго противника изъ совѣтовъ императора Александра. Послѣдовавшій вскорѣ, вызванный неистовствомъ турокъ, дипломатическій разрывъ нашъ съ Портой снова поднялъ кредитъ Каподистріи. Подъ его руководствомъ, въ промежутокъ времени между конгрессами Лайбахскимъ и Веронскимъ, Императорскій кабинетъ занялъ по отношенію къ Восточному вопросу положеніе вполне согласное съ нашими историческими преданіями и торжественно исповѣдалъ право Россіи на покровительство христіанскихъ подданныхъ султана. Ревностными сподвижниками Каподистріи въ этомъ дѣлѣ явились дипломаты русскаго происхожденія, возвратившіяся изъ Константинополя баронъ Строгановъ и посланникъ въ Вѣнѣ графъ Головкинъ. Но они все же составляли меньшинство въ средѣ нашихъ дипломатическихъ представителей. Большинство, хотя и безгласное, было на сторонѣ австрійскаго канцлера. Послѣдній хорошо сознавалъ это, когда писалъ: „Въ Россіи и во всей заграничной русскаго дипломатіи есть двѣ партіи, открыто обозначающія себя именами *Меттерниха* и *Каподистріи*. Это мнѣ не особенно лестно. Обѣ партіи ненавидятъ другъ друга и противоположны одна другой, какъ правая и лѣвая во Франціи“³⁾). При та-

¹⁾ Письмо его же отъ 1 (18) апрѣля и 19 апрѣля (1 мая) 1821 г.

²⁾ Письмо его же отъ 24 апрѣля (6 мая) 1821 г.

³⁾ Письмо его же отъ 28 октября (9 ноября) 1821 г.

кихъ условіяхъ конечный исходъ борьбы не могъ быть сомнительнымъ. Весной 1822 года, вслѣдствіе лобко направленной изъ Вѣны дипломатической интриги, Каподистрія подалъ наконецъ въ отставку, и она была принята Александромъ ¹⁾).

Меттернихъ торжествовалъ. Онъ самодовольно доносилъ императору Францу, „что одержалъ самую полную изъ побѣдъ, когда-либо одержанныхъ однимъ дворомъ надъ другимъ“ ²⁾. Поздравляя своего министра съ успѣхомъ, императоръ отвѣчалъ ему: „Побѣда одержанная вами, быть можетъ, самая трудная изъ всѣхъ, ознаменовавшихъ ваше министерство. Я не могу достаточно отблагодарить васъ, но нужно, чтобъ и весь міръ призналъ проистекающія изъ нея благодѣянія. Вы сдѣлаете все что надо, дабы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ счастливыя послѣдствія этого триумфа“ ³⁾.

Триумфъ былъ дѣйствительно полный, и неисчислимы „счастливыя“ его послѣдствія. Съ Каподистріей исчезалъ изъ русской дипломатіи послѣдній слѣдъ православно-народнаго направленія, самостоятельности по отношенію къ союзникамъ на Западѣ, сознанія историческаго призванія Россіи на Востокѣ. Въ довершеніе всего, единственнымъ главой русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ становился ставленникъ Меттерниха — Нессельроде.

Удаленіе Каподистрії не замедлило отразиться и на личномъ составѣ нашихъ дипломатовъ. Строгановъ не получилъ новаго назначенія, а Головкинъ былъ замѣщенъ въ Вѣнѣ Татищевымъ, выказавшимъ себя не только послушнымъ, но и усерднымъ орудіемъ въ рукахъ Меттерниха. За исключеніемъ Татищева, не оставалось такимъ образомъ, ни единого русскаго человѣка на должностяхъ посла или посланника при дворахъ великихъ державъ. Всѣ онѣ были предоставлены исключительно нѣмцамъ, наводнившимъ какъ коллегію иностранныхъ дѣлъ, такъ и канцеляріи посольствъ и миссій. Талантливые молодые дипломаты русскаго происхожденія одинъ за дру-

¹⁾ О причинахъ, вызвавшихъ отставку Каподистрія, см. его Записку въ *Сборникъ И. Р. И. О.* III, стр. 282 и слѣд.

²⁾ Князь Меттернихъ императору Францу 19 (31) мая 1822 г.

³⁾ Резолюція императора Франца на докладѣ князя Меттерниха 20 мая (1 іюня) 1822 г.

гимъ удалялись изъ вѣдомства, въ которомъ инородцамъ отдавалось явное предъ ними предпочтеніе. Такъ покинули дипломатическую службу Д. Н. Блудовъ, графъ В. Н. Панинъ, а если кто изъ русскихъ и остался въ ней, то, подобно князю А. М. Горчакову, обрекался на занятіе въ продолженіе многихъ лѣтъ второстепенныхъ должностей. Характерно, что покровительствуемый Каподистріей Пушкинъ, къ грѣхамъ котораго заботливый начальникъ относился съ отеческою снисходительностію, былъ исключень „за распутство“ изъ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ первый же годъ единоличнаго управленія имъ графа Нессельроде¹⁾.

Въ такомъ положеніи засталъ русскую дипломатію императоръ Николай при вступленіи своемъ на престолъ.

Въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ своего царствованія государь внесъ во внѣшнюю политику свою одушевлявшее его патриотическое чувство, сознаніе русской мощи и достоинства. На Западѣ онъ оставался вѣренъ обязательствамъ, принятымъ его предшественникомъ предъ союзными дворами, но на Востокѣ совершенно независимо отъ нихъ дѣйствовалъ въ смыслѣ утвержденія за Россіей преобладанія, признаннаго за нею договорами ея съ Турціей и на которое Европа взирала съ завистью, не смѣя и думать о противодѣйствіи силой. Такая политика шла въ разрѣзъ съ личными воззрѣніями Нессельроде, но, дорожа своимъ мѣстомъ, онъ съумѣлъ ловко примѣниться къ ней и притвориться даже ревностнымъ исполнителемъ Высочайшихъ предначертаній. Событія 1827—1829 годовъ, высоко поднявшія наше обаяніе какъ въ Турціи, такъ и въ Западной Европѣ, были подготовлены не имъ, такъ какъ въ этотъ періодъ довѣренными совѣтниками молодого императора являлись то Поццо-ди-Борго, то Каподистрія, но Нессельроде удалось пожать плоды ихъ посѣва и своею безусловною покорностью снискать милостивое расположеніе государя. Въ Вѣнѣ были возмущены такою „измѣнной“ нѣкогда столь покорнаго елеврета. Императоръ Францъ находилъ ей нѣкоторое извиненіе въ слабости характера русскаго министра, но Меттернихъ,

¹⁾ Ср. напечатанныя въ январской книжкѣ *Русской Старины* 1887 года письма Каподистрії къ генералу Инзову съ письмомъ Нессельроде къ графу Воронцову отъ 11 (23) іюля 1824.

въ негодованіи своемъ сравнивая его съ самыми чудовищными дѣятелями первой французской революціи, обзывалъ Карно и Дантономъ и проронилъ, что подобно имъ „Нессельроде и его родомонтады“ будутъ „раздавлены старыми и докучливыми принципами“¹⁾. За то императоръ Николай осыпалъ его наградами. Въ коронацію онъ получилъ „не въ примѣръ другимъ“ въ Тамбовской губерніи отдѣльный, „представляющій особенныя выгоды, участокъ земли въ 4,742 десятины въ вѣчное и потомственное владѣніе“; за заключеніе Туркманчайскаго мира съ Персіей онъ былъ возведенъ въ званіе вице-канцлера, а за миръ Адрианопольскій пожалована ему Андреевская лента.

Между тѣмъ Нессельроде, гдѣ и какъ только могъ, тормозилъ поступательное движеніе, сообщенное нашей политикѣ твердою рукой государя, разумѣется съ соблюденіемъ при томъ большой осторожности. Такъ, его настоянію были обязаны мы тѣмъ, что въ 1828 году начали войну съ Турціей съ далеко недостаточными силами, дабы только не быть вынужденными, при заключеніи мира, требовать отъ Порты вознагражденія за военные расходы, несообразнаго съ ея платежными средствами²⁾. Онъ же провелъ въ тайномъ комитетѣ 1829 года мысль о пользѣ для Россіи сохранить существованіе Турціи и тѣмъ отклонилъ отъ Порты смертельный ударъ, который были готовы нанести ей наши войска, остановившіяся въ трехъ переходахъ отъ турецкой столицы³⁾. Наконецъ, мы должны были отказаться отъ земельныхъ приращеній въ Европейской Турціи потому, что предъ войной вице-канцлеръ именемъ Россіи обязался предъ прочими державами ни въ какомъ случаѣ не расширять территоріи Имперіи,—обѣщаніе, которое, по вѣрному замѣчанію Поццо-ди-Борго, очень мало цѣнится въ началѣ дѣла, а при завершеніи его бываетъ крайне стѣснительнымъ⁴⁾.

И несмотря на все это, лѣтомъ 1830 года, Меттернихъ, встрѣтивъ Нессельроде въ Карлсбадѣ, осыпалъ своего ученика

¹⁾ Князь Меттернихъ императору Францу 28-го ноября (10 декабря) 1827 г.

²⁾ Князь Меттернихъ князю Эстергази 5-го (17-го октября), 1828 г.

³⁾ См. книгу мою: Внѣшняя политика императора Николая I, стр. 202 и слѣд.

⁴⁾ См. циркуляръ графа Нессельроде отъ 2 (14) апрѣля 1828 г. съ депешей графа Поццо-ди-Борго отъ 4 (16) октября 1825 г.

упреками, а тотъ старался лишь оправдаться, отрицая предъявленные къ нему обвиненія. По старой привычкѣ онъ соглашался со всѣми мнѣніями, высказанными Меттернихомъ по всѣмъ текущимъ политическимъ вопросамъ. „Какъ!“ восклицалъ австрійскій канцлеръ, „вы были повѣреннымъ, вы были даже двигателемъ и опорой долгихъ и полезныхъ сношеній моихъ съ покойнымъ императоромъ и какъ же могли вы послѣ того поддаться вліянію той самой партіи, которая въ продолженіе столькихъ лѣтъ тщетно старалась расторгнуть эту связь, служившую основаніемъ миру Европы и внутреннему спокойствію европейскихъ государствъ?“ Нессельроде возразилъ, что онъ не заслуживаетъ этого упрека; что, напротивъ, по вступленіи императора Николая на престолъ, онъ засвидѣтельствовалъ предъ нимъ о заслугахъ Меттерниха въ 1820, 1821 и 1822 годахъ. „Въ такомъ случаѣ“, настаивалъ тотъ, „остается несомнѣнный фактъ — слабость вашего собственнаго положенія. Если, какъ я въ томъ не сомнѣваюсь, вы начертали такую картину императору Николаю, то, значить, онъ не повѣрилъ вашимъ словамъ?“ Нессельроде отрицалъ и это, но сознался, что на государя повліяли многія второстепенныя обстоятельства. „Оправданіе ваше слабо“, внушительно и строго вымолвилъ Меттернихъ; „или вы министръ, или нѣтъ. Я не считаю министромъ человѣка, который не можетъ одолѣть зависящихъ отъ него событій. Министромъ называю я лишь того, кто, подобно главнокомандующему, въ состояніи управлять сраженіемъ“. Поощренный молчаніемъ своего собесѣдника, Меттернихъ предъявилъ ему еще одно обвиненіе. „Второй мой упрекъ вамъ“, сказалъ онъ, „тѣ поощренія, которыя вы даете врагамъ порядка, кто бы они ни были, удаляясь отъ единственно справедливыхъ политическихъ принциповъ. Такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться. Вы и Россія первые станете жертвами его“. Нессельроде тотчасъ же увѣрилъ Меттерниха, что вполне признаетъ приближеніе опасности¹⁾.

Когда іюльская революція и внушенныя ею опасенія вы-

¹⁾ Князь Меттернихъ императору Францу 19 (31) іюля 1830. О свиданіи Меттерниха съ Нессельроде въ Карлсбадѣ въ 1830 году, см. статью мою: „Императоръ Николай и Австрійскій дворъ“, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, январь 1887 года, стр. 92 и слѣд.

звали коренной переломъ въ политикѣ императора Николая, Нессельроде и дипломатическій штабъ его напрягли всѣ усилія для убѣжденія государя о необходимости полного возвращенія къ соглашенію съ Австріей и Пруссіей и вообще къ преданіямъ Священнаго Союза. Они достигли того, что измѣнились не только политическія сочетанія, служащія средствомъ въ политикѣ, но и самая цѣль ея, и русскій дворъ снова усвоилъ себѣ такъ недавно еще оказавшійся несостоятельнымъ взглядъ на солидарность всѣхъ монархій въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, революціей, и на подчиненіе этому отвлеченному началу частныхъ интересовъ отдѣльныхъ державъ. Съ этой поры дипломаты наши окончательно перестали смотрѣть на свое ремесло какъ на искусство доставлять удовлетвореніе государственнымъ пользамъ и нуждамъ отечества и на призваніе охранять, защищать его честь, а видѣли въ дипломатическихъ упражненіяхъ нѣчто въ родѣ спорта, заботясь объ изяществѣ формы, о чисто внѣшней отдѣлкѣ своихъ протоколовъ, нотъ или депешъ, и какъ бы вовсе упуская изъ виду отраженіе ихъ на ходъ и направленіе историческихъ событій. Усвоенію такого взгляда не мало содѣйствовалъ тотъ иностранный языкъ, на которомъ исключительно велась дипломатическая переписка. Вылощенная французская фраза скрашивала бѣдность, а часто и совершенную пустоту содержанія той или другой бумаги, и искусные редакторы стали болѣе цѣнить, нежели люди дѣла, свѣдущіе и опытные. Въ результатѣ получился бессознательный самообманъ, довольство призрачнымъ успѣхомъ вмѣсто дѣйствительности.

Другою, не менѣе существенною причиною беспочвенности нашей дипломатіи было окончательное закрѣпленіе ея за иноязычнымъ и иноязычнымъ личнымъ составомъ, со времени вступленія графа Нессельроде въ завѣдываніе иностранною коллегіей набравшимся почти исключительно изъ нѣмцевъ, болѣею частію уроженцевъ нашихъ прибалтійскихъ областей. Съ 1833 года они одни назначались на мѣста пословъ и посланниковъ на Западѣ, не только при дворахъ великихъ державъ, но и въ столицахъ второстепенныхъ государствъ. Графу Поццоди-Борго въ Парижѣ наследовалъ графъ Палень, князю Ливену въ Лондонѣ—баронъ Брунновъ, Татищеву въ Вѣнѣ—графъ

Медемъ, Рыбошьеру въ Берлинѣ—баронъ Мейендорффъ. Графъ Сухтеленъ представлялъ Россію въ Швеціи, баронъ Мальтиць—въ Нидерландахъ, графъ Стакельбергъ—въ Неаполѣ, баронъ Николаи—въ Даніи, не говоря уже о мелкихъ германскихъ дворахъ. Исключеніе составляли лишь посланникъ въ Римѣ, графъ Гурьевъ, шуринъ Нессельроде, да еще два дипломата, послѣдовательно занимавшіе постъ посланника въ Царьградѣ: А. П. Бутеневъ и В. П. Титовъ, также находившіеся съ нимъ въ свойствѣ, такъ какъ оба были женаты на сестрахъ графа Хрептовича, мужа одной изъ дочерей министра.

Перечисленныхъ именъ вполне достаточно, чтобы понять, въ какой степени наша дипломатія Николаевской эпохи была чужда русской народности и связанныхъ съ нею понятій и вѣрованій. Въ средѣ ея совершенно естественно не оставалось и тѣни преданій не только московскаго посольскаго приказа, но и преемственной политики Петра Великаго и Великой Екатерины. Задачей своею она считала искупленіе грѣховъ этихъ двухъ славныхъ царствованій, какъ явствуетъ изъ дипломатическихъ записокъ барона Бруннова¹⁾. Въ сотрудникахъ Нессельроде не встрѣчаемъ ни одного изъ свойствъ, отличавшихъ русскихъ дипломатовъ прежняго времени: никакой своеобразности, ни малѣйшаго сознанія своего народнаго достоинства. Напротивъ, незнакомые съ исторіей Россіи, чуждые русской жизни, не разумѣвшіе даже русскаго языка, они съ пренебреженіемъ относились ко всему родному, для нихъ недоступному и непонятному, и съ подобострастіемъ взирали на западно-европейскую культуру, силясь приобщиться ея благамъ, хотя бы цѣною полного отреченія отъ основныхъ началъ русской государственной жизни. Они и не думали о проведеніи ихъ въ своей дипломатической дѣятельности, а гораздо охотнѣе служили распространителями иностранныхъ теченій и вѣяній въ нашихъ правительственныхъ кругахъ. И, поступая такимъ образомъ, эти, большею частью умные, образованные и честные люди, не измѣняли своему долгу: они просто не сознавали его и не могли сознать.

Такъ окончательно сложился типъ русскаго дипломата

¹⁾ Высшая политика императора Николая I, стр. 463 и слѣд.

XIX вѣка, не только отличный отъ нашихъ дипломатическихъ представителей прошедшаго времени, но и прямо имъ противоположный. Онъ русскимъ былъ даже не по имени, а развѣ по обязанности службы. Сложился онъ по образу и по подобию дипломата австрійскаго, Меттерниховой школы. Тотъ же культъ формы, въ ущербъ содержанію, то же преобладаніе слова надъ дѣломъ. При всемъ томъ дипломаты были о себѣ необыкновенно высокаго мнѣнія и тщательно охраняли отъ постороннихъ взоровъ совершеніе дипломатическихъ таинствъ. Полумракъ, посреди котораго они священнодѣйствовали, какъ нельзя болѣе способствовалъ сокрытію умственной немощи и нравственнаго убожества. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ дѣятельность дипломатовъ не только не вліяла на развитіе государственныхъ силъ, но тормозила его и задерживала, и шла прямо въ разрѣзъ съ естественнымъ историческимъ теченіемъ народной жизни?

Возведенный въ 1845 году въ санъ государственнаго канцлера, графъ Нессельроде представлялъ самое полное воплощеніе очерченнаго нами типа. Полученное имъ иностранное образованіе было болѣе блестяще чѣмъ глубоко. Недостатокъ познаній возмѣщался въ немъ большимъ трудолюбіемъ и умѣньемъ приноравливаться къ обстоятельствамъ. Россіи онъ не зналъ, да и не трудился узнавать. Въ понятіяхъ его она не имѣла ничего общаго съ „Императорскимъ кабинетомъ“. Лишь бы европейскій ареопагъ выражалъ одобреніе и удивленіе редакторскому искусству представителей Русскаго двора, и канцлеръ вовсе не заботился о томъ, какъ отразятся рѣшенія этого ареопага на судьбахъ Россіи. Онъ даже гордился и постоянно хвасталъ *безкорыстіемъ* своей *политики*, какъ бы и не подозревая, что два эти понятія прямо противоположны и взаимно исключаютъ другъ друга. По отношенію къ Западу онъ не шелъ далѣе заколдованнаго круга тѣснаго соглашенія Россіи съ Австріей и Пруссіей, въ особенности съ первою изъ этихъ державъ, представлявшеюся ему идеаломъ въ политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Востокъ, со связанными съ нимъ нашими историческими преданіями, являлся ему какъ бы помѣхою, злополучнымъ яблокомъ раздора между нами и Европой. Совершенно отречься отъ него мѣшали лишь хорошо из-

вѣстныя ему воззрѣнія императора Николая на унаслѣдованныя права по договорамъ и сочувствіе государя своимъ восточнымъ единовѣрцамъ. Но канцлеръ всячески старался умалить значеніе первыхъ и поколебать расположеніе къ послѣднимъ. Недаромъ называлъ онъ „неудобнымъ“ положеніе, созданное намъ на Босфорѣ Унвіарь-Искелесскимъ трактатомъ, и такъ охотно поступался имъ передъ Европой, самъ предложивъ распространить на Востокъ дѣйствіе пресловутаго „европейскаго концерта“.

Если судить по дипломатическимъ отчетамъ, то промежутокъ между Мюнхенгредскимъ свиданіемъ 1833 года и революціонною бурей 1848-го былъ рядомъ триумфовъ для политики Императорскаго кабинета. На дѣлѣ же, именно въ этотъ періодъ времени, мы теряли одну за другой позиціи наши на Балканскомъ полуостровѣ, въ Греціи, Сербіи, Дунайскихъ княжествахъ, наконецъ въ самомъ Царьградѣ, откуда англійскимъ вліяніемъ было окончательно вытѣснено наше. И одновременно съ освобожденіемъ Порты изъ-подъ нашей опеки, подорвана была традиціонная преданность намъ и христіанскаго населенія Оттоманской имперіи.

Иначе и быть не могло при полномъ подчиненіи нашей восточной политики рѣшеніямъ европейскаго „концерта“, да, сверхъ того, подозрительнымъ притязаніямъ ближайшей нашей союзницы, Австріи. Событія 1848 года доказали, какъ жестоко ошибались мы даже въ предположеніи, что цѣною нашихъ жертвъ мы де обезпечимъ покой и порядокъ въ Европѣ. Вѣсть о февральской революціи въ Парижѣ произвела сильное впечатлѣніе на императора Николая. Она получена была въ Петербургѣ въ послѣдній день масляницы. Утромъ былъ балъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Очевидецъ рассказываетъ, что государь вошелъ въ бальную залу мрачный, съ бумагою въ рукѣ. По знаку его, музыка перестала играть. Обратясь къ присутствующимъ офицерамъ, Николай громко произнесъ: „Сдѣлайте вашихъ коней, господа. Во Франціи республика!“ Балъ тотчасъ же прекратился, и гости разъѣхались. Недѣлю спустя прибылъ изъ Вѣны курьеръ съ извѣстіемъ объ уличномъ возстаніи и бѣгствѣ Меттерниха. Наконецъ, еще черезъ недѣлю, во второе воскре-

сенье поста посланецъ изъ Берлина сообщилъ о происшедшемъ и въ этой столицѣ переворотѣ¹⁾.

Тогда государю ясно представилась вся ложь утверждения о мнимой политической солидарности Россіи съ ея западными сосѣдями и всѣхъ проистекающихъ изъ того послѣдствій. Онъ постигъ, что отечество наше есть особый міръ, именно въ силу тѣхъ своеобразныхъ основныхъ началъ, коими оно создано и живетъ. Убѣжденіе это государь краснорѣчиво выразилъ въ слѣдующемъ обращеніи къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ:

„Послѣ благословеній долголѣтняго мира“, возвѣщаль Россіи Высочайшій манифестъ, „Западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

„Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи; разливаясь повсемѣстно, съ наглостью, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзнымъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ въ безуміи своемъ и нашей, Богомъ намъ вѣренной, Россіи.

„Но да не будетъ такъ!

„По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призывавъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ, въ неразрывномъ союзѣ со святою нашею Русью, защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

„Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподанный нашъ отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя, что древній нашъ возгласъ: *за вѣру, царя и отечество* и нынѣ предрекаетъ намъ путь къ побѣдѣ: и тогда въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

„Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь: яко съ нами Богъ!“²⁾

Что общаго имѣлъ этотъ языкъ съ тѣми рѣчами, коими

¹⁾ Grimm: *Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland*, II, стр. 296.

²⁾ Высочайшій манифестъ 14 (26) марта 1848 г.

русская дипломатія говорила съ Европой отъ имени Россіи? Какой отголосокъ могло найти упоминаніе о неразрывной связи царскаго престола съ вѣрой и народностью въ сердцахъ нашихъ дипломатическихъ представителей, не-русскихъ и неправославныхъ? Самое понятіе о „святой Руси“ было чуждо ихъ разумѣнію и только могло, по мнѣнію ихъ, компрометировать насъ предъ Европой, ставя на мѣсто мнимой солидарности нашего двора съ союзными монархіями дѣйствительную кровную и духовную связь русскаго народа съ милліонами людей исповѣдующихъ православную вѣру, но состоящихъ въ подданствѣ австрійскаго императора или турецкаго султана. А между тѣмъ въ устахъ императора Николая слова эти были не фразой, а выраженіемъ истиннаго чувства, и знаменовали новый поворотъ въ его политикѣ. Какъ во имя самодержавія онъ протянулъ великодушную руку помощи своему погибавшему союзнику, такъ во имя православія онъ не могъ оставаться долѣе безучастнымъ къ судьбѣ восточныхъ своихъ единовѣрцевъ. Тотчасъ по усмиреніи венгерскаго мятежа мы замѣчаемъ перемѣну въ личныхъ отношеніяхъ государя къ ихъ судьбѣ. Онъ явно исповѣдуетъ свое право покровительства надъ ними, и въ силу этого права, собственною властью возводитъ наслѣдника черногорскаго владыки въ санъ свѣтскаго князя, причемъ Вѣнскому двору приходится лишь склониться предъ такимъ выраженіемъ высочайшей воли и признать князя Данила въ новомъ званіи.

Ясно, что при возникновеніи спора о Святыхъ Мѣстахъ императоръ Николай не могъ поступить иначе, какъ открыто выступивъ защитникомъ правъ и преимуществъ православной церкви отъ посягательствъ латинскаго духовенства, поддержаннаго Портой, по настоянію и въ угоду императорской Франціи. Бѣда заключалась лишь въ томъ, что взглядъ его не раздѣлялся тѣми самими людьми, которые по положенію своему были призваны отстаивать его предъ Европой. Это хорошо сознавали современники. „Хочетъ и рѣшитъ всемогущая воля“, читаемъ въ Запискахъ князя П. А. Вяземскаго, „а приведеніе въ дѣйствіе зависитъ отъ внѣшнихъ орудій, повидимому всепокорныхъ, но не менѣе того повинующихся иногда неохотно и съ тайною оговоркой. Нѣтъ сомнѣнія, что графъ Нессель-

роде — честный человек и государственный человек с отличными способностями; но не подлежит также сомнению и то, что возбуждение Восточного вопроса и вся обстановка этого дела совершенно противоречат его понятиям, правилам и убеждениям. Как же ожидать успеха от руководства его, как же ожидать хороших вдохновений в деле, которое не может иметь хорошего окончания? Второстепенные орудия, подчиненные ему, также в фальшивом положении. И потому нет единства в воле головы и в исполнении рук¹⁾.

Невозможно верно охарактеризовать отношение нашей дипломатии к видам и намерениям императора Николая, каждый раз когда они истекали из чуждаго ей источника: сознания историческаго призванія Россіи на Востокъ. Выводъ отсюда ясенъ. Даже верховная власть самодержца безсильна осуществить свою волю, если орудіями ея исполненія являются люди ея не разумѣющіе или ей не сочувствующіе, и чѣмъ скрытнѣе разладъ, тѣмъ гибельнѣе и бѣдственнѣе его послѣдствія.

„Да, конечно“, откровенно писалъ тотъ же князь Вяземскій двоюродному брату канцлера, генералу, графу Нессельроде, „я признаю васъ за хорошаго и даже очень хорошаго русскаго, какъ еслибы вы родились на берегахъ Москвы-рѣки или Волги, но, какъ вы сами говорите, вамъ недостаетъ кое-чего, а именно *православія*¹⁾, а въ настоящемъ дѣлѣ это кое-что — все. Вотъ почему наша иностранная политика, которая въ прочихъ отношеніяхъ могла быть искусно представляема и защищаема людьми способными и усердными, всегда бывала ведена равнодушно и неумѣло съ той точки зрѣнія, которая недоступна ихъ разуму и нравственному инстинкту. Для Россіи все въ ея православіи. Оно — причина ея бытія. Въ немъ ея независимость и индивидуальность посреди европейской семьи. Если Богъ создалъ насъ великою державой, то не затѣмъ, чтобы мы занимались дѣлами княжества Монако. Наши интересы, наши обязанности, наша политика — не тамъ; мы православные люди *Божіею милостію и волею исторіи*, и въ каче-

¹⁾ „Изъ старой записной книжки“, 17-го (29) ноября 1858 г. *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, X, стр. 87.

²⁾ Слово православіе написано по-русски во французскомъ письмѣ.

ствѣ таковыхъ мы православные не для однихъ насъ, но и для нашихъ братьевъ, которыхъ слѣдуетъ покровительствовать, поддерживать. Мы скорѣе въ правѣ сказать: „союзники эти должны быть уважаемы всюду, докуда могутъ достигать наши пушки“. Это не родомонтада. Для насъ это необходимость. Франція можетъ прекрасно существовать, быть могучею и почитаемою, допуская Россію требовать право покровительства надъ православными греками; но Россія отреклась бы отъ достоинства великой державы, еслибъ отреклась отъ призванія служить охраной, надеждой и опорой своихъ единовѣрцевъ“¹⁾.

Все сказанное въ приведенномъ нами письмѣ вполнѣ примѣнимо не только къ государственному канцлеру, но и къ тѣмъ изъ его сотрудниковъ, которые представляли Россію при дворахъ великихъ державъ. То были, при зарожденіи восточнаго кризиса въ концѣ 1852 года, посланники: въ Лондонѣ — Брунновъ, въ Вѣнѣ — Мейендорфъ, въ Берлинѣ — Будбергъ и въ Парижѣ — Киселевъ²⁾.

Баронъ Ф. И. Брунновъ былъ едва ли не самою выдающеюся личностью въ средѣ нашего дипломатическаго состава того времени. Родился онъ въ 1797 году въ Дрезденѣ отъ родителей саксонцевъ, но выходцевъ изъ Курляндіи и, сколько извѣстно, не носившихъ баронскаго титула. Нѣмецъ и протестантъ, онъ слушалъ курсъ наукъ въ Лейпцигскомъ университетѣ и еще студентомъ обратилъ на себя вниманіе правителя канцеляріи графа Каподистрии, извѣстнаго Стурдзы, искавшаго въ Германіи опытныхъ юристовъ, которые могли бы составить гражданское уложеніе для вновь присоединенной Бессарабіи. Въ 1818 году, молодой Брунновъ былъ принятъ въ русскую службу, по иностранной коллегіи, съ чиномъ актуаріуса, и сначала сопровождалъ Стурдзу въ поѣздкахъ его за границей, а потомъ былъ причисленъ къ министерской канцеляріи. Красивый почеркъ обратилъ на него вниманіе графа Нессельроде, который въ 1821 году взялъ его съ собою въ качествѣ секретаря на конгрессъ въ Лайбахъ. Годъ спустя Брунновъ въ томъ же званіи сопровождалъ графа Ливена въ

¹⁾ Князь Вяземскій генералу графу Нессельроде 8 (20) февраля 1854 г. тамъ же, X, стр. 111.

²⁾ Николай Дмитриевичъ, братъ графа Павла Дмитриевича.

Ганноверъ, куда тотъ ѣздилъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ, и на Веронскій конгрессъ. Когда на графа Воронцова возложено было главное управленіе Новороссійскимъ краемъ, Брунновъ былъ опредѣленъ состоять при немъ въ должности дипломатическаго чиновника и ѣздилъ съ нимъ въ Аккерманъ на совѣщанія. При открытіи турецкой войны Брунновъ получилъ мѣсто правителя канцеляріи полномочнаго предсѣдателя дивановъ Молдавіи и Валахіи, графа Палена, но оставилъ его при назначеніи на этотъ постъ генерала Киселева. Орловъ взялъ его съ собою въ Адрианополь, а по заключеніи мира и въ Константинополь, уже въ должности управляющаго канцеляріей графа. По возвращеніи въ Россію, Орловъ лично рекомендовалъ его Нессельроде, который назначилъ Бруннова состоять при особѣ вице-канцлера.

Причиной столь быстрого возвышенія безроднаго иностранца былъ уже не одинъ прекрасный почеркъ, а замѣчательный редакторскій талантъ, проявленный имъ въ составленіи дипломатическихъ депешъ для графа Орлова. Талантъ этотъ цѣнился очень высоко; не менѣе цѣнилось и вкрадчивое, преисполненное наружнаго почтенія, близко граничившаго съ угодливостью, обращеніе Бруннова со своими всемогущими начальниками: Воронцовымъ и Орловымъ. Качества эти пріобрѣли ему полное расположеніе и довѣріе также и графа Нессельроде. Онъ сопровождалъ вице-канцлера на съѣзды Мюнхенгредскій и Теплицкій и въ награду за усердіе и труды, по составленію главнѣйшихъ бумагъ исходившихъ изъ министерской канцеляріи, назначенъ былъ посланникомъ въ 1837 году при Виртембергскомъ дворѣ, а потомъ — и при Гессенъ-Дармштадтскомъ, въ качествѣ каковаго подписалъ брачный договоръ цесаревича Александра Николаевича съ августѣйшею его неврѣстой. Въ 1839 году ему же было поручено прочесть государю наслѣднику курсъ исторіи нашихъ внѣшнихъ сношеній отъ временъ Екатерины II до царствованія императора Николая влючительно.

Въ книгѣ, посвященной нами обзору внѣшней политики Николая Павловича, мы имѣли неоднократно случай указать на то, въ какомъ духѣ ловкій и счастливый дипломатъ велъ это преподаваніе, всѣми силами стараясь выставить преиму-

щества усвоенной графомъ Нессельроде политической системы надъ преданіями Екатерининской политики. Но честолюбіе его не было удовлетворено предоставленнымъ ему правомъ историческаго изложенія и теоретической формуловки дѣйствій императорскаго кабинета, а и того менѣ скромною дѣятельностью дипломатическаго представителя Россіи при двухъ второстепенныхъ германскихъ дворахъ. Познаніями и способностями онъ превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей и сверстниковъ, а потому удачно воспользовался замѣпательствомъ, въ которомъ находился графъ Нессельроде во время второй турецко-египетской распри и представилъ вице-канцлеру проектъ, успѣшно разрѣшавшій казавшееся неразрѣшимымъ затрудненіе. Проектъ этотъ былъ одобренъ въ Петербургѣ, и на самого Бруннова возложено было приведеніе его въ исполненіе въ Лондонѣ.

Ставъ въ 1840 г. русскимъ посланникомъ при Великобританскомъ дворѣ, Брунновъ, отличавшійся дотолѣ пристрастіемъ къ Меттерниховской Австріи, преобразился въ ревностнаго сторонника тѣснаго единенія Россіи съ Англіей по всѣмъ дѣламъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Онъ хвалился въ Петербургѣ полнымъ достиженіемъ этой цѣли, конечно только на словахъ и отнюдь не на дѣлѣ. Заискивая въ англійскихъ министрахъ, онъ сумѣлъ добыть личное ихъ къ себѣ расположеніе, но ни на іоту не измѣнилъ ихъ традиціоннаго, полнаго зависти и подозрительности взгляда на Россію. Нельзя сказать, чтобъ онъ свискалъ себѣ уваженіе при англійскомъ дворѣ и въ обществѣ. Наружность его не представляла ничего привлекательнаго. Онъ былъ очень высокаго роста, коренастъ и плечистъ, въ лицѣ его поражалъ необыкновенной величины ротъ съ длинными рядами большихъ вставныхъ зубовъ. Одинъ изъ его иностранныхъ товарищей, саксонскій посланникъ въ Лондонѣ, графъ Фицтумъ, сравниваетъ его съ гиппопотамомъ, увѣряя, что подобно этому животному онъ постоянно пыхтѣлъ и сопѣлъ, вообще имѣлъ видъ „допотопный“. „Но“, замѣчаетъ тотъ же дипломатъ, нельзя не отдать справедливости его искусству какъ редактора, хотя онъ, быть можетъ, обращалъ больше чѣмъ слѣдуетъ вниманія на форму своихъ донесеній въ ущербъ ихъ содержанію“. По словамъ Фицтума, Брунновъ любилъ

чтобы на международных конференціяхъ ему поручали составленіе протоколовъ или договоровъ. Въ обращеніи съ людьми онъ прикрывался личиною ложнаго добродушія, мало свойственнаго его природѣ. Обыкновеннымъ пріемомъ его была лесть, но при этомъ онъ обнаруживалъ такую изысканную тонкость, что невольно возбуждалъ къ себѣ недовѣріе¹⁾.

Замѣчательно, что отзывъ этотъ вполне подтвердилъ высшій политическій авторитетъ нашего времени, князь Бисмаркъ, послѣ перваго знакомства съ Брунновымъ во Франкфуртѣ, куда тотъ былъ назначенъ посланникомъ во время Севастопольской войны. „Брунновъ“, доносилъ барону Мантейфелю о новомъ своемъ русскомъ товарищѣ прусскій уполномоченный при Германскомъ союзномъ сеймѣ, „редакторское искусство котораго я, на основаніи бумагъ, прочитанныхъ имъ мнѣ при случаѣ, цѣню почти столь же высоко какъ и онъ самъ; какъ дипломатъ, въ словесныхъ сношеніяхъ не произвелъ на меня впечатлѣнія, которое соотвѣтствовало бы предшествовавшей ему славѣ. Онъ слишкомъ назойливъ въ своемъ заискиваньи личной благосклонности и выдаетъ свою цѣль именно преднамѣренностью, съ которою желалъ бы скрыть ее. Онъ шьетъ, какъ говорятъ французы, бѣлыми нитками и слишкомъ легко рассчитываетъ на существенныя выгоды отъ расположенія въ свою пользу даннаго лица. Намѣреніе его замѣчаешь и тогда, когда даже имъ не оскорбляешься, а онъ наивно удивляется, что его заискиванье въ одномъ изъ моихъ товарищей не имѣло никакого вліянія на мнѣніе послѣдняго“²⁾.

Гораздо существеннѣе были недостатки, которые прозрѣли въ нашемъ представителѣ при Лондонскомъ дворѣ русскіе люди, близко его знавшіе. Мнѣніе ихъ о немъ ярко выражается въ нижеслѣдующихъ словахъ князя П. А. Вяземскаго: „Что можетъ быть противоположнѣе русскому какого нибудь щедушнаго Бруннова? Ни капли русской крови, ни единаго русскаго чувства нѣтъ у него въ груди. Можетъ быть, онъ не продастъ Россію, но выдастъ ее, частью вѣдѣніемъ, частью

¹⁾ Graf Vitzthum von Eckstädt, *St.-Petersburg und London in den Jahren 1852—1864*. I, стр. 55.

²⁾ Бисмаркъ-Шенгаузенъ барону Мантейфелю, 4 (16) февраля 1856 г.

невѣдѣніемъ. Невѣдѣніемъ потому, что онъ не понимаетъ Россіи, что никакая русская струна не звучитъ въ сердцѣ его. Вѣдѣніемъ потому, что гдѣ ему... отгрызаться зубъ за зубъ съ Пальмерстономъ, который долженъ давить его и сгибать въ три погибели своимъ барствомъ и высокомѣріемъ. Ему ли... передавать звучный и богатырский голосъ русскаго царя, на примѣръ, въ настоящемъ Восточномъ вопросѣ? Что пойметъ онъ въ чувствѣ народнаго православія, которое можетъ ополчить всю Россію? Все это для него тарабарская грамота. И во всемъ Восточномъ вопросѣ неминуемо, невольно, онъ какъ маркиза Капель-Бажакъ ¹⁾ (въ Карлсбадѣ) видитъ одно спасеніе — лишиться своего посланническаго мѣста. Это натурально, и винить его въ томъ было бы несправедливо... У Нессельроде, хотя и нельзя сказать Нессельрода, есть по крайней мѣрѣ русскіе меринсы на святой Руси. Стало бытъ онъ прикрѣпленъ къ русской землѣ. Но у этого... бобыля Брунова нѣтъ... Онъ, какъ всякій выскочка, долженъ былъ изгибаться предъ лордами и трусить предъ ними, потому что онъ изгибается предъ всѣми высшими. Я видѣлъ его въ Ораніенбаумѣ: онъ былъ *пластрономъ* великихъ княгинь и фрейлинъ. Сказываютъ, что эту же роль игралъ онъ въ Одессѣ при дворѣ князя Воронцова и у Орлова ²⁾.

Если посланникъ нашъ въ Лондонѣ страдалъ полнымъ отсутствіемъ чувства собственнаго достоинства, то представитель Россіи въ Вѣнѣ, баронъ П. К. Мейендорфъ, былъ въ этомъ отношеніи совершенною ему противоположною. Къ сожалѣнію, онъ нисколько не отличался отъ Брунова въ политическихъ своихъ взглядахъ и, подобно ему, былъ вполне чуждъ русскихъ народныхъ возрѣвій и вѣрованій. Мейендорфъ принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ рыцарскихъ родовъ Прибалтійскаго края, родился въ 1797 году и воспитаніе получилъ въ Институтѣ корпуса инженеровъ Путей Сообщенія. Въ годъ Отечественной войны онъ вступилъ въ военную службу, съ отличіемъ принималъ участіе въ

¹⁾ Жена французскаго посланника въ Петербургѣ.

²⁾ „Изъ старой записной книжки“, Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, X, стр. 20 и 190.

походахъ 1813 и 1814 годовъ, а въ 1817 году „уволенъ къ статскимъ дѣламъ съ причисленіемъ къ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ“. Онъ попеременно былъ секретаремъ при миссіяхъ нашихъ въ Гагѣ и Мадридѣ, совѣтникомъ вѣнскаго посольства, наконецъ посланникомъ въ Штуттгартѣ и съ 1839 года — въ Берлинѣ. Во время перваго пребыванія въ Вѣнѣ онъ женился на графинѣ Софіи Буоль-Шауэнштейнъ, сестрѣ дипломата того же имени, бывшаго въ послѣдствіи австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Самъ Мейендорфъ былъ протестантъ, а жена католичка, вслѣдствіе чего всѣ дѣти ихъ были римско-католическаго исповѣданія. Съ представительностью и тактомъ аристократа, онъ соединялъ острый умъ и обширныя познанія. Но частью по родственнымъ своимъ связямъ, частью подъ влияніемъ господствовавшаго въ нашей политикѣ направленія, былъ до мозга костей проникнутъ сознаніемъ необходимости для Россіи самаго тѣснаго единенія съ Австріей и дружнаго дѣйствія съ нею во всѣхъ международныхъ вопросахъ. Взглядъ этотъ онъ настойчиво проводилъ въ бытность посланникомъ при Прусскомъ дворѣ, до и въ особенности послѣ революціи 1848 года, въ ущербъ даже нашимъ исконнымъ дружественнымъ и недавнимъ родственнымъ связямъ съ прусскою династіей. Мейендорфъ игралъ видную роль въ переговорахъ между двумя главными державами Германіи, въ качествѣ русскаго посланника при Австрійскомъ дворѣ, мѣсто, на которое онъ былъ переведенъ въ 1850 году. Онъ присутствовалъ на совѣщаніяхъ въ Варшавѣ, и въ Ольмюцѣ явился посредникомъ между барономъ Мантейфелемъ и княземъ Шварценбергомъ. Какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Вѣнѣ, онъ пользовался всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ, и значеніе его возросло еще болѣе, когда шурина его, графъ Буоль, получилъ портфель иностранныхъ дѣлъ. Ему, какъ и графу Нессельроде, какъ и барону Бруннову, вмѣшательство наше въ споръ о Святыхъ Мѣстахъ, повлекшее за собою возбужденіе всего Восточнаго вопроса, представлялось несвоевременнымъ и неразумнымъ. Вѣроисповѣдная сторона этого вопроса не могла быть имъ ни усвоена, ни даже постигнута. Но если онъ заблуждался относительно правдивости Вѣнскаго двора въ выражаемомъ послѣднимъ расположеніи къ Россіи, то

справедливость требуетъ признать, что заблужденіе его было вполнѣ искреннимъ.

Въ Берлинѣ представлялъ насъ молодой дипломатъ также нѣмецкаго происхожденія, обратившій на себя вниманіе государя и канцлера твердостью и рѣшимостью, проявленными имъ во Франкфуртѣ въ 1848 году, въ самый разгаръ революціонной бури. Баронъ А. О. Будбергъ родился въ 1817 году и образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, окончивъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента. На службу онъ вступилъ въ 1841 году и, прослуживъ четыре года въ канцеляріи Министерства иностранныхъ дѣлъ, былъ назначенъ младшимъ секретаремъ миссіи нашей при Германскомъ Союзѣ, въ 1850 году переведенъ въ Берлинъ въ званіи совѣтника, а въ слѣдующемъ утвержденъ въ должности посланника при прусскомъ дворѣ. По образу мыслей и направленію онъ близко подходилъ къ барону Мейендорфу, котораго и замѣстилъ въ Берлинѣ. Быстроу повышенію его по службѣ отчасти способствовало и вступленіе его въ бракъ съ дочерью ветерана нашей дипломатіи, стараго товарища графа Нессельроде, Убри. При этомъ нельзя не замѣтить, что какъ состоявшіе въ нашей службѣ левантинцы на Востокѣ, такъ и на Западѣ дипломаты изъ остзейскихъ нѣмцевъ, часто роднились между собой и, составляя какъ бы одну обширную семью, стремились замѣстить своими людьми видныя и прибыльныя дипломатическія должности, устраняя отъ нихъ по возможности лицъ не находившихся съ ними въ родствѣ или свойствѣ.

Посланникъ въ Парижѣ, Н. Д. Киселевъ, былъ одинъ изъ немногихъ природныхъ русскихъ, достигшихъ высокаго назначенія за время управленія графомъ Нессельроде министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Этимъ Киселевъ былъ обязанъ вліятельному положенію при дворѣ брата своего, графа Павла Дмитріевича, перваго министра государственныхъ имуществъ. Николай Киселевъ родился въ 1802 году, кончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ со степенью кандидата и съ 1824 года состоялъ на службѣ по дипломатическому вѣдомству. Онъ сопровождалъ князя Меншикова при отправленіи его чрезвычайнымъ посломъ въ Персію, а по возвращеніи оттуда былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Парижъ, гдѣ и оста-

вался цѣлую четверть столѣтїя, постепенно подвигаясь въ чинахъ и званїяхъ, за исключенїемъ лишь трехлѣтняго промежутка съ 1837 по 1840 годъ, проведеннаго въ Лондонѣ, въ должности совѣтника посольства. Послѣ ссоры Русскаго двора съ Французскимъ, повлекшей за собою въ 1841 году отозванїе пословъ, Киселевъ болѣе десяти лѣтъ управлялъ парижскимъ посольствомъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, а вслѣдъ за государственнымъ переворотомъ 2 декабря былъ аккредитованъ посланникомъ при принцѣ-президентѣ. Мы имѣемъ объ этомъ дипломатѣ слѣдующій отзывъ князя П. А. Вяземскаго: „Киселевъ — умный малый и русскій чувствомъ, но, по несчастью, онъ прежде и выше всего парижанинъ. Для него внѣ Парижа нѣсть спасенїя. Въ обстоятельствахъ подобныхъ нынѣшнимъ (писано въ 1853 году) представители Россїи предъ Европой должны быть другаго роста и другаго покрова“¹⁾.

Намъ мало остается прибавить къ этимъ полнымъ горечи словамъ маститаго русскаго писателя и патріота, словамъ, справедливость коихъ такъ грозно и неумолимо подтвердили событїя. Изъ страшныхъ испытанїй, пережитыхъ Россїей въ достопамятную эпоху Севастопольской борьбы, неужели мы не извлечемъ урока, который предохранилъ бы наше отечество въ будущемъ отъ новаго погрома, порожденнаго одинаковыми съ прежними причинами?

Забудемъ ли, что великая держава, великій народъ, не могутъ безнаказанно удаляться съ пути, указаннаго имъ исторїей, намѣченнаго и прославленнаго цѣлымъ рядомъ прошедшихъ поколѣнїй; что народное самосознанїе одно предохраняетъ отъ опасныхъ уклоненїй или увлеченїй; что только та дипломатїя стоитъ на высотѣ своего призванїя, которая, какъ Антей, почерпаетъ силу въ соприкосновенїи съ родною почвой?

¹⁾ „Изъ старой записной книжки“, тамъ же, стр. 84.

ЕВРОПА НАКАНУНѢ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ

1853 — 56 годовъ.

Европа накануне восточной войны 1853—56 годовъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ нынѣшняго вѣка политическая поверхность Европы, глубоко потрясенной пронесшеюся надъ нею революціонною бурей, представляла, повидимому, значительное сходство съ состояніемъ, въ коемъ находилась эта часть свѣта за два десятилѣтія предъ тѣмъ, послѣ іюльской революціи 1830 года. Теперь, какъ и тогда, великія державы были раздѣлены на два противоположные стана: либеральный на Западѣ, составленный изъ обѣихъ морскихъ державъ, и охранительный на Востокѣ, состоявшій изъ Россіи, Австріи и Пруссіи, соединенныхъ, казалось, узамъ болѣе тѣснаго, чѣмъ когда-либо союза.

Но сходство это было чисто внѣшнее и, слѣдовательно, обманчивое, призрачное. Чтобъ убѣдиться въ томъ, достаточно вникнуть во внутреннее положеніе каждой изъ великихъ державъ. Въ большинствѣ изъ нихъ революція окончательно разрушила прежній государственный строй, и возстановленіе порядка далеко не было возвращеніемъ въ *status quo ante*. Даже тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Австріи, снова были установлены политическія формы прошлаго, содержаніе ихъ стало совершенно иное. Изъ революціоннаго погрома народились не только новыя учрежденія, но и цѣлое поколѣніе общественныхъ дѣятелей, которые, какого бы направленія они ни при-

держивались, не имѣли ничего общаго съ дѣятелями до-революціонной эпохи и иными средствами преслѣдовали инья цѣли. Исключеніе въ данномъ случаѣ представляла одна Россія, и отчасти Англія, такъ какъ ихъ не коснулось тлетворное дыханіе революціи. За то на западно-европейскомъ материкѣ перемѣна была разительная и совершенная. Во Франціи, Австріи, Пруссіи, власть хотя и восторжествовала надъ безначаліемъ, но сама преобразилась сообразно вѣяніямъ времени. Ни въ одной изъ этихъ странъ государственные люди, сметенные революціей, не возвратились въ составъ правительства; преемники же ихъ не довольствовались вступленіемъ на торный путь историческихъ преданій, а стремились отыскать и проложить самостоятельные пути въ политикѣ какъ внутренней, такъ и въ особенности внѣшней.

Упущеніе изъ виду этого обстоятельства и было одною изъ важнѣйшихъ причинъ заблужденій и промаховъ русской дипломатіи въ занимающую насъ достопамятную эпоху. Для вѣрнаго ея пониманія, намъ необходимо поступить иначе и тщательно изучить перемѣны, происшедшія какъ въ направленіи европейскихъ кабинетовъ, такъ и въ личномъ ихъ составѣ. Въ особенности важно знакомство съ главными ихъ представителями, будущими дѣйствующими лицами во всемірно-исторической драмѣ Восточной войны 1853—56 годовъ.

I.

Вліяніе революціи всего болѣе отразилось на Пруссіи. Она вышла изъ нея неузнаваемою. Давно ли подъ отечески-патріархальнымъ управленіемъ короля Фридриха-Вильгельма III государство это жило невозмутимо спокойною жизнью, не зная ни внутреннихъ волненій, ни внѣшняго честолюбія? Сословныя областныя собранія замѣняли обще-государственное представительство; министрами были дѣловые люди, занимавшіеся исключительно текущими дѣлами; строгая бережливость обезпечивала превосходное состояніе финансовъ; единственнымъ крупнымъ расходомъ было содержаніе арміи, считавшейся краеугольнымъ камнемъ прусскаго государственнаго зданія; главное внима-

ніе правительства было посвящено матеріальнымъ пользамъ и нуждамъ страны, развитію ея промышленности и торговли; таможенный союзъ устанавливалъ на практической почвѣ тождество интересовъ Пруссіи и второстепенныхъ германскихъ государствъ, и втихомолку подготавливалъ политическое преобладаніе первой надъ послѣдними; наконецъ, во внѣшней политикѣ, по выраженію королевскаго завѣщанія, задача Берлинскаго двора сводилась къ поддержанію тѣснаго единенія съ Россіей и Австріей, на началахъ Священнаго Союза.

Уклоненіе отъ этой программы началось съ самаго воцаренія Фридриха-Вильгельма IV. Мистикъ и романтикъ на престолѣ, молодой король далъ волю своему пылкому воображенію, и оно вскорѣ увлекло его далеко отъ политическихъ преданій завѣщанныхъ отцомъ. Во имя солидарности протестантскихъ интересовъ онъ стремился къ сближенію съ Англіей, которое неминуемо должно было повлечь за собой ослабленіе традиціонныхъ связей Берлинскаго двора съ Петербургскимъ и вѣнскимъ. Пристрастіе къ средневѣковымъ государственнымъ и общественнымъ формамъ побудило его искать согласованія ихъ съ требованіями новѣйшаго времени. Результатъ этихъ усилій оказался самый плачевный. Гроза 1848 года разразилась надъ королемъ и надъ Пруссіей и разомъ снесла воздвигнутое имъ зданіе готическаго храма, приспособленнаго къ условіямъ современнаго парламентаризма. Король очутился лицомъ къ лицу съ мятежемъ, и покорился ему. Болѣе полугодя смута и безначаліе торжествовали полную побѣду. Спасеніемъ своимъ государство и общество обязано было, во первыхъ, арміи, вовторыхъ, сильной и энергичной инициативѣ консервативныхъ элементовъ и въ частности помѣстнаго дворянства. Во главѣ новаго министерства сталъ генералъ, графъ Бранденбургъ. Однако правительство и не думало воспользоваться возстановленіемъ порядка для полной отмѣны учрежденій введенныхъ мятежемъ. Король послѣшилъ даровать новую конституцію, мало отличавшуюся отъ той, которую вырабатывали разогнанные штыками „представители народа“, и самъ первый принесъ ей торжественную присягу въ вѣрности.

Причину такой слабости слѣдуетъ искать въ честолюбивыхъ замыслахъ, возбужденныхъ въ умѣ Фридриха-Виль-

гельма IV, проявившимися съ необыкновенною силою стремленіями нѣмецкаго народа къ объединенію подъ главенствомъ Пруссіи. Врожденное чувство монархическаго приличія хотя и не дозволило ему принять предложенную самозваннымъ германскимъ учредительнымъ собраніемъ императорскую корону, но мысль объ осуществленіи историческаго призванія своего дома глубоко запала ему въ душу. Необходимымъ условіемъ успѣха являлось содѣйствіе народа, въ лицѣ его представителей, отъ которыхъ ожидалось давленіе на нѣмецкія правительства, мало расположенныя поступиться въ пользу Пруссіи своими державными правами. Безъ выборныхъ палатъ въ Берлинѣ невозможно было созваніе Эрфуртскаго парламента.

Всѣ эти сдѣлки съ духомъ мятежа и съ собственною совѣстью оказались напрасными. Предъ энергическимъ противодействіемъ Австріи, и въ особенности Россіи, Фридрихъ-Вильгельмъ IV вынужденъ былъ отречься отъ задуманной имъ Уніи и выразить согласіе на возстановленіе въ Германіи союзнаго устройства, установленнаго Вѣнскимъ конгрессомъ, который предоставилъ, какъ извѣстно, Австріи первое мѣсто въ конфедераціи нѣмецкихъ государствъ. Мы уже имѣли случай изложить сущность и указать на значеніе Ольмюцкой капитуляціи¹⁾. Ею открывалась новая эра въ прусской политикѣ и внутренней, и внѣшней.

Пораженіе, понесенное правительствомъ въ его попыткахъ объединенія Германіи, отразилось на внутреннихъ дѣлахъ Прусскаго королевства торжествомъ консервативной партіи, всегда недовѣрчиво и даже враждебно относившейся къ заигрываньямъ короля и министерства съ партіей народниковъ и либераловъ. Любопытно, однако, что прусскіе консервативы не заняли въ правительствѣ мѣста, соотвѣтствующаго ихъ силѣ и значенію. Во главѣ министерства остался баронъ Мантейфель, личность совершенно безцвѣтная, не принадлежавшая ни къ одной изъ политическихъ партій. При составленіи, въ концѣ 1848 года, кабинета въ предсѣдательствѣ графа Бранденбурга, Мантейфель, слышій за опытнаго и трудолюбиваго чиновника, получилъ въ немъ портфель внутреннихъ дѣлъ, по

¹⁾ Внѣшняя политика Императора Николая I, стр. 115 и слѣд.

удаленіи генерала Радовица замѣнилъ его въ должности министра внѣшнихъ сношеній, а по смерти Бранденбурга занялъ въ совѣтѣ министровъ кресло предсѣдателя. Большая часть его товарищей по кабинету состояла изъ людей подобныхъ ему, бюрократовъ, состарѣвшихся на государственной службѣ, лишенныхъ всякаго личнаго вліянія въ парламентѣ. По странной непослѣдовательности, лишь самое главное изъ министерствъ, военное, было, вскорѣ послѣ Ольмюца, ввѣрено королемъ одному изъ виднѣйшихъ представителей національно-либеральной партіи, генералу Бонину, бывшему главнокомандующему шлезвиг-голштинскихъ войскъ. Такому разномастному кабинету не всегда удобнымъ орудіемъ служила нижняя палата, гдѣ преобладало консервативное большинство, относившееся вполнѣ независимо къ правительственнымъ предложеніямъ; а потому на слѣдующихъ выборахъ, подъ давленіемъ администраціи, избрана была новая палата, извѣстная подъ названіемъ „камеры ландратовъ“, такъ какъ почти всѣ ея члены оказались чиновниками и, слѣдовательно, людьми вполнѣ зависѣвшими отъ министерства и расположенными быть его покорными слугами.

Исключенная изъ состава кабинета, утратившая большинство въ парламентѣ, такъ называемая партія *Крестовой Газеты* тѣмъ не менѣе сохранила за собою большое значеніе, главнымъ образомъ благодаря вліянію, пріобрѣтенному ея вождями на самого короля. Къ числу ихъ принадлежало ближайшее къ Фридриху-Вильгельму лицо, генераль-адъютантъ Герлахъ, находившійся при немъ безотлучно, внушавшій ему неограниченное довѣріе и во время объѣздовъ и путешествій исправлявшій при немъ должность походнаго министра по всѣмъ вѣдомствамъ, не исключая и дипломатическаго. Братъ генерала, президентъ Герлахъ, былъ вождемъ консервативовъ въ нижней палатѣ, въ палатѣ же господъ обязанность эту дѣлилъ съ крещенымъ евреемъ Сталемъ одинъ изъ знатнѣйшихъ аристократовъ Пруссіи, также личный другъ Фридриха-Вильгельма, графъ Антонъ Штольбергъ-Вернигероде. Но самымъ вліятельнымъ, хотя и негласнымъ, совѣтникомъ короля былъ баронъ Зенфѣтъ-фонъ-Пильзахъ. Не занимая никакой государственной должности, вромѣ званія члена верхней палаты, этотъ

столпъ охранительной партіи въ Пруссіи привлекался королемъ къ совѣщаніямъ по всѣмъ важнѣйшимъ политическимъ вопросамъ, и рѣдко король принималъ рѣшеніе несогласное съ его совѣтомъ. Пильзахъ велъ со своимъ государемъ постоянную переписку и безъ участія его не обходилось ни одно назначеніе или смѣна министровъ и другихъ сановниковъ. Король питалъ къ нему нѣжную дружбу и глубоко уважалъ его за независимость характера и преданность, чуждую всякой корысти ¹⁾).

Можно положительно сказать, что въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Фридриха-Вильгельма IV, поименованныя выше три лица совершенно вытѣснили вліяніе прежнихъ друзей и совѣтниковъ его до-революціонной эпохи, Радовица, Бунзена и другихъ поборниковъ возрожденія Германіи на началахъ единства и политической свободы подъ властью Гогенцоллернскаго дома. Все, что напоминало королю о бывшихъ связяхъ его съ революціей и о потворствѣ ей, внушало ему отвращеніе, стыдилось его и унижало. Никто строже его самого не отзывался о проявленной имъ, въ отношеніи къ ней, слабости. „Исторія никогда мнѣ не проститъ“, говорилъ онъ своему любимцу и чтецу Шнейдеру, „что я не повергъ во прахъ перваго осмѣливаго дерзновенною рукой схватиться за мой вѣнецъ и не поразилъ его мечомъ, который Всевышній вложилъ мнѣ въ руку“ ²⁾). Такое душевное настроеніе Фридриха-Вильгельма достаточно объясняетъ рѣшимость его тотчасъ послѣ Ольмюцскаго соглашенія, разрѣшавшаго внѣшнія затрудненія, обратить свое вниманіе на внутреннія дѣла. Впрочемъ, онъ не помышлялъ объ отмѣнѣ конституціи, чего не хотѣли и прусскіе консервативы, видѣвшіе въ обѣихъ палатахъ средство для проведенія вліянія своей партіи въ странѣ; „но“, писалъ онъ Бунзену, „во мнѣ сложилось полное и твердое убѣжденіе, что выраженіе новѣйшаго конституціонализма въ государственной хартіи было бы *шбелью Пруссіи*“. Король заявлялъ, что онъ не нарушитъ присяги, принесенной имъ на вѣрность конституціи, „но честно, сопъ амоге и съ могучею рѣшимостью“, бу-

¹⁾ Объ отношеніяхъ короля къ вождямъ консервативной партіи см. Wagener *Die Politik Friedrich-Wilhelm IV*, стр. 85—87.

²⁾ Louis Schneider: *Aus meinem Leben*, II, стр. 229.

детъ, какъ и подобаетъ королю Божіею милостію, стараться ввести въ нее измѣненія къ лучшему, конституціоннымъ путемъ, съ согласія обѣихъ палатъ“. Планъ этотъ былъ весьма настойчиво и послѣдовательно приведенъ въ исполненіе. По предложенію правительства, палаты приняли цѣлый рядъ мѣръ, отмѣнявшихъ основанныя на революціонномъ принципѣ „чуждойности“ законодательства предшедшихъ годовъ, и замѣнили ихъ постановленіями, согласованными съ основными началами монархическаго правленія. Даже по конституціи 1850 года, право распоряжаться войсками признавалось неотъемлемою прерогативой короны. Въ слѣдующіе годы восстановлены были упраздненныя конституціей областныя земскія собранія; преобразована верхняя палата; отмѣнено положеніе о самоуправленіи сельскихъ общинъ, и послѣднія снова подчинены надзору владѣльцевъ крупныхъ дворянскихъ имѣній; свобода печати ограничена закономъ; политическіе процессы изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ.

По мѣрѣ того, какъ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, подъ вліяніемъ недавнихъ событій, отрѣшался отъ либеральныхъ увлеченій своей молодости и начиналъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ держаться строго охранительныхъ правилъ, перемѣна въ обратномъ направленіи происходила въ образѣ мыслей ближайшаго къ престолу лица, брата и наслѣдника короля, принца Прусскаго. Бывшій дотолѣ убѣжденнымъ сторонникомъ неограниченной монархической власти и противникомъ національно-нѣмецкихъ стремленій къ объединенію, который считалъ гибельными для самостоятельности Пруссіи, принцъ Вильгельмъ мало-по-малу преобразился въ поборника конституціонныхъ принциповъ внутри государства и велико-германской политики внѣ его. Выдающаяся роль, выпавшая ему на долю во всемірной исторіи, побуждаетъ насъ внимательно прослѣдить тотъ процессъ, коимъ совершился въ его понятіяхъ, сужденіяхъ и дѣйствіяхъ столь разительный переворотъ.

Принцъ Вильгельмъ, второй сынъ короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы, выступилъ на историческое поприще подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ великихъ міровыхъ событій, сопровождавшихъ низложеніе Наполеона и осво-

боженіе Германіи изъ-подъ французскаго ига. Семнадцатилѣтнимъ юношей онъ принялъ участіе въ послѣдней борьбѣ, отличился въ походѣ 1814 года и былъ свидѣтелемъ и участникомъ взятія Парижа и вступленія въ него союзныхъ войскъ. Глава Великаго Союза, императоръ Александръ I, узнавъ молодого принца, искренно полюбилъ его. Когда три года спустя принцъ прибылъ въ Петербургъ, сопровождая сестру свою, невѣсту великаго князя Николая Павловича, государь, представивъ его императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, сказалъ: „рекомендую вамъ новаго моего брата“. Императрица отвѣчала: „Стало быть и у меня однимъ сыномъ болѣе“¹⁾.

Принцъ Вильгельмъ пробылъ въ Россіи болѣе полугода, сопровождая нашъ дворъ изъ Петербурга въ Москву, и еще болѣе сроднился съ членами царскаго семейства, преимущественно съ зятемъ своимъ, великимъ княземъ Николаемъ. Тотчасъ по его отъѣздѣ, императоръ Александръ письменно предложилъ принцу самому указать на тотъ полкъ русской арміи, коего онъ желалъ бы быть шефомъ²⁾. Въ отвѣтѣ своемъ принцъ выразилъ его величеству горячую признательность, и время, проведенное въ Россіи, назвалъ „самымъ пріятнымъ и важнымъ въ своей жизни“. Онъ затруднялся предложеннымъ ему выборомъ полка, ибо, утверждалъ онъ, всѣ полки русской арміи отличаются одинаковою храбростью, славой и „военною красотой“. Личныя воспоминанія, соединяющія его съ Калужскимъ пѣхотнымъ полкомъ, одни де заставляютъ его отдать предпочтеніе послѣднему, такъ какъ онъ былъ свидѣтелемъ славнаго участія полка въ битвѣ при Баръ-сюръ-Объ, за которую самъ принцъ получилъ Георгіевскій крестъ³⁾.

По кончинѣ Благословеннаго, Фридрихъ-Вильгельмъ III поручилъ второму сыну представлять прусскаго короля на похоронахъ лучшаго своего друга и вѣрнаго союзника. Въ концѣ 1827 года, принцъ Вильгельмъ снова посѣтилъ

¹⁾ А. Th. von Grimm: *Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland*, I, стр. 75.

²⁾ Императоръ Александръ I принцу Вильгельму Прусскому 19 (31) декабря 1817 г.

³⁾ Принцъ Вильгельмъ Прусскій императору Александру I 27 декабря 1817 г. (8 января 1818 г.) и 19 (31) января 1818 г.

нашъ дворъ и оставался въ Петербургѣ до отъѣзда императора Николая въ главную квартиру второй арміи, уже вступившей въ Княжества и готовившейся къ переходу черезъ Дунай. Принцъ выражалъ живѣйшее желаніе сопровождать государя въ армію и принять личное участіе въ войнѣ нашей съ Турціей, но старый король не нашелъ возможнымъ дозволить это. Изъ Петербурга принцъ Вильгельмъ, лѣтомъ 1828 года, отправился въ Вѣну и тамъ, въ разговорѣ съ княземъ Меттернихомъ, съ жаромъ отстаивалъ точку зрѣнія Русскаго двора въ Восточномъ вопросѣ. Онъ находилъ вполне естественнымъ и законнымъ, чтобы Россія при заключеніи мира потребовала отъ Порты срытія всѣхъ турецкихъ крѣпостей на Дунаѣ и даже замковъ, господствующихъ надъ Босфоромъ и Дарданеллами. „Порта заслужила наказаніе“, говорилъ онъ австрійскому канцлеру, „нечего ее слушать. Что же касается до морскихъ державъ, то и онѣ не могутъ возразить ничего разумнаго противъ этого плана. Императоръ отнюдь не желаетъ стѣснять ихъ торговлю, а хочетъ, напротивъ, освободить ее ото всякихъ стѣсненій“¹⁾. Принцъ велъ дѣятельную переписку съ вѣнценоснымъ своимъ зятемъ и другомъ, и доброе расположеніе императора Николая было такъ велико, что несмотря на продолженіе войны, его величество, въ сопровожденіи императрицы и одиннадцатилѣтняго Великаго Князя Наслѣдника, весной 1829 года отправился въ Берлинъ на бракосочетаніе принца Вильгельма съ принцессою Августою Саксенъ-Веймарскою. Само собою разумѣется, что принцъ находился при свиданіяхъ государей Русскаго и Прусскаго въ Шведтѣ въ 1833 году и въ Калишѣ въ 1835. Въ 1834 году онъ, во главѣ депутаціи ото всѣхъ полковъ прусской гвардіи, прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ представителя отца своего при торжествѣ открытія Александровской колонны²⁾.

Политическіе взгляды и убѣжденія принца Вильгельма въ этотъ періодъ его жизни вполне совпадали съ воззрѣніями

¹⁾ Князь Меттернихъ князю Эстергази 2 (14) сентября 1828 г.

²⁾ О пребываніи прусской гвардейской депутаціи въ Петербургѣ въ 1834 г. см. *Tagebuch eines preussischen Officiers während seiner Reise nach Petersburg und seines Aufenthalts daselbst bei Einweihung der Alexander-Säule*. Zum Druck befördert von Dr. Streit. Berlin. 1836 г.

императора Николая. Утверждение монархического принципа въ Пруссіи считалъ онъ главною задачею ея внутренней политики. Цѣль политики внѣшней онъ полагалъ въ сохраненіи международнаго положенія, созданнаго этому государству договорами 1815 года, а средствомъ къ тому—утверженіе тѣснѣйшей связи между тремя союзными дворами: Петербургскимъ, Берлинскимъ и Вѣнскимъ. Онъ былъ одинаково недоволенъ какъ начинавшими проявляться въ Пруссіи стремленіями къ политической свободѣ, такъ и мечтами нѣмецкой молодежи объ единствѣ и обновленіи Германіи. По воцареніи брата своего, Фридриха-Вильгельма IV, ставъ наслѣдникомъ престола, подъ именемъ принца Прусскаго (король, какъ извѣстно, былъ бездѣтенъ), принцъ Вильгельмъ одно время занималъ должность предсѣдателя государственнаго совѣта, но вскорѣ оставилъ ее, не одобряя намѣренія короля ввести въ Пруссіи центральное сословное представительство. Когда въ мартѣ 1848 года вспыхнуло въ Берлинѣ уличное возстаніе, на принца Вильгельма въ особенности обращена была злоба и ненависть мятежниковъ, и самъ онъ вынужденъ, оставивъ столицу, искать убѣжища въ Англіи. Въ Петербургѣ ожидали отъ него протеста противъ радикальной конституціи, вырванной у слабодушнаго короля вожаками возстанія, и готовы были русскимъ оружіемъ поддержать его наслѣдственныя права въ томъ случаѣ, еслибы Берлинское Учредительное Собраніе рѣшилось лишить его этихъ правъ¹⁾.

Именно съ этого времени начинается измѣненіе въ политическомъ образѣ мыслей принца Прусскаго. Уже при первомъ посѣщеніи своемъ Лондона, въ 1844 году, онъ былъ радужно принятъ англійскою королевскою семьей и въ особенности сблизился и подружился съ супругомъ королевы, принцемъ Альбертомъ. Тогда провелъ онъ въ Виндзорѣ цѣлыя четыре дня, присутствовалъ при крестинахъ принца Альфреда, а по отъѣздѣ королевской четы въ Шотландію, объѣхалъ

¹⁾ См. Записку о положеніи Пруссіи въ 1848 году, *Русская Старина*, январь 1870 года. Мы не имѣли возможности провѣрить точность свѣдѣнія, сообщаемого авторомъ памфлета: *Berlin und St. Petersburg* (стр. 23), будто русскому посланнику въ Лондонѣ поручено было, весной того же года, прямо предложить принцу Прусскому нашу военную помощь для противодѣйствія революціи.

нѣсколько англійскихъ замковъ, сопутствуемый прусскимъ посланникомъ Бунзеномъ, знакомясь съ замѣчательнѣйшими людьми Великобританіи. Королева Викторія занесла въ свой дневникъ слѣдующій о немъ отзывъ: „Онъ мнѣ очень нравится. Онъ весьма внимателенъ, чувствителенъ и откровененъ. Обо всѣхъ общественныхъ вопросахъ онъ высказывался въ высшей степени свободно, мягко и разумно, и я думаю, что изъ него вышелъ бы болѣе твердый и положительный король, чѣмъ нынѣшній. Онъ былъ въ восторгѣ отъ парка и деревьевъ, какъ и вообще отъ всего въ Англии ¹⁾“. Бунзену самъ принцъ признавался, что „очень полюбилъ Англію и удивляется ея величию, которое считаетъ результатомъ ея государственныхъ и религиозныхъ учреждений ²⁾“. Во второй свой пріѣздъ, въ 1848 году, онъ провель въ Лондонѣ цѣлые два мѣсяца, живя въ домѣ прусскаго посольства, у Бунзена, и часто видясь съ принцемъ Альбертомъ. Извѣстно, что оба послѣдніе, въ сообществѣ съ довѣреннымъ совѣтникомъ супруга королевы Викторіи, Стокмаромъ, напрягали всѣ свои усилія, чтобъ убѣдить короля Фридриха-Вильгельма IV взять въ свои руки дѣло германскаго единства, не брезгая поддержкой либеральныхъ и даже революціонныхъ элементовъ. Общеніе съ ними не осталось безъ вліянія на взгляды и убѣжденія принца Вильгельма. По свидѣтельству Бунзена, онъ принялся прилежно изучать англійскую конституцію, а также отстаивать предъ великобританскими министрами „нѣмецкое дѣло“. „Уѣзжая, онъ былъ очень грустенъ“, пишетъ королева Викторія дядѣ своему, королю Бельгійцевъ; „да сохранить его Богъ. Мысли его очень благородны и честны, а онъ такъ жестоко оклеветанъ. Онъ, повидимому, питаетъ большое довѣріе въ Альберту, который любитъ его и всегда давалъ ему наилучшіе совѣты ³⁾“. Со своей стороны, принцъ Вильгельмъ, прощаясь съ г-жею Бунзень, повѣдалъ ей, что „ни въ какомъ иномъ мѣстѣ или странѣ онъ не могъ бы провести время печали и заботъ, пмъ пережитое,

¹⁾ Дневникъ королевы Викторіи 18 (31) августа 1844 г.

²⁾ *Bunsen's life*, II, стр. 70. Въ нѣмецкомъ, хотя и несравненно полнѣйшемъ изданіи того же сочиненія, мѣсто это опущено.

³⁾ Королева Викторія королю Леопольду 18 (30) мая 1848 г.

такъ хорошо, какъ здѣсь, гдѣ и страна, и народъ представляютъ столько интереснаго, развлекающаго и занимающаго его ¹⁾“.

По возвращеніи въ Берлинъ, принцъ Прусскій гласно заявилъ, что присоединяется къ новому порядку вещей. Онъ принялъ званіе депутата въ нижней палатѣ, предложенное ему познанскими избирателями, и въ рѣчи, произнесенной въ одномъ изъ ея засѣданій, выставилъ на видъ свой долгъ, какъ перваго подданнаго Прусскаго престола, посвятить всѣ силы „установленному королемъ конституціонному образу правленія“. Въ 1849 году, начальствуя прусскимъ дѣйствующимъ корпусомъ, онъ успѣшно съ быстротою подавилъ республиканское возстаніе въ Палатинатѣ и великомъ герцогствѣ Баденскомъ, но въ то же время дѣятельно поддерживалъ въ совѣтахъ короля составленный Радовицемъ планъ нѣмецкой Уніи, имѣвшій цѣлью поставить Пруссію во главѣ Соединенной Германіи. Онъ даже взялъ на себя защиту этого плана предъ императоромъ Николаемъ, на первомъ варшавскомъ совѣщаніи, происходившемъ весной 1850 года. Но ему не удалось переубѣдить государя, твердо стоявшаго на почвѣ права и требовавшаго полного возвращенія Германскаго Союза къ порядку, установленному договорами 1815 года. Послѣдствіемъ было нѣкоторое охлажденіе отношеній его къ Русской царственной семьѣ. При послѣдующихъ, все болѣе обострившихся обстоятельствахъ, принцъ настаивалъ на необходимости для Пруссіи не уклоняться отъ избраннаго пути, продолжать дѣло Уніи и, въ случаѣ надобности, поддержать его съ оружіемъ въ рукахъ. На совѣтѣ, созванномъ для обсужденія австрійскаго ультиматума, онъ, по выраженію супруги своей, „рыцарски боролся за отечество, доказывая, что честь и достоинство Пруссіи обязываютъ ее принять брошенный ей вызовъ“. Отставка Радовица и поѣздка въ Ольмюцъ преемника его, барона Мантейфеля, дали иной оборотъ дѣлу. Принцъ Прусскій былъ глубоко возмущенъ тѣмъ, что казалось ему униженіемъ отечества.

Участіе Россіи въ Ольмюцской сдѣлкѣ и поддержка, оказанная ею требованіямъ Австріи, объясняютъ неудовольствіе принца на нашъ дворъ. Тѣмъ ближе сошелся онъ съ дворомъ

¹⁾ *Bunsen's Leben* (нѣмецкое изданіе) II стр. 411, 420 и 421.

Англійскимъ, державшимся въ нѣмецкихъ дѣлахъ личной точки зрѣнія принца Альберта, ревностнаго германскаго патріота и сторонника Пруссіи. Лѣтомъ 1850 года принцъ прямо изъ Варшавы отправился въ Лондонъ служить воспріемникомъ третьему сыну королевы, Артуру, а въ слѣдующемъ году возвратился туда съ женой и обоими дѣтьми своими къ открытію первой всемірной выставки. На этотъ разъ совѣтъ прусскихъ министровъ пытался убѣдить короля, чтобы тотъ отказалъ принцу въ позволеніи отправиться въ Англію, находя эту поѣздку несвоевременною и вредною для интересовъ Пруссіи. Если вѣрить Бунзену, то одинъ изъ тогдашнихъ министровъ поѣхалъ въ погоню за принцемъ, настигнувъ его въ Ахенъ и бросился къ ногамъ его, умоляя отказаться отъ своего намѣренія¹⁾. Опасеніе берлинскаго министерства объясняется неудовольствіемъ, которое открыто выражалъ принцъ по поводу направленія, принятаго политикой Пруссіи, какъ внутреннею, такъ и внѣшнею. „Принцъ Прусскій“, читаемъ мы въ дневникѣ королевы Викторіи, „попрежнему твердь въ своихъ конституціонныхъ убѣжденіяхъ и негодуеть на то, что произошло и нынѣ происходитъ въ Берлинѣ“²⁾.

Таково было къ началу Крымской войны политическое настроеніе принца Прусскаго. Онъ хотя и не имѣлъ прямого вліянія на направленіе внѣшнихъ дѣлъ, такъ какъ король ревниво оберегалъ свое право руководить ими лично и исключительно, но не подлежить сомнѣнію, что примѣръ его дѣйствовалъ заразительно: во-первыхъ, въ арміи, среди которой онъ всегда пользовался большимъ значеніемъ и популярностью; во-вторыхъ, въ придворныхъ и дипломатическихъ кругахъ, заинтересованныхъ въ благорасположеніи къ нимъ наслѣдника престола. Въ немъ находили твердую опору военный министръ Бонинъ, о характерѣ коего мы уже упоминали выше, и такіе дипломаты, какъ, на примѣръ, Бунзень и Пурталесъ, проводившіе, первый въ Лондонѣ, второй въ Константинополѣ, политику, отнюдь не согласную съ политикой короля и министерства.

Послѣдняя всегда отличалась нѣкоторою неопредѣленностью,

¹⁾ *Bunsen's Leben*, III, стр. 184, подстрочное примѣчаніе.

²⁾ Дневникъ королевы Викторіи 18 (30) апрѣля 1851 г.

что зависѣло, конечно, отъ ненормальныхъ умственныхъ способностей Фридриха-Вильгельма IV, который немного лѣтъ спустя совершенно лишился разсудка. Глубокое разочарованіе вызвали въ больномъ королѣ неудачи постигшія осуществленіе завѣтныхъ его мечтаній, а потому послѣ Ольмюца менѣе чѣмъ когда-либо возможно признать въ его внѣшней политикѣ стройную и послѣдовательную систему. При ближайшемъ ознакомленіи съ нею, она производитъ впечатлѣніе случайности, отрывочности, порывистости и, что всего хуже, является исполненною противорѣчій. Вынужденный покориться соединенной волѣ Россіи и Австріи, король, повидимому, искренно примирился съ этою необходимостью и не безъ внутренней радости возвратился къ преданіямъ Священнаго Союза. Но стараясь оправдать свою уступчивость въ глазахъ своихъ и своего народа требованіями нѣмецкаго патріотизма, онъ слишкомъ быстро изъ одной крайности перешелъ въ другую, и изъ противника Австріи мгновенно преобразился въ ея преданнѣйшаго и покорнаго друга. „Мы глубоко убѣждены“, гласила инструкція уполномоченному Пруссіи на Франкфуртскомъ Сеймѣ, „что истинный интересъ обѣихъ великихъ державъ Германіи одинъ и тотъ же, что заключается онъ не во взаимномъ ослабленіи, а въ полнѣйшемъ искреннѣйшемъ единеніи, и что только идя рука объ руку онѣ могутъ обрѣсти силу, потребную для доставленія Германскому Союзу полной защиты и охраны, коихъ тотъ въ правѣ ожидать отъ нихъ“¹⁾. Весной 1851 года заключенъ былъ съ Австріей тайный оборонительный и наступательный союзъ на три года, и договоромъ этимъ обѣ державы взаимно ручались за цѣлость своихъ даже внѣ-германскихъ владѣній. А между тѣмъ, въ торговой политикѣ Пруссія упорно отстаивала свою самостоятельность и, несмотря на всѣ усилія Вѣнскаго двора, не допустила Австрію въ среду Таможеннаго своего Союза со всѣми прочими государствами Германіи.

Чувство руководило королемъ въ его отношеніяхъ къ обѣимъ морскимъ державамъ. Покинутый Англійей въ самую рѣшительную минуту своего спора съ Австріей, Фридрихъ-Вильгельмъ тѣмъ не менѣе обнаруживалъ неудержимое тяготѣніе

¹⁾ Баронъ Мантейфель генералу Рохову 28 апрѣля (10 мая) 1851 г.

къ Великобританскому двору. По собственному выраженію его, „къ старой Англіи влекло его истинное и прямое стремленіе его евангелическаго и старо-прусскаго сердца“, и онъ возвращался къ ней „какъ птица въ оставленное гнѣздо“. Несмотря на предупредительность, съ которою отнесся къ нему Лудовикъ-Наполеонъ, тотчасъ по избраніи своемъ въ президенты Французской республики, на выгодныя предложенія, переданныя чрезъ Персиньи, отправленнаго чрезвычайнымъ посломъ въ Берлинъ, король Прусскій заподозривалъ будущаго императора Французовъ въ связяхъ съ революціей во всѣхъ странахъ Европы, называлъ его воплощеніемъ ея. Признаніе Наполеона въ императорскомъ достоинствѣ онъ находилъ „нравственною невозможностію“ и глубоко возмущался потворствомъ Вѣнскаго двора замысламъ „нововѣнчаннаго хищника“. Но, странное дѣло: вмѣсто того, чтобъ искать въ данномъ случаѣ опоры въ Русскомъ дворѣ, совершенно раздѣлявшемъ взглядъ его на третью имперію во Франціи, король упрямо добивался соглашенія съ Англіей и даже готовъ былъ объявить французамъ войну, „если только Англія, купно съ Россіей, поручится ему за цѣлость его государства и дастъ обѣщаніе, что нападеніе на одного изъ трехъ союзниковъ сочтетъ за нападеніе на всѣхъ троихъ“¹⁾. Когда же Сентъ-Джемскій кабинетъ подалъ первый примѣръ безусловнаго признанія Лудовика-Наполеона императоромъ, то, побуждаемый Австріей, Берлинскій дворъ не только послѣшилъ одновременно съ нею также признать новорожденную имперію, но даже не посмѣлъ отказать императору Французовъ въ обычномъ привѣтственномъ обращеніи: „государь братъ мой“. Одно это обстоятельство уже достаточно указываетъ на ослабленіе союзныхъ связей между государями Русскимъ, Австрійскимъ и Прусскимъ и на стремленіе двухъ послѣднихъ отдѣлиться отъ Россіи: даже въ такихъ вопросахъ, гдѣ три охранительныя державы, повидимому, исповѣдывали одинаковыя политическія догматы.

Поведеніе короля Фридриха-Вильгельма IV въ революціонный 1848-й и два послѣдующіе года значительно видоизмѣнило его прежнія родственныя и искренно дружескія отношенія къ им-

¹⁾ Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Буазену 5 (17) ноября 1852 г.

ператору Николаю. Государь, именно потому, что питалъ къ шурина своему глубокую привязанность и дружбу, не могъ равнодушно отнестись къ проявленной имъ слабости и строго отзывался объ его уступкахъ мятежу, равно какъ и объ усиляхъ его, направленныхъ къ самовольному измѣненію установленнаго международными договорами государственнаго устройства Германіи, и къ тому же въ союзѣ съ революціей и революціонными средствами. Но мы видѣли какъ искренно отказался король отъ своихъ политическихъ заблужденій, какъ горько въ нихъ раскаивался, и съ этой минуты ничто уже не препятствовало болѣе примиренію его съ Русскимъ государемъ. Примиреніе состоялось въ Варшавѣ, весной 1851 года, гдѣ Фридрихъ-Вильгельмъ провелъ нѣсколько дней въ обществѣ императора и императрицы. Прошлое прѣдано было полному забвенію, и когда, въ слѣдующемъ году, государь посѣтилъ своего шурина въ Берлинѣ, то чувства, переполнявшія душу короля, излились въ краснорѣчивомъ тостѣ, предложенномъ имъ на обѣдѣ, въ честь высокаго посѣтителя. „Отъ имени моего, моей арміи и всѣхъ прусскихъ сердецъ“, воскликнулъ король, „я провозглашаю здравье его величества императора Всероссійскаго. Да сохранитъ его Богъ для той части свѣта, которую далъ ему въ наслѣдственную часть, *и нашему времени, которое обойтись безъ него не можетъ*“. Чувства эти были несомнѣнно искренни, но нельзя не признать противорѣчія ихъ съ дѣйствіями короля, который, независимо отъ традиціоннаго союза съ двумя сосѣдними имперіями, искалъ преимущественно сблизиться съ одною изъ нихъ, Австріей, во имя „нѣмецкой солидарности“, замѣтившей въ умѣ его болѣе общія христіанскія начала единенія трехъ союзныхъ государей, нѣкогда торжественно провозглашенныя въ актѣ Священнаго Союза.

Повторяемъ: только болѣзненное состояніе Фридриха-Вильгельма IV можетъ объяснить и оправдать неясность и колебанія его виѣшней политики. Одинъ высокопоставленный прусскій дипломатъ того времени признавался главному редактору *Крестовой Газеты*, что отсутствіе единства въ направленіи ставило дипломатическихъ представителей Пруссіи въ крайне затруднительное положеніе. „Поутру“, говорилъ онъ, „получаемъ мы депешу изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ

полдень отъ генераль-адъютанта, вечеромъ отъ его величества, и всѣ эти депеши почти никогда не бываютъ согласны одна съ другою, а часто даже совершенно другъ другу противорѣчатъ. А потому люди осторожные всегда отлагаютъ исполненіе ихъ до вечера и при этомъ невольно привыкаешь проводить свою собственную политику“¹⁾). Откровенное признаніе это вѣрно изображаетъ неурядицу, господствовавшую въ прусской дипломатической средѣ разсматриваемаго нами періода, и даетъ ключъ къ разгадкѣ той дѣйствительно самостоятельной политики, которой придерживались нѣкоторые изъ представителей короля Фридриха-Вильгельма, политики прямо противоположной цѣлямъ, указаніямъ и наставленіямъ Берлинскаго кабинета.

Прусскими посланниками были: въ Петербургѣ генераль Роховъ, въ Вѣнѣ графъ Арнимъ. Про дипломатовъ этихъ Бунзенъ говорить, что первый всею душой преданъ Русскому двору, второй—князю Шварценбергу²⁾; другими словами, оба они дѣйствовали въ духѣ желаній короля и предписаній министерства. Представители Пруссіи, графъ Гацфельдтъ въ Парижѣ и графъ Пурталесъ въ Константинополѣ, часто уклонялись отъ пути, назначеннаго въ Берлинѣ, не скрывая сочувствія своего къ либеральнымъ началамъ и національнымъ стремленіямъ, еще недавно руководившимъ прусскою политикою. Совершенно самостоятельно распоряжались на своихъ постахъ, и притомъ въ прямо противоположномъ другъ другу смыслѣ, посланники: при Лондонскомъ дворѣ—Бунзенъ, и при Союзномъ Германскомъ Сеймѣ—Бисмаркъ-Шэнгаузенъ.

Ученый богословъ и филологъ, Бунзенъ совершенно случайно попалъ въ дипломаты, а назначеніемъ своимъ въ Лондонъ обязанъ былъ личной дружбѣ короля Фридриха-Вильгельма IV. Съ первыхъ дней пребыванія своего въ Англіи, онъ всѣ усилія свои направилъ къ установленію между дворами Лондонскимъ и Берлинскимъ тѣснаго соглашенія, на основаніи признанія первымъ за Пруссіей права стать во главѣ Соединенной Германіи. Онъ всячески убѣждалъ короля даровать своимъ подданнымъ либеральную конституцію, въ кото-

¹⁾ Wagener: *Erlebtes*, стр. 67.

²⁾ Бунзенъ Радовицу 13 (25) октября 1850 г.

рой усматривал надежное средство для приобретѣнія Пруссіей популярности въ средѣ какъ нѣмцевъ, такъ и англичанъ. По его внушенію, поддержанному барономъ Стокмаромъ, королева Викторія и принцъ Альбертъ пригласили Фридриха-Вильгельма IV быть крестнымъ отцомъ принца Валлійскаго и лично прибыть въ Лондонъ для воспринятія его отъ купели. Онъ же старался сблизить съ супругомъ королевы принца Вильгельма, расположивъ и его въ пользу англійскаго союза. Уже въ 1849 году Бунзень и Стокмаръ возымѣли мысль соединить тогда еще девятилѣтнюю дочь Великобританской королевской четы, Викторію, узамъ брака съ сыномъ принца Прусскаго, Фридрихомъ-Вильгельмомъ, будущимъ наслѣдникомъ престола Гогенцоллерновъ ¹⁾. Оба увѣряли и королеву, и принца Альберта, что союзъ Англійи съ Франціей можетъ быть только временнымъ, что естественный, постоянный союзникъ Великобританіи — Пруссія съ Германіей и Германія съ Пруссіей“. „Правда“, замѣчалъ Бунзень, „дѣтя это еще не родилось на свѣтъ, но какъ только оно родится, вышеуказанный союзъ установится самъ собою“. ²⁾ Одновременно, онъ не только предупреждалъ своего государя объ опасности какихъ бы то ни было сдѣлокъ съ бонапартовскою Франціей, но и при всякомъ случаѣ пытался возбудить его подозрѣнія противъ Австріи и Россіи. „Я никогда не сомнѣвался“, писалъ онъ ему, „въ томъ, что ваше величество лучший другъ и союзникъ императора Австрійскаго и императора Русскаго. Миръ съ послѣднимъ и прямодушное соглашеніе съ Австріей были и остаются главными основными началами и моею политикой. Въ какой мѣрѣ, однако, ваше величество имѣете столь же искреннихъ друзей въ обоихъ императорахъ, наблюдать за этимъ есть долгъ вашего честнаго слуги“ ³⁾. Гораздо опредѣленнѣе выражалъ онъ свою ненависть къ Россіи въ письмахъ къ

¹⁾ Бунзень писалъ по этому поводу одному изъ друзей своихъ (вѣроятно Стокмару) въ іюль 1849 года: „Королевской принцессѣ наступитъ скоро десятый годъ и она будетъ умною принцессой. Вотъ была бы Belle-Alliance (такъ называютъ Пруссаки Ватерлоскую побѣду), еслибъ удалось возвести ее современемъ на Прусскій престолъ. Но все это въ рукахъ Вожейей, а восемь лѣтъ нынѣ равняются восьми столѣтіямъ“.

²⁾ Бунзень графу Гацфельду 28 января (9 февраля) 1850 г.

³⁾ Бунзень королю Фридриху-Вильгельму IV январь 1850 г.

берлинскимъ политическимъ друзьямъ и покровителямъ. По поводу вмѣшательства Русскаго двора въ датско-нѣмецкую распрю, спасшаго Данію отъ раздробленія въ 1848 и 1849 годахъ, Бунзену писали изъ Берлина: „Даже для Даніи представляется скандаломъ разрѣшеніе ея юридическаго спора съ Шлезвигъ-Голштиніей посредствомъ русскаго вмѣшательства, и не менѣе того для Западной Европы—допущеніе русскаго *европейскаго посредника*, безпрепятственно все болѣе подвигающагося къ Западу“.¹⁾ Бунзень отвѣчалъ: „Ничего не можетъ быть глупѣе и противнѣе политики, которая возводитъ Россію на степень рѣшителя судьбы Европы“²⁾. Въ созваніи Эрфуртскаго парламента и въ назначеніи Радовица прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ онъ уже видѣлъ торжество излюбленной имъ политики. Чтобъ утвердить въ ней Фридриха-Вильгельма, онъ чрезъ новаго министра усердно доводилъ до его свѣдѣнія о сплетняхъ, распространяемыхъ про короля при Англійскомъ дворѣ, съ цѣлью окончательно рассорить его съ дворомъ Русскимъ. „Какіе вымыслы“, доносилъ Бунзень Радовицу, „дозволяетъ себѣ русская и австрійская дипломатія, когда дѣло идетъ объ униженіи Пруссіи и объ отнятіи чести у нашего дорогаго короля, доказываетъ приводимый мною пока одинъ примѣръ. Принцъ Альбертъ сказалъ мнѣ, что сюда серьезно сообщаютъ съ трехъ сторонъ: король не просилъ позволенія посѣтить императора въ Варшавѣ, но императоръ сказалъ, что послѣ того, какъ король повелъ себя такъ неумѣстно, онъ предпочитаетъ вовсе не видаться со своимъ шуриномъ; наконецъ, императрица взяла на свою отвѣтственность пригласить графа Бранденбурга. Я долженъ вамъ, впрочемъ, нынѣ же сказать, что или англійскія донесенія совершенно ложны, или вы и съ вами Пруссія *преданы* и *проданы* въ Вѣнѣ и Петербургѣ.“³⁾

При всемъ томъ Бунзену не удалось обезпечить Пруссіи содѣйствіе и поддержку Англій въ столкновеніи первой съ Австріей и Россіей по Германскому вопросу. Принцъ Аль-

¹⁾ NN—Бунзену 12 (24) апрѣля 1850 г.

²⁾ Бунзень—къ NN 15 (27) апрѣля 1850 г.

³⁾ Бунзень Радовицу 13 (25) октября 1850 г.

бертъ и вполнѣ подчиненная вліянію его королева не въ силахъ были заставитьъ англійскихъ министровъ раздѣлить ихъ личное сочувствіе къ честолюбивымъ, но туманнымъ замысламъ короля Фридриха-Вильгельма. Здравый смыслъ отвѣтственнаго руководителя внѣшней политики Великобританскаго кабинета строго осуждалъ неустойчивость и непостоянство политики Берлинскаго двора. Пальмерстонъ писалъ англійскому посланнику въ Берлинѣ; вскорѣ послѣ пресловутаго Ольмюцскаго соглашенія: „Конечно, германскія дѣла пришли въ состояніе хаоса. Ясно только, что всѣ партіи болѣе или менѣе виновны. Но, повидимому, въ этомъ отношеніи Пруссіи принадлежитъ пальма первенства. Образъ дѣйствій ея былъ несомнѣнно нечестенъ, непослѣдователенъ, нерѣшителенъ и слабъ. По отношенію къ Шлезвигъ-Голштинскому вопросу, она все время дѣйствовала съ величайшими двоедушіемъ и недобросовѣстностью; относительно германскихъ дѣлъ, цѣлью ея съ начала до конца было, повидимому, лишь собственное ея расширеніе, и, однако, у нея не достало мужества и послѣдовательности, чтобы преслѣдовать эту цѣль въ благопріятную для нея минуту. Сторонники ея пытаются доказать, будто споръ ея съ Австріей есть борьба между конституціоннымъ и неограниченнымъ правительствомъ. Но это совсѣмъ не такъ, а есть только столкновение между двумя руководящими державами Германіи изъ-за политическаго преобладанія. Мы ничего бы не возразили противъ занятія Пруссіей перваго мѣста; напротивъ, германская Унія, обнимающая всѣ меньшія государства, съ Пруссіей во главѣ и въ союзѣ съ Австріей, въ качествѣ отдѣльной державы, была бы прекрасною европейскою комбинаціей. Но, когда предложили имперію Пруссіи, то король испугался предложеннаго ему рискованнаго положенія и отклонилъ его принятіе до тѣхъ поръ, пока съ тою же просьбой не обратятся къ нему государи. Это рѣшило вопросъ, ибо почти несомнѣнно было, что государи никогда не обезпокоятъ его подобною просьбой. Но отрехшись, такимъ образомъ, отъ имперіи, Пруссіи слѣдовало бы разомъ вступить на единственно возможный путь и войти въ соглашеніе съ Австріей для возстановленія Германскаго Союза на началахъ договора 1815 года, съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя вызваны были бы учрежденіемъ

парламентовъ въ Пруссіи и Австріи и во всѣхъ другихъ государствахъ. Въмѣсто того, Пруссія занялась устройствомъ Эрфуртской Уніи, которая не могла окончиться ничѣмъ инымъ, какъ дымомъ, а затѣмъ она предпочла сознательно подвергнуть себя униженію и быть вынужденною военными угрозами шагъ за шагомъ отступить съ позицій, занятыхъ ею почти по всѣмъ очереднымъ дѣламъ. Все это достойно жалости и служить новымъ доказательствомъ того, что лучшая политика — честность“¹⁾.

Ольмюцская катастрофа разстроила всѣ планы Бунзена, разсѣяла всѣ его мечты. Онъ, однако, рѣшился не оставлять своего поста, въ надеждѣ, что король скоро вернется къ прежней политической системѣ, возвратитъ Радовица къ управленію. Крайне рѣзко выражался Бунзенъ объ уступкахъ Пруссіи по Германскому вопросу. Приводимъ на выдержку нѣсколько отзывовъ его о нихъ: „Полицейскій терроризмъ постыднѣйшаго сорта господствуетъ въ Берлинѣ и въ Пруссіи; нынѣ за честными друзьями отечества учрежденъ надзоръ, какъ въ юности моей, подъ страшнымъ владычествомъ французовъ, въ королевствѣ Вестфальскомъ... Король чувствует отвратительность средствъ, къ коимъ прибѣгаютъ для осуществленія Шварценберговскихъ плановъ. Видано ли когда либо въ прусской исторіи, чтобъ единымъ ударомъ принесено было въ жертву политическое и религіозное положеніе Пруссіи въ мірѣ, драгоцѣнное наслѣдіе, купленное триста лѣтъ тому назадъ пѣтомъ и кровью благороднѣйшей части народа, наслѣдіе, принадлежащее не только дому Гогенцоллерновъ, но и прусскому народу и протестантской церкви... Ничего подобнаго не могла бы придумать глупость, еслибъ ее не подзадоривала негодность: такое самоубійство Пруссіи!.. Подлецы и ихъ господа въ Петербургѣ и Вѣнѣ хотѣли въ Ольмюцскіе дни выжить меня отсюда. Австрійскіе шпионы уже начинали пѣть свою побѣдную пѣсню по поводу меня. Но король пребылъ твердъ и продолжаетъ оставаться такимъ. Говорю, какъ и вы: я служу не министру, а королю и отечеству. Хотятъ они, чтобъ я ушелъ, пусть выгоняютъ меня, не то я останусь здѣсь

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Коулею 10 (22) ноября 1850 г.

и буду защищать короля и отечество, доколѣ это будетъ возможно“¹⁾).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Бунзенъ снова писалъ берлинскимъ единомышленникамъ: „Каждому пруссаку извѣстно, что угрозы Россіи и Австріи, въ соединеніи со всею злобой и завистью прочихъ нѣмецкихъ королей, безсильны, пока Пруссія останется вѣрна основному началу своего существованія: путемъ законнаго прогресса снова привести Германію къ занятію міроваго положенія въ Европѣ. Отъ этой вѣры зависитъ также уваженіе Пруссіи въ чужихъ краяхъ и въ особенности въ Англій...“ О министрахъ и другихъ приближенныхъ короля онъ отзывался: „Люди эти слывуть за такихъ, коимъ міровое положеніе и слава Пруссіи — ничего, Россія — много, Австрія—все; способности и притязательность ихъ обратно пропорціональны другъ другу; недостатокъ опытности въ дѣлахъ выкупаютъ они честолюбіемъ, съ нападающими на нихъ борются посредствомъ клеветы...“²⁾).

Отчаяніе свое по поводу оборота, принятаго дѣлами въ Пруссіи, посланникъ короля Фридриха-Вильгельма IV въ Лондонѣ изливалъ и предъ принцемъ Альбертомъ: „1851 годъ“, жаловался ему Бунзенъ, „былъ годомъ крушенія надеждъ нѣмцевъ моего поколѣнія. Желаю вашему королевскому высочеству и дѣтямъ вашимъ увидать зарю лучшаго дня. Онъ наступитъ! Но, быть можетъ, будетъ кровавымъ! Настоящая минута ужасна. Дымъ идетъ изо всѣхъ кровель и трубъ; дымовые проводники затыкаются, дабы дымъ не вѣлся въ глаза людей, которые днемъ не видятъ и не разумѣютъ ясныхъ знаменій времени. Отвѣтъ тотъ, что пожарные стражи закрываютъ трубы и вгоняютъ дымъ въ сердца. Юнкера Бранденбургской Марки, пріѣзжающіе сюда (для покупки собакъ и осмотра лошадей для охоты), открыто говорятъ, что они будутъ просить короля на ландтагѣ отмѣнить конституцію, которой онъ де присягнулъ лишь съ оговоркой. Но слава Богу! Я слышу и лучшіе голоса!“ (Слѣдуютъ имена бывшаго либеральнаго министра Ауэрсвальда, посланника въ Константинополѣ графа Пурта-

¹⁾ Бунзенъ къ NN 23 декабря 1850 (4 января 1851 г.).

²⁾ Бунзенъ къ NN 13 (25) мая 1851 г.

леса и другихъ). „Всѣ нравственно возмущены и политически устранены послѣдними происшествіями“¹⁾. Это не мѣшало Бунзену въ то же самое время продолжать довѣрительную переписку свою съ королемъ. „Держитесь твердо, ваше величество“, убѣждалъ онъ, „какъ четвертаго догмата вашей политики, слѣдующаго правила: Таможенный Союзъ есть основаніе европейско-германскаго положенія и вліянія Пруссіи; говорящіе противное ничего не смыслятъ въ политикѣ, въ коей я состарился и которая, по моему мнѣнію, отличается математическою точностью“²⁾.

Приведенныя выписки несомнѣнно доказываютъ, что несмотря на Ольмюцское пораженіе, политика либеральнаго развитія внутри государства, честолюбивыхъ захватовъ во имя народной германской идеи внѣ его, не исчезла въ Пруссіи безслѣдно; что фанатическіе сторонники ея продолжали занимать высшіе дипломатическіе посты и проводить ее въ своей официальной дѣятельности, мало заботясь о ея несогласіи съ государственными началами, гласно исповѣдуемыми Берлинскимъ дворомъ; что въ самой столицѣ у нихъ было не мало друзей и заступниковъ, и во главѣ послѣднихъ стоялъ ни кто иной, какъ самъ наслѣдникъ престола. Но еще замѣчательнѣе, что не одни либералы придерживались вышеизложенныхъ взглядовъ на внѣшнія дѣла. Доставленіе Пруссіи преобладанія въ Германіи едва ли не въ одинаковой степени озабочивало и прусскихъ консервативовъ, стремившихся къ той же цѣли, хотя и иными путями. Мы разумѣемъ здѣсь дипломатическую дѣятельность самаго блестящаго изъ представителей послѣдней партіи, Бисмарка-Шангаузена, въ теченіе восьми лѣтъ, проведенныхъ имъ въ качествѣ уполномоченнаго Пруссіи при Германскомъ Сеймѣ во Франефуртѣ.

Оттонъ Бисмаркъ довольно поздно выступилъ на политическое поприще. Ему было уже за тридцать лѣтъ, когда бранденбургскіе избиратели послали его своимъ депутатомъ, сначала въ областное земское собраніе, а потомъ въ первый соединенный обще-государственный ландтагъ, созданный коро-

¹⁾ Бунзенъ принцу Альберту 14 (26) августа 1851 г.

²⁾ Бунзенъ королю Фридриху-Вильгельму IV 4 (16) октября 1851 г.

лемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV въ Берлинѣ въ 1847 году. Бисмаркъ сразу заявилъ себя приверженцемъ историческихъ основъ Прусской монархіи и горячо отстаивалъ ихъ противъ напора радикальныхъ теченій. Торжество послѣднихъ, выразившееся въ революціи 1848 года, удалило молодаго консервативнаго депутата изъ парламента, но онъ упорно продолжалъ борьбу со своими политическими противниками на столбцахъ *Крестовой Газеты*, ставъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и постоянныхъ ея сотрудниковъ. На новыхъ выборахъ 1849 года онъ опять попалъ въ члены нижней палаты, а въ слѣдующемъ году былъ избранъ депутатомъ и въ Эрфуртскій парламентъ. Въ страстныхъ рѣчахъ, онъ ясно и смѣло высказывалъ свои охранительные взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ направлениемъ тогдашняго парламентскаго большинства. Еще болѣе прославился онъ колкими и мѣткими замѣчаніями своими о руководителяхъ этого большинства, къ которымъ не скрывалъ своего презрѣнія. Тогда уже баронъ Зенфть-фонъ-Пильзахъ обратилъ на него вниманіе короля Фридриха-Вильгельма, прямо рекомендуя Бисмарка кандидатомъ на министерскій постъ. Король не рѣшился однако назначить министромъ челоуѣка, слышшаго „краснымъ реакціонеромъ“, и только замѣтилъ, „что онъ можетъ быть употребленъ въ дѣло впоследствии“. Рѣчь, произнесенная Бисмаркомъ въ нижней прусской палатѣ въ защиту состоявшагося въ Ольмюцѣ подчиненія Пруссіи всѣмъ австрійскимъ требованіямъ по Германскому вопросу, внушила министру Мантейфелю мысль назначить его прусскимъ представителемъ при Франкфуртскомъ Сеймѣ. Впрочемъ, назначеніе это состоялось не сразу. Весной 1851 года временнымъ посланникомъ во Франкфуртъ посланъ былъ представитель Пруссіи при Петербургскомъ дворѣ, генераль Роховъ, а Бисмаркъ приданъ ему въ качествѣ совѣтника, *sub spe succedendi*; но уже въ августѣ того же года новопосвященный дипломатъ самъ былъ утвержденъ въ званіи посланника.

Бисмаркъ не былъ никогда противникомъ германскаго единства, котораго, по словамъ его, „желалъ всякъ, кто только говорилъ по-нѣмецки“. Еще менѣе помышлялъ онъ объ устраненіи Пруссіи отъ участія въ осуществленіи завѣтной мечты нѣмецкаго народа. Онъ только не хотѣлъ, чтобъ объединеніе

Германіи совершалось революціоннымъ путемъ, чтобы Прусскому королю навязана была имперская конституція, чуждая духу страны и преданіямъ Гогенцоллернскаго дома. Лучше, говорилъ онъ, пусть остается Пруссія Пруссіей; тогда она будетъ въ состояніи предписывать законы Германіи, а не получать ихъ отъ другихъ. Какъ бы поступилъ въ данномъ случаѣ создатель государственнаго могущества Пруссіи, Фридрихъ Великій? Онъ, утверждалъ Бисмаркъ, конечно обратился бы къ отличительному свойству прусской національности, къ воинственнымъ ея элементамъ, и не безъ успѣха. Ему предстояло бы на выборъ: или „разорвать связь съ Франкфуртомъ, соединиться со старымъ боевымъ товарищемъ, Австріей, взяться тамъ за блестящую роль, сыгранную Русскимъ императоромъ, и, въ союзѣ съ Австріей, уничтожить общаго врага—революцію; или отъ него зависѣло бы, въ силу того же самаго права, коимъ онъ завоевалъ Силезію, отклонивъ франкфуртскую императорскую корону, повелѣть нѣмцамъ принять указанную имъ конституцію, подвергаясь опасности бросить мечъ свой на вѣсы. Это была бы народная прусская политика. Въ первомъ случаѣ — въ сообществѣ съ Австріей, во второмъ — въ одиночествѣ, она поставила бы Пруссію въ надлежащее положеніе для того, чтобы помочь Германіи достигнуть могущества, какое подобаешь ей въ Европѣ“. Такъ выражался Бисмаркъ о причинахъ, побудившихъ короля Фридриха-Вильгельма IV отвергнуть предложенный ему Франкфуртскимъ учредительнымъ собраніемъ санъ императора Германіи ¹⁾. Столь же неодобрительно отзывался онъ годъ спустя объ Эрфуртской Уніи, которую прямо называлъ „смѣшною“. „Да, мы хотимъ союзаго государства“, восклицалъ онъ, „но съ такою конституціей мы предпочитаемъ вовсе отказаться отъ него... Господа! Если вы не сдѣлаете большихъ уступокъ прусскому, древнепрусскому духу, — называйте его даже закоренѣлымъ прусскимъ духомъ, — чѣмъ сдѣлано доселѣ въ этой конституціи, то я не повѣрю въ ея осуществленіе, и если вы употребите ваше стараніе для того, чтобы навязать ее этому прусскому духу,

¹⁾ Рѣчь, произнесенная Бисмаркомъ-Шенгаузенемъ въ прусской палатѣ депутатовъ 25 августа (6 сентября) 1849 г.

то вы найдете въ немъ Буцефала, который съ мужественною радостью выноситъ своего привычнаго ѣздока и хозяина, непризваннаго же воскреснаго всадника (Sonntagsreiter) съ его черно-красно-золотою уздой сбрасываетъ на-земь¹⁾.

Въ Ольмюцскихъ „пунктуаціяхъ“ Бисмаркъ прежде всего усмотрѣлъ разрывъ Прусскаго правительства съ дѣломъ и преданіями революціи. Вотъ почему онъ выступилъ предъ палатой убѣжденнымъ защитникомъ принятыхъ министерствомъ рѣшеній. Онъ одобрялъ его за уклоненіе отъ войны, не вызванной насущною потребностью страны. „Единственная здоровая основа великаго государства“, поучалъ онъ, „и ея существенно отличается оно отъ государства малаго, есть государственннй эгоизмъ, а не романтика, и недостойно великой державы бороться за дѣло, не касающееся ея собственнаго интереса... По моему убѣжденію, прусская честь заключается не въ томъ, чтобы Пруссія разыгрывала повсюду въ Германіи роль Донъ-Кихота, изъ-за обиженныхъ парламентскихъ знаменитостей, трепещущихъ за свои мѣстныя конституціи. Я полагаю прусскую честь въ томъ, чтобы Пруссія прежде всего удалилась ото всякой постыдной связи съ демократіей; чтобы въ настоящемъ, какъ и во всѣхъ прочихъ вопросахъ, она не допускала въ Германіи чего-либо безъ ея дозволенія, и чтобы то, что Пруссія и Австрія, по взаимномъ, независимомъ обсужденіи, признаютъ разумнымъ и политически правильнымъ, было приводимо въ исполненіе обѣими равноправными державами-покровительницами Германіи“. Бисмаркъ отрицалъ пользу парламентскихъ дебатовъ по вопросамъ внѣшней политики, сравнивая ихъ съ покупкою лошади, приступая къ которой ни покупатель, ни продавецъ не довѣрятъ третьему лицу, въ особенности же если оно болтливо, своихъ намѣреній, первый о высшей цѣнѣ, которую онъ готовъ заплатить, второй о низшей, за которую согласенъ продать, ибо въ противномъ случаѣ максимумъ одного скоро сталъ бы минимумомъ другаго, и наоборотъ. Нѣмецкое единство не слѣдуетъ де смѣшивать съ правомъ произносить рѣчи на нѣмецкой парламентской три-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная Бисмаркомъ-Шенгаузеномъ въ Эрфуртскомъ парламентѣ 3 (15) апрѣля 1850 г.

бунѣ. Унія не соединила бы Германіи, а только раздѣлила бы ее, разорвавъ связь Сѣвера съ Югомъ и съ Австріей. Центр тяжести всѣхъ германскихъ вопросовъ необходимо де перемѣстился бы въ Парижъ или Варшаву. Это можно предсказать съ математическою достовѣрностію. Такимъ образомъ Унія не могла бы быть долговѣчна, являясь лишь компромиссомъ между боязливою властью и прирученною революціей; она была бы равносильна упраздненію Пруссіи, подчиненію ея даже не мелкимъ германскимъ государямъ, а палатамъ мелкихъ государствъ, и война изъ-за нея невольно вызываетъ въ памяти образъ оригинала-англичанина, выдержавшаго упорную борьбу съ часовымъ для того только, чтобъ имѣть возможность повѣситься въ его караульнѣ. Переходя къ опредѣленію положенія Австріи въ Германіи, Бисмаркъ находилъ, что монархію Габсбурговъ отнюдь нельзя считать державою не-нѣмецкою. „Причину этого“, доказывалъ онъ, „можно искать лишь въ томъ обстоятельстве, что Австрія имѣетъ счастье господствовать надъ чуждыми народностями, покоренными въ древнія времена нѣмецкимъ оружіемъ. Но я не могу вывести изъ сего, что словаки и русины, живущіе подъ владычествомъ Австріи, въ силу этого послѣдняго обстоятельства, должны быть представителями государства, нѣмцы же — какъ бы лишь придаткомъ къ славянской Австріи. Напротивъ, я признаю въ Австріи представительницу и наслѣдницу древней нѣмецкой державы, часто и со славою владѣвшей нѣмецкимъ мечомъ“¹⁾.

Единство Германіи — такова была цѣль, общая прусскимъ либераламъ и консервативамъ, съ тою лишь разницею, что послѣдніе рѣшительно отвергали революціонныя средства и надѣялись достигнуть путемъ соглашения съ Вѣнскимъ дворомъ если не единства, то по крайней мѣрѣ равномернаго распределенія вліянія между обѣими нѣмецкими великими державами. Съ этою программой приступилъ Бисмаркъ къ дѣлу, въ качествѣ уполномоченнаго Пруссіи при Германскомъ Союзномъ Сеймѣ. Но уже съ первыхъ шаговъ ему ясно стало, что она покоится на недоразумѣніи, если не на самообманѣ. Ав-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная Бисмаркомъ въ засѣданіи нижней палаты въ Берлинѣ 21 ноября (3 декабря) 1850 г.

стрія далека была отъ мысли удѣлить Пруссіи хотя бы малѣйшую долю вліянія на дѣла Союза. Политика Шварценберга клонилась къ тому, чтобы сдѣлать Австрію единственною руководительницею и рѣшительницею судебъ Германіи, причемъ Пруссіи предоставлялось удовольствоваться положеніемъ всѣхъ прочихъ нѣмецкихъ государствъ второго разряда, Баваріи, Саксоніи и другихъ. Немного времени потребовалось Бисмарку, чтобы разгадать эти затаенные замыслы Вѣнскаго двора, коимъ онъ рѣшился энергически противодѣйствовать, несмотря на тѣсную связь Берлина съ Вѣной и на примирительный тонъ данныхъ ему инструкцій. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня его назначенія, какъ онъ уже считалъ необходимымъ воспользоваться первымъ случаемъ разногласія съ Австріей, дабы испытать, сколько голосовъ въ Сеймѣ выскажутся въ пользу Пруссіи въ виду возможнаго раскола въ средѣ его, причемъ отнюдь не боялся даже такого исхода, еслибы результатомъ испытанія оказалось полное одиночество Берлинскаго двора ¹⁾.

Къ концу 1851 года Бисмаркъ въ довѣрительномъ письмѣ къ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ изложилъ соображенія свои о необходимости для Пруссіи совершенно измѣнить свою политику по отношенію къ Австріи и ко всѣмъ прочимъ государствамъ, входившимъ въ составъ Германскаго Союза. „Поведеніе Вѣнскаго кабинета“, писалъ онъ, „съ того времени какъ Австрія, приведя нынѣ въ порядокъ свое внутреннее состояніе, опять получила возможность принять участіе въ германской политикѣ, доказываетъ вообще, что князь Шварценбергъ не довольствуется занятіемъ снова положенія, предоставленнаго Австрійской имперіи конституціей Союза до 1848 года, но думаетъ воспользоваться переворотомъ, едва не приведшимъ Австрію къ гибели, дабы сдѣлать изъ него исходную точку далеко простирающихся замысловъ, подобно тому, какъ событія, ознаменовавшія начало Тридцатилѣтней Войны, вскорѣ послѣ того, какъ императоръ не находилъ безопасности даже въ собственномъ замкѣ, обратили его во владыку Германіи. Естественно, что и въ на-

¹⁾ Бисмаркъ барону Мантейфелю 31 октября (12 ноября) 1851 г.

стоящую минуту борьба за матеріальное и формальное укрѣпленіе положенія Австріи въ Германіи если еще не совершается, то готовится на почвѣ совѣщаній Союзнаго Сейма, и не безъ успѣха, ибо въ случаѣ какого-либо разногласія между Австріей и Пруссіей при нѣвѣрномъ положеніи дѣлъ, за Австріей обезпечено большинство союзнаго собранія. Общую причину этого явленія слѣдуетъ, конечно, искать въ недовѣрчивомъ раздраженіи противъ прусской политики, оставшемся въ болѣе части среднихъ нѣмецкихъ дворовъ отъ времени, слѣдовавшаго за мартовскою революціей. Тамъ охотно прислушиваются къ инсинуаціямъ, будто Пруссія, уже въ силу своего географическаго положенія, должна стремиться поставить въ въ какія либо зависимыя отъ себя отношенія государей, коихъ владѣнія окружаютъ Прусское государство въ Германіи, и съ этою цѣлью—возбуждать противъ государей сочувствіе народовъ къ единству Германіи; тогда какъ Австрія внушаетъ партикуляристскимъ монархамъ льстивую надежду, что она будетъ содѣйствовать возможно независимому и самостоятельному противопоставленію ихъ собственнымъ подданнымъ, и въ то же время указываетъ на то, что географическое положеніе мелкихъ государствъ по отношенію къ Австріи лишаетъ послѣднюю возможности желать созданія подчиненныхъ отношеній, которыя существенно превзошли бы мѣру, опредѣленную прежнею имперскою конституціей. Воспоминаніе объ этихъ историческихъ отношеніяхъ менѣе непріятно большинству княжескихъ домовъ, чѣмъ мысль о прусскомъ преобладаніи“. Независимо отъ этихъ соображеній, Бисмаркъ приписывалъ предпочтеніе, отдаваемое мелкими государствами Австріи предъ Пруссіей, вліянію на германскихъ государей ихъ придворной среды, а также страху, внушаемому имъ гнѣвомъ Вѣнскаго двора, тогда какъ они совершенно де увѣрены, что во всякомъ случаѣ Пруссія будетъ относиться въ нимъ примирительно и благосклонно. „Наши союзники“, замѣчалъ онъ по этому поводу, „привыкли къ тому, что Австрія аккѳуратно платитъ соотвѣтствующею монетою, какъ за поддержку, такъ и за враждебныя къ ней отношенія, и въ данномъ случаѣ не удерживается ни общими принципами, ни правомъ, отъ возмездія тѣмъ, кто не оказалъ ей ожидаемой поддержки“. Той же

системы предлагалъ Бисмаркъ придерживаться своему двору относительно мелкихъ государствъ и выказывать имъ большую сдержанность до тѣхъ поръ, пока „въ нихъ не разовьется убѣжденіе, что они должны заслужить наше расположеніе предупредительностью со своей стороны“. Въ этихъ видахъ, онъ совѣтовалъ не торопиться разрѣшеніемъ вопросовъ, возбужденныхъ на Сеймѣ по инициативѣ союзныхъ правительствъ и, дабы имѣть могучее средство воздѣйствія на нихъ, прибѣгнуть къ услугамъ прусской и вообще нѣмецкой печати, доставляя ей побольше матеріаловъ для освѣщенія сеймовой политики и давая полную свободу высказываться о послѣдней ¹⁾.

Баронъ Мантейфель отвѣчалъ пылкому посланнику, что самъ раздѣляетъ взглядъ его на замыслы Вѣнскаго двора и что необходимо заняться „изысканіемъ средствъ для противо-дѣйствія имъ“, для чего и приглашалъ Бисмарка прибыть въ Берлинъ на совѣщаніе ²⁾. Послѣдовавшая векорѣ послѣ того внезапная смерть австрійскаго министра, князя Шварценберга, возбудила въ королѣ и Мантейфель надежду, что съ преемникомъ Шварценберга, графомъ Буолемъ, быть-можетъ легче удастся согласиться насчетъ устраненія австро-пруссскихъ несогласій въ германскихъ вопросахъ и въ самомъ важномъ изъ нихъ, о возстановленіи Таможеннаго Союза. Союзъ этотъ, ко-ему срокъ истекалъ въ 1853 году, какъ извѣстно, состоялъ въ предѣлѣхъ Пруссіи изъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, за исключеніемъ Ганновера и Австріи. Вѣнскій дворъ настаивалъ на включеніи въ Союзъ австрійскихъ земель въ полномъ ихъ составѣ, что, конечно, повлекло бы за собою перемѣщеніе преобладающаго въ Союзѣ вліянія отъ Пруссіи къ Австріи. Берлинскій кабинетъ не могъ согласиться на столь невыгодное для него дѣло, а потому Вѣнскій дворъ рѣшился принудить его къ тому, вступивъ въ непосредственные переговоры съ прочими членами Союза. Для выясненія этого недоразумѣнія, въ Берлинѣ воспользовались шестинедѣльнымъ отпускомъ прусскаго посланника въ Вѣнѣ, графа Арнима, чтобы временное замѣстительство его поручить Бисмарку. Отправляя по-

¹⁾ Бисмаркъ барону Мантейфелю 10 (22) декабря 1851 г.

²⁾ Баронъ Мантейфель Бисмарку 13 (25) декабря 1851 г.

слѣдняго съ особымъ порученіемъ къ Австрійскому двору, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV имѣлъ, между прочимъ, въ виду ознакомить его съ дѣлами одного изъ высшихъ дипломатическихъ постовъ и такимъ образомъ подготовить къ занятію современемъ должности министра иностранныхъ дѣлъ ¹⁾).

Бисмаркъ прибылъ въ Вѣну въ началѣ іюня 1852 года и, не заставъ тамъ императора, находившагося въ Венгріи, имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ графомъ Буолемъ, но вынесъ изъ нихъ такое впечатлѣніе, что австрійскій министръ не хочетъ показать предупредительности даже въ своемъ съ нимъ обращеніи, не говоря уже объ измѣненіи политики, основанной на давленіи на мелкія государства, а не на союзно-дружественномъ соглашеніи съ Пруссіей. Напрасно убѣждалъ его Бисмаркъ разсѣять путемъ откровенныхъ объясненій и взаимнаго соглашенія возникавшія несогласія между уполномоченными прусскимъ и австрійскимъ на Союзномъ Сеймѣ. Буоль возражалъ, что предлагаемое предварительное соглашеніе Берлинскаго и Вѣнскаго дворовъ по возбуждаемымъ на Сеймѣ вопросамъ невозможно и было бы оскорбительно для прочихъ нѣмецкихъ правительствъ, на что Бисмаркъ отвѣчалъ, что, въ такомъ случаѣ, сеймовыя совѣщанія останутся безплодными. По дѣлу о Таможенномъ Союзѣ прусскій дипломатъ отстаивалъ точку зрѣнія своего двора, выражая готовность его, по возобновленіи Союза съ мелкими государствами, заключить торговый договоръ и съ Австріей, но не допуская ея въ составъ Союза, вслѣдствіе совершеннаго различія ея торговыхъ и промышленныхъ условий съ такими же условіями остальныхъ германскихъ государствъ. Графъ Буоль оспаривалъ эти положенія и утверждалъ, что исключивъ себя изъ Таможеннаго Союза, Австрія стала бы къ Германіи въ отношенія государства чужеземнаго; что прусская политика направлена къ исключенію Австріи изъ Германіи; что Австрія борется за поддержаніе своего законнаго вліянія въ средѣ Германскаго Союза и что если Пруссія снова станетъ во главѣ Таможеннаго Со-

¹⁾ Это утверждаетъ Пошингеръ, издатель дипломатической переписки Бисмарка за время пребыванія его во Франкфуртѣ-на-Майнѣ съ 1851 по 1859 годъ. См. Poschinger: *Preussen im Bundestage*, I Einleitung, стр. 25., подстрочное примѣчаніе 7.

юза, обнимающаго всю Германію, то не замедлитъ возвратиться и къ столь недавно покинутымъ ею планамъ германскаго объединенія. Словомъ, оба собесѣдника далеки были отъ соглашенія, раздражались въ жалобахъ другъ на друга, и Бисмаркъ пришелъ къ заключенію, что въ сущности главная цѣль Вѣнскаго двора—расторженіе Таможеннаго Союза¹⁾.

Гораздо любезнѣе обошелся съ Бисмаркомъ императоръ Францъ-Іосифъ, принявшій его въ Будѣ, нѣсколько дней спустя. Онъ сказалъ прусскому дипломату, что искренно желаетъ развивать и упрочить дружественныя отношенія между Австріей и Пруссіей; что онъ радъ будетъ уничтожить въ зародышѣ всякій поводъ къ несогласію, возникающей между обоими дворами, и что если даже они и станутъ держаться различныхъ мнѣній по отдѣльнымъ вопросамъ, преимущественно касающимся матеріальныхъ интересовъ, то это не помѣшаетъ имъ идти рука объ руку во всѣхъ прочихъ политическихъ дѣлахъ. Императоръ настаивалъ, однако, на программѣ полного таможеннаго сліянія Австріи съ Германіей и выражалъ надежду, что пока Вѣнскій и Берлинскій дворы не придутъ по этому предмету къ соглашенію, они все же будутъ дѣйствовать сообща, въ смыслѣ доставленія Союзному Сейму болѣе вліятельнаго чѣмъ доселѣ значенія въ Германіи. Именно этого-то и не хотѣла Пруссія или, вѣрнѣе, представитель ея на Сеймѣ, знавшій хорошо, что во всѣхъ важныхъ вопросахъ большинство Сейма будетъ на сторонѣ Вѣнскаго двора. Онъ попытался убѣдить императора, что прусскія предложенія по таможенному дѣлу отвѣчаютъ де вполне потребностямъ Австрійскаго правительства, но Францъ-Іосифъ, внимательно выслушавъ его, тотчасъ направилъ разговоръ на другіе предметы²⁾.

„Мнѣ здѣсь вовсе не нравится“, писалъ Бисмаркъ изъ Вѣны женѣ своей, „въ дѣлахъ господствуетъ величайшій застой; здѣшніе люди или не сознаютъ потребности уговориться съ нами, или предполагаютъ ее съ нашей стороны болѣею, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Я опасуюсь, чтобы поводъ къ соглашенію не пропалъ безслѣдно; это произведетъ у насъ

¹⁾ Бисмаркъ барону Мантейфелю 3 (15) іюня 1852 г.

²⁾ Бисмаркъ королю Фридриху-Вильгельму IV 13 (25) іюня 1852 г.

дурное впечатлѣніе, ибо въ Берлинѣ думаютъ, что, пославъ меня, сдѣлали большой шагъ къ примиренію и не скоро пошлютъ сюда снова человѣка, который будетъ столь же расположенъ къ соглашенію и притомъ столь же мало связанъ въ этомъ отношеніи какъ я¹⁾. Дѣйствительно, въ концѣ іюня (началѣ іюля), Бисмаркъ оставилъ Вѣну и возвратился къ своему посту во Франкфуртъ. Цѣль его поѣздки осталась недостигнутою. Соглашенія между Пруссіей и Австріей не состоялось ни по таможенному, ни по инымъ обще-германскимъ вопросамъ. Въ средѣ Союзнаго Сейма съ вящею силой возобновилась борьба прусскаго посланника съ австрійскимъ уполномоченнымъ, въ особенности, когда послѣднюю должность занялъ задорный и безпокойный баронъ Прокешъ-Остенъ. Не проходило дня безъ столкновенія между нимъ и Бисмаркомъ, который шагъ за шагомъ отстаивалъ интересы, права и достоинство своего двора. При этомъ онъ не ограничивался дѣятельностью своею въ Сеймѣ, но обнаруживалъ неутомимое рвеніе, располагая въ пользу Пруссіи общественное мнѣніе Южной Германіи. Съ этою цѣлью онъ вдохновлялъ и направлялъ въ желаемомъ смыслѣ множество газетъ въ Баваріи, Виртембергѣ, Баденѣ и обоихъ Гессенахъ, доставляя имъ свѣдѣнія и готовые статьи; издавалъ и распространялъ въ тысячахъ экземпляровъ политическія брошюры; входилъ въ личныя сношенія съ вліятельными и расположенными въ пользу Пруссіи дѣятелями мелкихъ государствъ, сообщавшими ему свѣдѣнія о настроеніи населенія, въ свою очередь получавшими отъ него указанія и наставленія, возбуждавшими своихъ согражданъ къ устройству митинговъ, подачѣ петицій палатамъ и т. п. „Всѣ эти начатыя связи“, доносилъ онъ барону Мантейфелю, „лишь тогда войдутъ въ полную силу, когда удастся привести ихъ въ органическое сочетаніе другъ съ другомъ и раскинуть по всей Южной Германіи какъ бы сѣть довѣренныхъ лицъ, руководящимъ средоточіемъ коихъ служилъ бы Франкфуртъ“. Такимъ средоточіемъ избралъ Бисмаркъ въ этомъ городѣ „Промышленно-Статистическое учрежденіе“, находившееся въ сношеніяхъ со всѣми торговыми и промышленными южно-германскими

¹⁾ Бисмаркъ жеяѣ 4 (16) іюня 1852 г.

центрами. Посланный предлагалъ предоставить въ его распоряженіе достаточныя денежныя средства для развитія этого учрежденія въ торгово-промышленный союзъ Южной Германіи, задачей коего было бы поддержаніе и расширеніе общенѣмецкаго Таможеннаго Союза¹⁾. Сверхъ того, Бисмаркъ стремился къ установленію возможно широкаго духовнаго общенія между Сѣверомъ и Югомъ Германіи. „Въ этомъ отношеніи“, сообщалъ онъ въ Берлинъ, „я прежде всего старался завязать сношенія между здѣшнимъ Физическимъ Обществомъ и Прусскимъ Статистическимъ Бюро. Успѣхъ этой первой попытки возбуждаетъ во мнѣ надежду, что окажется возможнымъ установить подобныя же сношенія съ обществами Естествоиспытателей въ Висбаденѣ и Дармштадтѣ. Также существуетъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ Географическое Общество, которое обнародовало въ собственныхъ изданіяхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ листкахъ много драгоцѣнныхъ статистическихъ матеріаловъ... Вслѣдствіе состоявшихся уже довѣрительныхъ переговоровъ съ руководящими членами этого общества, и оно выразило готовность вступить въ ближайшую связь съ Берлинскимъ Статистическимъ Бюро. Если только такая связь установится, то можно будетъ современемъ распространить ее далѣе на Общество Землевѣдѣнія въ Дармштадтѣ, на Общество Нассаускаго Землевѣдѣнія въ Висбаденѣ, а также на другія статистическія общества въ окрестныхъ государствахъ и образовать изъ Франкфурта центръ для такой организаціи, распространяющейся по всей Южной Германіи“²⁾.

Вотъ какъ широко понималъ Бисмаркъ свою дипломатическую задачу, какъ дѣятельно работалъ надъ ея осуществленіемъ. Онъ шелъ въ этомъ направленіи гораздо далѣе своего министерства, нерѣшительнаго и боязливаго, которое часто убѣждалъ не покидать, въ таможенномъ вопросѣ, традиціонной прусской точки зрѣнія и твердо противостоять австрійскимъ интригамъ и угрозамъ. Успѣхъ увѣнчалъ его усилія. Въ началѣ 1853 года Таможенный Союзъ, обнимающій всѣ мелкія государства Германіи, былъ восстановленъ подъ исклю-

¹⁾ Бисмаркъ барону Мантейфелю 30 сентября (12 октября) 1852 г.

²⁾ Бисмаркъ барону Мантейфелю 15 (27) декабря 1852 г.

чительнымъ главенствомъ Пруссіи; Австрія же вынуждена удовольствоваться заключеніемъ съ Пруссіей торговаго договора, по которому ей обѣщано приступить чрезъ шесть лѣтъ лишь къ обсужденію условій принятія и ея въ число участниковъ Цольферейна ¹⁾).

Мы намѣренно распространились о начальныхъ шагахъ на дипломатическомъ поприщѣ будущаго объединителя Германіи, во первыхъ, вслѣдствіе тѣсной связи ихъ съ послѣдующими событіями, вовторыхъ, потому что они чрезвычайно характерны для опредѣленія тогдашняго образа мыслей и дѣйствій Берлинскаго двора. Совокупность этого двора, какъ мы видѣли, составляли столь разнообразныя и другъ другу противоположныя элементы, что выясненіе параллелограмма силъ его едва ли было тогда возможно путемъ самыхъ тщательныхъ и сложныхъ вычисленій политической математики. Одно обстоятельство поражаетъ, однако, наблюдателя при внимательномъ ознакомленіи съ хаосомъ прусскихъ дипломатическихъ теченій того времени: это поразительные успѣхи идеи германскаго единства въ сознаніи государственныхъ дѣятелей Пруссіи. Разными, часто овольными путями, сознательно или безсознательно, всѣ они, отъ короля до послѣдняго солдата, стремились къ достиженію одной и той же цѣли: объединенію Германіи подъ властью Гогенцоллернскаго дома. Цѣль эта сама по себѣ была отрицаніемъ политическаго *status quo* Европы, охраненіе коего составляло главную задачу Священнаго Союза. Мы, надѣюсь, доказали, что участіе въ немъ Пруссіи не было и не могло быть искреннимъ, ибо государственныйя цѣли ея прямо расходились съ цѣлями Союза. Посмотримъ же, насколько надежнѣе представлялся другой его участникъ, Австрія.

II.

Старая монархія Габсбурговъ медленно оправлялась отъ глубокихъ потрясеній революціи, едва не причинившей ея совершеннаго паденія. Три года потребовались Австріи на то,

¹⁾ Австро-Прусскій торговый договоръ 7 (19) февраля и актъ Таможеннаго Союза 23 марта (4 апрѣля) 1853 г.

чтобы прийти въ себя и снова принять наружный видъ великой державы. Въ 1848 году, въ осени, порядокъ былъ возстановленъ въ наслѣдственныхъ нѣмецко-славянскихъ областяхъ; въ 1849—усмирены Сѣверная Италія и Венгрія; въ 1850—Австрія вновь заняла въ Германіи первое мѣсто, утвержденное за нею договорами 1815 года. Такая благополучная развязка возможна была лишь благодаря великодушной, могучей и болѣе чѣмъ безкорыстной помощи Россіи. Императоръ Николай честно сдержалъ слово, данное имъ въ Мюнхенгредѣ императору Францу: служить щитомъ и опорой преемникамъ его на Австрійскомъ престолѣ.

Россія помогла Австріи одолѣть враговъ ея внутреннихъ и вѣшнихъ какъ въ открытомъ бою, такъ и въ дипломатическихъ совѣщаніяхъ. Не отъ нея зависѣло успокоить, умиротворить разноплеменное населеніе, сильно возбужденное событіями минувшихъ лѣтъ. Изъ четырехъ главныхъ народностей, входившихъ въ составъ Австрійской имперіи, три почти поголовно принимали участіе въ мятежѣ: нѣмцы—во имя политической свободы, венгры и италіяны—для возвращенія себѣ національной независимости. Одни славяне повсемѣстно остались вѣрными престолу и даже ополчились на защиту правъ его. Австрійскихъ славянъ одушевляла надежда, что по усмиреніи возстанія они уже болѣе не возвратятся подъ прежнее, тяготѣвшее надъ ними иго нѣмцевъ, италійцевъ и мадьяръ. Въ теченіе 1849 года, одна славянская депутація смѣняла другую при дворѣ императора. Чехи требовали возстановленія исторической своей конституціи, словаки—выдѣленія изъ состава Венгерской короны и образованія изъ одиннадцати сѣверныхъ комитатовъ самостоятельной Словацкой области; Хорваты—созданія Тріединого Королевства изъ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи; Сербы Воеводины и Баната—полной автономіи, съ присоединеніемъ къ этимъ двумъ областямъ и Военной Границы. Пока длилась борьба, правительство вынуждено было ласкать эти надежды, чтобы не лишиться поддержки вѣрныхъ императору славянъ. Но съ возстановленіемъ порядка оно не замедлило принять строгія мѣры противъ своихъ же бывшихъ союзниковъ. Неудовольствіе въ

Австріи было всеобщее, ибо въ затаенной злобѣ побѣжденныхъ присоединялось горькое разочарованіе обманутыхъ.

Не легка была задача, выпавшая на долю императора Франца-Иосифа, восемнадцатилѣтнимъ юношей вступившаго на престолъ, посреди грозной бури, потрясшей въ основаніяхъ его монархію. Должно отдать ему справедливость: онъ принялся за дѣло съ хладнокровіемъ, мужествомъ, съ твердою рѣшимостью „соединенными силами“¹⁾ возстановить вѣковое государственное зданіе своей имперіи въ его прежнемъ величіи и блескѣ. Въ первые мѣсяцы по воцареніи, онъ еще не остановился окончательно на выборѣ средствъ, которыя должны были привести его къ желанной цѣли. Хотя засѣдавшее въ Кремзирѣ австрійское учредительное собраніе, обсуждавшее имперскую конституцію, было разогнано штыками по примѣру прусскаго, но, подражая королю Фридриху-Вильгельму, императоръ Францъ-Иосифъ даровалъ своимъ подданнымъ конституцію, заключающую въ себѣ всѣ политическія права, считавшіяся неотъемлемою принадлежностью современнаго парламентаризма. Впрочемъ, отличительнымъ ея свойствомъ было то, что она замѣняла собою всѣ частныя историческія конституціи, дѣйствовавшія въ отдѣльныхъ королевствахъ и земляхъ Австрійской короны, и провозглашала Австрійскую имперію единою и нераздѣльною. За нею слѣдовалъ, въ теченіе первой половины 1849 года, цѣлый рядъ дополнительныхъ органическихъ законовъ, составленныхъ въ томъ же духѣ либеральнаго доктринѣрства.

Обстоятельство это указывало на два теченія, господствовавшія въ кабинетѣ князя Феликса Шварценберга. Самъ первый министръ былъ представителемъ идеи возвращенія къ традиціоннымъ началамъ Габсбургской монархіи и возстановленія императорской власти во всей ея полнотѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Францъ Стадіонъ, напротивъ, видѣлъ спасеніе Австріи въ усвоеніи ею парламентскихъ формъ, какъ вѣрнѣйшаго средства объединенія ея различныхъ народностей. Однако успѣхи венгерскаго возстанія и провозглашенное на Дебречинскомъ Сеймѣ низложеніе австрійской династіи не

¹⁾ Viribus unitis — девизъ императора Франца-Иосифа.

позволяли и думать о повсемѣстномъ введеніи въ дѣйствіе новой конституціи. Фактически власть находилась въ рукахъ военныхъ вождей: Радецкаго въ Сѣверной Италіи, Виндишгреца въ занятой австрійскими войсками части Венгріи и Елачича въ Южно-Славянскихъ областяхъ. Неудачи, постигшія двухъ послѣднихъ генераловъ въ бояхъ съ мятежниками, вынудили Вѣнскій дворъ обратиться къ русской помощи. Противникъ этой мѣры, Стадіонъ, подъ предлогомъ болѣзни, удалился изъ состава министерства, что повлекло за собою преобразование кабинета. Портфель внутреннихъ дѣлъ былъ ввѣренъ Баху, бывшему адвокату и участнику въ движеніи предшедшаго года, внезапно обратившемуся въ яраго реакціонера; министромъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія назначенъ ревностный католикъ графъ Тунъ; но завѣдываніе юстиціей и торговлей было въ то же время предоставлено двумъ либеральнымъ министрамъ, юристу Шмерлингу и основателю Австрійскаго Ллойда банкиру Бруку. Остальные министры были чиновниками безо всякой политической окраски. Впрочемъ, судьбы Австріи зависѣли гораздо менѣе отъ взглядовъ того или другаго изъ членовъ кабинета, чѣмъ отъ исхода Венгерской кампаніи. При дворѣ, въ Вѣнѣ, были обижены непремѣннымъ условіемъ императора Николая, чтобы русская армія дѣйствовала не въ качествѣ вспомогательнаго войска, а вполне самостоятельно, подъ исключительнымъ начальствомъ своего главнокомандующаго, и въ свою очередь отказались подчинить Паскевичу австрійскія войска. Раздраженіе австрійцевъ возросло вслѣдствіе нашихъ быстрыхъ и рѣшительныхъ военныхъ успѣховъ, представлявшихъ яркій контрастъ съ ихъ недавними пораженіями, и достигло крайнихъ предѣловъ, когда мятежная мадьярская армія сложила оружіе предъ русскою. Гайнау, замѣнившій князя Виндишгреца во главѣ австрійскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Венгріи, въ порывѣ бесплодной досады, знаменитому донесенію русскаго фельдмаршала о покореніи Венгріи „подъ ноги“ императора Николая противопоставилъ дневной приказъ, въ которомъ беззапѣчливо утверждалъ „что австрійская армія торжествуетъ совершенное *ею* въ шести сраженіяхъ уничтоженіе непріятели“. Злоба эта отразилась и на судьбѣ плѣнныхъ венгерцевъ, переданныхъ нами

въ руки австрійцевъ. Напрасно Паскевичъ ходатайствовалъ о смягченіи ихъ участи; напрасно просилъ имъ помилованія Наслѣдникъ Русскаго престола, бывшій въ это время гостемъ Австрійскаго императора. „Конечно, господинъ фельдмаршалъ“, писалъ Францъ-Иосифъ князю Варшавскому, „еслибъ я могъ слѣдовать влеченію моего сердца, то я бы покрылъ прошедшее непроницаемымъ покровомъ. Но мнѣ нельзя забыть, что на мнѣ лежатъ въ отношеніи къ прочимъ народамъ священныя обязанности, которыя я долженъ исполнить, и что общее благо моей имперіи внушаетъ мнѣ соображенія, коихъ я не въ правѣ упустить изъ виду“¹⁾.

Императорское письмо предвѣщало, въ какомъ направленіи имѣло состояться „замиреніе“ побѣжденной русскимъ оружіемъ Венгріи. Задача эта была возложена на генерала Гайнау, успѣваго прославиться неслыханною жестокостью, съ которою онъ, въ 1848 году, подавилъ попытку возстанія въ городѣ Брешии, въ Ломбардіи. Военные суды были учреждены во всѣхъ главныхъ городахъ Венгріи и постановляли свои приговоры по полевымъ уголовнымъ законамъ. Казни, впрочемъ, начались лишь по паденіи Коморна, послѣдней крѣпости, оставшейся въ рукахъ мятежниковъ и сдавшейся на капитуляцію лишь черезъ два мѣсяца послѣ Виллагоша. Помилованъ былъ одинъ Гѣргей, водворенный на жительство въ Клагенфуртѣ. Въ Арадѣ было повѣшено и разстрѣляно шестнадцать венгерскихъ офицеровъ и въ числѣ ихъ графъ Лейнингенъ, двоюродный братъ королевы Викторіи. Въ Пештѣ казнены смертью бывшіе мадьярскіе министры графъ Лудовикъ Батьяни и Чани, первый — разстрѣлянъ, второй — чрезъ повѣшеніе. Та же участь постигла около десятка подсудимыхъ; прочіе были присуждены къ пожизненному заключенію или каторжнымъ работамъ. Приговоръ всегда сопровождался конфискаціей имущества подсудимыхъ, принадлежавшихъ большею частію къ состоятельному помѣстному дворянству. Въ числѣ осужденныхъ были, впрочемъ, и лица другихъ сословій, духовныя особы, каноники, священники. Одинъ изъ знатнѣйшихъ аристократовъ Венгріи, графъ Стефанъ Кароли, отдѣлался денежною пеней въ 150,000

¹⁾ Императоръ Францъ-Иосифъ князю Варшавскому 11 (23) августа 1849 г.

гульденовъ. Къ началу ноября общее число произнесенныхъ приговоровъ простиралось до 800, въ томъ числѣ 25 человекъ подвергнуто смертной казни. Несмотря на это, военные суды неумолимо продолжали свою дѣятельность въ Пештѣ, Пресбергѣ, Германштадтѣ и Арадѣ. Въ одномъ послѣднемъ городѣ присуждено къ долготѣнному тюремному заключенію, въ декабрѣ 1849 года, 45 офицеровъ и 54 въ январѣ и февралѣ 1850. Процессъ участниковъ Дебречинскаго сейма, насчитывавшій подсудимыхъ сотнями, длился до лѣта 1850 года и заключился ихъ осужденіемъ, причемъ до тридцати человекъ были приговорены къ смерти. Но Гайнау помиловалъ ихъ совершенно неожиданно, въ отместку министерству за послѣдовавшее между тѣмъ отрѣшеніе его отъ должности военнаго губернатора Венгріи. На слѣдующій годъ состоялся въ Пештѣ обрядъ казни *in effigie* надъ вожаками восстанія, успѣвшими спастись бѣгствомъ за границу и присужденными заочно къ повѣшенію. Къ висѣлицъ были пригвождены имена Кошута и главныхъ его сообщниковъ: епископа и народнаго историка Венгріи Михаила Хорвута, графовъ Казимира Батъяни и Владислава Телеки, бароновъ Шплени и Штейна, предсѣдателя палаты депутатовъ Алмаши, генераловъ Перцеля и Гуйона, *бывшихъ* министровъ Семере и Мессароша и министровъ *будущихъ* Горове и графа Юлія Андраши; всего въ числѣ 36 человекъ, имущество коихъ было, разумѣется, также конфисковано. Вслѣдъ затѣмъ, 38 дебречинскихъ депутатовъ и 42 офицера были присуждены къ повѣшенію, но помилованы. Послѣдніе смертные приговоры состоялись въ 1852 году. 49 подсудимыхъ были осуждены въ маѣ, изъ нихъ 42 приговорены къ висѣлицѣ. Ихъ также помиловали, но обрядъ заочной казни былъ снова совершенъ надъ 26 подсудимыми. Наконецъ, въ августѣ того же года, изъ пяти смертныхъ приговоровъ, состоявшихся въ Германштадтѣ, три были приведены въ исполненіе.

Одновременно съ этою кровавою расправой, Вѣнское правительство принимало мѣры къ обращенію Венгріи въ имперскую область, лишенную всякой самостоятельности и, наравнѣ съ прочими, подчиненную центральной власти. 5 (17) октября 1849 года изданъ императорскій указъ, отмѣнявшій венгерскую

конституцію. „Возстаніе нынѣ вполнѣ побѣждено“, сказано въ докладѣ министровъ императору, „и вмѣстѣ съ тѣмъ наступаетъ неизбѣжная необходимость опредѣлить органическую связь Венгріи со всѣмъ государствомъ въ смыслѣ имперской конституціи... Бывшая земская конституція Венгріи уничтожена самою революціей и особый статутъ, основанный на началахъ имперской конституціи, а именно на единствѣ монархіи, равенствѣ всѣхъ коронныхъ земель и равноправности всѣхъ народностей, опредѣлить земско-конституціонныя отношенія Венгріи“. Отъ короны Св. Стефана отдѣлялись Хорватія и Славонія, Седмиградія и Воеводина. Само Венгерское королевство раздѣлялось на четыре губерніи, лишеныя почти всякой связи между собою¹⁾.

Отмѣна конституціи венгерской была лишь первымъ шагомъ къ упраздненію и общей имперской конституціи, дарованной въ началѣ 1849 года. Шагу этому предшествовалъ цѣлый рядъ подготовительныхъ мѣръ. Такъ уже въ ноябрѣ 1850 года распоряженіемъ военнаго министра отмѣнена была присяга войскъ на вѣрность конституціи, а въ сентябрѣ слѣдующаго года предписано было и гражданскимъ чиновникамъ не приносить помянутой присяги. Въ томъ же году, въ апрѣлѣ, издано новое положеніе о Государственномъ Совѣтѣ, съ правомъ совѣщательнаго голоса по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ. Въ августѣ появились три императорскіе рескрипта, внесшіе значительныя измѣненія въ установленный конституціей порядокъ. Первымъ отмѣнялась отвѣтственность министровъ; они объявлялись отвѣтственными исключительно предъ особою монарха, и министерская скрѣпа монаршей подписи впредь имѣла означать лишь то, что документъ составленъ дѣйствительно согласно волѣ императора. Вторымъ рескриптомъ, на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта, устанавливалось, что отнынѣ всѣ законопроекты будутъ представляемы министрами не въ Совѣтъ, а непосредственно императору, отъ котораго зависитъ запросить по нимъ мнѣніе Совѣта. Наконецъ, третій рескриптъ предписывалъ первому министру изслѣдовать вопросъ о степени возможности осуществленія мартовской

¹⁾ Докладъ министровъ императору Францу-Иосифу и императорскій указъ ъ (17) октября 1849 г.

конституціи, не опуская при этомъ изъ виду, какъ главнаго основанія предстоящей работы, „сохраненія всѣхъ условій монархическаго устройства и государственнаго единства имперіи“¹⁾. Участъ конституціи была такимъ образомъ предрѣшена. Сочувствовавшіе ей либеральные министры, Шмерлингъ и Брукъ, удалились изъ кабинета и въ послѣдній день 1851 года по новому стилю обнародованы были снова три императорскіе рескрипта, окончательно упразднявшіе мартовскую конституцію. Въ одномъ рескриптѣ возвѣщалась самая мѣра, съ оговоркой, что равенство гражданъ предъ закономъ и отмѣна зависимости крестьянъ отъ владѣльцевъ и всякой повинности въ пользу послѣднихъ подтверждаются во всей силѣ; въ другомъ — отмѣнялись „основныя права“ австрійскихъ подданныхъ, съ исключеніемъ въ пользу духовенства; въ послѣднемъ излагались основанія будущаго общиннаго и судебного устройства на общихъ для всѣхъ областей имперіи началахъ²⁾.

Составленная Стадіономъ мартовская конституція хотя и провозглашала единство и нераздѣльность имперіи, но въ то же время обѣщала „соблюдать равноправность всѣхъ народностей и областныхъ языковъ, во всѣхъ отправленіяхъ гражданской и общественной жизни, чрезъ посредство соотвѣствующихъ учрежденій“. По отмѣнѣ ея, Австрійское правительство задалось цѣлью объединить монархію на совершенно иныхъ основаніяхъ. Многоязычіе представлялось ему главнымъ препятствіемъ къ достиженію желаемаго единства. Въ самомъ дѣлѣ, во время Стадіона, издаваемый при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *Сборникъ законовъ имперіи и правительственныхыхъ распоряженій* печатался не менѣе какъ на десяти языкахъ: нѣмецкомъ, чешскомъ, славянскомъ, польскомъ, галицко-русскомъ, румынскомъ, итальянскомъ, хорватскомъ, мадыарскомъ и сербскомъ. Столько же надписей воспроизводилось и на государственныхъ денежныхъ знакахъ. Преемникъ Стадіона, Бахъ, рѣшилъ, что первымъ шагомъ къ объединенію должно быть введеніе нѣмецкаго языка въ управленіе всѣми

¹⁾ Рескрипты императора Франца-Иосифа, первый и третій князю Шварценбергу и второй председателю Государственнаго Совѣта барону Кюбеку 8 (20) августа 1851 г.

²⁾ Императоръ Францъ-Иосифъ князю Шварценбергу 19 (31) декабря 1851 г.

областями: венгерскими, славянскими, итальянскими и румынскими. Имперія была раздѣлена на 24 совершенно отдѣльныя, другъ отъ друга независимыя области, одинаково подчиненныя министерству въ Вѣнѣ, и во всѣхъ этихъ областяхъ былъ введенъ одинъ и тотъ же, составленный въ Вѣнѣ же, областной уставъ. Незнакомые съ мѣстными языками чиновники-нѣмцы наводнили всѣ провинціи и заняли въ нихъ большую часть судебныхъ и административныхъ должностей. При этихъ условіяхъ совершенно непонятнымъ становится предъявленное Бахомъ къ своимъ чиновникамъ требованіе, чтобъ они „вступили въ непосредственную связь съ теченіемъ жизни и вліяли на всякую гражданскую или политическую дѣятельность населенія“¹⁾. Даже въ недавно усмиренныхъ областяхъ военное управленіе уступило мѣсто бюрократическому. Усерднымъ союзникомъ правительства въ его централизационныхъ усиліяхъ явилось духовенство. Католическіе епископы, собранные на синодъ въ Вѣнѣ лѣтомъ 1849 года, провозгласили начало національности „остаткомъ язычества“, такъ какъ, пояснили они, „различіе языковъ было лишь послѣдствіемъ грѣха и отпаденія отъ Бога“²⁾. Содѣйствуя правительству „въ великомъ дѣлѣ обновленія народовъ Габсбургской монархіи“, духовенство получило отъ него въ награду обширныя права и преимущества, обезпечивавшія римско-католической церкви совершенно самостоятельное положеніе въ государствѣ. Императорскимъ патентомъ отмѣнено древнее право *placiti regii*, въ силу коего государство представляло себѣ утвержденіе всѣхъ церковныхъ распоряженій³⁾. Вскорѣ послѣ того, латинскому духовенству ввѣренъ былъ надзоръ за преподаваніемъ въ школахъ, отъ низшихъ до университетовъ включительно. Духовныя миссіи и учрежденія расплодилось по всему пространству имперіи; іезуиты прочно водворились во всѣхъ областяхъ. Правительственное расположеніе къ католической іерархіи неминуемо повлекло за собою проявленія ея нетер-

¹⁾ Циркуляръ Баха по министерству внутреннихъ дѣлъ 3 (15) августа 1850 г.

²⁾ Окружное пастырское посланіе Вѣнскаго собора римско-католическихъ епископовъ 5 (17) іюня 1849 г.

³⁾ Императорскій патентъ по церковнымъ дѣламъ 6 (18) апрѣля 1850 г.

пимости и угнетеніе прочихъ исповѣданій: протестантовъ, православныхъ.

Для полноты картины внутренняго состоянія Австріи, въ годы непосредственно слѣдовавшіе за революціей, необходимо упомянуть о положеніи ея финансовъ. Оно было самое плачевное. Уже въ до-революціонный періодъ крупные дефициты обратились въ хроническій недугъ австрійскаго бюджета. Въ 1848 году доходы были исчислены въ 150.000,000 гульденовъ, а расходы въ 290.000,000, то-есть почти вдвое. Послѣдующіе годы мало измѣнили къ лучшему это отношеніе. Правительство не принимало къ уврачеванію недуга рѣшительныхъ мѣръ, предпочитая прибѣгать къ палліативамъ всякаго рода, мелкимъ займамъ, выпускамъ самыхъ разнообразныхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Такъ, къ концу 1849 года, находилось въ обращеніи банковыхъ билетовъ съ принудительнымъ курсомъ на 250.000,000, кассовыхъ ассигновокъ на 47.000,000, специальныхъ ассигновокъ, отнесенныхъ на доходы мятежной Венгрии на 55.000,000, ломбардо-венеціанскихъ *biglietti di tesoro* на 14.000,000, до 50.000,000 кассовыхъ обязательствъ и на 5.000,000 мелкихъ размѣнныхъ билетовъ десятикрейцернаго достоинства. Въ теченіе того же года заключено было три займа, изъ нихъ два по 60.000,000 въ іюнѣ и сентябрѣ и въ декабрѣ третій на 50.000,000. Въ особенности отягощали бюджетъ чрезвычайные расходы по вооруженію и содержанію арміи. Уменьшить ихъ оказалось возможнымъ только въ 1851 году и то лишь на 21.000,000. Бюджетъ этого года заключился дефицитомъ въ 60.000,000 гульденовъ.

Предоставивъ своимъ министрамъ значительную долю самостоятельности въ управленіи вѣренными имъ вѣдомствами, императоръ Францъ-Іосифъ оставилъ за собою высшее завѣдываніе арміей, которой посвятилъ всю свою заботливость. Военное министерство было уничтожено и замѣнено непосредственно подчиненнымъ императору главнымъ управленіемъ арміи, во главѣ коего былъ поставленъ троюродный братъ его величества, эрцгерцогъ Вильгельмъ. Но важнѣйшія военныя дѣла сосредоточивались въ рукахъ старшаго генераль-адъютанта, который докладывалъ ихъ непосредственно

императору. Должность эту занималъ графъ Грюнне, вскорѣ получившій въ качествѣ наиболѣе приближеннаго къ монарху лица большое значеніе и вліяніе въ дѣлахъ не только военныхъ, но и политическихъ. Дѣйствующія войска были раздѣлены на четыре арміи, состоявшія подъ начальствомъ особыхъ главнокомандующихъ, которые были непосредственно подчинены императору и болѣею частію получали приказанія прямо отъ него.

Таково было въ общихъ чертахъ внутреннее состояніе Австріи наканунѣ возникновенія восточныхъ замѣшательствъ, приведшихъ къ Крымской войнѣ. Его отнюдь нельзя назвать удовлетворительнымъ. Возстановленіе внѣшняго престижа монархіи въ Германіи и Италіи, результатъ, достигнутый благодаря русской поддержкѣ, военной и дипломатической, вовсе не соответствовало медленному возрожденію ея внутреннихъ силъ. Правительственная политика возбуждала всеобщее неудовольствіе во всѣхъ австрійскихъ народностяхъ. Нѣмцы вздыхали по утраченной политической свободѣ; славяне негодовали на неблагодарность правительства; мадьяры и итальянцы таили въ сердцахъ непримиримую ненависть къ своимъ поработителямъ. Военное положеніе распространялось на болѣшую половину имперіи, не считая самой столицы. Полевые суды дѣйствовали не въ одной только Венгріи. Въ Вѣнѣ тянулся длинный рядъ политическихъ процессовъ. Въ Прагѣ подсудимые приговаривались, между прочимъ, къ тѣлесному наказанію палочными ударами. Строгія мѣры принимались противъ попытокъ сопротивленія южно-славянскихъ областей, грозившему имъ онѣмеченію. Еще недавно осыпанные выраженіями признательности двора, хорваты и сербы подвергались стѣсненіямъ, не выпадавшимъ даже на долю итальянцевъ въ Ломбардіи. Глядя на такое обращеніе съ ними, говоритъ современный мадьярскій патріотъ и писатель, можно было подумать, что въ 1848 году они были самыми злостными мятежниками, а не вѣрнѣйшими защитниками престола. Призракъ панславизма снова начиналъ пугать вѣнскихъ государственныхъ людей. Отсюда гоненіе на славянскіе языкъ и народность, сопровождаемое въ православныхъ областяхъ и угнетеніемъ вѣры. Какъ на образецъ можно указать на запрещеніе

употребленія кириллицы въ печати и письмѣхъ. Дѣло дошло до того, что пришлось военное положеніе распространить на Воеводину, а незадолго до предположенной императоромъ лѣтомъ 1852 года поѣздки въ Хорватію, разоружить населеніе этой области. Нечего и говорить, что огонь продолжалъ тлѣть подъ пепломъ какъ въ Венгріи, такъ и въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ; что въ обѣихъ земляхъ не прекращались волненія и заговоры, коими вызывались новые аресты, слѣдствія, строгіе судебныя приговоры; что еще въ декабрѣ 1852 года повѣшено было въ Мантуѣ пять человекъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

При полной внутренней безурядицѣ, при совершенномъ истощеніи матеріальныхъ силъ страны, при несомнѣнныхъ признакахъ разложенія въ высшей степени искусственнаго и сложнаго государственнаго организма, казалось бы невозможно было и думать о смѣлой и рѣшительной политикѣ внѣшней, о широкихъ и честолюбивыхъ замыслахъ, направленныхъ къ распространенію австрійскаго владычества на всѣ сосѣднія страны: Германію, Италію и Балканскій полуостровъ, въ духѣ вѣковыхъ притязаній Австрійскаго дома на всемірное господство. А между тѣмъ, именно такими цѣлями задавался руководитель внѣшней политики Вѣнскаго двора, министръ иностранныхъ дѣлъ императора Франца-Іосифа и предсѣдатель совѣта его министровъ, князь Феликсъ Шварценбергъ.

Онъ мечталъ о созданіи въ центрѣ Европы великаго союзнаго германо-славянскаго государства съ семидесятимилліоннымъ населеніемъ, руководимаго и управляемаго единою волей императора Австрійскаго, наслѣдовавшаго не только титулъ, но и власть владыкъ Священно-Римской имперіи, обнимающей нѣкогда весь Западъ. Королевства и княжества, составлявшія Германскій Союзъ, должны были всѣ, не исключая и Пруссіи, отречься отъ самостоятельной внѣшней политики и безпрекословно повиноваться приказаніямъ, получаемымъ изъ Вѣны. Подчинивъ всю Германію своему преобладанію, Австрія, опираясь на нее, упрочила бы свое вліяніе въ Италіи и даже могла бы попытаться, возвратясь къ преданіямъ Евгенія Савойскаго, распространить его и на Востокъ. И такъ, прежде всего надлежало достигнуть преобладанія въ

Германіи. Шварценбергъ надѣялся прійти къ этому результату двумя путями: политическимъ, посредствомъ включенія всѣхъ австрійскихъ владѣній въ составъ Германскаго Союза, и торгово-промышленнымъ, вырвавъ изъ рукъ Пруссіи руководительство обще-нѣмецкимъ союзомъ таможеннымъ.

Первая мысль зародилась въ умѣ австрійскаго министра тотчасъ по усмиреніи венгерскаго возстанія, въ то самое время, когда Пруссія старалась осуществить со своей стороны планъ германскаго объединенія. Успѣхъ предпріятія зависѣлъ прежде всего отъ согласія Россіи. Какъ извѣстно, на Вѣнскомъ конгрессѣ было рѣшено, что и Австрія, и Пруссія вступятъ въ Германскій Союзъ не въ полномъ своемъ составѣ, а за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей, первая — земель Венгерской короны, Галиціи и Ломбардо-Венеціанскаго королевства, вторая — собственно королевства Прусскаго и Познани. Подъ давленіемъ національныхъ теченій 1848 года, Берлинскій дворъ, незадолго до упраздненія Союзнаго Сейма во Франкфуртѣ, настоялъ на включеніи въ Германскій Союзъ своихъ внѣ-нѣмецкихъ областей. Примѣру этому, два года спустя, рѣшилась послѣдовать и Австрія, которая въ силу союзнаго акта 1815 года, хотя и занимала въ Союзѣ первое мѣсто по пространству, но теряла его въ пользу Пруссіи, со времени присоединенія вышеозначенныхъ прусскихъ областей; по числу же жителей она и до 1848 года почти на одинъ милліонъ уступала Пруссіи въ предѣлахъ германской конфедераціи. Отношеніе это должно было измѣниться къ выгодѣ Австріи въ томъ случаѣ, еслибъ она вступила въ Союзъ со всѣми своими областями и народами. Когда на совѣщаніи, происходившемъ въ Варшавѣ въ маѣ 1851 года, Шварценбергъ заявилъ объ этомъ намѣреніи императору Николаю, то государь сначала и слышать не хотѣлъ объ его осуществленіи. Твердо стоя на почвѣ договоровъ 1815 года, онъ не допускалъ никакихъ уклоненій отъ касавшихся Германіи постановленій Вѣнскаго конгресса. Въ этомъ смыслѣ отвѣчалъ и императорскій кабинетъ на оффиціальныи запросъ австрійскаго правительства ¹⁾. Но въ отвѣтной своей депешѣ Шварценбергъ разъяснилъ, что предположенная имъ мѣра отнюдь не

¹⁾ Графъ Нессельроде барону Мейендорфу 1 (31) мая 1850 г.

противорѣчитъ заключительному акту помянутаго конгресса; что, напротивъ, ст. 6-я этого акта даже предвидитъ возможное расширеніе территоріи Германскаго Союза, ставя такое въ зависимость лишь отъ единогласнаго рѣшенія союзныхъ правительствъ. Пользу же такой мѣры австрійскій министръ выводилъ изъ необходимости отнять у Пруссіи на будущее время возможность попытокъ обратить союзъ нѣмецкихъ государствъ въ союзное государство подъ своимъ главенствомъ, и вообще воздвигнуть успѣхамъ революціоннаго духа въ Германіи сильную и неодолимую преграду. Къ тому же, доказывалъ Шварценбергъ, Австрія, ставъ „единымъ и нераздѣльнымъ“ государствомъ, не можетъ раздвоиться, возвращаясь въ среду возстановленнаго Союза; съ другой же стороны, она отнюдь не намѣрена посягать на самостоятельность и державныя права своихъ нѣмецкихъ союзниковъ¹⁾. Доводы эти подѣйствовали на Русскій дворъ, и безъ нихъ уже предрасположенный въ пользу Вѣнскаго, и графъ Нессельроде поспѣшилъ увѣдомить Шварценберга, что Россія не будетъ противиться осуществленію довѣреннаго ей плана²⁾.

Получивъ согласіе Россіи, князь Шварценбергъ, въ числѣ прочихъ условій, навязалъ и это барону Мантейфелю въ Ольмюцѣ. Берлинскій дворъ, не имѣя возможности сопротивляться открыто, принялъ, однако, мѣру, долженствовавшую не мало затруднить Австрійское правительство. Онъ предписалъ представителю своему въ Союзномъ Сеймѣ, генералу Рохову, потребовать выдѣленія изъ состава Германскаго Союза воссоединенныхъ съ нимъ, въ 1848 году, двухъ прусскихъ областей³⁾. Предлогомъ была выставлена необходимость изыятія этихъ областей какъ „правоваго основанія самостоятельности внѣшней политики Пруссіи“. Преемникъ Рохова, Бисмаркъ, придававшій этому дѣлу первостепенную важность, даже взялъ на себя прямо заявить своимъ товарищамъ по Сейму, что если большинство откажетъ въ согласіи, то Пруссія съумѣетъ обой-

¹⁾ Князь Шварценбергъ графу Булю, июнь 1850 г.

²⁾ Графъ Нессельроде барону Мейендорфу 12 (24) іюля 1850 г.

³⁾ Тайная инструкція барона Мантейфеля генералу Рохову 28 апрѣля (10 мая) 1851 г.

тись и безъ онаго ¹⁾). Рѣшеніе Сейма, дѣйствительно, состоялось въ смыслѣ прусскихъ желаній, но это, конечно, не помѣшало бы Шварценбергу внести въ Сеймъ предложеніе о включеніи всѣхъ австрійскихъ земель въ составъ Союза, тѣмъ болѣе, что онъ не сомнѣвался въ доброй волѣ большинства нѣмецкихъ правительствъ. Возраженія предъявили дворы Лондонскій и Парижскій. Находя австрійскій замыселъ нарушеніемъ договора 1815 года, они хотѣли сначала условиться съ Россіей относительно общаго протеста. Но изъ Петербурга имъ отвѣтили, что Императорскій кабинетъ уже далъ свое согласіе и что настоящій вопросъ есть чисто внутренній, нѣмецкій, вмѣшиваться въ который прочія великія державы не имѣютъ ни малѣйшаго права ²⁾. Тѣмъ не менѣе, Англія и Франція предъявили сообща протестъ свой въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Франкфуртѣ. Онѣ заявили, что всякое расширеніе территоріи созданнаго договорами 1815 года Германскаго Союза не можетъ состояться иначе какъ съ согласія всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ подписаніи этихъ договоровъ и что, со своей стороны, дворы Лондонскій и Парижскій никогда не согласятся на включеніе всей Австрійской монархіи въ составъ Союза, находя эту мѣру несомнѣстимою съ требованіями европейскаго равновѣсія и со свободой и независимостью Германіи. Франція пошла еще далѣе и намекнула въ Петербургѣ, что сочтетъ осуществленіе австрійскихъ замысловъ за *casus belli*. Тогда графъ Нессельроде далъ князю Шварценбергу совѣтъ отложить ихъ на нѣкоторое время, — и все дѣло кануло въ воду ³⁾.

Подобная же неудача постигла, какъ мы уже видѣли, и планъ таможеннаго сліянія Австріи съ Германіей, благодаря твердости, проявленной не столько Берлинскимъ кабинетомъ, сколько представителемъ его при Франкфуртскомъ Сеймѣ.

Такимъ образомъ, въ стремленіяхъ къ утвержденію своего господства въ Германіи, Австрія нашла поддержку только въ Россіи. Прочія великія державы: Англія, Франція, Пруссія, всѣ, болѣе или менѣе, оказали ей сопротивленіе. Какъ же отно-

¹⁾ Бисмаркъ барону Мантейфелю 11 (23) сентября 1851 г.

²⁾ Графъ Нессельроде барону Бруннову и Киселеву, декабрь 1851 г.

³⁾ См. объ этомъ вопросѣ *Stockmar's Denkwürdigkeiten* стр. 628 — 632. Ср. также *Bunsen's Leben*, III, стр. 181—183.

сился Вѣнскій дворъ въ частности къ каждой изъ упомянутыхъ державъ?

Князь Шварценбергъ не только ненавидѣлъ, но и глубоко презиралъ Пруссію, и не признавалъ въ ней великой державы. „Унизить Пруссію, чтобы затѣмъ ее уничтожить“, такова была политическая программа, исповѣдуемая имъ довольно открыто. Онъ относился къ Берлинскому двору съ необычайнымъ высокомеріемъ и, вовсе не принимая его въ расчетъ въ своихъ дипломатическихъ комбинаціяхъ, не допускалъ и мысли, чтобы Пруссія, послѣ Ольмюцскаго пораженія, осмѣлилась въ чемъ и когда-либо ему противорѣчить, а тѣмъ менѣе противодѣйствовать.

Съ Англіей у Австріи были старые счеты. Вѣнскій дворъ не могъ простить Лондонскому его поведенія въ 1848—49 годахъ, сочувствія и поддержки, оказанныхъ имъ всѣмъ революціоннымъ противникамъ Австріи, мадьярамъ, итальянцамъ. Въ Германіи, въ Италиі, въ Турціи — всюду политика Пальмерстона шла наперекоръ видамъ и желаніямъ Австрійскаго правительства. Англійскій министръ не ограничился тѣмъ, что внушилъ Портѣ отказъ ея выдать венгерскихъ политическихъ выходцевъ, но, по водвореніи ихъ въ Малой Азіи, прямо принялъ ихъ подъ свое покровительство. По его настоянію, они были выпущены на свободу въ началѣ 1851 года, съ дозволеніемъ отправиться куда пожелаютъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ писалъ объ этомъ дѣлѣ Пальмерстонъ сэръ Стратфорду-Каннингу: „Въ прошломъ году во всей странѣ (Англіи) султанъ возбуждалъ великій энтузіазмъ, такъ какъ англичане были убѣждены, что Турецкое правительство воодушевлено великодушною и твердою рѣшимостію не быть палачомъ или тюремщикомъ на службѣ двухъ императоровъ; и это убѣжденіе побудило страну изъ края въ край — виговъ, торіевъ, радикаловъ — рукоплескать и помогать вызову, который, благодаря нашему совѣту и морской помощи, былъ брошенъ прямо въ лицо обоимъ императорскимъ правительствамъ. Но, почва, на которой мы стояли, колеблется подъ нами, и широкія надежды, которыя питала нація, быстро разсѣиваются. Султанъ, конечно, спасъ поляковъ и венгерцевъ отъ веревки и пули; но онъ обращаетъ себя въ презрѣннаго раба Австріи, обрекая вен-

герцевъ на облегченное, но все же тяжкое заточеніе. Мнѣ стыдно за нашихъ protégés, за султана и его бѣлоливрейныхъ министровъ; и вы можете объявить министрамъ довѣрительно, но категорически, что если они будутъ продолжать идти такимъ путемъ, то мы ни въ какомъ случаѣ не захотимъ да и не сможемъ послать имъ на помощь не то что эскадры, а ни единой лодчонки, и что энтузіазмъ прошлаго года быстро превращается въ неодолимое отвращеніе, внушаемое ихъ раблѣпною готовностью исполнять въ высшей степени унижительныя обязанности тюремщика за счетъ князя Шварценберга⁴⁾. Освобожденный Кошуть, прежде чѣмъ отправиться въ Америку, посѣтилъ Англію, гдѣ населеніе оказало ему блестящій и восторженный пріемъ. Со свойственнымъ ему увлекательнымъ краснорѣчіемъ, бывшій венгерскій диктаторъ говорилъ на публичныхъ митингахъ пламенныя рѣчи въ защиту мадьярскаго возстанія, причемъ, конечно, не воздержался отъ самыхъ дерзкихъ отзывовъ объ Австрійскомъ правительствѣ и даже объ императорѣ Францѣ-Іосифѣ. Несмотря на это, Пальмерстонъ готовъ былъ принять его у себя, и потребовалось постановленіе кабинета, чтобъ удержать англійскаго министра отъ поступка, который неминуемо вызвалъ бы отозваніе австрійскаго представителя изъ Лондона. За это невольное воздержаніе Пальмерстонъ вознаградилъ себя тѣмъ, что, по отъѣздѣ Кошута, принялъ благодарственные адреса, представленныя ему нѣсколькими комитетами англійскихъ радикаловъ, съ выраженіемъ благодарности за участіе въ дѣлѣ освобожденія венгерскихъ выходцевъ въ Турціи. Адресы эти, разумѣется, обнародованные въ газетахъ, заключали въ себѣ самыя оскорбительныя выраженія въ примѣненіи къ государямъ Австріи и Россіи. Пальмерстонъ хотя и заявилъ депутаціямъ, что нельзя ожидать отъ него, чтобъ онъ раздѣлилъ всѣ высказанныя ими взгляды, но прибавилъ, что самъ лично польщенъ и благодаренъ за мнѣніе, выраженное о его дипломатической дѣятельности⁵⁾.

4) Лордъ Пальмерстонъ сэръ Стратфорду-Каннингу 29 января (10 февраля) 1851 г.

5) См. объ этомъ эпизодѣ Martin: *The life of the Prince Consort*, II, стр. 406—411.

Обостренію отношеній Вѣнскаго двора съ Лондонскимъ не мало содѣйствовало также приключеніе, постигшее генерала Гайнау при посѣщеніи имъ Лондона за годъ передъ тѣмъ, а именно осенью 1850 года. Генераль зашелъ однажды въ извѣстное пивное заведеніе Барклая и Перкинса, гдѣ узнавая его толпа, подстрекаемая венгерскими и польскими эмигрантами, напала на него и съ криками: „долгой австрійскаго мясника!“ вынудила его искать убѣжища въ сосѣднемъ домѣ. Несмотря на энергическія требованія князя Шварценберга, Пальмерстонъ отказался дать какое-либо удовлетвореніе и пострадавшему генералу, и самому Вѣнскому двору. Въ дипломатической перепискѣ, возгорѣвшейся между Вѣной и Лондономъ, оба министра какъ бы старались превзойти одинъ другого въ дерзкихъ и даже грубыхъ выраженіяхъ. И послѣ отставки Пальмерстона, Шварценбергъ долго не измѣнялъ вызывающаго тона своихъ сообщеній Сентъ-Джемскому кабинету, что побудило королеву Викторію написать сводному брату своему, князю Лейнингену, что со Шварценбергомъ ужиться нельзя и что онъ, по всей справедливости, заслуживаетъ названія „австрійскаго Пальмерстона“¹⁾.

Франція, конечно, не меньше, если не больше Англіи, содѣйствовала крушенію велико-германскихъ замысловъ Шварценберга, а между тѣмъ, со времени совершеннаго Лудовикомъ - Наполеономъ государственнаго переворота, князь оказывалъ ей предпочтеніе предо всѣми прочими державами, не исключая и Россіи. Когда извѣстіе о французскомъ переворотѣ достигло Вѣны, онъ громко высказывалъ свою радость, и на сдѣланный ему княгиней Меттернихъ упрекъ, отвѣчалъ, что предпочитаетъ все прежней „сволочи“²⁾. Пристрастіе свое къ третьему Бонапарту Шварценбергъ ясно выразилъ въ переговорахъ, предшествовавшихъ признанію за Лудовикомъ - Наполеономъ императорскаго титула. Даже прусскій король не могъ скрыть негодованія, возбужденнаго въ немъ „услужливостью“ Шварценберга по отношенію къ новому повелителю Франціи. „Австрійскій министр“, замѣчалъ король, „береть

¹⁾ Изъ дневника княгини Меттернихъ. Мартъ 1852 г.

²⁾ Изъ дневника княгини Меттернихъ. Декабрь 1851 г.

на себя исполненіе роли коронующаго папы⁴⁾). Несмотря на состоявшійся по этому предмету, подписанный представителями Россіи, Австріи и Пруссіи протоколъ, князь Шварценбергъ въ рѣшительную минуту поспѣшилъ безусловно признать императора французовъ и примѣромъ своимъ увлекъ Пруссію, оставивъ Россію въ совершенномъ одиночествѣ, лицомъ къ лицу съ глубоко-оскорбленною Франціей.

Влеченіе австрійскаго министра къ Лудовику - Наполеону нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ страха его предъ могуществомъ Россіи, достигшей въ началѣ пятидесятыхъ годовъ апогея своего величія. Чѣмъ важнѣе были услуги, оказанныя императоромъ Николаемъ молодому и любимому своему союзнику, тѣмъ въ болѣе смущеніе повергали онѣ Вѣнскій дворъ. Послѣдній сознавалъ себя въ отношеніи подчиненности къ Русскому государю, и выносилъ ее далеко не терпѣливо. Онъ не смѣлъ открыто высказывать цѣлей своей виѣшной политики, потому что онѣ далеко выходили изъ тѣхъ предѣловъ, которые, при всемъ своемъ доброжелательствѣ, могъ когда-либо дозволить императоръ Николай. Предѣлами этими были постановленія Вѣнскаго конгресса, служившія основаніемъ народнаго права Европы, но, несмотря на обезпеченную ими Австріи выгоду, не удовлетворявшія болѣе ненасытному честолюбію князя Шварценберга. Сверхъ того, союзъ съ Россіей означалъ и поддержаніе съ Пруссіей самыхъ дружественныхъ сношеній, что прямо противорѣчило видамъ австрійскаго министра. Наконецъ, то исключительное положеніе, которое въ силу договоровъ принадлежало Россіи на Востокѣ, какъ мало она ни пользовалась имъ, представлялось Шварценбургу полнымъ опасностей для Австріи. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно было заключить, что, по водвореніи законнаго порядка на Западѣ, императоръ Николай отнесется съ большимъ вниманіемъ къ Балканскому полуострову. Въ числѣ такихъ признаковъ было состоявшееся, осенью 1851 года, возведеніе государемъ преемника владыки Петра Черногорскаго, Данила, въ санъ свѣтскаго наслѣдственнаго князя Черной Горы. Аetz этотъ совершенъ былъ Русскимъ царемъ совер-

⁴⁾ Ranke. *Aus dem Briefwechsel Friedrichs-Wilhelms IV mit Bunsen*, стр. 186.

шенно самостоятельно, безъ предварительныхъ справокъ съ мнѣніемъ прочихъ державъ, въ силу принадлежавшихъ ему правъ верховнаго покровительства надъ православнымъ населеніемъ Востока. Австріи актъ этотъ былъ тѣмъ болѣе неприятенъ, что со временъ Іосифа II, она простирала свои виды и на Черногорію, въ числѣ прочихъ балканскихъ земель, считая ее входящею въ сферу австрійской мощи и вліянія. Свою купность всѣхъ этихъ обстоятельствъ достаточно объясняетъ, получившій историческое значеніе, возгласъ Шварценберга о готовности Австріи „удивить свѣтъ своею неблагодарностью“.

Весной 1852 года князь Шварценбергъ умеръ. Преемникомъ ему въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ съ правомъ предсѣдательства въ совѣтѣ министровъ назначенъ былъ австрійскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Буоль, одинъ изъ немногихъ дипломатовъ Меттерниховой школы, пережившихъ паденіе канцлера. Онъ вполне унаслѣдовалъ политическіе взгляды своего предмѣстника, хотя далеко не пользовался его вліяніемъ на молодого императора и не проявлялъ отличавшей Шварценберга рѣшительности и смѣлости. Вообще политика Вѣнскаго двора осталась прежнею, впрочемъ, въ болѣе мягкихъ и предупредительныхъ формахъ; тѣ же ненависть и презрѣніе къ Пруссіи, охлажденіе съ Англіей, пристрастіе къ императорской Франціи, затаенная злоба на Россію, тщательно прикрытая выраженіемъ наружнаго почтенія, преданности, признательности. Въ политикѣ этой утверждалъ императора и возвратившійся въ концѣ 1851 года въ Вѣну изъ трехлѣтняго изгнанія старый канцлеръ Меттернихъ; въ совѣтѣ министровъ ревностнымъ ея приверженцемъ являлся самый дѣятельный и вліятельный изъ нихъ, баронъ Бахъ, не скрывавшій своего нерасположенія и подозрительности по отношенію къ Россіи. Вѣрныхъ намъ друзей сохраняли мы лишь въ высшихъ придворныхъ должностяхъ, въ феодальной аристократіи и въ арміи, но они съ каждымъ днемъ все болѣе утрачивали вліяніе свое на ходъ и направленіе политическихъ дѣлъ. Императоръ Францъ-Іосифъ внималъ ихъ рѣчамъ и совѣтамъ, но рѣдко исполнялъ ихъ, руководясь въ политикѣ исключительно внушеніями своихъ министровъ, дипломатическихъ и административныхъ бюрократовъ, недověрчиво и даже враждебно от-

носившихся къ замѣнутымъ для большинства изъ нихъ кругамъ придворному, аристократическому и военному. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ несомнѣнно питалъ нѣжную привязанность и дружбу лично къ императору Николаю, поддавался чарующему его обаянію, выражая неподдѣльную признательность за благодѣянія; но преданія Габсбургскаго дома удерживали Франца-Иосифа отъ увлеченія чувствомъ, какъ бы оно искренно ни было, коль скоро дѣло касалось того, что довѣренные совѣтники выдавали ему за насущную потребность, пользы и нужды Австрійской монархіи.

III.

Перейдемъ къ Англіи.

Коренныя перемѣны, совершившіяся на политической почвѣ Великобританіи, задолго предшествовали революціонной бурѣ 1848 года, лишь косвенно отразившейся на судьбахъ Соединенныхъ Королевствъ. Перемѣны эти восходятъ къ началу тридцатыхъ годовъ, когда состоялся билль о парламентской реформѣ, совершенно видоизмѣнившій составъ и характеръ англійскаго народнаго представительства. Число избирателей увеличилось на цѣлый миллионъ, а отнятіе права на участіе въ выборахъ у такъ-называемыхъ „гнилыхъ посадовъ“ (rotten boroughs) лишило англійскую аристократію рѣшающаго вліянія на составленіе нижней палаты. Послѣдствіемъ было то, что рядомъ съ двумя историческими партіями торіевъ и виговъ, въ теченіе полутора столѣтія смѣнявшихъ одна другую у власти, въ парламентѣ появились партіи новыя: радикаловъ, требовавшихъ дальнѣйшаго развитія въ демократическомъ духѣ началъ реформы, и ирландцевъ, стремившихся къ политической самостоятельности своего родного острова. Скоро въ средѣ консервативовъ произошелъ также расколъ, вызванный обращеніемъ главы торійскаго кабинета, сэръ Роберта Пилля, и товарищей его по министерству, лорда Абердина, сэръ Джемса Граама, Гладстона и другихъ, на путь преобразованій въ области торговой и промышленной, и главнымъ образомъ проведенною ими отмѣной пошлинъ на привозный хлѣбъ, положившею начало свободѣ торговли въ Англіи. Пилиты (такъ стали называть сторонниковъ этой мѣры) образовали въ па-

латахъ особую фракцію, отставшую отъ торіевъ и не приставшую къ вигамъ. Раздробленіе парламентскихъ силъ пагубно отозвалось на народномъ представительствѣ, въ которомъ ослабѣвали съ каждымъ днемъ преданія исконной британской политики, создавшей внутреннее богатство страны и внѣшнее ея величіе. Не мало содѣйствовали этому результату и стремленія вліятельной Манчестерской школы, во главѣ коей стоялъ Кобденъ и которая поставила себѣ задачей внутри страны полную отмѣну всякихъ торговыхъ и промышленныхъ стѣсненій, а внѣ ея всеобщее разоруженіе, учрежденіе третейскаго судилища для разрѣшенія международныхъ споровъ, словомъ, утвержденіе вѣчнаго мира на землѣ.

Если, несмотря на все это, внѣшняя политика Великобританіи не только удержалась на прежней высотѣ, но и повсемѣстно торжествовала новые блестящіе успѣхи, то этимъ Англія была обязана исключительно государственному человѣку, бывшему въ теченіе двухъ десятилѣтій, — если не считать пятилѣтняго промежутка съ 1841 по 1846 годъ, — полновластнымъ руководителемъ ея дипломатическихъ сношеній. Воспитанный въ традиціяхъ обоихъ Питтовъ, другъ и сподвижникъ Каннинга, Пальмерстонъ съ непоколебимою твердостью и послѣдовательностью проводилъ всюду вѣковую, историческую, народную политику Англіи, политику эгоистическую, направленную исключительно къ признанію и удовлетворенію англійскихъ интересовъ, матеріальныхъ и нравственныхъ. Въ Азіи, какъ и въ Европѣ, онъ высоко поднялъ значеніе Великобританіи, расширилъ предѣлы ея вліянія, утвердилъ ея владычество въ самыхъ отдаленныхъ странахъ.

Въ первое свое министерство (1830—1841), національный министръ Англіи дѣйствовалъ вполне самостоятельно; тщательно устраняя всякое постороннее вмѣшательство въ дѣла своего вѣдомства, ревниво оберегая свое право направлять ихъ по личному усмотрѣнію. Старецъ-король Вильгельмъ IV и въ первые годы по воцареніи девятнадцатилѣтняго преемника его, королева Викторія, отнюдь не стѣсняли свободы дѣйствій своего министра иностранныхъ дѣлъ, а лорды Грей и Мельбёрнъ, послѣдовательно стоявшіе во главѣ кабинета вивговъ, питали къ нему неограниченное довѣріе. По возвра-

ценіи своемъ ко власти въ 1846 году, Пальмерстонъ нашель, однако, обстоятельства совершенно измѣнившимися. Главною причиною того было состоявшееся въ 1839 году вступленіе королевы въ бракъ съ принцемъ Альбертомъ Саксенъ-Кобургскимъ.

Королева горячо любила своего мужа и вполне подчинилась его вліянію не только въ семейномъ отношеніи, но и въ политическомъ. Она мечтала о дарованіи ему титула короля-супруга и писала въ дневникѣ своемъ: „Онъ долженъ возвышаться и, дѣйствительно, возвышается надо мною во всемъ, а потому я желаю, чтобъ онъ былъ равенъ мнѣ по титулу“¹⁾. Не малаго труда стоило друзьямъ самого принца убѣдить королеву отказаться отъ этого намѣренія, осуществленіе коего возбудило бы противъ ея супруга крайне щекотливое общественное мнѣніе страны. Принцъ былъ полнымъ хозяиномъ въ средѣ королевскаго семейства, получившаго, благодаря ему, совершенно нѣмецкую окраску. Всѣ члены его говорили между собою по-нѣмецки и даже дѣти объяснялись на этомъ языкѣ вполне свободно, безъ акцента, какъ на родномъ. Нѣмецкая литература, нѣмецкая музыка служили любимымъ развлеченіемъ королевы²⁾. Понятно, что при такихъ условіяхъ нѣмецкіе взгляды должны были преобладать и въ политикѣ. Первое ознакомленіе принца Альберта съ ходомъ политическихъ дѣлъ относится къ 1840 году, во время турецко-египетскаго кризиса, когда беременная королева, по собственному его выраженію, „дозволила ему принимать дѣятельное участіе во внѣшнихъ дѣлахъ“. Участіе это ограничивалось тогда чтеніемъ сообщаемыхъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ королевѣ инструкцій англійскимъ представителямъ при чужеземныхъ дворахъ и донесеній ихъ своему правительству. Мало-по-малу, въ особенности по замѣнѣ вигскаго кабинета торійскимъ, принцъ сталъ обнаруживать больше любопытства и уже прямо вмѣшиваться въ руководство внѣшней политикой. Глава консервативнаго министерства, личный другъ его, сэръ Робертъ Пилъ и добродушный лордъ Абердинъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, не противились такому нововведенію, тѣмъ болѣе, что почти

¹⁾ Изъ дневника королевы Викторіи 16 (26) декабря 1841 г.

²⁾ Изъ дневника Бунзена съ 11 (23) по 15 (27) іюля 1849 г.

всегда личные ихъ взгляды вполне совпадали съ политическими воззрѣніями принца. Воззрѣнія эти сложились въ немъ подъ вліяніемъ воспитанія, полученнаго имъ въ нѣмецкихъ университетахъ, гдѣ господствовала въ то время идея „молодой Германіи“. Развилъ и утвердилъ ихъ наставникъ и совѣтникъ принца, бывшій врачъ короля Леопольда Бельгійскаго, Др. Стокмаръ. Послѣ женитьбы принца, Стокмаръ поселился въ Англіи и сталъ самымъ близкимъ и довѣреннымъ лицомъ королевской семьи. По выраженію Бунзена, его любили въ ней какъ друга, почитали какъ „великаго человѣка“. Политическимъ идеаломъ его, усвоеннымъ и принцемъ, была единая Германія, обставленная самыми либеральными учрежденіями подъ властью Гогенцоллернскаго дома. Проекты въ этомъ смыслѣ принцъ Альбертъ составлялъ еще до революціи 1848 года и, разумѣется, продолжалъ составлять въ смутную эпоху революціоннаго броженія. Послѣ того какъ франкфуртскія попытки объединенія не удались и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV отказался отъ нѣмецкой императорской короны, принцъ перенесъ свое сочувствіе на прусскую Унію и всѣми силами старался расположить Англійское правительство въ пользу тѣснаго союза съ Пруссіей и поддержки ея притязаній на руководящую роль, по крайней мѣрѣ въ Сѣверной Германіи.

Вмѣшательство принца-супруга во внѣшнюю политику уже само по себѣ было не по сердцу Пальмерстону, ревниво относившемуся къ праву своему, въ качествѣ отвѣтственнаго совѣтника короны, самостоятельно распоряжаться дѣлами своего вѣдомства. Къ тому же, онъ далекъ былъ отъ единомыслія съ принцемъ во всѣхъ главныхъ политическихъ вопросахъ и прежде всего въ вопросѣ нѣмецкомъ. Руководясь исключительно англійскими интересами и слѣдуя историческимъ преданіямъ Сентъ-Джемскаго кабинета, министръ иностранныхъ дѣлъ не допускалъ уклоненій отъ нихъ ради того только, что королева вышла замужъ за нѣмецкаго князя и патріота, какъ и вообще не привыкъ давать мѣста чувству въ политикѣ. Какъ мы упоминали выше, Пальмерстонъ ничего бы не имѣлъ противъ соглашенія Англіи съ Пруссіей, еслибы послѣдняя держава сама проявила въ германскихъ дѣлахъ болѣе твердости, послѣдовательности и политической честности. Но въ Шлез-

вигъ-Голштинскомъ вопросѣ, по мнѣнію его, интересы Великобританіи прямо сталкивались съ прусскими, а потому онъ не задумался открыто стать на сторону Даніи. Лишь въ одномъ сходились Пальмерстонъ и вдохновляемый Стокмаромъ принцъ Альбертъ: въ глубокой ненависти и подозрительности по отношенію къ Россіи, въ которой оба видѣли заклятаго и опаснаго врага, первый—Англии, второй—Германіи. Мы не разъ имѣли случай указывать на обвиненіе въ честолюбивыхъ замыслахъ, приписываемыхъ намъ Пальмерстономъ на Западѣ какъ и на Востокѣ. Со своей стороны Стокмаръ писалъ по поводу положенія, принятаго Россіей въ австро-прусскомъ спорѣ, разрѣшившемся Ольмюцскимъ соглашеніемъ: „Россія, препятствуя реорганизаціи Германіи, готовится поставить себя въ положеніе той чрезмѣрной силы, коею она въ прошломъ столѣтіи разрушила Польшу, и вмѣшательство Россіи въ нѣмецкія дѣла есть начало попытки подготовить Германіи участь Польши“¹⁾.

Въ книгѣ нашей, посвященной внѣшней политикѣ императора Николая, мы описали усилія королевы Викторіи расположить своихъ министровъ въ пользу нѣмецкой точки зрѣнія въ Датско-Германскомъ вопросѣ²⁾. Дѣло шло о подписаніи въ Лондонѣ уполномоченными великихъ державъ и двухъ скандинавскихъ государствъ протокола, коимъ провозглашалось начало нераздѣльности Датской монархіи и обезпечивался переходъ ея по наслѣдству въ цѣломъ составѣ къ избранному королемъ Фридрихомъ VIII преемнику. Въ совѣтѣ министровъ лордъ Пальмерстонъ съ жаромъ отстаивалъ мнѣніе, противоположное желаніямъ королевы, и настоялъ на его принятіи. Означенный протоколъ былъ подписанъ, несмотря на упорный отказъ Пруссіи приложить къ нему и свою подпись. Королева и въ особенности принцъ Альбертъ не могли простить министру иностранныхъ дѣлъ такой неудачи, и съ этого времени начинается рядъ попытокъ двора устранить ненавистнаго министра. Въ крайнемъ затрудненіи очутился глава кабинета, лордъ Джонъ Россель. Съ одной стороны, онъ не желалъ нарушать согласія, установившагося между нимъ и коро-

¹⁾ Стокмаръ къ NN (принцу Альберту?) 2 (14) мая 1850 г.

²⁾ Внѣшняя политика императора Николая, стр. 102 и 110.

левскою четой съ самаго вступленія его въ должность; съ другою — удаленіе Пальмерстона грозило распаденіемъ всему министерству, коего тотъ былъ надежнѣйшею опорой въ парламентѣ. Давно уже королева жаловалась, что ей не аккуратно сообщались донесенія англійскихъ дипломатическихъ представителей за границей, что-де лишало ее возможности слѣдить за направленіемъ внѣшней политики. Послѣдствіемъ, по мнѣнію ея, было, что „въ ту самую минуту и при такой комбинаціи, когда Англія должна была бы высоко стоять въ уваженіи свѣта и пользоваться довѣріемъ всѣхъ державъ, ее вообще ненавидѣли, не довѣряли ей, и даже самыя мелкія государства обращались съ нею презрительно“. Нельзя не признать, что упрекъ этотъ былъ до извѣстной степени заслуженъ политикой, которой Пальмерстонъ слѣдовалъ въ 1848 и послѣдующихъ годахъ, политикой, направленною всюду къ возбужденію смуты и пререканій между правительствами и народами. „Королева“, писалъ принцъ-супругъ лорду Джону Росселю, „имѣетъ право требовать отъ лорда Пальмерстона, какъ отъ министра, чтобъ онъ основательно знакомилъ ее со всѣми цѣлями и направленіями своей политики, для которой требуется ея согласіе; а также, съ той минуты какъ согласіе это дано, чтобы политика не подвергалась произвольнымъ уклоненіямъ, чтобы важныя мѣры не скрывались отъ королевы и чтобы не пользовались именемъ ея безъ ея разрѣшенія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ лордъ Пальмерстонъ виновенъ предъ нею, и не по оплошности или небрежности, а по принципу и съ удивительнымъ упрямствомъ, противопоставляемымъ всѣмъ усиліямъ королевы. Сверхъ того, лордъ Пальмерстонъ, не стѣняясь, даетъ понять публикѣ, будто небрежность государыни при ознакомленіи съ посылаемыми бумагами вызываетъ медленность и усложненія“¹⁾.

Вслѣдъ за подписаніемъ датскаго протокола, подстрекаемая мужемъ своимъ, королева Викторія перешла отъ жалобъ къ определеннымъ требованіямъ и даже къ угрозамъ. Она вручила первому министру составленный принцемъ Альбертомъ меморандумъ слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Принцъ Альбертъ лорду Джону Росселю 21 марта (2 апрѣля) 1850 г.

„Ссылаясь на разговоръ, происходившій надняхъ между королевой и лордомъ Джономъ Росселемъ по поводу лорда Пальмерстона и на отрицаніе лордомъ Пальмерстономъ всякаго намѣренія выказать ей неуваженіе различными небрежностями, на которыя она такъ давно и такъ часто имѣла случай жаловаться, королева считаетъ нужнымъ, въ видахъ предупрежденія будущихъ недоразумѣній, объяснить то, чего ожидаетъ она отъ статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ.

„Она требуетъ:

„1) Чтобы онъ точно заявлялъ, въ чемъ заключаются въ данномъ случаѣ его предложенія, дабы королева могла съ такою же точностью знать, чему она дала высочайшее свое утвержденіе.

„2) Чтобы по утвержденіи ею извѣстной мѣры, послѣдняя не подвергалась болѣе произвольному измѣненію или переработкѣ министромъ. Подобный поступокъ она будетъ вынуждена счесть за недостатокъ искренности по отношенію къ королевской власти, справедливо вызывающій пользованіе ея конституціоннымъ правомъ: удалить министра отъ должности. Она надѣется, что министръ будетъ доводить до ея свѣдѣнія все, что происходитъ между имъ и иностранными министрами, прежде чѣмъ будутъ приняты важныя рѣшенія на основаніи этихъ сношеній; что она будетъ получать иностранныя депеши въремя, а также, что подлежащіе ея утвержденію проекты будутъ присылаться ей заблаговременно, дабы она могла ознакомиться съ ихъ содержаніемъ, прежде чѣмъ возвратитъ ихъ. Королева полагаетъ, что всего лучше было бы, еслибы лордъ Джонъ Россель показалъ это письмо лорду Пальмерстону“¹⁾.

Пальмерстонъ не ограничился тѣмъ, что въ письмѣ къ первому министру обѣщалъ сообразоваться съ указаніями королевы²⁾. Онъ пожелалъ имѣть личное объясненіе съ принцемъ-супругомъ. Расходиться съ нимъ въ его политикѣ, сказалъ онъ принцу, и порицать ее значить только осуждать его разумъ; но обвинять его въ недостаткѣ почтенія къ королевѣ, которую онъ уважаетъ какъ женщину и государыню, и къ которой привязанъ узами долга и признательности — есть по-

¹⁾ Королева Викторія лорду Джону Росселю 31 іюля (12 августа) 1850 г.

²⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Джону Росселю 1 (13) августа 1850 г.

сягательство на честь его какъ джентльмена: еслибъ онъ былъ на это способенъ, то заслуживалъ бы исключенія изъ порядочнаго общества. Въ отвѣтъ принца невольно вырвалось признаніе касательно истинныхъ причинъ неудовольствія королевы на Пальмерстона, неудовольствія, коему заявленныя жалобы очевидно служили лишь предлогомъ. Королева, говорилъ принцъ, часто, а въ послѣднее время почти постоянно не соглашалась съ политикой, проводимою министромъ иностранныхъ дѣлъ, хотя и считала своею обязанностью, высказавъ открыто свои возраженія, подчиняться рѣшеніямъ, принятымъ большинствомъ кабинета; послѣдствіемъ было-де то, что ей приходилось выносить удары, направленные на ея правительство, и въ послѣдніе годы она получила нѣсколько такихъ ударовъ, которые не выпадали на долю ни одному монарху Англіи. Принцъ не могъ воздержаться, чтобы не привести въ доказательство послѣдствій ненавистнаго ему протокола по датскимъ дѣламъ, и спросилъ Пальмерстона, какъ намѣренъ онъ поступить въ случаѣ казавшихся ему неизбежными серьезныхъ усложненій; но, по собственному сознанію, ему не удалось добиться положительнаго отвѣта отъ министра ¹⁾).

Въ сущности все осталось попрежнему, и не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ лордъ Пальмерстонъ подалъ королевѣ новый поводъ къ жалобамъ. Въ нотѣ, написанной имъ австрійскому повѣренному въ дѣлахъ по случаю оскорбленія, нанесеннаго генералу Гайнау, и представленной на утвержденіе королевы, было сказано, между прочимъ, что человѣкъ, возбуждающій общественное негодованіе, не можетъ разсчитывать на свою безопасность въ Англіи. И первый министръ, и королева нашли это мѣсто неприличнымъ, одинаково оскорбительнымъ для чести англійскаго народа, и для достоинства Австрійскаго правительства, а потому потребовали опущенія его въ окончательной редакціи ноты. Но оказалось, что нота уже была подписана и отправлена по назначенію, прежде чѣмъ проектъ ея дошелъ до королевы. Несмотря на упорное сопротивленіе Пальмерстона, лордъ Джонъ Россель настоялъ на томъ, чтобы нота

¹⁾ Меморандумъ принца Альберга о разговорѣ его съ лордомъ Пальмерстономъ 5 (17) августа 1850 г.

эта взята была назадъ и замѣнена другою, безъ повторенія указанныхъ выше строкъ¹⁾.

Въ концѣ 1850 и въ началѣ 1851 года между дворомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ состоялось временное перемиріе. Необходимость его была внушена принцу Стокмаромъ, который хотя и утверждалъ, что давно считаетъ Пальмерстона наполовину сумасшедшимъ, но совѣтовалъ не нападать на него, общая, что современемъ сами товарищи его по кабинету извергнутъ его изъ своей среды²⁾. Въ сущности, хитрый совѣтникъ королевской четы имѣлъ въ виду не компрометировать разрывомъ съ популярнымъ министромъ успѣха первой лондонской всемірной выставки, которая была открыта весной 1851 года по инициативѣ и подъ главнымъ руководствомъ принца Альберта. Лишь только закрылась выставка, непріязненные дѣйствія возобновились противъ Пальмерстона. На этотъ разъ поводомъ къ нимъ послужилъ приведенный нами выше безтактный его отвѣтъ депутаціямъ, подносившимъ ему благодарственные адреса за оказанное имъ содѣйствіе къ освобожденію Кошута изъ заточенія. Лордъ Джонъ Россель, опасаясь, чтобъ удаленіе Пальмерстона не поколебало кабинета, старался успокоить королеву и утѣшалъ ее тѣмъ, что хотя поведеніемъ своимъ Пальмерстонъ и возбудилъ неудовольствіе императора Австрійскаго и другихъ государей материка, но за то упрочилъ популярность Великобританскаго правительства въ странѣ. Ея величество отвѣчала: „Вопросъ для королевы заключается не въ томъ, пріятна она императору Австрійскому или нѣтъ, а въ томъ, подаетъ ли она ему или не подаетъ справедливые поводы къ жалобамъ. А если подаетъ, то невѣроятно, чтобы, поступая такимъ образомъ, она могла увеличить популярность свою въ своемъ народѣ“³⁾. Для обсужденія этого дѣла собранъ былъ совѣтъ министровъ, не пришедшій ни къ какому рѣшенію. Министры выразили только Пальмерстону желаніе свое, чтобъ онъ впредь воздержался отъ принятія подобныхъ адресовъ. Извѣщая о томъ королеву, пер-

¹⁾ Лордъ Джонъ Россель лорду Пальмерстону 29 сентября (11 октября) и 4 (16) октября и лордъ Пальмерстонъ лорду Джону Росселю 5 (17) октября 1850 г.

²⁾ Stockmar's *Denkwürdigkeiten*, стр. 642.

³⁾ Королева Викторія лорду Джону Росселю 9 (21) ноября 1851 г.

вый министръ выражалъ надежду, что лордъ Пальмерстонъ признаетъ необходимость дѣйствовать осторожнѣе въ виду „настоящаго критическаго положенія Европы“¹⁾.

Не одни нѣмецко-датскія отношенія были камнемъ преткновенія между королевой и ея супругомъ, съ одной стороны, и министромъ иностранныхъ дѣлъ — съ другой. Тѣсныя узы дружбы и родства связывали королевскую семью съ Орлеанскимъ домомъ. Дядя королевы и принца Альберта, король Бельгійцевъ, Леопольдъ, женатъ былъ вторымъ бракомъ на дочери короля Лудовика-Филиппа. Второй сынъ Лудовика-Филиппа, герцогъ Немурскій, вступилъ въ бракъ съ Кобургскою принцессой, а дочь, принцесса Клементина, съ братомъ послѣдней, принцемъ Кобургскимъ, Августомъ. Такимъ образомъ, тройныя родственныя связи соединяли Орлеановъ съ Кобургами. Доброе согласіе между Англійскою королевскою четой и Орлеанскимъ семействомъ, одно время поколебленное такъ-называемыми „испанскими браками“, снова укрѣпилось со времени изгнанія Лудовика-Филиппа и водворенія его съ семьей въ Англію. Принцъ Альбертъ искренно желалъ возвращенія своихъ сродниковъ на Французскій престолъ. Напротивъ, Пальмерстонъ считалъ злѣйшими и опаснѣйшими врагами Англій не только дряхлаго бывшаго короля Французовъ, но и все его потомство. Смерть Лудовика-Филиппа онъ привѣтствовалъ какъ избавленіе отъ лично угрожавшей ему опасности²⁾. Годъ спустя, онъ писалъ англійскому послу при Французской Республикѣ: „Любезный Норманби, донесенія ваши о томъ, что происходитъ въ Парижѣ, очень полны и удовлетворительны, такъ какъ они обнимаютъ всѣ подробности. Другое дѣло, удовлетворительны ли сами подробности. Но мнѣ кажется, что Лудовикъ-Наполеонъ овладѣлъ полемъ сраженія и одержитъ полную побѣду. Я всегда былъ того мнѣнія, что подобный результатъ — лучшее дѣло, какъ для Франціи, такъ и для Англій. Въ настоящую минуту нѣтъ другого лица, способнаго стать во главѣ правленія во Франціи, и если Лудовикъ-Наполеонъ кончитъ тѣмъ, что положитъ основаніе династіи, то я не вижу, изъ-за чего мы должны сожалѣть о томъ, поскольку

¹⁾ Лордъ Джонъ Россель королевѣ Викторіи 23 ноября (4 декабря) 1851 г.

²⁾ Лордъ Пальмерстонъ сэру Уильяму Темплю 20 августа (1 сентября) 1850 г.

это касается интересов Англии. Семейство Бурбоновъ всегда было въ высшей степени враждебно Англии, и тѣ члены этого семейства, которые наиболѣе обязаны личными политическими выгодами, въ глубинѣ души, быть можетъ, всего больше ненавидѣли насъ. Что выиграемъ мы, замѣнивъ Генрихомъ V или Орлеанскою семьей расу Бонапартовъ? Что бы ни случилось, я говорю о Лудовикѣ-Наполеонѣ: *laudo manentem*. Если онъ падетъ, то мы, конечно, постараемся быть въ одинаково хорошихъ отношеніяхъ съ тѣми, кто послѣ него будутъ оффиціальными органами Французскаго народа; но мы не желаемъ его паденія. Если успѣхъ служить мѣриломъ событій, то онъ пока недурно повелъ свою игру, и нѣкоторыя изъ принятыхъ имъ мѣръ, выданныхъ за ошибки, быть можетъ содѣйствовали его успѣху. „*Je marche—sivez-moi*“¹⁾ было, конечно, прекраснымъ заявленіемъ, показывавшимъ, что ему извѣстно слабодушіе тѣхъ, кто пытались его низвергнуть. Если бы бургграфы²⁾ прямо заявили, что хотятъ возстановить монархію, то можно было бы пожелать имъ успѣха. Но, повидимому, они не готовы къ тому, и несмотря на это, они хотятъ низвергнуть то, что при настоящемъ положеніи дѣлъ является ближайшимъ и лучшимъ исходомъ въ смыслѣ монархіи и единственнымъ представляющимъ шансы для соблюденія порядка“³⁾.

Изъ этого письма видно, что за нѣсколько дней до совершеннаго Лудовикомъ-Наполеономъ государственнаго переворота, Пальмерстонъ уже высказывался въ его пользу. Совершенно иначе отнеслась къ нему королева, которая, по полученіи перваго о немъ извѣстія, написала лорду Джону Росселю: „Королева съ удивленіемъ и прискорбіемъ узнала о событіяхъ, происшедшихъ въ Парижѣ. Она полагаетъ, что весьма важно послать лорду Норманби инструкцію, дабы онъ оставался совершенно пассивнымъ и не принималъ участія въ событіяхъ, каковы бы они ни были. Въ такую минуту каждое его слово можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ“⁴⁾. Совѣтъ мини-

¹⁾ Я иду, слѣдуйте за мною.

²⁾ Прозвище, данное въ насмѣшку республиканцами французскимъ монархистамъ.

³⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Норманби 8 (20) ноября 1851 г.

⁴⁾ Королева Викторія лорду Джону Росселю 22 ноября (4 декабря) 1851 г.

стровъ согласился съ мнѣніемъ королевы, и, въ силу его постановленія, лордъ Пальмерстонъ преподаль англійскому послу въ Парижѣ слѣдующее наставленіе: „Ея величество повелѣла мнѣ пригласить ваше превосходительство ничего не измѣнять въ сношеніяхъ вашихъ съ Французскимъ правительствомъ. Желаніе ея величества, чтобы посоль ея въ Парижѣ не дѣлалъ ничего, что могло бы показаться вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Франціи“¹⁾.

Рѣшеніе кабинета состоялось 22 ноября (4 декабря), а инструкція лорду Норманби была отправлена 23 (5). Но уже 21 (3), то-есть на другой же день послѣ переворота, Пальмерстонъ высказалъ свое одобреніе по его поводу французскому послу въ Лондонѣ, графу Валевскому. Тотъ, разумѣется, не замедлилъ донести о семъ въ Парижъ, такъ что, когда Норманби явился къ министру иностранныхъ дѣлъ, чтобъ объявить о предписанномъ ему выжидательномъ положеніи, послѣдній перебилъ его замѣчанія, что не придаетъ этому важности, такъ какъ ему извѣстно-де, что лордъ Пальмерстонъ вполне одобряетъ переворотъ и даже находитъ, что принцъ-президентъ не могъ поступить иначе²⁾.

Буря разразилась. Королева пришла въ негодованіе. Возвращая первому министру депешу Норманби, королева писала: „изъ нея (депешы) слѣдуетъ, что Французское правительство *утвѣряетъ, будто* оно получило полное одобреніе послѣдняго *государственнаго переворота* отъ имени Британскаго правительства, якобы сообщенное лордомъ Пальмерстономъ графу Валевскому. Королева не можетъ повѣрить такому утвержденію, ибо подобное одобреніе, высказанное лордомъ Пальмерстономъ, находилось бы въ *совершенномъ противорѣчій* со строгимъ нейтралитетомъ и пассивностью, которые королева желала видѣть примѣненными по отношенію къ недавнимъ парижскимъ смутамъ, что и было утверждено кабинетомъ, какъ явствуетъ изъ письма лорда Джона Росселя отъ 5 сего мѣсяца. Извѣстно ли что либо лорду Джону Росселю о такомъ одобреніи, которое, еслибы подтвердилось, снова подвергло бы опасности честность и достоинство королевы предъ глазами

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Норманби 23 ноября (5 декабря) 1851 г.

²⁾ Лордъ Норманби лорду Пальмерстону 24 ноября (6 декабря) 1851 г.

всего свѣта?“¹⁾ Въ длинномъ оправдательномъ письмѣ къ Джону Росселю, Пальмерстонъ, избѣгая прямого отвѣта на предложенный ему вопросъ, распространился о неизбѣжности французскаго переворота и о выгодѣ его для Англіи. „Вопросъ не въ томъ“, отвѣчалъ ему первый министръ, „имѣли ли право президентъ распустить собраніе и отмѣнить конституцію, а были ли вы въ правѣ, какъ министръ королевы, выразить миѣніе по этому предмету?“ Лордъ Джонъ Россель приходилъ къ заключенію, что какъ ему это ни прискорбно, „во завѣдываніе внѣшними дѣлами не можетъ быть долѣе оставляемо въ рукахъ лорда Пальмерстона съ пользою для страны“²⁾. Возвращая первому министру печать иностраннаго вѣдомства, Пальмерстонъ выразилъ гордое убѣжденіе, „что пока она находилась у него, честь и достоинство страны не потерпѣли ни малѣйшаго ущерба“³⁾. Портфель министра иностранныхъ дѣлъ былъ предложенъ сначала лорду Кларендону, а за отказомъ его отданъ лорду Гранвиллю.

Паденіе популярнѣйшаго изъ государственныхъ людей Англіи отозвалось во всѣхъ концахъ Соединеннаго Королевства и даже за предѣлами его. Не вездѣ отнеслись къ нему одинаково. При дворѣ радовались ему, но старательно отстраняли отъ себя всякую отвѣтственность. Въ письмѣ къ лорду Джону Росселю королева подчеркнула утвержденіе, что, принимая отставку Пальмерстона, „она лишь выражаетъ готовность послѣдовать совѣту своего перваго министра“⁴⁾. Ему же писалъ принцъ Альбертъ: „Любезный лордъ Джонъ, вы легко себѣ представите, что извѣстіе о внезапномъ окончаніи вашего несогласія съ лордомъ Пальмерстономъ крайне насъ удивило, такъ какъ мы привыкли видѣть подобныя несогласія кончавшимися обыкновенно тѣмъ, что онъ ставилъ на своемъ, оставляя защиту своихъ мѣръ своимъ товарищамъ, а происходящій отъ того упадокъ общественнаго уваженія—королевѣ. Ея величеству было совершенно ясно, что мы вступаемъ въ крайне опасный періодъ, когда военный деспотизмъ

¹⁾ Королева Викторія лорду Джону Росселю 1 (13) декабря 1851 г.

²⁾ Лордъ Джонъ Россель лорду Пальмерстону 5 (17) декабря 1851 г.

³⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Джону Росселю 6 (18) декабря 1851 г.

⁴⁾ Королева Викторія лорду Джону Росселю 8 (20) декабря 1851 г.

и красное республиканство останутся на нѣкоторое время единственными силами на материкѣ, и что обоимъ будетъ равно ненавистна конституціонная монархія въ Англіи. Тѣмъ не менѣе, каждый англичанинъ и каждый другъ свободы и прогрессивной цивилизаціи долженъ пламенно желать, чтобы спокойное вліяніе нашихъ учрежденій успѣло умиротворить пререканія заграницей. Вліяніе это было уничтожено собственною лорду Пальмерстону манерой вести внѣшнія дѣла и всеобщю ненавистью, возбужденною имъ на материкѣ. Мы долго сомнѣвались въ возможности для васъ контролировать его и неосуществимость этого ясно доказана послѣдними происшествіями. Поэтому я могу лишь поздравить васъ съ тѣмъ, что поводомъ къ разрыву послужило такое обстоятельство, гдѣ право на вашей сторонѣ“¹⁾).

Но въ парламентѣ, въ печати, въ народѣ, отставка Пальмерстона произвела совершенно иное впечатлѣніе. Большинство англичанъ приписывало ее интригѣ иностранныхъ правительствъ, давно-де злобствовавшихъ на національнаго министра Англіи. Кажется, самъ Пальмерстонъ содѣйствовалъ распространенію этого слуха, если судить по письму его къ брату, въ коемъ онъ объяснялъ причины своего удаленія. „Истиннымъ поводомъ“, писалъ онъ, „послужило слабое сопротивление интригамъ Орлеанскаго семейства, Австріи, Россіи, Саксоніи и Баваріи и до нѣкоторой степени также и нынѣшняго Прусскаго правительства. Всѣ они нашли, что ихъ виды и политическія системы идутъ въ разрѣзъ съ направлениемъ, коему слѣдуетъ Британское правительство, и вообразили, что еслибъ имъ удалось устранить министра, то измѣнилась бы и политика. Дѣйствительно, они давно уже отравляли умъ королевы и принца, возстановляя ихъ противъ меня, а Джонъ Россель уступилъ и скорѣе поддерживалъ желаніе королевы удалить меня изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, чѣмъ препятствовалъ этому“²⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, вѣсть о неожиданной отставкѣ Пальмерстона произвела большую радость при германскихъ дворахъ. Въ Берлинѣ король не скрывалъ живѣйшаго удовольствія. Въ

¹⁾ Принцъ Альбертъ лорду Джону Росселю 8 (20) декабря 1851 г.

²⁾ Лордъ Пальмерстонъ сэръ Уильяму Темплю 10 (22) января 1852 г.

Вѣнѣ князь Шварценбергъ открыто выдавалъ паденіе своего политическаго противника за австрійскую побѣду. Русскій представитель въ Лондонѣ поступилъ иначе. Онъ написалъ лорду Джону Росселю письмо, въ которомъ возставалъ противъ распространенныхъ въ обществѣ и въ печати слуховъ. „Такъ какъ въ газетахъ“, писалъ баронъ Брунновъ, „появились нѣкоторые намеки на наши сообщенія, находящіяся будто бы въ связи съ обстоятельствами, побудившими лорда Пальмерстона выйти въ отставку, то мы считаемъ обязанностью предъ вами, какъ и предъ собою, положительно установить здѣсь и за границей, что наши представленія не имѣли ничего общаго съ перемѣной, происшедшею въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ“¹⁾. Трудно сказать, что болѣе раздражило англійскихъ министровъ и дворъ: шумныя ли демонстраціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ, или лукавое отрицаніе нашего посланника въ Лондонѣ. Лордъ Джонъ Россель былъ вынужденъ благодарить послѣдняго за опроверженіе слуха, будто смѣщеніе министра иностранныхъ дѣлъ произошло вслѣдствіе требованій иноземныхъ дипломатовъ²⁾. Но королева дала волю своему негодованію въ слѣдующихъ строкахъ, обращенныхъ къ первому министру: „Письмо барона Бруннова по истинѣ крайне притязательно, такъ какъ онъ инсинуируетъ возможность правительственныхъ перемѣнъ въ нашей странѣ, вызванныхъ внушеніями иностранныхъ министровъ, и королева рада, что лордъ Джонъ Россель далъ ему достойный отвѣтъ“³⁾.

На вопросы многочисленныхъ друзей своихъ и сторонниковъ, почему онъ не объясняетъ причины своего выхода изъ министерства, Пальмерстонъ отвѣчалъ: „когда человѣкъ самъ удаляется, онъ долженъ сказать *почему*; когда же его удаляютъ, обязанность эта падаетъ на другихъ“. Лишь только открылась сессія парламента, какъ въ нижней палатѣ послѣдовалъ запросъ первому министру. Лордъ Джонъ Россель началъ рѣчь свою изложеніемъ своего взгляда на отношенія министра иностранныхъ дѣлъ ко главѣ кабинета и къ государю. Онъ полагалъ, что обязанность каждаго министра, пользуя-

¹⁾ Баронъ Брунновъ лорду Джону Росселю 15 (27) декабря 1851 г.

²⁾ Лордъ Джонъ Россель барону Бруннову 15 (27) декабря 1851 г.

³⁾ Королева Викторія лорду Джону Росселю 16 (28) декабря 1851 г.

шагося довѣріемъ короны, доставлять ей полныя и откровенныя свѣдѣнія о каждой принятой имъ мѣрѣ; въ противномъ случаѣ корона въ правѣ лишить его довѣрія, другими словами, смѣнить его. Затѣмъ первый министръ разсказалъ о жалобахъ королевы на Пальмерстона и прочелъ приведенный выше меморандумъ ея величества. Несмотря на обѣщаніе свое сообразоваться съ требованіями королевы, Пальмерстонъ въ дѣлѣ венгерскихъ адресовъ и въ особенности въ вопросѣ о признаніи французскаго государственнаго переворота, снова поступилъ самовольно, вопреки ясно выраженнымъ указаніямъ королевы и кабинета. Первому министру не оставалось ничего иного, какъ дать совѣтъ ея величеству потребовать отставки „его благороднаго друга, который“, заключилъ лордъ Джонъ Россель, „хотя и пренебрегъ обязанностями своими въ отношеніи къ коронѣ и товарищамъ, но, конечно, не имѣлъ намѣренія выказать имъ личное неуваженіе“¹⁾).

Въ защитительной рѣчи Пальмерстонъ не отрицалъ основныхъ положеній перваго министра объ отношеніяхъ министровъ къ коронѣ и утверждалъ, что самъ всегда держался ихъ. Государственнаго переворота онъ не хвалилъ и не могъ высказать одобренія, котораго никто у него и не спрашивалъ. Англійскому послу въ Парижѣ была послана инструкція, вполне согласная съ желаніемъ королевы и рѣшеніемъ кабинета. Что же касается разговора его съ графомъ Валуевскимъ, то онъ, Пальмерстонъ, высказалъ лишь личное свое мнѣніе, какъ частный человекъ, а отнюдь не какъ министръ. Въ томъ же смыслѣ, впрочемъ, высказались въ тотъ самый день предъ французскимъ посломъ и глава кабинета и нѣкоторые изъ прочихъ министровъ. „Изъ этого слѣдуетъ“, продолжалъ ораторъ, „что каждый членъ кабинета, каковъ бы ни былъ его политическій кругъ дѣятельности и какъ бы ни было поглощено его вниманіе иными предметами, воленъ выражать мнѣніе о событіяхъ, совершающихся за границей; но государственный секретарь по иностраннымъ дѣламъ, на спеціальной обязанности коего лежитъ наблюденіе за этими событіями и который не годится для своей должности, если у него не

¹⁾ Рѣчь, произнесенная лордомъ Джономъ Росселемъ въ Нижней палатѣ 22 января (3 февраля) 1852 г.

составилось о нихъ опредѣленнаго понятія, есть единственный человѣкъ, которому не дозволено выражать свое мнѣніе; когда иностранный министръ приходитъ къ нему и говорить, что получилъ извѣстія, онъ долженъ оставаться безмолвнымъ какъ безсловесный истуканъ или какой-нибудь нѣмой изъ гарема восточнаго паши“¹⁾).

И друзья, и враги Пальмерстона замѣтили, что при всемъ обычномъ краснорѣчїи и остроумїи, защита его страдала недомолвками и какъ бы избѣгала отраженія нанесенныхъ ему ударовъ. Разгадку этой сдержанности находимъ въ признанїи, сдѣланномъ бывшимъ министромъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, герцогу Бедфордскому. Она была вызвана тѣмъ, что лордъ Джонъ Россель, противно англійскимъ парламентскимъ обычаямъ, вмѣшалъ въ споръ личность королевы, меморандумъ коей былъ имъ прочитанъ палатѣ. „Что касается меня“, заявлялъ Пальмерстонъ, „то впечатлѣніе, произведенное на меня прочтеніемъ этого меморандума было таково, что мнѣ нанесено оскорбленіе, котораго я не заслужилъ. Нѣкоторые изъ друзей моихъ рассказали мнѣ послѣ пренїй, какъ они были удивлены, что я не подалъ въ отставку тотчасъ по полученїи этой бумаги отъ королевы чрезъ Джона Росселя. Отвѣтъ мой этимъ друзьямъ былъ тотъ, что бумага написана дамой столько же, сколько и государыней, и что различіе между дамой и мужчиной не можетъ быть упущено изъ виду, даже когда дѣло касается особы коронованной; но, во-первыхъ, замѣтилъ я, я не имѣлъ повода предполагать, что кто-либо, кромѣ королевы, Джона Росселя и меня, когда-нибудь увидитъ этотъ меморандумъ или узнаетъ о немъ; во-вторыхъ, положеніе мое въ ту минуту, а именно въ августѣ 1850 года, было особеннаго свойства. Я подвергался незадолго до того неистовому политическому нападенію и одержалъ великую и явную побѣду въ Нижней палатѣ и въ общественномъ мнѣнїи. Выйти тогда въ отставку, значило бы уступить плоды побѣды побѣжденнымъ мною противникамъ и покинуть моихъ политическихъ пособниковъ въ ту самую минуту, когда я восторжествовалъ, благодаря имъ. Но независимо ото всего этого, — представилъ я

¹⁾ Рѣчь, произнесенная лордомъ Пальмерстономъ въ засѣданїи Нижней палаты, 23 января (4 февраля) 1852 г.

своимъ друзьямъ,— слѣдуя по указанному ими пути, я бы отдалъ на судъ общественнаго мнѣнія личную ссору между мною и моею государыней, поступокъ, какого не долженъ совершать ни одинъ подданный, доколѣ возможно избѣжать того; ибо результатъ такого поведенія неизбѣжно былъ бы либо вреденъ для него самого, либо губителенъ для страны. Если бы была доказана его неправота, то онъ былъ бы осужденъ безповоротнo; если же было бы доказано, что неправъ государь, то отъ этого пострадала бы монархія“¹⁾.

Не трудно было предвидѣть, что отставка Пальмерстона неминуемо повлечетъ за собою паденіе кабинета виговъ. Дѣйствительно, не далѣе какъ черезъ три недѣли по открытіи парламента, министерство осталось въ меньшинствѣ, вслѣдствіе поправки, внесенной Пальмерстономъ къ биллю объ учрежденіи милиціи, и подало въ отставку. Составленіе новаго кабинета было поручено королевой вождю торіевъ, лорду Дерби. Какъ велико было значеніе Пальмерстона въ парламентѣ и странѣ, видно изъ того, что Дерби не усомнился предложить ему вступить въ торійское министерство²⁾. Пальмерстонъ отклонилъ это предложеніе, будучи увѣренъ въ недолговѣчности консервативнаго кабинета³⁾. Ожиданія его оправдались. Министерство Дерби не просуществовало и года. Во внутренней политикѣ оно пыталось возвратиться къ началу покровительства промышленности и торговли. Во внѣшней—всѣ его дѣйствія отличались крайнею нерѣшительностью и непослѣдовательностью. Опасаясь нападенія Лудовика-Наполеона на Бельгію, оно подписало съ Россіей, Австріей и Пруссіей протоколъ о совмѣстной защитѣ этой страны, но побоялось его обнародовать. Когда возбужденъ былъ вопросъ о признаніи принца-президента императоромъ Французовъ, оно долго вело переговоры съ державами материка о ручательствахъ, которыя признавало необходимымъ предварительно потребовать отъ третьяго Бонапарта, и кончило тѣмъ, что признало его безусловно и ранѣе всѣхъ прочихъ дворовъ. Впрочемъ, не разрывая согласія съ Франціей, оно искренно

¹⁾ Лордъ Пальмерстонъ лорду Лансдауну, октябрь 1852 г.

²⁾ Лордъ Пальмерстонъ сэръ Уильяму Темплю 12 (24) февраля 1852 г.

³⁾ Лордъ Пальмерстонъ Лауренсу Сэлливану 12 (24) февраля 1852 г.

желало поддерживать дружескія отношенія съ кабинетами Петербургскимъ, Вѣнскимъ и Берлинскимъ, и даже въ угоду намъ заключило въ Лондонѣ два договора: первый, со всѣми великими державами, подтверждавшій постановленіе протокола 1850 года о нераздѣльности Датской монархіи, и второй, съ Россіей и Франціей, опредѣлявшій порядокъ престолонаслѣдія въ Греціи ¹⁾. Къ сожалѣнію, дни министерства были сочтены. Прежній парламентъ хотя и былъ распущенъ, но новыя выборы не доставили большинства торіямъ. Въ началѣ декабря 1852 года министерство Дерби подало въ отставку.

Образованіе новаго кабинета представляло важныя затрудненія. Пальмерстонъ ни за что не хотѣлъ вступить въ министерство съ лордомъ Джономъ Росселемъ во главѣ, а безъ его содѣйствія виги не могли рассчитывать на большинство въ палатѣ. При извѣстной враждебности двора къ Пальмерстону не могло быть и рѣчи о возложеніи на него обязанности составить кабинетъ. Исходомъ изъ этихъ затрудненій представилось образованіе министерства коалиціоннаго, составленнаго изъ главныхъ представителей какъ виговъ, такъ и пилитовъ. Главой кабинета признанъ былъ лордъ Абердинъ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ въ торійскихъ министерствахъ Веллингтона и Пила. Подъ нимъ распредѣлили между собой портфели пилиты: сэръ Джемсъ Граамъ и Гладстонъ, и виги: Лансдаунъ, Кларендонъ и два недавніе противника: Джонъ Россель и Пальмерстонъ. Послѣдній хотя и занялъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, но былъ безспорно самымъ способнымъ, рѣшительнымъ и вліятельнымъ изъ всѣхъ членовъ кабинета. Личный другъ его, лордъ Кларендонъ, получилъ завѣдываніе внѣшними сношеніями. Въ рѣчи, произнесенной въ Верхней палатѣ въ самый день образованія министерства, первый лордъ казначейства заявилъ, что „по отношенію ко внѣшней политикѣ онъ будетъ придерживаться началъ, коимъ слѣдовала Англія въ теченіе минувшихъ тридцати лѣтъ и которыя заключались въ уваженіи правъ всѣхъ независимыхъ государствъ и одновременно въ отстаиваніи правъ и интересовъ Англіи, и прежде всего въ живѣйшемъ желаніи

¹⁾ Лондонскіе договоры 27 апрѣля (8 мая) и 8 (20) ноября 1852 г.

обеспечить всеобщій миръ въ Европѣ“¹⁾). Программа эта не отличалась ясностью и въ неопредѣленности своей отражала разношерстный составъ кабинета. Извѣстно было, что за минувшія три десятилѣтія внѣшняя политика Сентъ-Джемскаго двора подвергалась неоднократнымъ колебаніямъ и перемѣнамъ. Но если припомнить, что ровно половина этого періода протекла за время нахождения Пальмерстона во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, то нельзя было сомнѣваться, что вліяніе его на направленіе внѣшней политики явится преобладающимъ и въ будущемъ. Обстоятельство это представлялось крайне важнымъ для Россіи, коей Пальмерстонъ былъ открытымъ противникомъ и ненавистникомъ, тогда какъ первый министръ Абердинъ являлся, напротивъ, искреннимъ и убѣжденнымъ почитателемъ императора Николая. Столкновение между обоими государственными людьми было такимъ образомъ неизбежно, и если сопоставить настойчивость и беззапѣчливость одного съ честностью и робостью другого, то нельзя было и сомнѣваться въ окончательномъ исходѣ.

IV.

Итакъ, составные элементы Лондонскаго двора были къ началу 1853 года не менѣе сложны, чѣмъ такіе же элементы дворцовъ Берлинскаго и Вѣнскаго. Гораздо проще обозначалось политическое положеніе во Франціи. Тамъ, со времени государственнаго переворота, власть фактически сосредоточилась въ рукахъ одного человѣка.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ всѣ помыслы Лудовика-Наполеона были направлены къ возстановленію имперіи во Франціи. Въ задачу нашу не входитъ изложеніе событій, приведшихъ его, послѣ долгаго ряда неудачъ, къ достиженію завѣтной цѣли. Достаточно замѣтить, что для обезпеченія прочности совершеннаго имъ дѣла, ему необходимо было удовлетворить національному самолюбію французовъ, воскресить внѣшній престижъ Франціи, расширить ея предѣлы. Осуществленіе этихъ замысловъ было для него вопросомъ жизни и смерти. Ими

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ верхней палатѣ лордомъ Абердиномъ 15 (27) декабря 1852 г.

одними обусловливалась его внѣшняя политика. Въ *Наполеоновскихъ идеяхъ*, сочиненіи, написанномъ имъ въ Лондонѣ въ 1839 году, въ промежутокъ времени между Страсбургомъ и Булонью, и заключавшемъ въ себѣ, такъ сказать, его политическое исповѣданіе вѣры, онъ заявлялъ между прочимъ: „Политика, откровенно предлагающая союзъ Франціи всѣмъ правительствамъ, желающимъ идти съ нею въ видахъ общихъ интересовъ, и была именно та, которой придерживался императоръ (Наполеонъ I) въ теченіе всего своего поприща“¹⁾. Слова эти ясно означали, что у него не было предвзятыхъ мыслей относительно союза съ тою или другою державой и что онъ готовъ былъ отдать предпочтеніе всякой, которая согласилась бы содѣйствовать ему въ достиженіи его политическихъ цѣлей.

Въ первые три года президентства, стѣсняемый своими конституціонными министрами, Лудовикъ-Наполеонъ далеко еще не былъ полновластнымъ распорядителемъ судебъ Франціи. Но и тогда уже онъ началъ присматриваться къ общему положенію дѣлъ въ Европѣ, стараясь вывѣдать, на которую изъ державъ ему удобнѣе рассчитывать. Въ то самое время, какъ министры его возстановляли „сердечное соглашеніе“ съ Англіей, онъ отправлялъ двухъ довѣренныхъ лицъ ко дворамъ Русскому и Прусскому съ тайными предложеніями тѣснаго союза, на началахъ территоріальнаго вознагражденія. Въ половинѣ 1849 года въ Петербургъ былъ посланъ генераль Ламорисьеръ, одинъ изъ героевъ Африканской войны, въ Берлинъ — личный другъ и ревностнѣйшій пособникъ президента, Персиньи.

Есть основаніе предположить, что въ эту пору союзъ съ Россіей всего болѣе улыбался Лудовику-Наполеону, — въ доказательство сошлемся на жалобу его Тьеру, по поводу настояній французскаго министерства на общемъ дѣйствіи съ Англіей въ вопросѣ о выдачѣ Портой венгерскихъ и польскихъ выходцевъ. „Представьте себѣ“, удивлялся онъ, „что этотъ дуракъ Барро²⁾ вталкиваетъ меня въ споръ съ Россіей, съ которою намъ въ первый разъ со времени Карла X предста-

¹⁾ *Idées Napoléoniennes*, глава IV, стр. 132.

²⁾ Предсѣдатель совѣта министровъ въ 1849 году.

вляется случай вступить въ союзъ“¹⁾. Но не подлежитъ также сомнѣнію, что онъ скоро убѣдился въ полной невозможности согласить императора Николая на такую сдѣлку, которая имѣла бы цѣлю измѣненіе порядка, установленнаго въ Европѣ договорами 1815 года. Едва ли даже Ламорисьеръ, успѣвшій снискать расположеніе государя, осмѣлился и заикнуться ему объ этомъ. Напротивъ, Персини прямо выступилъ въ Берлинѣ со своими предложеніями. Онъ предложилъ Фридриху-Вильгельму IV содѣйствіе французскаго правительства къ объединенію Сѣверной Германіи подъ властью Пруссіи съ тѣмъ, чтобы Франціи былъ уступленъ принадлежавшій Баваріи Пфальцъ²⁾.

Отказъ Прусскаго короля вступить въ переговоры по этому предмету, безспорно, повліялъ на дальнѣйшее направленіе политики принца-президента. Онъ далъ почувствовать свою досаду и неудовольствіе, перейдя на сторону противниковъ короля Прусскаго, энергически вторя Россіи въ ея представленіяхъ Берлинскому двору по Датскому и Германскому вопросамъ. Съ этого времени начинается и сближеніе Лудовика-Наполеона съ Австріей, но и ей онъ предлагалъ союзъ лишь подъ условіемъ территоріальнаго „вознагражденія“ на лѣвомъ берегу Рейна. Тогда же старался онъ расположить въ свою пользу и Англійское правительство въ лицѣ лорда Пальмерстона.

Государственный переворотъ совершенъ былъ президентомъ съ одобренія великихъ державъ материка и, какъ мы видѣли, даже министра иностранныхъ дѣлъ королевы Викторіи. Вѣсть о паденіи послѣдняго глубоко встревожила Лудовика-Наполеона. Онъ отозвался объ этомъ событіи, какъ о самомъ тяжкомъ изъ постигшихъ его ударовъ, признавая въ Пальмерстонѣ своего единственнаго искренняго друга. „Пока онъ былъ министромъ“, замѣтилъ Наполеонъ, „у Англии не могло быть союзниковъ“³⁾. Но безпокойство принца было не-

¹⁾ Senior, *Conversations*, I, стр. 70. Извѣстіе это прямо противорѣчитъ утвержденію барона Жомини, будто Лудовикъ-Наполеонъ лично склонялся на сторону Англии, тогда какъ министръ его желалъ союза съ Россіей. *Etude diplomatique sur la guerre Crimée*, I, стр. 62.

²⁾ Буквезъ графу Гацфельду 28 января (9 февраля) 1850 г.

³⁾ Th. Martin, *Life of the Prince-Consort*, II, стр. 424.

продолжительно: въ новомъ торійскомъ кабинетѣ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ занялъ лордъ Мальмсбери, едва ли не болѣе Пальмерстона связанный съ нимъ многолѣтнею личною дружбой.

Послѣ переворота отношенія Франціи къ Россіи значительно улучшились. Императоръ Николай обнаружилъ большую благосклонность къ принцу за энергическую расправу его съ анархическими элементами и за восстановление во Франціи общественнаго порядка. Дипломатъ, съ начала сороковыхъ годовъ управлявшій нашимъ посольствомъ въ Парижѣ въ качествѣ простаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Н. Д. Киселевъ, назначенъ былъ „находиться съ особымъ порученіемъ при французскомъ правительствѣ“¹⁾. Все это возбудило въ Лудовикѣ-Наполеонѣ надежду, что ему удастся получить согласіе императора Николая на принятіе императорскаго титула. Съ этою цѣлію, весной 1852 года, пользуясь пребываніемъ Русскаго государя въ Берлинѣ, онъ отправилъ къ нему туда сенатора барона Геккерена²⁾. Французскій посланецъ просилъ о безусловномъ признаніи Лудовика-Наполеона императоромъ французомъ, за чтѣ тотъ обязывался не нарушать мира и свято соблюдать существующіе договоры. Но на почвѣ права императоръ Николай былъ непреклоненъ. Онъ завѣрилъ Геккерена въ дружественномъ расположеніи своемъ къ президенту, но настойчиво совѣтовалъ послѣднему отказаться отъ своего намѣренія. Положеніе его было безъ того завидно, и честолюбивыми стремленіями своими онъ могъ де только возстановить противъ себя европейскія державы³⁾.

Государь держалъ такую рѣчь въ полномъ убѣжденіи, что она будетъ поддержана и союзниками его, императоромъ Австрійскимъ и королемъ Прусскимъ. Ему казалось даже, что и въ Англіи не можетъ быть признанъ императоромъ племянникъ перваго Бонапарта. Государь былъ совершенно правъ съ точки зрѣнія монархическаго принципа и народнаго права Европы. Но давно уже отвлеченныя начала перестали руко-

¹⁾ Назначеніе Н. Д. Киселева состоялось 8 (20) апрѣля 1852 г.

²⁾ Выборъ этотъ нельзя назвать удачнымъ. Геккеренъ былъ не кто иной, какъ усыновленный отцомъ своимъ Дантесъ, убійца Пушкина.

³⁾ Baron Jomini: *Etude diplomatique*, I, стр. 90.

водить дѣйствіями правительствъ. Мы не станемъ повторять здѣсь изложенный въ другомъ мѣстѣ ходъ и исходъ переговоровъ, веденныхъ по упомянутому вопросу между великими державами¹⁾. Припомнимъ только, что признаніе ими Наполеона III состоялось при условіяхъ, обнаружившихъ наше полное политическое одиночество и обратившихъ новаго императора французовъ въ заклятаго врага Россіи и ея государя.

Сообразивъ общее состояніе Европы въ концѣ 1852 года, нельзя не признать всю ложность того политическаго взгляда, которому она представлялась попрежнему рѣзко раздѣленною на двѣ половины: охранительную и либеральную. А между тѣмъ таковъ именно былъ взглядъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, выраженный во всеподданнѣйшемъ отчетѣ его за 1852 годъ. Тогда какъ въ дѣйствительности мы оставались совершенно одинокими, Пруссія тяготѣла къ Англіи, Австрія—къ Франціи, независимо отъ тѣсныхъ соглашеній Берлинскаго двора съ Вѣнскимъ и Лондонскаго съ Парижскимъ, что, въ совокупности, неминуемо приводило къ общеевропейской противъ насъ коалиціи, — русская дипломатія упорно отстаивала полувѣковое заблужденіе свое, будто вся монархическая Европа, не исключая и Англіи, готова сплотиться вокругъ насъ для борьбы съ воплощенною въ лицѣ Франціи революціей. Въ помянутомъ выше отчетѣ графъ Нессельроде хвалился тѣмъ, что поведеніемъ нашимъ мы де доказали, что не послѣдуемъ за Франціей въ ея метаморфозахъ и не будемъ обращаться, какъ равные съ равнымъ, съ правительствомъ эфемернымъ, исчезающимъ революціоннаго каприза; что мы ослабили обаяніе императора французовъ, нанеся тяжелую рану его самолюбію и съ достоинствомъ отвѣтивъ на дерзкое его сообщеніе французскому сенату, въ коемъ онъ осмѣлился противопоставить принципу законности свой революціонный принципъ; что такимъ образомъ мы подорвали вліяніе его на слабя государства, доказавъ Европѣ, что въ эпоху общей уступчивости и слабости остается въ мірѣ держава, неспособная къ сдѣлкамъ на счетъ права, смѣло исповѣдующая свои убѣжденія и принципы.

¹⁾ Внѣшняя политика императора Николая, стр. 120—124.

Отчетъ былъ написанъ въ то самое время, когда на Востокѣ созрѣвалъ уже плодъ нашей вызывающей политики по отношенію ко Франціи. Споръ о Святыхъ Мѣстахъ былъ въ полномъ разгарѣ, а государственный канцлеръ терялся въ догадкахъ относительно причинъ, побудившихъ Францію выступить въ немъ нашею противницей. Съ недоумѣніемъ спрашивалъ онъ: чему слѣдуетъ приписать ея явно враждебный намъ образъ дѣйствій? Былъ ли таковой сознательнъ или въ немъ проявлялся лишь личный характеръ маркиза Лавалетта, тогдашняго французскаго посла въ Константинополь? Зависѣлъ ли онъ отъ желанія Лудовика-Наполеона заручиться согласіемъ католическаго духовенства и папы, дабы расположить ихъ въ пользу своей имперіи и быть поддержаннымъ ими внутри страны? Не истекалъ ли изъ намѣреній обезпечить за Франціей право покровительства католицизму на Востокѣ? *„Или, быть можетъ, Лудовикъ-Наполеонъ, нуждаясь въ европейскомъ усложненіи и находя, что оно было бы слишкомъ серьезно на Рейнѣ или въ Бельгii, выбралъ для этой цѣли Востокъ, не заботясь о слабости Турціи, пренебрегая опасностью прибавить новый зародышъ разложенія къ тѣмъ, кои угрожали уже Оттоманской имперіи, и единственно съ цѣлью найти тамъ элементы территориальнаго распределенія, благоприятнаго его жаждѣ славы и величія?“*

Черезъ эту вычурную фразу сквозитъ какъ бы невольное сознаніе или, вѣрнѣе, предчувствіе близкой для Россіи опасности. Но государственный канцлеръ слѣшилъ тутъ же успокоить государя утвержденіемъ, что если только Англія будетъ „попрежнему“ вести себя „правильно“, то мы можемъ смѣло рассчитывать на мирный исходъ. Дружная поддержка Австріи и Пруссіи не возбуждала ни малѣйшаго сомнѣнія. Единственнымъ средствомъ противодѣйствія Франціи представлялось намъ „единеніе великихъ державъ“, и мы должны были, по мнѣнію графа Нессельроде, „напрягать всѣ наши силы для достиженія этой цѣли¹⁾“.

И мы достигли ея. Скоро Европа, дѣйствительно, соединилась противъ насъ.

¹⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ государственнаго канцлера за 1852 годъ.

КНЯЗЬ

АДАМЪ ЧАРТОРЫЙСКІЙ.

Князь Адамъ Чарторыйскій.

Польскій магнатъ-патріотъ, именемъ котораго озаглавленъ нашъ очеркъ, волею судебъ призванъ былъ въ первую треть нынѣшняго столѣтія играть выдающуюся роль въ нашей отечественной исторіи, сначала какъ близкій другъ и довѣренный совѣтникъ императора Александра I, потомъ какъ отвѣтственный руководитель внѣшней политики Россіи, далѣе какъ посредникъ между своею родиной и русскимъ государемъ, милостью коего она была восстановлена въ 1815 году, подъ названіемъ Царства Польскаго, наконецъ, какъ глава мятежнаго правительства, провозгласившаго, пятнадцать лѣтъ спустя, отторженіе Царства отъ Имперіи. Даже по усмиреніи возстанія 1830 — 31 годовъ не прекратилось вліяніе князя Адама Чарторыйскаго на развитіе польско-русскихъ отношеній, такъ какъ онъ, лишенный по суду за участіе въ мятежѣ дворянскаго и княжескаго достоинствъ, успѣлъ бѣжать за границу и до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1861 году, признавался польскою эмиграціею „королемъ“ *in partibus* неискупленной „ойчизны“.

Для насъ, русскихъ людей, не можетъ быть ничего назидательнѣе изученія жизни этого замѣчательнаго человѣка, участь коего въ продолженіе столькихъ лѣтъ была такъ тѣсно связана съ судьбами нашего отечества. Мы имѣемъ нынѣ возможность ознакомиться съ нею по Запискамъ самого Чарторыйскаго, изданнымъ недавно въ Парижѣ его семействомъ, въ

двухъ томахъ¹⁾. Первый томъ заключаетъ автобіографію, доведенную, къ сожалѣнію, лишь до 1806 года; второй — многочисленные оправдательные доумены, какъ-то: переписку князя съ Александромъ I, записанныя имъ бесѣды съ этимъ государемъ, дипломатическіе акты и депеши. Впрочемъ, часть этихъ матеріаловъ была уже обнародована въ 1876 году²⁾.

Независимо отъ біографическаго интереса, „Записки Чарторыйскаго“ сообщаютъ много неизвѣстныхъ доселѣ бытовыхъ данныхъ о Русскомъ дворѣ и высшемъ петербургскомъ обществѣ конца XVIII и начала XIX вѣка, приложенные же къ нимъ доумены разъясняютъ не мало темныхъ вопросовъ, относящихся къ исторіи Русской политики въ ту же эпоху. Однако, пользоваться ими слѣдуетъ съ крайнею осторожностью, ибо Записки составлены, а приложенія подобраны съ явною цѣлью представить дѣятельность автора въ наиболѣе благоприятномъ освѣщеніи. Нечего и говорить, что въ нихъ событія изложены и объяснены съ чисто польской точки зрѣнія, въ духѣ враждебномъ Россіи и ея кореннымъ историческимъ и государственнымъ началамъ. Къ счастью, отъ насъ зависитъ провѣрить и исправить рассказъ Чарторыйскаго, по другимъ, вполне достовѣрнымъ источникамъ, появившимся въ русской печати за послѣдніе годы. Въ числѣ ихъ укажемъ на переписку родителей князя Адама и его самого съ правителемъ Литвы, княземъ Н. В. Репнинымъ³⁾; на переписку его съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, въ бытность управляющимъ русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ⁴⁾; на записку, представленную имъ государю Александру Павловичу, наканунѣ эрфуртскаго свиданія⁵⁾; на письма его къ Н. Н. Новосильцеву⁶⁾. Изъ свидѣтельствъ современниковъ русскихъ и иностранныхъ, сообщающихъ свѣдѣнія, хотя весьма не полныя и не всегда точныя, о русско-польскомъ министрѣ, упо-

¹⁾ Mémoires du Prince Adam Czartoryski et Correspondance avec l'Empereur Alexandre I, 2 Vol. Paris, 1887.

²⁾ Alexandre I et le Prince Czartoryski, Correspondance particulière et Conversations, 1 Vol. Paris, 1876.

³⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, XVI.

⁴⁾ Архивъ князя Воронцова, XV.

⁵⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, VI.

⁶⁾ Тотъ же Сборникъ, IX.

мянемъ о Запискахъ Вигеля и о дипломатической перепискѣ посланниковъ при нашемъ дворѣ: сардинскаго, графа Іосифа де-Местра, и шведскаго, барона Стедингга.

Спѣшимъ оговориться, что мы не имѣемъ въ виду начертать полную картину одной изъ знаменательнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества и въ частности — русскаго народа. Цѣль наша несравненно скромнѣе и ограничивается желаніемъ сгруппироватѣ въ сжатомъ очеркѣ все, что представляется наиболѣе замѣчательнаго въ жизни и дѣятельности князя Адама Чарторыйскаго, преимущественно въ связи ихъ съ историческими судьбами Россіи.

I.

Дѣтство и воспитаніе.

По знатности, богатству, политическимъ связямъ и вліянію, по выдающимся способностямъ и безмѣрному честолюбію своихъ членовъ, семейство Чарторыйскихъ, или, какъ просто называли его, „фамилія“ занимала въ Польшѣ второй половины XVIII столѣтія совершенно исключительное положеніе. Предки ихъ, потомки Гедимины, долго исповѣдывали православіе и лишь въ началѣ XVII вѣка перешли въ римское католичество. Представителями этого княжескаго рода при воцареніи Екатерины II были князь Михаилъ, канцлеръ литовскій, и князь Августъ, воевода русскій, родные дядья по матери послѣдняго изъ польскихъ королей, Станислава-Августа Понятовскаго. Единственнымъ наслѣдникомъ ихъ имени и состоянія былъ сынъ Августа, князь Адамъ-Казиміръ, нѣкогда соперникъ своего двоюроднаго брата по притязанію на польскій престолъ, послѣ перваго раздѣла Польши возведенный императоромъ Іосифомъ II въ чинъ австрійскаго фельдмаршала. Отъ брака его съ графинею Изабеллою Флемингъ родился въ Варшавѣ, 3 (14) января 1770 года, старшій сынъ, князь Адамъ, авторъ занимающихъ насъ Записокъ.

Въ нихъ рисуется онъ оживленную картину воспоминаній дѣтства. Отроческіе годы онъ проводилъ то въ Варшавѣ, въ родовомъ дворцѣ Чарторыйскихъ, извѣстномъ подъ названіемъ „Синяго“, то въ многочисленныхъ помѣстьяхъ, принадлежав-

шихъ его семьѣ въ различныхъ областяхъ королевства. Несмотря на состоявшійся уже первый раздѣлъ „ойчизны“, польскіе магнаты того времени жили пышно, шумно и весело. Передъ нами проносится рядъ блестящихъ празднествъ: баловъ, театральныхъ представленій, турнировъ, охотъ, пировъ всякаго рода, въ которыхъ, повидимому, участвовали и дѣти. Князь Адамъ подробно рассказываетъ всѣ эти забавы и перечисляетъ знатныхъ красавицъ, украшавшихъ ихъ своимъ присутствіемъ. Онъ распространяется и о путешествіи, совершенномъ имъ на десятомъ году, въ свитѣ отца, для обозрѣнія его имѣній въ Подоліи. Въ путешествіи этомъ князя-фельдмаршала окружалъ многочисленный дворъ, состоявшій изъ молодыхъ шляхтичей. Въ составъ придворнаго штата входили маіордомъ, шталмейстеръ, квартирмейстеръ и цѣлая толпа пажей, принадлежавшихъ къ благороднѣйшимъ семьямъ Рѣчи Посполитой. Ъхали медленно, въ десяткахъ экипажей, конвоируемыхъ всадниками, предшествуемыхъ походными кухней и погребомъ. По пути заѣзжали въ замки дружественныхъ магнатовъ и въ каждомъ пировали по нѣсколько дней. Доѣхавъ до Каменца, рѣшили перейти за тогдашнюю границу Польши со стороны Молдавіи и посѣтили въ турецкомъ Хотинѣ пашу, коменданта крѣпости. По возвращеніи изъ этой поѣздки, князь Адамъ-Казиміръ поселился со всею семьей въ Пулавскомъ замкѣ, на Вислѣ, въ Люблинскомъ воеводствѣ.

Здѣсь началось воспитаніе молодого Адама и младшаго тремя годами брата его, Константина. Воспитателемъ къ нимъ былъ приставленъ французъ Дюпонъ изъ Немура, приобрѣвшій въ послѣдствіи извѣстность, какъ членъ французскаго революціоннаго народнаго собранія. Его, впрочемъ, вскорѣ замѣнилъ въ этой должности полякъ Цезельскій¹⁾. Женевецъ Люль преподавалъ математику, датчанинъ Шоу, а потомъ нѣмецъ Гродеке — древніе языки. Два учителя-поляка обучали поль-

¹⁾ Генералъ Богдановичъ въ своей Исторіи царствованія императора Александра I (I, стр. 75) напрасно называетъ извѣстнаго аббата Піатоли наставникомъ князя Адама Чарторыйскаго. Піатоли, какъ свидѣтельствуетъ самъ князь Адамъ, былъ воспитателемъ сверстника его и двоюроднаго брата, князя Генриха Любомірскаго. Съ нимъ Чарторыйскій познакомился въ Парижѣ, во время перваго своего путешествія за границу въ 1786 г., а ближе сошелся гораздо позже, уже когда былъ русскимъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

ской литературѣ и исторіи. Офицеръ Рембелинскій долженъ былъ наставлять обоихъ мальчиковъ въ военномъ искусствѣ, но ограничился, кажется, однимъ фехтованіемъ. За то и наставники и ученики любили образованіе нѣчто въ родѣ сейма, на которомъ вели между собой нескончаемыя пренія о политическихъ вопросахъ, составлявшихъ „злобу дня“. Въ перемену съ такими занятіями, продолжались прежнія увеселенія, съ прибавленіемъ ухаживанья за хорошенькими гостьями; словомъ все шло обычнымъ порядкомъ, установленнымъ вѣками въ средѣ польской знати.

Шестнадцати лѣтъ князь Адамъ, сопутствуемый воспитателемъ своимъ Цезельскимъ, совершилъ первое путешествіе по Германіи и Франціи. Главною цѣлью поѣздки было леченіе въ Карлсбадѣ, но нельзя было не посѣтить Парижа, а также и Веймара, уже тогда славившагося подъ именемъ германскихъ Афинъ, благодаря одновременному въ этомъ городѣ пребыванію трехъ свѣтилъ нѣмецкой словесности: Виланда, Гердера и Гёте. Послѣдній пригласилъ путешественниковъ присутствовать при чтеніи только что оконченной имъ *Ифигеніи въ Тавридѣ*. Объ этомъ вечерѣ князь Адамъ пишетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: „Я внималъ чтенію съ величайшимъ энтузіазмомъ. Гёте былъ тогда во всемъ блескѣ молодости. Онъ былъ большого роста, съ лицомъ столь же прекраснымъ, сколько и величественнымъ, съ пронизательнымъ взоромъ, иногда довольно презрительнымъ, господствуя съ высоты своего величія надъ человѣческимъ уровнемъ, что выражала улыбка его прекрасныхъ устъ. Восторгъ юноши, какимъ былъ я, онъ едва замѣтилъ, до того привыкъ онъ къ подобному поклоненію. Гёте сталъ впоследствии министромъ великаго герцога Веймарскаго и уже не выказывалъ прежняго презрѣнія къ официальнымъ отличіямъ и орденамъ. Но онъ навсегда сохранилъ въ лицѣ и осанкѣ родъ величія, заставлявшаго сравнивать его съ изваянной Фидіемъ статуей Юпитера Олимпійскаго“.

Два года спустя, а именно въ 1788 году, князь Адамъ впервые выступилъ на политическомъ поприщѣ въ качествѣ маршала областного подольскаго сеймика. Слѣдующій годъ, ознаменованный началомъ французской революціи, онъ провель частію въ Помераніи, у сестры своей, бывшей замужемъ

за принцемъ Лудвигомъ Виртембергскимъ, братомъ цесаревны, въ послѣдствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, частію въ Англіи, въ гостяхъ у маркиза Лансдауна. Въ 1791 году, послѣ провозглашенія въ Польшѣ либеральной майской конституціи, онъ возвратился на родину и, вступивъ въ военную службу, подъ начальствомъ зятя своего, принца Виртембергскаго, принималъ участіе въ войнѣ съ русскими, продолжавшейся, какъ извѣстно, недолго и завершившейся вторымъ раздѣломъ Польши. 1793-й годъ князь Адамъ снова провелъ въ Англіи, но едва дошла до него вѣсть о возстаніи Костюшки, какъ онъ уже спѣшилъ подъ его знамена. На возвратномъ пути въ Польшу его, однако, задержали въ Брюсселѣ по распоряженію австрійскихъ властей, и оттуда отправили въ Вѣну, гдѣ родители его и вся семья искали убѣжища отъ русскаго нашествія.

Не стѣсняясь находженіемъ своимъ въ цесарской службѣ, старый князь Чарторыйскій былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сторонниковъ и вождей польскаго патріотическаго движенія, выразившагося въ либеральной конституціи 1791 года. Подъ влияніемъ жены своей, пламенной патріотки, прозванной поляками „маткою ойчизны“, онъ тайно благопріятствовалъ и возстанію Костюшки, который, какъ показали въ послѣдствіи нѣкоторые изъ его товарищей, самъ рѣшился поднять знамя бунта изъ любви къ старшей дочери князя и княгини, принцессѣ Виртембергской, Маріи-Аннѣ, и въ надеждѣ, по разводѣ ея съ мужемъ, получить ея руку¹⁾. Обстоятельство это побудило императрицу Екатерину наложить секвестръ на всѣ имѣнія „фамиліи“, находившіяся въ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областяхъ. Такое распоряженіе Русскаго двора тотчасъ же повліяло на настроеніе князя Адама-Казимира. Еще не была взята Прага и не сдалась Варшава, какъ онъ, заручившись покровительствомъ австрійскаго правительства, отправилъ въ Россію хлопотать о снятіи секвестра своего уполномоченнаго, нѣкоего Гогеля, отставнаго подполковника польскихъ войскъ. Гогель прибылъ въ Петербургъ въ началѣ октября 1794 года, снабженный паспортомъ отъ русскаго посольства въ Вѣнѣ и рекомендательными письмами къ цесар-

¹⁾ Показаніе Муравскаго. См. объ этомъ записку императрицы Екатерины II къ графу П. А. Зубову. („Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.“, XLII, стр. 325).

скому послу при нашемъ дворѣ, графу Кобенцелю. Но едва узнала императрица о его приѣздѣ, какъ велѣла выслать его въ двадцать четыре часа изъ столицы. „Здѣсь нѣтъ нужды въ комиссіонерахъ польскихъ мятежниковъ“, писала она по этому поводу Д. П. Трощинскому¹⁾.

Чарторыйскіе не на шутку призадумались. Строгая мѣра, принятая Русскимъ правительствомъ, грозила имъ полнымъ разореніемъ, нищетою. Рѣшено было обратиться къ покровительству князя Н. В. Репнина, тогдашняго генералъ-губернатора литовскаго, который, со времени своего посольства въ Варшавѣ, былъ очень друженъ съ княжескою семьею и даже, если вѣрить молвѣ, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ самой княгинѣ Изабеллѣ²⁾. Въ письмѣ, посланномъ въ Гродно съ другимъ уполномоченнымъ, шляхтичемъ Горскимъ, князь Адамъ-Казиміръ утверждалъ самымъ положительнымъ образомъ, что со времени оставленія имъ Польши, въ маѣ 1792 года, онъ не только не участвовалъ въ возстаніи, но и ничего не зналъ о всемъ, что тамъ происходило, а потому и взываетъ къ заступничеству своего стараго друга³⁾. Но Репнинъ отвѣчалъ: „Мнѣ хотѣлось бы помочь вамъ, я желалъ бы разсѣять взводимыя на васъ обвиненія, но, несмотря на мое вполне искреннее желаніе, дѣло зависить не отъ меня и я рѣшительно не могу ничего сдѣлать“⁴⁾.

Оставалось прибѣгнуть къ крайнему средству, тяжкому для самолюбія надменной семьи, члены которой издавна стремились прослыть ревнителями польской независимости. Князь и княгиня Чарторыйскіе рѣшились отправить въ Петербургъ обоихъ сыновей своихъ, двадцатипятилѣтняго Адама и двадцатидвулѣтняго Константина, чтобы ходатайствовать предъ престоломъ Екатерины о возвращеніи состоянія родителямъ.

¹⁾ Императрица Екатерина II Трощинскому, 13 (24) октября 1794 г. (Тотъ же Сборникъ, XLII, стр. 252).

²⁾ Служь зтотъ передаетъ въ своихъ запискахъ Вигель, утверждающій, что многіе считали князя Репнина отцомъ князя Адама.

³⁾ Князь Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій князю Репнину 6 (17) декабря 1794 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 76).

⁴⁾ Князь Репнинъ князю Адаму-Казиміру Чарторыйскому 23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.). (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 44).

II.

Отъѣздъ въ Россію.

Въ Запискахъ своихъ князь Адамъ утверждаетъ, что отправленіе его съ братомъ въ Россію потребовано было самою императрицею Екатериною, желавшею-де имѣть ихъ „заложниками“ при своемъ дворѣ. „Пусть оба сына Чарторыйскихъ“, будто бы сказала она, „явятся сперва ко мнѣ, а потомъ—мы увидимъ“.

Въ легенду эту донинѣ безусловно вѣрятъ поляки, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, дѣло происходило совершенно иначе. Обнаруженная переписка князя Адама-Казимира и жены его съ княземъ Репнинымъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что починъ всецѣло принадлежалъ самимъ Чарторыйскимъ, къ намѣренію коихъ государыня отнеслась даже съ нѣкоторою подозрительностью.

Молодые князья поѣхали сначала въ Гродно, гдѣ находился Репнинъ, при развѣнчанномъ королѣ Станиславѣ-Августѣ. Ихъ сопровождалъ, въ качествѣ ментора, упомянутый выше Горскій. Они везли рекомендательное письмо къ литовскому генералъ-губернатору отъ русскаго посла въ Вѣнѣ, графа А. К. Разумовскаго, объяснявшаго ихъ отъѣздъ подчиненіемъ общему требованію, обращенному Русскимъ правительствомъ ко всѣмъ находившимся за границею дворянамъ вновь присоединенныхъ отъ Польши земель о немедленномъ возвращеніи на родину¹⁾. Но истинная цѣль поѣздки разоблачалась въ письмѣ княгини Изабеллы къ бывшему своему обожателю.

Письмо это ярко характеризуетъ княгиню и ея настроеніе. „Еще недавно, дорогой князь, я была счастливою женою, счастливою матерью, счастливою подругой. Я наслаждалась жизнью, полною радостей, наслаждалась моими воспоминаніями и надеждами. И вотъ я потеряла все, на моихъ глазахъ все погибло. И теперь близится минута, когда мужъ мой и дѣти будутъ лишены всего состоянія и положенія въ обще

¹⁾ Графъ Разумовскій князю Репнину 26 декабря 1794 г. (6 января 1795 г.). (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 85).

ствѣ. На долю ихъ достанутся огромные долги и нищета, неизбежная спутница столькихъ несчастій. Щадя вашу чувствительность, я не стану подробно описывать тѣхъ жестокихъ страданій, которыя заставляютъ насъ испытывать, но, влянусь вамъ: я часто желала смерти и не дорожу болѣе жизнью. Мужъ мой, котораго непременно хотятъ обратить въ жертву нелѣпныхъ басней, собранныхъ противъ него безчестными людьми или глупцами, — теряетъ здоровье; но что всего невыносимѣе для меня, такъ это то, что на меня указываютъ постоянно, какъ на главную виновницу всѣхъ нашихъ бѣдъ. Въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, я прошу, добиваюсь того, въ чемъ не отказываютъ никому: добиваюсь слѣдствія, дабы было отыскано и приведено хотя бы одно доказательство, что я знала о революціи ранѣе, чѣмъ она началась, или что я принимала въ ней участіе. До сихъ поръ никто еще не могъ привести такого доказательства, а между тѣмъ, люди не даютъ себѣ даже труда изслѣдовать это дѣло, но довольствуются тѣмъ, что подавляютъ насъ и караютъ.

„О, дорогой князь, въ чемъ же моя вина?

„Если любовь къ моему несчастному отечеству составляетъ преступленіе, то я не стану отрицать ее. Но неужели не слѣдуетъ извинить чувство, вложенное въ насъ самою природой, укореняемое въ каждой чувствительной душѣ всѣмъ окружающимъ? Сознавшись въ этомъ, клянусь самимъ Богомъ, клянусь жизнью моихъ дѣтей, единственнымъ оставшимся мнѣ нынѣ сокровищемъ, что я, такъ же какъ и мужъ мой, узнали о возстаніи, лишь когда оно вспыхнуло. Неопредѣленные слухи на этотъ счетъ, которые доносились до меня, какъ и до всѣхъ, казались мнѣ лишеными основанія; я полагала, что это не болѣе, какъ сумасбродная затѣя нѣсколькихъ сорванцовъ. Когда возстаніе вспыхнуло, я не могла придти въ себя отъ изумленія и никогда не надѣялась, чтобы дѣло могло удался. Все время, пока оно продолжалось, я строго соблюдала клятву, взятую съ меня мужемъ — не имѣть никакихъ, даже косвенныхъ сношеній ни съ однимъ изъ его участниковъ. Я свято хранила это обѣщаніе, увезла своихъ дѣтей и съ мая мѣсяца нахожусь въ Вѣнѣ, вдали отъ всего, избѣгая даже переписки съ кѣмъ бы то ни было. Вотъ вамъ правда о моемъ поведе-

ни. Но къ чему же все это послужило? Масса несчастій и огромныхъ потерь обрушилась на насъ, не оставивъ никакой надежды въ будущемъ“.

Княгиня жаловалась на разореніе Пулавскаго замка русскими войсками, признавалась, что долго колебалась прежде, чѣмъ рѣшиться писать къ Репнину. „Посылаю вамъ моихъ сыновей“ — продолжала она — „будьте руководителемъ ихъ юности и помышляйте объ ихъ несчастіи. Помните, что они теперь для меня — все и простите моему страждущему сердцу, если я вамъ признаюсь, что боюсь за нихъ. Если вы скажете, что имъ нужно ѣхать, я повѣрю вамъ, но не подвергайте ихъ опасности. Помните, что я умру съ отчаянія, если съ ними случится малѣйшее несчастіе. Поручите ихъ кому-нибудь, кто могъ бы ими руководить“. Письмо заключалось выраженіемъ безграничнаго довѣрія къ Репнину и надежды, что императрица не откажетъ въ справедливости. „Объ этомъ то, дорогой князь, мы и хотимъ съ вами посоветоваться: *какъ и черезъ кого?*“¹⁾.

Одновременно князь Адамъ-Казиміръ вторично увѣрялъ Репнина въ непричастіи къ мятежу и просилъ принять отъ него чрезъ повѣреннаго присягу на вѣрность подданства Ека-теринѣ²⁾.

Молодые князья прибыли въ Гродно въ концѣ января 1795 года. Репнинъ принялъ ихъ съ распростертыми объ-ятіями, но удержалъ при себѣ впредь до полученія изъ Петербурга отвѣта на свое донесеніе³⁾. Онъ поспѣшилъ успокоить мать ихъ относительно ожидавшей ихъ участи. Въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ расточалъ онъ ей увѣренія въ неизмѣнной привязанности и въ ревностномъ желаніи сдѣлать все, что отъ него зависитъ, дабы пособить ея горю, умолялъ ее не падать духомъ, утѣшалъ надеждою на скорую пере-мѣну къ лучшему, общалъ окружить ея дѣтей самою по-

¹⁾ Княгиня Чарторыйская князю Репнину 8 (19) января 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 118).

²⁾ Князь Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій князю Репнину 26 декабря 1794 г. (6 января 1795 г.). (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 103).

³⁾ Князь Репнинъ князю Адаму-Казиміру Чарторыйскому 27 января (7 февраля) 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI стр. 119).

печительною заботливостью. Суровую мѣру, принятую относительно имѣній Чарторыйскихъ, Репнинъ оправдывалъ участіемъ въ возстаніи лицъ, близкихъ ихъ дому, призрѣнныхъ и благодѣтельствованныхъ ими. „Но“, прибавлялъ онъ, „другая бѣда, дорогая княгиня, это поведеніе ваше и князя на сеймѣ 3-го мая. Конечно, вами обоими руководила любовь къ отечеству, но, на колѣняхъ прося у васъ прощенія, скажу вамъ, что это прекрасное побужденіе вовлекло васъ въ обманъ, что вы не предчувствовали тѣхъ неизбѣжныхъ послѣдствій, которыя должны были произойти изъ его беспорядочнаго хода и изъ тѣхъ оскорбленій, которыя горячія головы произносили тогда противъ великой государыни и великой державы. Другія государства, желавшія ловить рыбу въ мутной водѣ, возбуждали къ этому безумцевъ, а тѣ, которые шли, такъ же какъ и вы, побуждаемые прекрасными намѣреніями, пали жертвой“¹⁾.

Въ ожиданіи повелѣній императрицы, Адамъ и Константинъ Чарторыйскіе провели въ Гродно всю зиму, часто навѣщая дядю свою, короля, также проживавшаго въ этомъ городѣ. Князь Адамъ свидѣтельствуется, что Станиславъ-Августъ предавался горькимъ размышленіямъ, едва-ли не отчаянію, упрекая себя въ томъ, что не спасъ родины или не палъ защищая ее.

Въ началѣ марта полученъ былъ отвѣтъ Екатерины на донесеніе Репнина. Государыня приказывала привести обоихъ братьевъ къ присягѣ на вѣрное ей подданство, „предварительно испытавъ и удостовѣривъ, что она чистосердечна и не противна совѣсти“, и *въ такомъ случаѣ* учредить опеку надъ ихъ имѣніями, самимъ же имъ разрѣшить пріѣхать въ Петербургъ. Въ собственноручной припискѣ ея величество присовокупляла: „Правда или нѣту, не вѣдаю, но слухъ носится, что мать князей Чарторыйскихъ привела сыновей, какъ Амилкаръ Аннибала, къ присягѣ, дабы вѣчные были враги Россіи“²⁾.

Екатерина не ошиблась, если судить по признаніямъ, за-

¹⁾ Князь Репнинъ княгинѣ Чарторыйской, 27 января (7 февраля) 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 120).

²⁾ Императрица Екатерина II князю Репнину 22 февраля (5 марта) 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 143).

несеннымъ княземъ Адамомъ въ свои Записки. „Наше воспитаніе“, читаемъ мы въ нихъ, „было вполне польскимъ и вполне республиканскимъ. Изученію исторіи и словесности древней и нашего отечества посвящены были годы нашей юности. Мы только и мечтали, что о грекахъ и римлянахъ, помышляя, по примѣру предковъ, увѣковѣчить доблести древнихъ на родной почвѣ. Что касается свободы, то болѣе недавніе примѣры, почерпнутые изъ исторіи Англіи и Франціи, до извѣстной степени исправили наши мысли, отнюдь, впрочемъ, не въ ущербъ ихъ энергіи. Любовь къ отечеству, къ его славѣ, учрежденіямъ и вольностямъ была внушена намъ нашимъ воспитаніемъ и всѣмъ, что мы видѣли или слышали вокругъ себя. Прибавлю, что чувства эти, поглощенные всѣмъ нашимъ нравственнымъ существомъ, сопровождались неизреченнымъ отвращеніемъ ко всѣмъ тѣмъ, кто содѣйствовалъ гибели возлюбленной родины. Это двойное чувство любви и ненависти до такой степени овладѣло мною, что я не могъ встрѣтить русскаго въ Польшѣ или гдѣ бы то ни было безъ того, чтобы кровь не бросилась мнѣ въ голову, причемъ я блѣднѣлъ и краснѣлъ, такъ какъ всякій русскій представлялся мнѣ виновникомъ бѣдствій моего отечества“. Патріотическое одушевленіе свое князь Адамъ выразилъ въ стихотвореніи, написанномъ въ Гродно и озаглавленномъ: „Пѣснь барда“. Оно было доставлено въ Вѣну и тамъ въ продолженіе многихъ лѣтъ съ умиленіемъ перечитывалось въ тѣсномъ семейномъ кругу Чарторыйскихъ.

Все это, впрочемъ, не помѣшало молодымъ польскимъ патріотамъ принести вѣрноподданническую присягу Императрицѣ всероссійской. Тѣмъ не менѣе Репнинъ долго еще не рѣшался отправить въ Петербургъ вѣренныхъ его попеченію юношей. Государынѣ онъ отвѣчалъ, что ручается за ихъ поведеніе, принимая его на свою отвѣтственность, опеку надъ ихъ литовскими имѣніями довѣрилъ соотечественнику ихъ графу Хрептовичу; но этого было еще недостаточно для достиженія главной желанной цѣли: снятія секвестра. Репнинъ находилъ, что развязка зависитъ отъ самихъ молодыхъ князей. „Они должны приложить все стараніе и сдѣлать все возможное“, писалъ онъ ихъ матери, „чтобы понравиться въ странѣ,

куда они отправляются. Я самъ буду руководить ими и поручу ихъ людямъ, которые постараются быть имъ полезными. Они должны выказать тамъ привязанность къ новому своему отечеству и къ новой ихъ государынь, которая, въ самомъ дѣлѣ, очень добра и великодушна. Со своей стороны я сдѣлаю для нихъ все, что могу. Но если такимъ поведеніемъ не будетъ устраненъ камень преткновенія, то нужно будетъ выказать усердіе, дабы уничтожить всѣ существующія противъ васъ и князя предубѣжденія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если не найдется другихъ средствъ, нужно будетъ стараться поступить на службу, каждому по его наклонностямъ: въ придворную или военную. Думаю, что этотъ послѣдній шагъ уладитъ все къ вашему удовольствію и разсѣетъ всѣ существующія противъ вашего семейства предубѣжденія“. Репнинъ успокоивалъ княгиню, что служба въ Россіи — „не рабство“; ручался честью, что она даже свободнѣе тамъ, чѣмъ въ другихъ странахъ; что юные князья будутъ имѣть возможность отлучаться сколько угодно, уѣзжать въ отпускъ и возвращаться, когда имъ вздумается; что, наконецъ, это единственное вѣрное средство выручить всю семью изъ бѣды ¹⁾.

Правила іезуитской нравственности допускаютъ сдѣлки съ собственною совѣстью, которую вполне успокоиваетъ *reservatio mentalis*. Не только предложеніе Репнина было принято княземъ Адамомъ-Казиміромъ и его женою, но старикъ Чарторыйскій въ письмѣ къ литовскому генералъ-губернатору снова торжественно отрекся отъ всякой солидарности съ польскимъ дѣломъ въ прошедшемъ и будущемъ и заявилъ, что вмѣнить себѣ въ обязанность доказать свою искренность и заслужить милости и покровительство императрицы Екатерины ²⁾. Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ князь Адамъ въ Запискахъ своихъ хранить глубокое молчаніе. За то онъ выставляетъ въ нихъ на видъ, что и онъ, и братъ его, считали свою поѣздку въ Россію возвышеннымъ подвигомъ, жертвою, приносимую спокойствію и благосостоянію родителей и всей семьи, и, скрѣпя

¹⁾ Князь Репнинъ княгинѣ Чарторыйской 24 марта (4 апрѣля) 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 160).

²⁾ Князь Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій князю Репнину 4 (15) апрѣля 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 179).

сердце, готовились отдать себя въ руки „ненавистныхъ враговъ, палачей отечества“.

По полученіи согласія родителей, Адамъ и Константинъ Чарторыйскіе съ неотлучно состоящимъ при нихъ Горскимъ, 10 (21) апрѣля 1795 года оставили Гродно. Репнинъ возложилъ попеченіе о нихъ на своего племянника, князя А. Б. Куракина, впоследствии генераль-прокурора, и сверхъ того поручилъ ихъ покровительству графа В. А. Зубова, брата всемогущаго въ то время графа Платона Александровича. 1-го (12-го) мая путешественники прибыли въ Петербургъ.

III.

При дворѣ Екатерины.

Въ Петербургѣ молодымъ князьямъ былъ оказанъ при дворѣ и въ обществѣ самый ласковый и даже радушный приемъ.

Двѣ недѣли по ихъ пріѣздѣ, князь Куракинъ отдавалъ дядѣ своему, князю Репнину, слѣдующій отчетъ о свѣтскихъ успѣхахъ вѣрренныхъ его попеченію юношей. „Увлечены быстрымъ потокомъ обстоятельствъ и перенесены въ новый для нихъ свѣтъ, гдѣ всѣ лица имъ незнакомы и гдѣ на каждомъ шагу они могутъ встрѣтить затруднительныя для нихъ сопряженія, я понимаю, сколько должно быть скользко и нѣжно ихъ положеніе. И потому, увидѣвшись и познакомившись съ ними, я ничего не находилъ для нихъ нужнѣе, какъ ввести ихъ въ здѣшній свѣтъ и утвердить связи ихъ во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ только я самъ бываю, въ прочихъ же чрезъ другихъ ихъ ознакомилъ; и если это правда, что все зависитъ въ публикѣ отъ перваго шага, то я могъ бы ихъ предварительно поздравить съ наилучшими надеждами, ибо сей первый шагъ сдѣланъ ими совершенно удачно, они вездѣ были приняты, вездѣ обласканы и призваны съ такою благосклонностью и съ такимъ усердіемъ, что ежели когда нибудь я буду имѣть удовольствіе видѣть сына моего въ ихъ лѣтахъ, я не могу пожелать ему болѣе успѣха въ семь родѣ“. Далѣе Куракинъ сообщалъ, что на праздникѣ, данномъ княгиню

Голицыною¹⁾ въ честь великаго князя Александра Павловича и великой княгини Елисаветы Алексѣевны, оба Чарторыйскіе, „сколько скромностью своею, столько искусствомъ въ танцованіи, себя отличили и дали себя примѣтить“. „Княгиня моя“²⁾—заканчивалъ онъ письмо, — „поручаетъ мнѣ со своей стороны васъ удостовѣрить, что для нея не можетъ быть ничего лестнѣе, какъ, соотвѣтствуя вашимъ намѣреніямъ, ввести ихъ въ кругъ ея знакомыхъ; домъ мой для нихъ собственнымъ ихъ домомъ уже учредился и весьма рады, что и мы имъ понравились“³⁾.

Если вѣрить князю Адаму, то и онъ, и братъ его, перенесенные внезапно въ чужую имъ среду, издавна имъ ненавистную, не могли, да и не хотѣли примириться съ нею. Она претила патріотическому чувству, никогда не угасавшему въ ихъ польскихъ сердцахъ. „Несчастія моей родины“, — поясняетъ онъ въ своихъ Запискахъ, — „несчастія родителей и значительнаго числа соотечественниковъ, гибель праваго дѣла, торжество насилія и преступленія — все это вызвало переворотъ въ моихъ мысляхъ. Во всемъ видѣлъ я лишь противорѣчіе и отсутствіе цѣли; ничто въ мірѣ не казалось мнѣ заслуживающимъ вниманія; мною овладѣлъ полный скептицизмъ, холодное и отчаянное равнодушіе ко всему... я презиралъ все на свѣтѣ“. „Но“, — присовокупляетъ онъ, — „хотя душа и продолжала сохранять свои раны, за то на поверхности мы испытывали нѣкоторыя измѣненія. Мы узнали, что, согласно половицѣ, чортъ не такъ страшенъ, какъ его изображаютъ, особенно когда онъ становится любезнымъ; что несправедливо, несмотря на совершенныя относительно насъ гнусности, обвинять за нихъ цѣлый народъ, обнимать въ чувствѣ общей ненависти всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, часто неимѣющихъ ничего общаго съ правительствомъ... Мало-по-малу мы пришли къ убѣжденію, что русскіе, которыхъ мы относили всѣхъ безъ разбора къ разряду зловредныхъ и кровожадныхъ существъ,

¹⁾ Княгиня Прасковья Андреевна, жена князя М. А. Голицына, рожденная графиня Шувалова, дочь гофмейстерни молодой великокняжеской четы.

²⁾ Княгиня Наталья Ивановна, рожденная Головина.

³⁾ Князь Куракинъ князю Репнину, 14 (25) мая 1795 г. (Сборникъ П. Р. И. О., XVI, стр. 192).

съ которыми мы должны были избѣгать всякаго соприкосновенія и даже не могли встрѣчаться безъ омерзения, что эти самые русскіе почти такіе же люди, какъ и всѣ прочіе; что среди ихъ встрѣчаются остроумные юноши, люди вѣжливые, привѣтливые, по крайней мѣрѣ на словахъ; что въ ихъ кругахъ есть весьма привлекательныя женщины, что можно жить въ ихъ обществѣ, не испытывая отвращенія и даже иногда быть вынужденнымъ питать къ нимъ дружбу и признательность“.

Таковы были чувства, которыми оба брата отвѣчали на ласку и привѣтливость высшаго петербургскаго общества. Правда, что то было время, когда, по словамъ Фамусова, дверь нашихъ домовъ была постоянно открыта

Для званныхъ и незванныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ!

Особенность эту отмѣчаетъ и князь Адамъ, говоря, что въ свѣтѣ иностранцевъ разбирали на расхватъ и что „тонъ“ въ немъ задавали дипломатическій корпусъ и французская эмиграція. „Катааясь“,—по выраженію Куракина,—„съ бесѣды на бесѣду“, онъ съ братомъ былъ припятъ во всѣхъ знатныхъ домахъ русской столицы, о которыхъ встрѣчаемъ въ Запискахъ его слѣдующія любопытныя свѣдѣнія.

Наиболѣе щегольскими считались въ Петербургѣ гостиница княгини Долгоруковой ¹⁾ и упомянутой выше княгини Голицыной. Присяжнымъ обожателемъ первой состоялъ цесарскій посольскій графъ Кобенцель, второй — графъ Шуазель-Гуфье, бывшій представитель Лудовика XVI въ Константинополь, послѣ революціи искавшій убѣжища въ Россіи. Большой знатокъ по части искусства, онъ превратилъ Голицынскій дворецъ въ настоящій художественный музей.

Домъ Нарышкина ²⁾ былъ стариннымъ русскимъ боярскимъ домомъ, содержимымъ на самую широкую ногу. О немъ повѣствуетъ князь Адамъ, „что входилъ въ него кто только хотѣлъ: двери всегда были на распахку“. Напротивъ, въ гости-

¹⁾ Княгиня Екатерина Федоровна, рожденная княжна Барятинская, жена князя В. В. Долгорукова, сына покорителя Крыма.

²⁾ Левъ Кирилловичъ, оберъ-шталмейстеръ.

ной графини Головиной ¹⁾ собирався избранный кружокъ, на подобіе версальскихъ салоновъ до-революціонной эпохи, для остроумной и непринужденной бесѣды. Чарторыйскій превозноситъ хозяйку дома за умъ, чувствительность, талантъ, любовь къ искусству, но, вѣроятно, всего болѣе за расположеніе ея къ полякамъ, выразившееся, между прочимъ, въ томъ, что она обѣихъ дочерей своихъ выдала за поляковъ: графовъ Фредро и Потоцкаго. Французскимъ оттѣнкомъ отличался и домъ графа Строганова ²⁾. Графъ долго жилъ во Франціи и пристрастился къ ней. Въ его гостиной обычный разговоръ шель о Вольтерѣ и Дидро, о парижскихъ театрахъ, о цѣнныхъ картинахъ великихъ мастеровъ изъ его богатаго собранія, „и тутъ же—замѣчаетъ авторъ Записокъ— за громадный обѣденный столъ ежедневно садилась масса людей неприглашенныхъ, прислуживалъ рой рабовъ, и разстройство дѣлъ обличало сибирское происхожденіе богатствъ“.

Дипломатическою по преимуществу слыла гостиная княгини Вяземской ³⁾, вдовы генераль-прокурора. Изъ трехъ дочерей ея только одна была замужемъ за русскимъ, графомъ Д. А. Зубовымъ; обѣ же остальные вышли: первая—за неаполитанскаго посланника при нашемъ дворѣ, герцога Серра-Каприола, вторая — за посланника датскаго, барона Розенкранца.

Львами петербургскаго большого свѣта считались братья князя Голицыны ⁴⁾ и князь Барятинскій ⁵⁾, извѣстные своимъ колкимъ остроуміемъ, нерѣдко переходившимъ въ злословіе. Къ нимъ примыкалъ молодой дипломатъ Татищевъ ⁶⁾ и всѣ вмѣстѣ составляли такъ называемый „ареопагъ гостиныхъ“.

Свое описаніе высшаго столичнаго общества князь Адамъ сопровождаетъ замѣчаніемъ, что какъ оно ни было блестяще,

¹⁾ Графиня Варвара Николаевна, рожденная княжна Голицына, жена графа Н. Н. Головина, оберъ-шенка.

²⁾ Графъ Александръ Сергѣевичъ, оберъ-камергеръ.

³⁾ Княгиня Елена Никитишна, рожденная княжна Трубецкая.

⁴⁾ Князья Михаилъ и Александръ Николаевичи. Первый былъ впоследствии губернаторомъ въ Ярославль, второй — оберъ-прокуроромъ св. синода и министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

⁵⁾ Князь Иванъ Ивановичъ, впоследствии посланникъ въ Мюнхенъ.

⁶⁾ Дмитрій Павловичъ, впоследствии посоль въ Вѣнѣ и оберъ-камергеръ.

но все же являлось лишь отблескомъ двора. „Его можно было сравнить, „свидѣтельствуешь онъ“, съ преддверіемъ храма, въ которомъ всѣ присутствующіе устремляютъ взоры и слухъ лишь къ чтимому въ немъ божеству. Всякій разговоръ, можно сказать, всякая фраза, относились всегда къ придворнымъ новостямъ. Что тамъ сказали? Что сдѣлали? Какъ намѣрены поступить? Всякій жизненный импульсъ исходилъ отъ одного двора. Это, конечно, лишало общество самостоятельнаго значенія. Во всякомъ случаѣ, оно казалось оживленнымъ и довольнымъ“.

Императрица Екатерина II, по мнѣнію князя Адама, главная виновница гибели Польши, одно имя которой, какъ утверждаетъ онъ, всегда вызывало ненависть въ польскихъ сердцахъ, проклиналось ими,—та, которую столь строго и, прибавимъ мы, пристрастно судили внѣ Россіи, внутри ея, и въ частности въ столицѣ, сумѣла овладѣть безпредѣльными любовью и уваженіемъ своихъ служителей и подданныхъ. Чарторыйскій вынужденъ признать, что въ продолжительное ея царствованіе армія и правящіе классы прославились въ мірѣ, и что со дня ея воцаренія Россійская имперія обрѣла внутренній порядокъ и внѣшнее величіе. Русскіе до такой степени обожали свою государыню, что какъ бы не замѣчали ея слабостей. „Такъ“,—замѣчаетъ князь Адамъ,—„язычники почитали преступленія и пороки боговъ Олимпа и римскихъ цезарей“.

По увѣренію его, трудно было иностранцу, прибывшему въ Петербургъ, не подчиниться въ этомъ отношеніи вліянію мѣстныхъ впечатлѣній, даже предрассудковъ. По вступленіи въ придворную атмосферу, водоворотъ господствующихъ въ ней взглядовъ увлекалъ и его, и самъ онъ присоединялся къ хвалебному хору, постоянно раздававшемуся вокругъ престола. Въ доказательство князь приводитъ имена принца Лина, лорда С. Эленса, графовъ Сегюра и Шуазеля, обратившихся въ пламенныхъ почитателей и поклонниковъ Екатерины. Въ петербургскихъ гостиныхъ любили издѣваться и злословить надъ всѣмъ и всѣми, не уважая никого, кромѣ императрицы. На счетъ ея не раздавалось шутокъ или эпиграммъ. Лишь произносилось имя Екатерины, какъ всѣ принимали видъ серьез-

ный и почтительный. Никто никогда не смѣлъ вымолвить жалобы или упрека. Предъ велѣніями ея всѣ покорно склоняли головы, принимая ихъ какъ выраженіе воли Провидѣнія. Чарторыйскій сравниваетъ личный престижъ Екатерины съ тѣмъ, который окружалъ Лудовика XIV въ глазахъ его царедворцевъ, дворъ ея — съ византійскимъ, а почтеніе и любовь народа къ государынѣ — съ беззавѣтною преданностью англичанъ къ великой королевѣ своей Елисаветѣ.

Молодые князья не тотчасъ удостоились чести представленія императрицѣ. Имъ предстояло сначала снискать благорасположеніе и покровительство вліятельнѣйшаго изъ вельможъ того времени, графа П. А. Зубова. Благодаря рекомандательному письму Репнина къ брату фаворита, графу Валеріану Александровичу, они нашли легкой и скорый доступъ къ графу Платону. Являсь къ нему въ покои, занимаемые имъ въ Таврическомъ дворцѣ, они были приняты хотя и стоя, но ласково. Зубовъ сказалъ имъ, что сдѣлаетъ все отъ него зависящее, дабы быть имъ полезнымъ, но что рѣшеніе ихъ дѣла зависить отъ усмотрѣнія самой императрицы.

Съ этого дня Чарторыйскіе, понукаемые сопровождавшимъ ихъ Горскимъ, стали часто появляться на ежедневныхъ утреннихъ приѣмахъ фаворита, куда собиралось многое множество знатныхъ придворныхъ и должностныхъ лицъ, а также просителей всякаго рода. Прилегавшія ко дворцу улицы бывали запружены экипажами, запряженными цугомъ въ четыре и шесть лошадей. Самый приемъ происходилъ слѣдующимъ порядкомъ. Двери растворялись настезь и Зубовъ входилъ въ приемную медленнымъ шагомъ, въ халатѣ, надѣтомъ поверхъ исподняго платья. Легкимъ наклоненіемъ головы отвѣтивъ на низкіе поклоны царедворцевъ и челобитчиковъ, стоявшихъ полукругомъ на почтительномъ отъ него разстояніи, онъ садился за туалетный столъ. Камердинеры надѣвали ему парикъ и принимались посыпать пудрою. Въ комнатѣ царило глубокое молчаніе. Лишь изрѣдка фаворитъ подзывалъ къ себѣ кого-либо изъ присутствующихъ и обращался къ нему съ нѣсколькими вопросами. Секретарь подносилъ, между тѣмъ, бумаги къ подписи. По окончаніи туалета, Зубовъ надѣвалъ кафтанъ или мундиръ и тѣмъ же медленнымъ шагомъ возвращался во

внутренніе свои покои. Толпа тотчасъ же разѣзжалась¹⁾).

Возложивъ все упованіе на Зубова, Чарторыйскіе уже не считали нужнымъ являться къ прочимъ министрамъ. Но они часто встрѣчали ихъ въ свѣтѣ и князь Адамъ посвящаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ по нѣсколько строкъ въ своихъ Воспоминаніяхъ.

О Безбородкѣ онъ говоритъ, что, походя наружностью на медвѣдя, онъ обладалъ тонкимъ умомъ, яснымъ разсудкомъ и рѣдкою смѣтливостью. Крайне лѣнивый, предаваясь удовольствіямъ, онъ принимался за трудъ лишь при послѣдней крайности, но тогда работалъ безъ усталости и скоро. Императрица высоко цѣнила его и осыпала щедротами. Изъ всѣхъ министровъ онъ одинъ не угодничалъ предъ Зубовымъ и даже не знался съ нимъ. Всѣ удивлялись такой смѣлости, но никто ей не подражалъ.

Вице-канцлеръ графъ Остерманъ, по словамъ князя Адама, былъ высокъ ростомъ, худъ, блѣденъ, всегда одѣтъ по старинному, въ суконныхъ сапогахъ, въ кафтанѣ изъ темнаго сукна, съ большими золотыми пуговицами и съ широкимъ чернымъ галстукомъ вокругъ шеи. Онъ лишенъ былъ всякаго вліянія на дѣла и появлялся лишь на торжественныхъ обѣдахъ и при другихъ парадныхъ случаяхъ, какъ старшій представитель иностранной коллегіи. Въ совѣтѣ императрицы онъ одинъ высказался противъ раздѣла Польши, объясняя, что мѣра эта послужитъ лишь къ выгодѣ Австріи и Пруссіи. „Мнѣніе его не было уважено, пусть же за нимъ остается эта слава!“ восклицаетъ Чарторыйскій.

Князь Адамъ очень неуважительно отзывается о генералъ-прокурорѣ графѣ Самойловѣ, какъ о человѣкѣ столь же тщеславномъ и надменномъ, сколько и ограниченномъ. „Держа его на службѣ“, — утверждаетъ онъ, — „Екатерина хотѣла доказать міру, что даже съ министромъ-глупцомъ она умѣетъ управлять обширнѣйшею имперією“.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ весны дворъ переѣхалъ

¹⁾ Ср. почти тождественное описаніе утренняго пріема у Зубова въ письмѣ герцога Ришелье къ графу Разумовскому отъ 1-го (12-го) мая 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, LIV, стр. 211).

въ Царское Село. Въ Запискахъ своихъ Чарторыйскій увѣряетъ, что ему и брату пришлось дожидаться аудіенціи у императрицы нѣсколько мѣсяцевъ. Это не точно. Государыня приняла ихъ въ воскресенье, 20-го (31-го) мая, то есть менѣе трехъ недѣль по ихъ пріѣздѣ¹⁾.

Пріемъ имѣлъ происходить послѣ обѣдни, въ царскосельскомъ дворцѣ. Въ ожиданіи его, молодые князья посѣтили помѣщавшагося въ томъ же дворцѣ графа Браницкаго, бывшаго великаго короннаго гетмана и главу Тарговицкой конфедераціи. Этотъ главный виновникъ паденія Польши, взмеканный милостями Екатерины, по свидѣтельству князя Адама, въ душѣ ненавидѣлъ русскихъ и въ обществѣ соотечественниковъ смѣялся и издѣвался надъ нимъ. Съ поляками сохранялъ онъ и надменный тонъ польскаго вельможи, но въ присутствіи императрицы мгновенно преображался въ самаго льстиваго и угодливаго царедворца. Совѣтъ, преподанный имъ обоимъ юношамъ, выражался въ двухъ словахъ: терпѣніе и покорность. На вопросъ ихъ: слѣдуетъ ли имъ цѣловать руку государыни, онъ отвѣчалъ: „цѣлуйте куда ни прикажутъ, лишь бы она возвратила вамъ ваше состояніе“. Онъ же научилъ ихъ, какъ нужно склонять колѣна.

Особы, представлявшіяся ея величеству, были выстроены въ рядъ по пути ея изъ церкви въ аудіенцъ-залу. Представлять ихъ долженъ былъ оберъ-камергеръ П. П. Шуваловъ, послѣдній изъ представителей елисаветинскаго царствованія. Государыня вошла, предшествуемая придворнымъ штатомъ, окруженная членами императорской фамиліи. Когда она проходила мимо представлявшихся лицъ, тѣ преклоняли колѣна, а оберъ-камергеръ называлъ ихъ имена. Затѣмъ они стали полукругомъ и императрица начала обходить ихъ обращаясь къ каждому съ нѣсколькими словами.

„Екатерина“, — рассказываетъ князь Адамъ, — „была женщина уже пожилая, но еще моложавая на видъ, скорѣе малаго роста, чѣмъ большого, и весьма дородная. Движенія ея были медленны, все въ ней было строго и благородно, но то былъ потокъ, все увлекавшій по пути. Лицо ея уже въ мор-

¹⁾ День пріема точно устанавливается письмомъ князя Адама къ Реннину отъ 27 мая (7 іюня) 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 199).

щинахъ, но полное экспрессіи, выражало ея высокоуміе и духъ господства. На устахъ покоилась вѣчная улыбка, но для всякаго, помниваго ея поступки, это напускное спокойствіе прикрывало самыя дурныя страсти и волю непреклонную. Когда она подошла къ намъ, лицо ея просіяло и, взглянувъ на насъ мягкимъ своимъ взоромъ, столь часто восхиленнымъ, она обратилась къ намъ со слѣдующими словами: „Годы ваши напоминаютъ мнѣ возрастъ вашего отца, когда я увидѣла его въ первый разъ. Надѣюсь, что вамъ живется здѣсь хорошо“. Этихъ немногихъ словъ было достаточно, чтобы привлечь вокругъ насъ толпу царедворцевъ, которые начали намъ расточать увѣренія еще болѣе льстивыя, нежели тѣ, что расточали намъ прежде. Насъ пригласили занять мѣсто за столомъ, накрытымъ подъ колоннадою: то была величайшая почесть, такъ какъ къ этому столу приглашался лишь избранный кружокъ императрицы“.

Въ тотъ же день Чарторыйскіе имѣли честь представиться цесаревичу и цесаревнѣ, а равно и обоимъ молодымъ великимъ князьямъ.

Въ продолженіе всего лѣта, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, они пріѣзжали въ Царское Село, являлись во дворецъ и обыкновенно удостоивались приглашенія къ высочайшему столу. Въ хорошую погоду, послѣ обѣда, императрица, въ сопровожденіи блестящей и многочисленной свиты, прогуливалась по парку или садилась на скамью и любовалась на игры молодежи, въ коихъ принимали участіе ея внуки и внучки. Павелъ Петровичъ никогда не участвовалъ на гульни и прямо изъ-за стола уѣзжалъ въ Павловскъ. За то при этомъ случаѣ Чарторыйскіе имѣли возможность близко сойтись съ великими князьями Александромъ и Константиномъ, относившимися къ нимъ съ отмѣнною благосклонностью.

Все это, однако, не предрѣшало дѣла, бывшаго главною цѣлью пріѣзда ихъ въ Россію: снятія секвестра. Горскій требовалъ, чтобы они не прекращали своихъ посѣщеній у Зубовыхъ и другихъ вліятельныхъ лицъ. Удивительный человекъ былъ этотъ Горскій, типъ польскаго шляхтича конца прошлаго вѣка, нахлѣбника и прислужника знатной семьи: упрямый, но изворотливый, то назойливый и велерѣчивый, то льстивый и

подобострастный. По цѣлымъ днямъ заставлялъ онъ своихъ питомцевъ обивать пороги екатерининскихъ вельможъ. Вотъ какъ изображаетъ его самъ авторъ Записокъ:

„Онъ настойчиво совѣтовалъ намъ воспользоваться оказаннымъ намъ пріемомъ, дабы войти въ сношеніе съ лицами, кои могли окончательно возвратить намъ наше состояніе. Говоря по-французски, Горскій не отличался чистотою произношенія, но это его нисколько не смущало. Все, что онъ ни говорилъ и ни дѣлалъ, носило отпечатокъ лаконической точности и было ему къ лицу. Съ высоко-поднятою головою, съ гордостью въ походкѣ, съ голосомъ энергическимъ и краткимъ, но всегда замкнутый въ предѣлы пристойности: такова была его фигура. Несмотря на недостатокъ уваженія его къ лицамъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, ему удавалось расположить ихъ въ свою пользу, что, говоря между нами, казалось ему необыкновеннымъ и смѣшнымъ. Любя хорошо испить и повеселиться, онъ, такъ сказать, принуждалъ насъ посѣщать этотъ свѣтъ, отъ котораго удаляли насъ наши печали, быть можетъ, и нѣкоторая лѣнь. Онъ никогда не терялъ изъ виду цѣли путешествія, на которое мы рѣшились изъ самоотверженія, и никогда не пренебрегалъ никакимъ средствомъ, которое могло бы привести насъ въ успѣху. Онъ постоянно толкалъ насъ, чтобы мы дѣлали визиты, посѣщенія, внушавшія намъ отвращеніе. Словомъ, ему обязаны мы главнымъ образомъ тѣмъ, что успѣли и что средства, къ коимъ мы прибѣгали, были одобрены“.

Усердно продолжали молодые князья посѣщать въ Царскомъ Селѣ интимные вечера Платона Зубова, на которыхъ Константинъ Чарторыйскій, игравшій на скрипкѣ, принималъ участіе въ музыкальныхъ квартетахъ. Но дѣло ихъ не подвигалось. Однажды фаворитъ сказалъ имъ, что императрица намѣрена опредѣлить ихъ обоихъ въ гвардію. Въ началѣ іюля они были зачислены поручиками: Адамъ — въ лейбъ-гвардію Конный полкъ, Константинъ — въ Измайловскій.

„Хотя мы и были подготовлены къ этому удару“, — пишетъ князь Адамъ въ своей автобіографіи, — „но все же сердце наше жалось, когда къ намъ пришли съ оффиціальнымъ предложеніемъ. Не было возможности отступить. Къ тому же, коль скоро мы рѣшились отдать себя во власть русскихъ, намъ

было все равно, въ какой формѣ совершится жертва. Служба гражданская или военная, тотъ или другой чинъ, ко всему этому мы были совершенно равнодушны. Мы считали ниже нашего достоинства предлагать какую-либо сдѣлку, показать хотя бы малѣйшую заботу о полученіи высшаго положенія. Высшій или низшій чинъ былъ намъ одинаково невыносимъ. Разсуждать о нихъ, значило бы придавать имъ значеніе, а мы не признавали за ними никакого. Съ поникшею головою, настоящими жертвами, мы были готовы принять всякое предложеніе, не справляясь о томъ, что станетъ съ нами. Представьте себѣ путешественника, случайно перенесеннаго въ Японію, въ Борнео, въ Яву или въ область срединной Африки; развѣ онъ можетъ придавать малѣйшую важность формамъ, отличіямъ, почестямъ, принятымъ этими варварами? Совершенно то же происходило и съ нами. И мы также, въ нашей сферѣ, толкаемые несчастіемъ, не видя всюду ничего, кромѣ насилія и принужденія, предаваясь унынію, отвращенію, отчаянію, считали своимъ долгомъ не утверждать никакого выбора нашею волею: не стоило того!“

Выражаютъ ли приведенныя строки дѣйствительное настроеніе молодыхъ Чарторыйскихъ при вступленіи въ русскую военную службу? Въ этомъ позволительно усомниться, сличая ихъ съ тѣми письмами, которыя князь Адамъ писалъ изъ Петербурга покровителю своему, Репнину. Въ нихъ онъ разсыпался въ благодарности и отзывался въ самыхъ почтительныхъ и признательныхъ выраженіяхъ объ императрицѣ, о Зубовыхъ и другихъ вельможахъ екатерининскаго двора¹⁾. Если чувства эти были притворны, то надо сознаться, что они были искусно прикрыты личиною искренности. По крайней мѣрѣ Репнинъ принималъ ихъ на вѣру и былъ очень доволенъ оборотомъ дѣла. Въ отвѣтахъ своихъ князю Адаму онъ училъ его, какъ слѣдуетъ держаться при дворѣ, убѣждалъ хранить вѣрность новой государынѣ. „Дѣлайте“, — писалъ онъ, — „все, чтобы показать и доказать ваше усердіе. Увидѣвъ императрицу, вы найдете, что не можете сдѣлать лишняго. Помните, что вы оба — опора вашихъ родителей и покровители всей ва-

¹⁾ Князь Адамъ князю Репнину, 15 (26) мая, 27 мая (7 іюня) и 9 (20) іюня 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 193, 199 и 205).

шей семьи¹⁾. И въ другомъ письмѣ, писанномъ по полученіи извѣстія о состоявшемся представленіи князей государынѣ: „Я вамъ предсказывалъ, что, когда вы ее увидите, то всецѣло будете ей преданы“²⁾. На это письмо князь Адамъ отвѣчалъ: „Горячо желаю, князь, заслужить ваши благодѣянія и сдѣлаться достойнымъ ихъ неизмѣнною признательностью, вѣчною преданностью и безупречнымъ поведеніемъ. Цѣль эту я буду всегда имѣть въ виду и не буду счастливъ, доколѣ не достигну ея... Мы еще вчера были въ Царскомъ Селѣ и имѣли честь быть приглашенными къ столу императрицы. Совершенно справедливо, что, увидавъ только одинъ разъ эту великую государыню, невозможно не стать ей вполне преданнымъ“³⁾.

Въ не менѣе восторженныхъ выраженіяхъ благодарилъ Репнина и старый князь Адамъ-Казиміръ. Вотъ образецъ его изліяній: „Сыновья извѣщаютъ меня, что они видятъ вашу руку во всемъ, что ваша доброта проявляется даже въ мелочахъ. При этомъ говорятъ, что въ домѣ князя Куракина къ нимъ отнеслись съ величайшею задушевностью; что они были очарованы пріемомъ, коимъ удостоила ихъ ея величество, что не могутъ нахвалиться графомъ Платономъ Зубовымъ, равно какъ и графомъ Валеріаномъ. Однимъ словомъ, я желаю, чтобы имъ удалось на столько же понравиться, на сколько сами они тронуты и довольны вниманіемъ, оказываемымъ имъ въ той странѣ, гдѣ ваша дружба служить для нихъ источникомъ всѣхъ радостей“⁴⁾. Такія же чувства признательности выразилъ князь Адамъ-Казиміръ и въ благодарственныхъ письмахъ къ графамъ Платону и Валеріану Зубовымъ⁵⁾.

Намъ показалось любопытнымъ сопоставить свидѣтельство приведенныхъ выше документовъ съ противорѣчивыми утвержденіями Записокъ князя Адама. Въ частности, по вопросу

¹⁾ Князь Репнинъ князю Адаму, 2 (13) іюня 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 203).

²⁾ Тотъ же—тому же, 17 (28) іюня 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 214).

³⁾ Князь Адамъ князю Репнину, 26 августа (6 сентября) 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 283).

⁴⁾ Князь Адамъ-Казиміръ Чаргорійскій князю Репнину, 26 іюня (7 іюля) 1795 г. (тотъ же Сборникъ XVI, стр. 230).

⁵⁾ Тотъ же—тому же, 13 (25) іюля 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 250).

объ опредѣленіи его и его брата на службу, онъ въ перепискѣ съ Репнинымъ далекъ отъ презрительнаго равнодушія, которымъ рисуется въ Воспоминаніяхъ. Вотъ извѣстительное письмо его: „Спѣшу сообщить вамъ новость, которая по участию вашего сіятельства въ дѣлахъ моихъ родителей и добротѣ, съ которою вы къ намъ относитесь, не можетъ не доставить вамъ удовольствія. Ея величество всемилостивѣйше пожаловала насъ поручиками своей гвардіи. Уже въ прошлое воскресенье мы, въ полной формѣ, благодарили ея величество въ Царскомъ Селѣ. Въ тотъ же день мы имѣли честь быть допущенными къ столу императрицы и остаться вечеромъ на балѣ. Графы Зубовы до сихъ поръ продолжаютъ съ безконечною добротою заботиться о насъ. Графъ Валеріанъ былъ до того добръ, что далъ намъ все нужное, дабы явиться на другой же день ко двору, въ полной формѣ. Благодаря его заботливости, мы снарядились въ одинъ вечеръ. Я состою въ Конногвардейскомъ полку, а братъ мой—въ Измайловскомъ. Онъ пользуется счастіемъ имѣть васъ, князь, своимъ подполковникомъ, а графа Валеріана—маіоромъ. Хотя мы обязаны безконечною признательностью лицамъ, осыпавшимъ насъ здѣсь такими милостями, но все же мы прежде всего обязаны ими вашему сіятельству, какъ первому виновнику всякаго возможнаго благополучія для насъ и нашихъ родителей“¹).

Репнинъ былъ въ восторгѣ. Поздравивъ своихъ новыхъ „сослуживцевъ“, онъ приглашалъ ихъ быть благодарными императрицѣ и благодѣтелямъ ихъ Зубовымъ, выражая надежду, что вскорѣ дѣла ихъ устроятся къ полному ихъ удовольствію²). Онъ заранѣе былъ предупрежденъ о намѣреніи государыни возвратитъ молодымъ Чарторыйскимъ имѣнія ихъ родителей и тотчасъ же извѣстилъ о томъ князя Адама-Казимира³). Самое возвращеніе состоялось въ концѣ августа.

¹) Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 297. Напрасно только ученый редакторъ этого тома Н. И. Костомаровъ отнесъ это письмо къ сентябрю. Изъ отвѣта Репнина, отъ 28 іюля (8 августа), явствуетъ, что оно писано въ началѣ іюля.

²) Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 294. И это письмо ошибочно отнесено къ сентябрю, тогда какъ изъ него же явствуетъ, что писано оно 31 августа (10 сентября) 1795 г.

³) Князь Репнинъ князю Адаму-Казимиру Чарторыйскому 3 (14) іюля 1795 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 237).

Изъ секвестрованныхъ имуществъ „фамиліи“ только два старства съ 3,300 душами въ Подоліи были пожалованы члену иностранной коллегіи А. И. Маркову¹⁾. Всѣ остальные помѣстья, съ приписанными къ нимъ 42,000 душами императрица возвратила не князю Адаму-Казимиру, а обоимъ сыновьямъ его, офицерамъ своей гвардіи, присягнувшимъ ей на вѣрную службу и подданство. И этотъ великодушный поступокъ старшій изъ нихъ не стыдится назвать „беззаконіемъ“ (такова польская признательность!), тѣмъ болѣе, что царскій указъ не упомянулъ-де вовсе о его сестрахъ. „Но этотъ актъ произвола“, — читаемъ въ Запискахъ, — „незаконный, всегда считался въ семьѣ моей какъ бы несостоявшимся. Онъ остался безъ послѣдствій по отношенію къ участи моихъ сестеръ, тѣмъ паче моихъ родителей. И такъ, въ сущности, то было дѣйствительное возвращеніе. Мы только вынуждены были выслать отцу полную довѣренность, дабы поставить его въ возможность распоряжаться собственнымъ своимъ состояніемъ“.

Поучительное признаніе. Оно ясно показываетъ, сколь недостаточнымъ ручательствомъ служить для государственныхъ пользъ даже принятіе вѣрноподданнической присяги родовитыми чужеземцами, владѣющими недвижимою собственностью въ нашихъ предѣлахъ. Искренно желаемъ, да послужитъ приводимый нами примѣръ добродушной довѣрчивости, столь дорого обошедшійся Россіи, предостереженіемъ отъ подобныхъ же негласныхъ семейныхъ сдѣлокъ, какъ средства обхода въ нашей западной окраинѣ новоизданнаго закона 14 марта 1887 года.

Облекшись въ гвардейскій мундиръ, молодые Чавторыйскіе продолжали прежнюю веселую жизнь и при дворѣ, и въ обществѣ. Служба въ гвардіи въ тѣ времена не отличалась строгостью. Въ цѣлое полугодіе каждому изъ нихъ пришлось занимать караулъ во дворцѣ всего по одному разу. Императрица попрежнему привѣтливо обходилась съ ними и, замѣтивъ князя Константина во главѣ ночного дворцоваго караула, любезно сказала ему, что будетъ спать спокойно подъ его охраной.

¹⁾ См. архивъ кн. Воронцова, XIII, стр. 354.

Такимъ образомъ у молодыхъ людей было достаточно свободнаго времени. Часть его они посвящали общенію со своими соотечественниками. Поляковъ было не мало въ Петербургѣ. Они раздѣлялись на двѣ категоріи: сторонниковъ Россіи, прибывшихъ въ русскую столицу за полученіемъ наградъ и вспомоществованій, и патріотовъ, дѣятелей конституціи 1791 года и послѣдовавшаго за вторымъ раздѣломъ возстанія, содержавшихся подъ стражею. Нечего и говорить, что сочувствіе Чарторыйскихъ было на сторонѣ послѣднихъ. Они успѣли раззнать, что Нѣмцевичъ, Конопка и Кишинскій были заключены въ Петропавловскую крѣпость, Костюшко же недавно выведенъ оттуда и водворенъ въ отдѣльномъ домѣ, подъ строгимъ надзоромъ приставленнаго къ нему офицера. Потоцкій, Закржевскій, Матовскій и Сокольницкій содержались въ другомъ домѣ, на Литейной. „Не имѣя возможности сдѣлать что-нибудь для нихъ, мы любили“, — признается князь Адамъ, — „по крайней мѣрѣ, часто прогуливаясь по этой улицѣ, въ экипажѣ или пѣшкомъ, въ надеждѣ взглянуть на нихъ. Иногда намъ въ самомъ дѣлѣ удавалось увидать мелькающія ихъ тѣни; но они, вѣроятно, ни разу насъ не замѣтили, такъ какъ домъ крѣпко сторожили внутри и снаружи. Все же сердце сильно билось каждый разъ, какъ мы поднимали взоры къ окнамъ, за коими заточены были лица, хотя и незнакомыя намъ, молодымъ людямъ, за исключеніемъ, впрочемъ, одного маршала Потоцкаго, но которыя своими великими подвигами, искупаемыми уже страданіями, стали дороги всякому доброму поляку“. При всемъ томъ, Чарторыйскіе поддерживали наилучшія отношенія и съ поляками другого лагеря, напримѣръ съ гетманомъ Браницкимъ, съ офицерами Комаромъ и Порадовскимъ, хотя объ этихъ послѣднихъ менторъ Горскій никогда не отзывался при своихъ питомцахъ иначе, какъ осыпая ихъ самыми грубыми ругательствами.

Въ другомъ мѣстѣ Записокъ читаемъ: „Тяжелы были намъ печальная и постоянная необходимость таить наши чувства и страданія, скрывать нашъ образъ мыслей, невозможность громко исповѣдывать себя. Что до меня касается, то это самымъ губительнымъ образомъ повліяло на мой характеръ и умственныя способности. Запретъ, наложенный на мою откровенность, сдѣ-

далъ меня мрачнымъ и не въ мѣру молчаливымъ, заключеннымъ въ самого себя и сообщительнымъ почти только съ самимъ собою. Быть можетъ, я уже по природѣ своей былъ предрасположенъ къ этому недостатку. Болѣе счастливыя обстоятельства могли бы уничтожить или уменьшить его; обстоятельства превратныя его усилили. Я сталъ слишкомъ остороженъ, слишкомъ внимателенъ, чтобы высказать мнѣніе, вымолвить слово, не взвѣсивъ его. Во всю жизнь мою я не могъ совладать съ этою наклонностью духа, навязанною мнѣ въ молодости несчастными обстоятельствами“.

Русскія довѣрчивость и добродушіе легко вдалились въ обманъ. Но поляки умѣли распознать подъ притворными холодностью и равнодушіемъ князя Адама его неизмѣнное патріотическое одушевленіе. И вотъ, осенью 1795 года, княгиня Чарторыйская получаетъ въ Вѣнѣ по почтѣ анонимное письмо. Оно было на французскомъ языкѣ. Въ немъ сообщалось объ успѣхахъ сыновей ея при дворѣ Екатерины и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, но присовокуплялось также, что, несмотря на всѣ излитія на нихъ милости, они въ душѣ остаются польскими патріотами и ненавидятъ русскихъ, какъ заклятыхъ враговъ своей родины. Сообщение это не только не обрадовало „матку ойчизны“, но страшно перепугало. Князь Адамъ-Казиміръ поспѣшилъ довести о немъ до свѣдѣнія друга Репнина, выражая подозрѣніе, что письмо имѣло цѣлью погубить дѣтей его. Репнинъ отослалъ письмо къ Зубову, прося его защитить „невинныхъ юношей отъ жестокой клеветы“. Княгиню Изабеллу онъ утѣшилъ выраженіемъ увѣренности, что „черное коварство“ останется безъ неблагоприятныхъ послѣдствій, а князя Адама предупредилъ, дабы онъ и братъ его были впредь осторожнѣе и сдержаннѣе въ своихъ знакомствахъ. Адамъ также былъ возмущенъ нескромностью непрошеннаго корреспондента княгини. Онъ усмотрѣлъ въ поступкѣ его злоумышленіе, подобное тому, которымъ выдуманъ былъ мнимый обѣтъ, потребованный отъ него и брата матерью въ ненависти къ русскимъ, „какъ будто, — замѣчаетъ онъ мимохо-

*) Князь Репнинъ княгинѣ Чарторыйской 17 (28) 1795 г. ноября (Сборникъ П. Р. И. О., XVI, стр. 327).

домъ,—была надобность въ торжественной клятвѣ, чтобы внушить намъ вѣчную вражду къ нашимъ врагамъ“.

Случай съ мнимымъ письмомъ послужилъ молодымъ князьямъ въ пользу. Благодаря представительству Зубова, ихъ не только не потревожили, но въ новый 1796 годъ оба они были пожалованы въ камеръ-юнкеры высочайшаго двора. Въ то время преимущества, связанные съ этимъ достоинствомъ, были очень велики. Камеръ-юнкерское званіе равнялось чину бригадира арміи или статскаго совѣтника. Лицо, облеченное имъ, освобождалось отъ всякой службы, кромѣ придворной. Оно получало право входа за кавалергардовъ, другими словами, участія во всѣхъ дворцовыхъ торжествахъ и празднествахъ.

Вскорѣ послѣ того отпраздновано было при дворѣ бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича съ принцессою Юліею Саксенъ-Кобургскою, нареченною во святомъ муропомазаніи великою княгинею Анною Теодоровною. Братья Чарторыйскіе присутствовали при всѣхъ церемоніяхъ придворныхъ и церковныхъ. Странное впечатлѣніе производитъ сужденіе, высказанное княземъ Адамомъ объ исконной вѣрѣ своихъ предковъ и обрядахъ православной церкви, коихъ ему впервые пришлось быть свидѣтелемъ. „Взирая на епископовъ и поповъ“, — разсуждаетъ онъ, — „которые всѣ носятъ бороду, невольно воспоминаешь первосвященниковъ древности. Въ этомъ исповѣданіи все разчитано на внѣшнюю пышность, дѣйствующую на чувственность. Внутренній культъ, порывъ души къ Создателю, требующій спокойствія и набожности — въ немъ невозможны. Каеэдръ ничтожны. Я никогда не слыхалъ ни при дворѣ, ни въ другомъ мѣстѣ хорошей проповѣди. Таковыя произносятся лишь въ дни большихъ торжествъ. Проповѣдники, по привычкѣ и по обязанности, заимствуютъ много изъ языка и слога первобытной славянской церкви, что обращаетъ ихъ краснорѣчіе въ утонченное, изысканное, отнюдь не въ убѣдительное, поучительное. Сверхъ того, пѣніе и обряды наполняютъ все время въ ущербъ поученію. Это театральное представленіе, списанное съ языческаго образца. Чаши, несомыя на головѣ, врата святилища то отверстыя, то закрытыя, преклоненіе предъ иконами, украшенія, вѣчно движущіяся кадила, — все это постоянно напоминаетъ жертвоприношенія язы-

чества. Напрасно стали бы искать въ нихъ простоты и назидательности, которыя пытается усвоить протестанство, или набожности и нѣжныхъ порывовъ католичества. Зависитъ это отъ того, что послѣднія носятъ на себѣ отпечатокъ образованности, тогда какъ греческое исповѣданіе — вполнѣ азіатское и варварское!“

Но не одни церковные обряды наполняли придворную жизнь. Императрица любила устраивать зимою катанья въ саняхъ или съ ледяныхъ горъ, возведенныхъ въ Таврическомъ саду. По вечерамъ дворъ собирался въ Зимнемъ дворцѣ, въ такъ называемой Бриллиантовой комнатѣ, смежной съ одной стороны съ внутренними покоями государыни, съ другой — съ парадными залами. Екатерина садилась играть въ карты. Партію ея обыкновенно составляли Зубовъ и два другіе знатные вельможи. Она никогда не оставалась до ужина и удалялась въ свои покои по окончаніи игры. Два раза въ недѣлю давались въ театрѣ Эрмитажа представленія французской комедіи и итальянской оперы. „Я и теперь вижу партеръ“, — вспоминаетъ князь Адамъ, — „какимъ онъ представлялся въ то время. Насупротивъ сцены императрица, по дородности своей, занимала двойное мѣсто. Возлѣ нея графъ Кобенцель, съ косыми глазами, плѣшивымъ лбомъ и покрытый толстымъ слоемъ пудры, поддакивалъ всякому слову своей собесѣдницы. Кругомъ, съ обѣихъ сторонъ, императорская фамилія, все свѣжія и красивыя лица, за исключеніемъ великаго князя Константина, потомъ все общество, расположенное амфитеатромъ. Представленія состояли изъ лучшихъ оперъ, многія мѣста изъ которыхъ долго еще звучали въ моихъ ушахъ. Кромѣ того, Эрмитажъ былъ наполненъ превосходными картинами“.

Послѣдній годъ жизни Екатерины принадлежалъ къ счастливѣйшимъ всего ея царствованія, что и вызываетъ у Чарторыйскаго слѣдующее невольное признаніе: „Все улыбалось ей. Дѣла злополучной Польши были окончены согласно ея волѣ; король Прусскій, повинувся ея призыванію, уступалъ Краковъ Австріи; всѣ монархи преклонялись у ногъ ея, одобряя, льстя всѣмъ ея желаніямъ. Все потому, что Англія и Австрія искали заручиться ея дѣятельною помощью противъ Франціи. Неаполь, Римъ, Сардинія стремились къ той же цѣли, трепеща предъ

республиканцами. Король Прусскій старался не перечить ей ни въ чемъ. Между тѣмъ Екатерина, посылая самыя грозныя ноты по адресу революціи и французской республики, взирала на перемѣнчивость счастья своихъ союзниковъ и воздерживалась отъ вмѣшательства своими войсками. И пока другіе источали силы въ кровопролитной войнѣ, она дважды постыдно (sic) овладѣвала Польшею и раздавала ея обломки. Она господствовала надъ всѣмъ Сѣверомъ, приводила въ трепетъ турокъ и, гордясь всеобщою покорностью, наслаждаясь внутреннимъ спокойствіемъ, посылала въ Персію войска свои, предводимыя Валеріаномъ Зубовымъ, — до того женскій инстинктъ былъ у нея въ тѣсной связи съ мужественными, можно даже сказать макиавелическими предпріятіями ея политики“.

Черныя точки на горизонтѣ Екатерины были однѣ только побѣды генерала Бонапарта надъ австрійцами въ Италіи. Въ полякахъ онѣ возбуждали самыя радужныя надежды. Въ разговорахъ между собою Чарторыйскіе обозначали французскаго полководца условнымъ названіемъ *друга*, видя уже въ немъ будущаго возстановителя польской независимости. Но надежды эти еще были далеки отъ осуществленія. А между тѣмъ, пребываніе при Русскомъ дворѣ съ каждымъ днемъ становилось тягостнѣе князю Адаму и онъ измышлялъ всевозможныя предлоги, чтобы удалиться изъ Петербурга. Такъ, онъ вздумалъ было проситься въ Персидскій походъ, подъ начальство Валеріана Зубова. Репнинъ, повидимому, одобрялъ это намѣреніе, находя, что оно произведетъ прекрасное впечатлѣніе на императрицу, особенно потому, что пришло оно въ голову „мыслителю“ Адаму, а не „вѣтреннику“ Константину¹⁾. Но оно почему-то не осуществилось, а князь Адамъ заявилъ желаніе исходатайствовать себѣ и брату продолжительный отпускъ для посѣщенія родителей въ Вѣнѣ и для путешествія по Италіи. Съ этимъ не согласился Репнинъ. Онъ поставилъ на видъ своему юному другу, что ему нужно сродниться съ новымъ отечествомъ прежде, чѣмъ думать о дальнихъ странствованіяхъ,

¹⁾ Князь Репнинъ князю Адаму-Казимиру Чарторыйскому 8 (19) марта 1796 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 406).

а потому и совѣтоваль, отказавшись отъ итальянской поѣздки, удовольствоваться краткимъ отпускомъ для свиданія съ родными¹⁾.

Однако, князь Адамъ предпочелъ просто остаться въ Петербургѣ. Въ июнѣ онъ писалъ оттуда Репнину: „Считаю долгомъ отдать вамъ отчетъ въ моихъ успѣхахъ въ русскомъ языкѣ. Такъ какъ у меня нѣтъ случая говорить на немъ, потому что въ обществѣ употребляется только языкъ французскій, то мнѣ трудно выражаться по-русски, но я понимаю все, что читаю и что мнѣ говорятъ“²⁾.

Рѣшимость не удаляться отъ двора и даже занятія русскимъ языкомъ указываютъ на внезапную и крутую переменъ, совершившуюся вскорѣ въ судьбѣ князя Адама Чарторыйскаго.

IV.

Оближеніе съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

Весною 1796 года дворъ, согласно обычаю, усвоенному Екатериною въ послѣдніе годы ея жизни, переѣхалъ въ Таврическій дворецъ.

Столѣтіе тому назадъ, какъ и въ наши дни, набережная Невы служила любимымъ мѣстомъ весенней прогулки для высшего столичнаго общества. Въ толпѣ гуляющихъ нерѣдко прохаживался и великій князь Александръ Павловичъ, то одинъ, то съ молодою супругою. Встрѣчаясь съ братьями Чарторыйскими, его высочество обыкновенно останавливался и удостоивалъ ихъ нѣсколькихъ пріятливыхъ словъ.

Однажды, на одной изъ такихъ прогулокъ, Александръ, подойдя къ князю Адаму, выразилъ ему сожалѣніе, что со времени переѣзда въ Таврическій дворецъ лишень удовольствія видѣть его столь же часто, какъ прошлою зимою. Онъ предложилъ зайти къ нему надняхъ и вмѣстѣ погулять по роскошному саду, съ которымъ онъ желалъ бы его познать. Князь Адамъ не замедлил воспользоваться пригла-

¹⁾ Князь Репнинъ князю Адаму, 15 (26) марта 1796 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 409).

²⁾ Князь Адамъ князю Репнину 20 іюня (1 іюля) 1796 г. (Тотъ же Сборникъ, XVI, стр. 463).

шеніемъ и явился къ великому князю. Тотъ, взявъ его за руку, тотчасъ же увелъ въ садъ. Оба исходили его во всѣхъ направленіяхъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ. Во все это время не умолкала между ними оживленная бесѣда.

Къ величайшему изумленію своего гостя, Александръ признался, что поведеніемъ своимъ братья Чарторыйскіе снискали его сочувствіе и уваженіе. Великому князю нравилась проявленная ими покорность, а также спокойствіе и равнодушіе, съ которыми они принимали выпадавшія имъ на долю отличія, какъ бы не признавая за ними никакой цѣны. Онъ говорилъ, что угадываетъ и раздѣляетъ ихъ чувства, что давно хотѣлъ имъ открыться и не можетъ долѣе выносить мысли, что они считаютъ его не такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Развивая мысль свою, Александръ утверждалъ, что расхочется во взглядахъ съ императрицею и дворомъ ея, не одобряетъ ея политики; что основныя начала ея кажутся ему заслуживающими порицанія; что въ послѣдней борьбѣ сочувствіе его было на сторонѣ несчастной Польши, гибель которой онъ оплакиваетъ; что въ глазахъ его Костюшко — великій человѣкъ; что онъ ненавидитъ деспотизмъ; что любитъ свободу, и хотя порицаетъ жестокія крайности французской революціи, но все-таки желаетъ успѣховъ республикѣ. Съ глубокимъ уваженіемъ отзывался онъ о своемъ воспитателѣ, Лагарпѣ, называя его человѣкомъ добродѣтельнымъ, мудрымъ, самыхъ строгихъ правилъ и энергическаго характера. Ему обязанъ онъ всѣмъ, что есть въ немъ добраго, знаніемъ своимъ, въ особенности же началами правды и справедливости, вложенными въ душу наставникомъ и которыя никогда не изгладятся изъ нея.

Гуляя по тѣнистымъ аллеямъ Таврическаго сада, — весна уже была въ полномъ расцвѣтѣ, — молодые люди не разъ встрѣчали также прогуливавшуюся великую княгиню Елисавету Алексѣевну. Александръ замѣтилъ по этому поводу, что жена его посвящена во всѣ тайны и пребываетъ съ нимъ въ полномъ единомысліи, но что кромѣ нея, со времени отъѣзда Лагарпа, князь Адамъ единственный человѣкъ, которому онъ посмѣлъ открыться. Никто-де въ Россіи не въ состояніи ни раздѣлить, ни даже понять его мнѣній; тѣмъ пріятнѣе было ему обрѣсти друга, съ которымъ онъ можетъ отнынѣ отвести душу

и бесѣдовать съ полною откровенностью. На увѣреніе въ дружбу Чарторыйскій отвѣчалъ выраженіемъ удивленія, глубочайшей признательности и преданности. Великій князь отпустилъ его, сказавъ, что постарается видѣться съ нимъ какъ можно чаще, совѣтывалъ быть крайне осторожнымъ и свято хранить тайну. Впрочемъ, онъ дозволилъ ему довѣрить ее брату.

„Я ушелъ“, — рассказываетъ князь Адамъ въ своихъ Запискахъ, — „виѣ себя, глубоко растроганный, не зная — сонъ это или дѣйствительность? Возможно ли? Русскій великій князь, преемникъ Екатерины, внукъ ея и возлюбленный ученикъ, тотъ самый, котораго она желала, устранивъ своего сына, возвести на престолъ послѣ себя, о которомъ говорили, что онъ явится продолжателемъ Екатерины, онъ отвергаетъ и ненавидитъ принципы своей бабки, страстно любитъ справедливость, свободу, соболѣзнуетъ Польшѣ, желаетъ видѣть ее счастливою! Развѣ это не чудо?“

„Я былъ молодъ“, — продолжаетъ, какъ бы извиняясь, князь Адамъ, — „исполненъ эзальтированныхъ мыслей и чувствъ. Вещи чрезвычайныя недолго изумляли меня. Я охотно вѣрилъ тому, что казалось мнѣ великимъ и добродѣтельнымъ. Я поддался очарованію, легко объяснимому. Въ словахъ и манерахъ молодого великаго князя было столько простоты, невинности, рѣшимости, казавшейся непоколебимою, самозабвенія и великодушія, что онъ представился мнѣ существомъ привилегированнымъ, ниспосланнымъ на землю самимъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и своей родины. Я исполнился къ нему безпредѣльной привязанности и чувство, внушенное имъ мнѣ въ эту минуту, продолжало жить даже и тогда, когда его иллюзіи исчезли одна за другою“.

Князь Адамъ успѣшилъ сообщить брату своему Константину о неожиданномъ происшествіи, открывавшемъ имъ въ будущемъ самыя радужныя надежды. Оба они, подобно великому князю Александру Павловичу, получили чисто французское воспитаніе, въ духѣ гуманитарной философіи XVIII вѣка. Либеральный образъ мыслей старшаго внука Екатерины приходился имъ какъ нельзя болѣе по сердцу, но въ особенности прельщало ихъ выраженное имъ сочувствіе къ Польшѣ. Прошло нѣсколько дней, въ продолженіе коихъ Чарторыйскіе не

имѣли случая бесѣдовать съ великимъ княземъ наединѣ, но при каждой встрѣчѣ они обмѣнивались съ нимъ дружественными словами и даже условными знаками.

Съ наступленіемъ лѣта дворъ перебрался въ Царское Село, гдѣ, исполняя желаніе Александра, поселились на дачѣ и Чарторыйскіе. Тамъ они имѣли полную возможность видѣться съ нимъ едва ли не ежедневно на устраиваемыхъ для развлечения императрицы гуляньяхъ и играхъ, независимо отъ обычныхъ пріемовъ во дворцѣ. Вотъ какъ вспоминаетъ объ этомъ времени князь Адамъ: „Отношенія наши къ великому князю были привлекательны и не могли не внушать намъ живѣйшаго интереса: то былъ родъ франмасонства, коего не была чужда и великая княгиня. Интимность, недавняя цѣль которой всегда страстно обсуждалась, вызывала на бесѣды, никогда не прекращавшіяся безъ обѣщанія возобновить ихъ. То, что въ политическихъ мнѣніяхъ показалось бы нынѣ пустою болтовнею и общими мѣстами, тогда являлось занимательною новизною, и тайна, которую необходимо было соблюдать при мысли, что дѣло происходитъ на виду у двора, тайна эта придавала интересъ и пикантность этимъ отношеніямъ, которыя съ каждымъ днемъ становились все болѣе частыми и близкими“.

Отъ пронизательнаго взора Екатерины не могло укрыться сближеніе любимаго ея внука съ представителемъ при дворѣ ея знатнѣйшей изъ польскихъ фамилій, но, разумѣется, ей и въ голову не приходили ни поводъ этого сближенія, ни его послѣдствія. Она, повидимому, одобряла дружбу, установившюся между Александромъ и княземъ Адамомъ, вслѣдствіе чего великій князь Константинъ Павловичъ, желая угодить бабушкѣ, въ свою очередь сталъ сближаться съ соименнымъ ему младшимъ Чарторыйскимъ. Своенравіе и вспыльчивость второго внука императрицы сулили мало утѣхи князю Константину, но Александръ Павловичъ упросилъ послѣдняго идти навстрѣчу брату, хотя и было рѣшено не посвящать его въ тайну общихъ мечтаній. При дворѣ скоро свыклись съ близкими отношеніями молодыхъ великихъ князей съ Чарторыйскими и не подозрѣвали въ нихъ ничего дурного. Одинъ только зор-

кій глазъ Ростопчина какъ бы провидѣль, что отъ дружбы съ поляками не будетъ проку¹⁾).

Лѣтомъ 1796 года Александръ переѣхалъ изъ большого Царскосельскаго дворца въ другой, вновь построенный для него императрицею и названный его именемъ. Съ этой минуты онъ могъ свободно принимать друзей своихъ, Чарторыйскихъ, у себя, часто оставляя обѣдать то того изъ нихъ, то другого, и почти каждый день приглашая ихъ къ ужину. По утрамъ молодые люди совершали продолжительныя прогулки по парку, по близкимъ и дальнимъ окрестностямъ Царскаго Села, прогулки, во время которыхъ и велись между ними самыя оживленныя толки и разговоры. Въ высшей степени любопытно свидѣтельство князя Адама о тогдашнемъ настроеніи его августѣйшаго друга.

„Великій князь, — пишетъ онъ, — „находился подъ очарованіемъ едва начинающейся юности, любящей создавать себѣ представленія и останавливаться на нихъ, не стѣсняясь предѣлами возможнаго и строящей безпредѣльныя планы въ виду будущаго, являющагося ей безконечнымъ. Онъ исповѣдовалъ мнѣнія послѣдователя идей 1789 года, желающаго видѣть республики повсюду и считающаго этотъ образъ правленія единственнымъ, соотвѣтствующимъ волѣ и правамъ челоуѣчества. Несмотря на то, что и самъ я былъ тогда до крайности экзальтированъ, что родился я и воспитался въ республикѣ, среди которой принципы французской революціи нашли восторженный откликъ, въ бесѣдахъ нашихъ я являлся челоуѣкомъ разсудительнымъ, умѣрившимъ крайнія мнѣнія великаго князя“.

Князю Адаму приходилось спорить съ Александромъ доказывать ему, что онъ слишкомъ увлекается. „Иногда, во время дальнихъ прогулокъ“, — продолжаетъ Чарторыйскій, — „разговоръ обращался и на иные предметы. Темою для него служила уже не политика, а природа. Молодой великій князь восторгался ея красотами. Нужно было имѣть особенное предрасположеніе къ наслажденіямъ подобнаго рода, чтобы вкушать ихъ въ мѣстности, по которой мы гуляли; но такъ какъ въ мірѣ все относительно, то и великій князь приходилъ въ

¹⁾ Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову, 5 (16) ноября 1796 г. („Архивъ князя Воронцова“, VIII, стр. 155).

восторгъ отъ цвѣтка, отъ зелени деревь, отъ мало-мальски широкаго вида, открывавшагося съ небольшою возвышенности, потому что нѣтъ ничего менѣ живописнаго, болѣ некрасиваго окрестностей Петербурга. Александръ любилъ сады, видъ деревни; любилъ онъ и земледѣльцевъ, и сельскую красоту крестьянокъ. Деревенскія занятія и работы, простой, спокойный и одинокій образъ жизни въ какой-нибудь красивой фермѣ, гдѣ-нибудь въ живописной глуши,—таковъ былъ романъ, который хотѣлось бы ему осуществить и къ которому онъ постоянно возвращался со вздохомъ“.

Такъ повѣствуетъ князь Адамъ Чарторыйскій, и русскій изслѣдователь вынужденъ признать, что разсказъ его вполне согласенъ съ истинною. Александру было въ то время восемнадцать лѣтъ, и не подлежитъ сомнѣнiю, что въ эту пору своей жизни онъ придерживался самыхъ крайнихъ и мечтательныхъ возрѣнiй въ политикѣ, навѣянныхъ на него воспитателемъ его, Лагарпомъ, гражданиномъ Швейцарской республики, ревностнымъ почитателемъ и убѣжденнымъ послѣдователемъ общественнаго движенiя, которое вызвало во Францiи революцiю 1789 года. Въ этомъ отношенiи Записки Чарторыйскаго не сообщаютъ ничего новаго, хотя и представляютъ событiя въ яркомъ освѣщенiи личныхъ впечатлѣнiй и воспоминанiй. Въ какой степени Александръ подчинялся нравственному влiянiю своего наставника даже по удаленiи его изъ Россiи въ 1795 году, явствуетъ изъ тайной его переписки съ нимъ, производившейся большею частью чрезъ посредство маркграфини Баденской, матери великой княгини Елисаветы Алексѣевны. Въ письмахъ великаго князя къ Лагарпу мы находимъ почти тѣ же признанiя, что были сдѣланы имъ Чарторыйскому. Такъ, онъ пишетъ наставнику, всего за два мѣсяца до первой прогулки съ княземъ Адамомъ по Таврическому саду: „Дорогой другъ, какъ часто я вспоминаю о васъ и обо всемъ, что вы мнѣ говорили, когда мы были вмѣстѣ! Но это не могло измѣнить принятаго мною намѣренiя отдѣлаться со временемъ отъ моего бремени. Оно день-ото-дня становится мнѣ все болѣ невыносимымъ по всему, что я вижу вокругъ себя. Непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка! Это ужасно... Я хотя и

военный, но жажду лишь мира и спокойствія, и охотно уступлю свое званіе за ферму возлѣ вашей или, по крайней мѣрѣ, по близости. Жена моя раздѣляетъ мои чувства и я въ восторгѣ, видя, что она держится моихъ правилъ“¹⁾.

Вліяніе, прибрѣтенное Лагарпомъ на своего царственнаго питомца, становится вполне понятнымъ, если взять въ соображеніе, что изъ всѣхъ лицъ, причастныхъ къ воспитанію великаго князя, иноземецъ этотъ одинъ внушалъ ему безусловное уваженіе. Не лестно отзывается Чарторыйскій о прочихъ воспитателяхъ и наставникахъ. Извѣстно, что главный надзоръ за воспитаніемъ порученъ былъ графу (впослѣдствіи князю) Н. И. Салтыкову. Князь Адамъ изображаетъ его человѣкомъ небольшого роста, съ огромной головой, невзрачнымъ и неуклюжимъ, тшедушнымъ, хворымъ, съ постоянною гримасою на лицѣ. Отличительною чертою его характера была угодливость. Черезъ него передавала Екатерина замѣчанія и выговоры внукамъ, но онъ же служилъ посредникомъ между императрицей и наслѣдникомъ. Говорятъ, что при этомъ случаѣ онъ умѣлъ умѣрять выраженіе неудовольствія, которое ему поручалось передать, а съ другой стороны смягчалъ и отвѣты сына, докладывая о нихъ матери, такъ что и одинъ, и другая оставались обыкновенно имъ довольны. Еще неблагопріятнѣе отзывъ Чарторыйскаго о другомъ воспитателѣ Александра, генераль-поручикѣ Протасовѣ.

Про Лагарпа князь Адамъ говоритъ, что занятія его съ великимъ княземъ не были серьезны ни въ какомъ родѣ. Свѣдѣнія, прибрѣтенныя Александромъ, были-де поверхностны, не положительны, не полны. Швейцарецъ внушилъ ему любовь къ человѣчеству, къ справедливости и даже къ свободѣ и равенству, помѣшалъ предразсудкамъ, примѣрамъ и лести окружающей его среды заглушить въ немъ благородныя чувства. „Но“, — заключаетъ Чарторыйскій, — „самыя чувства эти

¹⁾ Великій князь Александръ Павловичъ Лагарпу, 21 февраля (3 марта) 1796 г. („Сборникъ И. Р. И. О.“, V, стр. 23 и 24). Намѣреніе Александра Павловича отречься отъ престола и поселиться съ супругою въ сельскомъ уединеніи на берегахъ Рейна стало впервые извѣстно въ исторической литературѣ изъ письма его къ В. П. Кочубею, относящагося къ той же эпохѣ и обнародованнаго въ книгѣ графа М. А. Корфа: „Восшествіе на престолъ Императора Николая“.

улеглись въ умѣ Александра лишь въ видѣ общихъ фразъ. Лагарпъ, повидимому, не приучилъ великаго князя размышлять надъ трудностями исполненія, надъ средствами, путемъ которыхъ достигаются возможные результаты“.

Не мудрено, что отъ польскаго магната ускользнулъ главный, коренной и единственно существенный недостатокъ воспитанія, даннаго Александру Павловичу: полная оторванность его отъ родной почвы, совершенная отчужденность отъ историческихъ началъ русской государственной и народной жизни. Къ счастью для него и для Россіи, эта самая жизнь переродила и перевоспитала его: двѣнадцатый годъ ознакомилъ его съ русскимъ народомъ, сроднилъ его съ нимъ. Въ эпоху тяжелыхъ испытаній, смѣнившихся торжествомъ блистательной побѣды, императоръ Александръ Благословенный явился государемъ народнымъ въ полномъ, лучшемъ смыслѣ слова. Какъ прахъ разлетѣлись незрѣлыя мечтанія юности въ столкновеніи съ желѣзною дѣйствительностью. Самъ онъ выросъ внезапно въ глазахъ изумленной Европы, доказавъ міру, что нѣтъ такой силы, которая въ состояніи была бы одолѣть Россію въ неразрывномъ союзѣ съ державнымъ вождемъ своимъ.

Съ этимъ отчасти соглашается и Чарторыйскій, указывая, что въ бытность великимъ княземъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ убѣжденій, воспринятыхъ отъ наставника и даже въ первые годы своего царствованія, Александръ Павловичъ былъ совсѣмъ не тотъ человекъ, какимъ сталъ впоследствии, переработавъ самого себя. „Слѣдуетъ заключить изъ этого“,—воскликаетъ князь Адамъ,—„что природа одарила его рѣдкими качествами, такъ какъ, не взирая на полученное воспитаніе, онъ сталъ самымъ обворожительнымъ государемъ своего вѣка, противникомъ Наполеона Великаго, который палъ въ борьбѣ съ нимъ!“

Не должно также упускать изъ виду, что образованіе великаго князя было прервано раннимъ вступленіемъ въ бракъ, на шестнадцатомъ году жизни, и хотя Лагарпъ и оставался еще при немъ нѣсколько мѣсяцевъ, но уже не имѣлъ возможности заниматься съ нимъ попрежнему. „По отъѣздѣ наставника изъ Россіи“,—сообщаетъ Чарторыйскій,—„великій князь остался безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій; никто

даже не совѣтовалъ ему приняться за какую-либо работу, а въ ожиданіи того времени, когда ему будетъ поручено болѣе практическое дѣло, для него не составили даже плана чтеній, которыя послужили бы ему въ пользу на предстоявшемъ трудномъ поприщѣ. Я часто говорилъ ему объ этомъ, тогда и позже. Я предложилъ ему прочесть нѣсколько сочиненій по исторіи, законодательству, политикѣ. Онъ признавалъ ихъ пользу и желалъ бы предаться чтенію. Но придворная жизнь отнимаетъ способность къ послѣдовательнымъ занятіямъ. Александръ, будучи великимъ княземъ, не дочиталъ ни одной серьезной и поучительной книги до конца. Я не думаю, чтобы онъ имѣлъ возможность сдѣлать это вполнѣ въ силу, съ той минуты, какъ на него обрушилась вся тяжесть неограниченнаго правленія. Жизнь при дворѣ утомительна. Домой великій князь возвращался для отдыха, а не для работы. Страсть пріобрѣтать познанія не сильно высказывалась въ немъ. Онъ женился слишкомъ рано и не замѣтилъ, что слѣдуетъ продолжать образованіе. Однако, онъ сознавалъ важность серьезныхъ занятій и былъ расположенъ приняться за нихъ, но воля его не въ силахъ была преодолѣть препятствій, воздвигаемыхъ ежедневно исполненіемъ обязанностей и самою скукою его жизни. Такъ прошли первые пять лѣтъ его юности. Онъ потерялъ драгоцѣнное время, въ которомъ, впрочемъ, не ощущалъ недостатка, пока жива была Екатерина, да и при императорѣ Павлѣ онъ могъ бы найти его, еслибъ захотѣлъ“.

Трудно понять, почему Екатерина, страстно любившая старшаго внука, прочившая его въ непосредственные себѣ преемники, не подумала подготовить его къ царскому поприщу, ознакомивъ заблаговременно на практикѣ съ разными отраслями государственнаго управленія. „Не было предпринято ничего подобнаго“, — замѣчаетъ князь Адамъ. — „Быть можетъ онъ и не пріобрѣлъ бы вполнѣ правильныхъ понятій о многихъ предметахъ, но это спасло бы его отъ праздности. Повидимому, эта столь естественная мысль не пришла въ голову ни императрицѣ, ни кому-либо изъ членовъ ея совѣта, или, по крайней мѣрѣ, императрица не настояла на ея исполненіи“.

То, о чемъ забыла или чѣмъ пренебрегла Екатерина, со-

вершилъ Павелъ. Онъ еще при жизни матери опредѣлили обоихъ старшихъ сыновей на *службу* въ свои гатчинскія войска и поручилъ каждому изъ нихъ командованіе батальономъ. И странное дѣло! Александръ и Константинъ Павловичи отнеслись къ этой службѣ съ необыкновеннымъ усердіемъ, строго исполняя свои служебныя обязанности, довольные и счастливые тѣмъ, что и на ихъ долю выпало отправлять извѣстную должность — *служить*. Ихъ не смущали насмѣшки изнѣженныхъ царедворцевъ Екатерины, съ презрѣніемъ относившихся къ воинскимъ затѣямъ наслѣдника. Съ какимъ неприговорнымъ самодовольствомъ писалъ Александръ Лагарпу: „Нынѣшнимъ лѣтомъ могу, дѣйствительно, сказать, что *я служилъ*, ибо, представьте себѣ, каждый день, въ шесть часовъ утра, мы должны были ѣздить въ Павловскъ и оставаться тамъ до перваго часу, а часто даже и послѣ обѣда, не исключая воскресныхъ и праздничнымъ дней, съ тою разницею, что въ эти дни мы имѣли время возвращаться въ Царское Село къ обѣднѣ“¹⁾.

Припомнимъ, что войска, которыя обучалъ и упражнялъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ, не имѣли ничего общаго съ тогдашнею русскою арміею. Все у нихъ было свое, особенное: и уставъ, и производство, и обмундированіе. Гатчинцы отличались своеобразною выправкою, приемами, ухватками, которые усвоили и молодые великіе князья, не безъ гордости повторявшіе: „Это по нашему, по-гатчински“. Ясно, что служба въ войскахъ наслѣдника нравилась имъ потому, что удовлетворяла свойственной юности жаждѣ дѣятельности, наполняла праздную ихъ жизнь и разгоняла скуку.

Чарторыйскій скорбитъ о пріобрѣтенномъ Александромъ въ Гатчинѣ пристрастіи къ военному дѣлу, къ ученьямъ, смотря, къ тому, что онъ называетъ *парадоманіей*, которой, по словамъ его, великій князь остался вѣренъ и по вступленіи на престолъ, до самаго конца жизни. Мы не раздѣляемъ этихъ сожалѣній. Живая связь, установившаяся между императоромъ Александромъ I и его арміею, благодаря, быть мо-

¹⁾ Великій князь Александръ Павловичъ къ Лагарпу, 13 (23) октября 1796 г. („Сборникъ И. Р. И. О.“, V, стр. 26).

жетъ, именно усвоеннымъ въ юности военнымъ привычкамъ, была залогомъ блестящихъ побѣдъ, покрывшихъ русское оружіе неуываеюмою славою. Къ тому же, въ гатчинскомъ гренадерѣ, подъ мундиромъ прусскаго образца, Александръ все же находилъ русскаго солдата, научался любить, уважать его, высоко цѣнить его самоотверженіе и доблесть. Это было по тогдашнимъ обстоятельствамъ единственное доступное ему средство ознакомленія съ народомъ, надъ милліонами котораго онъ призванъ былъ царствовать. Наконецъ, частыя поѣздки въ Павловскъ и Гатчину сблизили молодыхъ великихъ князей съ родителями, отъ которыхъ они были удалены съ дѣтства. Приведенное выше письмо Александра къ Лагарпу заключалось словами: „Не воображайте, что я испытываю какія-либо непріятности. Я не могу въ особенности нахвалиться отцомъ моимъ и матерью“¹⁾.

Такъ протекало для Александра Павловича лѣто 1796 года. Оно было ознаменовано, между прочимъ, происшествіемъ, важныхъ и обильныхъ послѣдствій котораго для Россіи и для всей Европы никто, конечно, не предугадывалъ. 25 іюня (6 іюля) Екатерина писала къ присяжному своему вѣстовщику, Гримму: „Сегодня, въ три часа утра, маменька (великая княгиня Марія Ѳеодоровна) разрѣшилась отъ бремени огромнымъ мальчикомъ, названнымъ Николаемъ. Голосъ у него басъ и онъ кричитъ имъ удивительно. Длина его аршинъ безъ двухъ вершковъ и руки почти столь же большія, какъ и у меня. Никогда въ жизни не видала я подобнаго кавалера... Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, то братья его явятся карликами, сравнительно съ этимъ колоссомъ!“²⁾.

Новорожденный великій князь былъ Николай, будущій императоръ Всероссійскій.

Въ другомъ письмѣ императрицы къ Гримму, писанномъ нѣсколько времени спустя, читаемъ: „Вотъ уже три дня, какъ кавалеръ Николай кушаетъ кашу, потому что онъ проситъ ѣсть каждую минуту. Мнѣ кажется, что никогда восьмидневный ребенокъ не ѣлъ такого кушанья: это изумительно! У ня-

¹⁾ То же письмо, тамъ же, стр. 28.

²⁾ Императрица Екатерина II къ Гримму, 25 іюня (6 іюля) 1796 г. (Тотъ же Сборникъ, XXIII, стр. 679).

некъ опускаются руки. Если это такъ будетъ продолжаться, то придется отнять его отъ груди шестинедѣльнымъ. Онъ гордо глядитъ на всѣхъ и держитъ голову и ворочаетъ ею такъ же прямо, какъ и я сама“¹⁾.

О рожденіи великаго князя Николая Павловича упоминаетъ въ своихъ Запискахъ и Чарторыйскій. Онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ обрядъ его крещенія: „Церемонія была совершена въ дворцовой церкви, въ Царскомъ Селѣ. Весь дворъ присутствовалъ на ней въ парадной формѣ, помѣщаясь въ обширной залѣ предъ церковью. Обрядъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ великолѣпнъ. Присутствовали и послы. Я не знаю, которые изъ нихъ представляли своихъ государей, бывшихъ воспріемниками. Ребенку дали имя: *Николай*. Глядя на него въ пеленкахъ, слушая крикъ его, вызванный продолжительностью обряда крещенія, весьма растянутого у схизматиковъ, я не предвидѣлъ, что это самое существо, столь слабое и миловидное, какъ всякій красивый ребенокъ, станетъ нѣкогда бичемъ моей родины!“

Съ наступленіемъ осени, дворъ возвратился въ столицу и снова поселился въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ оставался до времени пріѣзда въ Петербургъ короля Шведскаго Густава IV. Мы не будемъ распространяться о веденныхъ съ нимъ переговорахъ по поводу предложеннаго вступленія его въ бракъ съ великою княжною Александрю Павловною. Извѣстенъ неожиданный и роковой исходъ этихъ переговоровъ, несостоявшееся обрученіе, разрывъ и внезапный отъѣздъ короля²⁾. Событія эти не остались безъ вліянія на настроеніе императрицы

¹⁾ Отъ той же къ тому же, 5 (16) іюля 1796 г. (Тѣ же Сборникъ, томъ и страница).

²⁾ Обстоятельства, сопровождавшія пребываніе короля шведскаго въ Петербургѣ осенью 1796 года, изложены въ многочисленныхъ современныхъ разсказахъ, преимущественно въ письмахъ. Изъ нихъ укажемъ на помѣщенные въ „Архивѣ князя Воронцова“ письма къ графамъ Александру и Семѣну Романовичамъ Воронцовымъ: Ростопчина (VIII, стр. 142 и слѣд.); графа Завадовскаго (XII, стр. 170 и слѣд.); Татищева (XVIII, стр. 316 и слѣд.). Въ октябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1887 годъ (стр. 82 и слѣд.) напечатаны весьма любопытныя письма княгини А. А. Голицыной къ князю А. М. Голицыну. Вся относящаяся къ этому дѣлу дипломатическая переписка, извлеченная барономъ А. Э. Будбергомъ изъ своего семейнаго архива, обнародована въ томѣ IX „Сборника И. Р. И. О.“, стр. 195 и слѣд.

и подкосили ея крѣпкое здоровье. Со дня удаленія Густава, не происходило болѣе при дворѣ ни празднествъ, ни пріемовъ. Павелъ Петровичъ съ супругою уѣхалъ въ Гатчину. Екатерина почти не выходила изъ своихъ покоевъ.

„Наступилъ ноябрь“, — пишетъ князь Адамъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, — „погода была угрюмая и холодная, соотвѣтствуя виду, принятому дворомъ и Зимнимъ дворцомъ, послѣ недавно еще оживлявшихъ ихъ торжествъ. Великій князь Александръ продолжалъ свои прогулки по набережной. Однажды, то было 5 (16) ноября, онъ встрѣтился съ моимъ братомъ. Походивъ немного, они остановились у входа въ домъ, гдѣ мы жили. Я только что спустился съ лѣстницы, когда придворный скороходъ подбѣжалъ къ Александру и сказалъ, что графъ Салтыковъ проситъ его придти какъ можно скорѣе. Великій князь тотчасъ же послѣдовалъ за нимъ, не догадываясь о причинѣ столь спѣшнаго зова“.

Причина вскорѣ разъяснилась. Въ городѣ узнали, что Екатерину поразили апоплексическій ударъ.

„Тѣ, кто имѣли доступъ ко двору“, — продолжаетъ Чарторыйскій, — „спѣшили во дворецъ, со страхомъ, безповойствомъ и сомнѣніемъ относительно того, что имѣло произойти. Общество и дворъ были въ тревогѣ и въ смятеніи. Большая часть присутствующихъ выражала искреннюю печаль. У многихъ блѣдныя и испуганныя лица обличали опасеніе потерять выгоды, коими они пользовались, и быть вынужденными отдать, можетъ быть, отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по управленію. Я и братъ, подобно прочимъ, были свидѣтелями этой сцены сожалѣній и ужаса. Князь Платонъ (Зубовъ), растерянный и подавленный, привлекалъ всѣ взоры. Понятно было отчаяніе его и всѣхъ тѣхъ, кого онъ вывелъ въ люди. То онъ занимался сожженіемъ бумагъ, которыя могли его компрометировать, то возвращался, чтобы узнать о дѣйствіи лекарствъ и о томъ, нѣтъ ли надежды? Великъ былъ беспорядокъ при дворѣ, никто не соблюдалъ болѣе этикета. Мы пробрались въ ту самую комнату, гдѣ императрица лежала на полу, на тюфякѣ, безжизненная, и хрипѣла какъ машина, въ которой останавливается движеніе“.

Въ тотъ же вечеръ наследникъ съ супругою прибылъ изъ

Гатчины. На другой день съ утра онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія, приказалъ запечатать кабинетъ императрицы и принялъ первый докладъ отъ графа Безбородко. Надъ умирашею Екатериною митрополитъ Гавриилъ читалъ глухую исповѣдь, потомъ причастилъ ее Святыхъ Тайнъ. Въ девять часовъ вечера лейбъ-медикъ Роджерсонъ доложилъ Павлу Петровичу, что государыня кончается. Въ опочивальню вошли цесаревичъ и цесаревна со всѣми дѣтьми, а за ними воспитательница великихъ княженъ, статсъ-дама баронесса Ливенъ, изъ вельможъ князь Зубовъ, графы Остерманъ, Безбородко, Самойловъ и пожалованный уже генераль-адъютантомъ къ новому императору Ростопчинъ. Послѣдній такъ описываетъ эту трогательную сцену:

„По правую сторону тѣла императрицы стояли наслѣдникъ, супруга его и ихъ дѣти; у головы — призванные въ комнату Плещеевъ и я; по лѣвую сторону — доктора, лекаря и вся услуга Екатерины. Дыханіе ея сдѣлалось трудно и рѣдко; кровь то бросалась въ голову и перемѣняла совсѣмъ черты лица, то, опускаясь внизъ, возвращала ему естественный видъ. Молчаніе всѣхъ присутствующихъ, взгляды всѣхъ, устремленные на единый предметъ, отдаленіе на сію минуту отъ всего земного, слабый свѣтъ въ комнатѣ—все сіе обнимало ужасомъ, возвѣщало скорое пришествіе смерти. Ударилъ первая четверть одиннадцатаго часа. Великая Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и наряду съ прочими предстала предъ судъ Всевышняго“.

Тотчасъ же генераль-прокуроръ, графъ Самойловъ, вышелъ въ дежурную комнату и, обратясь къ толпѣ придворныхъ, громкимъ голосомъ сказалъ: „Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, а государь Павелъ Петровичъ изволилъ взойти на всероссійскій престолъ“¹⁾.

V.

Въ царствованіе императора Павла.

Очень мѣтко характеризуетъ князь Адамъ переходъ при дворѣ отъ вѣка Екатерины къ царствованію ея преемника.

¹⁾ Записка Ростопчина: Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствованія императора Павла I („Архивъ князя Воронцова“, VIII, стр. 158—174).

„Никогда“ — говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, — „не произошло по данному сигналу болѣе внезапной и полной перемены декораций, чѣмъ та, что совершилась при воцареніи Павла I. Все измѣнилось въ одинъ мигъ: костюмы, прически, фізіономіи, привычки, занятія. Прежде носили воротнички довольно пышные и слишкомъ прикрывавшіе нижнюю часть лица; ихъ вдругъ обрѣзали и уменьшили, выставляя на показъ длинныя шеи и выдающіяся челюсти, не видныя до тѣхъ поръ. Волоса завивали прежде по-парижски, пижонами, или связывали на затылкѣ; теперь стали ихъ носить гладкими и прямыми, съ двумя твердыми завитушками въ формѣ колбасы, поверхъ уха, по прусскому образцу, съ повязанной косичкой, намадивъ ихъ и напудривъ какъ отштукатуренную стѣну. Щеголи искали до того придать мундирамъ своимъ изящный покрій и любили носить ихъ растегнутыми; нынѣ прусскій покрій, время стараго Фридриха, уже принятый въ Гатчинѣ, былъ введенъ съ неумолимою строгостью. Парадъ сталъ главнымъ ежедневнымъ занятіемъ. На немъ происходили важнѣйшія событія, ради которыхъ императоръ бывалъ доволенъ или недоволенъ, снисходителенъ и щедръ на награды, или же строгъ и даже свирѣпъ на весь остатокъ дня“.

Перемена, однако, далеко не ограничивалась этими чисто внѣшними признаками. Она сказалась и во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Павелъ Петровичъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ обдумывалъ тѣ мѣры и преобразованія, которыя намѣревался ввести въ дѣйствіе по вступленіи на престолъ. Отсюда, въ началѣ его царствованія, цѣлый рядъ нововведеній, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ поразительною быстротою. Особенное вниманіе государя было устремлено на переустройство военной части. Строгая гатчинская дисциплина вводилась въ армію; гатчинскія войска получили значеніе образцовыхъ. Они были переведены въ Петербургъ и день вступленія ихъ въ столицу былъ днемъ заботъ и безпокойства для великихъ князей. Оба шли впереди своихъ батальоновъ. Пропустивъ ихъ мимо себя, государь остался вполнѣ доволенъ ихъ выправкою и тутъ же на дворцовой площади выразалъ свою благодарность сыновьямъ. Александръ и Константинъ Павловичи были въ восторгѣ. Вслѣдъ за симъ, они были на-

значены шефами, первый лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, второй — лейбъ-гвардіи Коннаго полка.

При дворѣ, въ войскѣ, въ администраціи, всюду появились новые люди, замѣнившіе прежнихъ должностныхъ лицъ, нѣсколько избалованныхъ и изнѣженныхъ вельможъ двора Екатерины. Имѣя крутой нравъ, государь хотя и проявлялъ въ распоряженіяхъ своихъ большую строгость, но всегда руководился побужденіями, основанными на справедливости. Послѣдствія оказались благодѣтельными. Вотъ какъ отзывается о нихъ князь Адамъ, лично не расположенный къ Павлу: „Если въ Петербургѣ, какъ въ центрѣ правительства, неизвѣстность о завтрашнемъ днѣ тревожила и волновала всѣ умы, за то въ губерніяхъ, генераль-губернаторы, военные и гражданскіе, страшась, какъ бы насилія ихъ не дошли до свѣдѣнія императора и сами они не очутились внезапно отставленными отъ должности и посланными въ Сибирь, — стали внимательно относиться къ своимъ обязанностямъ, перемѣнили тонъ въ обхожденіи съ обывателями, воздерживаясь отъ злоупотребленій слишкомъ явныхъ“.

Порядокъ былъ введенъ и въ происходившія при дворѣ церемоніи, до которыхъ императоръ Павелъ былъ большой охотникъ. Онъ относился къ нимъ совершенно серьезно и церемоніаль долженъ былъ соблюдаться съ тою же строгостью, какъ воинскій уставъ на смотрахъ и ученьяхъ. Оберъ-церемоніймейстеру Валуеву приходилось лично обучать правиламъ этикета распущенную въ прошлое царствованіе придворную молодежь. Не легко осваивалась она съ приѣмами, установленными, напримѣръ, для церемоніи *baise-mains*, которая имѣла происходить не только по праздникамъ, но и въ воскресные дни. Заключалась она въ слѣдующемъ. Каждый изъ присутствующихъ придворныхъ и высшихъ военныхъ или гражданскихъ чиновъ, подойдя къ императору, отвѣшивалъ низкій поклонъ и цѣловалъ его руку, на что его величество отвѣчалъ поцѣлуемъ въ щеку. Затѣмъ слѣдовало цѣлованіе руки у государыни, также съ колѣноприклоненіемъ, и выходъ изъ залы, но такъ, чтобы не поварачиваться спиною къ ихъ величествамъ. Изъ тогдашнихъ придворныхъ торжествъ особенно остался памятенъ князю Адаму царскій выходъ на Неву, въ день Богоявленія, причѣмъ онъ страшно иззябъ и даже отморозилъ себѣ два пальца

на рукѣ. Въ другой разъ онъ и братъ его были дежурными при императорѣ и императрицѣ въ день, когда государь воспринималъ отъ купели ребенка одного изъ дворцовыхъ служителей, и должны были предшествовать имъ при слѣдованіи въ церковь. Но Чарторыйскіе опоздали и явились лишь послѣ того, какъ началось богослуженіе. Выходя изъ церкви, государь окинулъ ихъ гнѣвнымъ взоромъ, но прошелъ мимо, не вымолвивъ ни слова. Наказаніемъ имъ послужилъ домашній арестъ на двѣ недѣли.

Въ первые дни по воцареніи Павла, сношенія молодыхъ Чарторыйскихъ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, если не совсѣмъ прекратились, то происходили уже не столь свободно и часто, какъ прежде. Причиною тому были многосложныя военныя занятія его высочества по командованію полкомъ, необходимость являться ежедневно къ императорскому столу и проводить вечеръ у императрицы. Со своей стороны, князья Адамъ и Константинъ вращались въ кругу своихъ соотечественниковъ, милостью императора выпущенныхъ на свободу. То были графы Потоцкій и Мостовскій, писатель Нѣмцевичъ, бургомистръ города Варшавы Закржевскій, генераль Сокольниковъ и во главѣ всѣхъ извѣстный Костюшко, предводитель возстанія 1794 года. Къ послѣднему государь отнесся съ особенною благосклонностью, посѣтилъ его въ тюрьмѣ и самъ вывелъ оттуда, возвратилъ шпагу и даже дозволилъ выѣхать изъ Россіи. За все это Костюшко отплатилъ самую грубою неблагодарностью. Добравшись до Парижа, онъ переслалъ оттуда императору полученные отъ него подарки, при дерзкомъ письмѣ, въ которомъ утверждалъ, что вынужденъ былъ ихъ принять „кажущеюся добротой“ Павла Петровича и „злодѣйскимъ поведеніемъ“ его министровъ, а также возвѣщалъ, что будетъ служить родинѣ до конца жизни¹⁾.

Государь пригласилъ прибыть въ Петербургъ и знаменитѣйшаго изъ поляковъ, водвореннаго Екатериною въ Гроднѣ, развѣнчаннаго короля Станислава-Августа Понятовскаго. Его приняли въ столицѣ съ царскими почестями, поселили въ Мраморномъ дворцѣ, окружили блестящимъ придворнымъ шта-

¹⁾ Костюшко императору Павлу, 24 іюля (4 августа) 1798 г. („Архивъ князя Воронцова“, XXIV, стр. 415).

томъ, на содержаніе котораго отпущены были значительныя суммы. Милостивое расположеніе къ нему императора Павла Чарторыйскій объясняетъ доброю памятью, сохраненною государемъ о великолѣпномъ приѣмѣ, устроенномъ королемъ въ 1785 году въ замкѣ Вишневецъ, въ честь путешествовавшихъ по Европѣ графа и графини Сѣверныхъ.

Скоро въ судьбѣ молодыхъ князей произошла новая и важная перемѣна. Въ числѣ распоряженій императора было предъявленное ко всѣмъ придворнымъ чинамъ требованіе, чтобы они несли дѣйствительную службу, военную или гражданскую. Братьевъ Чарторыйскихъ переименовали въ бригадиры и назначили адъютантами къ великимъ князьямъ, старшаго — къ Александру, а младшаго — къ Константину. Въ этомъ званіи они сопровождали ихъ высочества на торжество коронаціи въ Москву.

Въ Воспоминаніяхъ своихъ, князь Адамъ распространяется о блескѣ и пышности происходившихъ по этому случаю церемоній и празднествъ, а также и объ ихъ чрезмѣрной продолжительности. Онъ упоминаетъ о плачевной роли короля Станислава-Августа, вынужденнаго принимать въ нихъ участіе. Въ самый день коронаціи, при богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ, старикъ-король, усталый и измученный, присѣлъ было въ отведенной ему трибунѣ, но, замѣтивъ это, Павелъ Петровичъ послалъ сказать ему, что въ православномъ храмѣ не садятся. Королю оставалось лишь повиноваться и онъ простоялъ до конца службы.

Но не торжества и пиршества занимали Чарторыйскаго въ Москвѣ. Пользуясь положеніемъ своимъ при наслѣдникѣ, онъ успѣлъ не только возобновить прежнія довѣренныя съ нимъ отношенія, но и приблизить къ нему двухъ единомышленниковъ, молодыхъ людей изъ русской знати, съ коими князя Адама связывала самая тѣсная дружба. Этимъ было положено начало тайственному кружку, который въ первые годы царствованія Александра I превратился какъ бы въ личный совѣтъ государя и такимъ образомъ получилъ рѣшающее вліяніе на государственныя судьбы Россіи.

Съ самаго начала пребыванія своего въ Петербургѣ князь Адамъ, радушно принятый въ домѣ оберъ-камергера графа

А. С. Строганова, близко сошелся со всею его семьею. Его любилъ и старый графъ, родовитый русскій вельможа екатерининской эпохи, молодость свою проведенный во Франціи, при дворѣ Лудовика XV и въ обществѣ философовъ-энциклопедистовъ. Тамъ усвоилъ онъ свободолобивый образъ мыслей и нѣсколько насмѣшливый тонъ французской знати конца XVIII столѣтія. Имъ остался онъ вѣренъ и въ Россіи, даже въ присутствіи императрицы Екатерины, весьма благоволившей къ нему и искренно уважавшей его за умъ и высокую честность. Однажды, въ день, назначенный для приѣма государынею депутатовъ Тарговицкой конфедераціи, прибывшихъ благодарить ее за общипанное покровительство, онъ позволилъ себѣ шутя замѣтить ей: „Вашему величеству незначѣмъ ломать себѣ голову надъ отвѣтомъ на краснорѣчивыя изъявленія признательности этихъ господъ. Довольно будетъ сказать: не стоить благодарности!“ Императрица строго взглянула на графа и молча удалилась. Она не любила такихъ шутокъ.

У графа Александра Сергѣевича былъ единственный сынъ, Павелъ ¹⁾. По обычаю того времени, онъ ввѣрилъ воспитаніе его наставнику-французу, по имени Ромму, страстному послѣдователю педагогическихъ теорій Жанъ-Жака Руссо. Старый графъ самъ сочувствовалъ ученію женеваго философа и ничего не возражалъ, когда Роммъ сталъ доказывать ему, что сыну его необходимо, подобно Эмилю, предпринять путешествіе по Швейцаріи пѣшкомъ. Воспитатель и ученикъ вмѣстѣ отправились за границу и, походивъ по альпійскимъ ущельямъ, прибыли въ Парижъ. Это было въ самый разгаръ французской революціи. „Г. Роммъ“, — рассказываетъ Чарторыйскій, — „принялъ въ ней дѣятельное участіе и пожелалъ согласовать то, что онъ считалъ своимъ гражданскимъ долгомъ, съ обязанностями по отношенію къ воспитаннику. Представлялось множество случаевъ показать въ примѣненіи къ дѣлу принципы, внушенные ему въ теоріи. Роммъ успѣшилъ сдѣлать его участникомъ представленій революціонныхъ сценъ, слѣдовавшихъ тогда во Франціи одна за другою съ ужасающею быстротою. Скоро воспитатель и ученикъ записались въ

¹⁾ Отъ второго брака съ княжною Е. И. Трубецкою. Первою женою графа была дочь канцлера графа М. И. Воронцова.

влубъ якобинцевъ и стали аккуратно посѣщать его собранія. Графъ Строгановъ былъ предупрежденъ объ этомъ русскимъ посольствомъ, еще не покинувшимъ Парижа, и, кажется, письмами самого г. Ромма, который находилъ, что не можетъ лучше завершить порученное ему воспитаніе, какъ доставивъ своему ученику возможность пройти практической курсъ преподаваемыхъ ему ученій“.

У Строганова былъ молодой родственникъ, жившій у него въ домѣ, четырьмя годами старше его сына, Н. Н. Новосильцовъ. Его послалъ онъ въ Парижъ, чтобы извлечь изъ революціоннаго омута графа Павла. Новосильцовъ успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе. Ему удалось убѣдить юнаго якобинца вернуться въ Россію, къ семьѣ, не взирая на негодующіе протесты гражданина Ромма, который доказывалъ, что никто-де не въ правѣ разъединять двухъ друзей и политическихъ единомышленниковъ. По возвращеніи въ отечество, графа Павла тотчасъ же женили на прекрасной, умной и образованной княжнѣ С. В. Голицыной. Самъ онъ уразумѣлъ опасность, жертвою которой едва не сдѣлался. Убѣжденія его поумѣрились, хотя въ глубинѣ души онъ до конца жизни оставался либераломъ.

Важная услуга, оказанная Новосильцовымъ семейству Строгановыхъ, доставила ему любовь, довѣріе и уваженіе какъ отца, такъ и сына. Онъ сталъ оракуломъ всей семьи. Будучи характера твердаго и непреклоннаго, гордый и самолюбивый до крайности, онъ съ ранней молодости началъ службу въ арміи и, состоя адъютантомъ при принцѣ Нассау-Зигенѣ, храбро дрался въ Шведскую войну и былъ участникомъ Польскаго похода 1794 года. За военныя заслуги онъ былъ награжденъ Владимірскимъ крестомъ 4-й степени, но, считая себя обойденнымъ и находя, что заслужилъ Георгія, онъ едва было не отослалъ назадъ пожалованный орденъ. Большого труда стоило родственникамъ уговорить его отказаться отъ поступка, который неминуемо навлекъ бы на него гнѣвъ самой императрицы.

„Новосильцовъ“, — читаемъ въ Запискахъ князя Адама, — „обладалъ умомъ, прозорливостью, отличался большою способностью къ труду, которую парализовала лишь страсть къ

чувственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, что, однако, не мѣшало ему много читать, съ успѣхомъ изучать науки, прикладныя къ промышленности, и получить солидное образование по части правовѣдѣнія, законодательства и политической экономіи. Образование это сопровождалось филозофіею, довольно покладистою по взглядамъ на многіе предметы, которая желала казаться свободною отъ всякихъ предразсудковъ, но, повидимому, нисколько не лишала его ясныхъ свойствъ его характера. Свойства эти еще лучше отражались, словно въ зеркалѣ, въ молодомъ графѣ Строгановѣ. Мнѣнія ихъ и чувства носили на себѣ отпечатокъ справедливости, искренности, европейскаго просвѣщенія, небывалыхъ въ то время въ Россіи, противъ которыхъ я не могъ устоять и которыя установили между нами тѣсную дружбу, о коей я уже упоминалъ, а также взаимное довѣріе. Они часто спрашивали меня о великомъ князѣ. Мнѣ показалось, что, соблюдая извѣстную сдержанность, я все же могу безъ неудобства довѣрить имъ часть признаній, повѣданныхъ мнѣ великимъ княземъ. Они поняли необычайную важность того, что я имъ рассказывалъ“.

Понятно, что и великому князю Чарторыйскій не преминулъ дать самые лестные отзывы о своихъ двухъ друзьяхъ. Онъ увѣрилъ Александра въ ихъ полномъ съ нимъ единомыслии, въ преданности ему и совершенной скромности. Какъ счастливы были бы они, еслибы великій князь подарилъ ихъ своимъ довѣріемъ, принялъ ихъ услуги, вошелъ съ ними въ непосредственныя сношенія! Они заранѣе отдавали себя въ полное его распоряженіе. Заинтересованный разказами Чарторыйскаго, Александръ изъявилъ согласіе посвятить друзей его въ свои тайны, пріобщить ихъ къ своимъ замысламъ.

Еще въ Петербургѣ было условлено, что Павелъ Строгановъ и Новосильцовъ будутъ имѣть тайное свиданіе съ великимъ княземъ въ присутствіи Чарторыйскаго. Состоялось оно только въ Москвѣ, вскорѣ послѣ коронаціи, при довольно таинственной обстановкѣ.

Положено было собраться, въ извѣстный день и часъ, въ уединенномъ мѣстѣ. Александръ сдержалъ слово и пріѣхалъ на это совѣщаніе. Новосильцовъ прочелъ написанный имъ русскій переводъ какого-то французскаго сочиненія, содержа-

ніе коего составляли совѣты молодому государю, только что воцарившемуся, желающему трудиться на благо подданныхъ, но не знающему, какъ приняться за дѣло. Готово было одно лишь введеніе, въ которомъ излагался общій взглядъ на предметъ. Частности, относившіяся къ различнымъ вѣтвямъ государственнаго управленія, имѣли быть разработаны впоследствии, но намѣреніе это такъ и осталось невыполненнымъ.

Чтеніе имѣло успѣхъ. Александръ слушалъ внимательно изложеніе обязанностей главы государства и предстоящихъ ему трудовъ. Чарторыйскій увѣряетъ, что записка Новосильцова была составлена толково, изложена языкомъ яснымъ и даже краснорѣчивымъ. Общія начала, на которыхъ должно было быть основано счастье народовъ, пояснялись въ ней и дополнялись планомъ практическихъ мѣропріятій. Великій князь благодарилъ Новосильцова, осыпалъ его похвалами. Онъ заявилъ, что усвоиваетъ изъясненные въ запискѣ принципы и будетъ неуклонно придерживаться ихъ. Къ составителю онъ обратился съ просьбою докончить свой трудъ и затѣмъ передать ему, дабы онъ могъ поразмыслить надъ его содержаніемъ и впоследствии примѣнить теорію на практикѣ. „Съ того дня“, — пишетъ Чарторыйскій, — „молодой графъ и Новосильцовъ стали дѣлать со мною довѣріе великаго князя и были приобщены къ нашему соглашенію, столь долго остававшемуся тайнымъ, и это имѣло позже важныя послѣдствія“.

По словамъ князя Адама, привлеченіе къ дѣлу двухъ русскихъ патріотовъ нѣсколько поколебало его иллюзіи по вопросу о возстановленіи независимости Польши и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣяло и мечты Александра о возможности для него отречься отъ престола и поселиться частнымъ человекомъ, гдѣ нибудь въ отдаленномъ уединеніи. Оба, впрочемъ, не сразу отреклись отъ своихъ мечтаній, но послѣднія улетучивались, капля за каплей, отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью. Новосильцовъ и Строгановъ убѣдительно доказывали великому князю, что онъ не въ правѣ уклоняться отъ обязанностей, налагаемыхъ на него его званіемъ, что счастье Россіи должно служить ему единственною цѣлью въ жизни. Замѣчательно, однако, что Александръ никогда не открывалъ имъ своего намѣренія объ отреченіи отъ престола;

оспаривали же они его потому, что не трудно было имъ угадать его. Самое намѣреніе осталось тайной между великимъ княземъ и Чарторыйскимъ, который, такимъ образомъ, продолжалъ служить ему повѣреннымъ самыхъ сокровенныхъ помысловъ, предпочтительно предъ прочими товарищами.

Тайственный кружокъ едва успѣлъ составиться, какъ уже долженъ былъ распасться. Опасались за Новосильцова, который своими вольными и смѣлыми рѣчами навлекъ на себя подозрѣніе приближенныхъ къ императору лицъ. Рѣшили, что онъ поѣдетъ въ Англію, подъ предлогомъ усовершенствованія въ законовѣдѣніи, и останется тамъ, пока обстоятельства не измѣнятся къ лучшему. Изъ Москвы же и князь Адамъ съ братомъ собрался ѣхать въ трехмѣсячный отпускъ для свиданія съ родителями.

Великій князь былъ очень опечаленъ отъѣздомъ своего друга и на прощаніе обратился къ нему со странною просьбою. Онъ поручилъ ему составить отъ своего имени прокламацію, которая имѣла быть обнародована въ день вступленія Александра на престолъ, для возвѣщенія непреклоннаго рѣшенія новаго государя—отречься отъ власти. „Какъ я ни отнѣживался“,—пишетъ князь Адамъ,—„онъ не давалъ мнѣ покоя до тѣхъ поръ, пока я не изложилъ на бумагѣ идей, постоянно занимавшихъ его. Чтобы его успокоить, пришлось исполнить его волю, все болѣе и болѣе тревожную и настойчивую. Я на-скоро составилъ, какъ умѣлъ, проектъ прокламаціи. То были рядъ доводовъ, коими я доказывалъ неудобства образа правленія, существовавшаго дотолѣ въ Россіи, и всѣ выгоды другого, который Александръ намѣревался ввести; благодѣянія свободы и справедливости, имѣвшія выпасть ей на долю по устраненіи стѣсненій, препятствовавшихъ ея благоденствію; наконецъ, рѣшимость его, по совершеніи сего возвышеннаго подвига, сложить съ себя власть, дабы тотъ, кто будетъ признанъ наиболѣе ея достойнымъ, могъ упрочить и усовершенствовать начатое имъ великое дѣло. Мнѣ не за чѣмъ объяснять, въ какой степени всѣ эти прекрасныя разсужденія, эти фразы, которыя я старался, по мѣрѣ возможности, связать одна съ другою, были мало пригодны въ примѣненіи къ дѣйствительности. Александръ былъ въ восторгѣ отъ моего труда,

воспроизводившаго его мимолетную фантазію, весьма благо-родную, но въ сущности и весьма эгоистичную, ибо, желая составить счастье своей родины, какъ самъ онъ понималъ его въ то время, онъ все же хотѣлъ имѣть свободу отдѣлаться отъ власти и отъ положенія, коихъ опасался и которыя ему не нравились, дабы поселиться спокойно въ тихомъ уединеніи, гдѣ бы онъ могъ издалека и на досугѣ наслаждаться содѣян-нымъ имъ добромъ. Александръ съ великимъ удовольствіемъ положилъ бумагу въ карманъ и горячо благодарилъ меня за мою работу. Она успокоивала его въ виду будущаго. Ему ка-залось, что, заперевъ эту бумагу въ свой письменный столъ, онъ лучше будетъ подготовленъ къ встрѣчѣ событій, которыя могли быть неожиданно вызваны судьбою. Странное и почти не-вѣроятное дѣйствіе иллюзій, мечтаній, коими убаюкиваетъ себя юность, даже при условіяхъ опыта, рано охлаждающаго душу! Я не знаю, что случилось съ этою бумагою. Кажется, Александръ никому не показалъ ее и никогда вновь не заговаривалъ о ней со мною. Надѣюсь, что онъ сжегъ ее, понявъ безразсуд-ность документа, имъ отъ меня потребованнаго, безразсудность, въ коей самъ я ни минуты не сомнѣвался, когда писалъ его!"

Прямо изъ Москвы Адамъ и Константинъ Чарторыйскіе, съ непокидавшимъ ихъ менторомъ Горскимъ, отправились въ Пулавы. Послѣ двухлѣтней разлуки свиданіе ихъ съ родите-лями и сестрами было радостно и трогательно. Но, по собствен-ному сознанію князя Адама, его и посреди домашней обста-новки не покидала мысль о царственномъ другѣ, о возбужден-ныхъ надеждахъ и упованіяхъ. Онъ, конечно, все рассказалъ отцу и матери, внимавшимъ его рассказамъ съ удивленіемъ, хотя и не безъ примѣси безпокойства и сомнѣній. Въ осо-бенности была встревожена ими княгиня Изабелла, опасав-шаяся, какъ бы не всплыла наружу тайна отнoшеній сыно-вей ея къ наслѣднику престола и не навлекла на юношей кары суровой и жестокой.

Пулавы, въ составѣ люблинскаго воеводства, находились въ долѣ, доставшейся по третьему раздѣлу Австріи. Тамъ часто навѣщалъ старыхъ князя и княгиню австрійскій губер-наторъ Галиціи, графъ Эрдеби. Венгерецъ родомъ, онъ по-стоянно проповѣдывалъ, что для поляковъ всего выгоднѣе

было бы присоединение Польши къ Венгрии, такъ какъ, доказывалъ онъ, и права императора Франца на Галицію принадлежать-де ему, какъ венгерскому королю. Князь Адамъ замѣчаетъ по этому поводу: „Такія рѣчи въ устахъ австрійскаго сановника служатъ доказательствомъ того, въ какой мѣрѣ мадьяризмъ сохранилъ еще свою силу. Присоединение къ Венгрии, еслибы оно было возможно, безъ сомнѣнія, доставило бы большія матерьяльныя выгоды Галиціи, обезпечивъ ей возможность пользоваться благами свободы, въ особенности же предохранило бы ее отъ многихъ бѣдствій, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, вплоть до 1848 года. Но что произвело бы такое присоединение въ ту эпоху? Отгадать трудно. Во всякомъ случаѣ, полякамъ легко было бы побрататься съ венгерцами, а все же общественное мнѣніе и польскій національный духъ, вѣроятно, воспротивились бы этой мѣрѣ, на которую, какъ мнѣ кажется, никогда не согласилось бы и австрійское правительство“. *Tempora mutantur...*

Во время пребыванія въ Пулавахъ, молодые Чарторыйскіе лишились своего наставника Горскаго, умершаго отъ апоплексическаго удара. Въ Россію они вернулись уже одни. Лѣто и осень 1797 года дворъ проводилъ въ Гатчинѣ, а на зиму переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь князя Адамъ и Константинъ часто навѣщали двоюроднаго дядю своего, короля польскаго. Онъ жилъ въ Мраморномъ дворцѣ, получая богатое содержаніе отъ щедротъ императора Павла. При немъ находилась его племянница, графиня Мнишекъ съ мужемъ, и многочисленный придворный штатъ. Дворомъ его управлялъ, въ званіи гофмаршала, полковникъ Вицкій. Поэтъ Трембицкій состоялъ въ числѣ камергеровъ. Король занимался писаніемъ своихъ Воспоминаній. Чарторыйскій сообщаетъ, что ему удалось добыть лишь первую часть, содержащую рассказъ о посольствѣ Станислава-Августа Понятовскаго въ Россію, въ царствованіе предшественника его, Августа III. Что случилось съ остальными частями, весьма объемистыми, — онъ никогда не могъ узнать. Вѣроятно, онѣ гдѣ либо растерялись, если не истреблены совершенно¹⁾.

¹⁾ Въ 1862 году въ Лейпцигѣ появилась въ свѣтъ книга, озаглавленная: „*Mémoires secrets et inédits de Stanislas II Auguste*“.

Князь Адамъ строго судить короля за то, что тотъ легко помирился со своею участію государя, лишеннаго престола, и даже искалъ заслужить благоволеніе тѣхъ, кто его съ этого престола низвергъ. Не нужно, однако, забывать, что лично императоръ Павелъ былъ къ нему весьма милостивъ, находилъ удовольствіе въ продолжительныхъ съ нимъ бесѣдахъ, любилъ посѣщать его, обѣдать у него со всею царскою семьею. Столъ Станислава-Августа славился утонченнымъ вкусомъ и изысканною роскошью, благодаря искусству отличнаго метръ-д'отеля, француза Фремо. „Король со своею свитой“, — повѣствуетъ Чарторыйскій, — дабы разнообразить удовольствія, устраиваемыя имъ въ честь ихъ императорскихъ величествъ, занять былъ приготовлениями къ вечеру и любительскому спектаклю, какъ 2 (14) февраля 1798 года его поразилъ апоплексическій ударъ. Вѣсть о томъ тотчасъ же разнеслась по городу. Мы посѣщили въ Мраморный дворецъ. Докторъ Беклеръ пустилъ кровь больному и прибѣгнулъ ко всемъ средствамъ, предписываемымъ въ подобныхъ случаяхъ медицинскою наукою, но напрасно. Король лежалъ на постели, лишенный сознанія. Его окружала рыдающая свита. Трембицкій также пришелъ, но съ жестомъ отчаянія тотчасъ же убѣжалъ и заперся въ своей комнатѣ. Приѣхалъ императоръ съ царскою фамиліею. Баччіарелли изобразилъ эту печальную сцену въ картинѣ съ замѣчательнымъ талантомъ, схвативъ сходство всѣхъ присутствовавшихъ при ней лицъ. Король скончался. Его похоронили съ подобающею пышностью въ католической Доминиканской церкви въ Петербургѣ. Станислава-Августа искренно оплакивали лишь тѣ, чье существованіе отъ него зависѣло. Самъ онъ не имѣлъ причины сожалѣть о жизни. Событія этой жизни и поведеніе его были причиною того, что, руководясь чувствомъ, никто не признавалъ въ немъ представителя нашей родины. Костюшко былъ таковымъ въ несравненно большей степени. Смерть Станислава-Августа ничего не измѣнила въ судьбѣ Польши, ни въ надеждахъ, которыя она могла еще питать...“

Вступивъ снова въ отправленіе своихъ адъютантскихъ обязанностей при наслѣдникѣ, князь Адамъ опять получилъ воз-

возможность находиться при немъ безотлучно. Утромъ онъ сопровождалъ его на учебѣ, парадѣ или разводѣ, вечеромъ снова являлся къ нему за приказаніями. Возобновились между ними и прежнія задушевные и нескончаемыя бесѣды на извѣстныя темы. Въ нихъ, разумѣется, не принималъ участія второй адъютантъ его высочества, капитанъ Ратьковъ, по отзыву Чарторыйскаго, человѣкъ добрый, но „гатчинецъ“, что означало на языкѣ того времени неразвитаго фронтовика. Гораздо ближе стоялъ къ великому князю князь Волконскій, впоследствии начальникъ главнаго штаба императора Александра I и первый министръ императорскаго двора при императорѣ Николаѣ. О немъ говоритъ князь Адамъ: „Не отличаясь блестящими и выдающимися способностями, онъ имѣлъ талантъ относиться къ службѣ внимательно и съ большою послѣдовательностью, даже приобрести свѣдѣнія, необходимыя въ военномъ дѣлѣ съ высшей точки зрѣнія. Онъ всегда былъ въ одинаково ровномъ расположеніи духа, совѣты его были постоянно разумны и высказывалъ ихъ онъ даже тогда, когда они не нравились великому князю. Онъ радъ былъ, если только могъ оказать услугу“. Съ нимъ подружился Чарторыйскій, равно какъ и со вторымъ адъютантомъ великаго князя Константина Павловича, барономъ Винценгероде, бывшимъ офицеромъ кобургскихъ войскъ, прибывшимъ въ Россію съ братьями великой княгини Анны Ѳеодоровны и по ихъ ходатайству принятымъ въ русскую службу. Въ царствованіе Благословеннаго Винценгероде игралъ выдающуюся роль въ дѣлахъ военныхъ и дипломатическихъ.

Въ числѣ лицъ, приближенныхъ къ наслѣднику, находился и упомянутый уже нами камеръ-юнкеръ, князь Голицынъ, „маленькій Голицынъ“, какъ звали его по причинѣ его небольшого роста. Онъ съумѣлъ понравиться Александру своимъ бойкимъ и острымъ умомъ, живымъ и занимательнымъ разговоромъ. Если вѣрить Чарторыйскому, то онъ былъ „вполнѣ эпикуреецъ, позволявшій себѣ обдуманно и съ расчетомъ всякія наслажденія, во всевозможныхъ родахъ и даже съ весьма необычными варіаціями“. То былъ князь А. Н. Голицынъ, впоследствии ревностный пѣтистъ, оберъ-прокуроръ

Святѣйшаго Синода и министръ духовныхъ дѣлъ во вторую половину Александровскаго царствованія.

Зима 1797—98 годовъ прошла при дворѣ оживленно. Въ Зимнемъ дворцѣ дано было нѣсколько великолѣпныхъ баловъ. Государь любилъ танцы и иногда самъ принималъ въ нихъ участіе. На лѣто дворъ переѣхалъ въ Павловскъ, любимое мѣстопробываніе императрицы Маріи Ѳеодоровны. Тамъ она являлась пріятливою и радушною хозяйкой. По мысли ея, предполагалось устраивать ежедневно послѣ обѣда чтеніе въ тѣсномъ семейномъ и придворномъ кругу. Но занятіе это было не по вкусу большинству участниковъ. Императоръ ни разу не присутствовалъ при чтеніяхъ, а молодежь всячески старалась уклониться отъ нихъ, находя ихъ усыпительными. Зависѣло это отчасти и отъ неудачнаго выбора сочиненій. Такъ, чтенія начались съ унылаго французскаго перевода унылой поэмы Томпсона: „Времена года“.

Въ то же лѣто императоръ Павелъ предпринялъ путешествіе по Россіи. Его сопровождали оба старшіе сына, а тѣхъ, разумѣется, — ихъ адъютанты. Такимъ образомъ, Чарторыйскимъ довелось посѣтить сначала водяныя сообщенія между Невою и Волгою, затѣмъ Тверь, Москву, Нижній-Новгородъ, наконецъ, Казань, откуда государь возвратился въ Петербургъ, минуя первопрестольную столицу, чрезъ Владиміръ и Ярославль. Въ Шлиссельбургѣ, послѣдней станціи на этомъ пути, Павелъ, позвавъ къ себѣ князей Адама и Константина, самъ возложилъ на нихъ знаки ордена св. Анны 2-й степени.

Конецъ лѣта дворъ провелъ въ Павловскѣ, осень — въ Гатчинѣ. Придворная жизнь въ этихъ дворцахъ не отличалась разнообразіемъ. Утро посвящалось военнымъ упражненіямъ. Вечеромъ давались на дворцовой сценѣ итальянскія или французскія представленія.

Посреди этой монотонной обстановки шла оживленная борьба между придворными партіями. Къ концу 1798 года восторжествовала та, представителемъ которой былъ Ростопчинъ и которая преслѣдовала русскія національныя цѣли въ политикѣ, въ противность другой партіи, состоявшей изъ князя Репнина и обоихъ князей Куракиныхъ, которые всѣ

были удалены отъ двора, не смотря на покровительство императрицы. Видную и едва ли не рѣшающую роль во всѣхъ этихъ интригахъ игралъ любимецъ Павла, Кутайсовъ, возведенный имъ сперва въ баронское, а потомъ и въ графское достоинство. Впрочемъ, не смотря на близость свою ко двору, Чарторыйскій обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ сообщаетъ свѣдѣнія весьма скудныя и не всегда точныя. Замѣтимъ, что сочувствіе выражаетъ онъ при этомъ партіи побѣжденной, которая жила въ ладу съ иностранною дипломатіей и пользовалась ею поддержкой.

Немного новаго узнаемъ мы изъ Записокъ князя Адама и о важныхъ событіяхъ въ области европейской политики, ознаменовавшихъ конецъ 1798 и начало 1799 года: принятіе императоромъ Павломъ званія великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и участіе русскихъ войскъ въ войнѣ противъ Французской республики. О мальтійскихъ дѣлахъ онъ говоритъ съ тономъ пренебреженія и ироніи. Его католическое чувство возмущалось тѣмъ, что во главѣ латинскаго ордена, служившаго однимъ изъ главныхъ устоевъ римской церкви, становился государь-схизматикъ. „Я и братъ“, — пишетъ онъ, — „были пожалованы командорами и вынуждены облечься въ древнее одѣяніе ордена: длинныя черно-бархатныя мантии съ вышитыми поясами и крестами. Собирались приготовительныя капитулы для поднесенія императору достоинства великаго магистра. Все это не могло не выгладѣть чѣмъ-то въ родѣ театральнаго маскарада, вызывавшаго улыбку на устахъ зрителей и самихъ дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ императора, который одинъ отождествлялъ себя со своею ролью. Секретаремъ капитула назначенъ былъ старый нашъ знакомый Мезоннёвъ, французъ, въ молодости искавшій счастья въ Польшѣ, пользовавшійся тамъ успѣхомъ у дамъ и чрезъ нихъ пріобрѣтшій чинъ въ арміи и мальтійскій крестъ. Въ старости онъ пріѣхалъ въ Россію, чтобы поправить свое дважды промотанное состояніе. Балы Литта взялъ его въ секретари. Онъ хорошо владѣлъ перомъ и умѣлъ готовить матеріалы для обсужденія въ засѣданіяхъ капитула. къ удовольствію членовъ коего онъ искусился во фразеологій протоколовъ... Развязкой нашихъ магистральныхъ засѣданій

была свадьба балби Литта, котораго папа освободилъ отъ обѣта безбрачія и который женился на графинѣ Скарвронской, любимой племянницѣ князя Потемкина, все еще очень хорошенькой женщинѣ, доставившей мужу при императорѣ Александрѣ огромное состояніе и высокое положеніе въ Россіи, гдѣ онъ кончилъ дни въ званіи оберъ-камергера“.

Не могли радовать Чарторыйскаго и блистательные успѣхи русской политики и русскаго оружія. Однако, онъ принужденъ сознаться, что графъ Ростопчинъ, по смерти канцлера князя Безбородко, принявшій въ свое завѣдываніе иностранную коллегію, управлялъ ею дѣятельно и умно. „Всю честь новой коалиціи и ея первыхъ успѣховъ“,—свидѣтельствуется князь Адамъ,—„приписывали ему, и друзья его, прислуживаясь, повторяли, что Питтъ и Ростопчинъ — великіе люди своего вѣка“. Каждая изъ побѣдъ Суворова надъ французами въ Италіи, по собственному признанію Чарторыйскаго, представлялась ему ударомъ ножа, нанесеннымъ Польшѣ. А тутъ еще старыя боевыя русскіе генералы внимательно слѣдили за впечатлѣніемъ, отражавшимся на лицѣ его всякій разъ, какъ курьеръ изъ арміи привозилъ побѣдныя вѣсти. Казакъ графъ Денисовъ говорилъ, пристально смотря ему въ глаза: „Вѣдь я вамъ предсказывалъ, что французы будутъ побиты. Иначе и быть не могло. Россія всегда и всюду будетъ побѣждать. Она же — непобѣдима!“

Обстоятельство это очень характерно. Оно указываетъ, что отъ вниманія русскихъ людей не ускользнула непримиримая ненависть къ Россіи и ко всему русскому, притаившаяся на днѣ души молодого поляка, взысканнаго милостями нашихъ государей и нашедшаго себѣ при ихъ дворѣ, въ непосредственной ихъ близости, укромный и надежный пріютъ. Выше мы упоминали о подозрительномъ взглядѣ на Чарторыйскихъ истинно русскаго патріота, Ростопчина, ставшаго самымъ вліятельнымъ и довѣреннымъ совѣтникомъ императора Павла. Не мудрено, что и государь, относившійся сначала весьма ласково къ обоимъ Чарторыйскимъ, въ особенности къ младшему, сталъ мало-по-малу измѣнять свое мнѣніе о нихъ и постигать неудобство ихъ слишкомъ близкихъ отношеній къ великимъ князьямъ. Разговаривая о нихъ однажды съ генераломъ Ле-

вашовымъ, Павелъ Петровичъ спросилъ его: „Отвѣчаете ли вы за нихъ?“ — „Да, ваше величество“, отвѣчалъ тотъ. — „Головою?“ Левашовъ призадумался. Онъ мало зналъ Чарторыйскихъ, но понялъ, что рѣчь идетъ, быть можетъ, о ихъ головахъ. „Да, я отвѣчаю за нихъ головою“, сказалъ онъ въ порывѣ великодушія. Государь успокоился.

Тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ оставлять поляковъ въ непосредственной близости къ великимъ князьямъ, предвидя могущія произойти опасныя отъ того послѣдствія. Лѣтомъ 1799 года, князь Адамъ былъ назначенъ гофмейстеромъ великой княжны Елены Павловны, невѣсты великаго герцога Мекленбургскаго, а князь Константинъ — шталмейстеромъ при великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, помолвленной за наследнаго принца Саксенъ-Веймарскаго, оба съ производствомъ въ генераль-лейтенанты. Впрочемъ, младшій Чарторыйскій вскорѣ вовсе оставилъ русскую службу и подданство, перейдя въ австрійскую, и возвратился къ родителямъ своимъ. Государь отпустилъ его безпрепятственно и пожаловалъ ему при отъѣздѣ Анненскую ленту.

Лѣто 1799 года дворъ снова проводилъ въ Павловскѣ. Тамъ поселился князь Адамъ, въ небольшомъ домѣ, на краю парка. Любимымъ занятіемъ молодыхъ великихъ княженъ были кавалькады, и онъ сопровождалъ верхомъ Елену Павловну и жениха ея. Въ одинъ прекрасный день, рано поутру, онъ получилъ отъ графа Ростопчина письмо, извѣщавшее его, что государь назначилъ его посланникомъ при дворѣ короля Сардинскаго и что онъ долженъ немедленно отправиться къ своему посту.

„Назначеніе это“, — жалуется князь Адамъ, — „было опалою, имѣвшею видъ милости. Меня снова обнесли предъ императоромъ. Приказаніе, неожиданное мною, растрогало меня и огорчило. Мнѣ тяжело было расставаться съ великимъ княземъ, къ коему я привязался искренно, и съ нѣкоторыми друзьями, дружбою своею усладившими мое пребываніе въ Россіи. Нужно было повиноваться и покинуть Павловскъ на другой же день. Великій князь выразилъ мнѣ печаль свою по поводу моего отъѣзда. Вспоминая объ этой минутѣ, мнѣ приходится на память, что онъ не былъ уже такимъ, ка-

кимъ я видѣлъ его при разставаніи въ Москвѣ, послѣ коронаціи отца его. Онъ успѣлъ приглядѣться къ дѣйствительности и она воздѣйствовала на него. Часть его мечтаній, въ особенности та часть, которая касалась его лично и о которой мы давно уже не бесѣдовали, — разсѣялась. Впрочемъ, великій князь не въ силахъ былъ оказать твердаго сопротивленія окружавшимъ его примѣрамъ и искалъ развлеченія въ ухаживаніи за самыми красивыми женщинами того времени. Прощаясь со мною, онъ выказалъ свое доброе сердце, обѣщавъ писать ко мнѣ какъ только представится возможность. Напрасно просилъ я у министра позволенія остановиться по пути у родителей на нѣсколько дней, такъ какъ жилище ихъ лежало по дорогѣ. Я получилъ отказъ. Уѣхалъ я, однако, въ надеждѣ, проѣзжая по близости отъ нихъ, улучшить случай, чтобы встрѣтить ихъ и повидаться съ ними, хотя бы на нѣсколько минутъ“.

VI.

Посольство въ Италіи.

Назначеніе русскаго посланника ко двору Сардинскому вызвано было важными политическими соображеніями.

Король Карлъ-Эммануилъ былъ первою жертвою столкновенія между монархическою Европою и французскою республикою, извѣстнаго подъ названіемъ войны второй коалиціи. Осенью 1798 года французы, овладѣвъ Пьемонтомъ, вынудили его подписать отреченіе отъ престола и удалиться на островъ Сардинію.

Когда весною 1799 года, Суворовъ, покоривъ Ломбардію, приближался во главѣ русско-австрійской арміи къ границамъ Пьемонта, онъ, исполняя повелѣніе императора Павла, обратился съ возваніями къ пьемонтскимъ войскамъ, сражавшимся въ рядахъ французовъ, и къ жителямъ Сардинскаго королевства. Первыхъ онъ приглашалъ покинуть французскія знамена и присоединиться къ союзникамъ, обѣщая, „что никому другому не будутъ они присягать, кромѣ короля Сардинскаго“, вторымъ — возвѣщалъ, что союзная армія вступаетъ въ Пьемонтъ, „дабы возстановить короля на престолѣ авгу-

стѣйшихъ его предковъ“¹⁾. Скоро вся страна находилась уже во власти союзниковъ. Французская армія, предводимая Морд, была отброшена за Аппенины; вторая армія, которую Макдональдъ велъ изъ южной Италіи на соединеніе съ первою—разбита на-голову въ трехдневной битвѣ при Требиі и разсѣяна. Одна за другою сдавались крѣпости въ Ломбардіи и Пьемонтѣ. Наконецъ, отчаянная попытка генерала Жубера, во главѣ остатковъ армій Морд и Макдональда, перейти въ наступленіе завершилась пораженіемъ его при Нови. Самъ онъ убитъ въ началѣ боя, французы же окончательно очистили Италію.

Получивъ извѣстіе о занятіи Пьемонта, императоръ Павелъ писалъ къ Суворову: „Извѣстно вамъ, что желаніе возстановить вѣру и низверженныхъ государей, руководствуетъ единственно нами въ нынѣшнемъ ополченіи нашемъ противъ французовъ. А какъ вы теперь имѣете уже весь Пьемонтъ во власти вашей, то я нахожу приличнымъ дабы вы, коль скоро овладѣете цитаделью туринскою, увѣдомили о семъ его величество короля Сардинскаго и пригласили возвратиться въ Туринъ, гдѣ, возведя его паки на престолъ, возстановите съ подобающею честью сему высокому сану“²⁾.

Еще ранѣе Суворовъ сдѣлалъ распоряженіе о сформированіи вѣрной королю пьемонтской арміи, а управление Пьемонтомъ ввѣрилъ присланному Карломъ-Эммануиломъ намѣстнику, графу Сентъ-Андрѣ. По полученіи же императорскаго рескрипта, онъ отправилъ къ королю, въ Кальяри, письмо, въ коемъ предлагалъ его величеству возвратиться въ освобожденныя владѣнія свои³⁾.

Въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ изъяснилъ Карлъ-Эммануилъ признательность свою императору Павлу за его благодаренія. „Едва успѣлъ я“,—писалъ онъ ему,—„принять смѣлость напомнить о себѣ и о моемъ злополучномъ семействѣ вашему императорскому величеству и умолять васъ заинтересоваться нашею несчастною участью и нашимъ возста-

¹⁾ Воззванія Суворова къ пьемонтскимъ воинамъ изъ Павіи, 25 апрѣля (6 мая) и къ народу пьемонтскому изъ Вогеры 27 апрѣля (8 мая) 1799 г.

²⁾ Императоръ Павелъ графу Суворову-Рымникскому, 7 (18) іюня 1799 г.

³⁾ Графъ Суворовъ-Рымникскій королю Карлу-Эммануилу 9 (20) іюля 1799 г.

новленіемъ въ наслѣдіи предковъ, прося васъ въ то же время принять въ данномъ случаѣ и мои слабыя услуги, какъ я узналъ съ душою, исполненною восхищенія и благодарности за ваши милости, что ваше императорское величество, свѣдавъ о нашихъ несчастіяхъ, въ великодушїи своемъ соблаговолили предупредить наши просьбы и, вспомнивъ о насъ, остановили теченіе нашихъ бѣдъ и поручили храброму фельдмаршалу Суворову извлечь наше наслѣдіе изъ рукъ тѣхъ, кто посредствомъ неслыханнаго предательства отнялъ его у насъ, и затѣмъ возстановить насъ на престолѣ. Умоляю ваше величество принять благодареніе души, исполненной безпредѣльной признательности, и соизволить на ходатайство мое служить самому въ вашей итальянской арміи, подъ начальствомъ безсмертнаго фельдмаршала Суворова“¹⁾. Последняя просьба польстила самолюбію императора Павла, и онъ отвѣчалъ королю согласіемъ, присовокупивъ: „Отъ вашего величества зависитъ пребыть къ арміи моей, когда вы заблагоразсудите“²⁾.

Но великодушные виды русскаго государя вовсе не входили въ расчеты Вѣнскаго двора. Въ Вѣнѣ рѣшили воспользоваться покореніемъ Пьемонта, чтобы присоединить значительную часть его къ австрійскимъ владѣніямъ въ Ломбардіи. Императоръ Францъ сдѣлалъ Суворову строгій выговоръ за его распоряженія, приказалъ прекратить образованіе самостоятельной пьемонтской арміи и передать управленіе Пьемонтомъ, какъ завоеваннымъ краемъ, австрійскому комиссару³⁾. О Сардинскомъ же королѣ, какъ объяснялъ фельдмаршалу посоль нашъ, графъ Разумовскій, ревностный приверженецъ царскаго перваго министра барона Тугута, „не надобно и поминать“⁴⁾. Русскій дипломатъ всячески старался оправдать вождедѣнія Австрійскаго двора. „Король Сардинскій“, — читаемъ мы въ другомъ письмѣ его къ Суворову, — „взирается здѣсь, какъ бывший союзникъ Франціи, что—правда; она ему

¹⁾ Король Карлъ-Эммануилъ императору Павлу 7 (18) іюня 1799 г.

²⁾ Императоръ Павелъ королю Карлу-Эммануилу 25 августа (5 сентября) 1799 г.

³⁾ Императоръ Францъ графу Суворову-Рымникскому 6 (17) мая и 6 (17) августа 1799 г.

⁴⁾ Графъ Разумовскій графу Суворову-Рымникскому 27 мая (8 іюня) 1799 г.

объявляла часть Миланской области и потом свергнула съ престола и онъ самъ за подписью своею и наслѣдника отрекся отъ царствованія... Изъ сего же не слѣдуетъ еще, чтобы императоръ хотѣлъ удержать за собою весь Пьемонтъ, но при мирѣ, а не прежде ему будетъ отдано¹⁾.

Австрійцы спѣшили принести въ Петербургъ жалобу на распоряженія Суворова, для поддержанія которой графъ Разумовскій истощилъ все свое дипломатическое краснорѣчіе²⁾. Императоръ Павелъ согласился отсрочить возстановленіе Карла-Эммануила на престолѣ. Въ этомъ смыслѣ составлено было новое повелѣніе Суворову: „Сардинскаго короля возвращеніе въ Туринъ“,—писалъ государь,—„я нахожу въ теперешнемъ положеніи вещей еще некстати. Дѣло въ томъ, чтобы возстановить его на царство и возвести паки на престолъ, а позднѣе или ранѣе сіе случится, оное все будетъ одно“³⁾. Но одновременно признано было необходимымъ послать ко двору его сардинскаго величества оффиціального дипломатическаго представителя Россіи, который свидѣтельствовалъ бы о признаніи державныхъ правъ его. На эту-то должность и былъ, въ іюль 1799 года, назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій.

При вышеизложенныхъ обстоятельствахъ, понятно данное ему приказаніе—спѣшить прибытіемъ къ своему посту. Ему даже не было разрѣшено заѣхать въ Пулавы для свиданія съ родителями. Не смотря на это, онъ остановился въ Вѣнѣ и провелъ тамъ цѣлые два мѣсяца. Очень вѣроятно, что его позадержали австрійцы, не безъ вѣдома и содѣйствія графа Разумовскаго, того самаго, которому императоръ Павелъ вынужденъ былъ сдѣлать незадолго передъ тѣмъ слѣдующее строгое внушеніе: „Я желалъ бы, чтобы вы при каждомъ сношеніи вашемъ съ барономъ Тугутомъ помнили, что вы русскій, и мой посоль въ Вѣнѣ, по моимъ дѣламъ“⁴⁾.

Между тѣмъ положеніе усложнилось высадкою короля Карла-Эммануила въ началѣ сентября, въ Ливорно. Въ это

1) Отъ того же, къ тому же, іюнь 1799 г.

2) Баронъ Тугутъ графу Кобенцлю 1 (13) іюня и графъ Разумовскій императору Павлу 27 іюня (8 іюля) 1799 г.

3) Императоръ Павелъ графу Суворову-Рымникскому 9 (20) августа 1799 г.

4) Императоръ Павелъ графу Разумовскому 31 іюля (11 августа) 1799 г.

время Суворовъ и русскія войска покинули уже сѣверную Италію и совершали безпримѣрный въ лѣтописяхъ всемірной исторіи переходъ черезъ Альпійскія горы. Австрійскій главнокомандующій баронъ Меласъ не допустилъ короля Сардинскаго прослѣдовать въ свои владѣнія и тотъ поселился во Флоренціи, занятой цесарскими войсками. Всѣ обращенія его къ Вѣнскому двору оставались безъ вниманія и Тугутъ даже отказался войти въ сношенія съ уполномоченнымъ его. Тогда король рѣшился воззвать къ правосудію и защитѣ императора Павла. „Я теперь въ такомъ положеніи“, жаловался онъ, „что и дружеская моя переписка требуетъ величайшей осторожности. Я льстил себя надеждою, что судьба моего народа современемъ облегчится, но вижу, напротивъ того, что она съ каждымъ днемъ становится тягостнѣе. Сердце мое совершенно отказалось бы отъ всякихъ надеждъ, еслибы не обращались мои взоры къ вашему величеству. Вы одни можете поддержать меня. Ваше благоволеніе ко мнѣ, безкорыстные ваши виды и могущественныя средства къ достиженію высокихъ цѣлей составляютъ единственную мою опору... Прошу ваше величество обратить вниманіе свое на тѣ поступки австрійцевъ, которые относятся прямо къ достоинству и лицу государя. Они уничтожили совершенно всю его военную силу; при всякомъ случаѣ стараются устранить самое имя его; всѣ должности поручаются людямъ, которыхъ стремленія клонятся къ уничтоженію законной власти“. Въ заключеніе король убѣдительно просилъ императора снова прислать въ Италію корпусъ русскихъ войскъ¹⁾.

Павелъ внялъ мольбамъ своего несчастнаго союзника. Колычеву, смѣнившему въ Вѣнѣ Разумовскаго, повелѣно было потребовать отъ Тугута категорическаго отвѣта на два вопроса: 1) на какія именно пріобрѣтенія разсчитываетъ Вѣнскій дворъ въ Италиі? и 2) какія намѣренія его относительно короля Сардинскаго? „Объясните притомъ“, писалъ государь, „что малѣйшее замедленіе въ удовлетворительномъ отвѣтѣ на вопросы, вами сдѣланные, или объявленіе дворомъ Вѣнскимъ видовъ, несходственныхъ съ моими и превышающихъ мѣру

¹⁾ Король Карлъ-Эммануилъ императору Павлу 3 (15) ноября 1799 г.

возможности удовлетворить оныя, будутъ поводомъ разрыва всѣхъ сношеній и связей съ онымъ. Вслѣдствіе чего, возврата войска мои изъ Швейцаріи, предамъ Австрійскій домъ его жребію“¹⁾. Уклоненіе Тугута отъ прямого и опредѣленнаго отвѣта незамедлило вынудить Русскаго императора привести въ исполненіе угрозу.

Пока вся эта переписка происходила между Флоренціею, Петербургомъ и Вѣною, князь Адамъ наслаждался веселою и беззаботною жизнью въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ. Въ Запискахъ своихъ онъ умалчиваетъ о политическихъ отношеніяхъ Сардинскаго двора къ Русскому, но за то распространяется о привлекательности высшаго вѣнскаго круга, къ которому стремились знатные иностранцы, жадные до удовольствій, со всѣхъ концовъ Европы, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ французская революція преградила имъ путь въ Парижъ. Вѣна, по словамъ его, являлась какъ бы столицею материка, въ союзъ съ Англіею ополчившагося противъ ужасовъ революціонной анархіи. Вѣнское общество было не столько австрійскимъ, сколько космополитическимъ, обще-европейскимъ. Поляки играли въ немъ видную роль. Большимъ успѣхомъ пользовались приемы поселившейся въ дунайской столицѣ одной изъ знатнѣйшихъ польскихъ дамъ, княгини Любомірской. Красотою и умомъ блистали среди вѣнскихъ красавицъ обѣ сестры Чарторыйскаго: принцесса Виртембергская и графиня Замойская. Онѣ вели дружбу съ графинею Разумовскою, рожденною графинею Тунъ, которая, хотя и была женою русскаго посла, но, принадлежа по рожденію къ высшей католическо-австрійской аристократіи, ненавидѣла русскихъ и не скрывала этого. Вообще австрійская знать не была къ намъ расположена въ это время, съ одной стороны не прощая намъ побѣды нашихъ въ Италіи, гдѣ до того австрійцы терпѣли только пораженія, съ другой — обвиняя насъ за размолвку, начинавшую обнаруживаться въ сношеніяхъ между обоими императорскими дворами.

Въ Вѣнѣ очень удивлялись быстрой перемѣнѣ въ судьбѣ князя Адама, за четыре года до того предпринявшаго поѣздку въ Петербургъ съ цѣлью вымолить возвращеніе се-

¹⁾ Императоръ Павелъ Колючеву 5 (17) октября 1799 г.

квестрованнаго состоянія, а теперь прибывшаго въ качествѣ дипломатическаго представителя, полномочнаго министра Русскаго двора. Въ австрійской столицѣ онъ нашелъ много прежнихъ знакомыхъ. Старецъ Кауницъ доживалъ свой вѣкъ на покоѣ. Съ преемникомъ его, Тугутомъ, Чарторыйскій познакомился еще въ Брюсселѣ въ 1794 году. Съ тѣхъ поръ сынъ простого лодочника преобразился въ главнаго и всесильнаго министра императора Римскаго. Князь Адамъ увѣряетъ, что, будучи слабаго здоровья, Тугуть рѣдко выходилъ изъ дому, никогда не ѣлъ мяса и питался единственно рыбою и овощами.

Вниманія заслуживаетъ отзывъ Чарторыйскаго о лицѣ, съ которымъ онъ впервые встрѣтился въ этотъ именно приѣздъ въ Вѣну и поступленію коего въ русскую службу самъ содѣйствовалъ впослѣдствіи. То былъ Поццо-ди-Борго.

„Онъ получалъ пенсію отъ англійскаго правительства“, — сообщаетъ князь Адамъ, — „въ качествѣ иностранца, не болѣе, безъ всякой должности или порученія, и вотъ что загадочно: онъ никогда не могъ внушить малѣйшаго довѣрія британскому министерству, которое, наградивъ его пенсіей, совершенно устранило его. И такъ, Поццо, горя нетерпѣніемъ проложить себѣ дорогу, бросался направо и налево, и не упускалъ ни единаго случая, дабы удовлетворить своему честолюбію, издававшему ему покоя. Состоя подъ покровительствомъ англійскаго посла лорда Минто, онъ былъ принятъ въ гостиныхъ моихъ сестеръ и графини Ланцкоронской, женщины всѣми уважаемой, вслѣдствіе чего онъ какъ бы принадлежалъ къ польскому кружку, наиболѣе почитаемому въ Вѣнѣ, а это открывало ему доступъ въ знатнѣйшіе дома и обезпечивало за нимъ покровительство дамъ и гостиныхъ. Тѣмъ не менѣе, какъ онъ ни былъ отличенъ обществомъ и молодъ годами, въ немъ все же было нѣчто неопредѣленное, неискреннее, скрытое въ осанкѣ, нѣчто такое, что имѣло видъ таинственности и мѣшало близкимъ съ нимъ отношеніямъ, дружеской довѣренности къ нему. Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, произведенное имъ на меня съ начала нашего знакомства. Умъ его былъ развитъ. Иногда являлось у него какъ бы желаніе опозитизировать жизнь свою, начать заниматься вопросами исторіи, нравственности и политики. Но во всѣхъ разговорахъ взглядъ

ясно показывалъ, что слова у него не въ ладу съ мыслями. Онъ навсегда сохранилъ такое выраженіе лица. Что же касается до его мыслей, то онѣ сводились къ постоянному желанію возвыситься и разбогатѣть. А потому, хотя обстоятельства того времени и вынуждали его иногда ударяться въ область чувства, но онъ никогда не позволялъ какому либо развлеченію увлечь себя внѣ предѣловъ своихъ постоянныхъ помысловъ. Не взирая на это, его принимали въ Вѣнѣ за человѣка интереснаго, искренняго и достойнаго дружбы. Похвалы, коими осыпали его всюду, заглушили и во мнѣ почти всѣ мои предубѣжденія противъ него“.

Къ осени Чарторыйскій, наконецъ, покинулъ Вѣну. Прѣзжая чрезъ сѣверную Италію, онъ мало думалъ о блестящихъ побѣдахъ, всего за нѣсколько мѣсяцевъ одержанныхъ въ этой мѣстности маститымъ русскимъ полководцемъ. Его, по собственному признанію, гораздо больше занимали воспоминанія о Виргиліи и Шекспирѣ. Образы Отелло и Дездемоны вставали предъ нимъ въ Венеціи, Ромео и Юліи — въ Веронѣ. Изъ разговоровъ съ обывателями онъ вывелъ заключеніе, что итальянцы сочувствуютъ французамъ, но боятся австрійцевъ, занимавшихъ Ломбардію, Пьемонтъ и Тоскану. Самъ онъ по этому поводу строго отзывается объ австрійской политикѣ. „Австрія“, — замѣчаетъ онъ, — „никогда никого не любила, кромѣ самой себя. Подобный эгоизмъ, конечно, свойственъ всѣмъ дворамъ, такъ же какъ и отдѣльнымъ лицамъ, но Австрія любитъ себя съ большею страстью и очевидностью, чѣмъ другіе, и это исключительное чувство заглушаетъ въ ней всякій великодушный порывъ, всякій поступокъ любовный, искренній, скажемъ даже — честный по отношенію къ другимъ“.

Прибывъ во Флоренцію, князь Адамъ представился королю Карлу-Эммануилу и вступилъ въ отправленіе своихъ дипломатическихъ обязанностей. Онѣ были несложны и сводились къ тому, чтобы поддерживать бодрость въ королѣ-изгнанникѣ, увѣрять его въ неизмѣнной дружбѣ и покровительствѣ императора Павла и разъ въ недѣлю доносить императорскому кабинету о новостяхъ Сардинскаго двора. „Это было для меня тѣмъ болѣе затруднительно“, — повѣствуетъ онъ, — „что со времени моего прѣзда въ Россію, дѣйствуя подъ гнетомъ непре-

оборимой силы, я испытывалъ лишь равнодушiе относительно всего, чего отъ меня требовали, чѣмъ, впрочемъ, поддерживалъ въ себѣ твердость посреди разнообразнѣйшихъ обстоятельствъ. Это равнодушiе было мнѣ въ особенности необходимо въ новой моей должности, такъ какъ мнѣ приходилось называть успѣхомъ то, что представилось бы мнѣ при другихъ условiяхъ несчастiемъ; слѣдовало вести переписку съ Суворовымъ и забыть о пражскомъ побоищѣ; слѣдовало подписываться подъ донесенiями императору „вашъ вѣрноподданный и рабъ“, согласно тогдашней обязательной формулѣ“. Здѣсь Чарторыйскiй увлекается своимъ воображенiемъ въ ущербъ памяти. Уже Екатерина повелѣла въ обращенiяхъ къ императорскому величеству замѣнить слово „рабъ“ выраженiемъ „вѣрноподданный“.

Проживавшiй во Флоренцiи Сардинскiй дворъ состоялъ изъ короля и королевы, министра графа Шалембера и нѣсколькихъ придворныхъ. Про Карла-Эммануила князь Адамъ говоритъ, что онъ весьма напоминалъ короля Иакова I Великобританскаго въ томъ видѣ, какъ изобразилъ его Вальтеръ-Скоттъ. Онъ происходилъ отъ королевы Марiи Стюартъ, по женской линiи, которая, какъ старшая дочь Иакова, была въ замужествѣ за герцогомъ Савойскимъ. Король не любилъ заниматься дѣлами и хотя былъ очень набоженъ, но охотно и мастерски разсказывалъ забавные анекдоты. Королева, сестра Лудовика XVI, по тучности своей, была когда-то прозвана въ Версали: „le gros madame“. Но горе и страданiя иссушили ее. Теперь у нея не оставалось и слѣдовъ прежней полноты. Глаза ея были прекрасны, видъ лица и звукъ голоса полны мягкой выразительности и задумчивости.

Королевская чета поселилась близъ Флоренцiи, въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ великаго герцога Тосканскаго. Каждое воскресенье она принимала членовъ дипломатическаго корпуса. Дипломатовъ представлялъ ихъ величествамъ графъ Шалемберъ, исправлявшiй обязанности министра иностранныхъ дѣлъ. Разговоръ шель обыкновенно о самыхъ обыденныхъ и маловажныхъ предметахъ и продолжался не болѣе двадцати минутъ. Пошутивъ съ иностранными министрами, король кланялся имъ, иногда передразнивая то лицо, о которомъ велась

рѣчь, и притомъ съ неподдѣльнымъ комизмомъ. Королева наклоняла голову, грустно улыбаясь.

Аккредитованный при Сардинскомъ дворѣ дипломатическій корпусъ состоялъ, кромѣ русскаго посланника, изъ посланника англійскаго и прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Англичанинъ Виндгамъ, братъ лорда Виндгама, пэра Англии, былъ очень толстъ и походилъ гораздо болѣе на пивовара или мясника, чѣмъ на дипломата. Это не мѣшало ему быть въ связи съ прелестною итальянкою. Представитель Пруссіи, Винтергалтеръ, не допускался ко двору, такъ какъ не носилъ званія посланника. Вотъ какъ описываетъ его князь Адамъ: „Этому несчастному такъ плохо платили, что онъ едва имѣлъ чѣмъ существовать. Но хотя кафтанъ его былъ изношенъ до нитокъ, онъ суетился, совался всюду, болталъ безъ умолку и, дабы не лишиться скуднаго своего жалованья, конечно, неписывалъ ежедневно массу бумаги въ своихъ донесеніяхъ. Какъ онъ ни былъ бѣденъ, онъ отростилъ себѣ толстое брюхо, широкое лицо его напоминало полнолуніе, самъ же онъ вовсе не былъ лишенъ политическаго смысла“.

Пріютившіеся во Флоренціи пьемонтцы жили особнякомъ, и отъ нихъ держалось въ сторонѣ собственно тосканское общество. Но и они, и аккредитованные при Сардинскомъ дворѣ дипломаты радушно принимались въ домѣ поэта Альфіери, также пьемонтскаго уроженца. Знаменитый писатель и жена его, нѣкогда очаровательная графиня Альбани, вдова Карла-Эдуарда, послѣдняго претендента изъ рода Стюартовъ, давали большіе обѣды, къ которымъ приглашались и знатные иностранцы. Объ Альфіери князь Адамъ пишетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: „Во время моего пребыванія во Флоренціи, графъ Альфіери пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ. Продолжительныя прогулки поглощали большую часть его времени. Гуляя, онъ громко декламировалъ стихи изъ своихъ трагедій, не обращая нисколько вниманія ни на прохожихъ, ни на окружающіе предметы. Онъ имѣлъ видъ усталый, измученный по вечерамъ, и тотчасъ же садился играть въ шахматы. Молодость его была бурная, какъ самъ онъ говоритъ въ своихъ Запискахъ. Графиня Альбани, къ которой онъ былъ очень привязанъ, натолкнула его на литературныя занятія, доставивши ему, даже при жизни, большую

славу. За нѣсколько лѣтъ до водворенія моего во Флоренціи я встрѣчался съ нимъ въ Парижѣ. Онъ вначалѣ страстно увлекся принципами французской революціи, но скоро почувствовалъ отвращеніе къ ея злодѣяніямъ, возненавидѣлъ Францію и все свое усердіе и чувство посвятилъ королю Эммануилу, упрекая себя за то, что не всегда оставался ему вѣренъ. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, внезапная болѣзнь воспрепятствовала ему продолжать обычныхъ прогулки, онъ заключилъ, что конецъ его приближается. Дѣйствительно, онъ умеръ вскорѣ. То былъ человекъ выдающихся достоинствъ, взиравшій на событія съ возвышенной точки зрѣнія, но, будучи одаренъ пылкимъ воображеніемъ, онъ подчасъ увлекался“.

Досуги свои во Флоренціи Чарторыйскій посвящалъ, между прочимъ, изученію итальянскаго языка, который преподавалъ ему какой-то священникъ, отличавшійся непомѣрною трусостью и постоянно повторявшій: я боюсь! Онъ внимательно обзрѣвалъ произведенія искусства во флорентійскихъ храмахъ, дворцахъ и музеяхъ и сѣздилъ въ Пизу, не столько, впрочемъ, для осмотра тамошнихъ памятниковъ зодчества, сколько чтобы повидаться со старымъ другомъ своего семейства, бывшимъ придворнымъ маршаломъ короля Станислава-Августа, больнымъ и разслабленнымъ графомъ Ржевускимъ.

Такъ прошла зима 1799 — 1800 годовъ. Къ веснѣ стали распространяться тревожные слухи о наступленіи французовъ въ сѣверной Италіи. Послѣ битвы при Маренго австрійцы поспѣшили оставить Тоскану. Король Сардинскій, не считая себя болѣе въ безопасности во Флоренціи, перебрался въ Римъ. Туда же послѣдовали за нимъ и состоящіе при немъ посланники русскій и англійскій.

Не болѣе полугода до того русскій гарнизонъ занималъ еще вѣчный городъ, возбранивъ въ него доступъ австрійцамъ. Защита, оказанная священной коллегіи противъ притязаній Вѣнскаго двора на нѣкоторыя части Церковной области, покровительство Мальтійскому ордену, наконецъ побѣды Суворова въ Италіи—высоко подняли русское вліяніе въ совѣтахъ новоизбраннаго папы Пія VII. Но все это не занимало русскаго дипломата изъ поляковъ. Чарторыйскій рассказываетъ, что, прибывъ въ Римъ, онъ весь отдался мечтаніямъ о класс-и

ческой древности. Перебѣгая отъ Капитолія къ Палатинскому холму, „возможно ли, — восклицалъ онъ, — какъ! здѣсь жили Сципіоны, Катоны, Гракхи, Цезари! Здѣсь гремѣлъ Цицеронъ! Здѣсь пѣлъ Гораций!“ Древности христіанскія интересовали его гораздо менѣе. Онъ вознамѣрился было составить иллюстрированный планъ стараго Рима во всѣ эпохи его могущества, но намѣреніе это, разумѣется, осталось неисполненнымъ. Все ограничилось двумя-тремя рисунками, которые князь Адамъ называетъ „единственными памятниками“ своего пребыванія въ Римѣ.

„Мое вынужденное отсутствіе изъ отечества“, — поясняетъ онъ, — „удаленіе отъ семьи, отъ центра друзей моихъ, положеніе, нимало не удовлетворявшее меня и не представлявшее никакой заманчивой цѣли, все это ввергло меня въ родъ летаргій, которая стала угнетать меня со дня пріѣзда въ Петербургъ, какъ я уже рассказалъ объ этомъ выше. Событія самыя важныя и неожиданныя не въ силахъ были извлечь меня изъ этого состоянія оупѣнія и сонливаго равнодушія. Зависѣло это оттого, что во всю жизнь мою единственнымъ побужденіемъ всѣхъ моихъ поступковъ всегда было чувство исключительное, господствующее: любовь къ родинѣ. То, что не обращалось въ пользу моей родины или моихъ единовѣрцевъ, не имѣло для меня никакой цѣны. Я приучился съ дѣтства уважать, любить лишь то, что прямо или косвенно относилось къ моему отечеству. Вещи самыя пустыя, коль скоро онѣ касались Польши, возбуждали во мнѣ интересъ. Доказательствомъ тому служить слѣдующій случай въ Варшавѣ. Тамъ былъ французскій театръ, довольно порядочный — онъ нагонялъ на меня скуку; напротивъ, польскій театръ, хотя и посредственный, — привлекалъ меня“.

Чувства эти, сами по себѣ очень почтенныя въ польскомъ магнатѣ-патріотѣ, несомнѣнно доказываютъ, какъ мало онъ былъ пригоденъ для русской дипломатической службы. Самъ онъ сознается, что въ донесеніяхъ своихъ въ Петербургъ ему постоянно приходилось кривить душою, говоря попросту: лгать. Въ усердіи своемъ онъ до того началъ бранить французовъ, что вызвалъ даже возраженіе секретаря своего, Гарпова. Этотъ старый русскій чиновникъ не могъ не замѣтить ему, что отзывы его о республиканцахъ черезчуръ строги. „А

зачѣмъ, — отвѣчалъ князь Адамъ. — французы ведутъ себя такъ дурно? Сами они виноваты въ томъ, что про нихъ нельзя молвить ничего хорошаго“. Въ Записки свои Чарторыйскій заноситъ какъ бы оправданіе себѣ: „Дѣло въ томъ, что всѣ люди, французы они или нѣтъ, вблизи теряютъ много изъ того обаянія и энтузіазма, которые возбуждаютъ издали. То же можно, пожалуй, сказать и о великихъ людяхъ. Возможно, что изъ петербургской дали все казалось мнѣ прекраснымъ, представлялось въ столь блестящемъ свѣтѣ, что, приближаясь къ зрѣлицу, я не могъ не испытать разочарованія“.

Однако, бранными отзывами своими о французахъ князь Адамъ не могъ уже болѣе угодить императору Павлу. Они оказались запоздалыми. Убѣдясь въ неизлечимой враждебности къ Россіи своихъ прежнихъ союзниковъ, Австріи и Англии, не полагаясь на Пруссію, государь рѣшился не отвергать руки примиренія, искренно протянутой ему Первымъ Консуломъ Бонапартомъ. Еще не былъ подписанъ миръ между Россією и Францією, какъ уже обѣ державы вступили въ соглашеніе по обще-европейскимъ дѣламъ. Объ этомъ узналъ Чарторыйскій отъ проѣхавшаго чрезъ Римъ оберъ-егермейстера Левашова, отправленнаго въ Неаполь, чтобы служить посредникомъ между тамошнимъ дворомъ и французами. Левашовъ привезъ ему письмо отъ первоприсутствующаго члена иностранной коллегіи, съ обычною просьбою оказать чрезвычайному посланному зависящее содѣйствіе. Князь Адамъ замѣчаетъ, что то было первое письмо, полученное имъ отъ графа Ростопчина, — доказательство того, какъ мало придавалъ этотъ истинно-русскій государственный человѣкъ значенія дипломатической дѣятельности Чарторыйскаго, на котораго не могъ, да и не хотѣлъ полагаться.

Вслѣдъ затѣмъ пришло второе предписаніе изъ коллегіи. Графъ Ростопчинъ извѣщалъ посланника, что поведеніемъ своимъ Сардинскій дворъ возбудилъ неудовольствіе государя и предписывалъ ему, оставивъ Римъ, отправиться въ Неаполь. Князь Адамъ тѣмъ скорѣе исполнилъ приказаніе, что былъ очень радъ такому перемѣщенію.

Зимою 1800 — 1801 годовъ русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Бороздина продолжалъ занимать столицу Неа-

политанскаго королевства. Чарторыйскій рисуеть генерала щеголемъ Екатерининскаго двора, весьма привѣтливимъ и любезнымъ, но сибаритомъ и страстнымъ поклонникомъ женской красоты. Напротивъ, дипломатическій представитель Россіи въ Неаполѣ, Италинскій, былъ человекомъ совѣмъ иного характера. Малороссіянинъ родомъ, онъ въ молодости изучалъ медицину, потомъ преобразился въ ученаго физика и археолога. Онъ обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины письмами своими объ изверженіяхъ Везувія. Князь Адамъ былъ, по видимому, съ нимъ не въ ладахъ, потому что отрицаетъ въ немъ всякую способность къ дѣламъ высшей политики и слегка подсмѣивается надъ нимъ. Такъ онъ пишетъ: „Италинскій никогда не упустилъ случая въ концѣ своей депеши замѣтить, что тотъ самый пепель, который за восемнадцать столѣтій передъ тѣмъ засыпалъ Помпею, посыпаетъ нынѣ его бумагу. Подспорьемъ въ карьерѣ служило ему состояніе его здоровья. Онъ выдавалъ себя за умрающаго отъ чего-то въ родѣ аневризма, вынуждавшаго его вести самую правильную, затворническую жизнь. Но аневризмъ этотъ продолжался долгіе годы“¹⁾.

Неаполитанскій дворъ находился въ отсутствіи, въ Палермо. Королевствомъ управлялъ фаворитъ королевы Маріи-Каролины, англичанинъ Актонъ. Князь Адамъ изображаетъ его худымъ, щедушнымъ, со смуглымъ и впалымъ лицомъ, съ черными глазами, сгорбленнымъ и постоянно стонущимъ, жалуясь на обремененіе дѣлами и на разнородныя несчастія. Онъ вынужденъ признать, что для поддержанія порядка въ столицѣ и въ цѣломъ государствѣ, Актонъ гораздо болѣе разсчитывалъ на русскія войска, чѣмъ на неаполитанскія.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Неаполь, къ Чарторыйскому прискакалъ курьеръ изъ Петербурга. Онъ привезъ вѣсть о внезапной кончинѣ императора Павла и собственноручное письмо отъ новаго государя. Оно было слѣдующаго содержанія:

„Сего 17 марта 1801 г.

„Вы уже знаете, мой дорогой другъ, что вслѣдствіе кончины отца моего, я нахожусь во главѣ правленія. Пишу къ

¹⁾ Дѣйствительно, Италинскій прожилъ очень долго. При Александрѣ I онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь. Въ 1820 году возвращень на прежній постъ при Неаполитанскомъ дворѣ.

вамъ для того, чтобы вы сдали немедленно всё дѣла вашего посольства старшему по васъ и выѣхали для слѣдованія въ Петербургъ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ожидаю. Надѣюсь, что Провидѣніе охранитъ васъ въ пути и что вы придете сюда здоровымъ и невредимымъ. Прощайте, мой дорогой другъ. Не могу сказать вамъ болѣе. Прилагаю при семь паспортъ для предьявленія на границѣ.

Александръ“.

Легко представить себѣ чувства, возбужденныя въ душѣ Чарторыйскаго извѣстіемъ о перемѣнѣ царствованія и призывомъ, обращеннымъ къ нему тотчасъ по воцареніи его державнымъ другомъ. Онъ немедленно собрался въ путь, но желалъ, передъ отъѣздомъ, посѣтить достопримѣчательности Неаполя и въ особенности славныя его окрестности: Везувій, Геркуланумъ, Помпею, Портичи. При восхожденіи на Везувій съ нимъ едва не случилось несчастія: нога его скользнула и онъ чуть не упалъ въ самый кратеръ вулкана, но былъ вовремя удержанъ проводникомъ. Замѣчательны размышленія, вызванныя въ немъ этимъ приключеніемъ: „Мысль о смерти была мнѣ тяжка въ эту минуту. Я готовился возвратиться въ свою среду, готовился покончить съ пассивнымъ существованіемъ и начать новое, активное. Событія, казалось, обозначались подъ самыми счастливыми предзнаменованіями. Сладко было мнѣ любить жизнь тогда болѣе, чѣмъ когда-либо, потому что непогрѣшимая надежда, еще не запятнанная опытомъ, представлялась радужною моему взору. Я полагаю, у каждаго найдутся въ жизни подобныя мгновенія“.

Чарторыйскій ѣхалъ до Рима въ обществѣ генерала Бороздина. Въ Римѣ онъ имѣлъ свиданіе съ польскимъ генераломъ Яблоновскимъ, служившимъ въ польскихъ войскахъ французской республики. Они плохо понимали другъ друга. „Не оттого ли,—спрашиваетъ князь Адамъ,—что какъ бы мы ни были тверды въ убѣжденіяхъ, положеніе наше все же имѣетъ на насъ нѣкоторое вліяніе, такъ что мы испытываемъ перемѣну, вызываемую обстоятельствами, если и не въ глубинѣ души, то на поверхности ея“. Отъ Рима до Флоренці спутникомъ Чарторыйскаго былъ генералъ Левашовъ, также воз-

вращавшейся въ Россію. Столицу Тосканы они нашли уже занятою французскими войсками подъ начальствомъ Мюрата, зата Перваго Консула. Французскій главнокомандующій съ почетомъ принялъ обоихъ русскихъ дипломатовъ и далъ въ честь ихъ торжественный обѣдъ, на которомъ пилъ за здоровье императора Всероссійскаго.

Князь Адамъ заѣхалъ въ Ливорно, чтобы проститься съ умирающимъ Ржевускимъ. У него встрѣтилъ онъ опять двухъ польскихъ офицеровъ, состоявшихъ на французской службѣ: Сокольниковъ и Рознецкаго. Послѣдній хвалился тѣмъ, что ввелъ въ польскомъ легіонѣ національный уставъ, благодаря которому польская конница оказывалась подвижнѣе французской.

Чарторыйскій остановился въ Вѣнѣ всего на два дня. Онъ сѣвшиль въ Пулавы, гдѣ вся семья его находилась въ сборѣ. Впрочемъ, родители, братья и сестры не только не удерживали его, но убѣждали ѣхать какъ можно скорѣе. Онъ скакалъ день и ночь безъ дальнѣйшихъ остановокъ и въ концѣ іюня прибылъ въ Петербургъ.

VII.

Воцареніе императора Александра I.

Съ единодушнымъ восторгомъ прівітствовала Россія радужную зарю царствованія Александра Благословеннаго. Родовались и молодежь, и старики. Молодой дипломатъ Татищевъ, членъ иностранной коллегіи, писалъ по-французски дядѣ своему, графу С. Р. Воронцову, въ Англію: „Всѣ мы какъ будто возрождаемся къ новой жизни. Ужасныя мысли о тюрьмахъ, пыткахъ, ссылкахъ разсѣялись какъ зловѣщіе призраки, поражаемые мимолетнымъ сномъ. Ихъ замѣнила надежда на народное благополучіе и на безопасность отдѣльныхъ лицъ, счастье, на которое нельзя было рассчитывать въ злополучную эпоху, повергшую наше отечество въ скорбь и подточившую источники нашего богатства. Будемъ надѣяться, что благодѣянія начинающагося царствованія въ скорости излечатъ безчисленныя бѣды, насъ обременявшія“¹⁾. Живымъ образнымъ русскимъ язы-

¹⁾ Татищевъ графу С. Р. Воронцову, 13 (25) марта 1801 г. („Архивъ князя Воронцова“, XVIII, стр. 351).

комъ выражалъ тѣ же мысли старый дѣлецъ Екатерининскаго вѣка, графъ Завадовскій, въ письмѣ къ другому Воронцову, графу Александру Романовичу: „Жиды чають мессіи, но спасающій насъ обрадовалъ внезапно“¹⁾... Онъ же писалъ графу Семену: „Не полагалъ я, мой милый другъ, увидѣть спасеніе Россіи отъ свирѣпаго обуреванія, разлившагося на всѣ состоянія, не полагалъ пережить гоненій, устремленныхъ на меня лично; но благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ темныхъ дней. Заживаютъ раны отъ мѹки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ: ибо ангель со стороны кротости и милосердія царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали, измѣряя потому радость, когда можешь подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя. Милый другъ, возблагословимъ счастливое время, и что въ немъ окончили нашъ вѣкъ“²⁾. Всенародныя надежды возбуждали всѣмъ извѣстныя кротость и благодущіе Александра. „Ангель, спаситель Россіи“, такъ называли его подданные³⁾.

Посреди всеобщаго ликованія, задумчивъ и печаленъ оставался одинъ молодой государь. Смерть отца произвела на него удручающее впечатлѣніе: онъ былъ пораженъ, убитъ горемъ. Въ такомъ настроеніи тяжело ложилось на его юныя плечи бремя царской власти. Павелъ оставилъ всѣ отрасли государственнаго управленія въ состояніи полного разстройства. Въ высшей степени неудовлетворителенъ былъ личный составъ правительства. Искусно разжигаемая злоумышленниками природная подозрительность покойнаго императора имѣла послѣдствіемъ постепенное удаленіе отъ двора и отъ дѣлъ именно вѣрныхъ и преданныхъ слугъ государя и государства и замѣну ихъ либо ничтожными бездарностями, либо злодѣями, подъ личиною усердія таившими преступнѣйшіе замыслы. Понятно, что первыхъ Александръ не могъ ни уважать, ни довѣрять имъ; вторые же внушали ему и ненависть, и отвращеніе. Между тѣмъ боль-

¹⁾ Графъ Завадовскій графу А. Р. Воронцову, 7 (19) апрѣля 1801 г. Тамъ же, XII, стр. 263).

²⁾ Графъ Завадовскій графу С. Р. Воронцову, 13 (25) мая 1801 г. (Тамъ же, XII, стр. 264).

³⁾ Княгиня Дашкова графу С. Р. Воронцову, апрѣль, 1861 г. (Тамъ же, XII, стр. 341).

шинство личныхъ друзей его было въ отсутствіи. Графъ В. П. Кочубей, съ которымъ издавна связывала его тѣсная дружба, находился въ Дрезденѣ, Новосильцовъ — въ Лондонѣ, Чарторыйскій — въ Неаполѣ. Далекъ отъ Петербурга пребывали и опальные люди предпрошлаго царствованія, бывшіе сподвижники Екатерины: братья Воронцовы, Завадовскій, Морговъ. При такихъ обстоятельствахъ Александру ничего не оставалось какъ до поры до времени оставить всѣхъ правительственныхъ лицъ на своихъ мѣстахъ и даже назначить ихъ членами Непремѣннаго Совѣта, учрежденнаго двѣ недѣли по воцареніи для разсмотрѣнія и обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и относящихся до нихъ постановленій.

Завѣдываніе внѣшними дѣлами, представлявшими особенную важность вслѣдствіе разрыва съ Англіею и появленія британскаго флота въ виду нашихъ Балтійскихъ береговъ, захватилъ въ свои руки графъ Паленъ, вызвавшій себѣ въ помощь изъ Москвы своего друга-единомышленника, бывшаго вице-канцлера графа Панина. Главнымъ совѣтникомъ по дѣламъ внутреннимъ, Александръ избралъ едва ли не единственнаго находившагося въ столицѣ государственнаго дѣятеля Екатерининскаго времени, Д. И. Троицкаго. Онъ былъ назначенъ состоять при особѣ его величества, а также членомъ и завѣдующимъ канцеляріей вновь образованнаго Непремѣннаго Совѣта. Благоговѣя предъ памятью великой императрицы, этотъ ближайшій сотрудникъ Безбородко, состоявшій статсъ-секретаремъ при самой государынѣ въ послѣдніе годы ея жизни, считалъ высшимъ идеаломъ возвращеніе къ порядкамъ ея славнаго царствованія. Поэтому въ написанный имъ манифестъ о восшествіи императора Александра на престолъ онъ не преминулъ включить торжественный обѣтъ новаго государя: „управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей августѣйшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна“ ¹⁾. Первыми шагами на предначертанномъ такимъ образомъ пути явились мѣропріятія, клонившіяся къ отмѣнѣ перемѣнъ, внесенныхъ Павломъ, въ учрежденія своей матери: воз-

¹⁾ Высочайшій манифестъ, 12 (24) марта 1801 г.

становлены были въ прежней силѣ жалованная дворянству грамота и городовое положеніе, разрѣшены свободный выѣздъ русскихъ подданныхъ за границу, а ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію. Отмѣнены и распоряженія, вызывавшія недовольствіе въ арміи: возвращены полкамъ старыя именованія по областямъ и городамъ, вмѣсто введенныхъ Павломъ названій по именамъ шефовъ, обрѣзаны пукли у нижнихъ чиновъ. Всѣ эти мѣры носили характеръ реакціи противъ предшлагаго царствованія. Александръ дополнилъ ихъ другими, внутренними ему человѣколюбіемъ. Уничтожена Тайная Канцелярія, помилованы осужденные, множество опальныхъ и ссыльныхъ возвращены изъ Сибири и разныхъ мѣстъ заключенія.

Но задуманныя Александромъ преобразованія шли гораздо далѣе. Они обнимали всю совокупность государственнаго строя, требовавшаго, по убѣжденію его, коренной передѣлки, въ духъ времени, гуманныхъ, и либеральныхъ началъ, внушенныхъ ему воспитаніемъ. Дѣло это онъ считалъ своимъ царственнымъ долгомъ, но приняться за него, разумѣется, не могъ, пока не сплотилъ вокругъ себя достойныхъ и способныхъ сотрудниковъ, пользующихся его довѣріемъ и уваженіемъ и сочувствующихъ его цѣлямъ. Обновленіе личнаго правительственнаго состава стало, такимъ образомъ, главною его задачею и онъ осуществилъ ее съ замѣчательными тактомъ, и послѣдовательностью.

Первымъ должностнымъ лицомъ, уволеннымъ Александромъ, былъ наименѣе способный къ отправленію своей должности генераль-прокуроръ Обольяниновъ. Должность эта, едва ли не самая важная въ государствѣ, совмѣщала въ себѣ обязанности нынѣшнихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ, другими словами, въ рукахъ генераль-прокурора сосредоточивались всѣ нити внутренняго управленія имперіею. Преемникомъ Обольянинова государь назначилъ генерала Беклешова, который не замедлил оправдать его выборъ, оказавъ ему на первыхъ же порахъ существенную услугу.

Мы уже упоминали о вліятельномъ положеніи, занятомъ графомъ Паленомъ тотчасъ по воцареніи императора Александра. По свидѣтельству Чарторыйскаго, то былъ человѣкъ надменный и властолюбивый, непреклонной воли, доказавшій

на дѣлѣ, какъ мало онъ разборчивъ въ средствахъ, когда рѣчь идетъ о достиженіи намѣченной имъ цѣли, и при всемъ томъ хитрый, изворотливый и лукавый, такъ что на родинѣ его, въ Лифляндіи, говорили про него: „Der hat die Piffologie studiert“¹⁾. Званіе первоприсутствующаго въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ соединеніи съ должностью столичнаго генераль-губернатора и командующаго войсками с.-петербургской инспекціи, облакало его обширною властью, которую онъ искалъ еще расширить, пользуясь отчаяніемъ Александра, его молодостью и неопытностью. Въ обращеніи своемъ съ государемъ онъ то принималъ покровительственный тонъ, то позволялъ себѣ вступать съ нимъ въ споръ и навязывать ему собственные мнѣнія. При дворѣ и въ городѣ говорили, что гордый ливонскій дворянинъ возмечталъ стать чѣмъ-то въ родѣ „палатнаго мѣра“.

Беклешовъ былъ простой русскій человѣкъ, получившій самое элементарное образованіе, не говорившій на иностранныхъ языкахъ, но честный и прямой, твердый и рѣшительный, а главное — безпредѣльно преданный своему государю. Когда Александръ повѣдалъ ему непріятности, чинимыя Паленомъ, и даже опасенія, внушаемыя дерзкимъ образомъ дѣйствій послѣдняго, то генераль-прокуроръ ограничился отвѣтомъ: „Коль у меня подъ ухомъ жужжитъ комаръ, я его прогоняю“. По настоянію Беклешова, государь подписалъ указъ объ удаленіи Палена отъ всѣхъ занимаемыхъ должностей и о немедленномъ выѣздѣ изъ столицы. Указъ этотъ былъ лично объявленъ генераль-прокуроромъ Палену. Тотъ повиновался безпрекословно. Петербургскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками въ столицѣ назначенъ былъ генераль Голенищевъ-Кутузовъ, завѣдываніе же иностранными дѣлами возложено на Панина, который пользовался славою опытнаго и искуснаго дипломата.

Между тѣмъ начинали сѣзжаться въ Петербургъ молодые друзья Александра, изъ которыхъ одинъ только графъ Павелъ

¹⁾ Онъ изучилъ „пиффологию“, вмѣстѣ филологіи, отъ слова piffig, что по-нѣмекки значить хитрый, умѣющій обманывать другихъ, самъ же не поддающийся обману.

Строгановъ находилъся при государѣ въ день его восшествія на престоль. Получивъ въ Дрезденѣ извѣстіе о перемѣнѣ царствованія, Кочубей тотчасъ же написалъ Александру, что поспѣшить къ нему, чтобъ отдать себя въ полное его распоряженіе. О намѣреніи своемъ онъ извѣстилъ и графа С. Р. Воронцова, которому сообщилъ: „Я ѣду, потому что многимъ обязанъ великому князю Александру; ѣду потому, что убѣжденъ, что обязанность всѣхъ честныхъ людей сплотиться вокругъ него и напрягать всѣ усилія къ исцѣленію несчетныхъ ранъ, нанесенныхъ отцомъ его отечеству. А за симъ, если онъ захочетъ дать мнѣ назначеніе, то стану служить ему сколь могу лучше и предпочтительно по какой либо части внутренняго управленія; если же онъ не захочетъ моихъ услугъ, то удалюсь и буду проводить лѣто въ деревнѣ, зиму—въ Москвѣ ¹⁾“. Но дальнѣйшія вѣсти изъ Петербурга смутили Кочубея. Съ дороги изъ Кёнигсберга онъ писалъ тому же другу: „Желать перемѣны было каждому естественно и никто оныя болѣе меня не желалъ. Но насиліе такого рода, каковое, сказываютъ, было, должно быть, какъ гнусно, такъ и опасно для переду. По истинѣ, еслибъ было мнѣ возможно, еслибы я не отозвался письмомъ къ самому о пріѣздѣ моемъ, никакъ бы не двинулся изъ Берлина. Но теперь долженъ уже слѣдовать первому теченію, въ твердомъ будучи намѣреніи убраться, коль скоро нѣкоторыя непріятныя обстоятельства найдутся основательными“. Подъ такими обстоятельствами Кочубей разумѣлъ вліяніе при дворѣ братьевъ Зубовыхъ, отчасти и передачу иностранныхъ дѣлъ въ завѣдываніе Панина. „Увидите“,—предупреждаетъ онъ Воронцова о послѣднемъ,—что тутъ выйдутъ замашки. Лудовикъ XVIII не имѣетъ эмигранта болѣе его запальчиваго и легко окажется, что мы изъ одной крайности бросимся въ другую“ ²⁾. Кочубей пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ апрѣля.

Не ранѣе какъ въ половинѣ мая прибылъ туда же и Новосильцовъ, на англійскомъ фрегатѣ „Латонѣ“, вмѣстѣ съ великобританскимъ посломъ лордомъ Сентъ-Эленсомъ и съ юнымъ сыномъ графа С. Р. Воронцова, Михаиломъ Семеновичемъ.

¹⁾ Графъ Кочубей графу Воронцову, 27 марта (8 апрѣля) 1801 г. (Тамъ же, XVIII, стр. 236).

²⁾ Тотъ же тому же, 9 (21) апрѣля 1801 г. (Тамъ же, IXV, стр. 149).

Около четырех лѣтъ провелъ Новосильцовъ въ Англіи. Во все это время онъ находился въ непрерывномъ общеніи съ Воронцовымъ и вполне усвоилъ его англійскія воззрѣнія, сочувствія, привычки. вмѣстѣ мечтали они о преобразованіи русскихъ государственныхъ учрежденій по британскимъ образцамъ; о созданіи Сената „просвѣщеннаго и добродѣтельнаго“, съ правомъ и обязанностью дѣлать верховной власти всеподданнѣйшія представленія; объ образованіи Совѣта изъ небольшого числа лицъ, „самыхъ честныхъ и свѣдущихъ въ Имперіи“, для всесторонняго и свободнаго обсужденія сообща, въ присутствіи государя, важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Черезъ графа Семена, Новосильцовъ, по пріѣздѣ въ Россію, долженъ былъ сблизиться съ графомъ Александромъ Воронцовымъ, а также съ Кочубеемъ, съ коимъ до того времени вовсе не былъ знакомъ.

Послѣднимъ изъ личныхъ друзей Александра, а именно во второй половинѣ іюня, возвратился въ Петербургъ Чарторыйскій. Едва ли не его одного изъ всѣхъ вызвалъ самъ государь собственноручнымъ письмомъ. Навстрѣчу ему въ Ригу высланъ былъ фельдъегерь со вторымъ письмомъ отъ императора, выражавшимъ радость по поводу близкаго свиданія¹⁾.

Интересно сопоставить впечатлѣнія, вынесенныя каждымъ изъ трехъ друзей изъ первой встрѣчи съ Александромъ послѣ продолжительной разлуки, и отзывы ихъ о положеніи дѣлъ при дворѣ и въ правительствѣ.

Кочубей писалъ графу С. Р. Воронцову: „Совѣтъ образованъ на совершенно новыхъ основаніяхъ и я не сомнѣваюсь, что учрежденіе это окажетъ наилучшее вліяніе на ходъ дѣлъ. Впрочемъ, всѣ поступки нашего молодого государя отмѣчены печатью мудрости, умѣренности и такта, поразительныхъ для его возраста. Не воображайте, что отзывъ мой — лесть. Я не способенъ къ ней, да къ тому же письмо мое не будетъ читаться здѣсь никѣмъ. Оно украситъ умы лишь чиновниковъ иностранныхъ почтамтовъ. Императоръ, по пріѣздѣ моемъ, удостоилъ меня самаго ласковаго пріема... Я вижу его по нѣ-

¹⁾ Императоръ Александръ I князю Адаму Чарторыйскому, 12 (24) іюня 1801 г.

сколько разъ въ недѣлю, столь часто, сколько считаю это личнымъ, дабы не утомлять его послѣ девятичасовой ежедневной работы, коею не стѣсняются его утруждать ради дѣлъ крупныхъ и мелкихъ. Все это онъ переноситъ съ терпѣніемъ, не свойственнымъ его лѣтамъ. Онъ соглашается, что это не весело; но, говорить онъ, таковъ мой долгъ и я обязанъ исполнять его, жертвуя ему всѣмъ, что касается до меня лично. Намѣренія его превосходны. Выраженія: „общественная польза“, „благо отечества“, не сходятъ у него съ устъ, ибо давно запечатлѣны въ сердцѣ. Къ несчастью, онъ въ сотрудиникахъ своихъ находитъ далеко не то содѣйствіе, какого бы желалъ. Здѣсь полный разладъ. Люди, занимающіе первыя мѣста, представляютъ изъ себя, если смѣю такъ выразиться, столько же отдѣльныхъ державъ. Каждый работаетъ въ свою голову и по своимъ видамъ, совокупной дѣятельности не существуетъ. Отсюда разъединеніе различныхъ отраслей управленія; отсюда и множество продолжающихся злоупотребленій“. Въ заключеніе письма, Кочубей въ слѣдующихъ словахъ излагаетъ собственный взглядъ свой на политику Россіи, внутреннюю и внѣшнюю: „Дай Богъ, чтобы настало какъ можно скорѣе всеобщее замиреніе и чтобы намъ долго не доводилось впутываться въ эти злополучныя европейскія дѣла, причинившія намъ столько зла. Намъ необходимо спокойствіе для залеченія глубокихъ ранъ государства, и не приведи Господь, чтобы министры настоящіе или будущіе, побуждаемые видами честолюбія или системы, вовлекли насъ опять въ новыя войны. Такіе министры были бы врагами Россіи, болѣе злостными, чѣмъ тѣ, съ которыми намъ пришлось бы сражаться съ оружіемъ въ рукахъ. Миръ и улучшеніе нашего внутренняго состоянія — вотъ тѣ слова, которыя слѣдовало бы начертать золотыми письменами въ кабинетахъ нашихъ государственныхъ людей“¹⁾.

Тому же Воронцову сообщалъ Новосильцовъ: „Вамъ, быть можетъ, сказали, что здѣсь есть люди, стремящіеся къ разыгрыванію роли визиря. Это довольно вѣроятно. Но если вамъ сказали, что такая-то партія или такое-то лицо управляетъ

¹⁾ Графъ Кочубей графу С. Р. Воронцову, 12 (24) мая 1801 г. („Архивъ князя Воронцова“, XVIII, стр. 239).

государемъ—не вѣрьте этому. Конечно, министры или лица, облеченные этимъ званіемъ, пользуются вліяніемъ, но лишь настолько, насколько оно зависитъ отъ мѣстъ ими занимаемыхъ, а сами они умѣютъ извлекать изъ сего выгоду. Я даже утверждаю, что вліяніе это, если только оно не направлено къ истинному благу страны, будетъ менѣе обеспечено за ними въ нынѣшнее, чѣмъ во всѣ предшедшія царствованія. Ибо императоръ охотно слушаетъ всѣхъ, кто имѣетъ представить ему дѣльныя замѣчанія, и я могу васъ увѣрить, что немного людей умѣютъ лучше выслушивать, чѣмъ онъ. Онъ желаетъ добра, хочетъ быть справедливымъ, ищетъ распознать истину и старается открыть ей свободный доступъ къ себѣ. Присовокупите къ сему чистѣйшую душу, наилучшія намѣренія, и умъ, еще незанятый и неиспорченный никакою страстью. Единственное что пугаетъ меня—это несчастная истина, что злые люди всегда слишкомъ дѣятельны, добрые же—слишкомъ лѣнны и что первые, по лукавству своему, не находя въ немъ порока, къ которому могли бы привязаться, постараются обратить его самыя добродѣтели въ орудія, имъ пригодныя, выдавая ему все это за требованіе *справедливости и вѣрности обязательствамъ*“. Далѣе Новосильцовъ утверждаетъ, что онъ всячески старается внушить государю „необходимость имѣть министерство *русское*, вдохновляемое лишь истинными пользами отечества и независимое отъ иностранныхъ дворовъ“. Онъ свидѣтельствуетъ также, что „проектъ, имѣющій цѣлью счастье Россіи“, тотъ самый, который въ бытность его въ Англіи обсуждался имъ вмѣстѣ съ Воронцовымъ, а послѣдній называлъ „прекраснымъ сномъ“,— быстро подвигается къ осуществленію¹⁾.

Насколько впечатлѣнія Кочубея и Новосильцова радостны и полны самыхъ свѣтлыхъ упованій, настолько же проглядываетъ въ отзывахъ Чарторыйскаго нѣчто весьма похожее на разочарованіе. „Подѣзжая къ Петербургу“, — рассказываетъ онъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, — „я не могъ не отдаться вліянію самыхъ противоположныхъ чувствъ, счастливый тѣмъ, что увижу лицъ, къ коимъ питалъ привязанность, горя не-

¹⁾ Новосильцовъ графу С. Р. Воронцову, 29 мая (10 іюня) 1801 г. (Тамъ же, XVIII, стр. 440).

терпѣніемъ свидѣться съ ними, но тревожный по поводу тѣхъ переменъ, которыя должно было вызвать время и новое ихъ положеніе“.

Князь Адамъ былъ принятъ государемъ по возвращеніи съ ученя, которое, замѣчаетъ онъ, производилось попрежнему, „какъ при жизни Павла“. Онъ нашелъ Александра блѣднымъ и утомленнымъ. Государь принялъ его ласково, но съ видимою грустью, и Чарторыйскій жалуется, что въ немъ не только не сказалось чувство радости, но, напротивъ, проявилась нѣкоторая сдержанность. „Теперь, когда онъ сталъ владыкою“,— разсуждаетъ князь Адамъ,— „мнѣ показалось, быть можетъ и напрасно, что онъ какъ бы сдерживаетъ себя, чувствуетъ себя неловко, и сердце мое сжалось“. Александръ увелъ друга въ кабинетъ и тамъ сказалъ ему: „Хорошо, что вы пріѣхали. Наши ждутъ васъ съ нетерпѣніемъ“. Потомъ онъ принялся разсказывать ему обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престоль...

Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ царскаго приѣма, князь Адамъ излагаетъ въ слѣдующихъ строкахъ своихъ Записокъ:

„Мнѣнія и чувства Александра, показавшіяся мнѣ столь удивительными въ русскомъ великомъ князѣ, не измѣнились. Но приблизился къ власти онъ еще въ царствованіе императора Павла, а теперь самъ исправлялъ державныя обязанности неограниченнаго властителя, и это не могло не отразиться на его образѣ мыслей. Однако, въ глубинѣ души таковой оставался неизмѣннымъ. То была въ продолженіе многихъ лѣтъ какъ бы тайная страсть, въ коей мы не смѣемъ признаться передъ свѣтомъ, неспособнымъ понять ее, но которая не перестаетъ владѣть нами и увлекать насъ, коль скоро намъ представляется возможность подчиниться ей. Я часто буду имѣть случай возвращаться къ этому важному предмету для объясненія характера Александра, такъ какъ въ другія минуты его жизни—императора, проникнутаго сознаниемъ своего могущества и обязанностей, возлагаемыхъ имъ на него, можно было сравнить съ человекомъ, который любитъ забавляться игрушками дѣтства и съ сожалѣніемъ покидаетъ любимое развлеченіе, чтобы возвратиться къ обязательнымъ занятіямъ обыденной жизни“.

Вскорѣ кружокъ довѣренныхъ друзей государя дополнился прибытіемъ новаго лица—Лагарпа, бывшаго его воспитателя.

Оставивъ Россію въ 1795 году, Лагарпъ отправился на родину въ Швейцарію, гдѣ принялъ дѣятельное участіе въ событіяхъ, вызвавшихъ перемѣну во внутреннемъ устройствѣ этой страны. Онъ сталъ однимъ изъ вождей движенія, преобразившаго ее изъ союза самостоятельныхъ кантоновъ въ единую гельветическую республику, по примѣру и подъ покровительствомъ Франціи. Его даже избрали членомъ первой швейцарской директоріи, но онъ недолго занималъ эту должность, по оставленіи которой поселился въ имѣніи, купленномъ въ окрестностяхъ Парижа. Тамъ узналъ онъ о воцареніи державнаго своего ученика и поспѣшилъ привѣтствовать его письмомъ, въ коемъ выражалъ желаніе пріѣхать въ Россію. Отвѣтъ Александра въ высшей степени характеренъ для обозначенія его душевнаго настроенія въ первые мѣсяцы царствованія. Онъ писалъ бывшему наставнику:

„Я постараюсь стать достойнымъ имени вашего воспитанника и во всю жизнь мою буду имъ гордиться. Я пересталъ писать къ вамъ, лишь повинуюсь самымъ положительнымъ приказаніямъ, но не переставалъ думать о васъ и о проведенныхъ съ вами минутахъ. Мнѣ было бы отрадно надѣяться, что онѣ могутъ возвратиться снова и я былъ бы очень счастливъ, еслибы это осуществилось. Въ этомъ отношеніи я вполне полагаюсь на васъ и на ваши домашнія обстоятельства, потому что нѣтъ другихъ причинъ, которыя могли бы служить препятствіемъ. Объ одной милости прошу васъ — пишите ко мнѣ время отъ времени и давайте совѣты, столь полезные въ настоящемъ моемъ званіи, принять которое на себя я рѣшился лишь въ надеждѣ быть полезнымъ моему отечеству и предотвратить отъ него въ будущемъ новыя бѣдствія. Отчего вы не можете быть здѣсь, чтобы наставлять меня вашею опытностью и оградить отъ ловушекъ, въ которыя я могу впасть по молодости, а, быть можетъ, и по незнакомству съ порочностью испорченныхъ душъ? Часто судишь о другихъ по себѣ и, желая добра, ласкаешь себя тѣмъ, что и другіе имѣютъ тѣ же намѣренія, пока опытъ не докажетъ противнаго. Тогда выходишь изъ заблужденія, но, быть можетъ, слишкомъ поздно и зло уже сдѣлано.

„Вотъ почему, дорогой другъ мой, просвѣщенный и опытный въ знаніи людей другъ есть величайшее сокровище. Занятія мои не позволяютъ мнѣ писать вамъ долѣе. Скажу вамъ въ заключеніе, что болѣе всего причиняетъ мнѣ заботъ и труда желаніе согласовать частныя интересы и ненависть и заставить другихъ содѣйствовать единой и единственной цѣли — общей пользѣ“¹⁾.

Заключительныя слова заслуживаютъ особеннаго вниманія. Они вѣрно передаютъ рѣшеніе Александра никого не устранять отъ дѣла служенія государству и искать пріобщить ему опытность „старцевъ“ такъ же какъ и пламенную ревность „молодыхъ“. Пока старые заслуженные сановники занимали, такимъ образомъ, виднѣйшія мѣста въ государственной іерархіи, юные друзья Александра также были зачислены на службу, но на должности несравненно скромнѣйшія. Кочубей, бывшій уже посланникомъ и даже вице-канцлеромъ, назначенъ состоять при особѣ его величества, равно какъ и Новосильцовъ, пожалованный дѣйствительнымъ камергеромъ. Павелъ Строгановъ поступилъ въ Сенатъ въ званіи оберъ-прокурора 1-го департамента, лишь одинъ Чарторыйскій уклонился отъ занятія какой либо должности. Онъ имѣлъ на то особыя причины.

Дѣло въ томъ, что князь Адамъ продолжалъ считать себя полякомъ, ничѣмъ не обязаннымъ Россіи. Вступить въ русскую службу при Екатеринѣ и продолжать ее при Павлѣ побудила его только необходимость. Съ воцареніемъ его августѣйшаго друга, ему уже нечего было опасаться. И вотъ, получивъ отъ государя первое письмо въ Неаполѣ, онъ возбуждаетъ вопросъ по поводу того, что на адресѣ его величество, по разсѣянности, назвалъ его дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, тогда какъ по званію посланника онъ состоялъ въ III классѣ. „Я былъ удивленъ“, — заявляетъ онъ въ своихъ Запискахъ, — „какъ смѣлъ Александръ такъ скоро произвести меня въ этотъ чинъ, и рѣшился не принимать его“. Въ отвѣтъ государю онъ прямо высказалъ нежеланіе свое получать впредь

¹⁾ Императоръ Александръ I Лагарпу, 9 (21) мая 1801 г. (Сборникъ И. Р. Историческаго Общества, V, стр. 29).

какіе либо *русскіе* чины или знаки отличія, считая ихъ несовмѣстными съ достоинствомъ своимъ и независимостью.

„Трое изъ *нашихъ*, какъ называлъ ихъ императоръ“,— читаемъ въ его Воспоминаніяхъ“,— были помѣщены въ практическую дѣловую сферу и уже испытывали препятствія и затрудненія, съ которыми встрѣчаешься тотчасъ по вступленіи въ правительственный механизмъ, въ пружину коего обращаешься. Что касается до меня, то я не имѣлъ никакого *русскаго* честолюбія, находился въ Россіи совершенно случайно, какъ тропическое растеніе, часто неумѣстное на этой чуждой почвѣ, съ чувствами, направленіе и строгость коихъ не могли согласоваться вполнѣ даже съ интимными убѣжденіями моихъ друзей, нажитыхъ мною вслѣдствіе совершенно негаданныхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Я одинъ остался членомъ Тайнаго Совѣта, внѣ дѣйствительныхъ дѣлъ, весьма довольный тѣмъ, что не былъ къ нимъ приуроченъ. Мнѣ часто было въ тягость мое положеніе, утомлявшее меня. Я вздыхалъ по родинѣ и по родителямъ. Мною овладѣло вполнѣ естественное желаніе снова очутиться въ ихъ средѣ и уже не удалиться отъ счастья, въ коемъ я болѣе чѣмъ когда либо ощущалъ потребность. Удерживали меня только личная моя привязанность къ императору и надежда оказать услугу моему отечеству. Но часто надежда эта какъ будто ускользала совершенно. Мечты ранней юности разсѣивались, какъ утренній туманъ предъ лучами солнца. Это случается съ большинствомъ людей. На кого пенять? На свѣтъ? Но зачѣмъ требовать отъ него болѣе, чѣмъ онъ можетъ дать? Виновны въ столь жестокихъ разочарованіяхъ тѣ, чьи притязанія и безумныя надежды переходятъ за предѣлы дѣйствительности и возможности краткихъ мгновеній, которыя мы проводимъ въ этомъ мірѣ. Но если мы ошиблись въ нашихъ мечтаніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, не хотимъ лишать себя возможнаго счастья. А этому подвергался я во многихъ отношеніяхъ. Потому-то я и былъ такъ утомленъ своимъ положеніемъ и постоянно втайнѣ помышлялъ объ удаленіи изъ Петербурга. Императоръ бесѣдовалъ еще со мною о Польшѣ, съ промежутками, становившимися день ото дня продолжительнѣе. Когда онъ замѣчалъ во мнѣ упадокъ духа и тревогу, то возвращался къ этому предмету, но уже не такъ,

какъ бывало прежде. Онъ или утѣшалъ меня въ общихъ выраженіяхъ, или вовсе не касался вопроса, обсужденіе котораго становилось затруднительнѣе съ каждымъ днемъ, но который все же оставался единственною истинною связью, насъ соединявшею. Впрочемъ, хотя онъ и избѣгалъ положительныхъ объясненій, но все еще хотѣлъ, чтобы я вѣрилъ, что въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ не измѣнилъ ни намѣреній, ни чувствъ своихъ. Но что могъ онъ сдѣлать въ своемъ положеніи? Чего могъ и я благоразумно требовать отъ него?“

Признаніе это крайне знаменательно. Оно свидѣтельствуетъ, что у императора Александра со времени вступленія на престолъ стали, въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, слагаться опредѣленные взгляды на важнѣйшіе государственные вопросы, взгляды во многомъ отличавшіеся отъ незрѣлыхъ мечтаній и великодушныхъ увлеченій юности. Они были къ тому же вполне самостоятельны, не взирая на множество совѣтниковъ официальныхъ и довѣрительныхъ, которыхъ онъ, какъ замѣчено выше, выслушивалъ всѣхъ съ удивительнымъ терпѣніемъ.

Число ихъ увеличилось съ прибытіемъ въ Петербургъ тещи государя, маркграфини Баденской.

Принцесса Амалія-Фридерика пріѣхала навѣстить дочь свою, императрицу Елисавету Алексѣевну. Чарторыйскій изображаетъ ее женщиною высокаго роста, съ гордою и повелительною осанкою и съ сохранившимися слѣдами рѣдкой красоты. Она славилась въ Германіи умомъ, образованіемъ и практическимъ смысломъ. Порядки Русскаго двора занимали ее и далеко не во всемъ удовлетворяли. Если вѣрить князю Адаму, то она находила, что дочь ея, царствующая государыня, слишкомъ ступшевыается предъ вдовствующею императрицею Марією Феодоровною, за которою Александръ, какъ почтительный сынъ, сохранилъ всѣ преимущества верховнаго сана. Маркграфинѣ казалось также, что задуманныя государемъ преобразованія были слишкомъ смѣлы и могли повлечь за собою опасныя послѣдствія. Она не одобряла отвращеніе Александра къ церемоніямъ всякаго рода, простоту его вкусовъ и привычекъ, чѣмъ, по мнѣнію ея, слишкомъ сглаживалось раз-

стояніе между монархомъ и подданными, ронялось въ общественномъ мнѣніи обаяніе двора. Она постоянно проводила параллель между Русскимъ императоромъ и Первымъ Консуломъ, который, лучше изучивъ человѣческую природу, окружилъ себя блескомъ, необходимымъ для поддержанія престижа верховной власти. „Маркграфиня желала“, — повѣствуетъ Чарторыйскій, — „возбудить честолюбіе въ зятѣ, дабы онъ воспользовался уроками, которые давалъ тогда міру столь могучій геній. Она желала, чтобы, не ссорясь съ Наполеономъ, Александръ вступилъ съ нимъ въ состязаніе, и чтобы дѣйствія его правительства, какъ дѣйствія перваго консула, являлись постоянными доказательствами величія, силы воли и рѣшимости. „Русскіе“, — говорила она, — „нуждаются въ этомъ столько же сколько и французы“. Я не замедлилъ передать императору содержаніе этихъ разговоровъ, заключавшихъ нѣкоторыя замѣчанія, справедливость и истина которыхъ могли быть ему полезны и должны были поразить его. Но подобные совѣты не дѣйствовали на Александра. Онъ удивлялся Наполеону, но не считалъ себя способнымъ слѣдовать его примѣру. То были двѣ природы другъ другу противоположныя, пути ихъ расходились. Лишь много лѣтъ спустя, страшная опасность, безграничное честолюбіе властелина Франціи и его невѣроятныя ошибки доставили Александру случай выказать выдающіяся достоинства, всегда, впрочемъ, оборонительнаго свойства, но которыя все же обезпечили ему побѣду надъ соперникомъ“.

Государь выразилъ желаніе, чтобъ празднества по случаю коронаціи, происходившей, согласно обычаю, въ Москвѣ 15 сентября 1801 года, были какъ можно менѣе продолжительны. Во все время торжествъ онъ былъ грустенъ и разстроенъ. Дворъ оставался въ первопрестольной столицѣ немного болѣе мѣсяца и въ половинѣ октября выѣхалъ обратно въ Петербургъ.

Пребываніе двора въ Москвѣ было ознаменовано замѣною Панина Кочубеемъ въ завѣдываніи внѣшними сношеніями. Такъ мало-по-малу устранялись отъ дѣлъ тѣ именно лица, которыя въ первые дни царствованія хвалились наибольшимъ вѣсомъ и значеніемъ. Сначала удаленъ былъ Паленъ, за нимъ слѣдовалъ Панинъ, а за этимъ и братья Зубовы. Сходили они со сцены тихо, безъ шума, такъ что уходъ ихъ едва былъ

замѣченъ современниками. Ни одинъ изъ нихъ не появлялся болѣе ко двору при жизни императора Александра I.

За этими исключеніями на поверхности придворной и правительственной жизни не произошло ни малѣйшей перемѣны. Дѣла шли обычнымъ чередомъ и ничто не указывало на близость какихъ либо преобразованій. Старые сановники оставались во главѣ различныхъ отраслей управленія, не заботясь о введеніи въ нихъ какихъ либо улучшеній, да и не видя въ томъ надобности. Между тѣмъ, незримо для всѣхъ, кипѣла усиленная работа „молодыхъ людей“, имѣвшая цѣлью обновленіе всего государственнаго строя. Въ ней принималъ личное участіе и руководилъ ею самъ государь.

VIII.

„Комитетъ общественнаго спасенія“.

„Комитетомъ общественнаго спасенія“ самъ императоръ Александръ I прозвалъ въ шутку собраніе молодыхъ друзей своихъ, сходящихся у него для обсужденія и разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ по преобразованію государственнаго строя Россіи.

Членами этого негласнаго Комитета были графъ Кочубей, графъ Павелъ Строгоновъ, Новосильцовъ и князь Чарторыйскій. Первое собраніе его состоялось тотчасъ по возвращеніи послѣдняго изъ Италіи, а именно 24 іюня (6 іюля) 1801 года.

По свидѣтельству князя Адама, со дня вступленія на престолъ Александра въ образѣ мыслей его произошла значительная перемѣна. Онъ уже не вдавался въ крайности, объ отреченіи отъ власти не было больше и помину, но его продолжало занимать все, что относилось до улучшенія государственнаго управленія и до развитія благосостоянія народнаго. Государь сознавалъ, что задуманныя имъ преобразованія совершить не легко, что осуществленіе ихъ встрѣтитъ серіозныя препятствія, но ему хотѣлось доказать, что намѣренія его остались тѣ же и что онъ способенъ перенести ихъ изъ области предположеній въ область дѣла. Признавалось, однако, неудобнымъ преждевременно огласить ихъ, подвергая неиз-

бѣжному осужденію и порицанію со стороны общества, мало подготовленнаго къ ихъ воспринятію, а потому было рѣшено, что комитетъ будетъ собираться втайнѣ и заниматься исключительно изготовленіемъ преобразовательныхъ проектовъ, не вмѣшиваясь въ дѣло управленія.

Изъ четырехъ членовъ Комитета, Чарторыйскій, Новосильцовъ и Строгоновъ были сверстники, издавна связанные тѣсною дружбой. „Наши взаимныя отношенія“, — повѣствуетъ князь Адамъ, — „стали отнынѣ серіознѣе. Еще болѣе соединило насъ сознание необходимости сплотиться вокругъ императора, не покидать его въ его желаніи преобразованій. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ насъ считали образцами задушевной и постоянной дружбы, способной выдержать любое испытаніе. Стать выше всякаго личнаго интереса, не принимать ни отличій, ни наградъ, — таковъ былъ девизъ нашего единенія. Онъ хотя и съ трудомъ могъ акклиматизироваться въ Россіи, но соотвѣтствовалъ юношескимъ помысламъ императора и внушалъ ему особое уваженіе къ друзьямъ“. Честь избранія этого девиза Чарторыйскій приписываетъ себѣ, такъ какъ онъ всего лучше отвѣчалъ требованіямъ его собственнаго положенія. Если вѣрить князю Адаму, то товарищамъ его такое правило не всегда приходилось по вкусу и даже самъ государь сталъ впоследствии тяготиться тѣмъ, что у него явились слуги, которые отличались отъ прочихъ, отказываясь отъ награжденій, столь жадно ловимыхъ всѣми остальными.

Четвертый членъ, графъ Кочубей, не принадлежалъ въ составу триумвирата и былъ нѣсколькими годами старше своихъ сочленовъ. Чарторыйскій изображаетъ его человѣкомъ съ европейскимъ лоскомъ и привлекательными манерами, но страдающимъ главнымъ недостаткомъ славянъ вообще и, по мнѣнію князя Адама, русскихъ въ особенности — непомѣрнымъ тщеславіемъ. Впрочемъ, характера онъ былъ ровнаго и мягкаго, отличался умомъ прямымъ, но не глубокимъ, практическимъ званіемъ дѣлъ, хотя и безъ основательной научной подготовки, наконецъ, добротою и искренностью, „въ бѣдѣ большей степени“, — замѣчаетъ Чарторыйскій, — „чѣмъ обыкновенно приходится встрѣчать ихъ въ Россіи“. Далѣе князь Адамъ характеризуетъ Кочубея какъ человѣка искательнаго, честолюбиваго,

ваго, жаднаго до мѣстъ, отличій и въ особенности до денежныхъ пособій и наградъ. По словамъ его, Кочубей легко поддавался вліянію другихъ людей и вообще среды, въ которой доводилось ему жить и дѣйствовать. Такъ, съ членами триумвирата онъ высказывался въ пользу либеральныхъ идей, хотя не безъ оговорокъ, ибо идеи эти не всегда согласовались съ личными его воззрѣніями. Князь Адамъ приписываетъ это слабости характера, намъ же кажется, что разногласіе между Кочубеемъ и его молодыми товарищами проще объясняется тѣмъ, что онъ въ продолженіе десятилѣтней службы успѣлъ ознакомиться съ истиннымъ положеніемъ русскихъ государственныхъ дѣлъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, о которыхъ тѣ не имѣли пока ни малѣйшаго понятія.

Тайный Комитетъ собирался у государя еженедѣльно, по понедѣльникамъ¹⁾. Въ эти дни члены его обѣдали за высочайшимъ столомъ. Послѣ кофе, поговоривъ нѣсколько минутъ съ прочими приглашенными, императоръ удалялся. Но пока остальные гости разѣзжались, четыре избранника вводились чрезъ тайный ходъ въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними покоями ихъ величествъ. Туда приходилъ и государь, и тамъ, въ его присутствіи и при его участіи, происходили оживленныя и продолжительныя пренія по всевозможнымъ государственнымъ вопросамъ.

„Не было предмета, — пишетъ князь Адамъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, — который не подвергался бы обсужденію. Всякій излагалъ свои мысли, иногда свою работу и собранныя свѣдѣнія о ходѣ правительственныхъ дѣлъ и замѣченныхъ въ нихъ злоупотребленіяхъ. Императоръ съ полнѣйшею откровенностью разоблачалъ свои помыслы и истинныя чувства. И хотя собранія эти долго были лишь простымъ препровожде-

¹⁾ Въ Запискахъ своихъ князь Чарторыйскій увѣряетъ, что Комитетъ сходился по два и даже по три раза въ недѣлю. Показаніе это опровергается обнаруженнымъ генераломъ Богдановичемъ въ приложеніи къ главѣ II перваго тома его „Исторіи царствованія императора Александра I“ отчетовъ о засѣданіяхъ Комитета, составленныхъ однимъ изъ его членовъ, графомъ Павломъ Строгановымъ. Изъ отчетовъ этихъ видно, что въ продолженіе 1801 и первой половины 1802 годовъ, засѣданія происходили не болѣе одного раза въ недѣлю. Они прекратились со времени учрежденія министерствъ и образованія Комитета Министровъ въ концѣ 1802 года.

ніемъ времени съ нескончаемыми спорами и безъ всякаго практическаго результата, но справедливость требуетъ признать, что не было въ Россіи такого внутренняго улучшенія, ни одной полезной реформы, задуманной или созданной въ продолженіе александровскаго царствованія, которыя не зародились бы въ этихъ совѣщаніяхъ. Между тѣмъ, истинный правительственный совѣтъ, т. е. Сенатъ и министры, управляли и вели дѣла по-своему. По выходѣ изъ маленькой туалетной комнаты, императоръ поддавалъ вліянію стариковъ-министровъ и ничего не могъ совершить изъ того, что было рѣшено въ Совѣтѣ Тайномъ. Послѣдній можно сравнить съ масонскою ложою, выходя изъ которой мы возвращались въ свѣтъ“.

Скоро, однако, тайна этихъ совѣщаній огласилась при дворѣ и въ обществѣ. *Партія молодыхъ людей*, какъ называли ее современники, стала обнаруживать нетерпѣніе. Она начала настаивать предъ государемъ на необходимости осуществить на дѣлѣ высказанныя имъ мнѣнія, исполнить предположенія, имъ уже одобренныя. Старались добиться отъ него удаленія нѣкоторыхъ изъ министровъ, считавшихся противниками реформъ, и замѣны ихъ молодыми людьми. Но Александръ не поддавался этимъ внушеніямъ, будучи по характеру расположенъ въ пользу образа дѣйствій умѣреннаго и постепеннаго. „Въ нашемъ собраніи“,—пишетъ князь Адамъ,— „Строгановъ былъ самый пылкій, Новосильцовъ самый разсудительный, Кочубей самый осторожный и искренно желавшій принять участіе въ управленіи, я же самый безкорыстный и старавшійся всегда успокоить чрезмѣрное нетерпѣніе“.

Настоянія молодыхъ друзей не только не достигали цѣли, но производили на государя раздражающее впечатлѣніе, возбуждали его недовѣріе. Съ другой стороны Александръ не любилъ министровъ, находившихся у власти, и часто жаловался на нихъ. Чтобы, по выраженію Чарторыйскаго, „выступить изъ области мечтаній и твердою ногою вступить въ кругъ практическихъ дѣлъ, „положено было предоставить членамъ Тайнаго Комитета правительственныя должности, пока лишь второстепенныя. Мы уже упоминали о назначеніи Строганова оберъ-прокуроромъ 1-го департамента Сената, а Новосильцова статсъ-секретаремъ у принятія прошеній. Про по-

слѣдняго Чарторыйскій замѣчаетъ, что должность эта доставила ему большое вліяніе, такъ какъ чрезъ его руки проходили всѣ представляемыя государю бумаги и онъ получилъ право объявлять высочайшія повелѣнія. Осаждали его также многочисленныя прожектеры, „иногда люди талантливые, но чаще искатели приключеній весьма сомнительной честности, притекающіе въ Россію изъ чужихъ краевъ въ началѣ каждаго новаго царствованія“. Характерно замѣчаніе князя Адама, что государь въ особенности дорожилъ содѣйствіемъ Новосильцова, потому „что находилъ въ немъ орудіе, умѣвшее придавать русскую форму своимъ европейскимъ желаніямъ“.

Въ составѣ Тайнаго Комитета былъ еще пятый членъ: бывшій воспитатель Александра — Лагарпъ, поспѣшившій навѣстить своего царственнаго питомца. Къ появленію его при дворѣ недовѣрчиво отнеслись министры и старыя сановники. Но едва ли не болѣе враждебности обнаружили къ нему молодые друзья государя. Орудіемъ имъ служила насмѣшка, отголосокъ, которой находимъ и въ отзывѣ князя Адама о бывшемъ директорѣ гельветической республики. Чарторыйскій сообщаетъ, что Лагарпъ никогда не присутствовалъ на засѣданіяхъ Комитета, но велъ продолжительныя бесѣды съ императоромъ и представлялъ ему безконечно длинныя записки по всѣмъ отраслямъ управленія, записки, которыя государь самъ передавалъ своимъ негласнымъ сотрудникамъ. Лагарпу было въ то время болѣе сорока лѣтъ. Онъ ходилъ въ мундирѣ, присвоенномъ должности члена швейцарской директоріи и постоянно носилъ огромную саблю на вышитой портупей. „Онъ показался намъ“, — читаемъ въ Запискахъ князя Адама — „(и я говорю намъ — потому, что мнѣніе это было общее), гораздо ниже своей репутаціи и того представленія, которое составилъ себѣ о немъ императоръ. Онъ принадлежалъ къ поколѣнію людей, проникнутыхъ иллюзіями конца XVIII вѣка и убѣжденныхъ, что ихъ ученіе есть новый философскій камень, всеобщее лекарство, все объясняющее, а также, что условныхъ фразъ достаточно, чтобы одолѣть всѣ трудности, столь разнообразныя въ практическомъ примѣненіи. У г. Лагарпа была своя панацея для Россіи, которую онъ разводилъ въ своихъ писаніяхъ,

столь неясныхъ, что даже у самого государя не хватало мужества, чтобы прочесть ихъ. Я припоминаю, между прочимъ, что онъ усвоилъ выраженіе „уставной организаціи“ (organisation réglementaire), — выраженіе, коему онъ не безъ основанія придавалъ большое значеніе, но которое повторялъ безпрестанно, и съ такою настойчивостью, что оно обратилось ему въ кличку“.

Александръ и самъ началъ мало-по-малу разочаровываться въ умственныхъ достоинствахъ своего любимаго наставника. Тѣмъ не менѣе онъ всячески старался отстаивать его предъ друзьями, а уваженіе къ его нравственнымъ качествамъ сохранилъ до самой смерти. Государю крайне непріятны были насмѣшки надъ неуклюжими произведеніями пера Лагарпа, напротивъ, нельзя было лучше угодить ему, какъ похваливъ нѣкоторые изъ предложеній швейцарца. Ему доставляла большое удовольствіе возможность передать наставнику, что идеи его одобрены въ Комитетѣ и при первомъ случаѣ будутъ примѣнены къ предположеннымъ преобразованіямъ. Поэтому и нельзя согласиться съ мнѣніемъ Чарторыйскаго, что пребываніе Лагарпа въ Петербургѣ не имѣло никакого значенія и не отразилось ни на одной изъ послѣдующихъ реформъ. Такому взгляду противорѣчитъ тотъ фактъ, что записка его объ устройствѣ учебной части въ имперіи легла въ основаніе новыхъ законоположеній объ этой части, и это подтверждается какъ протоколами засѣданій Тайнаго Комитета, такъ и перепискою съ Лагарпомъ императора Александра ¹⁾. За то вполне вѣроятно предположеніе князя Адама, что государь самъ убѣдилъ Лагарпа не присутствовать на засѣданіяхъ комитета, чтобы избѣжать толковъ и пересудовъ „о гельветическомъ директорѣ и завязатомъ революціонерѣ, призванномъ руководить преобразованіемъ Имперіи“. Впрочемъ, члены комитета соблюдали въ отношеніи къ Лагарпу большую вѣжливость, увѣряя, что счи-

---

¹⁾ Ср. отчетъ о засѣданіи Тайнаго Комитета отъ 11 (23) апрѣля 1802 года въ приложеніи ко II главѣ I тома „Исторіи царствованія Александра I“ генерала Богдановича, стр. 79 и слѣд., съ примѣчаніемъ Лагарпа къ запискѣ къ нему государя отъ того же числа въ „Сборн. И. Р. И. Общества“, V, стр. 33. См. тамъ же, стр. 34, письмо Александра къ Лагарпу отъ 26 октября (7 ноября) 1802 года.

таютъ его своимъ товарищемъ и сотрудникомъ, такъ что, тѣзжая изъ Россіи, онъ съ чувствомъ говорилъ имъ, что мысленно всегда будетъ участникомъ ихъ совѣщаній.

Александръ снисходительно относился къ явному уклоненію Чарторыйскаго отъ служебной дѣятельности и первая размолвка его съ нимъ произошла по совершенно иному довольно странному поводу. Въ мирномъ договорѣ, заключенномъ съ Франціею осенью 1801 года, была статья, кою договаривающіяся стороны обязались не оказывать покровительства политическимъ выходцамъ и не помогать имъ въ ихъ усиліяхъ, направленныхъ къ ниспроверженію существующаго порядка. Подъ выходцами, очевидно, разумѣлись французскіе легитимисты—съ одной стороны и поляки—съ другой. „Такимъ образомъ“,—сѣтуетъ князь Адамъ,—„первый актъ Александра являлся измѣною чувствамъ, связавшимъ меня съ нимъ“.

Чарторыйскій, раздраженный тѣмъ, что государь не предупредилъ его о содержаніи означенной статьи договора, позволилъ себѣ упрекнуть за нее Александра, хотя самъ прекрасно сознавалъ, что она весьма естественна въ трактатѣ между двумя странами, желающими жить въ добрыхъ отношеніяхъ одна съ другою, и, такъ сказать, представляется естественнымъ послѣдствіемъ соглашенія Россіи съ Франціею, „всегда бѣдственнаго для поляковъ“.

Государь искалъ успокоить своего друга, увѣряя его, „не безъ нѣкотораго смущенія“, что указанная имъ статья не имѣетъ важнаго значенія; что предложили ее французы, а Панинъ не могъ не согласиться на нее; что слѣдуетъ считать ее за простую формальность, и что судьбы Польши попрежнему дороги сердцу императора. Отвѣтъ этотъ, повидимому, удовлетворилъ князя Адама, который въ Воспоминаніяхъ своихъ сопровождаетъ его слѣдующими размышленіями: „Впрочемъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ наиболѣе могущественный и благонамѣренный, пока обстоятельства не придутъ къ нему на помощь и не укажутъ ему на возможность дѣйствовать и исполнить обѣщанія? Можно все же утверждать, что среди государей того времени одинъ Александръ, не заявляя о томъ гласно и не признаваясь въ томъ, помнилъ о Польшѣ и до

нѣкоторой степени озабочивался ея будущею судьбою. Вся Европа, съ Франціею во главѣ, въ эту минуту совершенно забыла Польшу. Во Франціи съ Люневильскаго мира не было болѣе польскихъ войскъ, польскіе легіоны имѣли быть распущены или посланы въ Санъ-Доминго, съ тѣмъ, чтобы не возвращаться оттуда. Наши истинные патриоты, потерявъ надежду на помощь отечеству, покидали французскую службу. Славная гибель Костюшки и пражская рѣзня затмѣвались бѣдствами и крушеніемъ, совершавшимися въ другихъ странахъ. Никто болѣе не помышлялъ о насъ. Что же удивительнаго въ томъ, что это всеобщее забвеніе повліяло и на расположеніе Александра?“

Не взирая на всѣ эти неблагоприятныя условія, Чарторыйскій успѣлъ добиться отъ государя облегченія участи многихъ изъ своихъ соотечественниковъ и разныхъ преимуществъ въ пользу ихъ въ присоединенныхъ къ Россіи бывшихъ польскихъ областяхъ. Такъ, по его ходатайству поляки, сосланные въ Сибирь при Екатеринѣ, были не только вызваны обратно, но и состоявшіеся надъ ними приговоры пересмотрѣны и отмѣнены, возвращены конфискованныя ихъ имѣнія, а польскимъ выходцамъ, служившимъ во французскихъ войскахъ и сражавшимся противъ Россіи, разрѣшено безпрепятственное возвращеніе на родину. Государь распространилъ свою заботливость и на поляковъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ прусскихъ и австрійскихъ. Благодаря его предстательству, всѣ они были освобождены, и въ числѣ ихъ извѣстный аббатъ Колонтай, считавшійся опаснѣйшимъ и непримѣримѣйшимъ изъ революціонеровъ. Административныя и судебныя должности въ Западномъ краѣ были розданы полякамъ, а прежде занимавшіе ихъ русскіе чиновники уволены и удалены. Нѣсколько поляковъ назначено сенаторами въ 3-й департаментъ, считавшійся высшею инстанціею для дѣлъ присоединенныхъ областей. „Все это“, — замѣчаетъ Чарторыйскій, — „были поступки прекрасныя и добрыя, заслуживающіе признательности поляковъ, но которые не могли возмѣстить имъ разрушенное и утраченное національное существованіе и далеко не отвѣчали сущности бесѣдъ нашей юности“.

И все же князь Адамъ находилъ себѣ въ нихъ нѣкоторое удо-

влетвореніе и утѣшеніе. Его не покидала надежда достигнуть большаго въ будущемъ. Она помогала ему терпѣливо выносить жизнь при дворѣ, къ которому онъ продолжалъ испытывать „неодолимое отвращеніе“. „Хотя“ — признается онъ, — „я и былъ тѣсно связанъ съ моими товарищами по Тайному Комитету, но не могъ беззавѣтно довѣряться имъ. Чувства ихъ и образъ мыслей, бывшіе вполнѣ русскими, часто выходили наружу и находились въ слишкомъ большомъ противорѣчій съ тѣмъ, что происходило у меня въ глубинѣ души. Лишь одному императору я могъ вполнѣ открыться, ничего не скрывая отъ него, ни моей печали, ни причинъ ея. Дѣйствительно, наша старая дружба—хотя и приняла болѣе сдержанный видъ, но не прекращалась. Независимо отъ незначительнаго участія, принимаемаго мною въ текущихъ дѣлахъ, я все еще пользовался болѣе всѣхъ прочихъ довѣріемъ императора. Онъ чувствовалъ себя свободнѣе со мною, вѣрялся мнѣ болѣе чѣмъ другимъ. Я лучше могъ понимать его мысли и легче говорить ему истину о людяхъ, вещахъ и о немъ самомъ“.

Чарторыйскій искалъ упрочить свое вліяніе на вѣнценоснаго друга, заручившись поддержкой ближайшихъ къ государю лицъ. Вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна относилась къ нему недовѣрчиво и подозрительно. За то особенное благоволеніе выказывала ему маркграфиня Баденская, мать царствующей императрицы, проведшая при Русскомъ дворѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ концѣ 1801 и въ началѣ 1802 годовъ. Но покровительство ея скоро оказалось недостаточнымъ и, если вѣрить показаніямъ современниковъ, то князь Адамъ не пренебрегъ и иными средствами, чтобы сохранить себѣ расположеніе государя. Указаніе на нихъ находимъ въ слѣдующихъ строкахъ изъ письма графа Моркова къ графу С. Р. Воронцову: „Князь Чарторыйскій сильно входитъ въ дѣла. Всѣ важнѣйшія бумаги какъ къ вамъ, такъ и въ другія мѣста пишутся имъ и приходятъ въ департаментъ уже апробованныя. Партія сія всѣ способы имѣетъ къ достиженію своей цѣли. У ней есть умъ и знанія, коими удивляетъ кого надобно. У ней есть и красавица, которая будетъ умѣть привязать¹⁾. Всѣ ожида-

¹⁾ Разумѣется М. А. Нарышкина, рожденная княжна Четвертинская, полька и католичка.

ють къ обузданію сей партіи возвращенія графа Семена Романовича, котораго извѣстная твердость необходимо къ тому нужна“¹⁾.

Но графъ Семенъ Воронцовъ не оправдалъ надеждъ, возлагавшихся на него его сверстниками, русскими вельможами, бывшими сподвижниками великой Екатерины. Состоявшийся лѣтомъ 1802 года пріѣздъ его въ Петербургъ не только не обуздалъ партіи „молодыхъ людей“, но ускорилъ ея окончательное торжество.

Дѣло въ томъ, что старшій братъ графа Семена, графъ Александръ Романовичъ, съ самаго начала царствованія вступилъ въ близкія сношенія съ членами Тайнаго Комитета, при посредничествѣ Кочубея и Новосильцова, которые оба подолгу жилали въ Лондонѣ и сблизились тамъ съ младшимъ Воронцовымъ. О графѣ Александрѣ читаемъ въ Запискахъ Чарторыйскаго: „Графъ не присоединился къ старымъ министрамъ, которые большею частію стояли ниже его по познаніямъ и сужденіямъ и которыхъ пришлось бы уволить, чтобы очистить ему мѣсто. Онъ занялъ положеніе болѣе высокое, примирителя между идеями императора и мыслями старой русской рутинны, умѣряя перемѣны, которыя, какъ онъ предвидѣлъ, имѣли произойти отъ порывовъ юнаго государя. Онъ былъ очень радъ уступать имъ и, такимъ образомъ, обезпечить себѣ милость и власть. И такъ онъ подружился съ молодыми людьми, а старикамъ предоставилъ катиться по наклонной плоскости, чувствуя, что дабы очистить ему мѣсто, нужно ихъ прибрать, тогда какъ во всякой новой комбинаціи первое мѣсто обезпечено за нимъ“.

О графѣ Семенѣ Чарторыйскій отзывается какъ о человѣкѣ непреклонномъ въ мнѣніяхъ и чувствахъ, не допускавшемъ въ нихъ ни малѣйшаго оттѣнка или измѣненія, всегда страстномъ и являвшемся вѣрнымъ до ослѣпленія сторонникомъ усвоенной идеи или человѣка, избраннаго себѣ кумиромъ. Онъ долго жилъ въ Англіи, пустилъ тамъ глубокіе корни и приобрѣлъ много друзей и всеобщее уваженіе. Онъ преклонялся предъ

¹⁾ Графъ Морковъ графу С. Р. Воронцову 16 (28) февраля 1802 г. („Архивъ князя Воронцова“. XX, стр. 111).

Питтомъ не хуже любого англійскаго торія и восторгался государственнымъ и общественнымъ строемъ этой страны. Не только порицаніе этого строя, но и малѣйшее сомнѣніе въ его превосходствѣ считалось имъ ересью, безуміемъ, едва ли не преступленіемъ. Еще бѣльшее уваженіе, чѣмъ къ Питту, питаль онъ къ старшему брату своему Александру, котораго считаль умнѣйшимъ и достойнѣйшимъ человѣкомъ во всей Россіи. Отношенія братьевъ были трогательны по своей искренности и задушевности. Младшій склонялся предъ старшимъ, признавая слова его за Евангеліе, сужденіе — за изреченія оракула. Почтенію его, преданности и покорности по отношенію ко главѣ рода — не было предѣловъ.

„Самъ графъ Александръ“ — свидѣтельствуеть Чарторыйскій, — „нимало не противился нѣкоторымъ либеральнымъ идеямъ; онъ былъ подготовленъ къ ихъ воспринятію и защитѣ собственнымъ влеченіемъ. Въ немъ сохранились слѣды древней русской аристократіи, желавшей ограничить власть императрицы Анны при призывѣ ея на престолъ. Онъ мнѣ рассказываль, что въ молодости своей, проѣздомъ чрезъ Варшаву, въ царствованіе Августа III, отправляясь путешествовать по Европѣ, онъ ничего не могъ себѣ вообразить болѣе премудраго и счастливаго для себя и для отечества, какъ быть знатнымъ вельможей, какіе иногда имѣлись въ Польшѣ, и пользоваться тѣми же правами и преимуществами. Русский аристократизмъ одного изъ братьевъ и чистый торизмъ другого остановились мыслью на Сенатѣ. Сенатъ сталъ ихъ постояннымъ помышленіемъ. Въ немъ усматривали они средства основанія и источникъ всѣхъ безопасныхъ улучшеній“.

Молодые люди и въ особенности князь Адамъ всячески старались расположить государя въ пользу братьевъ Воронцовыхъ. Графъ Александръ произвелъ, однако, на императора неблагоприятное впечатлѣніе. Въ составленный Строгановымъ отчетъ одного изъ первыхъ засѣданій Тайнаго Комитета, 3 (15) іюля 1801 года, занесено: „Князь Чарторыйскій въ концѣ засѣданія сказалъ: „Желательно было бы, чтобы государь почаще видѣлся и бесѣдовалъ съ Воронцовымъ; хотя онъ старъ, однако же идеи его молоды и онъ не держится старинныхъ предрассудковъ“. Его величество возразилъ, что

онъ съ нимъ видится, но что хотя Воронцовъ кажется свободнымъ отъ предразсудковъ, однако упорно держится своихъ взглядовъ“. Словомъ сказать, государь далъ почувствовать, что онъ не раздѣлялъ мнѣнія своихъ сотрудниковъ о графѣ Воронцовѣ. Чарторыйскій не соглашался съ императоромъ и замѣтилъ, „какъ опасно оскорблять такого человѣка, какъ Воронцовъ“. Въ концѣ 1801 года государь еще не измѣнилъ мнѣнія о графѣ Александрѣ Романовичѣ и успокоивалъ не любившаго его Лагарпа увѣреніемъ, что и не думаетъ о назначеніи его канцлеромъ и судить о немъ такъ же, какъ и Лагарпъ¹⁾. Но съ прибытіемъ слѣдующаго года въ Петербургъ графа Семена положеніе измѣнилось. Младшій Воронцовъ полюбился Александру и успѣлъ внушить ему полное довѣріе.

На общемъ совѣтѣ „молодыхъ людей“ съ братьями Воронцовыми рѣшено было, наконецъ, перейти отъ словъ къ дѣлу. Пока ни одно изъ рѣшеній Тайнаго Комитета не получило еще силы закона. Условлено было соединенными силами повліять на Александра съ тѣмъ, чтобы заставить его, поборовъ въ себѣ робость, осуществить хотя часть задуманныхъ преобразованій.

Вскорѣ по возвращеніи государя изъ Мемеля, куда онъ ѣздилъ на свиданіе съ Прусскою королевскою четвою, ихъ величества должны были обѣдать у стараго графа Строганова, отца царскаго любимца, на дачѣ его, на Черной рѣчкѣ. „Послѣ обѣда“,—разсказываетъ Чарторыйскій,—„императоръ прогулялся по саду и взошелъ въ одинъ изъ павильоновъ, гдѣ жилъ Новосильцовъ. Всѣ мы отправились туда и началось обсужденіе. Графъ Семень избранъ былъ служить ораторомъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ его считали наиболѣе способнымъ произвести впечатлѣніе своими рѣчами, по той причинѣ, что онъ прибылъ изъ Англии и возвращался туда; что, будучи чуждымъ всему, что происходило въ Петербургѣ, и, слѣдовательно, судя нелицепріятно, онъ имѣлъ большое право быть выслушаннымъ и откровенно высказать свой образъ мыслей.

¹⁾ Императоръ Александръ Лагарпу 24 декабря 1801 г. (5 января 1802 г.). „Сборникъ И. Р. И. О.“, V, стр. 31.

Рѣчь его не была столь краснорѣчива, какъ мы того ожидали. Императоръ, весьма искусный въ возраженіи и въ возбужденіи затрудненій, часто приводилъ въ смущеніе графа Семена и брата его. Хотѣли доказать государю, что онъ долженъ что нибудь сдѣлать; что новое царствованіе вызвало надежду на улучшенія; что ихъ ожидали отъ него; что ожиданіе было всеобщее, въ Европѣ столько же, сколько и въ Россіи. Все это было высказано въ общихъ фраззахъ; когда же императоръ спросилъ, къ чему слѣдовало въ особенности направить улучшенія и какъ ихъ осуществить, то графъ Семенъ и братъ его, минуя всѣ трудности, полагали, что преодолѣли ихъ, поднявъ на пьедесталъ Сенатъ, возстановленная власть котораго должна была, по мнѣнію ихъ, устранить всѣ препятствія“.

Послѣдствіемъ совѣщанія были двѣ правительственныя мѣры, значительно видоизмѣнившія нашъ внутренній государственный строй: указъ о расширеніи правъ Сената и манифестъ объ учрежденіи министерствъ.

IX.

Сенатъ и министерства.

Два новыя законоположенія о расширеніи правъ Сената и объ учрежденіи министерствъ обнародованы въ одинъ и тотъ же день, 8 (20) сентября 1802 года.

Они являлись компромиссомъ между стремленіемъ „молдыхъ людей“ къ нововведеніямъ въ государственномъ устройствѣ и желаніемъ союзниковъ ихъ, изъ старыхъ вельможъ, связать задуманныя преобразованія съ прежними учрежденіями, подобно созданному Петромъ Великимъ Сенату, освященными многолѣтнею традиціею. Изъ отчетовъ о засѣданіяхъ негласнаго Комитета мы знаемъ, что задачу согласованія этихъ двухъ противоположныхъ теченій принялъ на себя князь Чарторыйскій, въ совѣщаніи 10 (22) февраля представившій на обсужденіе Комитета записку свою „О порядкѣ управленія, къ которому должны были привести предположенные его величествомъ реформы“.

Изобразивъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ пороки и грѣхи администраціи, унаслѣдованной отъ Екатерининскаго царствованія, князь Адамъ предлагалъ преобразовать ее на основаніи принципа раздѣленія властей; исполнительную власть распредѣлить между нѣсколькими министерствами, имѣвшими замѣнить коллегіи; судебную, — раздѣливъ на гражданскую, уголовную и полицейскую, ввѣрить вновь учрежденнымъ судамъ тѣхъ же именований, съ двумя апелляціонными и одною кассационною инстанціями; наконецъ, Сенату предоставить общій надзоръ за администраціею, разсмотрѣніе министерскихъ отчетовъ и жалобъ, приносимыхъ на губернаторовъ и вообще на всякое незаконное превышеніе власти. Записка имѣла большой успѣхъ въ Комитетѣ. „Государь“, — читаемъ въ отчетѣ засѣданія, — „казалось, былъ весьма доволенъ трудомъ князя Чарторыйскаго, говоря, что онъ никогда еще не видѣлъ ничего столь яснаго, какъ эта записка, и что его восхищала увѣренность въ томъ, что, слѣдуя этою стезею, можно было достигнуть желаемой имъ реформы. Всѣ члены Комитета были того же мнѣнія“¹⁾.

О такомъ дѣятельномъ участіи въ важнѣйшемъ изъ трудовъ Комитета и едва ли не единственномъ, приведшемъ къ практическому результату, князь Адамъ тщательно умалчиваетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ. За то онъ подробно распространяется о необходимости и значеніи состоявшихся преобразованій, видимо отдавая предпочтеніе учрежденію министерствъ предъ новыми предоставленными Сенату правами. Дарованіе послѣднихъ онъ приписываетъ настояніямъ братьевъ Воронцовыхъ. „Каждая фраза графа Семѣна“, — иронизируетъ онъ, — „начиналась и кончалась Сенатомъ, и когда самъ онъ не зналъ, что говорить и отвѣчать, то повторялъ ее, ничего не добавляя. То было изреченіе и кумиръ минуты. Намъ казалось, что императоръ даже во снѣ долженъ былъ слышать возгласы, раздававшіеся надъ его ухомъ: „Сенать! Сенать!“ Было нѣчто смѣшное и неуклюжее въ этой аффектаціи, не укрывшейся отъ нашего вниманія и которая могла охладить императора вмѣсто того, чтобы воодушевить его“.

¹⁾ Отчетъ о засѣданіи Тайнаго Комитета отъ 10 (22) февраля 1802 г.

Нерасположеніе свое къ Сенату Чарторыйскій объясняетъ состояніемъ полнаго упадка, въ которомъ находилось это высшее въ то время государственное учрежденіе. Оно было совершенно лишено прежняго значенія, которое нѣкогда имѣло при Петрѣ. Въ важныхъ случаяхъ всегда упоминалось о Сенатѣ, но то былъ звукъ безъ содержанія и безъ отголоска. Главною тому причиною былъ личный составъ Сената, состоявшаго изъ членовъ, болѣею частью дряхлыхъ и лишенныхъ всякой энергіи. Расширеніе правъ такого правительственнаго мѣста не удовлетворяло либеральнымъ стремленіямъ Александра и молодыхъ его совѣтниковъ. Но государь уже ограничилъ свои предположенія и желанія предѣлами реальной возможности. Утѣшеніемъ ему служила надежда, что въ будущемъ онъ успѣетъ совершить дальнѣйшія преобразованія, въ духѣ мечтаній своей юности. „Мечтанія эти“, — замѣчаетъ Чарторыйскій, — „эти ээирные планы, въ коихъ чувство и возбужденіе молодости занимали мѣсто холоднаго разсудка, представлялись мнѣ подобными дереву отъ воздушнаго корня, посаженному на почвѣ сухой и неплодной, и всѣ вѣтви котораго, признанныя излишними, обстрижены: обнаженный стволъ пускаетъ лишь слабые ростки и скоро погибаетъ подъ небомъ, неблагопріятствующимъ его росту“.

Новыя права, дарованныя старому Сенату, были обширны. На него возлагалось обнародованіе законовъ и ему же представлялось судить въ послѣдней инстанціи не только дѣла гражданскія и уголовныя на всемъ пространствѣ имперіи, но и нарушенія административныхъ постановленій. Сенатскими указами разъяснялись и дополнялись акты Верховной Власти. Подъ надзоромъ Сената дѣйствовали губернаторы въ областяхъ, представлявшіе ему донесенія. Соединеніе въ одномъ учрежденіи власти исполнительной и судебной Чарторыйскій хотя и находитъ несоотвѣтствующимъ „новымъ идеямъ“, но тутъ же прибавляетъ, „что не было возможности измѣнить старинную организацію внутреннихъ дѣлъ Имперіи, не подвергнувъ ихъ опасности еще болѣе запутанности, до того организація эта вошла въ плоть и кровь русской правительственной машины“. Важнымъ нововведеніемъ было дарованіе Сенату права входить къ государю съ представленіями о такихъ Высочай-

шихъ указахъ, которые сопряжены съ значительными неудобствами въ исполненіи, не согласны съ другими законами или не ясны. „То былъ“, — свидѣтельствуеъ князь Адамъ, — „или такъ по крайней мѣрѣ надѣялись, — первый шагъ, совершенный по пути народнаго представительства, пути, коимъ тогда намѣревались слѣдовать: ибо коренная мысль реформы состояла въ томъ, чтобы, освободивъ Сенатъ отъ административныхъ обязанностей, сохранить за нимъ значеніе высшаго судебного мѣста и мало-по-малу вознести его на степень верхней палаты, къ коей современемъ были бы приданы депутаты отъ дворянства, имѣвшіе въ общемъ или въ отдѣльныхъ собраніяхъ принимать участіе въ совѣщаніяхъ, цѣлью коихъ было бы разъяснять государю управленіе его министровъ и цѣлесообразность законовъ и общихъ уставовъ, какъ уже существующихъ, такъ и проектированныхъ. Ничто изъ всего этого не осуществилось и дѣла приняли вскорѣ, какъ увидимъ, совершенно иной оборотъ“.

За такой исходъ князь Адамъ винить тогдашній Сенатъ, который, по мнѣнію его, изъ всѣхъ политическихъ сообществъ былъ наименѣе способенъ не только дать импульсъ, но и самъ воспринять его. Въ полныхъ ѣдкаго сарказма выраженіяхъ отзывается онъ о сенаторахъ. „Сенатъ“ — говоритъ онъ, — „сталъ вмѣстилищемъ всѣхъ людей бездарныхъ и окончившихъ карьеру, всѣхъ инвалидовъ и лѣнтыевъ Имперіи. Когда человѣкъ выказалъ себя неспособнымъ къ дѣлу, когда онъ никуда не годится и не знаютъ, что изъ него сдѣлать, его дѣлають сенаторомъ“. Чарторыйскій отмѣчаетъ полную подчиненность сенаторовъ оберъ-прокурорамъ, которые-де работаютъ за нихъ и рѣшаютъ дѣла по-свѣдому, предоставляя сенаторамъ лишь подписываться подъ опредѣленіями, не читая ихъ. Достается отъ него и русскому дѣловому слогу, многорѣчивости написанныхъ канцелярскихъ писаній. „Имена тѣхъ немногихъ сенаторовъ“, — увѣряетъ онъ, — „которые отъ начала до конца читають бумаги, представленныя къ ихъ подписи, приводятъ съ удивленіемъ, какъ исключеніе и геройскій примѣръ, которому никто не слѣдуетъ“. Не мудрено, что такое собраніе не сумѣло воспользоваться дарованными ему правами, не оправдало ожиданій императора.

„Положивъ первый камень зданія правильной законодательной власти“, — повѣствуетъ Чарторыйскій, — „государь долженъ былъ заняться организаціею своего правительства такъ, чтобы дѣятельность его стала болѣе просвѣщенной, справедливою и методичною. Правительство не обладало всѣми этими качествами. Ему недоставало порядка, дѣйствія его были порывисты, администрація представляла невообразимый хаосъ, путаницу, въ которой ничто не было установлено, ни ясно опредѣлено“. Главнымъ недостаткомъ тогдашней системы управленія князь Адамъ считаетъ разрозненность коллегій между собою, многосложность обязанностей генераль-прокурора, отсутствіе однообразія въ завѣдываніи дѣлами отдѣльныхъ вѣдомствъ или областей, повсемѣстное господство произвола надъ закономъ. „А потому“, — заключаетъ онъ, — „Россія обязана благодарностью императору Александру и тѣмъ лицамъ, совѣтамъ коихъ онъ внималъ, за то, что они искали внести болѣе порядка и методы въ правительственный механизмъ Имперіи“.

Главная цѣль учрежденія министерствъ состояла въ желаніи установить отвѣтственность государственныхъ сановниковъ и положить предѣлъ злоупотребленіямъ всякаго рода, въ особенности хищеніямъ и взяточничеству. Полагали, что цѣль эта будетъ достигнута, когда во главѣ каждаго вѣдомства станетъ одно отвѣтственное лицо — министр. Созданы были министерства: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи, дѣла коихъ были до того времени сосредоточены въ рукахъ генераль-прокурора. Образованы также и министерства народнаго просвѣщенія и коммерціи. Коллегіи: военная, адмиралтейская и иностранная оставлены въ прежнемъ видѣ. Введено постановленіе, въ силу коего подпись государя на указахъ и повелѣніяхъ имѣла быть скрѣплена подлежащимъ министромъ. Учрежденъ Комитетъ Министровъ для совмѣстнаго обсужденія въ личномъ предсѣдательствѣ императора общихъ государственныхъ дѣлъ. Возобновленный въ началѣ царствованія Непремѣнный Совѣтъ сохраненъ въ прежнемъ составѣ, но мало-по-малу утратилъ всякое значеніе.

„Перемѣны эти“, — пишетъ князь Адамъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, — „которыя вездѣ показались бы азбукою политики, въ Россіи были тогда новы и огромны. Манифестъ надѣлалъ

много шуму во всей Имперіи и въ особенности въ гостинныхъ Петербурга и Москвы. Всякій судилъ о новомъ учрежденіи по-свѣдѣму; большинство судило о немъ не по присущимъ ему достоинствамъ и той пользѣ, которую оно могло принести государству, а по вліянію его на собственное повышеніе того или другого отдѣльнаго лица. Тѣ, которые получили мѣста, одобряли, тѣ же, что остались безъ назначенія, фрондировали противъ увлеченій юности, желавшей де измѣнить древнія и почтенныя установленія, подъ сѣнью коихъ выросла Россія. Важные сановники, съ мнѣніемъ которыхъ не справлялись и которые не ожидали столь значительныхъ перемѣнъ, были застигнуты врасплохъ и ихъ обогнали тѣ, кто въ царствованіе Павла и въ началѣ Александровскаго держались въ сторонѣ. Они пытались излить свою желчь въ улыбки состраданія къ молодымъ людямъ, которые возмнили преобразовать Имперію, и къ пошлости нѣсколькихъ старцевъ, согласившихся стать орудіями рабскаго и неловкаго подражанія иностраннымъ учрежденіямъ. Слабость и доброта императора поддерживали эту критику, насколько она возможна въ Россіи. Она, впрочемъ, находила нѣкоторую опору и во вдовствующей императрицѣ, мало довольной, хотя она въ этомъ и не признавалась, тѣмъ, что сынъ ея не часто спрашиваетъ ея совѣтовъ и что она не можетъ вліять на его рѣшенія. Государыня эта усматривала во всѣхъ такихъ новшествахъ сѣмя либерализма, развитія коего она опасалась, и салонъ ея сталъ центромъ оппозиціи, собиравшейся тамъ для выраженія неудовольствія“.

Мы не можемъ удовлетвориться столь одностороннимъ объясненіемъ того единодушнаго порицанія, съ которымъ отнеслись къ учрежденію министерствъ виднѣйшіе изъ современныхъ представителей русской государственной и общественной мысли. Побужденія ихъ были иного свойства, истекая изъ любви къ русскому, отечественному, и изъ инстинктивнаго недовѣрія къ плодамъ чуждой намъ культуры, произвольно пересаживаемымъ на русскую почву, безъ малѣйшаго соображенія съ нашими народными особенностями, съ историческими условіями нашего развитія, съ преданіями русской политики, съ обычаями и вѣрованіями русскаго народа. Въ этомъ смыслѣ единогласно высказались противъ нововведеній и старые дѣльцы

Екатерининскаго вѣка и молодые писатели, бывшіе сами новаторами въ области литературной. Державинъ въ своихъ Запискахъ говоритъ про царскихъ приближенныхъ, „что всѣ они были набиты французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ“. Трощинскій написалъ пространную меморію „О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственнаго управленія по формѣ единоличной, введенной закрытіемъ коллегій и отмѣною коллежскаго обряда“¹⁾. Но самымъ краснорѣчивымъ выразителемъ сомнѣній и опасеній, возбужденныхъ въ лучшей части русскаго общества внутренними преобразованиями первыхъ лѣтъ Александровскаго царствованія, явился Карамзинъ. Записка его „О древней и новой Россіи“ — плодъ здравой государственной мысли, созрѣвшей въ изученіи исторіи Россіи, согрѣтой безпредѣльною любовью къ родинѣ. Вотъ образцы его сужденій:

„Вмѣсто того, чтобы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ, *исправлять* по основательному разсмотрѣнію, совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ монаршаго дѣйствія оставивъ безъ вниманія правило мудрыхъ, что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно при, бѣгать только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ, ибо мы болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ, и все дѣлаемъ лучше отъ привычки... Спасительными уставами бывають единственно тѣ, коихъ давно желаютъ лучшіе умы въ государствѣ и которые, такъ сказать, предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло: учрежденіе министерствъ и совѣта имѣло для всѣхъ дѣйствіе внезапности. По крайней мѣрѣ авторъ долженствовалъ изъяснить пользу своихъ новыхъ образований: читаю — и вижу однѣ сухія формы; мнѣ чертятъ линіи для глазъ, оставляя мой умъ въ покоѣ. Говорятъ россиянамъ: было такъ, отнынѣ будетъ иначе, для чего — не сказываютъ. Петръ Великій въ важныхъ перемѣнахъ государственныхъ давалъ отчетъ народу: взгляните на регламентъ духовный, гдѣ императоръ открываетъ вамъ всю душу свою, всѣ побужденія,

¹⁾ Записка эта напечатана въ томѣ III „Сборника И. Р. И. Общества“, стр. 1—163.

причины и цѣль сего устава. Вообще новые законодатели Россіи славятся наукою письмоводства болѣе, нежели наукою государственною. Издаютъ проектъ наказа министерскаго, что важнѣе и любопытнѣе? Тутъ, безъ сомнѣнія, опредѣлена сфера дѣятельности, цѣль, способы, должность каждаго министра? Нѣтъ — брошено нѣсколько словъ о главномъ дѣлѣ, а все другое относится къ мелочамъ канцелярскимъ. Сказываютъ какъ переписываются министерскимъ департаментамъ между, собою, какъ входятъ и выходятъ бумаги, какъ государь начинаетъ и кончаетъ свои рескрипты. Монтескье означаетъ признаки возвышенія или паденія Имперіи. Авторъ сего проекта съ такою же важною даетъ правила судить о цвѣтущемъ и худомъ состояніи канцелярій; искренно хвалю его знаніе въ сей части, но осуждаю постановленіе: „Если государь издаетъ указъ, несогласный съ мыслями министра, то министр не скрѣпляетъ онаго своею подписью!“ Слѣдственно въ государствѣ самодержавномъ министр имѣетъ законное право объяснить публикѣ, что выходящій указъ, по его мнѣнію, вреденъ? Министръ есть рука вѣнценосца, не болѣе: рука не судить головы! Министръ подписываетъ именныя указы не для публики, а для императора, во увѣреніе, что они писаны слово въ слово такъ, какъ государь приказалъ. Подобныя ошибки въ коренныхъ государственныхъ понятіяхъ едва ли извинительны... Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнять уставы политическіе, старались какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ. „Если число и власть сановниковъ необходимо должны быть переменены“, — говоритъ умный Махіавель, — „то удержите хотя имя ихъ для народа“. Мы поступаемъ совсѣмъ иначе: оставляемъ вещь, гонимъ имена; для произведенія того же дѣйствія, вымышляемъ другіе способы. Зло, въ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго, а новому добру какъ-то не вѣрится; переменны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ: ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели съ надеждою, ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно. Россія существуетъ около тысячи лѣтъ — и не въ образѣ дикой орды, а въ видѣ государства великаго. А намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уста-

вахъ, какъ будто мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ американскихъ!“

Приговоръ строгій, но, конечно, справедливый, вполне подтвержденный исторіею. Мотивы его были непонятны и недоступны поляку Чарторыйскому, остававшемуся на царской службѣ заклятымъ врагомъ и русской государственности и русской народности. Но замѣчательно, что изъ русскихъ людей даже тѣ, которые вначалѣ оказывали содѣйствіе реформамъ, умудренные опытомъ, скоро измѣнили свое мнѣніе о нихъ и объ ихъ инициаторахъ. Любопытное признаніе находимъ мы въ письмѣ, писанномъ въ 1814 году, послѣ взятія Парижа, графомъ С. Р. Воронцовымъ къ другу своему Ростовчину. Въ немъ старый дипломатъ Екатерининскаго вѣка строго осуждаетъ преобразовательныя попытки первыхъ лѣтъ царствованія, какъ бы позабывъ, что онѣ едва ли бы и осуществились безъ его помощи. „Эти господа“, — пишетъ онъ о членахъ „Комитета общественнаго спасенія“, — „начали работать надъ несчастною Россіею, регламентами, появлявшимися ежедневно; эти господа сами были машинами, производившими регламенты; они только этимъ и занимались, съ такою же быстротою, какъ съ невѣжествомъ и легкомысліемъ. Эти постановленія были основаны на гипотетическихъ идеяхъ, зародившихся въ ихъ воображеніи, и на худо переваренномъ чтеніи; то были опыты, которые они желали производить надъ несчастною Россіею. Они не знали, что опыты хороши въ физикѣ и въ химіи; но бѣдственны въ юриспруденціи, администраціи и политической экономіи“¹⁾.

Какъ бы то ни было, тотчасъ по обнародованіи манифеста объ учрежденіи министерствъ, приступили къ замѣщенію созданныхъ имъ новыхъ должностей министровъ и ихъ товарищей. Чарторыйскій увѣряетъ, что эта часть дѣла представляла много трудностей и возбудила при дворѣ и въ обществѣ болѣе интереса и толковъ, чѣмъ самая правительственная мѣра, коей она являлась послѣдствіемъ.

Во главѣ преобразованной администраціи сталъ графъ Александръ Воронцовъ, получившій съ титуломъ канцлера портфель иностранныхъ дѣлъ. Кочубей охотно уступилъ ему

¹⁾ Графъ С. Р. Воронцовъ графу Ѳ. В. Ростовчину 7 (19) іюня 1814 года. („Архивъ князя Воронцова“, VIII, стр. 520).

завѣдываніе дипломатическимъ вѣдомствомъ и съ жаромъ взялся за исполненіе новыхъ своихъ обязанностей перваго въ Россіи министра внутреннихъ дѣлъ. По свидѣтельству князя Адама, онъ собралъ вокругъ себя людей наиболѣе свѣдущихъ и способныхъ, и распредѣлил между ними, какъ важнѣйшія должности въ министерствѣ, такъ и мѣста губернаторовъ въ губерніяхъ и областяхъ. Съ особенною внимательностью относился онъ къ выбору послѣднихъ, назначая губернаторами лишь лицъ, ему хорошо извѣстныхъ и пользовавшихся безупречною репутациею.

Государственный казначей графъ Васильевъ назначенъ былъ министромъ финансовъ, но бывшій генераль-прокуроръ Беклеповъ не пожелалъ остаться министромъ юстиціи, такъ какъ кругъ дѣятельности его значительно сокращался въ новомъ званіи. На этотъ постъ государь избралъ Державина, о которомъ Чарторыйскій отзывается крайне враждебно. „Выборъ этотъ“, — рассказываетъ онъ, — „былъ сдѣланъ лично императоромъ, внѣ нашего общаго вліянія. Тѣ, кто образовали ядро новой администраціи, не принимали въ немъ никакого участія. Г. Державинъ былъ человѣкъ честный и талантливый поэтъ. Онъ написалъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній, весьма уважаемыхъ, и которыя, дѣйствительно, были полны одушевленія и замѣчательныхъ порывовъ. Впрочемъ, онъ былъ мало образованъ и не зналъ иного языка, кромѣ русскаго. Императоръ былъ прельщенъ его пламеннымъ чувствомъ и поэтическими мечтаніями, которыя онъ сумѣлъ сообщить ему. Александръ не могъ противустоять тому, что принято называть красивыми фразами. Чѣмъ онѣ были неопредѣленнѣе, тѣмъ больше нравились ему, такъ какъ онъ имѣлъ въ этомъ случаѣ возможность легко приноровить ихъ къ собственнымъ надеждамъ, также представлявшимъ то важное неудобство, что онѣ являлись сами крайне неопредѣленными. Онъ любилъ выраженія либерализма, отмѣченнаго энергіею, и въ особенности былъ неравнодушенъ къ чувствамъ личнаго культа къ его особѣ, когда чувства эти прикрывались рѣчами о преданности дѣлу человечества“. Вообще, утверждаетъ князь Адамъ, государь любилъ входить въ непосредственныя сношенія съ лицами, не принадлежащими къ составу близкаго кружка его

друзей, которыхъ въ послѣдствіи знакомилъ съ этими лицами, защищая ихъ отъ возраженій или нападеній. Объясняется это желаніемъ Александра не ограничивать своихъ сношеній узкими предѣлами упомянутаго кружка, члены котораго, тѣсно связанные между собою, до извѣстной степени могли возбудить именно этою солидарностью недовѣріе государя. Вотъ почему онъ ввелъ въ составъ перваго своего министерства лицъ, не только не принадлежащихъ къ кружку, но и расходившихся съ „молодыми людьми“ въ возрѣніяхъ и убѣжденіяхъ.

При всемъ томъ императоръ хотѣлъ пристроить въ министерствѣ и юныхъ друзей своихъ, дать имъ дѣйствительное участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія, такъ какъ на нихъ, по выраженію князя Адама, главнымъ образомъ „покоились надежды Александра“, и имъ предстояло осуществить ими же задуманныя преобразованія. „Графъ Кочубей былъ помѣщенъ“, — пишетъ Чарторыйскій, — „но прочіе? Какое дать имъ назначеніе? Ввѣрить имъ министерства — было бы слишкомъ много. Рѣшили создать должности товарищей министровъ. Занявъ ихъ, молодые люди получали возможность направлять дѣйствія своихъ начальниковъ въ смыслѣ намѣреній императора и прямо сообщать ему о ходѣ дѣлъ“. Графъ Павелъ Строгановъ назначенъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, а Новосильцовъ — товарищемъ министра юстиціи, сохранивъ званіе статсъ-секретаря и личнаго докладчика государя.

На Новосильцова же было возложено руководство учрежденною Александромъ вскорѣ по воцареніи Комиссіею составленія законовъ. По мнѣнію Чарторыйскаго, онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для успѣшнаго совершенія этого дѣла, такъ какъ „былъ свѣдушъ въ юриспруденціи и политической экономіи; много читалъ и помнилъ прочитанное, наконецъ, былъ въ Англійи и не потерялъ тамъ даромъ своего времени“. Никто въ Россіи не превосходилъ его въ познаніяхъ по части администраціи, по скольку они обусловливались знакомствомъ съ англійскими и французскими сочиненіями. Практическій умъ его былъ чуждъ увлеченій, онъ умѣлъ остановиться въ-время. Сверхъ того онъ умѣлъ обходиться съ людьми и не только съ отдѣльными личностями, но и вообще съ русскимъ обществомъ, которое изучилъ привосходно. „Та-

ковы были“, — вспоминаетъ князь Адамъ, — „его достоинства; недостатки же еще не проявились. Ему принадлежитъ заслуга содѣйствія видамъ Александра, направленнымъ къ улучшенію участи крестьянъ, и имъ составленъ первый указъ по этому предмету“. Чарторыйскій, очевидно, разумѣтъ законъ 20 февраля 1803 года о порядкѣ перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы.

Главнымъ сотрудникомъ Новосильцова по комиссіи составленія законовъ былъ нѣмецкій юристъ баронъ Розенкампфъ. Предполагалось собрать всѣ въ разное время изданныя въ Россіи законы и постановленія, и затѣмъ, согласовавъ ихъ между собою, составить изъ нихъ систематическій сводъ. „Это была“, — разсуждаетъ князь Адамъ, — „почти та же метода, которой слѣдовали при составленіи Юстиніанова кодекса, съ тѣмъ лишь различіемъ, что собраніе римскихъ законовъ являлось сокровищницею мудрости и законодательной науки, нѣсколько смѣшанное богатство коей было единственнымъ недостаткомъ, тогда, какъ въ Россіи первичный матеріалъ, надъ которымъ приходилось работать, обильный по числу, количеству и беспорядку, былъ недостаточенъ и бѣденъ съ точки зрѣнія истиннаго достоинства и содержательности. Такимъ образомъ, тамъ ощущалась нужда въ людяхъ равныхъ или даже высшихъ, сравнительно съ тѣми, трудами коихъ пользовался Юстиніанъ, дабы они сами по себѣ могли исправить великіе недостатки и восполнить пробѣлы, словомъ, въ людяхъ, способныхъ быть истыми законодателями“. Разумѣется, Чарторыйскій отрицаетъ возможность найти такихъ людей въ Россіи. По словамъ его, дѣло подвигалось лишь пока былъ живъ Розенкампфъ, усердно трудившійся надъ составленіемъ систематическихъ оглавленій, „но“, — прибавляетъ князь, — „трудъ этотъ, насколько мнѣ извѣстно, не далъ ожидаемыхъ плодовъ“. „Такъ бываетъ въ Россіи“, — язвительно заключаетъ онъ, — „каждый разъ, когда результаты не непосредственны и когда перемѣна въ лицахъ происходитъ ранѣ приведенія къ окончанію порученнаго имъ дѣла“. Авторъ „Воспоминаній“ не знаетъ или не хочетъ знать, что прерванное при Александрѣ I великое дѣло собранія и кодификаціи законовъ довершено въ царствованіе его брата и преемника

императора Николая, при которомъ изданы и Сводъ Законовъ, и Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

Но возвратимся къ осени 1802 года. Изъ всѣхъ молодыхъ друзей Александра, членовъ негласнаго преобразовательнаго комитета, одинъ Чарторыйскій не получилъ еще назначенія. Съ согласія канцлера графа А. Р. Воронцова, государь предложилъ ему мѣсто товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Князь Адамъ сначала не соглашался, указывая на неблагоприятное впечатлѣніе, которое не могло не произвести на русское общество назначеніе поляка на столь важный постъ. Государь возражалъ, что предшествовавшая служба въ должности посланника при Сардинскомъ дворѣ приготовила Чарторыйскаго къ занятію его; что въ дѣйствіяхъ своихъ и перепискѣ онъ обнаружилъ дипломатическія способности; что графъ Воронцовъ одинъ имѣетъ право быть спрошеннымъ въ этомъ дѣлѣ и самъ хочетъ имѣть князя Адама своимъ товарищемъ. Тогда Чарторыйскій прибѣгнулъ къ возраженіямъ иного рода. Если вѣрить его показанію, то онъ представилъ Александру, что его величеству хорошо извѣстны чувства, одушевляющія его по отношенію къ родинѣ; что чувства эти никогда не измѣнятся и могутъ оказаться въ противорѣчій съ обязанностями новой должности, а потому-то вѣрнѣе и приличнѣе отказаться отъ нея. Но императоръ отвѣчалъ, что вовсе не предвидитъ такихъ противорѣчій; что если таковыя обнаружатся, то всегда будетъ время удалиться; что, наконецъ, онъ предвидитъ наступленіе совершенно другихъ обстоятельствъ и даже такихъ, которыя явятся вполне благопріятными чувствамъ Чарторыйскаго.

„Императоръ“, — увѣряетъ князь Адамъ въ своихъ Запискахъ, — „прибавилъ къ этому весьма для меня лестныя слова. Онъ говорилъ, что я обязанъ заплатить свой долгъ благу человечества; что, обладая талантами, я не имѣлъ права отказываться отъ примѣненія ихъ тамъ, гдѣ они могли принести пользу. Я долго противился, но императоръ не призналъ себя побѣжденнымъ моимъ отказомъ. Онъ заупрямился на томъ, чтобъ я занялъ этотъ постъ. То едва ли не была одна изъ тѣхъ неодолимыхъ фантазій, коимъ онъ отдавался и отъ которыхъ излечивался лишь по осуществленіи. Онъ настаивалъ такъ ласково и съ

такую доброту, что я, наконецъ, уступилъ подь непремѣннымъ условіемъ, что оставляю службу, какъ только она окажется несомвѣстимою съ чувствами поляка, которыя не могли во мнѣ измѣниться. Я намѣревался, впрочемъ, доказать императору, послуживъ ему нѣсколько лѣтъ, мою искреннюю привязанность и благодарность за довѣрчивую дружбу, коею онъ меня дарилъ. Я принялъ предложеніе его съ грустью, ибо это было равносильно вступленію на новый путь, полный препятствій и удерживавшій меня въ Петербургѣ, гдѣ я былъ какъ птица на вѣткѣ, какъ экзотическое растеніе, не могущее пустить корней. Я мечталъ лишь о возвращеніи къ роднымъ, вдали отъ которыхъ не могъ наслаждаться жизнью. Не стану изображать себя болѣе предусмотрительнымъ, болѣе глубокимъ, чѣмъ я былъ на самомъ дѣлѣ. Принявъ мѣсто, я рѣшился не дѣлать ничего, что могло бы повліять неблагоприятно на будущія судьбы моей родины. Но у меня не было никакой ясной мысли, никакого опредѣленнаго плана о родѣ услугъ, которыя я могъ быть призванъ оказать Польшѣ въ новомъ моемъ положеніи. Въ этомъ отношеніи мнѣ предложили иное и истинное вождельніе (appas), въ видѣ награды за то, что я, наконецъ, покорился волѣ государя“.

То было одновременное назначеніе князя Адама попечителемъ виленскаго учебнаго округа, обнимавшаго едва ли не всѣ области, присоединенныя къ Россіи отъ Польши по тремъ раздѣламъ.

Въ предшедшей главѣ было замѣчено, что учебная часть въ имперіи была организована на основаніяхъ, предложенныхъ Лагарпомъ. При учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія, Россія раздѣлена была на учебные округа и во главѣ каждаго изъ нихъ поставлены попечители. Должности эти были распредѣлены между знатными и вліятельными сановниками, или выдающимися учеными, пользовавшимися личнымъ довѣріемъ императора. Такъ, первымъ попечителемъ московскаго округа былъ М. Н. Муравьевъ, одинъ изъ бывшихъ наставниковъ Александра, петербургскаго — Новосильцовъ. Изъ двухъ западныхъ учебныхъ округовъ, дерптскій считался нѣмецкимъ, а виленскій — польскимъ. Соотвѣтственно сему, во главѣ перваго поставленъ былъ генералъ Клингеръ, втораго — Чарторыйскій.

Клингера князь Адамъ изображаетъ человѣкомъ безупречной честности, извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ, нѣсколько сумасброднымъ, либераломъ до утопій, что не мѣшало ему, въ качествѣ директора кадетскаго корпуса, служить съ успѣхомъ при Павлѣ. Впрочемъ, онъ былъ исполненъ наилучшихъ намереній и безусловно преданъ интересамъ науки и просвѣщенія. Эксцентрикъ и мечтатель, онъ отличался довольно грубыми манерами, благодаря которымъ прослылъ за дѣятеля прямодушнаго и энергичнаго, что очень нравилось государю. Не лишено интереса свидѣтельство Чарторыйскаго, что нѣмецкое рыцарство прибалтійскихъ областей не сочувствовало тогдашней дѣятельности дерптскаго университета, выступившаго покровителемъ крестьянъ и средняго сословія.

Совсѣмъ иной системы придерживался самъ князь Адамъ во вѣренномъ его попеченію округѣ. Онъ безотчетно распоряжался насажденіемъ въ немъ просвѣщенія въ исключительномъ національно-польскомъ духѣ, благодаря вліятельному положенію своему при дворѣ и личному довѣрію министра народнаго просвѣщенія. Объ отношеніяхъ своихъ къ графу Завадовскому Чарторыйскій отзывается въ слѣдующихъ строкахъ: „То былъ человѣкъ покладистый, съ сердцемъ справедливымъ и доброжелательнымъ, хотя и грубоватымъ. Умъ его, какъ и самая фігура, способны были поворотиться только разомъ. Сообразительность его была медленна и онъ не схватывалъ отбѣнокъ. Но при всемъ томъ онъ выражалъ желаніе и притязаніе понимать улучшенія и новыя идеи, и самолюбиво не хотѣлъ, чтобы его считали однимъ изъ такихъ старцевъ, которые не умѣютъ ничему научиться, ничего забыть. Это не мѣшало ему обладать въ высшей степени однимъ изъ наиболѣе выдающихся качествъ, присущихъ русскимъ администраторамъ: великою покорностію и глубокимъ смиреніемъ по отношенію ко всему, что нисходитъ свыше. Онъ любилъ воодушевляться по поводу классическихъ писателей и приводить изъ нихъ затверженныя мѣста. Отечественная литература живо интересовала его. По странному случаю, онъ получилъ образованіе въ польско-іезуитскихъ коллегіяхъ и научился тамъ латинскому языку. Онъ не забылъ и польскаго языка и хвасталъ имъ, говоря съ великимъ восхищеніемъ о нашемъ древ-

немъ поэтѣ Янѣ Кохановскомъ, нѣкоторые стихи котораго онъ зналъ наизусть. Обстоятельства эти возбудили въ немъ расположеніе къ Польшѣ и полякамъ, каковая склонность проявлялась даже въ его обѣдахъ, за которыми всегда подавали польскія блюда“.

Неудивительно, что съ такимъ министромъ князь Адамъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ и что всѣ представленія его получали въ министерствѣ надлежащее утвержденіе. Къ тому же и виленскій университетъ былъ чисто польскимъ учрежденіемъ, гдѣ преподаваніе производилось профессорами-поляками, на польскомъ языкѣ. „Въ продолженіе послѣдующихъ лѣтъ“, — заявляетъ Чарторыйскій, — „вся поверхность Польши покрылась школами, въ коихъ польское чувство развивалось съ полною свободою“.

X.

Внѣшняя политика въ первый годъ царствованія Александра I.

Съ водареніемъ императора Александра I во внѣшней политикѣ Россіи совершается переломъ еще болѣе крутой, чѣмъ въ направленіи ея внутреннихъ дѣлъ. Покидается торный путь, которымъ въ продолженіе четырехъ столѣтій государство российское неуклонно шло къ осуществленію историческихъ задачъ своихъ, постоянно расширяя свои предѣлы и сливая во единое политическое цѣлое земельныя свои приобрѣтенія и завоеванія. Начало государственной пользы, исключительно руководившее дотолѣ дѣйствіями русскихъ дипломатовъ, уступаетъ мѣсто соображеніямъ иного рода, и цѣлью политики императорскаго кабинета провозглашается уже не развитіе силы и крѣпости Россіи, а водвореніе въ Европѣ мира и порядка, основанныхъ на строгой законности, торжество справедливости и права, утвержденіе счастья и благополучія всего человѣческаго рода.

Такое направленіе политики русскаго двора было естественнымъ послѣдствіемъ гуманитарнаго воспитанія Александра философскихъ идей, воспринятыхъ имъ отъ своего наставникъ швейцарца Лагарпа, ревностнаго и убѣжденнаго послѣдовате

французскихъ мыслителей второй половины XVIII столѣтія. Но переѣна произошла не сразу. Будучи крайне добросовѣстнымъ, государь долго не рѣшался въ обсужденіи и рѣшеніи внѣшнихъ дѣлъ вдохновляться личными своими предпочтеніями. Новая политическая система должна была прежде приведенія въ исполненіе быть тщательно соображена и обдумана, а потому, въ первый годъ своего правленія, Александръ все оставилъ по-старому въ иностранной коллегіи и завѣдываніе ею, а также дипломатическое представительство Россіи при европейскихъ дворахъ, поручилъ не молодымъ друзьямъ своимъ, а опытныхъ дипломатамъ, унаслѣдованнымъ отъ екатерининскаго царствованія. Даже болѣе: тайный комитетъ, занимавшійся изысканіемъ мѣръ для уврачеванія всѣхъ отраслей государственнаго управленія, почти вовсе не касался внѣшней политики.

Такое рѣшеніе государя было вызвано отчасти и тѣмъ критическимъ состояніемъ, въ какомъ онъ, при вступленіи на престоль, нашелъ отношенія русскаго двора къ болѣе части иностранныхъ державъ. Съ Франціею еще не былъ заключенъ у насъ миръ, а уже съ Англіею загоралась война и британскій флотъ появился въ Балтійскомъ морѣ. Съ Австріею мы были въ открытомъ разрывѣ, а съ Пруссіею хотя и въ дружбѣ, но при этомъ въ непрестанныхъ пререканіяхъ. Союзы, заключенные нами съ обѣими Скандинавскими державами и съ Портою, налагали на насъ обременительную обязанность защищать первыя противъ англичанъ, вторую—противъ французовъ. Ближайшею дипломатическою задачею являлась такимъ образомъ потребность найти исходъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій.

Незадолго до смерти, императоръ Павель, удаливъ Ростопчина отъ дѣлъ, назначилъ снова вице-канцлеромъ князя Александра Куракина, а графа Палена—первоприсутствующимъ членомъ иностранной коллегіи. Александръ оставилъ ихъ обоихъ на этихъ должностяхъ, а въ помощь имъ вызвалъ изъ Москвы графа Н. П. Панина, которому предполагалось ввѣрить главное завѣдываніе политическими сношеніями нашего кабинета.

Князь Куракинъ, въ званіи вице-канцлера, не касался собственно дипломатическихъ дѣлъ, а ограничивался однимъ только представительствомъ и текущею канцелярскою перепиской, а потому, въ ожиданіи пріѣзда Панина, первыя распоряженія

были сдѣланы Паленомъ, сосредоточившимъ одно время въ рукахъ своихъ власть политическую, военную и административную, что и подало поводъ графу С. Р. Воронцову прозвать его „ливонскимъ великимъ визиремъ“.

Рѣшено было безъ замедленія предложить примиреніе Англіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не прерывать и съ Франціей мирныхъ переговоровъ. Курьеры повезли въ Лондонъ и въ Парижъ извѣстительныя грамоты о воцареніи императора Александра на имя короля Великобританскаго и Перваго Консула. Одновременно подтверждены и союзныя обязательства, связывавшія насъ съ дворами Копенгагенскимъ и Стокгольмскимъ.

Между тѣмъ прибылъ въ Петербургъ Панинъ и вступилъ въ управленіе иностранною коллегіею. Первые инструкціи, составленныя имъ для графа С. Р. Воронцова, вновь аккредитованнаго посломъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ, предписывали послѣднему объявить англійскому министерству, что государь искренно желаетъ мира съ Англіею, но не иначе какъ подъ условіемъ, чтобы та прекратила военныя дѣйствія противъ союзныхъ намъ Даніи и Швеціи, отозвала флотъ свой изъ Балтійскаго моря и признала начала вооруженнаго нейтралитета, положенныя въ основаніе нашихъ договоровъ съ обѣими Скандинавскими державами и съ Пруссіею¹⁾.

Порученіе это графъ Семень Романовичъ исполнилъ нехотя, да и то не вполне. Онъ удовольствовался тѣмъ, что сообщилъ лондонскому кабинету о готовности Россіи вступить въ переговоры о мирѣ, но ни слова не упомянулъ объ условіяхъ будущаго мира. Дѣло заключалось въ томъ, что старикъ, сроднившійся съ Англіею и преисполненный уваженія къ ея государственнымъ людямъ и учрежденіямъ, былъ крайне огорченъ именно этими условіями, въ которыхъ усматривалъ несправедливость по отношенію къ великобританскому правительству и принесеніе русскихъ интересовъ въ жертву домогательствамъ союзниковъ нашихъ, шведовъ и датчанъ. Въ довѣрительномъ письмѣ къ Панину онъ всю вину сваливалъ на Палена, который-де, пользуясь неопытностью въ дѣлахъ молодого государя, „присовѣтовалъ ему принять торопливыя рѣшенія, видѣться съ ино-

¹⁾ Императоръ Александръ I графу С. Р. Воронцову, 6 (18) апрѣля 1801 г. (Архивъ князя Воронцова, X, стр. 251).

странными министрами, давать имъ положительныя обѣщанія и писать собственнымъ министрамъ при чужеземныхъ дворахъ повторенія тѣхъ же обѣщаній, касающихся важныхъ интересовъ, предварительно не изученныхъ и не обсужденныхъ“. „Это военный“—воскликнулъ желчный дипломатъ,—„ничего не смыслящій въ политическихъ дѣлахъ, докладывающій о нихъ молодому государю, еще менѣе въ нихъ свѣдущему“. И далѣе: „Что бы сказалъ Петръ Великій, еслибы, воскреснувъ, увидѣлъ, что сдѣлано однимъ изъ его преемниковъ и что заставили подтвердить сына этого преемника! Я не постигаю, какъ нашелся русскій, способный принять участіе въ такихъ сдѣлкахъ, и какъ могъ Паленъ вырвать у государя ихъ утверждение?“ Та-кой, по мнѣнію посла, печальный оборотъ дѣла онъ выводилъ изъ установившагося при русскомъ дворѣ обычая, въ силу коего чужеземные дипломаты имѣли свободный доступъ къ особѣ императора и даже проявляли родъ фамиллярности, не согласной ни съ достоинствомъ двора, ни съ пользою службы. „Они“,—негодовалъ графъ,—„участвуютъ во всѣхъ частныхъ пріемахъ государя, разговариваютъ съ нимъ за панибрата и даже съ глазу на глазъ, ведутъ дружбу съ любимцами его и приближенными, и интригуютъ до безконечности¹⁾“.

Письмо Воронцова дошло до Петербурга уже послѣ удаленія Палена отъ службы и отъ двора. Панинъ показалъ его государю, который не только призналъ справедливыми доводы маститаго посла, но самъ даже написалъ къ нему по этому поводу слѣдующія знаменательныя строки: „Ваши замѣчанія вполне правильны и я не преминулъ бы испросить вашего, графъ, согласія, еслибы депеша графа Палена, о коей вы упоминаете, не была отправлена въ минуту, когда состояніе души моей не позволяло мнѣ отнести къ ней съ подобающимъ вниманіемъ“²⁾.

Къ счастью, посолъ нашъ въ Лондонѣ оказался болѣе ревнивымъ оберегателемъ достоинства Англіи, чѣмъ сами англійскіе министры, послѣдившіе увѣдомить нашъ дворъ, что, не

¹⁾ Графъ С. Р. Воронцовъ графу Н. П. Панину 6 (18) мая 1801 года. (Тамъ же, XI, стр. 176).

²⁾ Императоръ Александръ I графу С. Р. Воронцову 12 (24) мая 1801 г. (Тамъ же, X, стр. 260).

дожидаясь снятія амбарго съ британскихъ судовъ, особый уполномоченный прибудетъ въ Петербургъ для подписанія мирнаго договора. Такая предупредительность сентъ-джемскаго кабинета становится вполне понятною, если припомнить, какъ важно было для Англи помѣшать союзу Россіи съ Франціей, едва не состоявшемуся въ послѣдніе дни жизни императора Павла. И, дѣйствительно, чрезвычайный посолъ короля Георга III, лордъ Сентъ-Эленсъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ началѣ мая, ровно мѣсяцъ спустя подписалъ съ графомъ Панинымъ трактатъ о мирѣ, коимъ возстановлялась дружба петербургскаго двора съ лондонскимъ и, въ предѣлахъ возможнаго, соблюдались интересы обоихъ Скандинавскихъ государствъ¹⁾.

Не менѣе успѣшности въ завязаніи дружественныхъ связей съ новымъ русскимъ государемъ выказалъ и Первый Консулъ. Тотчасъ, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Павла, онъ послалъ въ Петербургъ своего довѣреннаго адъютанта Дюрока, съ гласнымъ порученіемъ привѣтствовать Александра со вступленіемъ на престолъ. Но въ тайной инструкціи на Дюрока возлагалась несравненно обширнѣйшая задача.

„Вы отправитесь въ Петербургъ 6 флореала“ — гласила инструкція — „и проѣдете черезъ Берлинъ, гдѣ можете остаться два дня. Вы представитесь королю. Вы скажете ему при удобномъ случаѣ, что я воспользовался вашимъ проѣздомъ чрезъ Берлинъ, дабы поздравить его величество по случаю занятія ганноверскихъ земель и повторить ему выраженіе моихъ къ нему чувствъ уваженія и почтенія. Вы не станете требовать паспортовъ ни отъ г. Криднера²⁾, ни отъ кого другого. Вы поѣдете прямымъ путемъ въ Мемель, гдѣ, вѣроятно, уже будетъ получено приказаніе пропустить васъ. Прибывъ въ Петербургъ, вы посѣтите вице-канцлера и передадите ему просьбу о личномъ врученіи его императорскому величеству прилагаемаго письма. Если представится вамъ случай явиться императрицѣ, вы не преминете сказать ей объ уваженіи и привязанности моей къ ея семейству и къ маркграфу Баденскому“.

Далѣе предписывалось Дюроку передъ отъѣздомъ изъ Парижа захватить въ русскому послу, Колычеву, и предложить ему

¹⁾ Мирный договоръ Россіи съ Англіею 5 (17) іюня 1801 г.

²⁾ Русскій посланникъ въ Берлинѣ.

свои услуги для доставленія его писемъ въ Петербургъ. Точно указывалось на содержаніе рѣчей, которыя онъ долженъ будетъ держать какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Петербургѣ. О Египтѣ слѣдуетъ говорить такъ, какъ будто Франція увѣрена въ удержаніи этой области за собою. О королѣ Сардинскомъ— что онъ даетъ убѣжище въ Кальяри англійскимъ военнымъ судамъ и снабжаетъ провіантомъ англійскіе отряды; о королѣ Неаполитанскомъ— что Франція съ нимъ въ мирѣ и рѣшилась гарантировать ему цѣлость его владѣній; объ англійской экспедиціи въ Египетъ— что она не удалась, но что еслибы она удалась, то это было бы величайшимъ несчастіемъ для всего европейскаго материка.

Переходя собственно къ русскимъ дѣламъ, Первый Консулъ вмѣнялъ Дюроку въ обязанность отзыватья объ императрицѣ Екатеринѣ II „какъ о государынѣ, предвидѣвшей паденіе Турецкой имперіи и вполнѣ постигавшей, что процвѣтаніе русской торговли зависитъ отъ направленія ея къ югу“. Что же касается до нынѣшнихъ отношеній Россіи и Франціи, то объѣмъ нужно прежде всего заключить миръ. Замедленіе этого дѣла тѣмъ вреднѣе, чѣмъ дальше отстоятъ другъ отъ друга оба государства, въ особенности же въ виду быстрого хода событій въ Италіи и въ Германіи. Первый Консулъ всегда-де считалъ заботливостью Павла I объ итальянскихъ государяхъ за интересъ скорѣе личный, чѣмъ политическій. Впрочемъ, онъ готовъ допустить заступничество Россіи за короля Неаполитанскаго, вслѣдствіе торговыхъ связей портовъ Средиземнаго моря съ черноморскими гаванями. Миръ, подписанный Франціею съ Неаполемъ, окончателенъ и твердъ. Но король Сардинскій до того-де возстановилъ противъ себя своихъ подданныхъ, что было бы очень трудно вновь водворить его въ его владѣніяхъ. Къ тому же, государь этотъ ведетъ себя очень дурно, а французское правительство недолюбливаетъ оборотней. Ему нѣтъ и мѣста въ политической системѣ Италіи, съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкій императоръ обладаетъ Венеціею. Если Россія останется вѣрною началамъ вооруженнаго нейтралитета, отъ которыхъ она и не можетъ отказаться, не нарушая своего достоинства, то и Франція охотно къ нимъ приступитъ, а если зайдетъ рѣчь о мирныхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ Франціи

англичанами, то надо ихъ отрицать, приписавъ распространенный о нихъ слухъ проискавъ Англии, которой-де выгодно, чтобы повѣрили въ примиреніе ея съ Франціею, въ ту самую минуту, когда флотъ ея находится въ Балтійскомъ морѣ.

Дюрокъ долженъ былъ оставаться въ Петербургѣ какъ можно дольше, осмотрѣть арсеналы, армію, флотъ, словомъ, все, что доступно осмотру „безъ возбужденія неудовольствія или тревоги, писать со всѣми мѣстными курьерами изъ Петербурга и изъ Берлина, но такъ, какъ еслибы письма его имѣли быть прочтены русскимъ императоромъ и его министрами или королемъ Прусскимъ и его министрами“. О приѣздѣ въ нашу столицу онъ приглашался донести чрезъ батавскаго курьера, и, нѣсколько дней спустя, отправить курьеромъ въ Парижъ одного изъ двухъ сопровождавшихъ его офицеровъ. Ему не слѣдовало ограничиваться обществомъ одного батавскаго посланика, но также посѣщать дома посланниковъ прусскаго, датскаго и шведскаго. Французскихъ эмигрантовъ, „имѣющихъ кредитъ въ Петербургѣ“, ему разрѣшалось принимать, но не посѣщать, а состоящимъ при немъ офицерамъ дозволялось и бывать у нихъ, съ тѣмъ, чтобы получить отъ нихъ какъ можно больше свѣдѣній¹⁾.

Письмо Бонапарта, которое Дюрокъ имѣлъ лично вручить императору Александру, было вѣжливо, но сдержанно. Первый Консулъ выражалъ въ немъ соболѣзнованіе по случаю кончины императора Павла и утверждалъ, что утѣшеніемъ послужила ему вѣсть о восшествіи на престолъ Александра. Увѣривъ государя въ постоянной готовности своей быть ему пріятнымъ, онъ изъявлялъ согласіе на немедленное подписаніе мирнаго договора съ Россіею и продолжалъ: „Если ваше величество раздѣляете мысли августѣйшаго вашего родителя о свободѣ и равновѣсіи морей, то вы найдете насъ расположенными еще болѣе ссръпнуть узы между обоими государствами такъ, чтобы соединить ихъ усилія для спокойствія и счастья нынѣшняго поколѣнія²⁾“.

¹⁾ Первый Консулъ Бонапартъ Дюроку 4 флореала IX года (12 (24) апрѣля 1801 г.).

²⁾ Первый Консулъ Бонапартъ императору Александру 16 флореала IX года (14 (26) апрѣля 1801 г.).

Возвратившійся въ Петербургъ изъ Неаполя лишь въ концѣ іюня 1801 года, князь Адамъ Чарторыйскій не засталъ уже тамъ Дюрока. Но почтенный довѣріемъ государя, онъ, изъ бесѣдъ съ нимъ, скоро узналъ о результатахъ миссіи посланца Перваго Консула. Вотъ почему отзывы его о немъ, занесенные въ Записки, представляютъ несомнѣнный историческій интересъ.

„Въ сущности императоръ Александръ не питалъ тогда слишкомъ сильныхъ симпатій къ Англіи; напротивъ, воспитаніе внушило ему мысли и стремленія, совершенно отличныя отъ тѣхъ, коимъ слѣдовала руководимая Питтомъ англійская политика. А потому Дюрокъ и его спутники были приняты императоромъ съ бдѣльшими предупредительностью и радушіемъ, чѣмъ того можно было ожидать въ эпоху реакціи противъ недавнихъ увлеченій Павла Бонапартомъ. Но приѣмъ, оказанный Дюроку, былъ послѣдствіемъ тайнаго и личнаго сочувствія Александра къ началамъ 1789 года, внушеннаго ему г. Лагарпомъ“.

„Александръ былъ въ восторгѣ, увидавъ, наконецъ, французовъ пресловутой революціи, коихъ онъ еще считалъ республиканцами. Онъ взиралъ на нихъ съ любопытствомъ и участіемъ. Онъ столько наслышался про нихъ, такъ часто о нихъ размышлялъ! И онъ, и великій князь Константинъ испытывали живѣйшее удовольствіе, именуя ихъ въ разговорѣ „гражданами“, названіе, которымъ — такъ думалъ Александръ — они гордятся. Но это оказалось вовсе не по вкусу посланцамъ Бонапарта и они вынуждены были нѣсколько разъ протестовать, что во Франціи болѣе не принято именоваться „гражданами“, прежде чѣмъ Александръ и братъ его перестали ихъ такъ называть“.

„Главною причиною, побудившею Перваго Консула послать въ Петербургъ своего довѣреннаго адъютанта, было желаніе освѣдомиться о намѣреніяхъ молодого императора и разузнать, чего могли ждать отъ его царствованія Франція и Европа. Говорятъ, будто Дюрокъ написалъ Бонапарту, что не на что надѣяться и нечего опасаться: замѣчаніе вполне вѣрное въ то время, основанное на точномъ ознакомленіи съ характеромъ Александра въ началѣ его правленія, но которое, однако, впо-

слѣдствіи оказалось совершенно неточнымъ и было опровергнуто событіями“.

Какъ бы то ни было, Дюроку удалось условиться съ Панинымъ объ устраненіи препятствій къ заключенію мирнаго договора Россіи съ Франціею. По желанію Перваго Консула, Колычевъ, навлекшій на себя неудовольствіе Бонапарта, былъ отозванъ изъ Парижа и на мѣсто его посломъ туда назначенъ ветеранъ екатерининской дипломатіи, графъ А. И. Морковъ, снабженный инструкціями самаго умѣреннаго и примирительнаго свойства.

Тогда же возобновлены были дипломатическія сношенія и съ вѣнскимъ дворомъ. Узнавъ о смерти Павла, императоръ Францъ II первый выразилъ въ письмѣ на имя Александра Павловича живѣйшее желаніе возвратиться къ прежней дружбѣ съ русскимъ дворомъ. Отвѣтное письмо государя повезъ въ Вѣну Муравьевъ-Апостоль, а вскорѣ возвратился туда въ званіи посла давній благопріятель Австріи, графъ А. К. Разумовскій.

Такимъ образомъ, приведены были въ порядокъ растроеныя сношенія императорскаго кабинета съ тремя главными европейскими державами. Настало время осмыслить и оцѣнить политическую систему новаго царствованія. Дѣло это взялъ на себя Панинъ, изложившій въ циркулярномъ рескриптѣ отъ высочайшаго имени, который имѣлъ служить общою инструкціею дипломатическимъ представителямъ нашимъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ—взглядъ русскаго двора на совокупность своихъ внѣшнихъ отношеній и правила, коими онъ намѣревался руководствоваться въ сношеніяхъ съ иностранными государствами.

Циркуляръ исходилъ изъ того положенія, что великая держава, одушевленная чувствомъ справедливости, должна поступать прямо и открыто, не прибѣгая къ хитрости или обману. Русскіе министры будутъ дѣйствовать твердо, но честно, помня, что государь не хочетъ злоупотреблять своимъ могуществомъ и намѣренъ уважать права и независимость чужихъ народовъ, отъ которыхъ онъ требуетъ лишь полнаго взаимства. Желаніе его—видѣть миръ упроченнымъ повсюду. Самъ онъ не будетъ стремиться ни къ завоеваніямъ, ни къ расширенію инымъ пу-

темъ предѣловъ своей имперіи, заключающей въ самой себѣ задатки своей силы и благополучія. Онъ подниметъ оружіе лишь въ томъ случаѣ, если ему придется отражать несправедливое нападеніе, защищать свои народы или жертвы честолюбія, опаснаго для спокойствія Европы. Ни подъ какимъ видомъ онъ не станетъ вмѣшиваться во внутренніе раздоры чужеземныхъ государствъ, и каковъ бы ни былъ существующій въ нихъ образъ правленія, будетъ поддерживать съ ними доброе согласіе, пока сами они будутъ добросовѣстно относиться къ Россіи. Онъ останется вѣрнымъ заключеннымъ его предшественникомъ договорамъ и свято исполнитъ всѣ истекающія изъ нихъ обязательства.

Отъ этихъ общихъ началъ циркуляръ переходилъ къ опредѣленію положенія Россіи къ каждому изъ прочихъ государствъ Европы. Выражалось удовольствіе по поводу состоявшаго примиренія съ Вѣною, ибо Австрія, „будучи поставлена между Франціею, которой, она страшится и которую ненавидитъ, Пруссіей, коей она не довѣряетъ и остальною Германіей, которую она возбудила противъ себя замыслами о своемъ земельномъ приращеніи, — чувствуетъ вполне необходимость сблизиться съ Россіей, крѣпко держаться ея и избрать ее посредницею мира или щитомъ противъ разрушительнаго потока революціи“. „Спасеніе Австріи“, — говорилось далѣе, — „въ искренномъ единеніи ея съ Россіею, единеніи, выражающемся въ тождествѣ намѣреній и принциповъ, которые будутъ еще дѣйствительнѣе, если и Пруссія примкнетъ къ нему. Къ достиженію этой цѣли направлены усилія русскаго двора.

„Поддержаніе справедливаго равновѣсія между монархіями австрійскою и прусскою требуетъ безопасностью Россіи. Государь будетъ твердо придерживаться этого основнаго политическаго начала, при разрѣшеніи вопроса о территориальныхъ вознагражденіяхъ нѣмецкихъ государствъ. Къ сожалѣнію, Пруссія выражаетъ по этому поводу чрезмѣрную притязательность. Надо надѣяться, что честность короля возьметъ верхъ надъ корыстью его министровъ.

„Большая часть нѣмецкихъ князей обращается къ государю съ просьбою взять на себя охрану ихъ правъ и интересовъ при предстоящемъ, въ силу постановленій Люневиль-

скаго мира, земельномъ передѣлѣ Германской имперіи. Государь не упустилъ этого случая, дабы удержать за Россіей преобладающее вліяніе на дѣла Германіи, безопасность и независимость которой необходима для спокойствія Европы.

„Рѣшившись продолжать мирные переговоры съ Франціей, государь имѣлъ въ виду двойную цѣль: возвратить миръ своей имперіи и содѣйствовать всеобщему миру, который дозволилъ бы, по крайней мѣрѣ, возстановить общественное зданіе Европы, поколебленное въ основахъ, если еще не угодно Провидѣнію, чтобы изсякъ источникъ бѣдъ, удручающихъ человѣчество. Первой цѣли легко достигнуть соединеніемъ твердости со справедливостью и умѣренностью. Но вторая цѣль сопряжена съ неимовѣрными трудностями. Успѣхъ зависитъ отъ образа дѣйствій Перваго Консула. Если онъ будетъ попрежнему давать увлекать себя потоку революціи, то продолженіе войны неизбежно. Если же, напротивъ, онъ пожелаетъ излечить раны, нанесенныя революціей, и станетъ уважать независимость содѣйствующихъ государствъ, то ему не трудно будетъ вступить въ соглашеніе съ Россіей и условиться съ нею о мѣрахъ для возстановленія европейскаго равновѣсія. Въ надеждѣ на это, русскій дворъ, черезъ посредство посла своего въ Парижѣ, уже сообщилъ ему основанія всеобщаго замиренія, предупредивъ, что въ сближеніи Россіи съ дворами Лондонскимъ и Вѣнскимъ не заключается ничего враждебнаго Франціи и что государь не вступитъ ни съ кѣмъ въ наступательный союзъ противъ нея, доколѣ она будетъ уважать права и независимость его союзниковъ“.

Слѣдовало изложеніе нашихъ отношеній къ Батавской республикѣ, къ Скандинавскимъ королевствамъ, къ Италіи и къ Портѣ Оттоманской. По поводу послѣдней высказывалось опасеніе, какъ бы снова не вспыхнула въ Константинополѣ направленная, главнымъ образомъ, противъ насъ ненависть къ христіанскому имени? Впрочемъ, государь намѣренъ тщательно избѣгать всякихъ предлоговъ къ столкновенію съ Турціею и провозглашаетъ однимъ изъ основаній своей политики содѣйствіе къ сохраненію этого государства, слабость и плохое управленіе котораго представляютъ-де для Россіи драгоцѣнный залогъ безопасности.

Упомянувъ объ Испаніи и Португаліи, циркуляръ не распространялся о Великобританіи въ томъ предположеніи, что желаніе государя находится съ нею въ наилучшихъ отношеніяхъ — достаточно извѣстно. Онъ заключался слѣдующими словами:

„Изъ обозрѣнія, мною начертаннаго, слѣдуетъ, что, движимый столько же всеобщимъ интересомъ, сколько и пользами моей имперіи, я желаю твердаго единенія съ дворами — лондонскимъ, вѣнскимъ и берлинскимъ; что оба первые двора, выступая навстрѣчу моимъ желаніямъ, предупредительностью своею доказываютъ, повидимому, что признаютъ ихъ пользу; что соглашеніе о вознагражденіяхъ и перемѣнахъ, имѣющихъ произойти въ германской конституціи, можетъ вскорѣ состояться между нами и Австріею, и что я считаю весьма полезнымъ привлечь къ нему и короля прусскаго. Послѣдствіе, истекающее изъ настоящаго положенія дѣлъ, то, что настала минута, когда поведеніе Перваго Консула рѣшить окончательно, какъ должны дѣйствовать великія державы, чтобы обезпечить свою безопасность; что пріемъ, который встрѣтатъ въ Парижѣ мои предложенія, будетъ имѣть рѣшающее вліяніе на эти рѣшенія и что, такимъ образомъ, самыя вѣскія причины должны бы, кажется, побудить главу французской республики не оставлять на произволъ случая то, чего онъ можетъ ожидать съ довѣріемъ отъ умѣренной и справедливой системы“¹⁾.

Вчитываясь въ этотъ замѣчательный документъ, нельзя не признать въ немъ попытки согласовать великодушныя мечтанія Александра съ дипломатическимъ доктринерствомъ Панина. Министръ отвелъ широкое мѣсто мыслямъ государя о справедливости, о правѣ, о безкорыстїи, о счастїи народовъ, но суть его произведенія составляетъ политическое ученіе, сложившееся у насъ въ эпоху первой французской революціи, и впервые приложенное къ дѣлу императоромъ Павломъ въ началѣ его царствованія. Ученіе это задачу Россіи полагало въ противодѣйствїи революціоннымъ теченіямъ и средства къ тому находило въ тѣсномъ союзѣ съ монархическими дворами. Раз-

¹⁾ Императоръ Александръ I русскимъ представителямъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ 5 (17) іюля 1801 г. (Архивъ князя Воронцова X, стр. 265).

очарованный въ союзникахъ, Павелъ, въ послѣдній годъ жизни, отрекся отъ пагубной доктрины „благого дѣла“ и снова вернулся къ преемственной политикѣ, унаслѣдованной отъ предковъ и преслѣдовавшей исключительно русскія національныя цѣли, къ политикѣ, пламеннымъ и краснорѣчивымъ истолкователемъ и защитникомъ которой явился графъ Ростопчинъ. Эта перемѣна въ воззрѣніяхъ императора и была въ 1800 году причиною отрѣшенія Панина отъ должности вице-канцлера и удаленія его отъ дѣлъ. Возвратившись къ власти, онъ, естественно, старался дать восторжествовать и своимъ излюбленнымъ идеямъ, упорно настаивая на проведеніи ихъ предъ молодымъ и все еще нѣсколько робкимъ государемъ.

Въ сущности Александръ придерживался въ политикѣ совершенно иныхъ взглядовъ, которые раздѣляли съ нимъ и юные товарищи и сотрудники его, члены такъ называемаго „комитета общественнаго спасенія“. Въ собраніяхъ своихъ они лишь изрѣдка касались внѣшнихъ дѣлъ, но при этомъ обыкновенно выражали мнѣнія, прямо противоположныя воззрѣніямъ министерства. Такъ, всего за четыре дня до отправленія приведеннаго выше циркулярнаго рескрипта, въ тайномъ комитетѣ возбужденъ былъ вопросъ о политическихъ сочетаніяхъ великихъ державъ, причемъ государь самъ высказался въ пользу составленія европейской коалиціи, но не противъ Франціи, а противъ Англіи¹⁾.

Государственныя потребности съ первыхъ дней царствованія вынуждали императора Александра становиться въ противорѣчіе съ самимъ собою и жертвовать имъ своими предпочтеніями.

Всего нагляднѣе выражается это противорѣчіе въ дѣлѣ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. За два мѣсяца до кончины, Павелъ I издалъ манифестъ, возвѣщавшій о семъ присоединеніи. Преемнику его предстояло принять мѣры къ осуществленію предположенія отца. Тотчасъ по воцареніи, Александръ

¹⁾ Протоколъ засѣданія тайнаго комитета 1 (13) іюля 1801 г. Имъ опровергается мнѣніе, выраженное С. М. Соловьевымъ (Императоръ Александръ I, стр. 23), будто сущность инструкціи принадлежала государю. Впрочемъ, о составленіи ея Панинымъ имѣется также свидѣтельство его самого въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову отъ 14 (26) сентября 1801 года. (Архивъ князя Воронцова, XI, стр. 154).

передалъ вопросъ на обсужденіе возстановленнаго имъ Непремѣннаго Совѣта, который счелъ полезнымъ пріобрѣсти Грузію, какъ для пользы ея жителей, угнетаемыхъ своими владѣтелями, такъ и для спокойствія собственныхъ границъ Россіи ¹⁾). Рѣшеніе это пришлось, однако, не по сердцу государю, который вторично поручилъ Совѣту разсмотрѣть дѣло, предупредивъ его „о крайнемъ отвращеніи его императорскаго величества принять это царство въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присоединеніе чужой земли“. Но и въ этотъ разъ Совѣтъ остался при прежнемъ мнѣніи ²⁾). Тогда Александръ рѣшился послать въ Грузію довѣренное лицо, генерала Кнорринга, чтобы на мѣстѣ убѣдиться въ степени необходимости присоединенія этого края къ имперіи. По полученіи отъ него первыхъ донесеній, Александръ снова пожелалъ узнать мнѣніе, но уже не одного Государственнаго Совѣта, а также и „комитета“ молодыхъ друзей своихъ. Въ Совѣтѣ настаивалъ на присоединеніи графъ Н. А. Зубовъ, главнокомандовавшій въ послѣднемъ персидскомъ походѣ и хорошо знакомый съ положеніемъ Закавказья. Онъ доказывалъ, что, уклоняясь отъ занятія этой страны, мы подвергнемъ опасности собственныя наши владѣнія на Кавказѣ, и что мы не въ правѣ отвергать единодушную мольбу жителей о принятіи ихъ въ подданство русскаго императора. Совѣтъ согласился съ доводами Зубова, во вниманіе, между прочимъ, и къ богатству края, доходы съ коего простирались до 10 милліоновъ рублей. Совершенно въ иномъ смыслѣ высказались члены „комитета“. Докладчикъ графъ Кочубей находилъ, что „желаніе жителей“ весьма сомнительно; что защитить ихъ отъ притѣсненій можно, принявъ ихъ подъ покровительство, а не въ подданство Россіи, для чего потребовалось бы меньше войска и расходовъ; что доходы Грузіи, очевидно, преувеличены въ донесеніяхъ Кнорринга, внутреннихъ желаніемъ угодить государю, а что въ дѣйствительности страна эта населена скудно и не имѣетъ промышленности. По всѣмъ этимъ причинамъ онъ приходилъ къ заключенію, единогласно поддержанному прочими членами „комитета“, что слѣ-

¹⁾ Протоколъ Государственнаго Совѣта отъ 11 (23) апрѣля 1801 г.

²⁾ Тотъ же протоколъ отъ 15 (27) апрѣля 1801 г.

дуетъ отказаться отъ обладанія Грузіею¹⁾. Александръ долго оставался въ нерѣшимости, но въ концѣ концовъ государственныя соображенія восторжествовали надъ чувствомъ. Осенью 1801 года не только было окончательно введено въ Грузіи русское управленіе, но, сверхъ того, объявлено о присоединеніи къ имперіи и ханствъ: Дербентскаго, Кубанскаго и Бакинскаго.

Около того же времени, въ одномъ изъ засѣданій „комитета общественнаго спасенія“ была формулирована графомъ Кочубеемъ и программа внѣшней политики Россіи, весьма не сходная съ политическою системою графа Панина. Наперекоръ мнѣнію этого министра, Кочубей полагалъ, что Россіи не нужны никакіе союзы съ иностранными державами, что поэтому не слѣдуетъ заключать съ ними и договоровъ, за исключеніемъ торговыхъ, но и въ тѣхъ-де не представляется большой надобности. Въ частности же онъ отвергалъ пользу вмѣшательства въ поземельное переустройство Германіи и только совѣтовалъ соблюдать равновѣсіе между Австріей и Пруссіей, не позволяя одной изъ этихъ державъ усиливаться на счетъ другой. Государь вполне согласился съ разсужденіемъ графа Кочубея²⁾.

При такихъ условіяхъ Панинъ скоро почувствовалъ, что почва колеблется у него подъ ногами. Съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе обозначалось противорѣчіе его видовъ и намѣреній съ воззрѣніями государя, все чаще и чаще приходилось дѣлать уступки высочайшей настойчивости. То Александръ горячо вступался за Скандинавскія государства, интересы коихъ казались ему недостаточно огражденными въ заключенномъ Панинымъ мирномъ договорѣ съ Сентъ-Джемскимъ дворомъ, то онъ требовалъ, чтобы въ переговорахъ съ Первымъ Консуломъ дипломатія наша проявляла болѣе доброй воли и уступчивости. Не далѣе какъ въ маѣ, Панинъ не могъ нахвалиться государемъ, его прямымъ и здравымъ смысломъ, ангельскимъ терпѣніемъ, ревностью къ труду, и жаловался только на упорство, съ которымъ онъ-де придерживается „ложныхъ

¹⁾ Протоколъ засѣданія тайнаго комитета 13 (25) августа 1801 г.

²⁾ Протоколъ засѣданія тайнаго комитета 19 (31) августа 1801 г.

началь и крайне опасных софизмов“, заимствованныхъ отъ Лагарпа. Но уже въ іюлѣ онъ находитъ, что если Александръ не отречется отъ предрасудковъ, вложенныхъ въ него въ дѣтствѣ этимъ „негодлемъ“, если не убѣдится въ опасности, одинаково-де угрожающей всѣмъ престоломъ, „то никакъ нельзя будетъ установить систему, въ коей нуждается Россія“. Онъ упрекаетъ государя въ желаніи угодить всѣмъ, не выходить изъ предѣловъ чрезмѣрной сдержанности и въ неумѣннн отличить естественныхъ союзниковъ отъ враговъ своей имперіи. Не желая раздѣлять „стыдъ столь слабаго поведенія“, Панинъ даже выражаетъ намѣреніе тотчасъ послѣ коронаціи удалиться отъ дѣлъ. Онъ приходитъ въ ужасъ при извѣстіи о предстоящемъ прибытіи въ Россію Лагарпа и пишетъ по этому поводу графу С. Р. Воронцову: „Швейцарецъ, извѣстный вамъ, ѣдетъ сюда и, не взирая на сильныя представленія *матери* и на мои, паспортъ отправленъ къ нему навстрѣчу. Изъ Парижа и Берлина увѣдомляютъ меня, что онъ имѣетъ тайныя порученія отъ *Корсиканца*. Повѣрьте мнѣ, милостивый мой графъ, что сей человекъ будетъ управлять своимъ воспитанникомъ и не допустить къ нему вѣрныхъ сыновъ отечества. Всѣ благомыслящіе со мною въ томъ согласны. Я совершенно увѣренъ, что нельзя мнѣ будетъ остаться на семь мѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней узнаю положительнѣе, чего ожидать должно¹⁾“.

Въ письмахъ Панина мы не находимъ указаній на отношенія его къ молодымъ сотрудникамъ государя, членамъ „комитета общественнаго спасенія“, но „Воспоминанія“ князя Адама Чарторыйскаго позволяютъ намъ заключить, что они были холодны и натянуты. Вотъ какъ отзывается князь Адамъ о Панинѣ: „Въ предшешее мое пребываніе въ Петербургѣ, я никогда не встрѣчался съ графомъ Панинымъ, ибо, рано вступивъ на дипломатическое поприще, онъ весьма рѣдко появлялся въ столицѣ. Жена его, рожденная графиня Орлова, не послѣдовала за нимъ за границу. То была нѣжная особа, добрая, привѣтливая, съ сердцемъ, исполненнымъ доброжелательства, выказавшая мнѣ много дружбы. По возвращеніи мо-

¹⁾ Графъ Н. П. Панинъ графу С. Р. Воронцову 11 (23) іюня, 16 (28) іюля, 11 (23) августа и 14 (26) сентября 1801 г. (Архивъ князя Воронцова, XI, стр. 133, 139, 148 и 151).

емъ въ Петербургъ, она пожелала во что бы то ни стало сблизить меня со своимъ мужемъ и много труда дала себѣ, чтобы мы познакомились. Еслибъ другія причины и не служили препятствіемъ этой дружбѣ, то одной внѣшности графа было бы достаточно, дабы сдѣлать ее невозможною. Я часто бывалъ пораженъ ледянымъ выраженіемъ графа, неподвижное лицо котораго, на тѣлѣ, прямомъ какъ палка, въ гостинной, полной народомъ, возвышалось надъ всѣми головами и не вызывало охоты подойти къ нему. Впрочемъ, я видѣлся съ графомъ не часто и никогда не находился съ нимъ въ послѣдовательныхъ сношеніяхъ, а потому сужденіе мое объ истинномъ его характерѣ можетъ быть и ошибочно и даже несправедливо. Я узналъ съ тѣхъ поръ, что онъ прозвалъ меня *Сарматомъ*, а такъ какъ я не вмѣшивался тогда ни въ одно оффиціальное дѣло, то онъ постоянно спрашивалъ и повторялъ вопросъ: „Что же, наконецъ, дѣлаетъ *Сарматъ*?“

Не лучше были отношенія Панина и къ старымъ дѣльцамъ, членамъ Государственнаго Совѣта и министрамъ, которые всѣ были значительно старше его и о которыхъ онъ крайне рѣзко и презрительно отзывался въ довѣрительной перепискѣ съ друзьями. Большинство изъ нихъ онъ обзываетъ тупыми бездарностями, братьевъ Зубовыхъ—вѣтреными болтунами и даже близкаго своего родственника и нѣкогда задушевнаго друга вице-канцлера князя Курагина—невѣжей, исполненнымъ чванства и служащимъ посмѣшищемъ. Единственною опорю Панина при дворѣ была когда-то императрица Марія Теодоровна, но и та должна были лишиться его расположенія послѣ смерти своего супруга. Вотъ почему молодой министр—ему шелъ всего тридцать второй годъ—всѣми силами старался заручиться поддержкой вельможнаго и вліятельнаго графа С. Р. Воронцова. „Я обращаюсь нынѣ къ просвѣщенному патріоту“,—читаемъ въ одномъ изъ его писемъ къ нему,—„прошу его помощи и увѣренъ въ ней, дабы бороться съ интригами лицъ неблагонамѣренныхъ и завистливыхъ чужеземцевъ¹⁾“.

Въ Павловское царствованіе представитель нашъ при лондонскомъ дворѣ видѣлъ въ Панинѣ политическаго единомыш-

¹⁾ Отъ того же къ тому же, 16 (28) іюля и 14 (26) сентября 1801 г. (Тамъ же, XI, стр. 139 и 151).

ленника, обнаруживалъ къ нему доброжелательство и даже велъ съ нимъ дружескую переписку. Но въ предшедшихъ главахъ мы уже имѣли случай замѣтить, что какъ онъ, такъ и братъ его, графъ Александръ Романовичъ, примкнули къ фалангѣ молодыхъ людей, ближайшихъ друзей и сотрудниковъ государя. Послѣдній усердно вторилъ имъ въ дѣлахъ политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней, говоря имъ въ ладъ, что Россія не нуждается ни въ какихъ союзахъ. При тѣсной дружбѣ, связывавшей обоихъ братьевъ, одного этого было достаточно, дабы измѣнить взглядъ графа Семена Романовича на Панина и враждебно настроить его противъ „министра-молокососа“. Но независимо отъ этого, посоль въ Лондонѣ не прощаль Панину политической программы, въ которой не находилъ достаточно почетнымъ мѣсто, отведенное дорогой его сердцу Англіи. вмѣсто того, чтобы оказать министру просимую помощь, онъ, считая его авторомъ циркуляра 5 (17) іюля, вступилъ съ нимъ въ ѣдкую полемику, далеко не безпристрастную, и возраженіе свое на помянутый рескриптъ отправилъ не ему, а прямо въ руки государя. Въ возраженіи, рядомъ съ весьма дѣльными мыслями о пользѣ, проистекающей для государства, отъ обсуждения важныхъ дѣлъ по внѣшней политикѣ въ совѣтѣ высшихъ сановниковъ, а не съ глазу на глазъ между министромъ-докладчикомъ и императоромъ, — встрѣчаемъ то мелочныя, то тяжкія, но болѣею частью незаслуженныя обвиненія Панина въ неясности или неблагородствѣ слога, въ излишней притязательности, въ завѣдомой лжи, даже прямо въ преступныхъ намѣреніяхъ. Объ ожесточенности нападокъ графа Семена можно судить по заключительнымъ строкамъ его замѣчаній: „Молю Бога, дабы Онъ внушилъ государю никогда не совѣщаться впредь съ человѣкомъ, подобнымъ редактору рескрипта, и отобрать отъ него всѣ рескрипты, которые тотъ заставилъ подписать его, съ тѣмъ, чтобы ихъ уничтожить, дабы ни одинъ изъ нихъ не оставался ни въ одномъ архивѣ, ни внутри страны, ни внѣ ея“¹⁾.

Когда бумага эта дошла до Александра, графъ Панинъ болѣе уже не завѣдывалъ нашими внѣшними сношеніями. Три

¹⁾ Замѣчанія графа С. Р. Воронцова на рескриптъ 5 (17) іюля 1801 г. (Тамъ же, X, стр. 276 и слѣд.).

недѣли послѣ коронаціи, пререканіе, возникшее между нимъ и княземъ Куракинымъ по совершенно ничтожному вопросу, который государь рѣшилъ въ пользу вице-канцлера, побудило его просить увольненія отъ должности, и просьба эта была немедленно удовлетворена.

На рѣшеніе императора, конечно, имѣли вліяніе всѣ указанныя нами обстоятельства, но едва ли онъ бы изъявилъ столь быстрое согласіе на отставку министра, съ которымъ хотя и расходился во мнѣніяхъ, но въ которомъ не могъ не признать выдающихся способностей, еслибы не имѣлъ на то иной, сокровенной причины. О причинѣ этой свидѣтельствуетъ преемникъ Панина, графъ Кочубей, повѣдавшій ее графу С. Р. Воронцову въ письмѣ, коимъ увѣдомилъ его о вступленіи своемъ въ управленіе Иностранною Коллегією. По словамъ Кочубея, государь не могъ простить Панину того, что за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Павла онъ первый дерзнулъ завести съ наслѣдникомъ престола рѣчь объ установленіи регентства¹⁾.

ХІ.

Внѣшнія дѣла въ управленіи графа Кочубея.

Принявъ отставку Панина, императоръ Александръ ввѣрилъ завѣдываніе внѣшнею политикою старшему изъ молодыхъ друзей своихъ, графу В. П. Кочубею.

Кочубей не былъ новичкомъ на дипломатическомъ поприщѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, онъ, двадцати шести лѣтъ отъ роду, занималъ уже важный постъ посланника въ Константинополь. При Павлѣ, дядя его, канцлеръ князь Безбородко, взялъ его къ себѣ въ ближайшіе помощники, доставивъ ему званіе вице-канцлера. Но послѣ смерти своего благодѣтеля, Кочубей, замѣтивъ, что не пользуется расположеніемъ императора, самъ просилъ объ увольненіи. Александръ Павловичъ при воцареніи назначилъ его статсъ-секретаремъ при своей особѣ. Кочубей, незадолго до того отказавшійся отъ мѣста посла въ Парижѣ, неохотно принялъ

¹⁾ Графъ Кочубей графу С. Р. Воронцову, 6 (18) октября 1801 г. (Тамъ же, XVIII, стр. 245).

на себя обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, и то только въ надеждѣ, что государь скоро найдетъ ему преемника. Его страшила масса предшествоваго ему дѣла. Мѣсяць по вступленіи въ должность, онъ жаловался другу своему, графу С. Р. Воронцову, что ему все приходится дѣлать самому, писать все: депеши, письма, записки, что-де невысказано въ другихъ стравахъ. „Всюду“—восклицалъ онъ—„министръ судить, приказываетъ, задаетъ письменную работу, дѣлаетъ извѣщенія, совѣщается, обсуждаетъ, засѣдаетъ въ Совѣтѣ; у насъ же ему приходится разыгрывать роль писца, а между тѣмъ, въ Иностранной Коллегіи насчитывается триста человѣкъ чиновниковъ, не считая посольствъ и московскаго архива“¹⁾.

У младшаго Воронцова былъ, между тѣмъ, свой, давно сложившійся взглядъ на наиболѣе пригодный и разумный способъ обсуждать и рѣшать важныя дѣла по внѣшней политикѣ, состоявшій въ передачѣ ихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Не зная еще объ увольненіи Панина, онъ въ письмѣ къ государю убѣдительно упрасивалъ его завести этотъ порядокъ, отмѣненный его предшественникомъ. Онъ выставлялъ ему на видъ всѣ неудобства и даже прямой вредъ отъ отдѣльныхъ докладовъ министровъ главѣ государства. „Какъ можете, ваше императорское величество“—спрашивалъ онъ—„быть увѣрены, что они вольнымъ и невольнымъ образомъ не вводятъ васъ въ заблужденіе? Какъ можете знать, представляютъ ли вамъ они все то, что слѣдуетъ доводить до вашего свѣдѣнія? Какъ можете удостовѣриться, что приказанія ваши исполнены въ точности, согласно вашей волѣ? Въ природѣ человѣка—стремленіе преувеличивать свое значеніе, вліяніе и власть свою; отсюда мало-по-малу проистекаетъ министерскій деспотизмъ начальниковъ вѣдомствъ, порождающій олигархію, несомвѣстимую съ монархическимъ правленіемъ, и ваше величество хотя и желаете лишь одного всеобщаго благополучія, хотя и ненавидите деспотизмъ, а создадите деспотизмъ невыносимый изъ вторыхъ рукъ, сами того не замѣчая, и лишите себя, государь, средства выяснить са-

¹⁾ Графъ Кочубей графу С. Р. Воронцову 9 (21) ноября 1801 г. (Архивъ князя Воронцова, XVIII, стр. 252).

мому себѣ дѣло посредствомъ обмѣна различныхъ мнѣній, путемъ преній, проливающихъ свѣтъ, котораго отнюдь нельзя добыть иначе, какъ обсужденіемъ въ Совѣтѣ“. Старый дипломатъ напомнилъ, что такой Совѣтъ былъ у Петра Великаго, что при Екатеринѣ I и Петрѣ II онъ назывался Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, при Аннѣ—Кабинетъ-Совѣтомъ, при Елисаветѣ—Конференціею. Въ собраніяхъ этихъ дѣла разсматривались въ присутствіи государя или въ его отсутствіи, лишь по тщательномъ обсужденіи представлялись на его утвержденіе. Въ Совѣтъ вносились всѣ донесенія дипломатическихъ представителей Россіи при чужестранныхъ дворахъ, протоколы всѣхъ совѣщаній министра, завѣдывавшаго внѣшними дѣлами съ иностранными посланниками, всѣ получаемыя отъ послѣднихъ ноты. Все это читалось, разсматривалось, обсуждалось, а затѣмъ постановлялись Высочайше утвержденныя рѣшенія о томъ, что слѣдовало сказать или написать въ отвѣтъ на сообщенія чужеземныхъ дипломатовъ или донесенія русскихъ посланниковъ. Обычай этотъ, освященный вѣками, былъ отмѣненъ впервые императрицею Екатериною II, подпавшею вліянію Панина, но ею же и возстановленъ на шестомъ году царствованія при началѣ турецкой войны, послѣдствіемъ чего было правильное теченіе дѣлъ и установленіе полного согласія между всѣми вѣтвями государственнаго управления¹⁾.

Письмо Воронцова Александръ Павловичъ получилъ на возвратномъ пути съ коронаціи, а самъ отвѣчалъ на него изъ Петербурга. Въ полугодіе, истекшее со дня воцаренія, онъ успѣлъ уже освоиться съ дѣлами, въ особенности съ внѣшними, приобрѣлъ въ нихъ навыкъ и опытность и пересталъ относиться съ недовѣріемъ къ собственнымъ силамъ. У него явился „апломбъ“, и министры, какъ свидѣтельствовалъ Кочубей, „за исключеніемъ насъ, жалуются, что не пользуются болѣе его довѣріемъ, другими словами, что лишены возможности поступать по своему произволу“²⁾. Все это отразилось въ отвѣтѣ къ послу въ Лондонѣ.

¹⁾ Графъ С. Р. Воронцовъ императору Александру I 28 сентября (10 октября) 1801 г. (Тамъ же, X, стр. 286 и слѣд.).

²⁾ Графъ Кочубей графу Разумовскому 7 (19) декабря 1801 г.

Государь признавалъ пользу отъ обсужденія дѣлъ въ Совѣтѣ, „и если“—объяснялъ онъ—„я ограничивался доселѣ работою въ кабинетѣ отдѣльно съ каждымъ изъ моихъ министровъ, то, сознаюсь, отчасти потому, что нашелъ порядокъ этотъ уже установленнымъ и не хотѣлъ его коснуться, пока приобрѣтеніе нѣкоторой опытности и возстановленіе спокойствія не дозволятъ мнѣ съ пользою измѣнить его“. Александръ обѣщалъ впредь передавать дѣла особенной важности на разсмотрѣніе Совѣта и какъ можно чаще лично присутствовать на его собраніяхъ. Но онъ не оставилъ безъ возраженія заключающійся въ письмѣ Воронцова намекъ, тщательно придерживаясь союза съ Англійей, какъ наиболѣе полезнаго для Россіи. „Я буду въ особенности стараться“ — писалъ онъ— „слѣдовать національной системѣ, то есть такой, которая основана на интересахъ государства, а не на предпочтеніи, какъ часто бывало прежде, къ той или другой державѣ. Я буду, если признаю это полезнымъ для Россіи, въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціею, такъ же точно, какъ этотъ самый интересъ побуждаетъ меня нынѣ соблюдать дружбу Великобританіи ¹⁾“.

Что разумѣлъ Александръ подъ „національною системою“? Мы не ошибемся, если отвѣтимъ на этотъ вопросъ: политику, сосредоточенную на удовлетвореніи исключительно нуждъ и пользы Россіи и чуждую поползновеній ко вмѣшательству въ дѣла прочихъ государствъ.

Такою именно политическую программу развивалъ графъ Кочубей „тайному“ комитету, со времени вступленія его въ новую должность посвятившему свое вниманіе и внѣшнимъ нашимъ сношеніямъ ²⁾. О ней князь Адамъ Чарторыйскій въ слѣдующихъ словахъ распространяется въ своихъ Запискахъ:

„Графъ Кочубей руководилъ русскою дипломатіею. Самъ государь уже занимался ею тогда съ особымъ участіемъ. Графъ Кочубей измыслилъ систему, которую считалъ вполнѣ сходною съ мнѣніями и намѣреніями императора, а также и съ

¹⁾ Императоръ Александръ I графу С. Р. Воронцову 31 октября (12 ноября) 1801 г. (Архивъ князя Воронцова, X, стр. 299).

²⁾ Комитетъ слушалъ пространную записку Кочубея въ засѣданіи 22 января (3 февраля) 1802 г.

собственными своими наклонностями. Она заключалась въ томъ, чтобы держаться въ сторонѣ отъ европейскихъ дѣлъ, вмѣшиваться въ нихъ какъ можно менѣе, быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми, дабы имѣть возможность все время и все вниманіе посвятить улучшенію внутренняго состоянія. Таковы были дѣйствительно мнѣнія и желанія государя и его близкихъ, но никто не усвоилъ ихъ съ бѣльшимъ убѣжденіемъ, чѣмъ графъ Кочубей. „Россія“—говорилъ онъ— „достаточно велика и могущественна пространствомъ, населеніемъ и положеніемъ, она безопасна со всѣхъ сторонъ, лишь бы сама оставляла другихъ въ покоѣ. Она слишкомъ часто и безъ малѣйшаго повода вмѣшивалась въ дѣла, прямо до нея не касавшіяся. Никакое событіе не могло произойти въ Европѣ безъ того, чтобы она не предъявила притязанія на участіе въ немъ. Она вела войны бесполезныя и дорого ей стоившія. Благодаря счастливому своему положенію, императоръ можетъ-де пребывать въ мирѣ съ цѣлымъ міромъ и заняться исключительно внутренними преобразованіями, не опасаясь, чтобы кто-либо дерзнулъ потревожить его среди этихъ благородныхъ и спасительныхъ трудовъ. Внутри самой себя предстоитъ Россіи совершить громадныя завоеванія, установивъ порядокъ, бережливость, справедливость во всѣхъ концахъ обширной имперіи, содѣйствуя процвѣтанію земледѣлія, торговли и промышленности. Какое дѣло многочисленному населенію Россіи до дѣлъ Европы и до войнъ, изъ нихъ проистекающихъ? Оно не извлекало изъ нихъ ни малѣйшей пользы; русскіе гибли въ этихъ войнахъ; съ отчаяніемъ поставляли они все больше рекрутовъ и платили все больше налоговъ. Дѣйствительное ихъ благосостояніе требовало продолжительнаго мира и постоянной попечительности мудрой и миролюбивой администраціи. Что могъ придумать лучшаго государь съ его преобразовательными идеями и либеральными совѣщаніями?“

Насъ въ этой программѣ преимущественно поражаетъ полное противорѣчіе съ событіями, происходившими на дѣлѣ во все продолженіе царствованія Благословеннаго. Ни одинъ русскій государь не удался отъ нея настолько, какъ Александръ Павловичъ. Причину такого противорѣчія между словомъ и дѣломъ отчасти раскрываетъ намъ князь Адамъ. „Система

эта“—разсуждаетъ онъ—, почти та же самая, коей слѣдуетъ нынѣ Франція при Лудовикѣ-Филиппѣ¹⁾, не имѣя преимуществъ географическаго положенія и которую проповѣдуютъ англійскіе радикалы. Она заключаетъ въ себѣ много справедливаго и цѣлесообразнаго, но представляетъ ту невыгоду, что страна, которая слишкомъ придерживается ея буквы, обращается въ ничтожество и рискуетъ стать игрушкой болѣе предприимчивыхъ и дѣятельныхъ правительствъ своего времени. Система эта, если неулонно держаться ея, требуетъ также много такта, твердости въ отрицаніи, дабы не дать увлечь себя поползновеніямъ къ полумѣрамъ, избѣжать коихъ весьма трудно въ настоящемъ положеніи европейскихъ отношеній. Все это тотчасъ и случилось съ императоромъ Александромъ“.

Прибавимъ, что государю связывали руки и обязательства въ смыслѣ, далеко несогласномъ съ его намѣреніями, обязательства, принятыя всего за нѣсколько дней до удаленія Панина отъ дѣлъ и истекавшія не столько изъ мирнаго договора нашего съ Франціею, сколько изъ тайной конвенціи съ нею же, коею обѣ стороны брали на себя распредѣлить, съ общаго согласія, земельныя вознагражденія, причитавшіяся по Люневильскому миру различнымъ государствамъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи²⁾. Не безъ ворчливаго неудовольствія принялъ Кочубей это наслѣдство своего предшественника, навязывавшее Россіи вмѣшательство въ дѣла ей чуждыя и безъ всякой выгоды для нея самой. Онъ горько жаловался на поведеніе Пруссіи, желавшей захватить какъ можно больше изъ подлежащихъ секуляризаціи и раздѣлу духовныхъ имуществъ и оставшейся глухой къ совѣтамъ умѣренности; на трудность побудить Австрію къ уступкамъ; на невозможность добиться отъ Франціи, чтобы та не поддерживала неумѣренныхъ притязаній берлинскаго двора. Ему казалось неразумнымъ являться судьями въ дѣлѣ, въ коемъ мы сами рѣшительно ничего не смыслили. „Всѣ германскіе государи“—сѣтовалъ онъ— „обращаются къ намъ

¹⁾ Воспоминанія Чарторыйскаго писаны въ сороковыхъ годахъ.

²⁾ Мирный договоръ Россіи съ Франціею заключенъ въ Парижѣ 26 сентября (8 октября), а тайная конвенція о территориальномъ посредничествѣ въ Германіи и Италіи—29 сентября (11 октября) 1801 г.

и одинъ съ другимъ въ перегонку посылають намъ множество раскрашенныхъ картъ, статистическихъ таблицъ и документовъ о правѣ взимать пошлины, о правѣ сюзеренства и т. п. Даже кабинеты, болѣе нашего освоенные съ подобнаго рода дѣлами, часто не могутъ въ нихъ разобраться. Но у насъ гдѣ канцелярія—я самъ, я обрекаю Плутону нѣмецкихъ ученыхъ, конституцію и государей¹⁾.

Александръ хотя и ратификовалъ и договоръ, и конвенцію, но не скрылъ своего неудовольствія по поводу тона сопровождавшихъ ихъ сообщеній Перваго Консула и его министра внѣшнихъ сношеній Талейрана. „Какіе мошенники!“ воскликнулъ онъ въ полусутливоромъ негодованіи²⁾.

Государю скоро стало извѣстно, что въ Парижѣ производился просто-на-просто торгъ нѣмецкими землями, родъ аукціона въ пользу Талейрана. Пруссія, заплативъ всѣхъ дорожекъ, должна была и получить больше всѣхъ. Этимъ хотѣлъ воспользоваться Кочубей, чтобы выгородить отвѣтственность Россіи за всѣ такіа сдѣлки и отказаться отъ дальнѣйшаго посредничества. Къ величайшему его удивленію, Александръ не согласился. „При этомъ случаѣ“ — повѣдалъ Кочубей графу А. Р. Воронцову—„я нашелъ его, какъ и при многихъ другихъ, крайне предрасположеннымъ въ пользу короля прусскаго лично и его министерства. Обнаружилось, что государь этотъ писалъ императору частныя письма, о коихъ министерство и не подозрѣвало. Переписка эта, а еще болѣе, я думаю, происки наслѣднаго принца Мекленбургскаго, герцога голштинскаго, и всѣ эти фамильные министры, которыхъ мы видѣли въ Павловскѣ, оставили, кажется, глубокіе слѣды, несомнѣнно вредные для системы безпристрастія, которая, по мнѣнію моему, одна можетъ намъ приличествовать“³⁾.

Чѣмъ далѣе подвигалось дѣло, тѣмъ яснѣе становилось, что участіемъ своимъ въ „секуляризаціи“ нѣмецкихъ духов-

¹⁾ Графъ Кочубей графу С. Р. Воронцову 10 (22) декабря 1801 г. (Архивъ князя Воронцова, XVIII, стр. 258).

²⁾ Графъ Кочубей графу А. Р. Воронцову 22 октября (3 ноября) 1801 г. (Тамъ же, XIV, стр. 161).

³⁾ Отъ того же къ тому же 27 ноября (9 декабря) 1801 г. (Тамъ же, XIV, стр. 172).

ныхъ владѣній Россія только даромъ компрометируетъ себя. Австрійскій посланникъ, графъ Сауроу, осмѣлился, въ разговорѣ съ вице-канцлеромъ, упрекнуть русскій дворъ въ отсутствіи добросовѣстности. Пруссія, пользуясь удобнымъ случаемъ, брала все, что могла. Бонапартъ горделиво, но беззащитно обманывалъ и враговъ, и друзей. Государь неоднократно выражалъ по этому поводу негодованіе, но когда въ тайномъ комитетѣ возбужденъ былъ вопросъ о замышляемомъ въ Берлинѣ тройственномъ союзѣ, въ коемъ Пруссія служила бы соединительнымъ звеномъ между Россіею и Франціею, онъ высказался въ пользу такого союза, замѣтивъ, что не предвидитъ отъ него никакого вреда. Кочубей возразилъ, „что союзъ поселитъ опасенія во всѣхъ прочихъ государствахъ Европы, въ особенности же встревожитъ Англію и Австрію, потому что Франція, и безъ того уже могущественная, будучи поддерживаема Россіею, сдѣлается еще болѣе опасною, что поведетъ къ нарушенію политическаго равновѣсія, безъ сомнѣнія, несогласному съ видами государя“. Но Александръ не согласился съ этими доводами и продолжалъ утверждать, что Англіи нѣтъ причины тревожиться подобнымъ союзомъ, потому что единственнымъ средствомъ удержать Францію въ предѣлахъ умѣренности и не дать ей увеличиться—было обузданіе ея договоромъ, въ силу котораго она не имѣла бы права расширить своихъ границы. „Россія“—прибавилъ государь—„дѣйствительно не имѣетъ надобности въ союзѣ для собственныхъ выгодъ, но еслибы она могла приобрѣсти полезное вліяніе на дѣла Европы, то это было бы весьма прилично, а потому онъ полагаетъ, что намъ слѣдуетъ выждать предложенія французскаго правительства и, давъ ему почувствовать, что мы вовсе не нуждаемся въ союзѣ съ нимъ, войти въ соглашеніе не иначе, какъ на такихъ условіяхъ, которыя привели бы насъ къ указанной выше цѣли“¹⁾).

Все это было плодомъ усердныхъ интригъ принца Мекленбургскаго²⁾, увѣрявшаго государя, что король прусскій Фри-

¹⁾ Засѣданіе тайнаго комитета 24 марта (5 апрѣля) 1802 г.

²⁾ „Un sot de premier ordre“, какъ отзывался о немъ Кочубей въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 7 (19) мая 1802 г. (Архивъ князя Воронцова, XVIII, стр. 272).

дрихъ-Вильгельмъ III питаетъ къ нему нѣжную привязанность и горитъ нетерпѣніемъ лично съ нимъ познакомиться. Еще въ концѣ 1801 года Александръ обѣщалъ королю съѣхаться съ нимъ гдѣ-нибудь на границѣ. Свиданіе было окончательно назначено на слѣдующую весну въ прусскомъ пограничномъ городѣ Мемелѣ. „Государи Пруссіи и Россіи“ — повѣствуетъ князь Чарторыйскій — „взаимно выразили желаніе встрѣтиться. Первый усматривалъ въ свиданіи свой интересъ и способъ облегчить разрѣшеніе въ свою пользу великаго дѣла „вознагражденій“ въ Германіи, которое велось тогда подъ вліяніемъ Франціи. Александръ просто хотѣлъ сблизиться и подружиться со своимъ сосѣдомъ и родственникомъ. Онъ питалъ къ пруссакамъ и къ ихъ королю особое расположеніе, источникомъ ко-его было его военное воспитаніе въ Гатчинѣ. Онъ съ радостію помышлялъ, что увидитъ прусскія войска, о коихъ былъ самъ столь высокаго мнѣнія; то былъ случай увеличить свои воинскія познанія объ ученіи, о выправкѣ, о парадѣ, которыми онъ придавалъ большое значеніе и въ которыхъ былъ почти столь же свѣдуецъ, какъ и братъ его Константинъ. Александръ радовался также знакомству съ прекрасною королевою, возможности порисоваться предъ нею и иностраннымъ дворомъ“.

Въ первыхъ числахъ мая 1802 года государь, объявивъ графу Кочубею о рѣшеніи своемъ ѣхать въ Мемель на свиданіе съ королемъ и королевою прусскими, приказалъ ему составить маршрутъ и сопровождать его величество. Извѣстіе это повергло министра въ совершенное отчаяніе. „Кому придетъ въ голову“ — ужасался онъ — „что два государя предпринимаютъ путешествіе для того только, чтобы сдѣлать смотръ нѣсколькимъ полкамъ? А въ сущности это такъ, и не иначе. Кто повѣритъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ не зналъ ничего объ этой проказѣ? А между тѣмъ и это вполнѣ вѣрно¹⁾“. Чарторыйскій и тутъ выдаетъ намъ тайную причину неудовольствія Кочубея. По мнѣнію министра, вмѣшательство наше въ дѣло о нѣмецкихъ „вознагражденіяхъ“ уже само по себѣ было отступленіемъ отъ принятой системы, да къ тому же не

¹⁾ См. то же письмо.

въ нашу, а въ чужую пользу. Еще хуже было то, что государи могли порѣшить дѣло въ личныхъ бесѣдахъ и устранить несогласія. „Плохой способъ вершать политическія дѣла“— замѣчаетъ князь Адамъ— „при которомъ та изъ сторонъ, что проявляетъ добросовѣстность, безкорыстіе и великодушіе, непременно является жертвою обмана“.

За недѣлю до отъѣзда, графъ Кочубей завелъ рѣчь о царской поѣздкѣ въ обычномъ засѣданіи тайнаго комитета. Онъ выразилъ мнѣніе, что всѣ дѣйствія русскаго монарха имѣютъ большую политическую важность, и что взоры всей Европы будутъ устремлены на свиданіе его съ королемъ прусскимъ. Государю угодно было заявить, что свиданіе это не болѣе какъ дружеское посѣщеніе, изъ котораго заранее исключены всякія политическія совѣщанія, а потому Кочубей полагалъ, что предположенное пятидневное пребываніе его величества въ Мемелѣ было бы слишкомъ продолжительно, и что лучше ограничить его тремя днями. Императоръ прекратилъ пренія, повторивъ, что поѣздка его не имѣетъ никакой дипломатической цѣли и обѣщавъ, что въ Мемелѣ не будетъ и помина о политикѣ¹⁾.

Государь выѣхалъ 20 мая (1 іюня) изъ Петербурга, въ сопровожденіи Кочубея, Новосильцова, оберъ-гофмаршала графа Толстого, генераль-адъютантовъ графа Ливена и князя Волконскаго, и чрезъ Нарву, Дерптъ, Ригу и Митаву 29 мая (10 іюня) прибылъ въ Мемель, гдѣ его ожидали король Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза.

Королева Луиза была въ эту пору жизни въ полномъ блескѣ своей дѣйствительно необычайной красоты. Она постоянно сопровождала обоихъ государей верхомъ на ученья, смотры, манѣвры, всѣ военныя празднества, коимъ преимущественно были посвящены семь дней, проведенные въ Мемелѣ императоромъ Александромъ. Государь не отходилъ отъ нея ни на шагъ и казался совершенно очарованнымъ ею. „Бѣдняжка!“—воскликаетъ въ дневникѣ своемъ прусская гофмейстерина графиня Фоссъ— „онъ вполне одушевленъ и плѣненъ королевою“²⁾. Но, если вѣрить Чарторыйскому, то выражае-

¹⁾ Протоколъ засѣданія тайнаго комитета 12 (24) мая 1802 г.

²⁾ Дневникъ графини Фоссъ 3 (15) іюня 1802 г.

мое имъ восхищеніе было просто актомъ „платоническаго кокетства“, которымъ любилъ заниматься Александръ, посвящая ему много времени. „Королеву“ — рассказываетъ князь Адамъ — „всегда сопровождала ея любимая сестра, принцесса Сальмъ, герцогиня Кумберландская (впослѣдствіи ганноверская королева), о которой распространялась молва въ довольно легкомъ тонѣ. Благодаря ея присутствію, не соблюдался строгій этикетъ, она оживляла бесѣду, вносила болѣе фамиллярности въ интимный кругъ. Она была повѣреннымъ всѣхъ тайныхъ мыслей сестры своей и стала бы, конечно, пособницей ея дѣйствій, еслибы того захотѣли. Вскорѣ послѣ одного изъ своихъ посѣщеній прусскаго двора императоръ, который въ это время страстно былъ влюбленъ въ другую, рассказалъ мнѣ, что его не на шутку встревожило расположеніе воннать, смежныхъ съ занимаемою имъ, и что на ночь онъ тщательно запирался на ключъ, дабы не могли застать его врасплохъ и вовлечь въ слишкомъ опасное искушеніе, коего онъ желалъ избѣжать. Онъ даже прямо признался въ томъ обѣимъ государынямъ съ большою откровенностью, чѣмъ съ волокитствомъ или вѣжливостью“.

Согласно предварительному уговору, король прусскій въ Мемелѣ не вымолвилъ слова о политикѣ. Но довѣренный секретарь его Ломбардъ не преминулъ сообщить графу Кочубею о конвенціи, заключенной въ Парижѣ прусскимъ посланникомъ графомъ Луккезини, которою опредѣлялась доля Пруссіи при распредѣленіи нѣмецкихъ медиатизованныхъ земель, настаивая, чтобъ государь утвердилъ это соглашеніе съ Франціею. Русскій министръ убѣдилъ Александра не давать рѣшительнаго отвѣта до возвращенія въ Петербургъ, но это не обошлось ему даромъ. Государь далъ ему почувствовать свое неудовольствіе, а оберъ-гофмаршалъ Толстой сталъ выговаривать ему за то, что онъ-де утруждаетъ императора своими представленіями. Когда Кочубей попросилъ императора намегнуть королю, чтобы тотъ не жаловалъ орденовъ лицамъ его свиты, Александръ рѣзко отвѣчалъ, что не стоитъ и говорить о столь маловажномъ дѣлѣ, что подобное заявленіе было бы оскорбительно и что легко безъ всякаго неудобства уложить орденскую ленту въ дорожный чемоданъ. Извѣщая о

всемъ этомъ друга своего, графа С. Р. Воронцова, только что прибывшаго изъ Лондона въ отпускъ въ Петербургъ, Кочубей замѣчалъ, „что не было знаковъ вниманія, предупредительности и вѣжливости, къ коимъ не прибѣгли бы здѣсь, дабы угодить государю, и не напрасно“¹⁾.

По возвращеніи императора Александра въ столицу, обнародовали договоръ съ Франціей о распредѣленіи земельных вознагражденій въ Германіи. „Въ этомъ общемъ мотовствѣ“ — пишетъ Чарторыйскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ — „главною выгодною воспользовалась Пруссія. Всѣ духовныя владѣнія были раздѣлены на части; участки продавались въ Парижѣ съ молотка. Первый Консуль руководилъ всѣми этими распоряженіями, а Талейранъ — подробностями раздѣла, причемъ, какъ говорятъ, тому, кто платилъ больше, отдавалось предпочтеніе предъ тѣми, кто имѣлъ право за себя. Лучшее право должно было быть поддержано звонкими доводами. Германія преобразилась въ пользу Пруссіи, которой благопріятствовалъ Первый Консуль, и къ выгодѣ парижскихъ распредѣлителей. Значеніе Франціи чувствительно усилилось, значеніе Россіи ослабѣло. Она разыграла второстепенную роль и была увлечена къ тому, чтобы дать свое согласіе на сдѣлку, послѣдствія коей не могла вполне одобрить. Все это крайне опечалило и смутило графа Кочубея. Франція чванилась, прусскіе министры потирали руки. Дабы проглотить пилюлю, Первый Консуль предложилъ разныя преимущества домамъ Виртембергскому и Баденскому, родственнымъ съ Россіею. Но государства эти почувствовали, что преимущества ихъ зависятъ въ сущности отъ доброй воли Франціи, оказавшей Россіи эту милость. Не такъ поступили съ герцогомъ Ольденбургскимъ, зятемъ вдовствующей императрицы; онъ жаловался на эти распоряженія и ничего не могъ добиться. Первый Консуль имѣлъ основаніе быть имъ недовольнымъ за его нѣмецкій образъ мыслей и за слишкомъ сдержанное поведеніе“.

При такихъ условіяхъ понятна та радость, съ которою графъ Кочубей, не по своей охотѣ вступившій въ управленіе

¹⁾ Графъ Кочубей графу С. Р. Воронцову 2 (14) іюня 1802 г. (Архивъ князя Воронцова, XVIII, стр. 275).

иностранною коллегією, промѣнялъ ее въ сентябрѣ 1802 года на вновь учрежденное министерство внутреннихъ дѣлъ. Преемникомъ его, какъ мы видѣли, былъ назначенъ пожалованный саномъ государственнаго канцлера, графъ А. Р. Воронцовъ, въ товарищи къ которому приданъ былъ князь Адамъ Чарторыйскій.

XII.

Государственный канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ.

Въ Запискахъ своихъ князь Адамъ довольно вѣрно опредѣляетъ внѣшнюю политику русскаго двора за время управленія иностранною коллегією графа А. Р. Воронцова. Она, — говоритъ онъ, — по существу мало разнилась отъ той, которой придерживался предшественникъ канцлера графъ Кочубей, но въ проявленіяхъ своихъ выражала больше силы и достоинства. Основное ея правило, вѣрно соображенное съ характеромъ и намѣреніями императора Александра, было: поддерживать доброе согласіе со всѣми державами, не вмѣшиваться въ дѣла Европы, чуждаясь увлеченій всякаго рода, словомъ, избѣгать усложненій и затрудненій, не подавая виду, что ихъ опасаются. При всемъ томъ, въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами русскій дворъ принялъ тонъ нѣсколько высовомѣренный, напоминавшій обычай дипломатіи великой Екатерины.

Чего не говорить намъ польскій патриотъ, но о чемъ мы знаемъ изъ другихъ, не подлежащихъ сомнѣнію, источниковъ, — это строго національное направленіе, приданное графомъ А. Р. Воронцовымъ политикѣ императорскаго кабинета, въ противность господствовавшему въ ней до него космополитическимъ теченіямъ. Въ одномъ изъ первыхъ наказовъ нашимъ дипломатическимъ представителямъ по вступленіи въ должность канцлеръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣлялъ свою политическую точку зрѣнія: „Я никогда не былъ ни французомъ, ни англичаниномъ, ни пруссакомъ, ни австрійцемъ, но всегда и во всѣ времена — добрымъ русскимъ. Главная цѣль моя —

благо Россіи, ея процвѣтаніе и счастье¹⁾. Достойно замѣчанія, что депеша эта была обращена къ посланнику нашему въ Берлинѣ Алопеусу, не безъ основанія слышшему ревностнымъ приверженцемъ и покорнымъ слугою прусскаго двора, и про котораго, хорошо постигшій его, графъ Ѡ. Р. Ростопчинъ писалъ около того же времени: „Ужь лучше было бы просто выплачивать его жалованье непосредственно графу Гауквицу“, первому министру короля Фридриха Вильгельма III²⁾.

И канцлеръ и братъ его, посоль въ Лондонѣ, исполнѣ раздѣляли негодованіе графа Ростопчина на дипломатовъ иностраннаго происхожденія, въ большомъ числѣ уже проложившихъ себѣ доступъ въ русскую службу, и которые, по выраженію этого достойнаго патріота, „созидали свою карьеру, торгуя интересами Россіи“. Въ пространной запискѣ графъ Семень Романовичъ обращалъ вниманіе канцлера на то обстоятельство, что ни въ одной странѣ міра нѣтъ столькихъ иноземцевъ въ дипломатическомъ вѣдомствѣ, какъ у насъ, гдѣ они свили прочное гнѣздо себѣ и своимъ сродникамъ, тщательно устраняя природныхъ русскихъ отъ прибыльныхъ или вліятельныхъ должностей. И кто же были эти иностранцы? Разночинцы всякаго званія и происхожденія: сыновья „пасторовъ, курьеровъ, портныхъ, лавочниковъ, фельдшеровъ, лакеевъ!“ Чтобы искоренить зло, младшій Воронцовъ предлагалъ учредить особое дипломатическое училище, въ которое принимались бы одни только русскіе дворяне православнаго исповѣданія, съ тѣмъ, чтобы ими впредь замѣщались всѣ мѣста въ иностранной коллегіи и въ посольствахъ за границею³⁾.

На отношеніе къ Россіи великихъ державъ Запада у новаго главы посольскаго приказа были свои строго опредѣленные взгляды. Онъ не благоволилъ къ Пруссіи, которую считалъ коварною и опасною сосѣдкою. Всѣ приобрѣтенія ея, писалъ онъ черезъ годъ по вступленіи въ должность, учинены были ею, или помощью или попущеніемъ Россіи, „сколько же

¹⁾ Графъ А. Р. Воронцовъ Алопеусу, 4 (16) октября 1802 г.

²⁾ Графъ Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову 3 (15) іюля 1802 г. (Архивъ князя Воронцова, VIII, стр. 299).

³⁾ Записка графа С. Р. Воронцова отъ 30 октября (11 ноября) 1802 г. (Тамъ же, XV, стр. 433 и слѣд.).

вредно сіе для коренныхъ нашихъ интересовъ, взглянувъ на карту, нельзя не признать сей истинны". Далѣе онъ отмѣчалъ постоянную враждебность Пруссіи къ нашему отечеству, прикрываемую личиною дружбы, непрестанное противодѣйствіе ея нашему государственному росту, развитію нашего могущества, хотя „величіе Россіи и, такъ сказать, счастье ея и превозмогли, однако жъ, всѣ сіи ковы и неприязненныя противу ея дѣйствія". „А по сему самому"—заключалъ канцлеръ—„впредь уже ухищренія двора сего не вовлекутъ насъ ни въ какіе подвиги для выгодъ его, со вредомъ нашимъ нераздѣльныхъ¹⁾".

Такія мысли графъ Александръ Романовичъ имѣлъ нравственное мужество излагать въ докладѣ императору Александру, хорошо зная, что государь изъ свиданія въ Мемелѣ съ королемъ и королевою прусскими вынесъ совершенно иныя впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, это было извѣстно въ Берлинѣ, гдѣ строили политическія соображенія именно на чувствахъ Александра къ королю, а въ особенности къ королевѣ. Въ доказательство сошлюсь на слѣдующія строки изъ письма брата секретаря Фридриха Вильгельма III Петра Ломбарда къ прусскому посланнику въ Парижѣ, маркизу Луккезини: „Свиданіе въ Мемелѣ произошло 10 іюня (н. ст.), и если возможно предвидѣть событія и составлять предположенія въ политикѣ, то смѣю думать, что результаты, имъ общаемые, будутъ крайне счастливыя. Оба государя возымѣли другъ къ другу живѣйшее уваженіе и дружбу. Удаленію, отсутствію и интригѣ, быть можетъ, и удастся охладить современемъ эти взаимныя чувства, но я сомнѣваюсь, чтобы они могли расторгнуть обязательство, кажется принятое въ молчаніи: оставаться навѣки соединенными интересами и дружбой. Вы поймете, что волшебница не мало способствовала скрѣпленію узъ, связывающихъ нынѣ обоихъ государей. Это фея, подчиняющая все силѣ своего очарованія"²⁾.

Въ отношеніяхъ Россіи къ Франціи, управляемой твердою

¹⁾ Всеподданнѣйшій докладъ графа А. Р. Воронцова 5 (17) октября 1803 г. (Тамъ же, XI, стр. 481 и слѣд.).

²⁾ Петръ Ломбардъ маркизу Луккезини 30 іюня (12 іюля) 1802 г. (Baillen, Preussen und Frankreich, II, стр. 103).

рукою и гениальнымъ умомъ Перваго Консула, государственному канцлеру не нравилась подчиненность, выказанная нашимъ дворомъ при распредѣленіи земельныхъ вознагражденій между различными государствами въ Германіи. При самомъ вступленіи въ должность, онъ написалъ нашему послу въ Парижѣ, графу Моркову, „что Россія можетъ идти въ согласіи съ Франціею, но никогда въ хвостѣ ея“¹⁾. Когда весною 1803 г. состоялся разрывъ между кабинетами парижскимъ и лондонскимъ изъ-за отказа послѣдняго возвратить Мальту ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, графъ Александръ Романовичъ, очевидно подѣ влияніемъ брата своего, исконнаго друга Англіи, довольно явно принялъ сторону англичанъ. Онъ предвидѣлъ, что за невозможностью вести съ ними войну на морѣ, Бонапартъ будетъ искать вредить имъ на материкѣ Европы, что „Германія, Неапольское королевство и области Порты Оттоманской подвержены будутъ вновь потрясенію“, и находилъ, что не слѣдуетъ дозволить Первому Консулу „кроить и перековеркивать, какъ похочетъ, на твердой землѣ“. Для обузданія властолюбія Франціи онъ считалъ нужнымъ войти въ тѣсную связь съ вѣнскимъ дворомъ, хотя мало рассчитывалъ на его твердость, но главную надежду возлагалъ на Англію, „которая“ — говоритъ онъ — „и есть та стѣна, что охраняетъ безопасность и независимость Европы, и къ которой прислоняться могутъ всѣ тѣ, кои о независимости своей еще помышляютъ“²⁾.

Нечего и говорить, что такую политику канцлера усердно поддерживали его сверстники и товарищи, дипломаты Екатерининской эпохи: младшій Воронцовъ въ Лондонѣ, Разумовскій въ Вѣнѣ, Морковъ въ Парижѣ. Первые два искали сближенія съ Англіею и Австріею, послѣдній не безъ предвзятаго намѣренія обострялъ свои отношенія къ Первому Консулу. Когда въ концѣ 1803 года, графъ Морковъ оставилъ свой парижскій постъ, уже недалеко было до разрыва съ Франціею.

¹⁾ Выраженіе это приведено въ письмѣ графа С. Р. Воронцова къ князю Чарторыйскому отъ 31 января (12 февраля) 1803 года. (Архивъ князя Воронцова, XV, стр. 152).

²⁾ Двѣ записки графа А. Р. Воронцова, апрѣль 1803 и іюль 1804 года. (Тамъ же, IX, стр. 463 и 472).

Изъ всѣхъ русскихъ дипломатовъ не было ни одного, кто болѣе Моркова возбуждалъ бы къ себѣ ненависть Чарторыйскаго. Въ послѣдніе годы царствованія великой Екатерины, графъ Аркадій Ивановичъ былъ довѣреннымъ лицомъ и вліятельнымъ совѣтникомъ фаворита Зубова и главнымъ дѣятелемъ въ переговорахъ о второмъ и третьемъ раздѣлахъ Польши. „Всѣ его мнѣнія и чувства“, — пишетъ князь Адамъ въ своихъ Запискахъ, — „согласовались съ этимъ дѣломъ. Онъ былъ воплощеніемъ начала государственной пользы и ея дипломатіи, чуждой справедливости и милосердія“. Прибавимъ, что изъ всѣхъ конфискованныхъ у „фамиліи“ земель не были возвращены ей лишь два староства въ Подольской губерніи съ 3,300 душами крестьянъ, пожалованныя Моркову.

Это объясняетъ намъ злобные отзывы Чарторыйскаго о немъ. Хотя, говорить онъ, русскіе и считали его искуснымъ дипломатомъ, но поведеніе его не всегда оправдывало такую репутацію. Его легкомысліе причинило разрывъ переговоровъ съ Швеціею о бракѣ короля Густава IV съ великою княжною Александрою Павловною, неудача которыхъ ускорила смерть Екатерины. При Павлѣ Морковъ подвергся опалѣ и четыре года провелъ въ ссылкѣ въ своемъ помѣстьѣ. Воздѣреніе Александра привлекло его снова въ Петербургъ ко двору. Здѣсь графъ Панинъ, опасаясь находить въ немъ соперника, который могъ бы замѣнить его въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, поспѣшилъ удалить его. Предстояло возобновить дружественныя отношенія съ Франціею, прерванныя со времени революціи. Дѣло это считалось крайне важнымъ и отъ русскаго посла при Первомъ Консулѣ требовалось, чтобы онъ наблюдалъ за его политикою, провѣрялъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ строго охранялъ и поддерживалъ достоинство Россіи. Задача эта возложена была на Моркова, съ радостью взявшагося за нее. По словамъ князя Адама, онъ угадалъ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на Александра, и понялъ, что честолюбіе его не можетъ быть удовлетворено въ Петербургѣ. Тѣмъ болѣе обрадовался онъ возможности перенестись въ Парижъ, играть тамъ видную роль и вступить въ непосредственныя сношенія съ Бонапар-

томъ и другими лицами, уже приобрѣвшими всемірную извѣстность.

Сужденія эти противорѣчатъ показаніямъ самого Моркова, который въ письмахъ къ другу своему, графу С. Р. Воронцову, утверждалъ напротивъ, что крайне неохотно взялся за обузу¹⁾. Какъ бы то ни было, „не смотря на свое отвращеніе къ Первому Консулу и его министрамъ“ — продолжаетъ повѣствовать Чарторыйскій, — „Морковъ не съумѣлъ воспрепятствовать расчлененію Германіи для вознагражденія государей, потерявшихъ часть своихъ владѣній, и для удовлетворенія алчности Пруссіи. Императору былъ посланъ уже совсѣмъ готовый актъ на утвержденіе. Было слишкомъ поздно, чтобы измѣнить въ немъ что бы то ни было. Вотъ что нужно было предвидѣть, чему слѣдовало помѣшать. Слѣдовало поторопиться предложеніемъ измѣненій прежде, чѣмъ статьи договора и доли оказались окончательно установленными въ Парижѣ, гдѣ о качествахъ и количествахъ послѣднихъ происходилъ настоящій аукціонъ. Конечно, трудно было достигнуть хорошаго результата, но, по крайней мѣрѣ, должно было стремиться къ его достиженію. Этого не сдѣлалъ графъ Морковъ. Онъ не далъ петербургскому кабинету времени, потребнаго на то, чтобы высказать и поддержать свое мнѣніе, и принудилъ его приступить къ уговору, какъ ребенка, котораго заставляютъ дѣлать что хотятъ“.

Князь Адамъ находитъ, что самый выборъ Моркова для занятія мѣста русскаго посла въ Парижѣ былъ неудаченъ и поэтому рисуетъ слѣдующій его портретъ: „Лицо его, искренное оспою, постоянно выражало иронію и презрѣніе. Его круглые глаза и ротъ съ опущенными концами напоминали тигра. Онъ усвоилъ рѣчь и высокомѣрныя манеры стараго Версальскаго двора, присоединивъ къ нимъ много надменности. Въ его обращеніи было мало вѣжливости и никакой любезности. Онъ прекрасно выражался по-французски, но слово его было вообще ѣдко, повелительно и непріятно. Въ немъ никогда не проглядывало и тѣни чувства. Таковъ былъ

¹⁾ Графъ Морковъ графу С. Р. Воронцову, 9 (21) февраля 1802 года. (Тамъ же, XX, стр. 107).

дипломатъ, перлъ среди русскихъ дипломатовъ, котораго Россія отправила къ Бонапарту въ ознаменованіе желанія своего вести съ нимъ дружбу. Его приняли сначала съ большою предупредительностію и онъ угодилъ Консулу своимъ поведеніемъ въ дѣлѣ о вознагражденіяхъ, допустивъ завершить въ Парижѣ новый раздѣлъ Германіи. Однако, вскорѣ послѣ того, презрительное обращеніе и сарказмы, которые позволялъ себѣ графъ Морковъ въ гостиныхъ, навлекли на него со стороны Перваго Консула сначала холодность, потомъ настоящія столкновенія“.

Одно изъ такихъ столкновеній рассказываетъ Чарторыйскій. На приѣмѣ въ Тюильри Бонапартъ подошелъ къ одному изъ присутствовавшихъ поляковъ (князь Адамъ не называетъ его по имени, а только говоритъ, что то была личность совершенно пошлая, ничтожная и бездарная). Первый Консулъ взялъ его за пуговицу кафтана, вышелъ изъ толпы и, спросивъ, полякъ ли онъ, высказался въ самыхъ порицательныхъ выраженіяхъ о раздѣлѣ Польши и о тѣхъ, кто совершилъ или допустилъ его, затѣмъ вышелъ изъ залы, даже не поклонившись графу Моркову.

Нынѣ намъ извѣстно, что окончательно разсорила Бонапарта съ нашимъ посломъ вовсе не эта выходка, а упреки, которые позволилъ себѣ первый относительно покровительства, оказываемаго русскимъ дворомъ французскимъ эмигрантамъ, изъ коихъ многіе даже были приняты въ нашу службу, и арестъ одного изъ нихъ, по имени Кристена. Послѣдовала жалоба на образъ дѣйствій Моркова, лично врученная императору Александру французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, генераломъ Гедувилемъ. Государь не только оставилъ ее безъ послѣдствій, но даже пожаловалъ своему представителю Андреевскую ленту. Надѣвъ ее на себя, Морковъ явился въ ней въ Тюильрійскомъ дворцѣ, съ болѣе чѣмъ самодовольнымъ видомъ и Чарторыйскій вынужденъ признаться, „что въ этотъ разъ насмѣшники не были на сторонѣ Перваго Консула. Тѣмъ не менѣе, одержавъ эту побѣду, Морковъ самъ не пожелалъ остаться въ Парижѣ. Онъ вернулся въ Петербургъ въ началѣ 1804 года, въ то самое время, когда

канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ готовился удалиться въ деревню на покой.

Въ семнадцати-мѣсячное управленіе канцлера иностранною коллегіею (съ сентября 1802 г. по февраль 1804 г.) произошло у насъ столкновение съ Швеціею изъ-за ничтожнаго предлога, но едва не приведшее къ войнѣ съ этою державою. Возникло оно изъ слѣдующаго случая.

Въ то самое время, когда, лѣтомъ 1802 года, императоръ Александръ отправлялся въ Мемель на свиданіе съ королемъ и королевою прусскими, императрица Елисавета Алексѣевна пожелала воспользоваться пребываніемъ въ Финляндіи шведской королевской четы, чтобы повидаться съ сестрою своею, супругою короля Густава. Мѣстомъ свиданія назначенъ былъ Абофорсъ, небольшое мѣстечко на рѣкѣ Кюмени, служившей тогда границею между Россіею и Финляндіею. Тамъ посрединѣ рѣки находился небольшой островъ, соединенный мостомъ со шведскимъ берегомъ. Одна половина моста была выкрашена зеленою краскою, считавшеюся русскимъ цвѣтомъ, другая — синею, шведскою. Прибывъ въ Абофорсъ, взбалмошный король Густавъ приказалъ выкрасить въ синюю краску и русскую половину моста, подъ тѣмъ предлогомъ, что границею русскихъ владѣній долженъ-де служить не рукавъ Кюмени между островомъ и берегомъ Финляндіи, а противоположный берегъ рѣки. Обо всемъ этомъ донесъ императору Александру сопровождавшій императрицу въ путешествіи посоль въ Лондонѣ, прибывшій на короткое время въ отпускъ въ Россію, графъ С. Р. Воронцовъ.

„Канцлеръ“, — сообщаетъ князь Адамъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, — „тщательно избѣгая всякой ссоры и даже охлажденія съ великими державами, былъ радъ воспользоваться случаемъ, чтобы устрашить слабыхъ и подавить ихъ всею тяжестью русскаго могущества... Онъ заговорилъ со Швеціею тономъ сухимъ и повелительнымъ. Я былъ очень радъ тому, что не мнѣ поручили составленіе депешъ по этому дѣлу, писанныхъ по-русски. Мое уклоненіе доставило мнѣ впоследствии выраженіе довѣрія короля шведскаго и его правительства. Между тѣмъ, русское правительство дѣлало видъ, что готовится къ разрыву. Генералы обѣзжали шведскую гра-

ницу. Самъ императоръ отправился обозрѣвать ее. Я сопровождалъ его съ графомъ Павломъ Строгоновымъ и Новосильцовымъ“.

Характерны дальнѣйшія разсужденія князя Адама. „Король шведскій“,—пишетъ онъ,—„выказалъ со своей стороны много упрямства, не желалъ уступать требованіямъ, предъявленнымъ въ столь властномъ тонѣ. Графъ Стедингъ, посоль его въ Петербургѣ, неоднократно выражалъ мнѣ свое удивленіе по этому случаю. Онъ только пожималъ плечами, говоря о возмутительномъ образѣ дѣйствій, съ которымъ велось это столь маловажное по существу дѣло. Пришлось, наконецъ, уступить и принять навязанныя условія. Они не представляли никакой важности и Швеція не могла возмѣть сумасбродную мысль объявить изъ-за нихъ войну. Никто въ томъ не сомнѣвался. Канцлеръ возгордился этою побѣдою. Она могла быть одержана, однако, не подвергая Швецію униженію, что по моему мнѣнію, было бы предпочтительною политикою. Поведеніе Россіи было таково, что должно было оставить дурной осадокъ въ сердцѣ сосѣда, предъ которымъ она была уже во многомъ неправа и который, не смотря на свою относительную слабость, могъ при случаѣ причинить ей много зла. Но канцлеръ Воронцовъ хорошо зналъ свой народъ, или по меньшей мѣрѣ тѣхъ, кто говорилъ его именемъ. Онъ зналъ, что всякое проявленіе мощи, даже несправедливое, нравится русскимъ именно вслѣдствіе ихъ низменнаго характера, что первенствовать, повелѣвать, подавлять—составляетъ потребность ихъ національной гордости. Не имѣя возможности одолѣть сильныхъ, канцлеръ напалъ на слабыхъ, въ надеждѣ тѣмъ возвысить значеніе правительства молодого императора. Я убѣжденъ, что то была одна изъ причинъ, побудившихъ его громко провозгласить мнимую свою побѣду надъ Швеціею“.

Была однако и другая причина, о которой, повидимому, и не догадывался полякъ въ оболочкѣ русскаго министра. На нее указываютъ слѣдующія слова изъ современнаго письма къ графу С. Р. Воронцову племянника его Д. П. Татищева, занимавшаго въ иностранной коллегіи мѣсто третьяго члена: „Вотъ было бы хорошо, еслибы этотъ тщедушный мостикъ

могъ довести нашу границу до Ботническаго залива! Дай Богъ, чтобы разстроенный расудокъ короля шведскаго побудилъ его не избѣгать борьбы! Судя по одушевленію нашихъ воиновъ, достаточно было бы одной кампаніи“. Ясно, что канцлеръ и *русскіе* его сотрудники имѣли въ виду овладѣніе Финляндіею, столь необходимое для огражденія безопасности столицы имперіи. Замыслу этому суждено было осуществиться шесть лѣтъ спустя, когда во главѣ нашего посольскаго приказа сталъ снова природный русскій, послѣдній изъ ветерановъ славнаго Екатерининскаго царствованія, графъ Н. П. Румянцовъ.

Какъ явствуетъ изъ собственнаго разсказа князя Адама, онъ, въ бытность свою товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, лишень былъ всякаго воздѣйствія на ходъ и направленіе политики русскаго двора. Обязанности его сводились къ тому, чтобы присутствовать при совѣщаніяхъ канцлера съ иностранными представителями и вести протоколы этихъ совѣщаній. Прекрасно владѣя перомъ, онъ работу свою исполнялъ старательно и къ полному удовольствію графа Александра Романовича. Ему же было поручено составленіе инструкцій и предписаній нашимъ посламъ и посланникамъ при чужеземныхъ дворахъ. При всемъ томъ въ эту пору своей жизни Чарторыйскій не выходилъ изъ скромной роли внимательнаго и осторожнаго наблюдателя.

Въ Запискахъ своихъ онъ сообщаетъ плоды своихъ наблюдений надъ чужеземными дипломатами, уполномоченными при русскомъ дворѣ, надъ канцлеромъ и надъ самимъ государемъ, къ которому онъ имѣлъ попрежнему легкій и едва ли не ежедневный доступъ, внѣ своего подчиненнаго служебнаго положенія. Привожу нѣсколько образцовъ его суждений.

Австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ былъ графъ Саурау. Онъ постоянно являлся къ канцлеру въ полной парадной формѣ и съ большою торжественностью вступалъ съ нимъ въ объясненія. Политика Австріи была въ тѣ годы плаксивою и сантиментальною, и велась въ тонѣ весьма отличномъ отъ нынѣшняго. Послѣ Люневильскаго мира Австрія искала утѣшенія. С.-Петербургскій кабинетъ не отталкивалъ ее, но отвѣчалъ одними увѣреніями въ добромъ расположеніи, остававшимися безъ всякихъ практическихъ послѣдствій.

Представителемъ берлинскаго двора былъ графъ Гольцъ, старый дипломатъ, приобрѣвшій съ лѣтами лишь тѣ качества, что обусловливаются твердою памятью и дипломатической рутиной. То былъ человекъ нрава скромнаго и тихаго, подъ башмакомъ своей жены, живой и кривливой. Когда-то, будучи посланникомъ въ Вѣнѣ, онъ принималъ участіе въ переговорахъ о второмъ и третьемъ раздѣлахъ Польши. Чарторыйскій увѣряетъ, что въ сношеніяхъ съ нимъ Гольцъ проявлялъ большую предупредительность, чрезъ которую, будто бы, сквозило сожалѣніе и какъ бы чувство стыда по поводу поведенія прусскаго двора относительно поляковъ. Не взирая на личную дружбу, связывавшую Россію и Пруссію, между кабинетами петербургскимъ и берлинскимъ не было сочувствія. Пруссію не любили ни въ арміи, ни въ гостинныхъ. Русскіе косо взирали на ея двоедушіе, на постыдную угодливость предъ Франціею, посредствомъ которой пруссаки добились столькихъ земельныхъ приращеній, и за все это осыпали сосѣдку постоянными сарказмами и насмѣшками. Императоръ все же пребывалъ вѣрнымъ своей дружбѣ къ королю и высокому мнѣнію, составленному имъ себѣ о доблестяхъ прусской арміи. Князь Адамъ находить, что постоянство это, которое такъ часто и такъ строго порицали въ Петербургѣ, имѣло для Россіи весьма благопріятныя послѣдствія: благодаря ему, она-де успѣла привязать къ себѣ Пруссію, обратить ее въ своего спутника. Хотя узы эти ослабли со временемъ, но нельзя отрицать выгоды, приобретенныхъ путемъ такого временнаго союза.

Англія, только что заключившая миръ съ Франціею въ Амьенѣ, имѣла представителемъ своимъ въ Петербургѣ сэръ Джона Варрена, превосходнаго адмирала, но дипломата посредственнаго. Онъ вполне отражалъ ничтожность и несостоятельность министерства Аддингтона, назначившаго его на этотъ постъ. Въ ту пору англійское правительство рѣдко бывало счастливо въ своихъ выборахъ. Дипломатія хотя и была завидною карьерою, но въ ней встрѣчалось мало способныхъ людей. Важнѣйшія мѣста раздавались либо по фавору, либо по партійнымъ соображеніямъ, чтобы удовлетворить кого-либо изъ членовъ парламента, служащаго опорой министерству или доста-

вить послѣднему нѣсколько лишнихъ голосовъ въ нижней палатѣ. Иногда повышение производилось просто по старшинству; неразуміе или отсутствіе солиднаго образованія не считалось препятствіемъ. Всѣмъ было замѣтно, что, за немногими исключеніями, среди британскихъ дипломатовъ того времени не было людей ни усердныхъ, ни умѣлыхъ. Съ тѣхъ поръ порядокъ этотъ измѣнился вполне и нынѣшняя англійская дипломатія считается одною изъ самыхъ искусныхъ въ Европѣ.

Французскую республику представлялъ генераль Гедувиль. Онъ отличился при усмиреніи Вандеи, но мало способствовалъ поддержанію доброй славы французской дипломатіи, ловкость и умѣнье которой должны были еще болѣе усиливаться въ эпоху консульства подъ руководствомъ министра Талейрана. Слѣдуетъ предположить, что, избирая посланника съ видомъ добродушнымъ, нимало не выдающимся и даже отчасти скучнымъ, французское правительство имѣло намѣреніе успокоить тѣхъ, чью дружбу оно желало приобрести. Въ воздухѣ было полное затишье, но такое, что обыкновенно слѣдуетъ за бурей или предшествуетъ ей!

Въ сношеніяхъ Россіи съ иностранными державами не происходило ничего чрезвычайнаго. Все ограничивалось обмѣномъ ничтожнѣйшихъ сообщеній, закругленныхъ фразъ, сводившихся къ выраженію общаго желанія: будемъ спокойны, станемъ избѣгать всякихъ усложненій и столкновеній! Мирное настроеніе распространялось и на тѣ державы, которыя пострадали отъ мира. Если у нихъ и была задняя мысль: попытаться снова испробовать счастья, чтобы вернуть утраченное, то онѣ не смѣли въ ней признаться. Даже Англія не предвидѣла близкаго разрыва. Австрія печалилась втайнѣ и стоны ея раздавались лишь тамъ, гдѣ могли рассчитывать на участіе, безъ того, чтобы компрометировать ее. Пруссія радовалась своему постоянному нейтралитету, въ коемъ усматривала источникъ благосостоянія и успѣховъ всякаго рода. Сама Франція приостановилась. Первый Консулъ издавалъ законы и устраивалъ внутреннее управленіе страны. Тѣмъ не менѣе взоры всѣхъ были устремлены на него въ увѣренности, что человѣкъ, подобный ему, не можетъ долго оставаться въ состояніи покоя.

Вся континентальная Европа страшилась Франціи. Одна Россія оставаясь миролюбивою и чуждою всякаго задора, вела сношенія съ нею въ тонѣ, обличавшемъ равенство силъ и сознаніе собственной независимости.

Всего одобрительнѣе отзывается Чарторыйскій о шведскомъ послѣ графѣ Стедингѣ. Дипломатъ этотъ отличался и обширнымъ умомъ, и возвышенными чувствами. Въ обращеніи онъ былъ очень простъ, судилъ здраво, проявлялъ постоянно и честность, и тактъ, словомъ, во всѣхъ случаяхъ велъ себя безупречно. Обладая замѣчательною прозорливостью, вѣрностью взгляда, онъ правильно понималъ и людей, и событія. Въ молодые годы онъ сражался въ Америкѣ, въ рядахъ инсургентовъ, при Густавѣ III принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Россією, а по заключеніи Верельскаго мира назначень былъ посломъ при русскомъ дворѣ. Мѣсто это онъ занималъ въ продолженіе трехъ царствованій и среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ пользовался въ Петербургѣ всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ.

„Изъ всѣхъ людей, когда либо встрѣченныхъ мною“,—вспоминаетъ князь Адамъ,—„онъ показался мнѣ самымъ лучшимъ, самымъ достойнымъ довѣрія, однимъ изъ тѣхъ, кого нельзя не полюбить и не желать имѣть постоянно своимъ другомъ. Я думаю, что онъ былъ другомъ мнѣ настолько, насколько позволяла это разность нашихъ положеній, которая должна была позднѣе окончательно удалить насъ одного отъ другого. Второстепенная должность, занимаемая мною въ министерствѣ, дала мнѣ возможность не принимать дѣятельнаго участія въ распрѣ, возникшей между Россією и Швецією. Къ тому же, канцлеръ самъ хотѣлъ лично направлять это дѣло, дабы пожать за свой счетъ плоды тѣхъ преимуществъ, что мнилъ одержать надъ Швецією. Эта надменность сильнѣйшаго, это оскорбительное проявленіе могущества, этотъ способъ вырвать у слабѣйшаго уступку, лишенную всякаго значенія, по которую требовали для того только, чтобъ его унижить—все это глубоко претило мнѣ и не представлялось разумною политикою. Мой взглядъ на этотъ предметъ дошелъ до свѣдѣнія шведовъ и доставилъ мнѣ отъ нихъ выраженіе благодарности и довѣрія“.

Признаніе это заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія, указывая на тѣ приемы, посредствомъ которыхъ взысканный милостями Александра дипломатъ-новобранецъ думалъ, по собственному его выраженію, „заплатить свой долгъ императору за оказанныя довѣріе и дружбу!“

О самомъ государѣ въ эту пору царствованія Чарторыйскій судить довольно строго. Онъ замѣчаетъ въ немъ значительную перемену по поводу того, что Александръ холодно принялъ шутку, которую позволилъ себѣ Чарторыйскій насчетъ строгихъ мѣръ, принятыхъ противъ Сената въ первый разъ, какъ тотъ вздумалъ воспользоваться предоставленнымъ ему закономъ правомъ всеподданныйшихъ представленій. „То былъ лучъ свѣта“,—восклицаетъ князь Адамъ,—„при которомъ настоящій характеръ Александра представился мнѣ въ новомъ и, въ сожалѣнію, истинномъ видѣ. Великіе помыслы объ общемъ благѣ, великодушныя чувства, желаніе принести имъ въ жертву собственныя выгоды и часть своей власти, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить въ будущемъ счастье людей, подчиненныхъ его волѣ — все это когда-то несомнѣнно занимало императора, продолжало занимать его и теперь, но являлось болѣе вождельніемъ юности, нежели твердымъ рѣшеніемъ возмужалаго человѣка. Императоръ любилъ наружность свободы, какъ зрѣлище. Ему нравился призракъ свободнаго управленія и онъ хвалился имъ. Но онъ не шелъ далѣе призрака и не допускалъ обращенія его въ дѣйствительность. Словомъ, онъ охотно далъ бы свободу всему міру подъ условіемъ, чтобъ міръ добровольно подчинился исключительно его волѣ!“

Но, по мнѣнію Чарторыйскаго, и этого было вполне достаточно для Россіи и русскимъ слѣдовало удовлетвориться спокойствіемъ, благосостояніемъ и даже степенью свободы, неизвѣстными имъ до воцаренія Александра. Все-де въ Россіи преуспѣвало, а между тѣмъ въ народѣ царило неудовольствіе. Русскіе люди хотѣли иного. Подобно игрокамъ, алчущимъ сильныхъ ощущеній, они скушали монотонностью своего счастья. Молодой государь приходился имъ не по вкусу. Онъ былъ слишкомъ простъ въ своемъ обращеніи, не любилъ пышности, презиралъ этикетъ. Русскіе вздыхали по блестящемъ дворѣ Екатерины и по связаннымъ съ нимъ злоупотребленіямъ, обра-

щавшимъ его въ ристалище для столькихъ страстей, состязаній, интригъ, для столькихъ успѣховъ. Они вздыхали о временахъ фаворитовъ, когда представлялась возможность достигнуть до высоты положенія Орлова или Потемкина. Праздные царедворцы не знали, куда имъ дѣваться, и тщетно искали кумира, предъ которымъ могли бы курить свой оиміамъ. Обреченные на бездѣйствіе и скуку, они не находили помѣщенія своему низкопоклонству.

Живыми, хотя далеко не безпристрастными штрихами, рисуетъ князь Адамъ возростаніе всеобщаго неудовольствія. Московскіе „фрондѣры“, утверждаетъ онъ, не хуже петербургскихъ критиковали дворъ, ибо ихъ либерализмъ нисколько не походилъ на либерализмъ императора Александра, который сълонялся на сторону демократическаго образа мыслей, идей равенства въ духѣ Юсіфа II, имѣя, впрочемъ, надъ нимъ преимущество болѣе мягкихъ пріемовъ.

Одна вдовствующая императрица старалась поддерживать преданія и блескъ прежняго двора. Напротивъ, молодой дворъ проявлялъ уже слишкомъ много простоты, чуждаясь этикета, и собирался лишь въ интимномъ кружкѣ, откуда изгонялась всякая натянутость. Императоръ и семья его появлялись въ торжественной обстановкѣ лишь по воскресеньямъ и праздникамъ по возвращеніи изъ церкви. Обѣды и вечера происходили обыкновенно во внутреннихъ покояхъ и нимало не походили на тѣ, чтѣ давались въ прошлыя царствованія. Впослѣдствіи императоръ Александръ отвелъ больше мѣста пышности, но въ первые годы по воцареніи онъ былъ черезъ мѣру простъ. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличался отъ Наполеона. Первый Консулъ окружалъ себя блескомъ, сился воскресить обычаи Версальскаго двора, Александръ же любилъ ступешиваться и въ манерахъ своихъ не отличался отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Оба императора дѣйствовали въ двухъ совершенно противоположныхъ направленіяхъ: одинъ разрушалъ, другой возстановлялъ идеи прошлаго. Сравнивали ихъ и тѣ самые русскіе, на пользу коихъ трудился Александръ, и отдавали предпочтеніе Наполеону.

„Такимъ образомъ“, — заключаетъ Чарторыйскій, — „Але-

ксандръ далеко не былъ популяренъ въ первые годы царствованія, не смотря на то, что никогда, быть можетъ, онъ не былъ болѣе преданъ благу своей родины. Но люди нуждаются въ томъ, чтобы съ ними обращались свысока, и нигдѣ потребность эта не чувствуется сильнѣе, чѣмъ среди русскихъ. Въ началѣ своего правленія Александръ вовсе не обладалъ подобнымъ талантомъ. Онъ приобрѣлъ его впоследствии, но даже позже, не смотря на свои блестящіе успѣхи, онъ никогда не достигнулъ до степени популярности и нравственнаго вліянія своей бабки. Екатерина могла бы сказать о русскихъ то, что Бонапартъ говорилъ о французахъ: что они у нея въ карманѣ. Такъ какъ императоръ вмѣнилъ себѣ въ законъ уважать мнѣнія, даровать всѣмъ свободу слова и никого не преслѣдовать, то не нужно было много храбрости, чтобы „фрондировать“ монарха и говорить ему истину. Такою вольностью и пользовались, особенно въ гостиныхъ обѣихъ столицѣ. Тамъ постоянно раздавалось порицаніе всему, что ни дѣлало правительство, порицаніе, подобно волнамъ бурнаго моря, широкое и возрастающее, потомъ падающее, чтобы снова подняться при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Таково было въ первые годы Александровскаго царствованія непрестанное состояніе общественнаго мнѣнія въ Россіи. Старые царедворцы говорили, успокоивая молодыхъ, что всякое новое царствованіе начинается при одинаковыхъ условіяхъ и первые годы правленія Екатерины, увѣряли они, были ознаменованы тѣми же тревогами“.

Такой взглядъ на причины неудовольствія русскихъ людей нельзя не признать крайне одностороннимъ. Спору нѣтъ, что имъ была не по душѣ чрезмѣрная простота, усвоенная императоромъ Александромъ въ своемъ образѣ жизни, въ приемахъ и обращеніи съ подданными. Она слишкомъ контрастовала съ преданіями всероссійскаго престола и не безъ горечи писалъ по этому поводу графъ Ѡ. В. Ростовчинъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову: „Государь, глава націи, можетъ жить какъ угодно во внутреннемъ быту своемъ, но, являясь всенародно, онъ долженъ окружать свою особу обаяніемъ величества, которое внушаетъ почтеніе и коимъ отличается вла-

дыба отъ подданныхъ. Можно ненавидѣть, презирать пышность, но нельзя царствовать инкогнито“.

Были у русскихъ людей и другія, несравненно важнѣйшія побужденія, чтобы недовѣрчиво относиться къ тому, что происходило въ правительственныхъ кругахъ. Въ одной изъ предшешихъ главъ я привелъ вѣскія возраженія Карамзина противъ чуждыхъ нашему народному духу и всей нашей тысячелѣтной исторіи, заимствованныхъ у Запада, новшествъ, которыя вводились во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія. Краснорѣчивымъ выразителемъ сѣтованій на возростающее преобладаніе всего иностраннаго надъ русскимъ являлся тотъ же Ростопчинъ въ довѣрительныхъ изліяніяхъ младшему Воронцову. Вотъ они:

„У насъ много пустыхъ головъ, злыхъ сердець и ни одной русской души, благодаря нашему воспитанію и образу мыслей общества. Я не знаю, отчего это происходитъ, но за исключеніемъ шалуновъ и нѣсколькихъ мнимыхъ философовъ, вездѣ встрѣчаешь недовольныхъ. Императоръ, конечно, желаетъ одного добра. У него наилучшія намѣренія, и до сихъ поръ онъ не сдѣлалъ никого несчастнымъ, а между тѣмъ миліоны существъ страждутъ. Все потому, что несправедливость стала товаромъ, доступнымъ всякому, что ищутъ мѣсть, какъ средствъ къ обогащенію. Нѣмцы снова сплотились in corpore. Мартинисты, позволяющіе презирать себя, лишь бы не стѣсняли ихъ свободы дѣйствій, опять появились на поверхности и набираютъ много новобранцевъ. Молодежь наша хуже французской: не повинуется никому и никого не боится. Надо признаться, что хотя мы и одѣты по-европейски, но все же еще далеко не цивилизованы. Хуже всего то, что мы перестали быть русскими и купили знаніе иностранныхъ языковъ цѣною нравовъ нашихъ предковъ“¹⁾.

¹⁾ Графъ Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову 23 августа (4 сентября) 1803 г. („Архивъ князя Воронцова“, VIII, стр. 306).

XIII.

Князь Чарторыйскій во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и его политическая система.

Нагляднымъ выраженіемъ предпочтенія, оказываемаго въ высшихъ петербургскихъ сферахъ всему чужому предъ своимъ, отечественнымъ, роднымъ, служила близость къ государю поляка-патріота и назначеніе его на одну изъ важнѣйшихъ должностей въ имперіи — товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Князь Адамъ самъ вынужденъ сознаться, что какое нибудь почетное званіе не столько бы возмутило русскихъ людей, какъ привлеченіе его къ отвѣтственной отрасли государственной дѣятельности. „Полякъ“, — говоритъ онъ, — „пользующійся полнымъ довѣріемъ императора и посвященный во всѣ дѣла, былъ явленіемъ непонятнымъ для ихъ разума и оскорбительнымъ для чувства“.

Несочувственно относились къ нему старые дипломаты русскаго происхожденія. Морковъ предостерегалъ изъ Парижа братьевъ Воронцовыхъ, что на Чарторыйскаго нельзя полагаться, что онъ продолжаетъ оставаться полякомъ въ душѣ. Въ доказательство посоль приводилъ рассказъ одного изъ проживавшихъ во французской столицѣ польскихъ выходцевъ, Сбраковскаго, утверждавшаго, что слышалъ самъ отъ князя Адама, что всякій полякъ, достойный этого имени, долженъ дѣйствовать какъ Самсонъ и поколебать колонны храма, даже подвергая самого себя опасности быть погребеннымъ подъ его развалинами. „И подъ кѣмъ же я долженъ служить?“ — спросилъ Морковъ графа Семена Романовича въ томъ же письмѣ, — „неужели подъ нынѣшнимъ помощникомъ канцлера?“¹⁾

Другой заклятый врагъ и обличитель Чарторыйскаго былъ молодой генераль-адъютантъ и любимецъ государя князь П. П. Долгоруковъ. Въ Воспоминаніяхъ своихъ князь Адамъ называетъ его „главнымъ двигателемъ русской партіи“ и изображаетъ человѣкомъ честолюбивымъ, безпокойнымъ и страстнымъ, которому ненавистенъ былъ чужеземецъ, вкравшійся въ

¹⁾ Графъ Морковъ графу С. Р. Воронцову 13 (25) апрѣля 1803 г.

довѣріе Александра и вмѣшивающійся въ важнѣйшія дѣла государства, къ тому же родомъ полякъ, носящій подозрительное имя. Противники часто встрѣчались при дворѣ и между ними происходили крупныя пререканія. Долгоруковъ расточалъ упреки и насмѣшки надъ бездѣятельностью русской политики, утверждая, что пора ей вступить на новый путь. Чарторыйскій возражалъ, что вина не его и что слѣдуетъ предъявить эти обвиненія канцлеру. Долгоруковъ отвѣчалъ, что между графомъ Воронцовымъ и товарищемъ его такъ ужъ видно заведено, что одинъ валить вину на другого, уклоняясь отъ отвѣтственности. Дѣло дошло бы до поединка, еслибы въ него не вмѣшался государь, приваившій сторону князя Адама, но примиренія между противниками все же не послѣдовало.

Наконецъ, недоброжелательно и недовѣрчиво относилась къ Чарторыйскому вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, по словамъ его, возбуждавшая противъ него гвардейскихъ офицеровъ.

Но были у него и защитники, и въ первомъ ряду ихъ ближайшій его начальникъ, канцлеръ, а также братъ послѣдняго, графъ С. Р. Воронцовъ. Съ отличавшею его вѣрачностью, князь Адамъ сумѣлъ угодить старшему Воронцову, представляясь не только усерднымъ и ревностнымъ сотрудникомъ, но и лично преданнымъ ему человекомъ. Въ письмахъ къ брату, канцлеръ разсыпался въ похвалахъ Чарторыйскому, его уму, скромности, трудолюбію и похваламъ этимъ вторилъ графъ Семень, отвѣчавшій канцлеру: „Я очень радъ, что вы много занимаете князя Чарторыйскаго, заставляя его много писать, а равно и тому, что вы очень довольны имъ и содѣйствіемъ его въ вашихъ трудахъ. Признаюсь, что, не смотря на враговъ, нажитыхъ имъ, вслѣдствіе дружественнаго расположенія къ нему государя, и на клеветы, распространяемыя о немъ, я никогда не могъ повѣрить, чтобы онъ былъ заклятымъ врагомъ Россіи и русскихъ, что составляетъ одно изъ предъявляемыхъ къ нему обвиненій. Онъ всегда казался мнѣ человекомъ столь же образованнымъ, сколько и смысленнымъ, а эти два качества должны убѣдить его, что Польша не можетъ болѣе воскреснуть и что принадлежащая намъ

часть ея, если перестанетъ быть русскою, непременно станетъ австрійскою или прусскою. Но, испытавъ всевозможныя бѣдствія, ибо она была бы въ этомъ случаѣ естественнымъ театромъ войны, что выиграетъ она? А такъ какъ у него въ этой принадлежащей Россіи части большія помѣстья, то я считаю его добрымъ русскимъ, столько же ради этихъ помѣстій, сколько и изъ благодарности за дружбу, кою дарить его императоръ. А потому я увѣренъ, что онъ пойдетъ впередъ и будетъ хорошо служить государю, чего я ему и желаю. Я думаю, что изъ всѣхъ министровъ, имѣющихъ помощниковъ—вы самый счастливый. Прошу васъ передать ему мой привѣтъ¹⁾.

Осенью 1802 года младшій Воронцовъ возвращался къ мѣсту своего служенія въ Лондонъ чрезъ Берлинъ и тамъ прусскіе министры выражали ему удивленіе, какъ могли назначить поляка на важную должность товарища канцлера? Графъ Семенъ Романовичъ не безъ нѣкотораго раздраженія возразилъ, что Чарторыйскій настолько же полякъ, насколько любой уроженецъ Силезіи, напримѣръ, самъ первый министръ графъ Гауквицъ можетъ быть названъ австрійцемъ; онъ же русскій подданный и весьма крупный землевладѣлецъ. Сообщая объ этомъ брату, графъ Семенъ замѣтилъ: „я вижу что здѣсь не любятъ вашего помощника“²⁾.

Самъ князь Адамъ тщательно заботился о поддержаніи добраго къ себѣ расположенія брата канцлера и вліятельнѣйшаго по своимъ обширнымъ связямъ изъ всѣхъ русскихъ дипломатовъ того времени. Онъ велъ съ нимъ, независимо отъ официальной, частную довѣрительную переписку, въ которой усердно курилъ еиміамъ обоимъ братьямъ Воронцовымъ. „Имѣвъ нынѣ счастье ближе узнать канцлера“,—писалъ онъ, между прочимъ,—„я убѣдился болѣе чѣмъ кто либо, въ какой степени важно намъ сохранить его, насколько здравіе его драгоцѣнно для государства и необходимо для нашего юнаго и добраго государя. Поводы эти побуждаютъ меня приложить величайшее рвеніе къ исполненію порученія, вами, графъ, на

¹⁾ Графъ С. Р. Воронцовъ графу А. Р. Воронцову 16 (28) октября 1803 г. („Архивъ князя Воронцова“, X, стр. 219).

²⁾ Отъ того же и тому же 3-го (15-го) ноября 1802 г. (Тамъ же, X, стр. 178).

меня возложеннаго, и къ нимъ присоединяются и тѣ, что внушены мнѣ личною преданностью къ вашему сіятельному брату. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь служить подъ его начальствомъ, я получилъ отъ него лишь знаки его дружбы и довѣрія, за которые не могу достаточно возблагодарить его. Доброта его ко мнѣ позволяетъ не удивляться тому, что онъ высказался предъ вами обо мнѣ одобрительно и я ничего иного не желаю, какъ сохранить за собою чувства, коими онъ меня почтилъ, и доброе мнѣніе, которое онъ изволилъ возымѣть обо мнѣ. Вы можете быть увѣрены, графъ, что я не упущу ничего, дабы побудить канцлера не предаваться чрезмѣрному труду, который могъ бы повредить его здоровью. Мы втроемъ станемъ дѣлать эту заботу: графъ Бутурлинъ, Татищевъ и я. Мы видимъ его каждый день и выводимъ иногда изъ терпѣнія нашими увѣщаніями, такъ какъ онъ не всегда слушается насъ въ данномъ случаѣ. Правда, что, особенно за время его послѣдней болѣзни, его слишкомъ большое прилежаніе къ дѣламъ, которыми онъ продолжаетъ руководить, часто причиняло ему вредъ и задерживало выздоровленіе. Но, къ счастью, онъ нынче оправился и настоящее политическое теченіе уже не задастъ намъ такъ много работы⁽¹⁾.

Вспоминая о неизмѣнномъ къ нему дружественномъ расположеніи братьевъ Воронцовыхъ: „мнѣ всегда везло со старыми русскими!“ восклицаетъ Чарторыйскій. — Какъ же судили о немъ иностранцы?

Мы имѣемъ два совершенно противорѣчивыхъ отзыва чужеземныхъ дипломатовъ, уполномоченныхъ при русскомъ дворѣ. Шведскій посолъ, графъ Стедингъ, о которомъ Чарторыйскій высказалъ въ своихъ Запискахъ, приведенное въ предшедшей главѣ, восторженное сужденіе, не остался у него въ долгу. Онъ свидѣтельствуетъ о немъ, какъ о министрѣ, „искренно преданномъ своему государю, честномъ, безкорыстномъ, соединяющимъ скромность и осторожность съ непоколебимою твердостью и внушающимъ довѣріе всѣмъ, кто только съ нимъ имѣетъ дѣло“⁽²⁾. Зато даровитый и проницательный графъ

¹⁾ Князь Чарторыйскій графу С. Р. Воронцову 12 (24) марта 1803 года. (Тамъ же, XV, стр. 155).

²⁾ Графъ Стедингъ графу Эренгейму 8 (20) іюня 1806 г.

Иосифъ де-Местръ какъ бы насквозь провидѣлъ князя Адама, когда выражалъ о немъ слѣдующее мнѣніе: „Онъ высокомеренъ, скрытенъ и довольно-таки отталкиваетъ отъ себя. Сомнѣваюсь, чтобы полякъ, имѣвшій притязанія на корону, могъ быть добрымъ русскимъ“¹⁾.

Который же изъ этихъ двухъ отзывовъ вѣрнѣе, безпристрастнѣе, ближе къ истинѣ? На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ намъ самъ Чарторыйскій, такъ разъясняющій его въ своихъ „Воспоминаніяхъ“:

„Милостивое расположеніе ко мнѣ императора, надо сознаться, подавало поводъ къ подозрѣніямъ, злобнымъ выходкамъ, клеветамъ общества, или, вѣрнѣе, русскихъ гостиныхъ. Родители мои постоянно выказывали отвращеніе свое къ русскому вліянію. Состояніе ихъ было секвестровано за участіе, принятое ими въ противорусскихъ революціонныхъ движеніяхъ въ Польшѣ. Возможно ли, чтобы ихъ сынъ, молодой человекъ, никогда не скрывавшій своего энтузіазма по отношенію къ дѣлу родины и часто исповѣдывавшій его, который доказывалъ его непрестанно чисто-національнымъ способомъ, какимъ онъ возстановлялъ народное просвѣщеніе въ польскихъ областяхъ, возможно ли, чтобы этотъ юноша обладалъ вниманіемъ и довѣренностью государя и вліялъ на его рѣшенія? Какой источникъ предположеній и подозрѣній? Легко было себѣ вообразить, что онъ не былъ искрененъ, измѣнялъ пользамъ Россіи, имѣя заднія мысли, благопріятныя Польшѣ, и жертвовалъ имъ при случаѣ своими обязанностями друга и министра. Было что выпивать по этой канвѣ и этимъ не преминули воспользоваться“.

Разумѣется, князь Адамъ съ негодованіемъ возстаетъ противъ подобныхъ подозрѣній, утверждая, что никто искреннѣе и вѣрнѣе его не служилъ императору Александру, но тутъ же прибавляетъ, что-де государь лучше кого бы то ни было зналъ о привязанности его къ его родинѣ-Польшѣ, что привязанность эта и была первоначальнымъ источникомъ уваженія и дружбы, коими почтилъ его Александръ Павловичъ, и первымъ основаніемъ ихъ близкихъ сношеній.

¹⁾ Графъ де-Местръ г. Габету 17 (29) сентября 1803 г.

„Онъ не думалъ тогда“, — продолжаетъ, Чарторыйскій, — „что истинное благо Россіи несомнѣнимо съ благомъ Польши. Быть можетъ онъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ этомъ важномъ вопросѣ и видя его на отдаленномъ разстояніи, не считалъ нужнымъ серьезно углубиться въ него. Пока, онъ принималъ мои услуги, которыя я посвящалъ ему отъ всего сердца, и находилъ справедливымъ и пристойнымъ вознаграждать меня за нихъ предоставленіемъ мнѣ нѣкоторой свободы дѣйствія въ польскихъ областяхъ, подвластныхъ его скипетру. Всякій пойметъ, что я пользовался этимъ счастливымъ расположеніемъ и что главная моя заботливость была посвящена народному просвѣщенію, коему я придалъ національный характеръ, преобразовавъ его на основаніи болѣе широкомъ и согласномъ съ требованіями времени. Русскимъ непонятны были мои отношенія къ Александру. Объяснить ихъ можно было только нашею раннею обоюдною молодостью и потому, что мы сблизились въ такомъ возрастѣ, когда скорѣе повинешься великодушному порыву, чѣмъ обдуманному предвидѣнію. Позже чувства эти мы продолжали питать, но въ молчаніи, не возобновляя ихъ выраженія; у насъ не было, какъ прежде, досуга, чтобы повторять ихъ. Все же существовало между нами соглашеніе; когда оно прекратилось — мы разошлись“.

Если недостаточно этихъ признаній, чтобы убѣдиться намъ, что даже въ эту пору его политической дѣятельности на первомъ планѣ у князя Адама стояла не Россія, а Польша, то нижеслѣдующія собственныя слова его установятъ этотъ фактъ внѣ всякаго возможнаго сомнѣнія. „Русскіе“, — утверждаетъ онъ, — „упорно усматривали въ отношеніяхъ моихъ къ императору одно лишь честолюбіе и скрытность съ моей стороны, наивность со стороны молодого государя. Они воображали, что я втайнѣ благопріятствую Франціи, что я хочу увлечь Александра въ направленіи къ Бонапарту и удерживать его въ зависимости послѣдняго, подъ гнетомъ, такъ сказать, его генія... Я далекъ былъ отъ этой мысли потому, что мнѣ ясно было, что всякое соглашеніе между обѣими имперіями должно непременно пагубно отразиться на судьбахъ Польши“.

Такъ мыслилъ и разсуждалъ полякъ-патріотъ на русской службѣ, занимая на ней почетную, но все же второстепенную должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Вскорѣ предстояло ему подвинуться еще на шагъ въ дипломатической іерархіи и самому стать отвѣтственнымъ главою и руководителемъ внѣшней политики императорскаго кабинета.

Назначенный канцлеромъ въ сентябрѣ 1802 года, графъ А. Р. Воронцовъ недолго исполнялъ сопряженныя съ этимъ званіемъ обязанности. Уже слѣдующею весною онъ выразилъ намѣреніе удалиться на покой, но отложилъ его исполненіе вслѣдствіе состоявшагося разрыва между Франціею и Англіею, грозившаго новыми усложненіями спокойствію и миру Европы. Въ началѣ 1804 года, однако, онъ настоялъ на своемъ увольненіи. Предлогомъ были выставлены: старость, дряхлость и тяжкіе недуги, дѣйствительною же причиною удаленія канцлера было обнаруживавшееся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разногласіе его съ государемъ по существеннымъ вопросамъ политики.

Разногласіе это было порождено главнымъ образомъ личнымъ нерасположеніемъ Александра къ графу Александру Романовичу. По словамъ Чарторыйскаго, императоръ питалъ къ нему непреодолимое отвращеніе. Все было ему антипатично въ старикѣ: устарѣлыя его приемы, звукъ голоса, протяжный и гнусливый, привычныя тѣлодвиженія. Во время частыхъ болѣзненныхъ припадковъ канцлера, онъ посылалъ съ докладомъ къ императору товарища своего князя Адама и каждый разъ Александръ выражалъ ему свою радость, что присутствіе его избавляетъ отъ непріятности говорить и разсуждать съ Воронцовымъ. Мало того: онъ насмѣхался надъ своимъ министромъ, передразнивалъ его и не скрывалъ своего желанія поскорѣе отдѣлаться отъ него. Чарторыйскій увѣряетъ, что никогда государь не выказывалъ ему лично большаго благоволенія и довѣрія въ дѣлахъ. Однѣ только бумаги, составленныя княземъ Адамомъ, удостоивались высочайшаго одобренія. Понятно, что когда канцлеръ заявилъ императору намѣреніе свое отдохнуть въ деревнѣ, то государь не только не противорѣчилъ ему, но поспѣшилъ дать свое согласіе.

Возникалъ вопросъ: кто замѣститъ Воронцова во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ?

Первый поставилъ его канцлеру самъ Чарторыйскій и получилъ отъ него отвѣтъ: „разумѣется, вы“. Графъ Александръ Романовичъ покидалъ свой постъ весьма неохотно и только на время, рассчитывая провести лѣто въ подмосковномъ помѣстьи и, собравшись съ силами, снова возвратиться къ осени въ Петербургъ. Естественнымъ замѣстителемъ его являлся его товарищъ. Что онъ и не думалъ окончательно выйти въ отставку, доказываетъ слѣдующій приводимый княземъ Адамомъ случай. Однажды, во время его болѣзни, Чарторыйскій сидѣлъ у его изголовья и слышалъ, какъ старикъ въ бреду повторялъ возбужденнымъ голосомъ: „Ужъ эти молодые люди! Всѣмъ хотятъ заправлять! я этого не позволю! Я одинъ останусь во главѣ дѣлъ!“ Чарторыйскій заключилъ, что вѣрно канцлеру внушили подозрѣнiе насчетъ юныхъ друзей государя, а быть можетъ сомнѣнiе и самостоятельно зародилось въ умѣ его. „Тѣмъ не менѣе“, — утверждаетъ онъ, — „я увѣренъ, что канцлеръ никогда не заподозрѣлъ моего характера и не преклонялъ слуха къ дѣлаемымъ ему на меня навѣтамъ. Чрезвычайнымъ и полнымъ довѣрiемъ дарилъ онъ меня до конца своей жизни. Я воистину удивляюсь тому, когда помышляю, сколько людей были заинтересованы въ томъ, чтобы насъ разсорить“. Источникомъ довѣрчивости графа Александра Романовича князь Адамъ считаетъ благородство чувствъ его, граничившее почти съ добродѣтелью. Онъ воздастъ справедливость памяти своего начальника и великодушнаго, хотя и неосторожнаго покровителя, свидѣтельствуя, что старецъ-канцлеръ всегда готовъ былъ услужить ближнему, судилъ о другихъ съ большою снисходительностью и никогда никто не примѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго порыва злости или желанiя отмщенiя.

Молодые друзья, товарищи и единомышленники Чарторыйскаго, Кочубей, Новосильцовъ и Строгоновъ также полагали, что ему по праву принадлежитъ замѣстительство канцлера, но болѣе всѣхъ настаивалъ на томъ государь. Онъ непременно хотѣлъ поручить своему ближайшему другу высшее завѣдыванiе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. „То былъ“, — говоритъ князь Адамъ въ своихъ Запискахъ, — „одинъ изъ тѣхъ

капризовъ, какими часто задавался Александръ и онъ не зналъ покоя, пока не удовлетворялъ ему. Когда подобная фантазія приходила ему въ голову, онъ постоянно возвращался къ ней, всѣми путями стремился къ ея достиженію. Умъ его не искалъ разобрать, насколько она хороша или дурна, полезна или вредна. Его занимала одна мысль объ устраненіи всѣхъ препятствій. Достигнувъ же успѣха, онъ успокоивался, становился часто равнодушнымъ, иногда даже противнымъ тому, чего самъ такъ страстно добивался“.

Разумѣется, государь поставилъ на своемъ тѣмъ легче, что въ этотъ разъ Чарторыйскій и не думалъ сопротивляться высочайшей волѣ. Согласіе свое на принятіе обязанности главнаго руководителя внѣшней политики Россіи онъ ищетъ какъ бы извинить слѣдующими соображеніями: „Что оставалось мнѣ дѣлать? Слѣдовало ли принимать столь многотрудный и опасный постъ? Не лучше ли было все покинуть и самому удалиться? Вотъ какъ я разсуждалъ: Я ничего не выигралъ, оставаясь на мѣстѣ второстепенномъ. Занявъ первое мѣсто, я подвергнусь подозрѣніямъ и клеветѣ ни болѣе ни менѣе, чѣмъ прежде. Удалиться теперь значило бы отступить предъ трудностями и доказать, что у меня не хватаетъ силы, чтобы бороться съ ними. Къ такому разсужденію, внушенному самолюбіемъ, присоединялась мысль высшаго порядка, которая содѣйствовала успокоенію моей совѣсти. Я льстил себя надеждою, что установлю въ политикѣ систему, которая, будучи основана на началахъ справедливости, счастливо повліяетъ со-временемъ на судьбы Польши!“

Итакъ, даже на высшей ступени русской государственной іерархіи Польша оставалась альфою и омегою, началомъ и концомъ всѣхъ помысловъ, чувствъ и стремленій лицемѣрнаго друга и вѣроломнаго слуги русскаго царя, довѣріемъ его возведеннаго въ званіе управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ имперіи.

12 (24) февраля 1804 года канцлеръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, а оттуда во Владимірское свое имѣніе. Передъ отъѣздомъ онъ предупредилъ своего временнаго замѣстителя, что намѣренъ возвратиться къ осени, запасшись въ деревнѣ здоровьемъ и силами: „Оставляя меня на своемъ

мѣстѣ“, — пишетъ князь Адамъ, — „онъ былъ увѣренъ, что оно было занято человѣкомъ, который, по его возвращеніи, приметъ его съ радостью. Онъ уѣхалъ, поддерживавъ меня всѣмъ вліяніемъ, коимъ располагалъ въ канцеляріи и въ средѣ нѣсколькихъ стариковъ-сенаторовъ. Оно не шло далѣе и не распространялось на безпокойнѣйшую часть русскаго общества. Канцлеръ обѣщаль мнѣ просвѣщать меня совѣтами и часто писать ко мнѣ. Дѣйствительно, онъ началъ со мною крайне объемистую переписку, но вскорѣ я уже не могъ поспѣть за нею, ни даже внимательно читать его письма по недостатку досуга, оставляемаго мнѣ дѣлами“.

Ликовали члены бывшаго „комитета общественнаго спасенія“, самъ императоръ Александръ, по замѣчанію Чарторыйскаго, „радовался какъ ребенокъ“ (avait des joies d'enfant), но до новаго главы посольскаго приказа явственно доносился глухой ропотъ негодованія, возбужденнаго въ русскихъ людяхъ небывалымъ еще назначеніемъ на этотъ постъ инородца и иновѣрца. „Молодые русскіе“, — повѣствуетъ онъ, — „не скрывали ни своего волненія, ни гнѣва. Даже императрица ¹⁾ усмотрѣла въ моемъ принятіи мѣста злой умыселъ, или, по меньшей мѣрѣ, неделикатность въ отношеніи къ императору, неделикатность, по мнѣнію ея, заключающуюся въ томъ, что я принялъ столь высоко-довѣрительный постъ вопреки общему мнѣнію (такъ думала она по крайней мѣрѣ) и не смотря на сознаніе, которое я долженъ былъ имѣть, что этимъ лишаю императора любви его народа. Императрица тогда же перестала разговаривать со мною, кланяться мнѣ, смотрѣть на меня. Она съ большою аффектаціею устраняла всякое сомнѣніе въ этой опалѣ, продолжавшейся около года и окончательно прекратившейся лишь по возвращеніи изъ-подъ Аустерлица“.

Недружелюбно отнеслись къ новому своему начальнику и ветераны нашей дипломатіи изъ природныхъ русскихъ, сановные и вельможные послы въ Парижѣ и въ Вѣнѣ. Графъ Морковъ уже покинулъ свой постъ и проживалъ въ Петербургѣ во время перемѣны. Князь Адамъ, вѣроятно по совѣту

¹⁾ Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о вдовствующей императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

канцлера, совѣщался съ нимъ о несогласіяхъ возникавшихъ между нашимъ дворомъ и Первымъ Консуломъ. „Морковь“, — сообщаетъ онъ, — „не соблаговолили отказать мнѣ въ своихъ совѣтахъ, хотя давали ихъ всегда съ видомъ холоднаго и презрительнаго превосходства, и вскорѣ уѣхали, вѣроятно убѣжденный въ совершенномъ разстройствѣ, грозившемъ внѣшнимъ дѣламъ Россіи вслѣдствіе моего ими завѣдыванія“.

Въ Петербургѣ же находился и графъ Разумовскій, пріѣхавшій на короткое время въ отпускъ изъ Вѣны. — „Стало быть вы будете руководить нами?“ спросилъ онъ Чарторыйскаго, полунасмѣшливо и полупрезрительно. — „Какъ видите!“ нагло отвѣчалъ полякъ. По возвращеніи къ своему посту, Разумовскій попытался было писать донесенія прямо на имя государя, увѣдомляя управляющаго министерствомъ лишь о маловажныхъ дѣлахъ, но Александръ, по настоянію князя Адама, предписалъ послу адресовать всѣ свои сообщенія замѣстителю канцлера.

Упроченію его авторитета среди русской дипломатіи Чарторыйскій обязанъ былъ поддержкѣ канцлера и брата его, всѣми почитаемаго и уважаемаго посла въ Лондонѣ графа С. Р. Воронцова. Самъ онъ признается въ томъ и въ своей автобіографіи посвящаетъ младшему Воронцову сочувственный отзывъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ оговорокъ.

„Графъ Семень“, — читаемъ въ Запискахъ, — „имѣлъ характеръ прямой и честный, но въ воззрѣніяхъ своихъ на людей и предметы обнаруживалъ рѣзкость, недопуславшую между добромъ и зломъ отгѣнковь, кои справедливость требуетъ принимать во вниманіе. Питая безграничное довѣріе къ сужденію своего брата, онъ вполне усвоилъ благопріятное его мнѣніе обо мнѣ. Переписка его, имѣющаяся у меня, свидѣтельствуетъ о рвеніи, съ коимъ онъ защищалъ меня противъ обвиненій клеветы и поддерживалъ на мѣстѣ, которое я занималъ по волѣ императора и по желанію брата, канцлера. Онъ всячески ободрялъ меня. Я плачу долгу признательности, отдавая здѣсь отчетъ о многочисленныхъ и постоянныхъ доказательствахъ привязанности, имъ мнѣ данныхъ. Что же касается до его способа обсуждать дѣла и вліять на нихъ,

то нельзя не сдѣлать ему нѣкоторыхъ упрековъ. Ошибки его истекали изъ его цѣлостнаго характера, побуждавшаго его восхищаться безусловно Англією, единственною странюю, управляемою въ то время свободными учрежденіями. Графъ Семень былъ связанъ чувствомъ дружбы, скажу даже безграничнаго уваженія, съ г. Питтомъ и нѣкоторыми изъ его товарищей. Это слишкомъ страстное чувство мѣшало ему взирать съ безпристрастіемъ на ходъ событій и вѣрно понимать въ разныхъ случаяхъ истинныя пользы либо Россіи, либо даже Европы, въ общей совокупности ея политики. Тѣ же недостатки находимъ и у другихъ представителей при дворахъ вѣнскомъ и берлинскомъ, съ тою лишь разницею, что ни графъ Разумовскій, ни въ особенности г. Алопеусъ не искупали ихъ возвышенными достоинствами, отличавшими графа Семена“.

Къ сожалѣнію, упрекъ, взводимый Чарторыйскимъ на главнѣйшихъ русскихъ дипломатовъ той эпохи въ отчужденіи отъ родной почвы и въ принесеніи отечественныхъ пользы и нужды въ жертву тѣмъ странамъ, гдѣ они имѣли пребываніе, вполне справедливъ и заслуженъ. Но какъ же самъ онъ намѣревался начать на высокой, выпавшей ему на долю чредѣ служеніе свое государю и Россіи?

За разрѣшеніемъ этого вопроса обратимся снова къ Запискамъ князя Адама, отвѣтимъ на него собственными его словами.

„Дѣла“ — повѣствуетъ онъ — „шли нѣсколько времени по-прежнему. То было въ нѣкоторомъ родѣ продолженіе прежняго министерства. Между тѣмъ пассивную систему мира и спокойствія, принятую графомъ Кочубеемъ, которой канцлеръ придалъ увѣренность и достоинство, поддерживать было довольно трудно. Страна, привыкшая къ постояннымъ успѣхамъ Екатерины или къ порывамъ Павла, не могла удовольствоваться подчиненною и незначительною ролью, даже въ томъ случаѣ, еслибы роль эта обезпечила ей на долгіе годы непрерывное внутреннее благосостояніе. Впрочемъ, политика великой державы не должна быть, мнѣ кажется, ни пассивною, ни летаргическою, имѣя цѣлью лишь самое себя, безъ всякаго иного интереса и безъ видовъ на общую пользу; этотъ

узкій взглядъ на политику, этотъ неподвижный взглядъ, скоро становящійся мутнымъ потому, что онъ неизмѣнно устремленъ самъ на себя; все это не можетъ согласоваться съ сознаниемъ мощи и съ жаждою благородной славы. Низменная польза, неспособная возвыситься до болѣе обширныхъ и въ то же время до болѣе великодушныхъ сообщеній, являясь побужденіемъ и основаніемъ подобной системы, приводитъ къ самообману. Будучи заключена въ узкій дипломатическій кругъ, не предусмотрительная и боязливая, она даетъ полный просторъ честолюбію другихъ, предоставляетъ имъ всѣ благопріятныя шансы, потому что сама не умѣетъ заставить ихъ служить болѣе возвышеннымъ цѣлямъ. Всѣмъ, однако, хорошо извѣстно, что не таковъ былъ до того времени духъ древней русской политики“.

Порицаніе настоящаго не обличало ли желаніе возвращенія къ прошлому, къ историческимъ преданіямъ, создавшимъ силу и величіе Россіи? Ничуть! О быломъ Чарторыйскій отзывается еще съ большими горечью и негодованіемъ, потому-де,— поясняетъ онъ,— что хотя, за исключеніемъ Римской имперіи, ни одно государство не имѣло болѣе обширной, подвижной и настойчивой политики, чѣмъ Россія, но политика эта не сообразовалась никогда съ началами права и справедливости.

Слѣдуетъ историческій обзоръ внѣшней политики Россіи со времени царя Ивана Васильевича Грознаго, преисполненный злобы и ненависти къ вѣковой соперницѣ и побѣдительницѣ Рѣчи Посполитой. Высказанныя въ немъ сужденія, естественныя въ устахъ поляка, странно звучать подъ перомъ государственнаго человѣка, имѣвшаго честь быть русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Московскихъ царей, разсуждаетъ онъ, обуяла жажда завоеваній. Державу свою они успѣли расширить насчетъ несчастныхъ сосѣдей, прибѣгая попеременно то къ хитрости, то къ силѣ. Въ особенности со времени Петра русская политика пріобрѣтаетъ-де рѣшительный и стойкій характеръ, отъ котораго уже не отступаютъ преемники его. Петръ задумалъ и указалъ имъ цѣли, преслѣдовать которыя Россія не переставала съ поразительною настойчивостью. Цѣли эти—подчиненіе большей части Европы и Азіи и руководство судьбами

сосѣднихъ народовъ. Во всѣхъ этихъ направленіяхъ первый шагъ былъ сдѣланъ Петромъ и проявленныя имъ энергія и искусство послужили примѣромъ его наслѣдникамъ.

Петръ нанесъ первые смертельные удары Швеціи и Польшѣ; началъ борьбу съ Персією и Турцією; сталъ во главѣ грековъ и славянъ; создалъ флотъ и армію на европейскій ладъ. Толчекъ, данный русскому народу его желѣзною волею, не потерялъ своей силы и доселѣ. Россія преслѣдуетъ тѣ же предпріятія, только болѣе обширныя и развитыя; она близка къ достиженію тѣхъ же цѣлей, на пути къ которымъ Европа не смогла или не сумѣла остановить ее. Если поступательное движеніе ея когда либо и замедлилось, то только на время и то благодаря внутреннимъ замѣшательствамъ. Но духъ Петра Великаго паритъ надъ русскою землею и безжалостное честолюбіе его укоренилось и во всѣхъ русскихъ сердцахъ. Россія можетъ пріостановить свою работу, но отъ осуществленія своихъ видовъ, конечно, не откажется никогда.

„И вотъ!“ — восклицаетъ князь Адамъ, — „эта столь мощная политика остановилась, забылась на минуту. То было въ началѣ царствованія Александра. Молодой, крѣпкій, безобидный, мечтающій объ одномъ челоуѣколюбіи и свободомыслии, страстно желающій добра, которое, однако, онъ не всегда умѣлъ отличить отъ зла, того добра, что совершается съ такимъ трудомъ, государь этотъ съ одинаковымъ отвращеніемъ взиралъ на кровопролитныя войны Екатерины и на самовластные безумства Павла. Достигнувъ престола, онъ отложилъ въ сторону алчность, лгуавство, безмѣрное честолюбіе, словомъ всѣ завоевательныя мысли, составлявшія суть прежней русской политики. Обширныя, безпредѣльныя проекты были на время забыты. Не задаваясь ими, Александръ всю заботливость свою направилъ къ улучшеніямъ внутренняго строя и серіозно помышлялъ о томъ, какъ бы содѣлать своихъ подданныхъ, русскихъ и иныхъ, настолько счастливыми, насколько они могли быть въ ихъ нынѣшнемъ состояніи. Впослѣдствіи государь былъ увлеченъ, едва ли не противъ собственной воли, естественнымъ теченіемъ русской политики. Но въ началѣ царствованія объ этомъ не было и рѣчи и вотъ причина, ради которой Александръ не былъ дѣйстви-

тельно популяренъ въ Россіи. Нравъ его былъ не русскій. Отличаясь отъ своихъ подданныхъ и достоинствами, и недостатками, онъ былъ посреди ихъ экзотическимъ растеніемъ и не только не чувствовалъ себя счастливымъ, но даже находился въ неловкомъ положеніи“.

Чарторыйскій считалъ себя обязаннымъ придти на помощь своему товарищу, другу и государю, — такъ называлъ онъ императора Александра, — подобно тому, какъ воинъ, попавшій случайно въ чужіе ряды, храбро сражается изъ-за чувства чести. Чѣмъ болѣе довѣрялъ ему государь, тѣмъ сознательнѣе хотѣлъ онъ придать ему славы, за время управленія его политикою. Къ тому же онъ считалъ вполне возможнымъ согласовать русскія народныя стремленія съ великодушными помыслами, направляя къ общему благу человѣчества свойственную яко бы русскимъ жажду славы и господства. „То была“, — увѣряетъ онъ, — „великая цѣль, но еще отдаленная, къ которой слѣдовало идти послѣдовательно и настойчиво, — обширный замыселъ, задумать и осуществить который возможно было лишь съ терпѣніемъ и ловкостью. Мнѣ казалось, что онъ могъ удовлетворить русскую національную гордость“.

Что же это былъ за замыселъ? Князь Адамъ опредѣляетъ его такъ: „Я желалъ, чтобъ Александръ сталъ, нѣкоторымъ образомъ, рѣшителемъ судебъ (arbitre) цивилизованнаго міра, чтобъ онъ явился покровителемъ слабыхъ и угнетенныхъ, блюстителемъ справедливости среди народовъ, чтобы царствованіе его начало новую эру въ европейской политикѣ, отнынѣ основанной на общемъ благѣ и правѣ cadaquo“.

Чарторыйскій доводитъ до свѣдѣнія потомства, что мысль эта, запавъ ему въ душу, болѣе не покидала его, что постоянною заботою его было придать ей практическое значеніе. Съ этою цѣлью онъ составилъ общій планъ внѣшней политики и разослалъ его при циркулярѣ всѣмъ русскимъ дипломатическимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ. Планъ этотъ долженъ былъ служить введеніемъ въ новую систему и вмѣнялъ нашимъ дипломатамъ въ обязанность въ дѣйствіяхъ своихъ постоянно проявлять „умѣренность, справедливость, честность и непристрастное достоинство“.

Означенныя начала князь Адамъ развилъ впоследствии въ

своемъ „Опытъ о дипломатіи“, но въ „Воспоминаніяхъ“ онъ признается, что они остались безплодными. Неуспѣхъ свой объясняетъ онъ многочисленными затрудненіями, встрѣченными имъ по пути, и быстрымъ ходомъ событій, приведшихъ къ его паденію. Но, во все время нахождения своего у власти, онъ остался вѣренъ этимъ правиламъ, хотя и не всегда успѣвалъ примѣнить ихъ къ дѣлу вполне. „Въ мірѣ семъ“, — вздыхаетъ онъ, — „часто приходится медлить примѣненіемъ своихъ идей и измѣнять ихъ сообразно теченію событій. Поневолѣ дѣлаешь многія уступки, чтобъ выйти изъ затрудненій, возникающихъ на каждомъ шагу: уступки тяжкія, часто уничтожающія дорогіе проекты, на разработку которыхъ посвящено много лѣтъ“.

Въ исторіи внѣшнихъ сношеній Россіи политическая система Чарторыйскаго не прошла безслѣдно. Прельщенный ея красивою внѣшностью, императоръ Александръ принялъ ее на вѣру и остался ей вѣренъ, пока событія не обличили всей ея несостоятельности. Ошибочно было бы предполагать, что въ эту пору онъ уже вносилъ самостоятельныя мысли въ политику. Князь Адамъ былъ старше государя цѣлыми семью годами и внушалъ ему большое почтеніе къ своимъ талантамъ и способностямъ, равно какъ и къ побужденіямъ, искусно прикрытымъ личиною политическаго безкорыстія и личной привязанности къ царственному другу. Хорошо изучивъ характеръ императора, Чарторыйскій намѣренно прибѣгалъ къ пріемамъ, которые не могли не дѣйствовать на впечатлительное его воображеніе. Онъ сознается въ этомъ и самъ, когда утверждаетъ, что въ томъ состояніи духа, въ которомъ тогда находился Александръ, система его должна была плѣнить и очаровать его.

„То былъ“ — продолжалъ онъ — „отдаленный планъ, дававшій свободную волю воображенію и всевозможнымъ сочетаніямъ, не требуя рѣшимости или, скорѣе, немедленнаго перехода къ дѣйствию. Во всей имперіи Александръ былъ единственный человѣкъ, способный понять до известной степени значеніе этой системы и усвоить ея начала по убѣжденію, связу болѣе — по совѣсти. Тѣмъ не менѣе онъ только поверхностно принималъ эти идеи. Довольный общими началами и выражавшими ихъ фразами, онъ и не подумалъ о томъ, какъ бы проникнуть

глубже въ суть предмета или отдать себѣ отчетъ, какъ въ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на него системою, такъ и въ трудностяхъ, долженствовавшихъ сопровождать ея осуществленіе. Сотоварищи мои, повидимому, раздѣлявшіе многія изъ моихъ мнѣній, одобрительно внимали изложенію моей политической системы, въ которой упоминалось объ освобожденіи грековъ и славянъ. Пока рѣчь шла о преобладаніи Россіи, о подобающемъ ей вліяніи на дѣла Европы, о могуществѣ, къ приобрѣтенію коего она должна стремиться, слушатели мои стояли за меня. Но какъ только поднятъ былъ вопросъ о цѣли и обязательствахъ, истекающихъ изъ этого преобладанія, о правахъ прочихъ державъ, о началахъ справедливости, имѣвшихъ задержать честолюбіе, — я началъ замѣчать, что одобреніе становилось рѣдкимъ, принужденнымъ и холоднымъ“.

Очевидно, что въ этихъ-то именно „обязательствахъ“ и заключалась суть программы. Даже въ своихъ запискахъ, составленныхъ полвѣка спустя, князь Адамъ не рѣшается высказать ихъ прямо, и, какъ мы видѣли, предпосылаетъ имъ пространныя разглагольствованія, мало относящіяся къ дѣлу. Но пора придти къ заключенію.

„Моя система“ — проповѣдуетъ Чарторыйскій, — „основнымъ началомъ коей было устраненіе всѣхъ несправедливостей, — естественно вела къ постепенному возстановленію Польши. Но дабы не столкнуться прямо съ затрудненіями, которыя должна была встрѣтить дипломатія, столь противная общепринятымъ взглядамъ, я не произнесъ имени Польши. Идея ея возстановленія заключалась *implicite* въ духѣ моего труда, въ направленіи, которое я хотѣлъ придать русской политикѣ. Говорилъ же я только о прогрессивномъ освобожденіи народовъ, незаконно лишенныхъ правъ на политическое состояніе; я не боялся назвать грековъ и славянъ, ибо ничто не могло быть болѣе согласно съ желаніями и мнѣніями русскихъ, но, по наведенію, правило это имѣло быть примѣнено и въ Польшѣ. Это было какъ бы само собою условлено между нами, но въ то же время рѣшено, что до поры до времени не будетъ упоминаться имя моей родины. Я чувствовалъ, что того равно требуютъ необходимость и приличія. Нѣтъ ни единаго русскаго, который самъ по себѣ и по доброй своей

волѣ былъ бы благопріятно расположенъ къ Польшѣ. Впослѣдствіи я убѣдился, что правило это недопускаетъ исключенія и что невозможно измѣнить въ данномъ случаѣ намѣреніе ни одного изъ нихъ“.

Слова эти разоблачаютъ намъ тайную, но неизмѣнную цѣль, къ которой стремился Чарторыйскій во всю жизнь свою, даютъ ключъ къ разгадкѣ всѣхъ его дѣйствій и распоряженій за время управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Они вполне уясняютъ намъ, для чего составила такъ называемая третья коалиція и Россія втянута была въ кровопролитную войну съ Франціею, окончившуюся Аустерлицкимъ разгромомъ. Освобожденіе Европы, международное устройство ея на началахъ права и справедливости, все это служило лишь благовиднымъ предлогомъ для безпрепятственнаго осуществленія завѣтнаго замысла воскресенія Рѣчи Посполитой въ границахъ 1772 года, во всемъ прежнемъ объемѣ, блескѣ и могуществѣ.

Записки князя Адама Чарторыйскаго не прерываются на назначеніи его управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Двѣ послѣднія главы посвящены изложенію дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ 1805 года и самой этой войнѣ до возвращенія изъ Австрійскаго похода. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ его разсказѣ объ этихъ событіяхъ, гдѣ лично касающіяся его подробности исчезаютъ въ роковой и кровавой драмѣ, составляющей въ государственной лѣтописи Россіи одну изъ печальнѣйшихъ страницъ.

Заканчивая нашъ очеркъ, мы не можемъ не замѣтить, что бѣдственныя для нашего отечества послѣдствія политической системы, навязанной полякомъ-министромъ русскому двору, не ограничиваются предѣлами непродолжительнаго нахождения его у власти. Толчокъ былъ данъ и русская политика, выбитая изъ исторической колеи, болѣе трехъ четвертей столѣтія блуждала въ пространствѣ, прежде чѣмъ могла обрѣсти снова торный, естественный, народный свой путь. Отсюда тяжкія испытанія, пережитыя Россіею въ отношеніяхъ ея къ Европѣ въ послѣдніе годы каждаго изъ трехъ послѣднихъ царствова-

ній: унижительная опека Меттерниха, Севастопольская война, Берлинскій конгрессъ.

Объясняется это тѣмъ, что пребываніе Чарторыйскаго во главѣ нашего дипломатическаго вѣдомства въ короткое время самымъ гибельнымъ и растлѣвающимъ образомъ отразилось на русской дипломатіи. Онъ впервые оторвалъ ее отъ родной почвы, обезличилъ и опошилъ. Введеніе имъ французскаго языка въ политическую переписку русскаго двора было логическимъ слѣдствіемъ той системы, что порывала преемственную связь настоящаго съ прошедшимъ, глумилась надъ русскою исторіею и стремилась русскими же руками разрушить положеніе, созданное Россіи потомъ и кровью сыновъ ея, умомъ и трудами предшествовавшихъ поколѣній. Не сочувствуя видамъ и цѣлямъ князя Адама, русскіе люди постепенно стали покидать дипломатическое поприще, коимъ завладѣли, какъ наследственной вотчиною, искатели приключеній изъ всѣхъ концовъ Запада и Востока. Они, со своими сродниками и потомками, чадами и домочадцами, крѣпко засѣли въ немъ, окопались и укрѣпились такъ, что на долгіе годы затруднили въ него доступъ природнымъ русскимъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, что поступались имъ въ ладъ своими національными думами, завѣтами, вѣрованіями. Разумѣется, всѣмъ этимъ пигмеямъ неудалось подточить въ корнѣ государственный ростъ Россіи, подавить развитіе ея вещественной и нравственной мощи, но задержать этотъ ростъ, затормозить развитіе они все же старались и отчасти успѣли, въ союзѣ съ враждебными нашей государственности и народности силами по ту сторону отечественнаго рубежа.

Исторія — неумолимый обличитель. Къ счастью, она же учитъ насъ, что государству, какъ и всякому живому организму, болѣзненный наростъ хотя и причиняетъ боль и вредъ, но не можетъ грозить смертельною опасностью, если только крѣпки и здоровы существенные органы, его животворящіе. Россія же, слава Богу, не разъ доказала, докажетъ и впредь, что не угасъ въ ней и силенъ попрежнему народный духъ, создавшій ея силу и величіе и призванный въ будущемъ подвинуть ее къ совершенію великихъ и славныхъ міровыхъ ея судебъ.

РОССІЯ И БОЛГАРІЯ.

Россія и Болгарія.

Историческая справка.

„Доселѣ говорилъ я о царствованіяхъ минувшихъ, буду говорить о настоящемъ, съ моею совѣстью и съ государемъ, по лучшему своему уразумѣнію. Какое имѣю право? Любовь къ отечеству и монарху, нѣкоторыя, можетъ быть, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, приобретенныя мною въ лѣтописяхъ міра и въ бесѣдахъ съ мужами великими, то есть въ ихъ твореніяхъ. Чего хочу? Съ добрымъ намѣреніемъ испытать великодушіе Александра и сказать, что мнѣ кажется справедливымъ и что нѣкогда скажетъ исторія“.

Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи.

I.

Историческое призваніе Россіи на Востокъ.— Утрата русскаго вліянія въ освобожденныхъ Россією странахъ.— Исслѣдованіе причинъ этого явленія.— Задачи русской исторической науки и политической печати.

Въ силу своего историческаго призванія Россія освободила одну за другою христіанскія народности Балканскаго полуострова, находившіяся подъ господствомъ турокъ. Ей, и ей одной, обязаны свободою и Румынія, и Сербія, и Греція, и, наконецъ, Болгарія. Но вглядываясь въ отношенія, установившіяся между державою-освободительницею и молодыми государствами, ею же созданными, нельзя не отмѣтить того поразительнаго по своему постоянству явленія, что по мѣрѣ достиженія независимости каждою изъ упомянутыхъ странъ, русское вліяніе въ нихъ постоянно падало и новообразованныя

государства становились часто въ положеніе даже враждебное Россіи, которая, такимъ образомъ, освободительную миссію свою совершала въ явный ущербъ себѣ и своему политическому воздѣйствію на судьбы Востока.

Причины столь страннаго явленія сложны и разнообразны до безконечности. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ противодѣйствіе, которое оказываетъ намъ Западная Европа, не пренебрегающая никакими средствами, чтобы ослабить и порвать и безъ того не крѣпкія узы признательности, связывавшія съ Россіею, по крайней мѣрѣ въ первые годы, освобожденныя ею единовѣрныя и единоплеменные народности. Къ сожалѣнію, въ самыхъ этихъ народностяхъ обнаруживается съ большою силою стремленіе видѣть въ неблагодарности какъ бы высшее проявленіе политической самостоятельности. Но едва ли однимъ этимъ независимымъ отъ насъ причинамъ удалось бы вызвать полное отчужденіе между Россіею и родственными ей по вѣрѣ и племени государственными организмами, еслибы мы сами не содѣйствовали достиженію столь плачевнаго результата собственными нашими ошибками и промахами, происходящими отъ неправильной оцѣнки какъ сущности нашихъ польвъ и нуждъ, такъ и средствъ къ удовлетворенію ихъ въ общеніи съ молодыми балканскими государствами.

Стоитъ призадуматься надъ этимъ вопросомъ, имѣющимъ первостепенную важность для будущаго Россіи, какъ великой міровой державы. И въ прежніе годы мы неоднократно испытывали значительныя неудобства отъ постепеннаго охлажденія отношеній нашихъ къ Греціи, Румыніи и Сербіи. Но то, что происходитъ въ настоящее время въ Болгаріи, превышаетъ всякую мѣру политической благопристойности. Государство, ради освобожденія котораго мы, не далѣе какъ десять лѣтъ назадъ, истратили миллиарды рублей, пролили потоки русской крови, стало къ намъ въ положеніе, открыто враждебное и даже вызывающее, вступило въ союзъ противъ насъ со всѣми нашими недоброжелателями и врагами и, посягая на нашу государственную честь, является угрозою самой нашей безопасности. Можетъ ли потерпѣть Россія упроченіе въ центрѣ Балканскаго полуострова такого порядка, при которомъ Бол-

гарія преобразилась бы въ аванпостъ враждебныхъ намъ силъ средней Европы? Допустить это значило бы подписать полное отреченіе отъ нашихъ историческихъ правъ, отъ призванія нашего служить цитомъ православнаго Востока противъ хищныхъ посягательствъ Запада. Скажу болѣе: это значило бы подвергнуть близкой и грозной опасности государственное единство, цѣлость и независимость Россіи.

Итакъ, мы должны во что бы то ни стало положить въ Болгаріи конецъ положенію, прямо угрожающему жизненнымъ условіямъ нашего политическаго существованія. Неудачи, постигавшія доселѣ всѣ наши попытки къ достиженію означенной цѣли, не могутъ оправдать отказъ нашъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія ея. Онѣ должны, напротивъ, усугубить нашу настойчивость и съ тѣмъ вмѣстѣ побудить насъ къ изысканію иныхъ путей и способовъ еще неизвѣданныхъ. Намъ слѣдуетъ спросить себя, не зависятъ ли неуспѣхъ отъ насъ самихъ, отъ совершенныхъ нами же ошибокъ? Сознаніе въ содѣянной оплошности—первый и необходимый шагъ къ ея исправленію.

Никакія препятствія не могутъ остановить великую державу въ осуществленіи задачи, вызванной насущными ея потребностями. Исходъ изъ настоящаго, представляющагося безвыходнымъ, положенія долженъ найтись, и онъ, конечно, найдется, если станемъ искать его гдѣ слѣдуетъ. При той ужасающей запутанности, которую представляетъ въ нынѣшнемъ его состояніи болгарскій вопросъ, исходъ можетъ указать одна исторія; я разумѣю безпристрастное, тщательное и документальное изученіе тѣхъ событій, которыя, начиная съ войны 1877—78 годовъ, привели къ настоящему положенію.

Такого историческаго разслѣдованія предмета нельзя требовать отъ дѣйствующей дипломатіи. Вниманіе ея поглощаютъ быстро смѣняющіяся текуція событія, требующія немедленнаго разрѣшенія возбуждаемыхъ ими сомнѣній. Я оставляю открытымъ вопросъ: обладаютъ ли современные наши дипломаты достаточнымъ запасомъ познаній и свѣдѣній, а также нравственнаго мужества, дабы поважаться въ собственныхъ заблужденіяхъ? Какъ бы то ни было, на помощь имъ въ этомъ дѣлѣ обязаны выступить русская историческая наука и русская политическая печать.

Ни та, ни другая не имѣютъ у насъ притязанія указывать правительству путь, которому оно должно слѣдовать въ политикѣ. Но освѣщать этотъ путь выясненіемъ политическихъ обстоятельствъ, наведеніемъ историческихъ справокъ,—такова патриотическая обязанность русскаго публициста и историка. Совершенно справедливо замѣтилъ покойный Катковъ, что она истекаетъ изъ самой формулы нашей вѣрноподданнической присяги. Прибавлю, что у истинно русскихъ людей, какое бы положеніе они ни занимали, у общественныхъ дѣятелей, какъ и у государственныхъ чиновниковъ, не можетъ быть иной цѣли, какъ польза, честь и величіе отечества. Цѣль тѣмъ успѣшнѣе достигнется, чѣмъ дружнѣе и согласнѣе будутъ дѣйствовать направленныя къ ней совокупныя духовныя силы русскаго народа. Неоспоримую эту истину враги и ненавистники Россіи сознаютъ лучше насъ, всячески стараясь сѣять между нами смуту и раздоръ, памятуя евангельское слово: „Царство иже раздѣлится—погибнетъ“.

Что до меня касается, то въ нижеслѣдующемъ обзорѣ я намѣренъ подвергнуть тщательному анализу отношенія Россіи къ болгарскому вопросу съ самаго его возникновенія и до настоящаго времени, на точномъ основаніи официальныхъ данныхъ и документовъ несомнѣнной подлинности, не тѣхъ, конечно, которые сохраняются въ тайникахъ архивовъ и пользоваться которыми я не считаю себя въ правѣ, а тѣхъ, что самимъ правительствомъ были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе. Естественнымъ выводомъ изъ такого изслѣдованія явится опредѣленіе способовъ, посредствомъ которыхъ мы, по глубокому моему убѣжденію, можемъ съ достоинствомъ выйти изъ настоящаго затруднительнаго положенія и обставить на будущее время надежными ручательствами пользы и нужды Россіи въ Болгаріи.

Мнѣ было бы весьма прискорбно, еслибы въ попыткѣ моей установить правильный историческій взглядъ на наши отношенія къ болгарскому вопросу усмотрѣли желаніе подвергнуть преднамѣренному порицанію и осужденію образъ дѣйствій нашей дипломатіи въ данномъ вопросѣ. Мною руководили побужденія совершенно иного свойства, тѣ самыя, что такъ краснорѣчиво высказалъ незабвенный Карамзинъ въ

словахъ, приведенныхъ въ эпиграфѣ. Не даромъ сложились на Руси поговорка: служить „вѣрою“ и „правдою“. Гласно исповѣдуя *вѣру* русскаго народа въ силу и истину самодержавной власти, я священнымъ долгомъ предъ нею считаю сказать *правду* о дѣлѣ, изученію котораго посвятилъ много труда и которое затрогиваетъ высшіе государственные интересы Россіи, вещественные и нравственные.

Приступимъ же, благословясь, къ занимающему насъ вопросу и воззовемъ къ свидѣтельству нелицепріятной исторіи.

II.

Цѣль русско-турецкой войны 1877—78 годовъ.—Безкорыстіе—основное начало политики русскаго двора.—Примѣненіе его къ освобожденію восточныхъ христіанъ.—Саяз-Стефанскій мирный договоръ.—Возраженія Англій.—Оправданіе князя Горчакова.—Взглядъ русскаго двора на будущее положеніе Болгаріи.

Начиная, въ 1877 году, войну съ Турціею, Россія торжественно провозгласила исключительною цѣлью ея — освобожденіе христіанскихъ народностей изъ-подъ власти Порты. Правительство наше было, повидимому, убѣждено, что всѣ великія державы сочувствуютъ этой цѣли; по крайней мѣрѣ, въ циркулярѣ государственнаго канцлера, объявлявшемъ объ открытіи военныхъ дѣйствій, побудительною причиною рѣшеній императорскаго кабинета выставлялась необходимость выбирать между „продолженіемъ порядка вещей, признаннаго державами несоотвѣтствующимъ какъ ихъ интересамъ, такъ и общему интересу Европы, и рѣшимостью посредствомъ принужденія добиться результата, котораго не удалось достигнуть отъ Порты единодушнымъ усиліямъ кабинетовъ, путемъ убѣжденія“. Въ циркулярѣ упоминалось всеобщее и объ интересахъ Россіи, но единственно въ томъ смыслѣ, что „мирное развитіе ихъ“ страдаетъ-де отъ постоянныхъ смуть, происходящихъ на Востокѣ¹⁾. Въ высочайшемъ же манифестѣ, возвѣщавшемъ о вступленіи нашихъ войскъ въ предѣлы Турціи, заявлялось, что война для Россіи — вопросъ чести, въ виду

¹⁾ Циркуляръ государственнаго канцлера, 11 (23) апрѣля 1877 г.

отказа Порты „подчиниться единогласнымъ требованіямъ христіанской Европы¹⁾).

Дѣйствуя въ духѣ установившихся преданій, наша дипломатія не преминула до и во время войны пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы увѣрять иностранныя державы въ полномъ безкорыстіи русскаго двора. Не знаю, вѣрили ли намъ, но, конечно, и не думали вдохновляться нашимъ примѣромъ. „Великодушіе ваше“, — говорилъ мнѣ не безъ ироніи графъ Андраши, вскорѣ по объявленіи войны, — „достойно всякой похвалы, но отнюдь не подражанія“. И дѣйствительно, англійское правительство, со свойственною ему беззащитчивою откровенностью, прямо заявило, что при окончательной развязкѣ станутъ ограждать свои частныя интересы на Востокѣ. Прочія державы готовились къ тому же въ молчаніи.

Одни лишь мы остались вѣрны своей безкорыстной точкѣ зрѣнія и въ Сантъ-Стефанскомъ договорѣ, заключенномъ непосредственно съ Портою, не выговорили въ свою пользу ничего, кромѣ незначительнаго земельного и призрачнаго денежнаго вознагражденія нашихъ колоссальныхъ затратъ. Зато программа освобожденія турецкихъ христіанъ осуществлена была вполне. Признана независимость Румыніи и Сербіи, выговорено расширеніе государственной области какъ этихъ двухъ странъ, такъ и Черногоріи, обширныя права обезпечены христіанскому населенію Босніи съ Герцеговиною, острова Крита, Эпира, Фессаліи и вообще всѣхъ провинцій Европейской Турціи. Права эти распространены и на армянъ въ Турціи Азіятской²⁾. Но наиболѣе выгодъ выпало на долю Болгаріи.

Обширное пространство земли, населенное болгарами отъ Чернаго моря до Охридскаго озера, отъ Дуная до Эгейскаго моря, должно было образовать одно княжество, включавшее, кромѣ нынѣшнихъ Болгаріи и Восточной Румелии, всю Македонію, до границъ Албаніи и Старой Сербіи, и значительную часть Адрианопольскаго вилайета. За княжествомъ признавалась полная автономія, подъ властью князя, избраннаго

¹⁾ Высочайшій манифестъ отъ 12 (24) апрѣля 1877 г.

²⁾ Мирный договоръ между Россією и Турцією отъ 19 февраля (3 марта) 1878 г., ст. 14, 15 и 16.

болгарскимъ народомъ. Сюзеренство Порты оставалось чисто номинальнымъ, а участіе Россіи въ созданіи новаго государства ограничивалось наблюденіемъ чрезъ императорскаго комиссара за выборами и за введеніемъ въ княжествѣ правильнаго управленія, а также военнымъ занятіемъ Болгаріи въ продолженіе двухъ лѣтъ. Чтобы отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ желаніи производить прямое давленіе на ново-созданное государство, Россія, вступившая снова во владѣніе участкомъ Бессарабіи, отторгнутымъ отъ нея по Парижскому трактату, озаботилась передачею Румыніи сопредѣльной съ этимъ участкомъ части Болгаріи, а именно Добруджи ¹⁾.

Не смотря на столь явное забвеніе собственныхъ нашихъ интересовъ при опредѣленіи условій мира, Санъ-Стефанскій договоръ вызвалъ въ Европѣ цѣлую бурю негодованія и подозрѣній. Выразителемъ тревоги, охватившей всѣ великія державы, явился англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Салисбюри. Въ циркулярѣ, обращенномъ къ представителямъ Англій при главнѣйшихъ дворахъ, онъ не скрылъ опасенія, какъ бы великая Болгарія не явилась въ дѣйствительности простымъ орудіемъ и проводникомъ русскаго господства на Востоцѣ. „Важнѣйшія послѣдствія, къ коимъ прагматически приводитъ трактатъ“, — писалъ онъ, — „суть тѣ, которыя истекаютъ изъ воздѣйствія его, въ цѣломъ, на народности, обитающія въ юго-восточной части Европы. Статьи, образующія новую Болгарію, создаютъ сильное славянское государство, подъ кровительствомъ и контролемъ Россіи, государство обладающее важными гаванями на берегахъ Чернаго моря и Архипелага и доставляющее этой державѣ преобладающее вліяніе надъ торговыми и политическими соотношеніями въ этихъ моряхъ“. Онъ находилъ далѣе, „что условія, въ силу коихъ это новое государство должно быть подчинено правителю, который на прагматикѣ будетъ избранъ Россіею, администрація его — создана русскимъ комиссаромъ, а первое введеніе въ дѣйствіе управленія — начато подъ контролемъ русской арміи, что такія условія достаточно указываютъ на то, къ какой политической системѣ должна принадлежать Болгарія въ бу-

¹⁾ Тотъ же договоръ, ст. 6, 7, 8 и 19-я.

душемъ“. Все это, заключилъ онъ, сдѣлаетъ волю Россіи преобладающею на всемъ Черноморскомъ побережьѣ¹⁾).

Опасенія эти были совершенно понятны, хотя въ данномъ случаѣ и не отвѣчали дѣйствительности. Державы Запада не могли себѣ представить, чтобы Россія принесла столько жертвъ деньгами и людьми, выдержала десятимѣсячную упорную и кровопролитную войну, не задавшись цѣлью обратить результаты этой войны себѣ на пользу. А между тѣмъ, на дѣлѣ это было именно такъ, и дипломатія наша совершенно искренно отвергала предъявленныя къ ней подозрѣнія. Нѣтъ, — оправдывался князь Горчаковъ, — Санъ-Стефанскій договоръ не создалъ изъ Болгаріи сильнаго славянскаго государства подъ контролемъ Россіи. Болгарія создана-де совокупностью великихъ державъ на Константинопольской конференціи. Въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ нѣтъ и рѣчи о контролѣ Россіи надъ нею. Императорскій кабинетъ сдѣлалъ лишь по отношенію къ ней то, что уже было имъ сдѣлано въ 1830 году въ пользу Молдавіи и Валахіи. Опытъ доказалъ, что автономія этихъ княжествъ не повлекла за собою особаго преобладанія Россіи въ ущербъ европейскому равновѣсію. „Можно прибавить“, — пояснялъ нашъ государственный канцлеръ, — „что если Молдаво-Валахія, обязанная существованіемъ своимъ Россіи и съ нею сопредѣльная, *прекрасно сумѣла содѣлаться независимомъ отъ нея* (a su se rendre parfaitement indépendante d'elle), *то тѣмъ болѣе слѣдуетъ разсчитывать на тотъ же результатъ по отношенію къ Болгаріи* (à plus forte raison doit on compter sur le même résultat pour la Bulgarie); территория которой будетъ отдѣлена отъ Россіи предполагаемой уступкою Добруджи Румыніи“. Князь Горчаковъ отрицалъ также всякое вмѣшательство Россіи въ дѣло избранія князя, ручался за полную свободу выборовъ, роль императорскаго комиссара въ Болгаріи ограничивалъ наблюденіемъ за дѣйствіями перваго народнаго собранія, отъ котораго вполне зависѣло-де дать странѣ какую угодно организацію. „До тѣхъ же поръ“, — заявлялъ канцлеръ, — „временныя мѣры, принятыя русскими властями въ управленіи страномъ, *далеко не имѣютъ*

¹⁾ Циркуляръ лорда Салисбюри, 20 марта (1 апрѣля) 1878 г.

въ виду, какъ это утверждается, ввести Болгарію въ политическую систему Россіи¹⁾.

Слова эти объясняютъ многое въ дальнѣйшемъ развитіи болгарскаго вопроса. Они свидѣтельствуютъ, что примѣръ Румыніи, по освобожденіи нами вполне высвободившейся и изъ-подъ нашего вліянія, не только не побудилъ русскую дипломатію принять какія либо мѣры для предотвращенія подобнаго же оборота дѣлъ въ Болгаріи, но считался ею явленіемъ вполне нормальнымъ, повтореніе котораго въ впажествѣ Болгарскомъ ниславо ее не беспокоило. Слова эти свидѣтельствуютъ также, что наканунѣ Берлинскаго конгресса императорскій кабинетъ и не помышлялъ о влюченіи Болгаріи въ сферу русскаго вліянія.

III.

Берлинскій конгрессъ.—Русское безкорыстіе въ борьбѣ со своекорыстіемъ прочихъ великихъ державъ.—Предупредительная уступчивость русскихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ.—Отреченіе Россіи отъ всякихъ преимуществъ въ Болгаріи.—Вѣра русской дипломатіи въ европейскій концертъ.—Поведеніе князя Бисмарка

Собрался Берлинскій конгрессъ.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій лордъ Салисбюри довольно грубо опредѣлилъ его задачу: „вполнѣ уничтожить результаты войны“ (*anéantir entiérement les résultats de la guerre*). Русскіе уполномоченные вало протестовали противъ этого выраженія, заявивъ, что цѣль Россіи заключается „въ согласованіи постановленій Санъ-Стефанскаго договора съ общими интересами Европы“²⁾.

У Европы былъ одинъ общій интересъ: не давать усиливаться положенію Россіи на Востокѣ. Въ этихъ видахъ рѣшено не допускать образованія изъ Болгаріи одинаго и сильнаго государства и расчлениить ее на три части: княжество, автономную область, получившую странное названіе Восточной Румеліи, и Македонію, оставленную подъ непосредствен-

¹⁾ Меморандумъ, приложенный къ циркуляру государственнаго канцлера, 28 марта (9 апрѣля) 1878 г.

²⁾ Протоколъ II засѣданія конгресса, 5 (17) іюня 1878 г.

ною властью Порты. Англичане упорно требовали сохранения за Турціею Эгейскаго побережья съ тѣмъ, чтобы не допустить образованія новой морской державы, прилегающей къ Средиземному морю. Все это, очевидно, было внушено опасеніемъ, какъ бы нераздѣльная Болгарія не явилась покорнымъ орудіемъ своей освободительницы-Россіи. Слѣдовательно, всѣ увѣренія русскаго двора въ томъ, что Россія и не помышляетъ о подчиненіи Болгаріи своему вліянію, были напрасны и имъ не удалось разсѣять закоренѣлую подозрительность великихъ державъ Запада.

Обезпечивъ такимъ образомъ то, что признавалось интересомъ обще-европейскимъ, каждая изъ державъ озаботилась огражденіемъ на Востокѣ частныхъ своихъ интересовъ. Исключеніе составила одна Россія, уполномоченные которой въ торжественной деклараціи, прочитанной княземъ Горчаковымъ въ третьемъ засѣданіи конгресса, объявили, „что у Россіи нѣтъ въ этихъ странахъ никакихъ матеріальныхъ интересовъ, которые она могла бы преслѣдовать“¹⁾. Заявленіе это опредѣлило характеръ послѣдующихъ совѣщаній: въ нихъ безкорыстіе наше исключало всякую возможность борьбы съ гласно исповѣдуемымъ своекорыстіемъ всѣхъ прочихъ участниковъ конгресса. Мало того: постоянно настаивая на нашемъ безкорыстіи, мы не только допускали законность корыстныхъ требованій западныхъ державъ, но и предупредительно содѣйствовали ихъ признанію конгрессомъ.

Приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ официальныхъ протоколовъ собранія. Франція, поддержанная Англіей и Австро-Венгріей, предложила провозгласить на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, т. е. не только въ Турціи, но и въ Румыніи, въ Сербіи, въ Черногоріи, наконецъ, въ Болгаріи, начало полной свободы исповѣданій. Воспользоваться этимъ постановленіемъ должны были, разумѣется, католики, протестанты, евреи, мусульмане, словомъ, всѣ исповѣданія, кромѣ православнаго, такъ какъ къ послѣднему принадлежитъ большинство населенія въ перечисленныхъ странахъ. Графъ Шуваловъ успѣшилъ заявить,

¹⁾ Протоколъ III засѣданія, 7 (19) іюня 1878 г.

что „желаніе распространить елико возможно религиозную свободу въ Европѣ и въ Азіи, представляется ему вполне справедливымъ (très-justifié)“. Онъ просилъ о занесеніи своего отзыва въ протоколь съ дополненіемъ, „что такъ какъ конгрессъ искалъ изгладить этнографическія границы и замѣнить ихъ границами коммерческими и стратегическими, то уполночленные Россіи тѣмъ болѣе желаютъ, чтобы границы эти не обратились въ религиозныя преграды!“¹⁾

Въ вопросѣ о вознагражденіи, слѣдующемъ намъ отъ Турціи за военныя издержки, мы, выражаясь словами графа Шувалова, „предупредили еще разъ желаніе Европы (nous sommes venus encore une fois au devant des vœux de l'Europe), заявивъ, что ни въ какомъ случаѣ не обратимъ денежное вознагражденіе въ поземельное, и признавъ преимущественное право передъ нами на удовлетвореніе всѣхъ займовъ, ранѣе войны заключенныхъ Портою въ Европѣ, и въ частности тѣхъ суммъ, которыя были гарантированы англійскимъ и французскимъ правительствами²⁾).

Такую же податливость обнаружили мы въ вопросахъ о судоходствѣ по Дунаю, о желѣзныхъ дорогахъ, о транзитѣ, о торговыхъ договорахъ, — вопросахъ, разрѣшенныхъ въ смыслѣ требованій наиболѣе заинтересованныхъ въ нихъ державъ. Даже въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ европейское полномочіе Австро-Венгріи на занятіе войсками и управленіе Босніею и Герцеговиною, князь Горчаковъ не нашелъ сказать ничего иного, кромѣ слѣдующихъ поистинѣ изумительныхъ словъ: „Россія не заинтересована въ дѣлѣ. Но соображенія, развитыя графомъ Андраши, предложеніе лорда Салисбюри, поддержанное Германіей, Франціей, Италіей, и столь точнымъ объясненіемъ лорда Биконсфильда, доказываютъ цѣлесообразность (efficacité) рѣшенія, подготовленнаго въ виду мирной цѣли, преслѣдуемой конгрессомъ. Въ сущности рѣчь идетъ о томъ, чтобы предохранить христіанское населеніе отъ вѣковыхъ злоупотребленій: англійское предложеніе согласно

¹⁾ Протоколь VII засѣданія, 14 (26) іюня 1878 г.

²⁾ Протоколь XI засѣданія, 24 іюня (6 іюля) 1878 г.

съ общими видами Россіи и его свѣтлость вполне присоеди-
няется къ нему“ (lui donne son entière adhésion) ¹⁾.

Чѣмъ же должна была заплатить намъ Европа за всѣ эти
уступки частнымъ интересамъ различныхъ державъ Запада?

Выговоренная нами плата была возможно бдльшее рас-
ширеніе самостоятельности Болгарскаго княжества. Но согласіе
Европы намъ пришлось купить полнымъ самоотреченіемъ отъ
всякаго преимущественнаго вліянія на новосозданное госу-
дарство. Протоколы Берлинскаго конгресса заключаютъ много
поучительнаго о томъ, какъ представлялись русской диплома-
тіи соотношенія Россіи и Болгаріи.

При обсужденіи вопроса объ избраніи князя, утверждае-
маго Портою съ „согласія“ державъ, лордъ Салисбюри пред-
ложилъ установить, что подъ этимъ словомъ разумѣется со-
гласіе большинства державъ, такъ какъ въ противномъ слу-
чаѣ онѣ могутъ и не придти къ единогласному рѣшенію и та-
кимъ образомъ Болгарія останется безъ правительства. Возра-
жая второму англійскому уполномоченному, графъ Шуваловъ
сказалъ, что не можетъ отвѣчать за будущее, но что ни въ
какомъ случаѣ Болгарія не будетъ пристегнута къ Россіи
(ne deviendra pas une annèxe russe). Развивая мысль свою,
графъ выразилъ мнѣніе, что слово „согласіе“ является ему
гарантіею для Европы „противъ всякаго помысла о специаль-
номъ вліяніи, коимъ пользовалась бы Россія“. „Его сіятель-
ство“, — читаемъ далѣе въ протоколѣ, — „повторяетъ, что пра-
вительство его не покровительствуетъ никакому кандидату,
не имѣетъ такового въ виду, затруднилось бы даже отвѣтить на
предъявленные ему вопросы о какой либо кандидатурѣ и только
желаетъ полной свободы выборовъ“. Рѣчь свою нашъ второй
уполномоченный заключилъ вторичнымъ заявленіемъ, что ни
подъ какимъ видомъ „Болгарія не обратится въ принадлеж-
ность Россіи“ ²⁾.

Въ томъ же засѣданіи конгресса графъ Шуваловъ посѣ-
шилъ успокоить тѣхъ изъ его членовъ, которые выражали
опасеніе, какъ бы Россія не воспользовалась продолжитель-

¹⁾ Протоколъ VIII засѣданія, 16 (28) іюня 1878 г.

²⁾ Протоколъ V засѣданія, 12 (24) іюня 1878 г.

нымъ занятіемъ края своими войсками и введеніемъ въ немъ новаго гражданскаго управленія, чтобы создать въ Болгаріи административные порядки по образу и подобию русскихъ и привести болгарскіе законы въ согласіе съ нашими, что привело бы къ ассимиляціи внутренняго строя въ княжествѣ съ таковымъ же въ Россіи. Графъ объявилъ, что ничего подобнаго не произошло въ Болгаріи; что, напротивъ, Россія „потщилась“ (*s'est efforcée*) ввести какъ можно меньше измѣненій въ учрежденія страны; что покойный князь Черкасскій былъ пораженъ, увидѣвъ, въ какой степени турецкое законодательство соотвѣтствовало нуждамъ края, но что законы и уставы не были извѣстны чиновникамъ, которые не исполняли ихъ. Графъ Андраши съ удовольствіемъ принялъ къ свѣдѣнію заявленіе нашего представителя и, какъ сказано въ протоколѣ, „оцѣнилъ (*apprécia*) простую и практическую систему этой организаціи“¹⁾.

Лордъ Салисбюри показалъ себя болѣе требовательнымъ, чѣмъ его австро-венгерскій товарищъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи онъ сообщилъ конгрессу телеграмму великобританскаго посла въ Константинополѣ о томъ, что „русскій губернаторъ Болгаріи“ принимаетъ-де мѣры, которыя предрѣшаютъ политическое и финансовое будущее страны. Благородный лордъ настаивалъ, чтобы конгрессъ какъ можно скорѣе положилъ конецъ такому порядку вещей и въ особенности не допускалъ „предрѣшенія будущаго“ Болгаріи. Возражая ему, графъ Шуваловъ выразилъ удивленіе, почему такъ озабоченъ положеніемъ Болгаріи англійскій уполномоченный, предложившій учредить надъ дѣйствіями русскаго комиссара контроль особой комиссіи, составленной изъ делегатовъ всѣхъ великихъ державъ. Въ Восточной Румелии — другое дѣло. Тамъ, по словамъ графа, „Европа заступила мѣсто Россіи и можетъ дѣйствовать какъ ей заблагоразсудится“. Если же русское правительство, повидимому, предоставило себѣ въ Болгаріи долю воздѣйствія болѣе непосредственнаго, чѣмъ другія державы, то лишь потому, что „Россія также принимала болѣе прямое, чѣмъ онѣ, участіе въ созданіи новаго автономнаго княжества“.

¹⁾ Протоколъ того же засѣданія.

Такое робкое упоминаніе о преимущественномъ правѣ Россіи возбудило негодованіе лорда Салисбюри. Онъ рѣзко замѣтилъ, что не понимаетъ, почему императорскій кабинетъ, постоянно утверждающій, что хочетъ предоставить Болгаріи такую же независимость, какъ та, которою пользовались прочія автономныя и подвластныя Портѣ княжества, настаиваетъ на единоличной власти своего комиссара. Графъ Шуваловъ поспѣшилъ отвѣтить, что и не помышляетъ объ устраненіи вмѣшательства Европы въ дѣла Болгаріи и лишь желаетъ придать ему иную форму. Лучшимъ средствомъ было бы, по мнѣнію его, подчиненіе русскаго комиссара „высшему контролю“ европейскихъ пословъ въ Константинополѣ, „агентами и представителями коихъ на мѣстѣ были бы консулы“¹⁾. Конгрессъ принялъ это предложеніе съ австрійскою поправкою. Онъ допустилъ, что временнымъ управленіемъ Болгаріи впредь до введенія новой организаціи будетъ руководить русскій императорскій комиссаръ, при содѣйствіи съ цѣлью конгроя (assistante afin de contrôler) турецкаго комиссара и консуловъ, въ качествѣ делегатовъ ad hoc великихъ державъ. Въ случаѣ несогласій между большинствомъ послѣднихъ и русскимъ комиссаромъ, право рѣшенія принадлежитъ конференціи пословъ въ Константинополѣ. „Какъ только будетъ утвержденъ князь“. — гласитъ 7-я статья Берлинскаго трактата, — „новая организація будетъ введена и княжество вступитъ въ полное пользованіе своею автономіею“.

Вотъ все, чего мы успѣли достигнуть на почвѣ „европейскаго концерта“, въ чудодѣйственную и спасительную силу котораго продолжали, однако, вѣрить попрежнему. Это явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ князя Горчакова, произнесенныхъ въ седьмомъ засѣданіи конгресса, въ которомъ онъ появился снова послѣ болѣзни, помѣшавшей ему присутствовать въ трехъ предшедшихъ засѣданіяхъ. „Съ политической точки зрѣнія“. — замѣтилъ князь, — „онъ желалъ бы, чтобы вмѣсто преобладаній англійскаго, французскаго или русскаго, котораго, какъ свидѣтельствуетъ исторія, существовали въ Константинополѣ въ разныя эпохи, на Востокѣ не было ничего

¹⁾ Протоколъ VI засѣданія, 13 (25) іюня 1878 г.

преобладанія, ни въ пользу Россіи, ни въ пользу какого либо иного государства, и чтобы мелкую и вредную борьбу самолюбій на рыхлой константинопольской почвѣ замѣнило совокупное дѣйствіе великихъ державъ, которое предохранило бы Оттоманскую Порту отъ многихъ увлеченій и многихъ ошибокъ“. Въ заключеніе своей рѣчи нашъ канцлеръ, большой охотникъ до пышныхъ фразъ, выразилъ надежду, что лавры геройской русской арміи будутъ превращены конгрессомъ въ оливковыя вѣтви. Тѣмъ болѣе ѣдкимъ сарказмомъ звучалъ отвѣтъ ему перваго уполномоченнаго Англійи лорда Биконсфильда, сказавшаго, что „считаетъ краснорѣчивую рѣчь его свѣтлости счастливымъ признакомъ улучшенія его здоровья“¹⁾.

Я не стану долѣе распространяться о ходѣ совѣщаній конгресса, но мнѣ кажется умѣстнымъ коснуться здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ вопроса, возбужденнаго княземъ Бисмаркомъ въ рѣчи, произнесенной имъ предъ рейхстагомъ²⁾, а именно, насколько нѣмецкій канцлеръ явился на конгрессѣ заступникомъ и защитникомъ требованій, предъявленныхъ русскою дипломатіею? Князь высказалъ убѣжденіе, что заслуга его предъ Россіей такова, „что рѣдко выпадаетъ на долю иностраннаго министра“. И дѣйствительно, протоколы собранія свидѣтельствуютъ, что большая часть русскихъ предложеній была поддержана предсѣдателемъ. Почему же, однако, слова князя Бисмарка, что онъ своимъ поведеніемъ во время конгресса заслужилъ бы высшій русскій орденъ съ брилліантами, еслибы таковой не имѣлся у него давно, почему слова эти были, какъ видно изъ официального стенографическаго отчета, встрѣчены взрывомъ громкаго хохота слушателей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ самая сущность русскихъ предложеній, съ которою я ознакомилъ читателей. Какъ мы видѣли, предложенія эти не касались вовсе обезпеченія существенныхъ нуждъ и пользы Россіи, о которыхъ ни единымъ словомъ не обмолвились наши уполномоченные. Другой вопросъ: какъ отнесся бы къ нимъ князь Бисмаркъ, еслибы они были направлены къ обезпеченію русскихъ интересовъ — законнаго преобладанія Россіи на Востокѣ?

¹⁾ Протоколъ 7 засѣданія 14 (26) іюня 1878 г.

²⁾ Рѣчь князя Бисмарка въ рейхстагѣ 25 января (6 февраля) 1888 г.

Къ сожалѣнію, представители Россіи на конгрессѣ упустили случай испытать на дѣлѣ степень искренности дружественнаго расположенія къ намъ нѣмецкаго канцлера. Упущеніе это было серіозною и главною причиною столь бѣдственнаго для насъ исхода берлинскихъ совѣщаній.

Представимъ себѣ въ самомъ дѣлѣ, что русскіе уполномоченные на конгрессѣ противопоставили бы открыто заявленнымъ интересамъ каждой изъ державъ Запада столь же открыто формулованные интересы Россіи; что они прямо объявили бы собранію, что Россія, одна несшая на себѣ тяжелое бремя войны за освобожденіе христіанъ Востока, не можетъ удовольствоваться выпавшею на ея долю славою, въ виду стремленія всѣхъ прочихъ державъ извлечь изъ ея побѣдъ своекорыстныя выгоды; что согласіе ея на эти выгоды обусловлено предоставленіемъ ей таковыхъ же и даже еще большихъ, сообразно съ ея затратами и потерями; что, наконецъ, забота ея о собственной безопасности вынуждаетъ ее заручиться матеріальными гарантіями въ томъ, что освобожденные ею народности не отплатятъ ей неблагодарностью и не перейдутъ со временемъ въ лагерь ея враговъ и ненавистниковъ? Смѣю думать, что такая прямая постановка вопроса скорѣе облегчила бы всеобщее соглашеніе, чѣмъ торжественное провозглашеніе начала безкорыстія, встрѣченное, къ тому же, весьма естественнымъ недоувѣріемъ практическими государственными людьми Запада, не увлекающимися отвлеченностями и не постигающими такихъ увлеченій. *Do ut des* — основной законъ международной политики. На Берлинскомъ конгрессѣ онъ былъ нарушенъ нами, въ собственный нашъ ущербъ, и въ результатѣ получилось, что война, ознаменованная блестящимъ торжествомъ русскаго оружія, оказалась для положенія Россіи на Востокѣ еще болѣе гибельною, чѣмъ Восточная война 1853—56 годовъ, въ которой по крайней мѣрѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ нашихъ враговъ.

IV.

Программа восточной политики русскаго двора. — Упорство дипломатіи въ своихъ заблужденіяхъ. — Воздѣйствіе русской арміи на государственное устройство Болгарскаго княжества. — Антагонизмъ между русскими дѣятелями военными и дипломатическими.

„Единственная здоровая основа великаго государства, и ею только и отличается оно отъ государства малаго, есть государственный эгоизмъ, а не романтика, и недостойно великой державы бороться за дѣло, не касающееся ея собственнаго интереса“.

Такъ говорилъ еще въ 1850 году нынѣшній князь-канцлеръ Германской имперіи, и съ тѣхъ поръ блистательно примѣнили эти мудрыя слова въ дѣлу. Наша же дипломатія, съ начала текущаго столѣтія, придерживалась какъ разъ противоположнаго взгляда на политику и не покинула его даже послѣ неудачъ, постигшихъ ее на конгрессахъ Парижскомъ и Берлинскомъ. Въ самый день ратификаціи договора 1 (13) іюля 1878 г. она съ нескрываемымъ самодовольствомъ заявила, что послѣдняя война предпринята была Россіею „не по расчету, не изъ матеріальныхъ выгодъ или честолюбивыхъ политическихъ замысловъ, но въ силу чувства, заглушающаго всякія постороннія побужденія, изъ чувства христіанскаго, чувства человѣколюбія, того чувства, которое охватываетъ всякаго честнаго человѣка при видѣ вошющаго зла“. Сама того не подозрѣвая, она этимъ заявленіемъ изрекала себѣ строгій приговоръ, ибо тѣ же качества, которыя въ частной жизни признаются добродѣтелями, являются въ международной политикѣ вполне непригодными, коль скоро нарушаютъ высшій законъ государственнаго самосохраненія, выражающійся въ положеніи: *salus publica — suprema lex*.

Приведенныя выше слова заимствованы изъ правительственнаго сообщенія, въ коемъ излагается сужденіе императорскаго кабинета объ актѣ, „увѣнчавшемъ войну“, т. е. о Берлинскомъ трактатѣ. Сообщеніе это заслуживаетъ вниманія также потому, что опредѣляетъ политическую программу, которой Россія на-

мѣрена была слѣдовать и впредь въ Восточномъ вопросѣ. Съ одной стороны нашъ дворъ „проникнуть чувствомъ солидарности съ Европой“, съ другой — онъ считаетъ освобожденіе христіанъ Востока — „нашею историческою миссією“. Берлинскій договоръ—важный шагъ на пути къ достиженію этой цѣли, хотя и приобрѣтенный дорогою цѣною. Россія, которая „не дѣлала торгова ни изъ своихъ жертвъ, ни изъ своихъ успѣховъ“, будетъ продолжать „притягивать Европу къ общему дѣлу“, и въ то же время точно исполнять принятые на себя обязательства. Не напрасно „русскій народъ подчинилъ свои права побѣдителя высшимъ интересамъ общаго мира и солидарности народовъ“. Жертвы его уже принесли плоды, принесутъ ихъ еще больше въ будущемъ. Окончательная развязка Восточнаго вопроса—не болѣе какъ вопросъ времени, ибо, „не смотря на временныя препоны, порождаемыя страстями, пороками и слабостями людей, человѣчество идетъ къ тѣмъ же неуклоннымъ цѣлямъ, которыя предначертаны ему Провидѣніемъ“. Замѣчательны заключительныя слова: „Берлинскій конгрессъ былъ только роздыхомъ, остановкою на этомъ трудномъ пути. Опѣнивая его съ этой точки зрѣнія, Россія находитъ въ прошедшемъ вѣру въ будущее“¹⁾.

Такимъ образомъ наша дипломатія не только не сознавала своихъ заблужденій въ прошедшемъ, но выражала намѣреніе не уклоняться и въ будущемъ съ прежняго пути. Цѣлью русской политики провозглашалось окончательное освобожденіе христіанскаго Востока, а средствами къ ея достиженію — единеніе съ Европою, подъ условіемъ полнаго безкорыстія со стороны Россіи и подчиненія ея интересовъ „высшимъ интересомъ общаго мира и солидарности народовъ“.

Съ программю этой вполнѣ согласовались условія, въ которыя Берлинскій конгрессъ поставилъ по отношенію къ Россіи и Болгарское княжество, и Восточную Румедію. Въ послѣдней области все дѣло ея организаціи было немедленно передано въ руки европейской комиссіи. Въ Болгаріи кругъ дѣятельности русскаго императорскаго комиссара былъ огра-

¹⁾ Правительственное сообщеніе. („Правит. Вѣст.“ 27 іюля (8 августа) 1878 г., № 167).

ниченъ десятиимѣсячнымъ срокомъ, назначеннымъ для очищенія края отъ русскихъ войскъ, и сверхъ того наблюденіемъ консуловъ великихъ державъ и даже пословъ ихъ въ Константинополь. Съ избраніемъ князя, въ которое мы обѣщали не вмѣшиваться, съ прекращеніемъ военнаго занятія должны были порваться всѣ особыя связи, соединявшія Болгарію съ державою-освободительницею, а княжество—стать къ намъ въ тѣ же отношенія, какъ и къ прочимъ участникамъ Берлинскаго конгресса.

Таково было рѣшеніе, состоявшееся на бумагахъ и скрѣпленное подписаніями нашихъ дипломатическихъ представителей. Въ дѣйствительности дѣло приняло нѣсколько иной оборотъ. Двухлѣтнее пребываніе въ Болгаріи русскихъ войскъ и дѣятельность нашего гражданскаго управленія краемъ не могли пройти, не оставя прочныхъ слѣдовъ, мало или вовсе не согласныхъ съ соображеніями засѣдавшихъ въ Берлинѣ дипломатовъ. Жизненная правда взяла верхъ надъ хитроумными комбинаціями, и сила событій придавала соотношеніямъ Россіи и Болгаріи такую форму, какая и не снилась членамъ европейскаго ареопага.

Первое болгарское народное собраніе приняло, хотя и не безъ существенныхъ измѣненій, основной законъ страны, выработанный русскою законодательною комиссіей. Я не намѣренъ вдаваться здѣсь въ разсужденіе о достоинствахъ или недостаткахъ тырновской конституціи и ограничусь замѣчаніемъ, что она во всякомъ случаѣ представляетъ мало сходства съ турецкимъ порядкомъ управленія, о неизмѣнномъ сохраненіи котораго въ княжествѣ докладывалъ конгрессу графъ Шуваловъ. Болгарская армія не только сохранила свою органическую связь съ матерью своею—русскою арміею, но стала какъ бы составною ея частью, принявъ въ свои ряды многочисленныхъ русскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и признавъ надъ собою власть военнаго министра, генерала русской службы, назначаемаго Государемъ Императоромъ. Наконецъ, первымъ княземъ болгарскимъ единогласно избрано лицо, указанное нашимъ комиссаромъ народному собранію, какъ кандидатъ наиболѣе угодный Царственному Освободителю Болгаріи.

Три эти результата не только не были предусмотрѣны

Берлинскимъ конгрессомъ, но и прямо противорѣчили буквѣ и духу его постановленій. Порождены они были нравственнымъ вліяніемъ на болгаръ русскаго военнаго сословія, русской арміи, явившейся въ данномъ случаѣ выразительницею не только матеріальной, но и духовной мощи русскаго народа. Они привели нашу дипломатію въ недоумѣніе, великія державы въ смущеніе. Однако, Европа не рѣшилась протестовать противъ нихъ и молчаніемъ своимъ признала ихъ законность, истекавшую изъ исторической необходимости, и которую дипломаты давно уже окрестили на своемъ языкѣ названіемъ „совершившагося факта“.

Обстоятельство это очень важно, такъ какъ имъ обуславливается дальнѣйшій ходъ и направленіе нашихъ политическихъ отношеній къ Болгаріи. Порядокъ, созданный помимо дипломатіи, отчасти вопреки ей, былъ тѣмъ не менѣ поставленъ подъ ея защиту и охрану, такъ какъ, по уходѣ русскихъ войскъ и передачи власти императорскимъ комиссаромъ новоизбранному князю, офиціальнымъ представителемъ русскаго правительства въ княжествѣ остался дипломатическій агентъ. Задача этого чиновника была нелегкая. Ему приходилось согласовать свои права, основанныя на особенностяхъ того положенія, въ которомъ стояла къ Россіи Болгарія, съ обязанностями, возлагаемыми на него противоположными постановленіями Берлинскаго трактата, коимъ, какъ уже неоднократно упомянуто, Россія приравнивалась въ Болгаріи ко всѣмъ прочимъ великимъ державамъ. Отсюда неизбежная двойственность съ его пріемахъ и поступкахъ. Ею не могъ не воспользоваться первый князь Болгаріи, чтобы, основываясь на кровномъ родствѣ своемъ съ нашимъ императорскимъ домомъ и на извѣстномъ расположеніи къ нему покойнаго Государя, не попытаться присвоить себѣ значеніе единственнаго правоспособнаго выразителя царской воли, какъ бы намѣстника русскаго Царя. Затруднительно было положеніе между княземъ и нашимъ дипломатическимъ агентомъ военнаго министра, который сталъ болгарскимъ должностнымъ лицомъ, не переставая быть русскимъ генераломъ. Въ такомъ же затрудненіи находились и посланцы въ ряды болгарской арміи русскіе офицеры и даже нижніе чины. Во всѣхъ этихъ слож-

ныхъ отношеніяхъ таились зародыши будущихъ замѣшательствъ и столкновеній, которыми должны были воспользоваться западныя державы, дабы вызвать разладъ между освободителями и освобожденными, какъ необходимую поправку къ гарантіямъ, выговореннымъ на Берлинскомъ конгрессѣ и оказавшимся безсильными, чтобы произвести столь желательное для Европы полное отчужденіе Болгаріи отъ Россіи.

Нужно было много ума, прозорливости и бдительности, и прежде всего полное согласіе между русскими дѣятелями военными и дипломатическими, чтобы предотвратить эту опасность, грозившую русскому дѣлу въ Болгаріи. Нужно было также отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чего требуютъ интересы Россіи въ этой странѣ и, намѣтивъ цѣль, неуклонно стремиться къ ея осуществленію.

Посмотримъ, насколько дѣйствія наши отвѣчали этой двойной потребности?

V.

Князь Александръ Баттенбергскій и отношенія его къ болгарскимъ политическимъ партіямъ.—Русскіе дипломатическіе агенты въ Софіи: Давыдовъ и Кумани.—Государственный переворотъ 27 апрѣля 1881 года.

17 (29) апрѣля 1879 года великое собраніе избрало княземъ Болгаріи принца Александра Баттенбергскаго. Въ концѣ іюня князь высадился въ Варнѣ, принесъ въ Тырновѣ присягу на вѣрность конституціи и по прибытіи въ Софію, 5 (17) іюля, составилъ первое свое министерство.

Уже въ первомъ собраніи болгарскихъ именитыхъ людей, созванномъ въ Тырновѣ русскимъ императорскимъ комиссаромъ для обсужденія и принятія органическаго статута княжества, обозначились двѣ политическія партіи: одна — либеральная и народная, къ которой принадлежало подавляющее большинство собранія, и другая — весьма немногочисленная, извѣстная подъ названіемъ консервативной, но въ сущности отличающаяся отъ первой предпочтеніемъ, явно оказываемымъ ею Западу и выработавшимся тамъ началамъ государственной и общественной жизни. Во главѣ первой партіи стояли наи-

болѣе вліятельные изъ болгарскихъ дѣятелей Цанковъ и Кавеловъ, вторая же сплотилась вокругъ пресловутаго триумвирата, состоящаго изъ Стоилова, Начевича и Грекова. Между противными партіями естественно должна была возгорѣться упорная и ожесточенная борьба.

Сочувствіе князя Александра было на сторонѣ консерваторовъ, которые во внутренней политикѣ стремились къ ограниченію правъ народнаго представительства и къ усиленію власти князя, въ политикѣ внѣшней — къ сближенію съ западными державами, въ частности съ Австріею и Англіею, и къ постепенному освобожденію изъ-подъ вліянія Россіи. Стремленія эти отвѣчали не только его интересамъ, но и личнымъ наклонностямъ. Нѣмецъ по рожденію и воспитанію, протестантъ по вѣрѣ, онъ не могъ увлечься идеею болгарской самобытности, исповѣдуемой народниками, и видѣлъ въ нихъ лишь опасную помѣху къ осуществленію своихъ властолюбивыхъ замысловъ. Этимъ достаточно объясняется составъ перваго его министерства, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ безцѣтнаго Бурмова, заняли мѣста Начевичъ, Грековъ и ихъ политическіе друзья, тогда какъ Стоиловъ былъ назначенъ на созданную специально для него вліятельную должность завѣдывающаго политическою канцеляріею князя. Неудивительно, что составленный такимъ образомъ болгарскій кабинетъ пользовался содѣйствіемъ и поддержкою пребывающихъ въ Софіи дипломатическихъ агентовъ великихъ державъ Запада.

Изъ русскихъ дѣятелей, находившихся въ то время въ Болгаріи, иначе относились къ нему состоявшій при особѣ князя въ качествѣ довѣреннаго совѣтника полковникъ Шелелевъ и генералъ Паренсовъ, военный министръ, бывшій самъ членомъ кабинета. Имъ ясно было, что дѣйствія консервативнаго министерства направлены къ подорванію и искорененію въ Болгаріи русскаго вліянія. Но мнѣніе это не раздѣлялъ нашъ дипломатическій агентъ А. П. Давыдовъ. Всю службу свою онъ провелъ на Западѣ и при назначеніи на Софійскій постъ вовсе не былъ знакомъ съ Востокомъ и его политическими особенностями. Воспитанный въ преданіяхъ старой дипломатической школы, онъ главную задачу нашу въ Болгаріи полагалъ, во-первыхъ, въ поддержаніи монархическаго и охра-

нительнаго начала, а во-вторыхъ, въ соблюденіи полнаго согласія съ товарищами своими, представителями прочихъ великихъ державъ. Онъ былъ также искренно убѣжденъ, что консерваторы одни способны установить въ странѣ прочный порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, а во внѣшнихъ—удержать ее отъ увлеченій въ смыслѣ стремленія къ восстановленію „цѣлокупной“ Болгаріи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, онъ не только выступилъ на мѣстѣ опорой консервативнаго министерства, но и защищалъ его, въ донесеніяхъ своихъ въ Петербургъ, отъ обвиненій нашихъ военныхъ дѣятелей, оправдывая его поступки и ругаясь за чистоту его намѣреній.

Поддержанный такимъ образомъ и княземъ, и единодушнымъ покровительствомъ дипломатическихъ агентовъ великихъ державъ, кабинетъ, въ которомъ тырновскій епископъ Климентъ замѣстилъ вскорѣ предсѣдателя Бурмова, не нашелъ себѣ поддержки въ народномъ собраніи. Созванное въ концѣ октября 1879 года, оно тотчасъ же выразило ему свое недовѣріе и было распушено. Новые выборы дали народной партіи еще болѣе сильное большинство. Въ апрѣлѣ 1880 года князь вынужденъ былъ принять отставку консервативнаго министерства и призвать народниковъ къ управленію страной. Главою кабинета сталъ Драганъ Цанковъ, а портфель финансовъ получилъ Каравеловъ.

Въ этотъ первый періодъ своего правленія князь Александръ пользовался безусловнымъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ русскаго двора. Покойный Государь питалъ безграничное довѣріе къ любимому племяннику, котораго считалъ неспособнымъ нарушить когда либо долгъ вѣрности и благодарности Россіи. Такое довѣріе исключало въ глазахъ Русскаго Императора необходимость какихъ либо матеріальныхъ ручательствъ и принцъ Баттенбергскій тщательно поддерживалъ Державнаго Дядю въ такомъ расположеніи, расточая ему увѣренія въ своей преданности и признательности. При этихъ условіяхъ ему небольшого труда стоило достигнуть отозванія полковника Шепелева и замѣны генерала Паренсова генераломъ Эрнротомъ въ должности военнаго министра, а также согласія императорскаго кабинета на первое распушеніе собранія. На бѣду князя, г. Давыдовъ, быть можетъ убѣдивъ

шійся въ невозможности для консерваторовъ заручиться большинствомъ въ собраніи, самъ просилъ объ отозваніи своемъ изъ Софіи. Преемникомъ ему назначенъ былъ въ январѣ 1880 года А. М. Кумани.

Новый дипломатическій агентъ взглянулъ на дѣло иными глазами, чѣмъ его предшественникъ. Отъ проникательности его не укрылись враждебныя Россіи интриги „тріумвирата“. Онъ скоро убѣдился, что съ русской точки зрѣнія важно не то, которая изъ двухъ болгарскихъ партій „благонадежныѣ“ въ смыслѣ внутренней политики, а то, какъ онѣ относятся къ Россіи, къ законному ея воздѣйствію на судьбы Болгаріи и Востока? Болгарскіе народники, отстаивая принципъ національной самобытности, въ то же время признавали великія услуги, уже оказанныя ихъ отечеству Россією, понимали, что и въ будуіщемъ осуществленіе народныхъ вождельній зависятъ отъ благорасположенія державы-освободительницы. Консерваторы же тяготѣли къ Западу и отъ него ожидали всякихъ благъ, прежде всего — удовлетворенія личныхъ своихъ выгодъ. Поэтому вполне понятнымъ является сближеніе дѣятелей народной партіи съ русскимъ дипломатическимъ агентствомъ со времени перехода его въ завѣдываніе г. Кумани.

Къ несчастію, такой оборотъ не возстановилъ согласія между мѣстными русскими дѣятелями въ воззрѣніяхъ ихъ на положеніе дѣлъ въ Болгаріи. Въ то время, какъ дипломатическій агентъ переходилъ на сторону народниковъ, „тріумвиратъ“ пріобрѣталъ ревностнаго радѣтеля въ лицѣ новаго военнаго министра, генерала Эрнрота. Генералъ находилъ какъ самъ признается, что „представители такъ называемой консервативной партіи, Стоиловъ, Грековъ, Начевичъ и пр. нисколько не болѣе враждебны къ Россіи, чѣмъ корифеи такъ называемой народной или либеральной партіи“, а что „форма правленія, сочиненная тырновскими законодателями, со всемогущимъ собраніемъ, съ игрою въ парламентаризмъ и пр., была мало пригодною для Болгаріи“¹⁾. Слова эти достаточно

¹⁾ Письма генерала Эрнрота генералу Соболеву отъ 15 (27) сентября и редактору „Русской Старини“ отъ 17 (29) сентября 1886 года („Русск. Ст.“, ноябрь, 1886 г., стр. 475 и слѣд.).

ясно опредѣляютъ отношенія генерала какъ къ князю, такъ и къ обѣимъ политическимъ партіямъ.

Либеральное министерство, дѣйствуя въ полномъ согласіи съ народнымъ собраніемъ, съ первыхъ дней вступленія въ должность, искало придать самостоятельное направленіе какъ внутренней, такъ и внѣшней политикѣ княжества. Министръ финансовъ Каравеловъ настоялъ на удаленіи специалиста-француза, приглашеннаго предшесднимъ кабинетомъ для за-вѣдыванія финансами. Предсѣдатель совѣта министровъ Цанковъ пытался противо-дѣйствовать притязаніямъ Австріи на преобладаніе въ средѣ дунайской комиссіи. Это послужило поводомъ къ его паденію. Князь нашелъ, что Цанковъ обнаружилъ въ отношеніи къ вѣнскому двору двусмысленное поведеніе и, ссылаясь на свидѣтельство представителей Россіи ¹⁾ и Германіи, потребовалъ его отставки, такъ какъ дѣло-де идетъ объ охраненіи достоинства и репутаціи Болгаріи ²⁾. 17 (29) декабря 1880 года Цанкова во главѣ прежняго министерства замѣнилъ Каравеловъ, а на слѣдующій день была закрыта сессія народнаго собранія.

Близкія отношенія свои къ русскому двору князь Александръ поддерживалъ частыми поѣздками въ Петербургъ. Такъ, въ февралѣ 1880 года онъ ѣздилъ для принесенія поздравленія Императору Александру Николаевичу по случаю двадцатипятилѣтней годовщины восшествія Его Величества на престолъ, а въ апрѣлѣ того же года—для присутствованія на похоронахъ Императрицы Маріи Александровны. Въ этотъ разъ онъ исходатайствовалъ отозваніе изъ Софіи ненавистнаго ему г. Кумани. Третья поѣздка въ Петербургъ состоялась въ мартѣ 1881 года—для отданія послѣдняго долга памяти Царственнаго Освободителя Болгаріи.

Князь возвратился изъ Россіи въ Софію 16 (28) апрѣля, а 27 того же мѣсяца (9 мая н. ст.) совершилъ свой государственный переворотъ, главнымъ дѣятелемъ въ которомъ явился генералъ Эрпротъ. По свидѣтельству генерала, князь не передавалъ ему какихъ либо указаній изъ Петербурга. Приня-

¹⁾ Точнѣе, секретаря г. Лишина, по отозваніи г. Кумани, временно управлявшаго агентствомъ.

²⁾ Князь Александръ—Каравелову, 17 (29) декабря 1880 г.

тыя военнымъ министромъ мѣры были приняты по собственному его почину и русскіе офицеры безпрекословно исполнили полученныя отъ него приказанія. Русское агентство, которымъ временно управлялъ г. Липинъ, заблаговременно отписало о готовящемся переворотѣ въ Петербургѣ, „гдѣ, повидимому, не особенно этимъ интересовались“, непосредственныхъ же сношеній по политическимъ дѣламъ генераль съ министерствами въ Петербургѣ не поддерживалъ и не былъ даже снабженъ потребнымъ для сего шифромъ. „Заботясь прежде всего,“ — продолжаю собственными его словами, — „о сохраненіи моихъ намѣреній въ тайнѣ, пока не наступила пора дѣйствовать, я не призналъ удобнымъ о нихъ сообщать посредствомъ дипломатическаго агентства въ Софіи и имѣлъ на это свои основанія“¹⁾.

„О событіяхъ въ Софіи 27 апрѣля 1881 года“, — повѣствуетъ далѣе генераль Эрнротъ, — „телеграфъ передалъ въ одно и то же время во всѣ стороны свѣта. Въ Петербургѣ могли отнестись къ принятому княземъ Александромъ рѣшенію неодобрительно, индифферентно, наконецъ одобрительно. Полученная шесть дней спустя въ Софіи депеша изъ Петербурга разрѣшила сомнѣнія; въ ней было выражено, между прочимъ, довѣріе ко мнѣ лично. Прибывшій тогда же новый дипломатическій агентъ г. Хитрово долженъ былъ своими поступками на первыхъ же порахъ разсѣять всякую возможность сомнѣній на этотъ счетъ. Мѣсяць съ небольшимъ спустя, князю пожалована александровская лента“. Наконецъ генераль сообщаетъ, что, по оставленіи имъ болгарской службы и по возвращеніи въ Петербургъ, онъ „ни отъ кого изъ власть имѣвшихъ не слыхалъ неодобренія своихъ дѣйствій“²⁾.

Сужденіе, высказанное главнымъ участникомъ въ болгарскомъ переворотѣ 27 апрѣля 1881 года объ отношеніяхъ императорскаго кабинета къ этому перевороту, не вполне согласуется съ мнѣніемъ, официально заявленнымъ въ потѣ нашего дипломатическаго агентства министру иностранныхъ дѣлъ княжества. Привожу цѣликомъ этотъ важный историче-

¹⁾ То же письмо генерала Эрнрота къ генералу Соболеву. („Русская Старина“, ноябрь, 1886 года, стр. 477).

²⁾ То же письмо.

скій документъ, хотя и обнародованный въ „Державномъ Вѣстникѣ“, но, насколько мнѣ извѣстно, еще не оглашенный въ русской печати:

„Императорскій кабинетъ соблюдалъ сдержанность въ болгарскомъ вопросѣ изъ уваженія къ независимости князя и націи. Эта сдержанность была эксплуатирована агитаторами въ смыслѣ порицанія, а потому онъ долгомъ считаетъ установить, что избранный и Европою утвержденный князь есть залогъ настоящаго благополучія Болгаріи. Императорскій кабинетъ питаетъ довѣріе къ его чувствамъ, къ желанію его исполнить миссію, торжественно на себя принятую. Если князь объявилъ, что не находитъ возможнымъ нести отвѣтственность за положеніе, грозящее опасностью будущему страны, и воззвалъ къ націи, то онъ, конечно, повиновался голосу своей совѣсти, съ твердымъ намѣреніемъ посвятить себя благополучію Болгаріи. Императорскій кабинетъ желаетъ, чтобы болгарскій народъ поддержалъ свою неразрывную связь съ княземъ и отвергнулъ увлеченія опасныхъ агитаторовъ, ищущихъ возмутить это согласіе“¹⁾.

VI.

Тырновская конституція. — Русская дипломатія поддерживаетъ князя Александра. — Назначеніе агентомъ въ Софію г. Хитрово. — Несогласіе его съ княземъ.

Совершенный 27 апрѣля 1881 года княземъ Александромъ государственный переворотъ состоялъ, какъ извѣстно, въ приостановленіи дѣйствія конституціи и въ присвоеніи княземъ чрезвычайныхъ полномочій на семилѣтній срокъ, въ продолженіе котораго основной законъ страны имѣлъ быть пересмотрѣнъ и измѣненъ въ смыслѣ усиленія власти князя на-счетъ правъ народнаго представительства.

Сама по себѣ тырновская конституція, конечно, была далека отъ совершенства, и если разсматривать ее съ точки зрѣнія государственнаго права, то нельзя ее не признать оди-

¹⁾ Нота русскаго дипломатическаго агентства въ Софіи, напечатанная въ „Державномъ Вѣстникѣ“ княжества отъ 30 мая (11 іюня) 1881 года.

наково несоотвѣтствующею требованіямъ какъ науки, такъ и практики. Всѣ ея постановленія отличались необузданнымъ радикально-демократическимъ характеромъ и ставили исполнительную власть въ полную зависимость отъ единого собранія, избраннаго всеобщимъ голосованіемъ. Но въ этомъ-то и заключалось ея преимущество съ нашей русской точки зрѣнія. Рѣшающее вліяніе народнаго собранія представлялось ручательствомъ въ томъ, что нѣмецъ-князь не увлечетъ Болгарію на путь единенія съ Западомъ и полнаго отчужденія отъ единовѣрной и единоплеменной Россіи. Отстаивая болгарскую самобытность, представители народа тѣмъ самымъ поддерживали духовную связь Болгаріи съ державою-освободительницею.

Все это прекрасно понимали западныя державы, въ особенности наиболѣе заинтересованная въ дѣлѣ Австро-Венгерія, постоянно поощрявшая князя Александра въ его стремленіяхъ расширить кругъ предоставленной ему конституціею власти. Въ томъ же духѣ вліяли на него и болгарскіе консерваторы, которые однимъ ударомъ думали обезсилить своихъ политическихъ соперниковъ — либеральную партію и заслужить благоволеніе повровителей въ Вѣнѣ и Пештѣ. Нечего и говорить, что самъ князь только и мечталъ о томъ, какъ бы высвободиться изъ-подъ конституціонныхъ стѣсненій, лишившихъ его возможности промышлять о личныхъ своихъ выгодахъ.

Русская дипломатія, по обыкновенію, взглянула на вопросъ съ отвлеченной высоты: въ народникахъ она видѣла не защитниковъ болгарской самобытности, а политическихъ радикаловъ, въ консерваторахъ — не клеветовъ Запада, а поборниковъ монархическаго и охранительнаго началъ, въ князѣ — не инородца и иновѣрца, чуждаго славянскимъ чувствамъ своего народа, а представителя принципа верховной власти. О необходимости измѣненія въ конституціи доносилъ изъ Софіи въ Петербургъ оставшійся, по отъѣздѣ г. Кумани, управлять дипломатическимъ агентствомъ секретарь Лишинъ, вполнѣ подпавшій обаянію князя Александра и внушеніямъ „тріумвирата“. Въ одинаковомъ смыслѣ высказывались и послы наши въ Вѣнѣ и Константинополѣ, не скрывавшіе отвращенія своего къ порядкамъ, узаконеннымъ въ Болгаріи конституціею. Замѣчательно, что въ эту пору взгляды дипломатіи раздѣлялись

отчасти русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, сочувственно расположеннымъ къ молодому болгарскому князю. Катковъ открыто поддерживалъ его въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а Аксаковъ вступилъ съ нимъ даже въ переписку, преподавая наставленія, какъ долженъ онъ поступать, чтобы „содѣлать Болгарію сильною и счастливою“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Иванъ Сергѣевичъ рекомендовалъ ему, какъ обще-славянскій государственный идеалъ, „мѣстное самоуправленіе безъ малѣйшаго политическаго значенія, поддержанное и увѣнчанное высшею и центральною властью, совершенно откровенною и свободною въ кругу правительственной дѣятельности“¹⁾.

Не взирая, однако, на всѣ эти благопріятныя условія, князь Александръ долго не могъ добиться въ Петербургѣ согласія на насильственное измѣненіе конституціи. Покойный Государь отказалъ ему въ немъ при послѣднемъ свиданіи въ апрѣлѣ 1880 года. Годъ спустя, при посѣщеніи русской столицы для присутствованія при погребеніи Императора Александра Николаевича, князь не преминулъ возобновить свое ходатайство и, если вѣрить свидѣтельству пастора Коха, попрежнему безъ успѣха. Переворотъ совершенъ былъ имъ на свой страхъ, что явствуетъ и изъ приводимыхъ Кохомъ слѣдующихъ словъ письма его къ Государю Императору: „Если Ваше Величество не одобряете моего поступка, то достаточно одного слова, чтобы побудить меня покинуть мою страну. Отдаю судьбу мою въ ваши руки“²⁾.

Но если Россія не была соучастницею князя Александра въ переворотѣ, то, по совершеніи его, рѣшилась, какъ мы видѣли, поддержать въ Болгаріи поволебленный авторитетъ своего ставленника. И это было вполнѣ понятно. Князь не успѣлъ еще обнаружить своихъ коварныхъ замысловъ, двойственности политики своей по отношенію къ намъ. Онъ притворялся вѣрнымъ и усерднымъ слугою Государя, покорнымъ исполнителемъ его воли. Таковымъ выставляли его въ своихъ донесеніяхъ и большинство нашихъ дипломатическихъ представителей, и новый военный министръ генералъ Эрпротъ. Подъ

¹⁾ И. С. Аксаковъ князю Александру 30 іюля (11 августа) 1881 г.

²⁾ Adolf Koch: Fürst Alexander von Bulgarien. Стр. 92.

впечатлѣніемъ ихъ отзывовъ слагалось при нашемъ дворѣ представленіе о правителѣ Болгаріи и къ нему еще читали великодушное довѣріе, а потому вновь назначенному дипломатическимъ агентомъ въ Софіи М. А. Хитрово предписано было спѣшить къ своему посту и оказать князю полное содѣйствіе къ водворенію въ странѣ порядка на новыхъ основаніяхъ.

Я уже говорилъ, что ревностнымъ помощникомъ князя въ осуществленіи его предпріятія былъ генераль Эрнротъ. Въ самый день обнародованія княжескихъ воззваній къ болгарамъ, генералу было поручено составленіе новаго министерства, въ которомъ онъ сталъ предсѣдателемъ и министромъ военнымъ и внутреннихъ дѣлъ. Остальные портфели были распредѣлены между второстепенными болгарскими дѣятелями. Ни одинъ изъ членовъ тріумvirата не вступилъ въ министерство „переворота“, хотя всѣ они втайнѣ были его сторонниками. Этимъ достигалась двойная цѣль: во-первыхъ, болгарскіе консерваторы отстраняли отъ себя отвѣтственность за посягательство на народныя вольности и за нарушеніе основного закона страны; во-вторыхъ, предоставляя русскому министру и подвѣдомственнымъ ему русскимъ офицерамъ совершеніе рискованнаго и непопулярнаго дѣла, они вызывали непримиримую вражду къ Россіи въ жертвахъ „переворота“, болгарскихъ народникахъ, до того времени расположенныхъ дружить съ нами. Дѣйствительно, съ этого времени въ душу либераловъ запало подозрѣніе, что Россія замышляетъ порабощеніе Болгаріи и утвержденіе на развалинахъ ея свободы, собственнаго своего господства надъ Балканскимъ полуостровомъ, — подозрѣніе, усердно распалаемое вѣковыми и непримиримыми врагами славянства, излюбленный пріемъ которыхъ — сѣять смуты и раздоръ между единоплеменниками. Бѣжавшій въ Восточную Румелію Каравеловъ началъ издавать тамъ газету «*Независимость*», въ которой впервые стали появляться грубыя и ожесточенныя нападки на Россію. Въ открытомъ письмѣ къ нашему дипломатическому агенту другой вожакъ народниковъ, Драганъ Цанковъ, нагло заявилъ, что Болгаріи не нужно-де „ни русскаго меда, ни русскаго жала“.

Исполняя наставленія, полученныя изъ Петербурга, г. Хитрово сопровождалъ князя въ его поѣздкахъ по Болгаріи и

присутствіемъ своимъ свидѣтельствовалъ о полномъ согласіи его съ императорскимъ кабинетомъ. Вліяніе Россіи было еще очень сильно въ народѣ и не подлежитъ сомнѣнію, что ему въ особенности обязанъ князь успѣхомъ выборовъ въ Великое Собраніе, созванное въ Сістовѣ 1 (13) іюля 1881 года и въ первомъ же засѣданіи единогласно преподнесшее князю потребованныя имъ полномочія. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что народники вовсе не были представлены въ этомъ собраніи—первый и опасный для Болгаріи примѣръ устраненія изъ состава народныхъ представителей торжествующею партіею своихъ политическихъ противниковъ.

Въ тотъ же день министерство Эрнота подало въ отставку и самъ генераль покинулъ Болгарію. Въ новомъ кабинетѣ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ занялъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ бывшаго военного министра во время переворота, подполковникъ русской службы Ремлингень. Военнымъ министромъ назначенъ былъ русскій генераль Крыловъ. Сверхъ того, вошли въ министерство: чехъ Иричекъ—министромъ народного просвѣщенія, обрусѣлый болгаринъ Теохаровъ—министромъ юстиціи, наконецъ, одинъ изъ членовъ консервативнаго кружка Вулковичъ—министромъ иностранныхъ дѣлъ. Три вожака этого самаго кружка: Стойловъ, Начевичъ и Грековъ все еще не рѣшались вступить въ составъ кабинета.

Состоялось это лишь полгода спустя, т. е. въ январѣ 1882 года. Начевичъ замѣстилъ Ремлингена въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Грековъ—Теохарова въ министерствѣ юстиціи, Стойловъ снова занялъ постъ личнаго секретаря князя. Перемѣна эта заслуживаетъ вниманія, потому что ясно указываетъ на тактику триумвирата. Тяжелое и неблагоприятное дѣло организаціи переворота должно было быть сдѣлано русскими руками, но пожать плоды его консервативный кружокъ представлялъ себѣ. Привлеченіе руководителей ея къ власти немедленно отразилось на отношеніяхъ князя Александра къ русскимъ дѣятелямъ: дипломатическому агенту, военному министру, офицерамъ. Подъ предлогомъ обвиненій въ пригвсненіи жителей, князь позволилъ себѣ уволить отъ службы разомъ всѣхъ русскихъ офицеровъ Шумлянскаго коннаго полка. Вслѣдъ затѣмъ онъ собственною властью отрѣшилъ отъ долж-

ности генерала Крылова и поручилъ завѣдываніе военнымъ министерствомъ генералу Лѣсовому. Въ дѣлахъ внѣшней политики и въ частности въ желѣзно-дорожномъ вопросѣ, онъ сталъ видимо склоняться въ пользу Австріи. Обращеніе его съ г. Хитрово становилось все болѣе и болѣе холоднымъ, и скоро перешло въ открытую вражду. Наоборотъ, австро-венгерскій агентъ являлся на глазахъ у всѣхъ ближайшимъ и довѣреннымъ совѣтникомъ князя.

А между тѣмъ, въ странѣ росло народное неудовольствіе и устраненные отъ власти либералы снова приобрѣтали вліяніе на народъ. Повсемѣстно образовались такъ называемыя „либеральныя бюро“, производившія усиленную агитацію. Народники стали искать сближенія съ русскимъ дипломатическимъ агентствомъ. Вождя ихъ, Цанкова, князь и его консервативные министры сослали въ заточеніе во Враць, но это не только не уменьшило движенія, а скорѣе усилило его.

И князь, и „тріумвиратъ“ ясно видѣли, что имъ, не смотря на обширныя полномочія и неограниченную власть, не совладать съ общественнымъ мнѣніемъ, высказывавшимся противъ нихъ съ поразительною силою. Рѣшено было снова обратиться за помощью къ Россіи. Цѣлью путешествія, предпринятаго княземъ въ Петербургъ въ маѣ 1882 года, было прежде всего добиться отозванія г. Хитрово и награжденія генерала Лѣсового, въ столкновеніи Баттенберга съ нашимъ агентомъ придерживавшагося стороны перваго. Далѣе, князь имѣлъ намѣреніе испросить назначеніе русскихъ генераловъ на должности не только военнаго министра, но и министра внутреннихъ дѣлъ съ предсѣдательствомъ въ совѣтѣ, въ надеждѣ найти въ нихъ безгласныя и покорныя орудія какъ для проведенія въ странѣ собственныхъ видовъ, такъ и для возстановленія въ ней порядка и спокойствія. По мысли его и его совѣтниковъ, русскіе генералы, въ званіи болгарскихъ министровъ, должны были упрочить въ Болгаріи личное его положеніе во имя того вліянія, которымъ Россія пользовалась еще въ болгарскомъ народѣ, и освободиться самому изъ-подъ котораго давно уже было его завѣтною мечтою.

VII.

Русское министерство въ Болгаріи: генералы Соболевъ и баронъ Александръ Каульбарсъ. — Разладъ ихъ съ княземъ и болгарскими консерваторами. — Политическая программа генерала Соболева.

Князь Александръ имѣлъ, повидимому, много причинъ быть довольнымъ результатомъ поѣздки своей въ Россію лѣтомъ 1882 года. Уважено было ходатайство его не только объ отозваніи г. Хитрово изъ Софіи, но и о награжденіи орденомъ генерала Лѣсоваго. Удовлетворена просьба о назначеніи двухъ русскихъ генераловъ на должности болгарскихъ предсѣдателя совѣта министровъ и министра военнаго, и внушено имъ принять всѣ зависящія мѣры для возстановленія въ Болгаріи поколебленной власти князя. Въ тѣхъ же видахъ рѣшено не назначать преемника г. Хитрово и временное завѣдываніе дипломатическимъ агентствомъ въ Софіи поручить второстепенному чиновнику, молодому секретарю, г. Арсеньеву. При такихъ условіяхъ князь надѣялся возвратиться въ Болгарію какъ бы единственнымъ полномочнымъ выразителемъ воли и намѣреній Русскаго Царя. Въ этомъ смыслѣ было составлено имъ и отправлено изъ Петербурга предписаніе на имя управляющаго военнымъ министерствомъ генерала Лѣсоваго, съ предложеніемъ оповѣстить служащихъ въ Болгаріи русскихъ офицеровъ, что они отнынѣ обязаны повиновеніемъ одному князю и приказанія его должны исполнять какъ Высочайшія повелѣнія.

Личный выборъ князя Александра палъ на генераловъ Л. Н. Соболева и барона А. В. Каульбарса. Первый былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта и министромъ внутреннихъ дѣлъ, второй — военнымъ министромъ. Очевидно, князь рассчитывалъ найти въ нихъ безмолвныхъ и покорныхъ исполнителей своей воли, слѣпыя и безсознательныя орудія для приведенія въ дѣйствіе его своекорыстныхъ видовъ въ политикѣ какъ внѣшней, такъ и внутренней. Скоро онъ долженъ былъ убѣдиться, что жестоко ошибся въ расчетѣ.

Отправляясь въ Болгарію, оба русскіе генерала были про-

никнуты сознаниємъ важности и святости выпавшей на долю ихъ задачи: служить нагляднымъ выраженіемъ отеческой заботливости Русскаго Царя о счастіи и благоденствіи болгарскаго народа. Ставъ болгарскими министрами, они не перестали считать себя русскими государственными дѣятелями, вѣрными слугами и подданными своего Государя. По глубокому ихъ убѣжденію, между двумя этими призваніями не только не было ни малѣйшаго противорѣчія, но существовала тѣсная связь, обусловленная солидарностью политическихъ интересовъ Россіи и Болгаріи. Они твердо рѣшились высоко держать вѣренное ихъ рукамъ русское знамя въ странѣ, освобожденной русскою кровью. „Въ Болгарію“, — читаемъ въ письмѣ генерала Соболева къ генералу Эрнроту, — „я ѣхалъ съ желаніемъ установить въ ней законность и порядокъ“, и далѣе: „Моя дѣятельность была совершенно противоположна вашей дѣятельности“¹⁾. Баронъ Александръ Каульбарсъ былъ одушевленъ одинаковыми чувствами со своимъ старшимъ товарищемъ и во все время нахождения въ Болгаріи дѣйствовалъ съ нимъ заодно, въ полномъ единомысліи, проводя въ болгарской арміи начала строгой дисциплины и братскаго единенія съ русскою, уваженія къ представителямъ ея, русскимъ офицерамъ на болгарской службѣ.

Съ первыхъ дней пребыванія въ Софіи генераль Соболевъ былъ пораженъ яркимъ контрастомъ между дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ княжествѣ и тѣмъ, что отражалось въ рѣчахъ князя Александра и въ донесеніяхъ большинства русскихъ дипломатовъ. Немного времени потребовалось ему, чтобы разгадать истинный характеръ Баттенберга и признать въ немъ „великаго обманщика и врага всего русскаго“. „Власть и нажива“ — таковы были, по мѣткому опредѣленію генерала, исключительныя стремленія и князя, и его болгарскихъ сторонниковъ, членовъ пресловутаго триумвирата. А между тѣмъ, именно съ ними приходилось русскимъ министрамъ дѣйствовать сообща, такъ какъ въ состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ генерала Соболева кабинетѣ Наче-

¹⁾ Генераль Соболевъ генералу Эрнроту 15 (27) сентября 1886 г. („Русская Старина“, ноябрь, 1886 года, стр. 482).

вичъ былъ министромъ финансовъ, Грековъ — юстиціи, а вскорѣ и Стоиловъ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій. Эти господа заблаговременно озаботились выработкою избирательнаго закона, который долженъ былъ обезпечить консерваторамъ большинство въ народномъ собраніи и о которомъ генераль Соболевъ отзывается въ слѣдующихъ словахъ: „Система, придуманная клякой для овладѣнія Болгаріею, была геніальна. Была обдумана всякая мелочь и составленъ родъ заговора. Законъ о выборахъ былъ составленъ ловко. Примѣненіе закона было глубоко обдумано. Законъ былъ въ рукахъ лицъ, составлявшихъ консервативную кляку. Выборный законъ былъ составленъ при содѣйствіи Себастіани, француза, участвовавшаго въ знаменитомъ наполеоновскомъ переворотѣ 2-го декабря. Сей французъ судился впоследствии за мошенничество“¹⁾. Понятно, что въ избранное при помощи такого закона собраніе попали лишь покорные клеветы и слуги триумвировъ.

Разногласіе между русскими генералами съ одной стороны, княземъ и болгарскими министрами — съ другой, обнаружилось съ первыхъ же вопросовъ, подлежащихъ общему обсужденію. Князь и друзья его во внутреннихъ дѣлахъ беззапѣчливо искали поживиться на счетъ страны, въ дѣлахъ же вѣшнихъ, тѣ же стремленія связывали съ предпочтеніемъ, оказываемымъ Австріи въ ущербъ интересамъ Россіи. Такъ было въ желѣзнодорожномъ вопросѣ, гдѣ они рѣшили дѣло въ пользу немедленнаго приступленія къ постройкѣ линіи Софія-Царибродъ-Вакарель, долженствовавшей соединить балканскія дороги съ австрійскою сѣтью, что было равносильно окончательному отказу отъ проведенія линіи Сисово-Софія, имѣвшей связать Болгарію съ Россіей. Зато русскимъ министрамъ удалось помѣшать образованію акціонернаго общества для возведенія казенныхъ построекъ, во главѣ котораго стояли вожаки консерваторовъ, рассчитывавшіе на щедрую правительственную субсидію; удалось также разстроить выкупъ варно-рушчувской желѣзной дороги на обременительныхъ

¹⁾ Примѣчанія генерала Соболева въ Запискѣ гг. Грекова, Начевича и Стоилова, марта 1883 г. („Русская Старина“, сентябрь, 1886 года).

для болгарской казны условіяхъ. Въ этихъ и другихъ сомнительныхъ спекуляціяхъ замѣшаны были не только триумвиры, но и самъ князь, а потому легко объяснить раздраженіе ихъ противъ нашихъ генераловъ, отказавшихся прикрывать русскимъ флагомъ ихъ грабежи и хищенія.

Но окончательный разрывъ между русскими министрами и триумвиратомъ произошелъ по поводу дѣла, затрогивавшаго высшіе нравственные интересы Россіи и самое ея достоинство. Исполняя постановленіе засѣдающаго въ Константинопольскомъ болгарскаго синода, состоявшееся подъ давленіемъ Порты во время послѣдней русско-турецкой войны, министръ исповѣданій Стоиловъ, вопреки приказанію министра-президента, отрѣшивъ софійскаго митрополита Мелетія отъ управленія епархіею, велѣлъ схватить его ночью и выслать подъ конвоемъ въ Рыльскій монастырь на заточеніе. Наглая выходка министра, считавшагося душою триумвирата, переполнила мѣру терпѣнія генерала Соболева. По требованію его, 3 (15) марта 1883 года Стоиловъ подалъ въ отставку. Грековъ и Начевичъ послѣдовали его примѣру.

„Увольненіе Начевича, Грекова и Стоилова“,—свидѣтельствуешь генераль Соболевъ,— „произвело большую радость въ странѣ. Даже князь не ожидалъ: радость мѣстами перешла въ восторгъ. Посыпались поздравительныя телеграммы, высланы депутаціи, лично благодарившія князя за перемѣны. Представители народной партіи, именовавшіе себя либералами, отъ неожиданной для нихъ радости не знали, что предпринять, и рѣшились слѣпо вѣрить мнѣ и исполнять мои совѣты. Я совѣтовалъ имъ сохранять полное спокойствіе и выжидать развитія событій, которыя, замѣтилъ я, будутъ въ пользу установленія въ странѣ законнаго порядка, нарушеннаго 1 іюля 1881 года. Я предвидѣлъ, что главари партіи „эксплоатаціи Болгаріи“, называвшіе себя консерваторами, начнутъ политическую интригу, и я ожидалъ, что они себя скомпрометируютъ“^{*)}.

И дѣйствительно, отрѣшенные отъ власти члены триумвирата представили князю пространную записку, въ которой

*) Примѣчанія генерала Соболева (тамъ же, стр. 725).

горько жаловались на дѣйствія русскихъ генераловъ. Признавая спокойствіе, водворенное ими повсемѣстно въ странѣ, они называли его лишь кажущимся, увѣряли, что въ народѣ распространилось подозрѣніе, не намѣрены ли генералы подготовить присоединеніе Болгаріи къ Россіи, обращеніе ее въ русскую область на подобіе Туркестана? Къ такому же результату приведетъ-де введеніе въ странѣ русскаго управленія. Во всякомъ случаѣ оно подорветъ въ народѣ авторитетъ князя, послужитъ въ осужденіе апрѣльскому перевороту. Этимъ воспользуется либеральная партія, чтобы возвратить себѣ власть и возстановить тырновскую конституцію. Положеніе князя сдѣлается тогда невыносимымъ и ему придется „ограничиться скромною ролью монарха, который царствуетъ, но не управляетъ“. Въ предупрежденіе этой опасности слѣдуетъ тотчасъ же принять самыя энергическія мѣры: или, созвавъ народное собраніе, вызвать столкновеніе между нимъ и русскими генералами, или убѣдить русское правительство въ необходимости отозвать ихъ изъ Болгаріи. „Такимъ образомъ“, — заключала записка, — „кризисъ разрѣшится благополучно и дѣла снова пойдутъ своимъ порядкомъ“¹⁾.

Князь не считалъ удобнымъ дѣйствовать немедленно согласно совѣтамъ своихъ друзей. Черезъ два мѣсяца имѣло совершиться въ Москвѣ торжество коронаціи, при которомъ онъ долженъ былъ присутствовать. Онъ общалъ триумвирамъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отдѣлаться отъ русскихъ министровъ. Опытъ прошлаго поддерживалъ въ немъ увѣренность въ успѣхѣ.

Между тѣмъ, по выходѣ изъ министерства трехъ болгаръ, власть всецѣло перешла въ руки русскихъ генераловъ, и не только власть, но и вліяніе на общественное мнѣніе страны. Какъ это случилось—ясно видно изъ слѣдующихъ объясненій Л. Н. Соболева: „Вожаки консерваторовъ полагали, что я и Каульбарсъ будемъ принуждены держаться цѣлей ихъ партіи, ибо держаться направленія противной имъ народной партіи, по ихъ мнѣнію, было для насъ опасно. Ознакомившись съ

¹⁾ Записка триумвировъ напечатана въ русскомъ переводѣ въ „Русской Старинѣ“ сентябрь, 1886 года, стр. 724 и слѣд.

дѣлами княжества и убѣдившись, что въ Болгаріи существуютъ двѣ партіи: эксплуататоровъ и народная, мы рѣшились вывести на свѣжую воду обѣ партіи. Мы довели первую партію до того, что вожаки ея забылись; народная же партія довѣрилась намъ... Само собою разумѣется, у насъ и въ мысляхъ не было обращать княжество въ русскую провинцію. Мы намѣревались передать власть въ руки народной партіи, понимавшей необходимость идти вмѣстѣ съ Россіей, а не оставлять ее въ рукахъ партіи, желавшей обратить Болгарію, подобно Сербіи, въ провинцію Австріи¹⁾.

При всемъ уваженіи своемъ къ началу самостоятельности Болгаріи, генераль Соболевъ сознавалъ, однако, ненадежность однихъ *нравственныхъ* связей между нею и Россією, такихъ связей, которыя, „при господствѣ неблагодарности въ политикѣ, порывались легко“. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что „надлежало сдѣлать нѣсколько матеріальныхъ узелковъ“¹⁾. Что онъ разумѣлъ подъ *матеріальными узелками*, явствуетъ изъ нѣкоторыхъ мѣръ, проведенныхъ имъ въ кратковременное, почти единоличное управленіе княжествомъ. По его предложенію, болгарскій совѣтъ министровъ постановилъ перевести въ Россію и хранить въ одномъ изъ нашихъ кредитныхъ установленій десятимилліонный запасный фондъ княжества, и не его вина, если, по наущеніямъ вѣнскаго двора, князь Александръ отмѣнилъ въ послѣдствіи это постановленіе. Онъ же настоялъ на признаніи Болгарією долга ея Россіи за оккупацию 1878—79 годовъ, сумма коего была опредѣлена въ 25 милліоновъ франковъ, причемъ Болгарія обязалась вносить намъ ежегодно въ продолженіе двѣнадцати съ половиной лѣтъ по два милліона. По мысли генерала, деньги эти должны были оставаться въ Болгаріи и расходоваться тамъ на поддержаніе такихъ предприятий, цѣлью коихъ было бы скрѣпленіе родственныхъ узъ, связывающихъ страну эту съ Россіей. На эти средства предполагалось, между прочимъ, устроить въ Болгаріи русскіе женскіе институты, поставленные подъ покровительство Государыни Императрицы, основать и поддерживать газеты, отстаивающія начало русско-болгарской солидарности, выдавать пре-

¹⁾ Примѣчанія генерала Соболева (тамъ же. стр. 725).

ми за ученые и литературныя сочиненія въ томъ же духѣ, а также за переводы на болгарскій языкъ образцовыхъ русскихъ писателей, выплачивать дополнительное жалованье русскимъ офицерамъ на болгарской службѣ и учителямъ русскаго языка въ болгарскихъ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, давать субсидіи русскимъ желѣзнодорожнымъ или пароходнымъ обществамъ, которыя пожелали бы распространить свою дѣятельность на Болгарію, и т. п. Есть основаніе думать, что генералъ имѣлъ въ виду еще инныя гарантіи, чисто политическаго свойства, осуществленіе коихъ служило бы надежнымъ ручательствомъ въ томъ, что Болгарія ни въ какомъ случаѣ не уклонится впредь съ пути, указываемаго ей столько же признательностью къ Россіи, сколько и вѣрнымъ пониманіемъ собственныхъ пользъ и нуждъ. При существованіи означенныхъ гарантій самый вопросъ о личныхъ предпочтеніяхъ князя становился бы вопросомъ второстепеннымъ и не могъ бы уже вліять на характеръ взаимныхъ отношеній Россіи и Болгаріи.

Такимъ образомъ, неудержимая сила событій приводила насъ къ занятію въ Болгаріи того положенія, которое приличествовало нашему призванію, какъ великой міровой державы, и отвѣчало тяжелымъ жертвамъ, принесеннымъ нами дѣлу освобожденія болгаръ. Князь Александръ и его болгарскіе клеветы уловились въ собственныхъ сѣтяхъ и задуманная ими интрига обратилась противъ нихъ самихъ. Русскіе генералы, долженствовавшіе, по мнѣнію ихъ, упрочить въ странѣ господство князя и его сторонниковъ, проникнувъ ихъ козни, явились въ ней орудіемъ возстановленія законнаго преобладанія Россіи и непосредственнаго воздѣйствія ея на судьбы народа болгарскаго. Съ результатомъ этимъ естественно не могъ примириться Баттенбергъ и, отправляясь въ маѣ 1883 года въ Москву на коронацію, рѣшился противодѣйствовать ему всѣми силами.

VIII.

Князь Александръ на коронаціи въ Москвѣ. — Отравленіе г. Ионина въ Болгарію съ чрезвычайнымъ порученіемъ. — Паденіе русскаго министерства. — Возстановленіе тырновской конституціи. — Русское дѣло въ Болгаріи въ рукахъ дипломатіи.

Князь Александръ ѣхалъ въ Россію на коронацію кружною дорогою. Путь его лежалъ на Константинополь, Іерусалимъ, Аѳины, Цетинье, Дармштадтъ и чрезъ Берлинъ и Варшаву прямо въ Москву. Туда же прибылъ въ одинъ день съ нимъ, чрезъ Петербургъ, генераль Собольевъ.

Въ Москвѣ князь не тотчасъ же заявилъ о неудовольствіи на своего министра-президента. Ему нужна была поддержка генерала, чтобы, по случаю коронаціоннаго торжества, испросить себѣ разныя почетныя награды и щедрныя милости. Лишь по достиженіи этой цѣли онъ выступилъ съ жалобами на русскіхъ министровъ. Поводомъ послужило ему то обстоятельство, что въ Россію прибыли двѣ болгарскія депутаціи: одна отъ народнаго собранія, состоявшая изъ однихъ консерваторовъ, и другая отъ софійской городской общины—изъ сторонниковъ противной партіи, народниковъ, исконныхъ приверженцевъ Россіи. Князь не хотѣлъ допускать до высочайшаго приѣма софійцовъ, за которыхъ ходатайствовалъ генераль Собольевъ. Тогда-то онъ началъ предъявлять противъ генерала обвиненія, въ смыслѣ приведенной въ предшедшей главѣ записки триумвировъ. Требованіе объ его отозваніи, онъ, согласно обычному приѣму, мотивировалъ тѣмъ, будто оба русскіе министра надменнымъ поведеніемъ раздражили національное самолюбіе болгаръ всѣхъ партій, и что дальнѣйшее ихъ пребываніе въ странѣ грозитъ подрвать сочувствіе и преданность Россіи болгарскаго народа. Онъ просилъ о присылкѣ въ Болгарію, чтобы разсудить его съ генералами, довѣреннаго лица и указывалъ на генерала Эрнота, какъ на человѣка, вполне подходящаго для исполненія таковаго порученія. Не дождавшись рѣшенія, онъ уѣхалъ изъ Москвы и отправился чрезъ Берлинъ въ Ишль, лѣтнее мѣстопробываніе императора австрійскаго.

Генеральъ Соболевъ не остался въ долгу у князя и со смѣлою откровенностью изложилъ свой взглядъ на его личный характеръ и политику. Со взглядомъ этимъ я уже ознакомилъ читателей. Сужденіе свое генеральъ подерѣшилъ неопровержимыми доказательствами. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ подробно изложилъ извѣстную намъ политическую свою программу, удостоившуюся высочайшаго одобренія. Какъ средство для ея осуществленія, онъ предложилъ возвращеніе Болгаріи къ конституціонному порядку, но не путемъ восстановленія тырновской конституціи, а посредствомъ выработки новаго основнаго закона, которымъ власти князя обезпечивался бы надлежащій просторъ и въ то же время ограждались бы права народнаго представительства. Князю сообщили, что отправленіе въ Софію генерала Эрнрота признано несоотвѣтствующимъ настоящему положенію дѣлъ, а что съ чрезвычайнымъ порученіемъ посланъ будетъ туда дипломатъ, А. С. Юнинъ. Чиновнику этому, снабженному обширными полномочіями, предписывалось тщательно изучить политическое состояніе Болгаріи и оказать русскимъ министрамъ-генераламъ дѣятельную поддержку въ приведеніи въ исполненіе Соболевской программы.

Въ началѣ августа возвратился въ Софію князь Александръ и недѣлею позже — генеральъ Соболевъ. 20 того же мѣсяца (1 сентября нов. ст.), прибылъ туда и г. Юнинъ. Послѣ продолжительныхъ и бурныхъ совѣщаній съ русскими министрами и чрезвычайнымъ уполномоченнымъ императорскаго кабинета, князь 30 августа (11 сентября) издалъ воззваніе, которымъ объявлялъ о назначеніи комиссіи „изъ лучшихъ и почтеннѣйшихъ людей княжества, безъ различія политическихъ убѣжденій“, съ тѣмъ, чтобы она, подѣ личнымъ предсѣтательствомъ князя, выработала проектъ новой конституціи, который имѣлъ быть представленъ на утвержденіе Великаго Собранія. Но, соглашаясь явно на предложеніе своихъ министровъ, князь втайнѣ готовилъ ихъ паденіе.

Орудіемъ ему для достиженія этой цѣли должна была послужить палата, созванная имъ еще до возвращенія изъ Россіи генерала Соболева на 4 (16) сентября. Я уже говорилъ, что на общихъ выборахъ, происходившихъ въ концѣ 1882 года, въ нее были избраны, подѣ давленіемъ триумвирата, бывшаго

тогда у власти, исключительно члены консервативной партіи. Она засѣдала съ декабря 1882 года по февраль 1883 года и довольно покорно приняла большую часть законовъ, внесенныхъ въ нее министерствомъ. Но въ продолженіе лѣта произведены были дополнительные выборы, и такъ какъ русскіе министры не стѣсняли ихъ свободы, то избранными на этотъ разъ оказались одни только народники. Такимъ образомъ созванное княземъ осенью 1883 года собраніе состояло уже изъ представителей обѣихъ политическихъ партій. Князь вступилъ съ ними въ дѣятельные переговоры, предложивъ консерваторамъ войти въ сдѣлку съ народниками, и обѣщавъ возстановить тырновскую конституцію въ полномъ ея объемѣ, если собраніе выскажетъ свое недовѣріе русскимъ министрамъ и тѣмъ вызоветъ ихъ отставку. Переговоры велись нѣсколько дней, разумѣется втайнѣ, во дворцѣ князя, при личномъ его участіи, и привели къ соглашенію. На другой день по открытіи собранія, 5 (17) сентября, оно едва ли не единогласно приняло адресъ на имя князя, коимъ просило его „возстановить тырновскую конституцію“. При этихъ условіяхъ русскіе министры не могли оставаться у власти и подали въ отставку. Князь поспѣшилъ принять ее, съ согласія г. Ионина, и воззваніемъ отъ 6 (18) сентября торжественно провозгласилъ возвращеніе къ старому конституціонному порядку.

Такъ пало единственное русское министерство въ Болгаріи, правившее страню немного болѣе года ¹⁾. Стоявшихъ во главѣ его генераловъ Соболева и барона Александра Каульбарса нельзя освободить отъ упрека во многихъ ошибкахъ, отчасти и послужившихъ причиною ихъ паденія. Самъ бывший министр-предсѣдатель признаетъ „крупнымъ промахомъ“ согласіе свое на насилувавшій народную волю избирательный законъ 1882 года и въ особенности на кругое примѣненіе его при общихъ выборахъ ²⁾. Я поставлю ему въ вину и то, что онъ, по окончательномъ разрывѣ съ тріумвиратомъ, не настоялъ на немедленномъ распущеніи собранія, составленнаго

¹⁾ Собственно ровно четырнадцать мѣсяцевъ, съ 5 (17) іюля 1882 года по 5 (17) сентября 1883 года.

²⁾ Примѣчанія генерала Соболева („Русская Старина“, сентябрь 1886 года стр. 734).

единственно изъ покорныхъ клеветовъ и слугъ гг. Стоилова, Начевича и Грекова; что онъ слишкомъ положился на увѣренія въ преданности народниковъ и понадѣялся на признательность за имъ же прекращенное гоненіе на нихъ; что, наконецъ, онъ дозволилъ князю предвосхитить у себя идею возстановленія въ странѣ конституціоннаго порядка и самъ не воспользовался ранѣе этимъ могучимъ орудіемъ, дабы сплотить вокругъ русскаго знамени всѣ политическія партіи. Мнѣ кажется, что онъ погрѣшилъ избыткомъ самонадѣянности съ одной стороны, и довѣрчивости — съ другой, двухъ, повидимому, противоположныхъ качествъ, которыя, однако, какъ-то уживаются въ нашемъ народномъ характерѣ.

Но, отмѣтивъ съ чистосердечною откровенностью то, что мнѣ представляется недостатками, присущими его системѣ управленія Болгаріею, я не могу не признать за генераломъ Соболевымъ выдающихся заслугъ на пользу русскаго дѣла въ этой странѣ. Если и не онъ первый разгадалъ личный характеръ Баттенберга и его политику, то, благодаря ему, истина впервые достигла подножія царскаго престола. „Когда я убѣдился“ — пишетъ онъ въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ генералу Эрнроту, — „что *чрезвычайныя полномочія* употребляются во вредъ Болгаріи и Россіи; я выяснилъ нашему русскому правительству истинное положеніе дѣлъ *и мнѣ повѣрили*“¹⁾. Въ этомъ его несомнѣнная заслуга, обильная важными послѣдствіями. Онъ вполнѣ доказалъ, что князь Александръ не только не заслуживаетъ помощи и покровительства Россіи за тяготѣніе свое къ враждебнымъ намъ державамъ Запада, но и просто недостойнъ ихъ по нравственному убожеству, по лицемерію и лжи, вносимымъ имъ въ отношенія къ царственнымъ благодѣтелямъ. Мало того, генераль Соболевъ раскрылъ въ этомъ дѣлѣ глаза и русскому общественному мнѣнію, которое въ первый разъ узнало изъ основанной имъ газеты «*Балканъ*» и изъ писемъ въ «*Новое Время*» г. Молчанова, какъ въ дѣйствительности относится къ Россіи ея ставленникъ въ Болгаріи.

¹⁾ Генераль Соболевъ генералу Эрнроту 15 (27) сентября 1886 г. („Русская Старина“, ноябрь 1886 г., стр. 482).

Но главная, въ полномъ смыслѣ слова *историческая*, заслуга генерала Соболева заключается въ формулированіи такой политической программы, въ которой утверждается необходимость для насъ обставить наше традиціонное вліяніе въ Болгаріи надежными *матеріальными* гарантіями. Сами эти гарантіи, какъ ихъ понималъ генераль, представляются вполнѣ цѣлесообразными, вѣрно соображенными съ нашими государственными интересами и даже съ возможностью исполненія. Если тѣмъ не менѣе онъ не успѣлъ осуществить свою программу на дѣлѣ, то едва ли справедливо упрекать его за это. Въ столь сложномъ и трудномъ предпріятіи успѣхъ могъ быть достигнутъ лишь подъ условіемъ искренней, сочувственной и энергической поддержки со стороны русской дипломатіи.

Отъ начала и до конца своей дѣятельности въ Болгаріи генераль Соболевъ былъ лишень этой поддержки. Временно завѣдывавшій агентствомъ нашимъ въ Софіи г. Арсеньевъ не только не оказывалъ содѣйствія русскимъ министрамъ, но и прямо противодѣйствовалъ имъ, подчиняясь вліянію князя Александра, болгарскихъ тріумфировъ и товарищей своихъ, представителей иностранныхъ державъ. Донесенія его въ Петербургъ противорѣчили отзывамъ генерала Соболева, а подпись его встрѣчается на протестахъ, съ которыми мѣстные дипломатическіе агенты обращались сообща, подъ разными вздорными предлогами, къ ненавистнымъ имъ русскимъ правителямъ княжества. Столь же неблагопріятно относились въ генераламъ-министрамъ послы наши при главныхъ европейскихъ дворахъ. Само министерство иностранныхъ дѣлъ не сразу повѣрило объясненіямъ генерала Соболева. На одномъ изъ совѣщаній, происходившихъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1883 года, между нимъ и г. Юнинымъ, имѣвшимъ отправиться въ Софію именно для поддержанія его въ несогласіяхъ съ Баттенбергомъ, дипломатъ этотъ воскликнулъ: „Это еще вопросъ, кто изъ васъ правъ: князь или вы“. Сомнѣніе, повидимому, не вполнѣ покинуло г. Юнина и въ Софіи, гдѣ онъ самимъ генераламъ совѣтовалъ удалиться, а князю Александру выразилъ согласіе на принятіе ихъ отставки.

Разладъ между нашимъ военнымъ и дипломатическимъ дѣятелями не могъ укрыться отъ пытливыхъ глазъ болгаръ.

Что же удивительнаго въ томъ, если они предпочли уклониться отъ соглашенія съ ними и перейти на сторону князя, призывавшаго объ партіи къ единенію, на почвѣ національной самостоятельности Болгаріи? Дѣло могло принять иной оборотъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы русскіе люди дѣйствовали дружно и шли неуклонно къ достиженію одной и той же цѣли.

Но та цѣль, что преслѣдовалась представителями русской арміи, живая органическая связь Болгаріи съ Россіей, обеспеченная общностью политическихъ интересовъ и огражденная вещественными ручательствами,—цѣль эта была чужда и даже нежелательна русскимъ дипломатамъ. Она ставила ихъ въ противорѣчіе съ самими собою, съ постановленіями Берлинскаго трактата, скрѣпленными ихъ подписями. Трудно, даже невозможно, было согласовать ее и съ обязательствами, истекшими изъ тройственнаго союза, возобновеніе котораго совпало съ изложенными мною событіями. Вотъ, между прочимъ, почему дипломатія наша упустила случай прочно насадить русское вліяніе въ Болгаріи. Новое доказательство старой, но далеко еще не всѣми признанной истины, что не въ европейскихъ сочетаніяхъ, а только въ самой себѣ Россія должна искать и можетъ найти обезпеченіе жизненныхъ условій своего международнаго положенія. Благопріятныя же обстоятельства, которыми мы такъ легкомысленно пренебрегли, измѣнились съ тѣхъ поръ въ противоположномъ смыслѣ и, конечно, не возобновятся въ прежнемъ видѣ никогда.

Я не хочу этимъ сказать, что само по себѣ непосредственное управленіе Болгаріею чрезъ русскихъ министровъ являлось наилучшею комбинаціею съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ въ этой странѣ. Опытъ доказалъ ея несовершенство, а также неудобства, проистекающія отъ слишкомъ близкаго вмѣшательства во внутреннія дѣла княжества. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно на эти неудобства рассчитывалъ князь Александръ, приглашая къ себѣ въ министры русскихъ генераловъ, которые, какъ онъ надѣялся, сослужать ему полезную службу и привлекутъ къ нему сердца болгаръ, испугавъ ихъ въ то же время призракомъ порабощенія чужому правительству. Но разъ мы несли предъ Болгаріею и даже предъ всею

Европой невыгодныя послѣдствія такого положенія, то слѣдовало и воспользоваться имъ, дабы извлечь изъ него и существенную выгоду, съ тѣмъ, конечно, чтобъ, заручившись матеріальными гарантіями въ дѣлахъ политическихъ и военныхъ, возвратить болгарамъ полную свободу распоряжаться внутренними дѣлами своего отечества. Вотъ что хорошо сознавали наши министры-генералы и ихъ военное начальство, и чего никакъ не могла взять въ толкъ русская дипломатія.

IX.

Враждебныя Россіи выходки князя Александра.—Конвенція, опредѣляющая положеніе русскихъ офицеровъ въ болгарской арміи.—Назначеніе дипломатическимъ агентомъ г. Кояндера и болгарскимъ военнымъ министромъ князя Кантакузина.—
Внутреннее положеніе Болгаріи.—Образъ дѣйствій русскихъ дипломатовъ.

Съ удаленіемъ генерала Соболева и барона Александра Каульбарса, прекращается непосредственное воздѣйствіе русскаго военнаго элемента на судьбы Болгаріи и забота объ утвержденіи вліянія Россіи въ этой странѣ исключительно сосредоточивается въ рукахъ дипломатіи. Отмѣтимъ, что какъ разъ около этого времени, въ ближайшее завѣдываніе нашею восточною политикою, вступаетъ, въ качествѣ вновь назначеннаго начальника азіятскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, И. А. Зиновьевъ.

Послѣдствіемъ возстановленія тырновской конституціи было образованіе чисто болгарскаго парламентарнаго министерства, въ составъ коего вошли члены обѣихъ партій. Драганъ Цанковъ занялъ въ немъ мѣсто предсѣдателя и министра внутреннихъ дѣлъ, а члены консервативнаго кружка получили главнѣйшіе портфели: Стоиловъ—юстиціи, Начевичъ—финансовъ, Балабановъ—иностранныхъ дѣлъ. Грековъ сталъ предсѣдателемъ собранія. Военное министерство князь хотѣлъ было поручить русскому генералу Лѣсовому, носившему званіе его генералъ-адъютанта, но, уступивъ настояніямъ г. Ионина, ввѣрилъ временно также русскому полковнику Ридигеру.

Князю важно было воспользоваться случаемъ, чтобы подчинить болгарскую армію непосредственно себѣ и умалить въ

ней положеніе военнаго министра, права на назначеніе котораго онъ не смѣлъ еще оспаривать у Россіи. Съ этою цѣлью онъ предложилъ собранію отдѣлить строевую часть отъ административной и, оставивъ послѣднюю въ завѣдываніи военнаго министра, передать первую въ полное распоряженіе князя, какъ главнокомандующаго, и имъ самимъ избраннаго начальника штаба. Собраніе, признательное за возстановленіе конституціи, приняло это предложеніе въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій. Но въ Петербургѣ усмотрѣли, не безъ основанія, въ означенной мѣрѣ новое посягательство на преимуществва, признанныя за Россіей съ самаго основанія княжества. Князю дали знать, чтобы онъ пріостановился введеніемъ въ дѣйствіе постановленія собранія впредь до прибытія въ Софію флигель-адъютанта Государя, которому поручалось точнѣе опредѣлить, по соглашенію съ болгарскимъ правительствомъ, положеніе русскихъ офицеровъ, находящихся на болгарской службѣ.

Въ свою очередь князь рѣшилъ отправить въ Петербургъ министра иностранныхъ дѣлъ Балабанова съ объясненіями по тому же предмету. Съ нимъ послалъ онъ два письма на имя Государя Императора, въ одномъ, изложивъ взглядъ свой на политическое положеніе Болгаріи, въ другомъ — на военныя дѣла. Во второмъ письмѣ онъ защищалъ задуманную имъ и утвержденную собраніемъ мѣру раздѣленія военнаго министерства на двѣ части, ссылаясь на постановленія тырновской конституціи, провозгласившей князя верховнымъ вождемъ всѣхъ вооруженныхъ силъ страны; жаловался на прежнихъ русскихъ военныхъ министровъ, которые-де всѣ, за исключеніемъ генерала Эрнота, противорѣчили ему и вносили рознь въ армію, подрывая въ ней авторитетъ князя; объяснялъ рѣшеніе свое желаніемъ изгнать политику изъ арміи и возстановить въ ней свою поколебленную власть; обѣщалъ самымъ торжественнымъ образомъ, что командуемая имъ болгарская армія никогда не предприметъ чего либо противнаго интересамъ Россіи.

Едва успѣлъ болгарскій министръ доѣхать до русской столицы, какъ новое обстоятельство еще болѣе обострило отношенія нашего двора къ князю Александру. Во время кризиса, предшествовавшаго отставкѣ русскихъ министровъ, нѣ-

которые изъ русскихъ офицеровъ, служащихъ въ болгарскихъ войскахъ, и въ частности тѣ изъ нихъ, которые состояли при особѣ князя, позволили себѣ отказать въ повиновеніи военному министру и вообще заявить себя преданными сторонниками Баттенберга. Двумъ изъ нихъ послано было по телеграфу приказаніе немедленно возвратиться въ Россію съ тѣмъ, что, въ случаѣ неповиновенія, съ ними будетъ поступлено какъ съ дезертирами. Распоряженіе это привело князя Александра въ совершенное бѣшенство. Собравъ совѣтъ министровъ, онъ предложилъ ему бросить дерзкій вызовъ Россіи принятіемъ слѣдующихъ трехъ мѣръ: отчисленія всѣхъ русскихъ офицеровъ изъ княжеской свиты; вызова всѣхъ болгарскихъ офицеровъ, служащихъ въ русской арміи; отрѣшенія отъ завѣдыванія военнымъ министерствомъ полковника Ридигера, исполнившаго безпрекословно полученное изъ Петербурга распоряженіе. Цанковъ и его товарищи не задумались согласиться съ княземъ.

Такой вызывающій образъ дѣйствій болгарскаго правительства побудилъ нашъ дворъ посиѣшить разрѣшеніемъ общаго вопроса о положеніи русскихъ офицеровъ въ Болгаріи. Балабановъ телеграфировалъ изъ Петербурга Цанкову: „Я видѣлъ Гирса и говорилъ съ нимъ въ смыслѣ вашихъ послѣднихъ телеграммъ о недавнихъ тамошнихъ событіяхъ. Онъ того мнѣнія, что положеніе русскихъ офицеровъ должно быть опредѣлено, даже независимо отъ вопроса о личности военнаго министра. Онъ говорилъ, что они въ Болгаріи—инструкторы, но въ то же время продолжаютъ пользоваться въ Россіи правами. Гирсъ раздѣляетъ вашъ взглядъ на организацію конституціоннаго военнаго министерства. Я надѣюсь, что все окончится хорошо, лишь прошу дождаться адъютанта, который будетъ говорить съ княземъ и съ вами. Онъ привезетъ точныя инструкціи. Приказъ объ отчисленіи русскихъ офицеровъ отъ свиты произвелъ непріятное впечатлѣніе“.

Чрезвычайный посланный, возвѣщенный телеграммою Балабанова, былъ прибывшій въ Софію, въ концѣ октября 1883 года, нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ, флигель-адъютантъ баронъ Н. В. Каульбарсъ, братъ бывшаго военнаго министра. Онъ вручилъ князю въ *нѣмецкомъ переводѣ* Высочайше утвержденныя пра-

вила для служащихъ въ Болгаріи русскихъ офицеровъ, въ восьми статьяхъ, которыя съ придачею четырехъ дополнительныхъ статей вошли въ конвенцію, подписанную княземъ и барономъ Каульбарсомъ. Въ силу этого договора русскіе офицеры на болгарской службѣ признавались лишь инструкторами, срокъ пребыванія каждаго изъ нихъ въ болгарской арміи ограничивался тремя годами. Имъ воспрещалось вмѣшиваться во внутреннія дѣла княжества, участвовать въ политическихъ партіяхъ. Подчиняясь болгарскимъ военнымъ законамъ и властямъ въ служебныхъ дѣлахъ, они обязаны были безпрекословно повиноваться распоряженіямъ русскаго правительства, передаваемымъ имъ военнымъ министромъ, назначаемымъ изъ русскихъ генераловъ, по соглашенію русскаго правительства съ болгарскимъ. Послѣдній признавался законнымъ представителемъ русскихъ военно-служащихъ въ Болгаріи. И онъ, и всѣ русскіе офицеры и нижніе чины подчинялись, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, дипломатическому представителю Россіи, на общемъ основаніи.

Таковы были главныя условія соглашенія, состоявшагося между русскимъ дворомъ и болгарскимъ правительствомъ. Тотчасъ, по подписаніи договора, князь издалъ приказъ по арміи, въ которомъ, изложивъ основанія сдѣлки, снова утверждалъ, въ качествѣ верховнаго вождя болгарскихъ войскъ, право свое на ихъ безусловное повиновеніе. Тогда же, принимая депутацію отъ такъ называемыхъ областныхъ „либеральныхъ бюро“, явившуюся, чтобы увѣрить его въ преданности и признательности народной партіи за возвращеніе къ конституціонному порядку, онъ подтвердилъ намѣреніе свое пребыть вѣрнымъ тырновской конституціи въ полномъ ея объемѣ, какъ основному и ненарушимому закону страны. Со своей стороны собраніе приняло предложенныя княземъ измѣненія двухъ статей конституціи, впрочемъ не существенныя, и разошлось въ концѣ ноября.

Въ самый новый 1884 годъ консервативные министры вышли изъ состава кабинета и Цанковъ замѣнилъ ихъ своими единомышленниками изъ народной партіи. Въ январѣ уѣхалъ изъ Софіи г. Юнинъ и прибыли туда новый дипломатическій агентъ А. И. Кояндеръ и военный министръ генералъ-майоръ

князь М. А. Кантакузинъ. По возвращеніи князя изъ кратковременной поѣздки въ Германію, въ концѣ мая состоялись выборы въ распущенное по предложенію Цанкова собраніе, въ которомъ располагали большинствомъ консерваторы. Исходъ выборовъ былъ, однако, неблагопріятенъ Цанкову, такъ какъ избранными оказались въ подавляющемъ большинствѣ хотя и не консерваторы, но такіе народники, которые уже не признавали „дѣда“ вождемъ своимъ. Восторжествовало лѣвое крыло народной партіи, сплотившееся вокругъ возвратившагося изъ Восточной Румелии Каравелова, который съ молодыми друзьями, впервые появившимися на политической поверхности, Стамбуловымъ, Радославовымъ и др. сталъ въ открыто враждебное положеніе къ старому вожаку либераловъ, Цанкову. Въ самый день открытія собранія кабинетъ Цанкова вынужденъ былъ подать въ отставку и составленіе новаго министерства поручено Каравелову. Тотъ взялъ себѣ финансы съ предсѣдательствомъ въ совѣтѣ, юстицію поручилъ Радославову, а иностранныя дѣла — Цанову. Стамбуловъ занялъ въ собраніи предсѣдательское кресло.

Расколъ въ народной партіи и выдѣленіе изъ нея Цанкова и его немногочисленныхъ сторонниковъ—событіе весьма важное въ новѣйшей исторіи Болгаріи. Раздробленіе политическихъ партій необходимо усиливаетъ въ конституціонной странѣ зачатки смуты и раздора, колеблетъ и расшатываетъ государственный строй ея. Но неудобства эти обнаружались не сразу. Распущенное тотчасъ же, по образованіи новаго министерства, собраніе снова сошлось въ октябрѣ и засѣдало до конца февраля слѣдующаго 1885 года. Въ эту сессію народники провели весьма непріятную для князя мѣру: учрежденіе слѣдственной парламентской комиссіи для провѣрки правительственныхъ счетовъ за время чрезвычайныхъ полномочій. Другое замѣчательное постановленіе палаты — выдача концессій на сооруженіе желѣзнодорожной вѣтви отъ сербской до восточно-румелийской границы (Царибродъ-Софія-Вакарель) болгарскому обществу Груева и комп.

За исключеніемъ незначительныхъ беспорядковъ, происшедшихъ на границѣ Македоніи, въ княжествѣ господствовало полное спокойствіе и лѣтомъ 1885 г. князь могъ пред-

принять продолжительное путешествіе по Европѣ съ цѣлью присутствовать на свадьбѣ брата своего, принца Генриха, женившася на принцессѣ Беатрисѣ, любимой дочери королевы великобританской. Изъ Лондона князь отправился на манѣвры, происходившіе вокругъ Пильзена въ Богеміи, подъ личнымъ начальствомъ императора австрійскаго, посѣтилъ въ Франценсбадѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ и, возвратясь въ Болгарію въ концѣ августа, поселился во вновь устроенномъ имъ замѣѣ, на берегу моря, близъ Варны.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ ходъ событій въ княжествѣ въ двухлѣтній періодъ времени, съ сентября 1883 года по сентябрь 1885 года, попытаемся сдѣлать оцѣнку положенія Болгаріи въ тотъ же промежутокъ, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ въ этой странѣ.

Замѣтимъ прежде всего, что съ той именно минуты, когда князь Александръ задорно и отъкрыто разорвалъ съ Россіею, личное значеніе его въ Болгаріи усилилось и упрочилось. Устраненіемъ русскихъ генераловъ отъ власти онъ утвердилъ за собою расположеніе консервативнаго кружка, возстановленіемъ тырновской конституціи—примирилъ народную партію. Болѣе того: обѣ партіи въ первый разъ сплотились въ одномъ кабинетѣ во имя національной самобытности Болгаріи, подъ щитомъ и охраною князя. Комбинація эта, хотя просуществовала и недолго, но нельзя не признать въ ней поучительнаго примѣра и ключа къ уясненію многихъ явленій въ будущемъ.

Въ войскѣ не только окрѣпла власть князя, но возросъ и личный авторитетъ его, чѣмъ онъ, разумѣется, воспользовался для воздѣйствія на болгарскихъ офицеровъ въ смыслѣ, враждебномъ Россіи. Измѣненіе въ прежнихъ отношеніяхъ къ болгарской арміи служившихъ въ ней русскихъ офицеровъ, обращеніе ихъ въ простыхъ инструкторовъ было какъ нельзя болѣе на руку князю, такъ какъ разрывало товарищескую связь между офицерами русскими и болгарскими. Последніе видѣли въ первыхъ уже не старшихъ братьевъ, а какъ бы наемниковъ, и тѣмъ болѣе завидовали ихъ возвышенному жалованью и прочимъ служебнымъ преимуществамъ. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о нравственномъ вліяніи рус-

скихъ офицеровъ на болгарскихъ, духъ арміи становился все болѣе и болѣе національнымъ, даже злобнымъ по отношенію къ Россіи. Спрашивается: для чего продолжали мы содѣйствовать обученію и развитію такой арміи, на которую уже не должны болѣе рассчитывать, которая, въ распоряженіи нашего явнаго врага, могла быть обращена даже противъ насъ самихъ?

Русскіе офицеры перестали служить проводниками политическаго вліянія Россіи въ Болгаріи. Давно уже сошли со сцены прочіе русскіе дѣятели, занимавшіе въ началѣ мѣста въ другихъ отрасляхъ государственной службы, но которые, надо сознаться, въ бдльшей части случаевъ не оказались на высотѣ своего призванія. Русское дѣло въ княжествѣ оставалось въ рукахъ однихъ дипломатовъ. Какъ же смотрѣли они на него, въ чемъ полагали свою задачу?

Цѣлью своей дѣятельности дипломатія поставила устраненіе съ болгарскаго престола принца Баттенбергскаго. Такую постановку вопроса едва ли можно признать правильною и благоразумною. Конечно, князь Александръ выказалъ себя по отношенію къ Россіи предателемъ и измѣнникомъ и окончательно подорвалъ вѣру въ льстивыя свои заискиванія и увѣренія. Оставленіе его полновластнымъ рѣшителемъ судебъ Болгаріи было безусловно несомвѣстимо съ пользами и съ достоинствомъ Россіи. Но другое дѣло, было ли бы его удаленіе наилучшимъ способомъ обезпечить эти пользы и достоинство? Не сопряжены ли были съ нимъ неудобства, истекающія изъ необходимости при выборѣ ему преемника, входить въ соглашеніе съ Европой, всегда скупой на предоставленіе намъ какихъ либо особыхъ преимуществъ на Востока и въ частности на Балканскомъ полуостровѣ? Не проще ли и не легче было бы искать себѣ вещественныхъ обезпеченій въ непосредственной сдѣлкѣ съ болгарами, такихъ обезпеченій, при которыхъ самое оставленіе князя Александра на престолѣ оказалось бы безвреднымъ для нашихъ интересовъ? Я не берусь отвѣчать на эти вопросы, но думаю, что едва ли и задавалась ими русская дипломатія? Успѣшное ихъ разрѣшеніе было просто невозможно на почвѣ европейскаго концерта и въ особенности тройственнаго союза, этихъ краеугольныхъ камней нашей тогдашней политики. Двойныя узы связывали

свободу нашихъ дѣйствій въ Болгаріи и ограничивали ее весьма тѣснымъ кругомъ, такъ что, пожалуй, мы не могли и мечтать о чемъ либо болѣе существенномъ, чѣмъ удаленіе князя Александра. Но если такъ, то въ чемъ же это удаленіе измѣнило бы наше положеніе въ княжествѣ?

Допустимъ, однако, что замѣна Баттенберга другимъ лицомъ вмѣсто того, чтобы служить лишь средствомъ къ достиженію другой, болѣе широкой цѣли русской политики, сама стала бы ей цѣлью? Спросимъ: были ли употреблены для ея достиженія наиболѣе дѣйствительныя и цѣлесообразныя средства? Можно было, на примѣръ, напомнить князю Александру заявленія, неоднократно сдѣланныя имъ и многимъ русскимъ чиновникамъ и даже самому императорскому кабинету: что достаточно одного слова Россіи, дабы онъ добровольно возвратилъ ей вѣнецъ, принятый изъ ея рукъ? Разумѣется, пришлось бы подкрѣпить это напоминаніе щедрымъ обезпеченіемъ его матеріальной участи, но что значить одинъ милліонъ или два въ сравненіи съ тѣми замѣшательствами, къ которымъ привелъ насъ иной образъ дѣйствій? Далѣе, въ случаѣ отказа князя исполнить принятое обязательство, можно было бы изречь торжественное осужденіе ему и его политикѣ и прервать съ нимъ всякія сношенія, ограничиваясь поддержаніемъ лишь дѣловыхъ отношеній съ болгарскимъ правительствомъ. Такое рѣшеніе имѣло бы послѣдствіемъ устраненіе всѣхъ недоразумѣній и разъясненіе дѣла болгарскому народу, въ душѣ котораго жила еще тогда непоколебленною преданностію Россіи и признательностію ей за освобожденіе.

Наши дипломаты поступили какъ разъ наоборотъ и пытались внушить необходимость устранить князя вожакамъ политическихъ партій, ожидая, что тѣ, внявъ ихъ убѣжденіямъ, совершатъ это дѣло путемъ парламентскаго переворота. Въ этомъ смыслѣ они старались вліять на Цанкова, потомъ на Каравелова, потомъ опять на Цанкова. Оба эти дѣятеля обѣщали все, что могло быть угодно дипломатамъ, пока добивались власти, но, достигнувъ ея, и не думали объ исполненіи обѣщаннаго. Имъ выгоднѣе было все повѣдать князю и въ разговорѣ съ нимъ морочить легковѣріе нашихъ дипломатическихъ представителей.

Выбравъ наименѣе пригодное средство, русскіе дипломатическіе агенты въ Софіи не проявили ни ума, ни такта въ собственныхъ своихъ приѣмахъ и тѣмъ затруднили себѣ достиженіе цѣли. Такъ г. Кояндеръ, и въ особенности г. Ионинъ, въ личныхъ сношеніяхъ съ княземъ отличались крайнею раздражительностью, тогда какъ князь всегда старался быть сдержанно-вѣжливымъ съ ними. Сцены эти происходили съ глазу на глазъ, а между тѣмъ, тѣ же агенты въ мундирахъ являлись во дворецъ на торжественные выходы, принимали княжескія приглашенія на обѣды и сами приглашали князя въ себѣ на балы. Понятно, что о дѣйствительныхъ отношеніяхъ Баттенберга къ русскому двору ничего не зная, не только болгарскій народъ, но и мѣстные наши политическіе агенты, консулы въ областныхъ городахъ. Взглядъ нашъ на необходимость устраненія князя оставался тайною между лицами, завѣдывавшими софійскимъ агентствомъ, и вожаками партій, но князю небольшого труда стоило проникнуть эту тайну и принять соотвѣтствующія предупредительныя мѣры.

Другая ошибка заключалась въ томъ, что, какъ уже замѣчено выше, гг. Ионинъ и Кояндеръ вступали въ переговоры объ интересовавшемъ ихъ дѣлѣ преимущественно съ лицами, не находящимися у власти, а стремившимися къ ней. Конечно, труднѣе убѣдить министра, уже располагающаго властью, чѣмъ человекъ, ея добивающагося, но за то, по отношенію къ людямъ у власти, плату за ожидаемую услугу не приходилось бы выплачивать впередъ. Неудобства противоположной системы испытали на себѣ гг. Ионинъ и Кояндеръ. Оба постоянно обманывались своими соучастниками, какъ только тѣ изъ вожаковъ оппозиціи преобразались въ министровъ. Понятно, что агенты наши, разочаровавшись въ нихъ, обращались къ ихъ политическимъ противникамъ, и въ результатѣ получалось, что русскую партію въ Болгаріи составляли не одни и тѣ же лица, дѣйствительно преданныя Россіи, а „недовольные“, т. е. сегодня одни, завтра другіе, смотря по колебаніямъ парламентскаго маятника. Это придавало всей дѣятельности нашихъ дипломатовъ въ Софіи какой-то отрицательный характеръ, разумѣется не способствовавшій къ

утвержденію въ болгарахъ ни довѣрія къ нимъ, ни уваженія, и ни на шагъ не приближало ихъ къ предположенной цѣли.

Вотъ къ чему привело двухлѣтнее хозяйничанье въ Болгаріи дипломатіи, въ качествѣ единственной блюстительницы чести и нуждъ Россіи. Горькою ироніею звучать раздававшіяся въ то же время въ Берлинѣ и Вѣнѣ увѣренія въ признаніи законности нашего преобладающаго вліянія въ княжествѣ. Въ сущности вліяніе это въ правительствѣ, въ войскѣ, въ собраніи, во всѣхъ политическихъ кругахъ было, осенью 1885 года, окончательно сведено въ нулю.

Х.

Восточная Румелия.—Дѣятельность князя Цертелева.—Упадокъ русскаго вліянія при его преемникахъ.—„Соединительное“ движеніе.

Мы дошли до рѣшительнаго момента: соединенія сѣверной и южной Болгаріи, состоявшагося въ сентябрѣ 1885 года. Чтобы создать себѣ ясное представленіе объ этомъ событіи, необходимо бросить бѣглый взглядъ на положеніе Восточной Румелии со времени введенія въ ней самостоятельнаго управленія вплоть до провозглашенія сліянія ея съ княжествомъ.

Изъ приведенныхъ мною въ своемъ мѣстѣ протоколовъ берлинскаго конгресса достаточно явствуетъ рѣшеніе императорскаго кабинета вполне приравнять свое участіе въ организаціи автономной области къ дѣятельности прочихъ великихъ державъ. Органическій статутъ для Восточной Румелии выработанъ былъ европейскою комиссіею, а первымъ генералъ-губернаторомъ на пятилѣтній срокъ назначенъ султаномъ, съ согласія державъ, турецкій дипломатъ Александръ Богороди, болѣе извѣстный подъ именемъ Алеко-паши. Въ составъ его правительства вошелъ одинъ только иностранецъ, нѣмецъ Шмидтъ, въ качествѣ директора финансовъ. За то большая

часть прочихъ административныхъ должностей была предоставлена чужеземцамъ всѣхъ возможныхъ національностей.

Во главѣ милиціи поставленъ левантинецъ, французскаго происхожденія, Виталисъ, имѣвшій преемниками нѣмца Штрекера и поляка Дрыгальскаго. Начальникомъ штаба сталъ французъ Тустень де-Мануаръ. Въ самомъ штабѣ встрѣчаемъ имена завѣдующихъ: счетоводствомъ—француза Мерсенни и личнымъ составомъ—австрійца Фицау. Начальство надъ жандармеріей ввѣрено англичанину Бортвигу. Русскіе офицеры остались всѣ въ строю. Восемь изъ нихъ командовали дружинами. Командиры остальныхъ четырехъ дружинъ были болгары.

Во всѣхъ прочихъ отрасляхъ государственнаго управленія прибыльныя мѣста были розданы массѣ иностранцевъ; среди которыхъ русскіе представляли незначительное меньшинство. Упомяну о французяхъ, совѣтникахъ дирекцій: финансовъ—Кюбѣ, и общественныхъ работъ—Жакенѣ; о прокурорахъ: полякѣ Пржевлоткомѣ, австрійцахъ: Хитилѣ, Сочинскомѣ; о секретарѣ Алеко-паши французѣ Крепенѣ и многихъ другихъ. Изъ русскихъ чиновниковъ приглашенъ былъ на должность совѣтника дирекціи правосудія г. Матвѣевъ¹⁾, не прожившій въ Румелии и двухъ лѣтъ, военный прокуроръ полковникъ Гольмблатъ, да г. Болимановъ, вызванный на должность прокурора, но успѣвшій получить только мѣсто завѣдующаго бібліотекой въ Пловдивѣ.

Порядки эти вполнѣ отвѣчали полному равнодушію къ судьбамъ Восточной Румелии нашихъ высшихъ дипломатическихъ сферъ, не желавшихъ вступать тамъ въ состязаніе съ вліяніемъ западныхъ кабинетовъ. Поэтому, положеніе русскаго дѣла въ области вполнѣ зависѣло отъ личнаго взгляда на него и отъ степени таланта и энергіи нашихъ мѣстныхъ представителей, генеральныхъ консуловъ въ Пловдивѣ. Къ счастью, тотчасъ послѣ войны, на важный этотъ постъ назначенъ былъ молодой дипломатъ, вполнѣ проникнутый свя-

¹⁾ Г. Матвѣевъ включилъ любопытныя воспоминанія о своей службѣ въ Восточной Румелии въ VI главу своего историческаго очерка: „*Болгарія послѣ берлинскаго конгресса*“.

тостью выпавшей ему на долю задачи: стоять на стражѣ русскихъ интересовъ и достоинства въ странѣ, обязанной Россіи свободою и какъ бы обреченной на жертву горсти иностранныхъ искателей привлеченій и всякаго рода эксплуататоровъ.

Князь А. Н. Цертелевъ еще до войны былъ виднымъ русскимъ дѣятелемъ въ Болгаріи, будучи, въ качествѣ секретаря нашего посольства въ Константинополѣ, посланъ разслѣдовать звѣрства, учиненныя турками надъ болгарами въ 1876 году. Принявъ блистательное участіе въ самой войнѣ, въ званіи нижняго чина-добровольца, украшеннаго четырьмя знаками отличія Военнаго Ордена и произведеннаго впоследствии въ офицеры, онъ пользовался среди болгарскаго населенія общимъ уваженіемъ и громадною популяренностью. Благодаря этому обстоятельству, онъ не замедлилъ получить въ Пловдивѣ преобладающее вліяніе не только на областное собраніе, но и на генераль-губернатора, оставаясь въ то же время въ наилучшихъ отношеніяхъ со своими товарищами, представителями иностранныхъ державъ. Благодаря его разумной и энергической дѣятельности, нравственный авторитетъ Россіи въ Восточной Румелии быстро возросъ и окрѣпъ, и безсильными оказались всѣ гарантіи, измышленныя составлявшею статутъ международною комиссіею, дабы затормозить и уничтожить русское вліяніе въ странѣ. Въ двухлѣтнее управление свое генеральнымъ консульствомъ въ Пловдивѣ, князь Цертелевъ доказалъ, какихъ блестящихъ результатовъ можетъ достигнуть русскій дипломатъ, дѣйствующій при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, когда его одушевляетъ народное чувство и твердая вѣра въ мощь Россіи и въ ея всемірно-историческое призваніе. Священнымъ долгомъ считаю я воздать подобающую честь памяти моего незабвеннаго товарища, доблестнаго борца за русскую правду, влагавшаго душу свою въ святое дѣло служенія Государю и Россіи.

Тяжкая болѣзнь, вызвавшая удаленіе князя Цертелева изъ Пловдива и скоро увлекшая его въ могилу, была страшнымъ ударомъ для русскаго дѣла въ Южной Болгаріи. Оно быстро стало падать въ робкихъ и неумѣльныхъ рукахъ его ближайшихъ преемниковъ и временныхъ замѣстителей, гг. Извольскаго и Арсеньева, и окончательно было скомпрометировано

печальною дѣятельностью второго нашего генеральнаго консула въ Восточной Румелии Э. Р. Кребеля. Почтенный этотъ дипломатъ, отличившійся въ Персіи, оказался вовсе непригоднымъ въ качествѣ представителя Россіи въ славянской странѣ, чуждой ему и по вѣрѣ, и по крови и не представлявшей ничего общаго съ полемъ его прежней дѣятельности. На бѣду, въ это самое время, т. е. въ маѣ 1881 года, переселился въ автономную область, удалившійся изъ княжества послѣ апрѣльскаго переворота, Каравеловъ.

Жертва переворота, Каравеловъ кипѣлъ враждою и злобою на Россію, которую считалъ главною его виновницею. Въ основанной имъ газетѣ „*Независимость*“ онъ сталъ проводить взглядъ, что въ славянскомъ мірѣ Россія и Болгарія представляютъ два противоположныя начала, первая — единство, вторая — разнообразіе; что борьба этихъ двухъ началъ неизбежна; что не стоитъ быть признательнымъ Россіи за освобожденіе отъ турецкаго ига, которое, раньше или позже, болгары успѣли бы сбросить съ себя и собственными силами, но что слѣдуетъ неустанно стремиться къ освобожденію Болгаріи изъ-подъ русской опеки, несравненно болѣе тяжелой и пагубной для самостоятельнаго развитія болгарскаго народа. Практическимъ примѣненіемъ этихъ ученій были нападки на служившихъ въ румелійской милиціи русскихъ офицеровъ, возбужденіе раздора между ними и ихъ болгарскими товарищами. Пропаганду въ этомъ смыслѣ Каравеловъ велъ настойчиво и не безъ успѣха. Онъ нашелъ поддержку въ генералъ-губернаторѣ Богориди, который началъ видимо поддавать влиянію австрійскаго консула, находившагося съ г. Кребелемъ въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ и помышлялъ воспользоваться негодованіемъ болгарскихъ народниковъ на князя Александра, чтобъ современемъ замѣстить его на престолѣ Болгаріи. Онъ хотѣлъ было назначить Каравелова на постъ директора финансовъ, но русскому посольству въ Константинополь удалось убѣдить Порту не соглашаться на такое назначеніе. Тогда Каравеловъ, при усердномъ содѣйствіи Алеко-паши и его сторонниковъ, добился избранія своего въ кметы (городскіе головы) главнаго города области—Пловдива.

Въ областномъ собраніи большинство все еще состояло

изъ преданныхъ Россіи людей. Оно отправило въ Москву для присутствованія на торжествѣ коронованія Государя Императора депутацію изъ четырехъ членовъ, въ числѣ коихъ былъ и пріобрѣтшій съ тѣхъ поръ извѣстность д-ръ Странскій, министръ иностранныхъ дѣлъ въ Болгаріи.

Несогласія между генераль-губернаторомъ и нашимъ генеральнымъ консуломъ привели къ полному разрыву сношеній между ними, о которомъ Алеко-паша извѣстилъ г. Кребеля грубою запискою. Русское посольство въ Константинополѣ достигло того, что генераль-губернаторъ сдѣлалъ консулу извинительный первый визитъ, но уступка эта была куплена отозваніемъ г. Кребеля. Удовольствовавшись, такимъ образомъ, однимъ формальнымъ удовлетвореніемъ и уступивъ по существу, мы, конечно, не содѣйствовали поднятію нашего обаянія въ глазахъ румелійскаго населенія. Въ довершеніе всего происходившіе осенью 1883 года выборы въ областное собраніе ознаменовались пораженіемъ нашихъ сторонниковъ и избраніемъ въ значительномъ большинствѣ личныхъ приверженцевъ Алеко-паши. Каравеловъ хотя и вернулся въ княжество, гдѣ вскорѣ занялъ мѣсто перваго министра, но сѣмена, брошенныя имъ въ румелійскую почву, успѣшно всходили и обѣщали обильную жатву. Въмѣсто прекратившейся съ его отъѣздомъ „Независимости“ стала выходить въ Пловдивѣ новая газета „Южная Болгарія“, едва ли не болѣе еще ожесточенная въ нападкахъ своихъ на все русское, и въ частности—на вліяніе Россіи въ Болгаріи. Покровительствовали ей и народники въ княжествѣ, и большинство областного собранія, и самъ генераль-губернаторъ, открыто подчинившійся враждебнымъ намъ вліяніямъ представителей западно-европейскихъ державъ.

Въ такомъ состояніи нашелъ страну вновь опредѣленный въ концѣ 1883 года на постъ генеральнаго консула Восточной Румелии А. Г. Сорокинъ. На очереди стоялъ вопросъ о назначеніи генераль-губернатора на новый пятилѣтній срокъ, такъ какъ первый срокъ истекалъ весною слѣдующаго 1884 года. Пріѣздъ русскаго представителя ободрилъ нашихъ друзей. Они стали производить усиленную агитацію противъ вторичнаго назначенія Богориди и громко протестовать противъ

него на многочисленныхъ митингахъ, на которыхъ населеніе высказалось въ ихъ смыслѣ. Движеніе это увѣнчалось успѣхомъ. Оно облегчило нашему посольству въ Константинополѣ добиться отъ Порты отклоненія кандидатуры Алеко-паши, и замѣщенія его Гавріиломъ Крестовичемъ, бывшимъ генеральнымъ секретаремъ (министромъ внутреннихъ дѣлъ) области.

Новый генераль-губернаторъ вполне подчинился вліянію нашего генеральнаго консула и, слѣдуя его совѣтамъ, распустилъ, съ разрѣшенія Порты, областное собраніе, состоявшее въ большинствѣ изъ такъ называемыхъ „казенныхъ“, или богоридистовъ. Прошедшіе осенью 1884 года выборы доставили побѣду противной, другими словами, русской партіи. Успѣхъ ея объясняется тѣмъ, что она на знамени своемъ написала дорогое для болгаръ слово: *Соединеніе*. Двое изъ виднѣйшихъ ея представителей гг. Гешовъ и Христовъ совершили за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ поѣздку по Европѣ, съ цѣлью вручить кабинетамъ великихъ державъ адресъ съ изложеніемъ мольбы болгарскаго народа: не препятствовать воссоединенію двухъ разрозненныхъ частей общаго отечества. Въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ ихъ не допустили до приѣма, а въ Лондонѣ и Парижѣ посовѣтовали имъ отложить и самую надежду на успѣхъ ихъ замысла. Тѣмъ не менѣе въ Румелии вѣрили въ близость соединенія. Имя это было присвоено вновь основанной газетѣ, служившей органомъ русской партіи, члены которой сами называли себя „соединистами“. Слѣдуетъ прибавить, что осуществленія завѣтной мечты болгарскаго народа соединисты ожидали отъ одной Россіи и Царя ея, выражая готовность терпѣливо ждать, пока русскому правительству угодно будетъ указать имъ время и способъ дѣйствія.

Г. Сорокинъ воспользовался такимъ настроеніемъ, чтобы, опираясь на партію, располагавшую большинствомъ въ собраніи, поднять русское вліяніе въ Восточной Румелии на ту степень, на которой оставилъ ее князь Цертелевъ. Выраженіемъ этого вліянія явилось назначеніе русскаго офицера генеральнаго штаба капитана Харкевича на важную должность завѣдывающаго администраціею въ штабѣ милиціи. Замѣтимъ, что такой оборотъ приняло русское дѣло въ Восточной Ру-

меліи въ то самое время, когда въ княжествѣ было окончательно утрачено нашею дипломатіею всякое вліяніе не только на князя Александра и его правительство, но и на всѣ политическія партіи.

Разумѣется и въ Румелии дѣло не обошлось безъ оппозиціи. Въ ней участвовалъ, во-первыхъ, небольшой кружокъ болгарь-офицеровъ областной милиціи, ставшихъ въ крайне враждебныя отношенія къ русскимъ офицерамъ, кружокъ, руководителями котораго были столь извѣстные впоследствии начальникъ штаба Николаевъ и маіоры Мутгуровъ и Филловъ; во-вторыхъ, партія „казенныхъ“ или „богоридистовъ“, вошедшая въ непосредственныя сношенія съ княземъ Александромъ и получавшая отъ него щедрыя пособія. По уговору съ княземъ, и эта партія цѣлью своею выставила соединеніе южной Болгаріи съ сѣверною, не только безъ всякаго участія или помощи со стороны Россіи, но даже наперекоръ ей, подъ знаменемъ князя Александра. Выразительницею ея видовъ и намѣреній стала газета *Борьба*, основанная Захаріемъ Стояновымъ, популярнымъ народнымъ писателемъ, отставленнымъ за агитацію въ пользу соединенія правительствомъ Крестовича отъ должности судебного слѣдователя. Вокругъ этого пламеннаго публициста сплотился кружокъ ревностныхъ сторонниковъ сліянія обѣихъ Болгарій, называвшихъ себя „апостолами соединенія“. Они вели дѣятельную пропаганду не только въ печати, но и устную, расхаживая по городамъ и селамъ, возбуждая патріотическія чувства населенія.

Такимъ образомъ назрѣлъ вопросъ о соединеніи и все сводилось къ тому, которой изъ двухъ противныхъ партій удастся разрѣшить его въ свою пользу: той ли, которая гласно исповѣдывала свою вѣру въ Россію и надежду на ея помощь, или же той, что высокомерно отрицала право ея на вмѣшательство въ дѣла Болгаріи и заявляла притязаніе на самостоятельное руководство судьбами болгарскаго народа.

XI.

Вопросъ о единствѣ Болгаріи.—Румелійскій переворотъ.

Въ исторической жизни народовъ есть неудержимыя теченія, коими обусловливается ходъ и направленіе ихъ государственнаго развитія. Теченія эти—стихійная сила, создающая событія, съ которою приходится считаться разумной политикѣ. Задача дипломатіи и состоитъ именно въ томъ, чтобы обращать себѣ на пользу эти самыя событія, предотвратить или видоизмѣнить которыя не въ ея власти. Такая цѣль достигается просто и легко, когда дипломатія, ясно сознавая свою задачу, неуклонно стремится къ ея осуществленію. Напротивъ, та дипломатія сама обрекаетъ себя на пораженіе, которая, дѣйствуя безъ опредѣленной программы, пытается, подъ вліяніемъ случайныхъ, преходящихъ впечатлѣній и помощью искусственныхъ преградъ, остановить движеніе исторіи.

Подобною историческою необходимостью является стремленіе болгаръ къ соединенію разрозненныхъ частей ихъ отечества въ одно государственное цѣлое. Идея „цѣлокупной“ Болгаріи взлѣяна и взрощена не кѣмъ инымъ, какъ русскою дипломатіею. Не мы ли сами ратовали за нее на цареградскихъ совѣщаніяхъ 1877 года, въ Санъ-Стефано и даже на Берлинскомъ конгрессѣ? Не мы ли въ приведенномъ мною въ одной изъ предшедшихъ главъ правительственномъ сообщеніи, даже послѣ конгресса, поддерживали въ болгарахъ надежду на довершеніе дѣла освобожденія? Около того же времени покойный Государь писалъ главнокомандующему дѣйствующею арміею Э. И. Тотлебену: „Симпатіи болгаръ находящихся подъ нашимъ управленіемъ къ ихъ соплеменникамъ, оставшимся подъ владычествомъ Турціи, вполне понятны; поэтому я опасуюсь, что образованіе такъ называемой Восточной Румеліи, согласно Берлинскому трактату, окажется на дѣлѣ неисполнимымъ“¹⁾.

Если такъ относилась Россія къ вопросу объ единствѣ Болгаріи, то понятно, что идея эта вошла въ плоть и кровь

¹⁾ Императоръ Александръ II генералу Тотлебену 3 (15) ноября 1878 г.

болгарскаго народа. Соединенія одинаково страстно желали болгары всѣхъ партій, всякаго званія и состоянія. Потому-то оно и являлось могучимъ рычагомъ для воздѣйствія на страну. Дѣйствительно, оно было третьимъ шагомъ на томъ же пути, на которомъ шагомъ первымъ — была церковная автономія, вторымъ — освобожденіе изъ-подъ власти Порты. Поступая послѣдовательно, русская дипломатія должна была взять дѣло соединенія въ свои руки, въ особенности съ той минуты, когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы удалить князя Александра изъ Болгаріи. Дипломатія наша имѣла полную возможность сдѣлать это въ продолженіе двухъ лѣтъ, съ сентября 1883 и по сентябрь 1885 года. Допускаю, что ее стѣсняли отношенія ея къ Европѣ, въ частности къ двумъ сосѣднимъ имперіямъ, съ которыми Россія состояла тогда въ формальномъ союзѣ. Напрасно, однако, она утѣшала себя тѣмъ, что отъ нея зависитъ отдалить по своему произволу развязку вопроса. Она не должна была забывать, что князь Александръ лично заинтересованъ въ дѣлѣ и что непростительно было бы ему въ борьбѣ своей съ Россіею не воспользоваться противъ нея оружіемъ, которое она сама выпускала изъ рукъ. Такъ и случилось.

Мы видѣли, что въ Восточной Румеліи соединительная революція дѣятельно готовилась Захаріемъ Стояновымъ и его друзьями, крайними радикалами, при сочувствіи и соучастіи кружка милиціонныхъ офицеровъ-болгаръ. Съ ними не задумался войти въ непосредственную сдѣлку князь Александръ, минуя Каравелова и находившихся у власти въ княжествѣ народниковъ, которые, въ качествѣ либераловъ-доктринѣровъ, предпочитали дѣйствовать легальными средствами. Заискиваніе княземъ популярности среди радикаловъ началось съ весны 1885 года, когда онъ, на торжествѣ св. Кирилла и Мееодія, произнесъ пламенную рѣчь въ народно-славянскомъ духѣ, въ присутствіи многихъ болгаръ, прибывшихъ въ Софію изъ Румеліи для принятія участія въ празднествѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ совершилъ поѣздку вдоль румелійской границы, сопровождаемый блестящею свитою, хоромъ военной музыки, останавливаясь въ деревняхъ, бесѣдуя съ поселянами, съ которыми плясалъ *хору* и прикидывался страстнымъ патріотомъ.

Агенты его все лѣто развѣзжали по Восточной Румелии, одни переговаривались съ вожаками движенія, другіе распространяли агитацію въ народѣ.

Для успѣха предпріятія представлялось полезнымъ заручиться содѣйствіемъ одной изъ великихъ державъ. Князь Александръ воспользовался женитьбою брата на любимой дочери королевы Викторіи и поѣздкою своею въ Лондонъ по этому случаю, чтобы свискать себѣ и своимъ планамъ благоволеніе великобританскаго правительства. Англія была на Берлинскомъ конгрессѣ противницею сліянія обѣихъ Болгарій, но измѣнила свой взглядъ, какъ только выяснилось, что сліяніе это имѣетъ произойти вопреки волѣ Россіи и въ ущербъ ея вліянію. По возвращеніи въ Болгарію, въ концѣ августа, князь принялъ въ Варнѣ прибывшихъ къ нему изъ Пловдива маіора Муткурова и двухъ членовъ тайнаго революціоннаго комитета: Ризова и Куртіеба. Два дня спустя пріѣхалъ въ Варну и Каравеловъ и, по совѣщаніи съ нимъ, князь 2 (14) сентября, приказалъ по телеграфу военному министру *пріостановить* исполненіе указа, состоявшагося еще въ началѣ августа и уже обнародованнаго въ „Державномъ Вѣстникѣ“, о роспускѣ въ запасъ старослужащихъ нижнихъ чиновъ арміи¹⁾.

Всѣ эти признаки ясно предвѣщали близость переворота, о неизбежности котораго громко проповѣдывали органы „апостоловъ соединенія“: „Борьба“, Захарія Стоянова въ Пловдивѣ, и „Гласъ Македонца“, Ризова въ Софіи. Изъ этого послѣдняго обстоятельства можно было заключить, что какъ въ княжествѣ, такъ и въ Румелии ожидаемое событіе будетъ дѣломъ партій, наиболѣе враждебныхъ Россіи. Не взирая на все, пловдивскій взрывъ явился неожиданностью для нашей мѣстной дипломатіи. Ни дипломатическое агентство въ Софіи, ни генеральное консульство въ Пловдивѣ вовсе и не подозрѣвали его. Имѣвшіе очи, чтобы видѣть, — не видѣли и уши, чтобы слышать, — не слышали.

Еще менѣе предвидѣло переворотъ наше министерство ино-

¹⁾ Важное это обстоятельство, несомнѣнно устанавливающее соучастіе князя Александра въ Пловдивскомъ заговорѣ 1885 года, впервые оглашено г. Евгениемъ Львовымъ (Русскимъ Странникомъ), въ его историческомъ этюдѣ: „Румелийскій переворотъ“, стр. 53, изъ которой я заимствовалъ настоящей главѣ нѣсколько фактическихъ данныхъ объ упомянутомъ переворотѣ.

странныхъ дѣлъ. Иначе оно, конечно, озаботилось бы разсѣять всякое сомнѣніе объ отношеніяхъ къ нему императорскаго кабинета въ нашихъ мѣстныхъ агентахъ дипломатическихъ, консульскихъ и военныхъ, а также въ русскихъ офицерахъ на болгарской и румелійской службѣ. За неимѣніемъ опредѣленныхъ инструкцій отъ министерства, всѣ эти лица были ввергнуты событіями въ крайнее недоумѣніе и смущеніе, не мало, какъ увидимъ, способствовавшія успѣху переворота.

Въ сентябрѣ 1885 года генеральный консулъ Сорокинъ находился въ отпуску въ Россіи. Какъ только обнаружались первые признаки революціоннаго движенія, генераль-губернаторъ Крестовичъ и его правительство пригласили на совѣщаніе временно управлявшаго консульствомъ секретаря Игельстрома и нашего военнаго агента подполковника Чичагова. Тѣ совѣтовали имъ „быть благоразумными и исполнять свой долгъ до конца“. Когда 5 (17) сентября узнали въ Пловдивѣ о возстаніи въ Големо-Конарахъ и о намѣреніи возставшихъ двинуться на столицу области, то г. Игельстромъ самъ вызвался поѣхать въ эту деревню, чтобы попытаться „остановить возставшихъ авторитетомъ русскаго слова“. Но г. Игельстромъ поѣхалъ не туда, куда слѣдовало и, не найдя бунтовщиковъ, возвратился домой. Въ ночь съ 5 (17) на 6 (18) вооруженные крестьяне окрестныхъ деревень ворвались въ городъ, но едва ли достигли бы чего нибудь, еслибы не соединилась съ ними и не окружила конакъ 2-я дружина румелійскаго ополченія подъ начальствомъ болгарина, маіора Николаева. Въ этотъ рѣшительный моментъ подполковникъ Чичаговъ обратился къ управляющему консульствомъ съ категорическимъ вопросомъ: желаетъ Россія соединенія или нѣтъ? Г. Игельстромъ, не имѣя изъ Петербурга ни указаній, ни свѣдѣній, не зналъ, что отвѣчать. Подполковникъ продолжалъ: „Обращаюсь къ вамъ, какъ къ русскому представителю, минута критическая, бунтовщики приближаются, но тѣмъ не менѣе, взявъ части русскихъ офицеровъ, а именно батарею Фрейберга, эскадронъ Дубовскаго и дружину Якобсона, я берусь силой остановить возстаніе и разсѣять бунтовщиковъ. Я не политикъ, а солдатъ, мое дѣло исполнить только ваше требованіе. Уполномочиваете ли вы меня на такую мѣру? Если нѣтъ, произойдетъ перево-

ротъ“. Г. Игельстромъ отвѣтилъ наконецъ, что, по его мнѣнію, надо выбрать среднее: не имѣя права проливать болгарскую кровь, надо-де попробовать дѣйствовать угоромъ.

Съ этой минуты управляющій генеральнымъ консульствомъ совершенно устранилъ себя отъ всякаго участія въ событіяхъ. Но подполковникъ Чичаговъ поскакалъ къ главнокомандующему милиціею, Дрыгальскому-пашѣ, чтобы извлечь его изъ позорнаго бездѣйствія. Не успѣвъ въ томъ, онъ направился къ конаку и нашелъ его уже окруженнымъ войскомъ и народомъ. Одѣтый въ полную парадную форму, онъ обратился къ солдатамъ съ увѣщаніемъ. „Что вы дѣлаете“, — закричалъ онъ, — „Русскій Царь ничего не знаетъ о переворотѣ, болгары не могутъ въ этомъ дѣлѣ рассчитывать на поддержку Россіи; ворвутся турки и всѣхъ перерѣжутъ“. Увидавъ начальника 2-й дружины, маіора Николаева, подполковникъ сказалъ ему: „Г. маіоръ, вы затѣяли дурное дѣло, за которое вамъ придется отвѣчать предо всѣмъ болгарскимъ народомъ, потому что объ этой затѣѣ Россія ничего не знаетъ и на это нѣтъ воли Государя Императора“. Николаевъ не смутился и рѣзко отвѣтилъ: „А какое право имѣете вы дѣлать мнѣ замѣчаніе передъ фронтомъ? Здѣсь начальникъ я, а не вы. Не угодно ли вамъ удалиться отсюда“. Подполковникъ Чичаговъ попытался еще разъ напомнить Николаеву о долгѣ признательности болгаръ передъ Россіею, затѣмъ вошелъ въ конакъ, переговорилъ съ Крестовичемъ и, по просьбѣ его, снова началъ убѣждать солдатъ. Но, очевидно, однихъ рѣчей было недостаточно. Его окружили болгары-офицеры милиціи и заявили, что всѣ присоединяются къ движенію. Ворота отворились и толпа народа ворвалась въ конакъ. Войска братались съ народомъ. Подполковникъ Чичаговъ убѣдился, что дѣло Крестовича проиграно и удалился въ консульство.

Генераль-губернатора арестовали. Составилось временное правительство подъ предсѣдательствомъ доктора Странскаго, провозгласившее соединеніе обѣихъ Болгарій подъ властью князя Александра. Члены временнаго правительства отправились лично въ консульства великихъ державъ, чтобы просить о признаніи послѣдними совершившагося переворота. Въ рус-

ское консульство вмѣстѣ съ ними прибылъ назначенный главнокомандующимъ всѣми военными силами области маіоръ Николаевъ и штабъ его. Тамъ же искали убѣжища члены низвергнутаго правительства и постоянного комитета, всѣ бывшіе русскими сторонниками. Гг. Игельстромъ и Чичаговъ приняли депутацію отъ временнаго правительства въ отдѣльной комнатѣ. Тѣ поздравили ихъ съ соединеніемъ и получили въ отвѣтъ, „что дѣло не въ провозглашеніи, а въ признаніи“. Подали закуску, побѣжденные смѣшались съ побѣдителями, маіоръ Николаевъ публично извинился предъ подполковникомъ Чичаговымъ.

„Есть ли у васъ планъ оборонительныхъ дѣйствій?“ — спрашиваетъ г. Чичаговъ. — „Никакого“, — отвѣчаетъ Николаевъ и откровенно сознается, что, задумавъ переворотъ, во всемъ остальномъ они надѣялись на Россію. — „Ну, мы дальновиднѣе васъ“, — не безъ нѣкоторой гордости продолжаетъ г. Чичаговъ. — „У меня есть уже готовый планъ мобилизаціи и сосредоточенія войскъ!“

И переходя отъ словъ къ дѣлу, нашъ военный агентъ тутъ же на столѣ раскладываетъ планъ, совѣтуетъ взорвать мостъ въ Ямболи и разрушить желѣзную дорогу. Николаевъ беретъ себѣ въ начальники штаба незадолго до того назначеннаго на должность завѣдующаго администраціею русскаго генеральнаго штаба капитана Харкевича. Прочіе русскіе офицеры получаютъ также назначенія. Двумъ изъ нихъ поручается разрушеніе желѣзной дороги. Пока Николаевъ занятъ составленіемъ донесеній князю Александру, подполковникъ Чичаговъ посылаетъ по телеграфу инструкцію русскимъ офицерамъ, находящимся въ разныхъ мѣстностяхъ области. На телеграфные запросы они получаютъ въ отвѣтъ приказаніе: повиноваться во всемъ распоряженіямъ маіора Николаева. Въ томъ же смыслѣ телеграфируетъ и управляющій генеральнымъ консульствомъ русскому вице-консулу въ Бургасѣ, приглашая его „дѣйствовать соображаясь съ обстоятельствами“. Въ довершеніе всего, подполковникъ Чичаговъ спрашиваетъ по телеграфу военнаго министра князя Кантакузина въ Софіи: насколько можно разчитывать на войска княжества?

На телеграммы, посланныя генеральнымъ консульствомъ

въ Петербургъ и Софію, оно не получало отвѣта цѣлые два дня. Но князь Кантакузинъ увѣдомилъ подполковника Чичагова о мобилизаціи болгарской арміи. Благодаря энергичной помощи русскихъ офицеровъ, мобилизація пошла ходко и въ Румелии. Уже на второй день дружины укомплектовались до 800 человекъ, причемъ шесть дружинъ были вооружены русскими берданками, а остальные—ружьями Крнка. Патроновъ, благодаря предусмотрительности Россіи, тоже оказалось совершенно достаточно. Все остальное добывалось реквизиціоннымъ и контрибуціоннымъ способомъ. Планъ сосредоточенія выработанъ нашимъ военнымъ агентомъ. Самъ подполковникъ Чичаговъ предполагалъ, по приѣздѣ князя, получить назначеніе и даже сносился съ Петербургомъ: „принимать ли ему или отклонить таковое?“

Въ ночь на 8 (20) сентября подполковникъ Чичаговъ выѣхалъ на встрѣчу князю Александру, съ которымъ съѣхался на другой день, въ четыре часа утра, въ деревнѣ Бани, въ 75 верстахъ отъ Пловдива.

Разсказъ г. Русскаго Странника, которому я слѣдую и изложенію дѣйствій русскихъ дипломатическаго и военнаго агентовъ въ Пловдивѣ по отношенію къ румелійскому перевороту, ни разу не былъ опровергнутъ, ниже оспариваемъ со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ или кого либо изъ заинтересованныхъ лицъ. Изъ него можно заключить, что единодушіе болгаръ, при отсутствіи заблаговременно преподанныхъ инструкцій отъ министерства, окончательно сбило съ толку нашихъ агентовъ и побудило ихъ въ продолженіе двухъ дней не только не противиться перевороту, но и усердно помогать ему всѣми зависящими отъ нихъ средствами.

ХП.

Соединеніе обѣихъ Болгарій.—Отозваніе русскихъ военно-служащихъ.—Переговоры г. Коляндера съ княземъ и членами народнаго собранія.—Высочайшая телеграмма изъ Фреденсборга.

Вѣсть о Пловдивскомъ переворотѣ пришла въ Софію по телеграфу 6 (18) сентября, около девяти часовъ утра.

И князь, и министръ-предсѣдатель Каравеловъ отсутствовали изъ столицы. Первый находился въ Варнѣ,—второй въ

Тырновѣ. Остававшіеся въ Софіи министры обратились къ князю съ запросомъ: „Какую *миню* на поведеніе предписываетъ намъ ваше высочество? Мы можемъ каждую минуту ожидать, что спросятъ насъ изъ Пловдива: каково будетъ наше поведеніе и можемъ ли имъ помочь?“ Телеграмму эту подписали министры: иностранныхъ дѣлъ Цановъ, юстиціи—Радославовъ и военный—князь Кантакузинъ. Послѣдній въ теченіе дня еще разъ повторилъ запросъ, уже отъ одного себя¹⁾.

Любопытно, что вслѣдъ за этою телеграммой Цановъ отправилъ князю другую, въ которой сообщилъ, что иностранные агенты отрядили къ нему одного изъ своихъ товарищей, старавшагося выпытать, не подготовлено ли движеніе Россіей, съ двоякою цѣлью: или поставить князя „внѣ договоровъ“ (*hors des traités*) въ случаѣ принятія имъ участія въ движеніи, или, въ случаѣ отказа, скомпрометировать его предъ болгарскимъ народомъ²⁾.

Князь отвѣчалъ приказаніемъ созвать собраніе и мобилизовать армію. Военный министръ не возражалъ, а только спросилъ: слѣдуетъ ли тотчасъ приступить къ мобилизаціи или дождаться возвращенія князя въ столицу? Отвѣтъ былъ: мобилизуйте немедленно. И это приказаніе было исполнено въ точности. Русскій военный министръ передалъ его во всѣ части, „по высочайшему повелѣнію“, разумѣя подъ этимъ словомъ повелѣніе князя. Русскіе офицеры, командовавшіе важнѣйшими частями, поняли это иначе и, разумѣется, повиновались безпрекословно. Мобилизація произведена была въ полномъ порядкѣ, съ замѣчательною быстротою и отчетливостью.

Что же дѣлалъ, какъ поступалъ, между тѣмъ, русскій дипломатическій агентъ?

Припомнимъ положеніе, въ которомъ находился г. Колендеръ относительно князя, болгарскаго правительства и политическихъ партій. Съ княземъ отношенія его были натянуты до крайнихъ предѣловъ. Съ Каравеловымъ и его друзьями у него, выражаясь его же словами, съ апрѣля 1885 года „произошелъ разрывъ“. Съ консерваторами никогда не ладило русское агентство, а и того менѣе съ крайними радикалами,

¹⁾ Болгарская Зеленая Книга, №№ 6 и 12.

²⁾ Тамъ же, № 9.

г. е. со сторонниками Стоянова, Петкова и Ризова. И такъ, изъ всѣхъ болгарскихъ партій г. Кояндеръ дружилъ съ однимъ Цанковымъ и кучкою его приверженцевъ, лишенными всякаго значенія и въ собраніи, и въ народѣ. Но и съ Цанковымъ сближеніе произошло лишь по переходѣ его въ оппозицію. Были у русскаго агентства еще постоянные посѣтители, которыхъ г. Кояндеръ въ одномъ изъ своихъ донесеній называетъ „лицами, преданными Россіи и сочувствующими ей“. То были герцеговинецъ Петроновичъ, черногорскій воевода Пеко Павловичъ и нѣсколько черногорцевъ, получившихъ земельные участки въ Тырновскомъ округѣ. Какъ ни почтенны эти лица, но нельзя не замѣтить, что, въ качествѣ пришельцевъ въ чуждой имъ странѣ, они не могли дать русскому представителю вѣрное понятіе о чувствахъ и настроеніи болгарскаго народа.

При такихъ условіяхъ г. Кояндеръ весьма благоразумно и не пытался личнымъ своимъ авторитетомъ повліять на правительство и на политическія партіи, или воздѣйствовать прямо на народъ, съ единодушнымъ восторгомъ принявшій вѣсть о соединеніи. Онъ ограничился тѣмъ, что испросилъ инструкцій изъ Петербурга, оставивъ неиспытаннымъ вложенное ему въ руки могучее орудіе давленія на князя и его министровъ. Я разумѣю право, предоставленное ему одною изъ статей конвенціи, заключенной въ 1883 году барономъ Николаемъ Каульбарсомъ: передавать приказанія русскаго правительства всѣмъ находящимся въ Болгаріи русскимъ военнослужащимъ, не исключая и военнаго министра, съ обязанностью для послѣднихъ подчиняться имъ. Стоило г. Кояндеру именемъ императорскаго кабинета пригласить князя Кантакузина пріостановиться приведеніемъ въ исполненіе княжескаго указа о мобилизаціи арміи или просто не скрѣплять его своею подписью впредь до полученія повелѣній Государя Императора, и князь Кантакузинъ, обязанный исполнять требованія агента безъ всякихъ разсужденій, не сталъ бы мобилизовать войска. Мѣра эта имѣла бы еще и то послѣдствіе, что съ самаго начала разсѣяла бы въ болгаряхъ заблужденіе, будто соединеніе совершается съ согласія Россіи и даже по ея наущенію.

Вмѣсто такого рѣшительнаго шага, единственно приличе-

ствовавшаго достоинству Россіи и ея дипломатическаго представительства, г. Кояндеръ, только на другой день, и когд. уже мобилизація была въ полномъ ходу, убѣдилъ военнаго министра предостеречь князя Александра, чтобы тотъ отнюдь не вводилъ войскъ своихъ въ Восточную Румелію, „такъ какъ это будетъ-де признано Портою за casus belli“. Такая полумѣра, понятно, не остановила князя, который отвѣчалъ на нее приказаніемъ войскамъ перейти границу. Тогда г. Кояндеръ рѣшился самъ вступить по телеграфу въ переговоры съ княземъ, не желая, какъ онъ объясняетъ въ своемъ донесеніи, чтобы находившіеся въ рядахъ коннаго полка, имѣвшаго первымъ выступить въ походъ, четыре русскіе офицера „скомпрометировали въ глазахъ Порты императорское правительство“. Съ этимъ страннымъ мотивомъ вполне согласовались и доводы, которыми г. Кояндеръ старался убѣдить князя, выставляя ему на видъ, „что переходъ въ Румелію хотя бы одного болгарскаго солдата можетъ подать туркамъ поводъ двинуть войска и лишить Европу возможности дѣйствовать въ Константинополѣ примиряющимъ образомъ“. Г. Кояндеръ самъ сознается, что его заявленіе „не произвело никакого дѣйствія на князя Александра и единственными своими послѣдствіями имѣло отъѣздъ его высочества изъ Тырнова (куда между тѣмъ перебрался князь) въ Филиппополь“¹⁾.

Спрашиваемъ: не возымѣло ли бы иного дѣйствія на князя Александра прямое обращеніе въ нему г. Кояндера, еслибы вмѣсто того, чтобы разсуждать о туркахъ и Европѣ, представитель нашъ просто, но категорически объявилъ князю, что соединеніе княжества съ Румелією не можетъ произойти иначе какъ съ соизволенія Государя Императора, верховнаго покровителя болгарскаго народа; что самовольное вмѣшательство въ дѣло князя будетъ сочтено Россією за актъ самоуправства, за нарушеніе обязанностей его предъ державою-освободительницею; что если онъ, не дожидаясь повелѣній Русскаго Императора, самъ вступить въ Румелію или введетъ туда болгарскія войска, то будетъ объявленъ Россією низложеннымъ съ болгарскаго престола, на который возведенъ ея

¹⁾ См. „Привит. Вѣстникъ“ отъ 25 октября (6 ноября) 1885 г., № 233.

милостью. Въ то время князь не успѣлъ еще убѣдиться, что можно безнаказанно дѣйствовать наперекоръ русскому двору и заявленіе въ вышеуказанномъ смыслѣ, вѣжливое по формѣ, но строгое и твердое по существу, весьма вѣроятно, побудило бы его не на шутку призадуматься.

9 (21) сентября, т. е. на третій день послѣ переворота, получена была въ Софіи телеграмма управляющаго нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, извѣщавшая, что Государь Императоръ „не одобревъ настоящаго движенія въ Болгаріи, воспрещаетъ нашимъ офицерамъ принимать въ ономъ участіе, внязю же Кантакузину повелѣваетъ оставаться при дипломатическомъ агентствѣ, но не въ качествѣ военнаго министра“. Въ этотъ самый день князь Александръ уже совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Пловдивъ, сопровождаемый нашимъ военнымъ агентомъ подполковникомъ Чичаговымъ, встрѣченный въ двѣнадцати верстахъ отъ города временнымъ правительствомъ и членами русскаго консульства. Участіе послѣднихъ во встрѣчѣ, хотя и не въ мундирахъ, было тѣмъ болѣе замѣчено, что на приглашеніе временнаго правительства прочіе консулы отвѣчали, что „въ виду аномальнаго положенія, въ коемъ находится страна, они не могутъ встрѣчать князя Александра“¹⁾. Прибавлю, что наканунѣ, дипломатическій агентъ нашъ въ Софіи протелеграфировалъ управляющему генеральнымъ консульствомъ въ Пловдивѣ, что ни онъ, ни подполковникъ Чичаговъ не должны выѣзжать на встрѣчу князю, которому де нельзя довѣрять ни въ чемъ, тѣмъ болѣе, что, по „глубокому убѣжденію“ г. Кояндера и „по несомнѣннымъ признакамъ“, соединительное движеніе направлено противъ Россіи. Пловдивскіе агенты не вняли этому совѣту по той причинѣ, что между нашими консульствами въ Болгаріи и Румелии давно существовалъ полный разладъ и личныя натянутыя отношенія.

Отмѣтимъ это прискорбное явленіе, конечно не мало содѣйствовавшее подрыву уваженія болгаръ къ нашимъ дипломатамъ. Въ то время, когда г. Кояндеръ находился въ довѣ-

¹⁾ Французскій консулъ въ Пловдивѣ министру иностранныхъ дѣлъ 9 (21) сентября 1885 г.

ренныхъ сношеніяхъ съ г. Каравеловымъ, ожидая отъ него всякихъ благъ, партія послѣднаго вела ожесточенную борьбу въ Восточной Румелии съ партією „соединистовъ“, пользовавшеюся поддержкою нашего консульства въ Пловдивѣ. Отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній между гг. Кояндеромъ и Сорокинымъ, главнымъ образомъ потому, что первый не считалъ нужнымъ посвятить товарища въ тайны своей политики, а министерство иностранныхъ дѣлъ не озаботилось согласовать прямо противорѣчившіи другъ другу образъ дѣйствій двухъ своихъ агентовъ по сю и по ту сторону Балканъ. Къ сожалѣнію, явленіе это довольно общее въ нашей дипломатіи, и за недостаткомъ яснаго руководительства изъ центра, одинъ мѣстный агентъ преспокойно раздѣлываетъ результаты, достиженіе коихъ стоило не мало труда другому агенту. Я глубоко убѣжденъ, что именно такого рода разладъ и былъ главною причиною нашихъ дипломатическихъ неудачъ, столь тяжело отразившихся на международномъ положеніи Россіи въ роковое время между Санъ-Стефанскимъ миромъ и Берлинскимъ конгрессомъ.

Но возвратимся къ событіямъ въ Софіи.

Послѣдствіемъ телеграммы изъ Петербурга было представленіе князю отставки военнаго министра и всѣхъ находящихся на болгарской службѣ русскихъ офицеровъ. Князь обратился къ чувству офицерской чести, прося министра и офицеровъ продолжать мобилизацію арміи и сдавать болгарамъ командуемые ими части лишь при выстуplenіи въ походъ. Князь Кантакузинъ согласился на эту просьбу, но самъ оставилъ министерство. Преемникомъ ему назначенъ болгаринъ, капитанъ Никифоровъ.

Удаленіе русскихъ офицеровъ изъ болгарской арміи произвело удручающее впечатлѣніе на болгаръ. „Къ сожалѣнію“, — доносилъ г. Кояндеръ, — „оно не имѣло на нихъ того отрезвляющаго дѣйствія, на которое можно было рассчитывать, и вовсе не способствовало успокоенію умовъ“. Но въ томъ-то и дѣло, что рассчитывать на отрезвленіе было совершенно невозможно. Дѣло Соединенія было дорого каждому болгарину. Никто изъ нихъ не могъ понять, что Россія можетъ отнестись къ нему несочувственно. Объ истинныхъ причинахъ

неудовольствія русскаго двора на князя народъ не зналъ. Его потому и приводило въ недоумѣнїе, что когда князь посягалъ на народныя вольности, Россія покровительствовала ему, а теперь, когда онъ взялся осуществить завѣтную мечту народа—Россія отступается отъ него. Для разъясненія этихъ сомнѣній со стороны нашей дипломатїи не было сдѣлано ничего.

Г. Кояндеръ, очевидно, самъ не понималъ значенія соединительнаго движенія. Онъ считалъ его партійнымъ дѣломъ, забывая, что если оно и было такимъ въ періодъ подготовленія, то стало со дня переворота дѣломъ всенароднымъ, общеполитическимъ. Узкость его взгляда доказывается слѣдующими словами одного изъ его донесеній: „Властвующая партія находитъ необходимымъ довести дѣло до конца, рискуя даже кровопролитїемъ. Вопросъ, по ихъ понятїямъ, былъ такъ поставленъ, что не было никакой возможности къ возврату. Съ точки зрѣнїя узкихъ партійныхъ интересовъ они были совершенно правы, потому что обрисовка движеній тотчасъ же открыла бы народу глаза и выставила бы въ яркомъ свѣтѣ ихъ обманныя дѣйствїя, помощью которыхъ вожаки либераловъ возбудили энтузіазмъ въ населенїи и для собственнаго спасенія обрекали страну на цѣлый рядъ злоключеній“¹⁾.

Въ этихъ строкахъ такъ и сквозитъ желчное раздраженіе г. Кояндера противъ болгарскихъ политическихъ дѣятелей, которыхъ онъ считалъ виновниками своихъ личныхъ и дипломатическихъ неудачъ. Раздраженіе его еще явственнѣе выразилось въ другомъ его донесенїи, въ которомъ онъ, сообщая о присоединенїи митрополита Климента и г. Гешова къ румелійской депутаціи, отправлявшейся въ Копенгагенъ ходатайствовать о принятїи дѣла Соединенія подъ Высочайшее покровительство, пишетъ между прочимъ: „Подобный выборъ объясняется, впрочемъ, легко тѣмъ соображенїемъ, что въ средѣ самихъ депутатовъ нельзя было бы выбрать ни одной выдающейся личности, которая могла бы внушить къ себѣ хотя малѣйшее довѣріе. Пресвященный Климентъ и г. Гешовъ остались *можетъ быть* единственными болгарскими, имѣющими почти незапятнанную репутацію и къ тому же всегда сочув-

¹⁾ Сж. тотъ же № „Правительственнаго Вѣстника“.

ственно относившимися къ Россіи“¹⁾). Двусмысленность этой фразы, очевидно, не входившая въ намѣренія г. Кояндера, но въ особенности подчеркнутыя мною два слова, наглядно свидѣтельствуешь, что нашъ агентъ далеко не находился въ томъ ровномъ и спокойномъ состояніи духа, при которомъ и возможенъ только вѣрный и безпристрастный взглядъ на событія.

То же нервное настроеніе, а сверхъ того и большую непоследовательность выказалъ г. Кояндеръ въ своихъ переговорахъ съ депутаціею отъ Народнаго Собранія, состоявшею изъ представителей всѣхъ партій и пришедшею просить его передать въ Копенгагенъ телеграмму собранія на Высочайшее Имя съ обращенною къ Государю Императору просьбою дозволить русскимъ офицерамъ оставаться на болгарской службѣ и принять подъ Свою защиту дѣло объединенія Болгаріи. Нашъ агентъ отказался исполнить это желаніе собранія, но, „въ надеждѣ положить конецъ всѣмъ толкамъ и недоразумѣніямъ, прочелъ депутаціи выдержки изъ всѣхъ полученныхъ имъ телеграммъ и заявилъ ей, что онъ, какъ вѣрнопопдаанный, не считаетъ себя въ правѣ повергать на благоусмотрѣніе Государя Императора просьбы, идущихъ въ разрѣзъ съ полученными имъ Высочайшими повелѣніями“. Весьма основательно возразилъ ему предсѣдатель собранія Стамбуловъ, „что онъ не имѣетъ права отказывать въ приѣмъ просьбы, обращенной къ Его Величеству, такъ какъ Императоръ Всероссійскій принимаетъ всякое ходатайство даже частныхъ лицъ, а не только представителей болгарскаго народа, котораго Онъ является покровителемъ“. Г. Кояндеръ остался непреклоненъ и даже отказалъ сообщить официально собранію, какъ просилъ о томъ Цанковъ, выписку изъ прочитанныхъ имъ депешъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, въ качествѣ *иностраннаго* представителя, можетъ-де имѣть официальные сношенія лишь съ вняжескими министрами. Выписку эту онъ, однако, выразилъ готовность послать частнымъ образомъ Цанкову, а депутацію „горячо“ просилъ „ознакомить народныхъ представителей съ его *личнымъ* мнѣніемъ о необходимости пріостановить движеніе войскъ,

¹⁾ См. „Правительственный Вѣстникъ“ отъ 26 октября (8 ноября) 1885 г., № 234.

которое можетъ повести къ бесполезному кровопролитію и разоренію страны“. Собраніе постановило непосредственно отправить телеграмму къ Государю въ Копенгагенъ, а Стамбуловъ, въ письмѣ къ нашему агенту, довольно дерзко выразилъ ему отъ имени народныхъ представителей порицаніе его образу дѣйствій. Въ донесеніи своемъ г. Кояндеръ справедливо признаетъ этотъ поступокъ предсѣдателя собранія „неумѣстнымъ“ по отношенію „къ представителю иностранной державы“¹⁾.

Нѣсколько дней спустя получена была въ агентствѣ телеграмма отъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, изъ Фреденсборга, слѣдующаго содержанія: „Принявъ сегодня болгарскую депутацію и милостиво выслушавъ просьбу о покровительствѣ, Государь Императоръ изволилъ сказать, что чувства Россіи къ болгарскому народу не измѣнились, не смотря на принятое въ послѣднее время болгарскимъ правительствомъ направленіе. Мысль о соединеніи обѣихъ частей Болгаріи понятна; ея желала и Россія. Но Его Величество никакъ не можетъ одобрить средствъ, къ которымъ прибѣгли болгары вопреки волѣ Государя. Настоящимъ поступкомъ они повергли себя въ крайне опасное положеніе. Императорское правительство употребитъ все старанія къ предохраненію Болгаріи отъ угрожающей опасности и упроченію въ ней порядка, согласно ея интересамъ; но достигъ этого можно лишь при условіи, чтобъ болгары оставались спокойны въ ожиданіи, пока вопросъ не рѣшится окончательно“²⁾.

Сопоставляя эти исполненныя величаваго спокойствія и истинно царственнаго достоинства слова съ только что приведенными рѣзкими и безтактными рѣчами и писаніями нашего дипломатическаго агента въ Софіи, невольно припоминаешь утвержденіе князя П. А. Вяземскаго, что въ большей части случаевъ „русская дипломатія—невѣрный переводъ высочайшаго текста“. Телеграмма изъ Фреденсборга опредѣлила безповоротное отношеніе Россіи къ дѣлу болгарскаго Соединенія. Умолчаніе въ ней имени князя Александра ясно указывало

¹⁾ См. „Правительственный Вѣстникъ“, № 233.

²⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ дипломатическому агенту въ Софіи 21 сентября (3 октября) 1885 г.

на значеніе отозванія русскихъ военнаго министра и офицеровъ. Русскія силы не могли быть оставлены въ распоряженіи измѣнника Россіи, ея заклятаго врага, и соединеніе обѣихъ Болгарій не должно было состояться въ его пользу. Того требовала честь Россіи, на стражѣ которой стоитъ ея Державный Вождь, требовали и вѣрно понятыя государственные интересы имперіи. Этому высшему закону пришлось пожертвовать второстепенными соображеніями о частныхъ неудобствахъ, сопряженныхъ съ переходомъ болгарской арміи изъ нашихъ рукъ въ руки самихъ болгаръ. Неудобствами этими мы платили за длинный рядъ промаховъ нашей дипломатіи, не сѣумѣвшей въ теченіе семи лѣтъ, истекшихъ со времени войны, устоять на прочномъ основаніи русское вліяніе въ Болгаріи. Высочайшая воля указывала русскимъ дипломатамъ ихъ задачу въ будущемъ: загладить ошибки прошлаго, предохранить Болгарію отъ опасностей, возстановить въ ней порядокъ. Задача многотрудная и требовавшая отъ нашего дипломатическаго вѣдомства много ума, такта, энергіи и патріотическаго одушевленія, безъ котораго безплодны хитроумнѣйшія сплетенія и сочетанія въ политикѣ.

XIII.

Разрывъ русскаго двора съ княземъ Александромъ. — Совѣщанія пословъ великихъ державъ въ Константинополь. — Созывъ конференціи. — Предложеніе русскаго уполномоченнаго. — Протестъ Англіи.

Румелійскій переворотъ и объединеніе обѣихъ Болгарій вызвали бурю въ двухъ сопредѣльныхъ балканскихъ государствахъ: Сербіи и Греціи. И та, и другая объявили, что не допустятъ нарушенія въ ущербъ имъ территоріальнаго равновѣсія, установленнаго на полуостровѣ берлинскимъ конгрессомъ. Въ Бѣлградѣ и Афинахъ стали поспѣшно вооружаться, не скрывая намѣренія оружіемъ добыть земельное приращеніе. Грозныя тучи собирались надъ Болгаріей. Ей угрожало съ одной стороны турецкое вмѣшательство въ Румелию; съ другой — вторженіе грековъ въ Македонію; съ третьей — нападеніе сербовъ на самую столицу княжества.

Въ эту критическую минуту, потерявъ всякую надежду на помощь Россіи, князь Александръ искалъ опоры въ Англии. Одинъ, изъ всѣхъ представителей великихъ державъ, великобританскій агентъ Лассельсъ вступилъ съ нимъ въ близкія сношенія и неотлучно находился при немъ, сопровождая его въ частыхъ переѣздахъ изъ Софіи въ Пловдивъ и обратно. Князь уже не сдерживалъ выраженія своей злобы на Россію въ рѣчахъ, обращенныхъ къ войску и къ народу. Въ одной изъ такихъ рѣчей онъ, какъ доносилъ г. Кюандеръ, „громко передъ фронтомъ“ заявилъ, что день, въ который ему удалось наконецъ видѣть національное войско подъ командою исключительно болгарскихъ офицеровъ, онъ считаетъ счастливейшимъ днемъ въ своей жизни, причемъ тутъ же презрительно отозвался о нашихъ соотечественникахъ, заявивъ, что они повинили свои посты въ минуту опасности“ ¹⁾.

Отвѣтомъ нашего правительства было исключеніе его высочества князя болгарскаго изъ списковъ русской арміи.

Эта суровая, но вполне заслуженная кара прекращала намъ всякую возможность дѣйствовать дипломатическимъ путемъ въ Болгаріи, что, впрочемъ, не смущало русскую дипломатію, предпочитавшую искать благопріятнаго для Россіи разрѣшенія болгарскаго вопроса на излюбленной почвѣ общеевропейскаго соглашенія.

Съ самаго начала румелійскихъ замѣшательствъ великія державы заняли по отношенію къ нимъ положеніе выжидательное. Первая встрепенулась Австро-Венгерія, предложившая пригласить сообщая князя Александра „не распространять движенія за предѣлы Болгаріи и Румеліи“, другими словами, не возбуждать и не поддерживать возстанія въ Македоніи. Французское правительство предложило сдѣлать такое же представленіе Греціи, Сербіи и даже Румыніи. Въ свою очередь, императорскій кабинетъ, по предварительномъ уговорѣ съ дворами берлинскимъ и вѣнскимъ, выступилъ съ предложеніемъ: „безотлагательно собраться посламъ великихъ державъ въ Константинополь, дабы условиться о тождественномъ обращеніи въ

¹⁾ См. „Правительственный Вѣстникъ“ отъ 27 октября (8 ноября) 1885 г., № 235.

обѣимъ сторонамъ отъ имени Европы, съ цѣлью предотвратить кровопролитіе и выиграть время для постановленія рѣшенія ¹⁾).

Русское предложеніе было принято державами, хотя и не безъ оговорокъ. Франція заявила, что оно „отвѣчаетъ общимъ видамъ правительства республики“; Англія — что она желала бы не придавать собранію пословъ слишкомъ большой торжественности и елико возможно придерживаться Берлинскаго договора; Германія — что посламъ слѣдуетъ собираться у старѣйшаго изъ нихъ, итальянскаго представителя графа Корти, не составляя изъ себя официальной конференціи. Соотвѣтственно сему, правительства дали наставленія посламъ своимъ въ Константинополь. Парижскій кабинетъ, признавая необходимость отстаивать начало цѣлости Оттоманской имперіи, находилъ, однако, неудобнымъ „рѣзкій возвратъ къ прежнему положенію“, считая его опаснымъ для европейскаго мира. „Въ томъ случаѣ“, — писалъ г. де-Фрейсинэ послу при Портѣ, маркизу де-Ноалю, — „если, *вопреки моимъ ожиданіямъ*, большинство вашихъ товарищей сначала же выскажется въ принципѣ противъ соединенія Румелии съ Болгаріей, то вы отнесетесь ко мнѣ, прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе“ ²⁾. Еще опредѣленнѣе высказывался въ пользу Соединенія лондонскій дворъ въ инструкціяхъ своему представителю. Лордъ Салисбюри предписывалъ ему „какъ можно менѣе измѣнять конституціи Болгаріи и Румелии, но согласиться на сліяніе обѣихъ странъ подъ властью князя Александра“ ³⁾. Италія выражала желаніе возстановить *status quo ante*, на точномъ основаніи Берлинскаго трактата ⁴⁾. Того же взгляда придерживались Германія, Австрія и Россія.

Послы собрались на совѣщаніе въ Константинополь 22 сентября (4 октября). Въ виду разногласія по главному вопросу о Соединеніи, рѣшено было, какъ доносилъ французскій по-

¹⁾ Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ французскому министру иностранныхъ дѣлъ 13 (25) сентября 1885 г.

²⁾ Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ послу въ Константинополь, 17 (29) сентября 1885 г.

³⁾ Французскій посолъ въ Лондонѣ министру иностранныхъ дѣлъ, 16 (28) сентября 1885 г.

⁴⁾ Французскій посолъ въ Римѣ ему же, 18 (30) сентября 1885 г.

соль, не касаться существа дѣла и не постановлять рѣшенія, а только „принять какую либо временную мѣру, которая приостановила бы теченіе румелійской революціи и дала бы время подготовить окончательное рѣшеніе“¹⁾). Такою мѣрою была декларація пословъ, изъ которой, по настоянію Австро-Венгріи, поддержанному Россіей²⁾, пришлось исключить все, что могло быть принято за выраженіе порицанія военнымъ приготовленіямъ Сербіи и, между прочимъ, слова: „что единодушная воля великихъ державъ — заставить уважать миръ на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова“. Такимъ образомъ всѣ громы представителей Европы были исключительно направлены на Болгарію. Державы, — говорилось въ деклараціи, — осуждаютъ всякое нарушеніе существующихъ договоровъ, и, слѣдовательно, могутъ только строго порицать событія, происшедшія въ Восточной Румелии, возлагая на тѣхъ, кто располагаетъ властью по обомъ склонамъ Балканъ, отвѣтственность за всякій вызовъ и за всякое дѣйствіе, направленное къ распространенію движенія въ сосѣднихъ областяхъ³⁾). Декларація, подписанная послами въ Константинополѣ, была сообщена Портѣ и болгарскому правительству, а также кабинетамъ аѳинскому и бѣлградскому.

Скоро убѣдились, что мѣра эта не достигаетъ никакого положительнаго результата и Россія снова взяла на себя починъ созванія въ Царьградѣ европейской конференціи. Императорскій кабинетъ выработалъ цѣлую программу разрѣшенія румелійскаго вопроса и изложилъ ее въ слѣдующей инструкціи нашему послу въ Константинополѣ: „Мы совѣтуемъ султану отвѣчать на тождественную декларацію требованіемъ прежде всего поддержать право на основаніи договоровъ и созвать конференцію въ Константинополѣ. Мы просимъ его сообщить намъ свои окончательные виды относительно рѣшенія, которое онъ предложитъ конференціи и которое должно какъ

¹⁾ Французскій посолъ въ Константинополѣ министру иностранныхъ дѣлъ 21 сентября (3 октября) 1885 г.

²⁾ Это явствуетъ изъ циркулярной телеграммы французскаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 1 (13) октября 1885 г.

³⁾ Декларація пословъ великихъ державъ въ Константинополѣ отъ 2 (16) октября 1885 г.

можно менѣе отдаляться отъ *statu quo ante*, дабы отнять всякій предлогъ у греко-сербскихъ притязаній. По нашему мнѣнію, такое рѣшеніе могло бы быть основано на предварительномъ требованіи (*sommatation préalable*), обращенномъ къ князю Александру, чтобы онъ очистилъ румелійскую территорію, вторженіе въ которую произошло вопреки договорамъ и правамъ султана, съ тѣмъ, что державы условятся впоследствии съ Портою объ истинныхъ мѣрахъ къ успокоенію, которыя онъ признаетъ возможнымъ даровать. Требованіе это будетъ отвезено въ Филиппополь делегатомъ конференціи отъ имени Европы, съ присовокупленіемъ категорической деклараціи, что, въ случаѣ отказа, державы лишатся возможности защитить болгаръ отъ послѣдствій ихъ поступковъ“. Вѣрную оцѣнку петербургской дипломатической программы сдѣлалъ, самъ того не вѣдая, посолъ нашъ въ Парижѣ, обратившій вниманіе французскаго министра иностранныхъ дѣлъ на то обстоятельство, что „*русское правительство въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ вопросахъ, касающихся Востока, выражаетъ одни только европейскія, а никакъ не русскія воззрѣнія*“¹⁾.

Слова эти, занесенныя въ официальную Желтую Книгу, сами за себя говорятъ такъ ясно, что въ комментаріяхъ никакихъ не нуждаются.

9 (21) октября Порта разослала великимъ державамъ приглашеніе собраться на конференцію въ Константинополь, при ея участіи, съ цѣлью безотлагательно разрѣшить затрудненія, возникшія въ Восточной Румеліи, на точномъ основаніи Берлинскаго трактата и сообразно верховнымъ правамъ султана. „Конференція“, — оговаривалъ турецкій циркуляръ, — „соберется подъ условіемъ: исключительно заняться дѣлами Восточной Румеліи“²⁾.

Оговорка эта включена по требованію Австро-Венгрии, желавшей во что бы ни стало выгородить Сербію и не стѣс-

¹⁾ Во названіе недоразумѣній, привожу въ подлинникѣ это мѣсто изъ циркулярной телеграммы г. де-Фрейсина отъ 7 (19) октября 1885 года: „*Le baron de Mohrenheim a terminé en exprimant l'espoir que nous marcherions d'accord avec son gouvernement dans cette question, où il n'apportait comme dans toutes les questions orientales que des vues européennes et non des vues russes*“.

²⁾ Циркуляръ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 9 (21) октября 1885 г.

нять ее въ задуманномъ набѣгѣ на Болгарію. Съ нею согласилась Россія въ надеждѣ, что на конференціи вѣнскій дворъ поддержитъ ея предложенія. Съ взглядомъ императорскаго кабинета на задачу конференціи мы можемъ ознакомиться изъ слѣдующаго заявленія барона Моренгейма г. де-Фрейсинэ: „Первый актъ конференціи долженъ состоятъ въ предъявленіи князю Александру требованія подчиниться и возвратиться къ *statu quo ante*. Вторымъ актомъ, въ случаѣ отказа князя, было бы соглашеніе съ Портой о мѣрахъ военной экзекуціи. Наконецъ, третій и послѣдній актъ: конференція обсудитъ измѣненія, признанныя необходимыми въ Берлинскомъ договорѣ по отношенію къ Румелии, въ видахъ огражденія будущаго“¹⁾.

Даже наиболѣе дружественно расположенная къ намъ Франція предъявила возраженія противъ такого плана. Г. де-Фрейсинэ замѣтилъ нашему послу, что требованіе князю Александру должно быть предъявлено отъ имени Порты, а не конференціи, которой слѣдуетъ только поддержать это требованіе. Далѣе, онъ не скрылъ отъ барона Моренгейма, что „въ виду непредвидѣнныхъ послѣдствій, которыя можетъ вызвать военная экзекуція, онъ ни мало не желаетъ расширить роль Франціи внѣ ея нормальныхъ предѣловъ“²⁾. Въ инструкціяхъ французскому уполномоченному на конференціи министръ иностранныхъ дѣлъ предписалъ ему воздержаться отъ участія въ переговорахъ, если возбужденъ будетъ вопросъ о замѣнѣ князя Александра на болгарскомъ престолѣ, „потому что“,—пояснялъ онъ,—„намъ не зачѣмъ высказываться въ вопросахъ личныхъ, и мы только требуемъ, чтобы князь, правящій страной (*investi du gouvernement*), пользовался полною независимостью, необходимою въ сношеніяхъ со всѣми великими державами“³⁾. Но о такой прямой постановкѣ вопроса русская дипломатія и не помышляла.

Конференція собралась въ Константинополѣ 24 октября (5 ноября) и засѣдала вплоть до 18 (30) ноября, не придя ни

¹⁾ Циркулярная телеграмма французскаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 11 (23) октября 1885 года.

²⁾ Та же телеграмма.

³⁾ Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ послу въ Константинополѣ 16 (28) октября 1885 г.

къ какому опредѣленному рѣшенію. Я не намѣренъ излагать продолжительныя, но совершенно безплодныя пренія, а хочу только остановиться на роли русскаго уполномоченнаго и на характерѣ его заявленій.

Во второмъ засѣданіи г. Нелидовъ въ пространной рѣчи изложилъ взглядъ императорскаго кабинета на румелійскій вопросъ. Напомнивъ, что по Санъ-Стефанскому миру, подъ которымъ стоитъ и его подпись, Болгарія должна была быть единою, и что на Берлинскомъ конгрессѣ Англія болѣе всѣхъ державъ настаивала на ея раздѣленіи и учрежденіи автономной области, подъ названіемъ Восточной Румелии, нашъ посолъ утверждалъ, „что это предложеніе было сдѣлано во имя общаго интереса, во имя мира, и для поддержанія власти султана, каковыя соображенія и побудили-де императорское правительство принять предложенныя измѣненія“. Россія честно исполнила условія Берлинскаго трактата, пользуясь своимъ вліяніемъ въ княжествѣ, исключительно въ интересахъ мира, совѣтуя населенію „заниматься своими матеріальными интересами, внѣ всякихъ политическихъ мечтаній“. Со своей стороны султанъ „обнималъ своимъ благоволеніемъ Восточную Румелию“, которой органической статутъ обезпечивалъ выгодное и спокойное существованіе. Область эта была счастлива и довольна. Состояніе ея „не исключало даже національнаго чувства, вполне естественнаго, но которое должно было бы заключаться въ границахъ терпѣнія и умѣренности“. „Дѣйствительно“, — воскликнулъ г. Нелидовъ — „мы видимъ здѣсь, среди насъ, представителей двухъ державъ, національное единство которыхъ совершилось благодаря знаменитымъ государямъ и государственнымъ людямъ, тогда какъ насильственныя и революціонныя попытки всегда оставались безъ успѣха“. Не могу не замѣтить, что эта краснорѣчивая историческая параллель весьма мало убѣдительна, будучи сомнительною по отношенію къ Германіи и вовсе непримѣнимою къ Италіи, какъ извѣстно, объединившейся прямо революціоннымъ путемъ.

„Въ Болгаріи“, — продолжалъ нашъ уполномоченный, — „совѣты мудрости не превозмогли. Национальное чувство было тамъ лишь орудіемъ дѣйствія для агитаторовъ, игравшихъ этимъ чувствомъ. Соединенія, которому въ Восточной Руме-

ли при Алеко-пашѣ сочувствовало правительство, стала при его преемникѣ добиваться оппозиція. Движеніе подготовлено военнымъ заговоромъ, поддержаннымъ радикальною партією, располагавшею властью въ княжествѣ. Князь, вассаль султана, явился исполнителемъ. Народъ обманули, сказавъ, что державы сочувствуютъ Соединенію, поддержать его. Заблужденіе это нынѣ разсѣвается мало-по-малу. Можетъ ли султанъ, можетъ ли Европа допустить переворотъ, совершившійся при подобныхъ условіяхъ?“ Въ заключеніе русскій посоль въразжалъ мнѣніе, что совѣщанія конференціи не могутъ имѣть иныхъ основаній, кромѣ подтвержденія Берлинскаго договора, уваженія къ правамъ султана и формальнаго возвращенія къ *statu quo ante*¹⁾.

Формулованныя Россіей основанія были приняты конференціею. Но уже въ третьемъ засѣданіи англійскій уполномоченный выступилъ съ предложеніемъ назначить международное слѣдствіе, съ цѣлью изучить положеніе Восточной Румелии и, справившись съ мнѣніемъ населенія, удовлетворить его желанія. Развивая свое предложеніе въ четвертомъ засѣданіи, сэръ Вильямъ Уайтъ вступилъ въ полемику съ г. Нелидовымъ. „Русскій посоль“,—сказалъ онъ, — „говорилъ о стремленіяхъ (*aspirations*) жителей Восточной Румелии. Каковы же они: естественныя или искусственныя? Если они естественны то можемъ ли мы признать, что возстановленіе *statu quo ante*, безъ малѣйшихъ улучшеній, обезпечить насъ отъ болѣе или менѣе близкаго возвращенія подобныхъ смуть?“ Представитель Англій требовалъ, чтобы предложенное имъ слѣдствіе было произведено предварительно принятія мѣръ, проектированныхъ Портою для возстановленія въ Восточной Румелии законнаго порядка.

Мѣры эти были слѣдующія: пригласить князя Александра чрезъ делегата отъ имени султана и великихъ державъ удалиться изъ Румелии и вывести оттуда болгарскія войска; поручить тому же делегату обратиться къ властямъ и населенію автономной области съ воззваніемъ о подчиненіи законному

¹⁾ Протоколъ II засѣданія константинопольской конференціи 26 октября (7 ноября) 1885 г.

порядку; ввѣрить управленіе Румеліею чрезвычайному комиссару впредь до назначенія генераль-губернатора. Лишь по полномъ возстановленіи порядка въ области, Порта предполагала учредить смѣшанную комиссію, для введенія въ областной органической статутъ признанныхъ нужными улучшеній¹⁾.

Предложенія Порты были одобрены конференціею и приняты ею съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, рѣшено, что турецкій делегатъ будетъ говорить и дѣйствовать отъ имени султана, опираясь на приданныхъ ему делегатовъ великихъ державъ. Русскій посолъ находилъ таковой образъ дѣйствій „весьма практичнымъ, весьма правильнымъ и весьма дѣйствительнымъ (très pratique, très correct et très efficace)“. Въ этомъ смыслѣ и была составлена окончательная декларация въ четырехъ статьяхъ, представленная на утвержденіе конференціи въ седьмомъ засѣданіи 13 (25) ноября. Къ величайшему изумленію уполномоченныхъ, англійскій представитель предъявилъ противъ нея два возраженія, основанныя на томъ, что великобританское правительство не согласно-де на возвращеніе къ *statu quo ante*, находя, что не настало еще время высказаться въ пользу какаго этого, такъ и всякаго другого положенія. Онъ требовалъ, чтобы во 2-й статьѣ деклараціи, ограничивавшей предположенныя улучшения въ системѣ управленія Румеліею *предѣлами Берлинскаго трактата*, послѣднія слова были выпущены, и чтобы вовсе были исключены 3-я и 4-я статьи, о назначеніи въ Румелію генераль-губернатора и о содѣйствіи делегатовъ державъ къ возстановленію въ области прежняго порядка²⁾.

Конференція была сорвана. Англійское заявленіе являлось равносильнымъ провозглашенію рѣшимости сентъ-джемскаго кабинета поддерживать князя Александра и его притязанія на Восточную Румелію. Г. Нелидовъ излилъ свою досаду въ гнѣвной рѣчи. Въ ней онъ возлагалъ на Англію отвѣтственность за продленіе на Балканскомъ полуостровѣ смутъ, служащихъ угрозою миру Европы, „заботу о коемъ“ посолъ нашъ, выражаясь его же словами, „ставитъ выше всего“. Протоколъ седьмого засѣданія кончается такъ: „слѣдующее засѣданіе назна-

¹⁾ Протоколъ IV засѣданія 31 октября (12 ноября) 1885 г.

²⁾ Протоколъ VII и послѣдняго засѣданія 13 (25) ноября 1885 г.

чено въ субботу“. Но конференція больше не собиралась. Ее далеко опередили кровавыя событія, разыгравшіяся на сербо-болгарской границѣ и давшія дѣлу Соединенія обѣихъ Болгарій направленіе, ни мало не сходное съ видами и намѣреніями большинства засѣдавшихъ въ Константинополѣ дипломатовъ.

XIV.

Сербо-Болгарская война.—Вмѣшательство Австріи.—Дипломатическіе переговоры объ условіяхъ мира.—Бухарестскій мирный договоръ.

Братоубійственная война, начавшаяся вторженіемъ сербовъ въ Болгарію и завершившаяся взятіемъ болгарами Пирота, продолжалась ровно двѣ недѣли (со 2 (14) по 16 (28) ноября 1885 г.). Въ этотъ краткій промежутокъ времени, вопросъ о болгарскомъ Соединеніи, о которомъ такъ долго и такъ безплодно совѣщались дипломаты, разрѣшенъ былъ безповоротно, помимо ихъ, наиболѣе дѣйствительными средствами: *ferro et igne*.

Тотчасъ по полученіи извѣстія о румелійскомъ переворотѣ, король Миланъ приступилъ къ мобилизаціи своей арміи, объявивъ представителямъ великихъ державъ, что Сербія не можетъ допустить соединенія обѣихъ Болгарій, не получивъ соотвѣтственнаго земельного приращенія. По почину Франціи, посланники французскій, англійскій, итальянскій и русскій старались повліять на сербскаго короля, совѣтуя ему не выходить изъ предѣловъ умѣренности и сдержанности. Аудиенція нашего представителя г. Персіани продолжалась около двухъ часовъ. Но король отвѣчалъ ему, что война неизбежна, если только не будетъ восстановлено въ Румеліи *status quo ante* или Сербія не получитъ территориальнаго вознагражденія¹⁾. Весьма вѣрно замѣтилъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, что всѣ державы, по географическому положенію, по племенному родству или по другимъ причинамъ, располагаютъ далеко не одинаковыми способами давленія на Сербію, и что въ этомъ

¹⁾ Французскій посланникъ въ Бѣлградѣ министру иностранныхъ дѣлъ 19 сентября (1 октября) 1885 г.

отношеніи Австрія и съ нею Германія поставлены въ наиболѣе благоприятныя условія¹⁾. Мнѣніе это выражалъ и лордъ Салисбюри австрійскому и германскому посламъ въ Лондонѣ²⁾. Но Германія молчала, а Австрія явно потворствовала хищнымъ замысламъ сербовъ и едва ли даже не внушала и не поддерживала ихъ.

Война уже началась, а въ Петербургѣ все еще надѣялись, что рѣшеніе константинопольской конференціи о восстановленіи *statu quo ante* въ Румелии прекратитъ ее. На французское предложеніе заявить въ Бѣлградѣ, что въ случаѣ нападенія сербовъ на Болгарію, Европа не станетъ препятствовать султану защитить своего вассала, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что хотя оно и основано на правѣ, но что едва ли турецкое вмѣшательство въ состояніи разрѣшить вопросъ. При этомъ г. Гирсъ высказалъ пожеланіе, чтобы конференція провозгласила уваженіе свое къ Берлинскому договору и возвращеніе къ прежнему порядку, и въ то же время предписала (*enjoignit*) князю Александру оставаться въ Софіи. „Тогда“,—говорилъ министръ французскому послу, — „король Миланъ, не имѣя болѣе предлога къ нападенію, возвратится во-свояси“. — „Сомнѣваюсь, чтобы надежда эта была основательна“, глубокоумыленно замѣтилъ генералъ Апперъ³⁾.

Между тѣмъ, событія на Балканскомъ полуостровѣ приняли оборотъ совершенно неожиданный для дипломатовъ вообще и австро-венгерскихъ въ особенности. Болгары, геройски отразивъ незаконное нападеніе сербовъ, разбивъ и разстроивъ военныя силы короля Милана, смѣло перешли въ наступленіе и сами вторглись въ сербскіе предѣлы. Вѣнскій дворъ, трепеща за участь своего подручника, обратился за помощью къ Россіи. На десятый день войны, 12 (24) ноября, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ французскому послу, „что въ согласіи съ Австріею онъ намѣренъ просить великія державы

¹⁾ Циркулярная телеграмма французскаго министра иностранныхъ дѣлъ 19 сентября (1 октября) 1885 г.

²⁾ Французскій посолъ въ Лондонѣ министру иностранныхъ дѣлъ 16 (28) сентября 1885 г.

³⁾ Французскій посолъ въ Петербургѣ министру иностранныхъ дѣлъ 4 (16) ноября 1885 г.

явиться посредницами между воюющими сторонами, сербами и болгарами, дабы достигнуть перемирія и прежде всего прекратить кровопролитіе, съ тѣмъ, чтобы дать возможность дипломатиі заняться улаженіемъ этого новаго вопроса, крайне неудобнаго и запутаннаго“. Г. Гирсъ присовокупилъ, что болгарская армія—созданіе Россіи, что образовали ее русскіе инструкторы, что болгарскіе офицеры—воспитанники русскихъ военныхъ училищъ и академій, и что, наконецъ, русская тактика введена въ болгарской арміи. „Вотъ почему“, — заключилъ онъ, — „она могла противостоять арміи сербской, несравненно многочисленнѣйшей“¹⁾.

Въ тотъ же день русскій посоль въ Парижѣ передалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ телеграмму г. Гирса слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ считаетъ долгомъ челоуѣколюбія остановить пролитіе крови между сербами и болгарами, установивъ перемиріе путемъ энергическаго давленія, условленнаго съ Портою и державами. Такъ какъ военное равновѣсіе болѣе или менѣе восстановлено между двумя сторонами и рѣшеніе конференціи вернуть правовое положеніе къ Берлинскому трактату дѣлаетъ продолженіе борьбы безцѣльною, то минута кажется благопріятною. Благоволите пригласить правительство, при которомъ вы акредитованы, присоединиться къ этой безотлагательной мѣрѣ и снабдить соотвѣтственными инструкціями агентовъ своихъ въ Константинополь, Бѣлградъ и Софіи“²⁾.

Державы отвѣтили на русскій призывъ. Вечеромъ того же дня представители ихъ въ Бѣлградѣ вручили сербскому министру иностранныхъ дѣлъ совокупную ноту, всѣми ими подписанную, съ приглашеніемъ прекратить военныя дѣйствія. Такую же ноту передали въ Софіи болгарскому правительству агенты Россіи, Германіи и Австро-Венгріи три дня спустя, т. е. 15 (27) ноября. Представители прочихъ державъ приступили къ ней впоследствии.

Но Австрія мало вѣрила въ успѣхъ европейскаго вмѣшательства и въ чудодѣйственную силу дипломатическихъ нотъ.

¹⁾ Отъ того же къ тому же 12 (24) ноября 1885 года.

²⁾ Циркулярная телеграмма г. Гирса русскимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ отъ того же числа и года.

Болгары побѣдоносно шли впередъ и съ бою взяли Пиротъ. Разбитая и разстроенная сербская армія не въ силахъ была остановить движеніе ихъ къ Нишу и Бѣлграду. Близкая опасность грозила столицѣ королевства и самому престолу короля Милана. Вѣнскій дворъ рѣшился на самыя энергическія мѣры, чтобы спасти преданнаго ей Обреновича. 16 (28) ноября, въ главной квартирѣ князя Александра, въ Пиротѣ, появился австрійскій посланникъ при сербскомъ дворѣ графъ Кевенгюллеръ и объявилъ, „что если князь будетъ продолжать подвигаться по сербской территоріи, то австро-венгерская армія перейдетъ въ Сербію и, *следовательно*, болгарскія войска встрѣтятся уже не съ сербскими войсками, а съ императорско-королевскою арміею“¹⁾. Австрійская угроза подѣйствовала. Князь Александръ согласился на пріостановку военныхъ дѣйствій.

По настоянію вѣнскаго двора, опредѣленіе условій перемирія и проведеніе разграничительной черты между позиціями, занимаемыми болгарскими и сербскими войсками, было возложено на отправленную въ Пиротъ европейскую комиссію, составленную изъ военныхъ агентовъ великихъ державъ въ Вѣнѣ и делегатовъ Болгаріи и Сербіи. Перемиріе подписано 9 (21) декабря.

Такимъ образомъ Сербо-Болгарская война какъ началась, такъ и окончилась, совершенно независимо отъ насъ. Австрія, ее допустившая, въ надеждѣ на побѣду сербовъ надъ болгарами, самопроизвольно прекратила ее, какъ только убѣдилась, что рѣшительный перевѣсъ на сторонѣ послѣднихъ. Ея энергическое заступничество за Сербію лишило болгаръ всякой возможности воспользоваться плодами своихъ успѣховъ. Увѣренный въ поддержкѣ австрійцевъ, король Миланъ и слышать не хотѣлъ не только о территоріальныхъ уступкахъ, но и о денежномъ вознагражденіи Болгаріи. Во всемъ этомъ дѣлѣ Австрія дѣйствовала вполнѣ самостоятельно, руководствуясь исключительно заботою о своихъ интересахъ. Къ содѣйствію Европы она прибѣгала лишь въ случаяхъ, когда ожидала отъ

¹⁾ Слова эти дословно переведены изъ циркулярной телеграммы болгарскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ великихъ державъ въ Софіи отъ 16 (28) ноября 1885 г.

нея поддержки своимъ видамъ и, не стѣсняясь, выдѣлялась изъ „европейскаго концерта“, коль скоро того требовали ея частныя выгоды.

Подобное поведеніе Австріи нисколько не поколебало, впрочемъ, вѣру нашего дипломатическаго вѣдомства въ этотъ самый „европейскій концертъ“, не сходявшій у русскихъ дипломатовъ ни съ ума, ни съ языка. Чѣмъ меньше дѣлали они дѣла, тѣмъ больше исписывали бумаги. Въ исходѣ 1885 года императорскій кабинетъ снова выступилъ съ предложеніемъ, обращеннымъ къ Европѣ.

„Желаніе мирнаго исхода восточныхъ замѣшательствъ“,— писалъ г. Гирсъ,— „было обнаружено всѣми державами. Хотя единодушное соглашеніе касательно практическаго разрѣшенія кризиса и не могло состояться на константинопольской конференціи, но совокупное вмѣшательство кабинетовъ увѣнчалось успѣхомъ, остановивъ враждебныя дѣйствія между Болгаріею и Сербіею. Вмѣшательство это не полно, пока государства Балканскаго полуострова сохранять свои вооруженія въ ожиданіи случайностей, которыя слѣдовало бы предотвратить. Всеобщая демобилизація отстранила бы эту опасность и дозволила бы съ бѣльшей безопасностью заняться изысканіемъ мирнаго исхода изъ настоящихъ затрудненій. Императорскій кабинетъ искренно желаетъ этого. Онъ полагаетъ, что эти мѣры отвѣтятъ желаніямъ и интересамъ Европы, а также и балканскихъ государствъ, изнемогающихъ вслѣдствіе продленія положенія, взаимно угрожающаго. Въ этомъ убѣжденіи Петербургскій кабинетъ предлагаетъ державамъ присоединиться къ нему, дабы совокупно и энергично заявить правительствамъ въ Бѣлградѣ, Софіи и Афинахъ о всеобщей и одновременной демобилизаціи, примѣру которой не откажется послѣдовать и Порты“¹⁾.

Краснорѣчивое это воззваніе осталось безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, по крайней мѣрѣ по отношенію къ сербамъ и болгарамъ. Ни тѣ, ни другіе не торопились заключеніемъ мира и только въ концѣ января уполномоченные ихъ съѣхались въ Бухарестѣ. Къ тому времени произошло сближеніе

¹⁾ Циркуляръ г. Гирса русскимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ, отъ 25 декабря 1885 г. (6 января 1886 г.).

Порты съ княземъ Александромъ и представитель султана имѣлъ принять участіе въ мирныхъ совѣщаніяхъ. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ не упустило и этого случая, дабы обратиться въ Европѣ съ новымъ предложеніемъ.

„Весьма нужно“, — читаемъ въ циркулярной телеграммѣ г. Гирса, — „чтобы въ виду переговоровъ, имѣющихъ открыться въ Бухарестѣ, кабинеты пришли къ соглашенію и дали знать въ Константинополь, Бѣлградѣ и Софіи, что державы, хотя и предоставляютъ имъ заключить миръ окончательно, но желаютъ, чтобы миръ этотъ былъ проченъ и серіозенъ, чтобы онъ не уклонялся отъ положенія, созданнаго Берлинскимъ трактатомъ, за исключеніемъ разрѣшенія давнихъ споровъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностяхъ, и чтобы, наконецъ, онъ не касался политическихъ вопросовъ, разрѣшеніе коихъ принадлежитъ исключительно Европѣ. Три заинтересованныя стороны будутъ приглашены дать въ этомъ смыслѣ инструкціи своимъ уполномоченнымъ. Эти послѣдніе должны извѣщать представителей державъ въ Константинополь о ходѣ переговоровъ и сообразоваться съ ихъ совѣтами. Константинопольскимъ представителямъ слѣдуетъ дѣйствовать не иначе, какъ обща, на основаніи изложенныхъ выше началъ, и съ этою цѣлью необходимо и ихъ снабдить аналогичными инструкціями“¹⁾.

На этотъ разъ нашему дипломатическому вѣдомству пришлось выслушать горькія истины отъ наиболѣе дружественно расположеннаго къ намъ правительства французскаго. „Прежде всего, я прошу у васъ позволенія“, — писалъ г. Фрейсина нашему послу въ Парижѣ, — „объясниться съ полною откровенностью о различнаго рода мѣрахъ, уже испытанныхъ державами въ теченіе событій, совершающихся въ Балканахъ, начиная съ минувшаго сентября. Мѣры эти—надо признаться—не всѣ были увѣнчаны успѣхомъ. Причина не въ томъ ли, что инициативы, коимъ подчинялась Европа, исходили изъ разныхъ точекъ зрѣнія и почти всегда взирали лишь на одну сторону задачи? Отсюда неизбежный недостатокъ послѣдовательности въ усиліяхъ и въ то же время ихъ слишкомъ явное безсиліе уничтожить зло въ корнѣ. Не слѣдуетъ ли опасаться,

¹⁾ Циркулярная телеграмма г. Гирса отъ 18 (30) января 1886 г.

что и новую мѣру, предлагаемую русскимъ правительствомъ, постигнетъ участь, одинаковая съ предшедшими, и что мы очутимся послѣ, какъ и прежде, предъ серіозными, требующими разрѣшенія, затрудненіями? ¹⁾).

Такъ разсуждалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, но прочимъ кабинетамъ ничего не стоило дать намъ невинную поблажку. Декларация въ указанномъ нами смыслѣ была составлена послами въ Константинополь и къ ней приступила Порта. Соотвѣтственно ей отправлены и инструкціи представителямъ великихъ державъ въ Бухарестѣ. И вотъ дипломатическая гора родила мышь. Мирный договоръ, подписанный въ румынской столицѣ 19 февраля (3 марта) 1886 года, состоялъ изъ единственной статьи, гласившей просто, что между Сербією и Болгарією возстановленъ миръ.

Внивая въ сущность того, что принято называть дипломатическими переговорами, поражаешься ихъ пустотою и вполне понятною становится заботливость дипломатовъ о томъ, чтобы какъ можно болѣе скрывать ихъ отъ непосвященныхъ и нескромныхъ взоровъ, окружить ореоломъ таинственности. Я разумью здѣсь, впрочемъ, лишь дипломатовъ стараго покроя, упорныхъ въ своихъ заблужденіяхъ, закоренѣлыхъ въ предразсудкахъ, всегда склонныхъ принять призракъ за дѣйствительность, слово за дѣло.

Но рядомъ съ этими дипломатами, которымъ какъ нельзя болѣе приличествуетъ названіе допотопныхъ, въ Европѣ народилось новое дипломатическое поколѣніе, самымъ совершеннымъ представителемъ коего служитъ гениальный государственный человѣкъ, руководящій политикою Германской имперіи. Дипломаты такого рода не боятся ни свѣта, ни воздуха, не чуждаются общественнаго мнѣнія своей родины, не пренебрегаютъ имъ, но, напротивъ, ищутъ и находятъ въ немъ твердую и надежную опору. Стараясь заслужить уваженіе и довѣріе соотечественниковъ, они на званіе свое взираютъ не какъ на средство весело и беззаботно скоротать свой вѣкъ, занимаясь переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, а какъ на вы-

---

¹⁾ Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ русскому послу въ Парижѣ 20 января (1 февраля) 1886 г.

сокое служеніе, требующее тщательной и основательной подготовки, обширных и существенных познаній, упорнаго труда, беззавѣтнаго самоотверженія. Сознавая важность лежащихъ на нихъ обязанностей, они отдаются имъ вполнѣ и всѣ силы своего ума сосредоточиваютъ на изученіи пользы и нужды отечества, на изысканіи наилучшихъ способовъ къ ихъ удовлетворенію. Въ рѣчахъ ихъ или произведеніяхъ ихъ пера вы не найдете звонкихъ и пышныхъ фразъ объ общихъ интересахъ человѣчества, о мирѣ, о порядкѣ, о Европѣ, всей этой политической маниловщины, обыкновенно прикрывающей безсодержательность разглагольствій такъ называемыхъ „традиціонныхъ“ дипломатовъ. Имъ въ голову не придетъ поступиться въ пользу подобныхъ отвлеченностей національными выгодами, исповѣдуемыми ими во всеуслышаніе, безъ робости и застѣнчивости, безъ ложнаго и необъяснимаго стыда. Они чужды колебаній и сомнѣній, такъ какъ всегда и всюду, среди самыхъ сложныхъ запутанныхъ дѣлъ, путеводною звѣздою служатъ имъ честь своего государя, благо своего народа. Они взрощены на его исторіи, живутъ одною съ нимъ жизнью, раздѣляютъ его воззрѣнія, чувства, вѣрованія, словомъ, являются истинными его представителями, плотью отъ плоти его и костью отъ костей, но прежде всего носителями его духа, какъ высшаго и чистѣйшаго проявленія народности. И какою крѣпостью почерпаютъ они въ непрестанномъ общеніи съ землею, съ ея нравственными и духовными родниками! Въ этомъ единеніи—не оскудѣвающая и животворящая сила, залогъ одолѣнія и побѣды надъ всѣми вражескими кознями.

Пошли Господь Россіи побольше такихъ дипломатовъ, стойкихъ и вѣрныхъ слугъ русскаго Царя, гордыхъ самосознаніемъ сыновъ русскаго народа.

XV.

Неудачная попытка Порты возстановить власть свою въ Восточной Румелии.— Соглашеніе князя Александра съ Турціею. — Возраженія Россіи. — Признаніе Европою Соединенія обѣихъ Болгарій.

Заступничество Австріи помѣшало болгарамъ наказать сербовъ за предательское нападеніе, но побѣдоносный для первыхъ исходъ войны оказалъ рѣшающее вліяніе на разрѣшеніе вопроса о Соединеніи. Сыны Болгаріи по сю и по ту сторону Балканъ пролили вмѣстѣ кровь за общее дѣло, а кровь, по замѣчанію Гёте, удивительный союзъ. Она прочно спаяла обѣ Болгаріи, южную съ сѣвѣрною, сливъ ихъ въ единый и неразрывный государственный организмъ.

Вотъ чего не обдумала достаточно русская дипломатія и, не смотря на неудачу, постигшую ея усилія на константинопольской конференціи, она все еще не отчаявалась въ возможности возстановить въ бывшей автономной области столь дорогое ей *status quo ante*. Съ этою цѣлью, императорскій кабинетъ, по уговору съ дворами берлинскимъ и вѣнскимъ, къ коему приступила и Италія, убѣдилъ Порту отправить въ Пловдивъ двухъ турецкихъ делегатовъ, которые должны были пригласить мѣстныя власти покориться султану, именемъ его издать воззваніе объ амнистіи и возвѣстить о предстоящемъ прибытіи оттоманскаго комиссара для вступленія въ управленіе Румелиею. Делегатовъ Порты имѣли поддерживать особые уполномоченные Россіи, Германіи, Австріи и Италіи. Франція отказала отрядить своего делегата, находя, „что противно праву приводить въ исполненіе мнимыя постановленія конференціи, не пришедшей къ соглашенію“. Англіи Порты и не пыталась предлагать принять какое либо участіе въ предположенной мѣрѣ.

19 ноября (1 декабря) 1885 года, т. е. три дня по прекращеніи Сербо-Болгарской войны, оба турецкіе делегата прибыли въ столицу Румелии. Наканунѣ ихъ пріѣзда, пловдивскіе консулы, русскій, итальянскій и австрійскій, послѣдній также и въ качествѣ представителя Германіи, заявили мѣстному префекту о предстоящемъ прибытіи делегатовъ Порты и спро-

силн, какъ отнесутся къ нимъ власти и населеніе? Префектъ отвѣчалъ, что князь болгарскій не уполномочилъ его входить въ сношенія съ представителями султана и что онъ не можетъ отвѣчать за отношенія къ нимъ населенія¹⁾. Именитѣйшіе граждане собрались на совѣщаніе у епископа. Тамъ управляющій русскимъ генеральнымъ консульствомъ произнесъ рѣчь, „въ коей заявилъ, что обращался за инструкціями къ русскому посольству въ Константинополь и получилъ отвѣтъ, что если румелійское населеніе не захочетъ принять турецкихъ делегатовъ, то въ Румелію вступятъ турецкія войска и Россія ничего противъ этого не сдѣлаетъ²⁾. Угроза не утратила румеліотовъ. Повсемѣстно народъ собирался на сходки и постановлялъ резолюціи въ пользу Соединенія. 25 ноября (7 декабря) депутація отъ жителей Пловдива и провинціальныхъ делегатовъ вручила консуламъ великихъ державъ слѣдующій протестъ: „1) Мы протестуемъ противъ всякой попытки возвращенія къ *status quo ante*; 2) мы никогда не признаемъ иной власти, кромѣ болгарскаго правительства, въ лицѣ князя Александра, и рѣшили пролить кровь нашу до послѣдней капли за дѣло Соединенія“³⁾. Народное возбужденіе росло и грозило перейти въ насиліе надъ турецкими делегатами, которые, съ перепугу, спѣшили отретироваться, не посмѣвъ даже издать воззванія султана къ румелійскому населенію⁴⁾.

Не взирая на такой плачевный исходъ, Порта не рѣшилась ввести войска свои въ Румелію, не заручившись соглашеніемъ и уполномочіемъ всѣхъ великихъ державъ, которыя, между тѣмъ, никакъ не могли придти къ соглашенію. Англія упорно стояла на своей точкѣ зрѣнія и хотя признавала обязательность Берлинскаго трактата, но настаивала на необходимости принять во вниманіе и желанія населенія. Взглядъ этотъ раздѣляла Франція, тогда какъ прочія державы дер-

¹⁾ Французскій консулъ въ Пловдивѣ министру иностранныхъ дѣлъ 21 ноября (3 декабря) 1885 г.

²⁾ Корреспонденція изъ Пловдива въ № 328 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1885 г.

³⁾ Французскій консулъ въ Пловдивѣ министру иностранныхъ дѣлъ 25 ноября (7 декабря) 1885 г.

⁴⁾ Циркуляръ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 1 (13) декабря 1885 г.

жались, повидимому, противоположнаго русскаго воззрѣнія. Расколъ въ „европейскомъ концертѣ“ не позволялъ и помышлять о достиженіи въ конференціи единогласнаго рѣшенія.

Все это, конечно, было на руку князю Александру и обезпечивало ему благополучный исходъ изъ затрудненій, порожденныхъ его участіемъ въ дѣлѣ Соединенія. Незадолго до начала Сербо-Болгарской войны онъ сдѣлалъ новую попытку смягчить гнѣвъ императорскаго кабинета и снова приобрѣсть его расположеніе¹⁾. Надежда на примиреніе съ Россіей оживилась въ немъ по изданіи высочайшаго приказа по военному вѣдомству, въ коемъ Государь Императоръ соизволилъ признать „достоинными высокой похвалы отвагу, самоотверженіе, выносливость и уваженіе къ порядку, обнаруженныя болгарскими и румелійскими войсками“, хотя въ приказѣ и не было упомянуто о князѣ. Онъ воспользовался пребываніемъ въ Пиротѣ русскаго делегата въ разграничительной комиссіи барона Н. В. Каульбарса, чтобы чрезъ его посредство довести до свѣдѣнія нашего двора увѣренія въ раскаяніи и преданности. Тогда же отдалъ онъ приказъ по болгарской арміи, въ которомъ, между прочимъ, заявлялъ, „что признаетъ съ благодарностью, что армія его обязана своими успѣхами неустанной заботливости о ней Императора Всероссійскаго и примѣрной дѣятельности русскихъ инструкторовъ“.

Зайскиванія эти остались безъ отголоска въ Петербургѣ. Я не знаю, какъ отнеслась къ нимъ русская дипломатія, но смѣю думать, что не въ ея обычаѣ проявлять непреклонность воли и твердую послѣдовательность въ дѣйствіяхъ. Примиреніе съ Баттенбергомъ являлось для нашихъ дипломатическихъ сферъ наиболѣе легкимъ выходомъ изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставили насъ въ Болгаріи ихъ оплошность и несостоятельность. Оно маскировало бы также и послѣднюю неудачу нашихъ усилій заставить дѣйствовать въ нашу пользу пресловутый „европейскій концертъ“. А что княземъ воссоединенной Болгаріи остался бы человекъ, лишен-

¹⁾ Изъ телеграммы французскаго консула въ Пловдивѣ отъ 16 (28) октября видно, что князь обращался къ Государю Императору лично съ мольбою признать соединеніе и предотвратить войну между Болгаріею и Сербіею. Въ случаѣ благоприятнаго отвѣта, онъ намѣревался самъ поѣхать въ Петербургъ.

ный чести носить русскій мундиръ и вычеркнутый изъ списковъ русской арміи, то едва ли такое размышленіе и озабочивало нашихъ дипломатовъ. И если не состоялось подобное примиреніе, то этимъ Россія обязана единственно тому, что на высотѣ Царскаго престола живъ и памятенъ завѣтъ, изреченный императоромъ Николаемъ въ тяжкую годину всенароднаго испытанія: „Меня всякій можетъ обмануть *разъ*, но зато послѣ обмана я уже никогда не возвращаю утеряннаго до-вѣрія“¹⁾.

Достойно замѣчанія, что въ то самое время, когда князь Александръ, выражая притворное раскаяніе, пытался чрезъ барона Николая Каульбарса возвратить себѣ милость и благоволеніе Русскаго двора, англійская дипломатія усердно хлопотала объ установленіи прямого соглашенія между нимъ и Портою по румелійскому дѣлу. При посредничествѣ великобританскаго посла въ Константинополь, между Турціею и Болгаріею завязались непосредственные переговоры. Турки предъявили князю рядъ требованій, которыя были направлены въ тому, чтобы изъ фиктивнаго обратить его въ дѣйствительнаго вассала султана. Заимствую ихъ изъ болгарской Зеленой Книги: 1) Князь Александръ будетъ носить титулъ князя Болгаріи и намѣстника его императорскаго величества султана въ Восточной Румелии; 2) болгарскія войска составятъ нераздѣльную часть оттоманской арміи; 3) султанъ — верховный начальникъ болгарской арміи, въ лицѣ князя; 4) въ Царьградѣ будетъ постоянно находиться почетная болгарская гвардія на службѣ султана; 5) болгарская армія защищаетъ границы княжества и области отъ чужеземнаго нападенія при помощи, въ случаѣ нужды, оттоманской арміи; 6) болгарская армія принимаетъ участіе въ защитѣ отъ чужеземнаго нападенія всѣхъ европейскихъ границъ Оттоманской имперіи; 7) законодательная и исполнительная власть въ Восточной Румелии ввѣряется князю; 8) во время войны болгарскія войска или часть ихъ мобилизуются сообразно съ мобилизаціею оттоманской арміи; 9) въ мирное время одна болгарская дивизія остается въ распоряженіи султана и служитъ во внутреннихъ обла-

¹⁾ Императоръ Николай генераль-фельдмаршалу князю Паскевичу 3 (15) іюля 1854 г.

стяхъ имперіи; 10) Болгарія платитъ Турціи за Восточную Румелию ежегодную дань въ 200,000 турецкихъ лиръ; 11) мусульманскія села Кирджалийскаго округа и городъ Бургасъ отдѣляются отъ Восточной Румелии и присоединяются въ Турціи¹⁾.

Не любопытно ли, что турецкіе дипломаты, не колеблясь, предложили болгарскому князю установленіе между Турціею и Болгаріею именно того *modus vivendi*, которое наиболѣе приличествовало взаимнымъ отношеніямъ этой страны и ея освободительницы Россіи и до котораго, въ продолженіе восьми лѣтъ, истекшихъ со времени Берлинскаго конгресса, не додумалась русская дипломатія? Я разумѣю неразрывный союзъ, скрѣпленный полнымъ сліяніемъ болгарской арміи съ русскою, съ обязательствомъ для первой участвовать въ защитѣ русскихъ предѣловъ отъ всякаго нападенія и наоборотъ. И то, чего мы не могли или не смѣли, и возмogli и посмѣли совершить турки, и притомъ съ успѣхомъ. 20 января (1 февраля) 1886 года болгарскій министръ иностранныхъ дѣлъ подписалъ въ Царьградѣ соглашеніе съ великимъ визиремъ, мало разнившееся отъ первоначальныхъ условій Порты. Оно состояло изъ шести статей. Первая статья ввѣряла князю Александру болгарскому главное управленіе Восточною Румелиею на основаніяхъ Берлинскаго договора, съ тѣмъ, что князь, если только пребудетъ вѣренъ султану, поддержитъ порядокъ и спокойствіе въ области и обезпечитъ благосостояніе населенія, то каждый разъ, по истеченіи пятилѣтняго срока, установленнаго 17-ю статьею означеннаго договора, будетъ утверждаемъ султаномъ въ той же должности. Вторая статья уступала Кирджалийскій округъ Турціи, а третья касалась разграниченія и распространяла на княжество предоставленное султану статьею 15-ю Берлинскаго трактата право, въ случаѣ беспорядковъ, вводить войска въ Восточную Румелию. Четвертая статья гласила: „Въ случаѣ внѣшняго нападенія и нашествія на княжество и область (Восточную Румелию), составныя части имперіи, посылается на защиту ихъ сколько потребуется императорскихъ войскъ, подъ главнымъ предводительствомъ князя, дѣйствующихъ заодно съ войсками въ княжествѣ и области. Въ слу-

¹⁾ Докладъ болгарскаго министра иностранныхъ дѣлъ Цанова о веденныхъ имъ въ Царьградѣ переговорахъ. Зеленая Книга, № 47.

чаѣ нападенія извнѣ на другіе вилайеты Румелии (Европейской Турціи), князь даетъ сколько потребуется болгарскихъ войскъ, которыя, подъ главнымъ предводительствомъ императорскаго командира, дѣйствуютъ за-одно съ оттоманскими войсками“. Пятая статья подтверждала прочія, касающіяся Болгаріи и Восточной Румелии, статьи Берлинскаго договора, а шестая—устанавливала турецко-болгарскую комиссію для пересмотра органическаго статута области и для введенія въ него необходимыхъ измѣненій ¹⁾).

Свое соглашеніе съ Болгаріей Порты представила на утвержденіе великихъ державъ. Всѣ онѣ готовы были скрѣпить его своею подписью. Дипломатія наша встревожилась не на шутку. Вопреки ея ожиданіямъ, „европейскій концертъ“ не только признавалъ фактъ соединенія обѣихъ Болгарій подъ властью князя Александра, но и санкціонировалъ союзъ его съ Портою, прямо направленный противъ Россіи.

Императорскій кабинетъ предъявилъ возраженія противъ турецко-болгарской сдѣлки. Онѣ потребовалъ, чтобы генералъ-губернаторомъ Восточной Румелии назначенъ былъ не лично принцъ Александръ Баттенбергскій, а царствующій въ Болгаріи князь, и притомъ безсрочно, но если державы предпочли бы сохранить пятилѣтній срокъ, то возобновленіе полномочій могло состояться не иначе, какъ съ согласія державъ. Отвергали мы и условія о военной связи между Турціею и Болгаріею, утверждая, что они не нужны, если истекаютъ изъ суверенныхъ правъ султана, и опасны, и противны „традиціямъ“—если должны осуществиться на дѣлѣ, такъ какъ никогда еще отъ подвластныхъ султану христіанскихъ княжествъ не требовалось военной помощи. Измѣненіе же этого порядка увѣковѣчило бы на Балканскомъ полуостровѣ войну или вооруженный миръ. Наконецъ, мы настаивали, чтобы предварительно утвержденія державами соглашенія, состоялся пересмотръ румелийскаго органическаго статута, при участіи и подъ контролемъ Европы ²⁾).

¹⁾ Турецко-болгарскій договоръ отъ 20 января (1 февраля) 1886 г.

²⁾ Циркулярная телеграмма французскаго министра иностранныхъ дѣлъ 6 (18) декабря 1886 г.

Прошло два мѣсяца, прежде чѣмъ великія державы согласились на наши поправки. Побудила ихъ къ тому, очевидно, боязнь, какъ бы мы не воспользовались случаемъ, чтобы, констатировавъ нарушение Берлинскаго трактата, объявить его лишеннымъ для насъ обязательной силы. Но и тутъ не обошлось безъ оговорокъ. Такъ, Германія, совѣтуя Портѣ выпустить статьи о взаимной помощи войсками, внушала ей, что онѣ могутъ составить предметъ отдѣльнаго *болѣе или менѣе тайнаго* соглашенія съ Болгаріей¹⁾.

24 марта (5 апрѣля) снова собралась конференція пословъ великихъ державъ въ Константинополь подѣ председательствомъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ. Они подписали протоколъ, съ изложеніемъ условий, на которыхъ Европа допускаетъ „устройство дѣлъ Восточной Румелии“. Первая статья постановляла, „что генераль-губернаторство Восточной Румелии ввѣряется князю болгарскому согласно 17-й статьи Берлинскаго трактата“. Остальныя три статьи допускали уступку Портѣ Кирджалийскаго округа, поручали смѣшанной турецко-болгарской комиссіи, пересмотрѣвъ органической статутъ, представить его въ четырехмѣсячный срокъ на утвержденіе державъ, и подтверждали прочія, относящіяся до Болгаріи и Румелии, условія Берлинскаго договора²⁾. Въ этомъ видѣ протоколъ былъ принятъ княземъ Александромъ и воспроизведенъ въ ирадѣ султана, провозглашавшемъ его генераль-губернаторомъ Восточной Румелии.

Достиженіе такого результата дипломатія наша торжествовала какъ побѣду. Между тѣмъ, онъ узаконялъ на Балканскомъ полуостровѣ именно тотъ порядокъ, который наименѣе отвѣчалъ нашимъ желаніямъ: личное соединеніе обѣихъ Болгарій подѣ властью князя Александра. Ничто не обязывало насъ давать наше согласіе на эту развязку. Берлинскій договоръ, напротивъ, предоставлялъ намъ полное право не допускать назначенія генераль-губернаторомъ Румелии лица, считаемаго нами неблагонадежнымъ. Въмѣсто того, чтобы просто воспользоваться этимъ правомъ и тѣмъ разъ навсегда гласно опре-

¹⁾ Французскій посоль въ Берлинѣ министру иностранныхъ дѣлъ 28 января (9 февраля) 1886 г.

²⁾ Протоколъ константинопольской конференціи отъ 24 марта (5 апрѣля) 1886 г.

дѣлать наши отношенія къ личности болгарскаго князя, мы предъявили рядъ возраженій противъ частнаго соглашенія его съ Портою, опять-таки во имя то нарушенія правъ Европы, то оскорбленія чувствъ другихъ балканскихъ народностей, и никогда во имя собственныхъ нашихъ потребностей. Такъ, протестуя противъ военной взаимности Турціи и Болгаріи, мы выражали опасеніе, что греки и сербы сочтутъ ее направленною противъ нихъ, и, углубляясь въ дипломатическую казуистику, придавали серьезное значеніе замѣнѣ въ протоколѣ словъ „князь Александръ“, словами „князь болгарскій“, какъ будто эти два названія не относились къ одному и тому же лицу¹⁾.

На константинопольской конференціи Россіи представлялся единственный случай ясно опредѣлить положеніе свое къ вопросу о болгарскомъ Соединеніи и къ личности князя Александра. Она должна была прямо заявить, что остается вѣрна всегдашнимъ своимъ воззрѣніямъ на единство Болгаріи, считая его равно отвѣчающимъ пользамъ болгарь, Россіи и Европы. Но въ то же время она не можетъ дать своего согласія на осуществленіе этого единства въ лицѣ принца Баттенбергскаго, своею враждебною Россіи политикою потерявшаго расположеніе и довѣріе императорскаго кабинета. И потому, на основаніи правъ, предоставленныхъ всѣмъ великимъ державамъ статьею 17-ю Берлинскаго договора, Россія отказывается князю Александру въ утвержденіи его назначенія генераль-губернаторомъ Восточной Румелии. Что же касается до военной связи Болгаріи съ Турціей, то русскій дворъ ни подъ какимъ видомъ не допуститъ ея, какъ направленную прямо противъ Россіи, которая, освободивъ христіанскія народности Востока, имѣетъ право требовать, чтобы онѣ не становились въ ряды ея враговъ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что такое категорическое заявленіе Россіи было бы уважено прочими державами и имѣло бы послѣдствіемъ отказъ ихъ въ признаніи князя Александра пра-

---

¹⁾ Французскій посоль въ Константинополь министру иностранныхъ дѣлъ 1 (13) февраля 1886 г.

вителемъ обѣихъ Болгарій. Оно несомнѣнно нанесло бы чувствительный ударъ и положенію его среди болгарскаго народа, обличивъ ложь распускаемыхъ имъ слуховъ, будто Россія враждебна самому дѣлу объединенія. Но допустимъ даже, что державы не убѣдились бы нашими доводами и безъ нашего участія утвердили бы соглашеніе Порты съ княземъ.

Это было бы съ ихъ стороны наглѣмъ и вопіющимъ нарушеніемъ Берлинскаго трактата и водвореніемъ на Балканскомъ полуостровѣ порядка, прямо противнаго его постановленіямъ. Но нарушеніе договора влечетъ, какъ извѣстно, за собою и необязательность его для тѣхъ изъ сторонъ, въ ущербъ правамъ которыхъ совершено нарушеніе, другими словами, Россія освободилась бы отъ тяжкихъ узъ, наложенныхъ на нее этимъ международнымъ актомъ.

Берлинскій трактатъ пагубенъ для Россіи не столько тѣми или другими изъ отдѣльныхъ его условій, сколько подтвержденіемъ начала, провозглашеннаго впервые парижскимъ договоромъ 1856 года, начала, въ силу коего Россія лишена права самостоятельно ограждать и защищать свои интересы на Востокѣ, а обязалась всѣ относящіяся до Балканскаго полуострова дѣла обсуждать и рѣшать не иначе, какъ сообща съ прочими державами, участницами обоихъ трактатовъ. Такимъ образомъ упраздненіе Берлинскаго договора имѣло бы прямымъ послѣдствіемъ возвращеніе Россіи утраченной ею свободы опредѣлять свои отношенія къ балканскимъ государствамъ сообразно собственнымъ нуждамъ и пользамъ, не справляясь съ мнѣніемъ великихъ державъ и не стѣсняясь такъ называемымъ „европейскимъ концертомъ“, который, по справедливому замѣчанію Аксакова, „вообще всегда былъ не чѣмъ инымъ, какъ заговоромъ, направленнымъ противъ интересовъ Россіи, причемъ всѣ участники концерта, кромѣ Россіи, какъ римскіе авгуры, перемигивались насмѣшливо между собою“.

Выгоды, проистекающія для Россіи отъ возвращенія ей полной свободы дѣйствій на Востокѣ, до того очевидны и неисчислимы, что разумная и патріотическая дипломатія обязана была бы поставить достиженіе такой свободы цѣлью своихъ усилій и не только не устранять усложненія, къ ней ведущія,

но, напротивъ, по возможности вызывать ихъ. Такъ, вѣроятно, и поступили бы наши дипломаты, еслибы по какому-то непонятному ослѣпленію не усматривали въ Берлинскомъ трактатѣ палладіума европейскаго мира, провозглашаемаго ими высшимъ интересомъ и конечною цѣлью русской политики.

XVI.

Упроченіе положенія князя Александра въ Болгаріи. — Заговоръ 9 августа и низложеніе его. — Возращеніе князя. — Телеграмма его къ Государю Императору и отвѣтъ Его Величества. — Отреченіе князя Александра.

Князь Александръ вышелъ съ торжествомъ изъ двухлѣтней борьбы своей съ русскою дипломатіею. Европа узаконила соединеніе южной Болгаріи съ сѣвѣрною подъ его властью. Внутри страны личное его обаяніе усилилось. Значительная часть болгарскаго народа привѣтствовала въ немъ объединителя отечества, доблестнаго защитника отъ нападенія сербовъ, героя, побѣдителя Сливницы, Цариброда и Пирота. Народныя массы лишены были возможности провѣрить, насколько дѣйствительны заслуги князя, тогда какъ воображеніе ихъ увлекалось его видимымъ успѣхомъ, льстившимъ тщеславію болгаръ. Какъ въ войскѣ, такъ и въ народѣ у него образовалась собственная партія. Пришлецъ-иноземецъ началъ пускать корни въ Болгаріи.

Вынужденный принять рѣшеніе константинопольской конференціи съ довольно непріятными для его самолюбія ограниченіями, князь ни мало не стѣснялся тѣми изъ условій, которыя не соотвѣтствовали его видамъ. Еще ранѣе, а именно въ началѣ 1886 года, онъ ввелъ въ Восточной Румеліи законы и судоустройство княжества. Смѣшанная турецко-болгарская коммиссія для пересмотра органическаго статута области никогда не собиралась. Тотчасъ по изданіи ирадѣ султана о назначеніи князя румелійскимъ генераль-губернаторомъ, произведены были въ Румеліи дополнительные выборы депутатовъ въ народное собраніе княжества. Мѣра эта довершила органическое сліяніе обѣихъ Болгарій.

Наше дипломатическое вѣдомство съ меланхоліей взирало

на всѣ эти правонарушенія беззащитнаго правителя Болгаріи. Въ особенности возмутило его насиліе, съ которымъ дѣйствовали болгарскія власти при выборахъ въ бывшей автономной области. Но оно даже не протестовало противъ нихъ и ограничилось тѣмъ, что принесло на нихъ въ элегическомъ тонѣ жалобу Турціи. „Сохраняя молчаніе по поводу этихъ фактовъ“, — писалъ г. Гирсъ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, — „Порта подвергается опасности, что поведеніе ея будетъ истолковано какъ безмолвное одобреніе порядку вещей, введенному въ области, и слѣдовательно на нее падеть и отвѣтственность за могущія произойти отъ того замѣшательства“¹⁾. Само собою разумѣется, что подобныя сѣтованія ни мало не трогали министровъ султана, еще недавно обнаружившихъ стремленіе къ тѣсному единенію съ Болгаріей противъ Россіи.

Напротивъ, со дня подписанія турецко-болгарскаго соглашенія князь Александръ сдѣлался *persona gratissima* въ Портѣ и въ султанскомъ ирадѣ прямо было заявлено, что управленіе Восточною Румеліею ввѣряется „его мудрости и вѣрности“, а великій визирь, поздравивъ его телеграммою „съ высокою милостью его императорскаго величества“, выразилъ „твердую увѣренность, что его высочество съумѣетъ достойно оправдать ее въ отправленіи возвышенныхъ обязанностей, возложенныхъ на него довѣріемъ и волею его августѣйшаго государя“²⁾. Тогда же податливость, выказанная княземъ въ заключеніи мира съ Сербіею снискала ему благоволеніе Австріи, перешедшее въ горячее сочувствіе, когда ясно стало, что между имъ и Россіей невозможно примиреніе. За спиною Австріи, какъ и во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Востока, стояла Германія, не только сама вторившая ей, но еще и побуждавшая къ тому Италію. Съ Англіей у Баттенберга давно уже завязались самыя близкія и тѣсныя связи. Личное положеніе его поддерживала на константинопольской конференціи и Франція. Словомъ, за него стояли всѣ великія державы съ той минуты, какъ онѣ убѣдились, что прежнія его отношенія къ Россіи не возобновятся — явленіе,

¹⁾ Г. Гирсъ г. Ону, 18 (30) мая 1886 г.

²⁾ Великій визирь князю болгарскому 8 (20) апрѣля 1886 г. Зеленая Книга. № 64.

вполнѣ нормальное и постоянно повторяющееся на Востокаѣ, гдѣ именно Европа въ соменутыхъ рядахъ единодушно противостоить Россіи.

Итакъ, въ первой половинѣ 1886 года, положеніе князя Александра, какъ въ Болгаріи, такъ и по отношенію къ Европѣ, казалось непоколебимымъ. Такимъ едва ли не представлялось оно и нашей дипломатіи, никогда не бывшей непримиримо по отношенію къ Баттенбергу. При этомъ она, однако, упускала изъ виду, что въ самыхъ успѣхахъ князя скрывался зародышъ его близкаго паденія.

Чѣмъ сильнѣе становился князь, тѣмъ живѣйшія опасенія внушалъ онъ политическимъ партіямъ въ Болгаріи, тѣмъ болѣе возбуждалъ ихъ противъ себя. Болѣе или менѣе искренно дружили ему одни триумвиры—Стоиловъ, Начевичъ и Грековъ, лишенные, впрочемъ, всякаго значенія и вліянія въ странѣ. Консерваторы отѣнка Бурмова и Балабанова давно стояли къ нему въ открытой оппозиціи. Крайніе радикалы, послѣдователи Петкова, Ризова и Стоянова, пользовались его поддержкою для проведенія собственныхъ видовъ, чисто анархическаго свойства. Вожди и участники румелійскаго переворота извѣрились въ немъ, когда онъ оказался безсильнымъ отвести имъ подобающее мѣсто въ правительствѣ. Народники, предводимые Каравеловымъ и Стамбуловымъ, ревниво оберегали отъ его посягательствъ власть, которою располагали въ качествѣ конституціонныхъ министровъ. Наконецъ, выдѣлившійся изъ либеральнаго лагеря Цанковъ надѣялся усиленною агитаціею противъ князя возстановить подорванный свой авторитетъ въ собраніи и въ политическихъ врагахъ.

Но едва ли не опаснѣе общаго враждебнаго настроенія партій представлялось для князя неудовольствіе, зародившееся противъ него среди наиболѣе независимыхъ, развитыхъ и одушевленныхъ патріотическимъ чувствомъ офицеровъ болгарской арміи. Въ заботѣ о приобрѣтеніи популярности въ войскѣ, князь поступалъ неловко и опрометчиво. Къ повышеніямъ и отличіямъ вела не личная заслуга, а умѣніе угодить ему, какъ доказало распредѣленіе наградъ за военные подвиги въ Сербо-Болгарскую войну. Наконецъ, включеніе въ болгарскую армію румелійскихъ войскъ и предоставленіе румелійскимъ офице-

рамъ, имѣвшимъ высшіе чины, преимущества старшинства надъ офицерами прежней арміи княжества, крайне возмутило послѣднихъ, лишенныхъ возможности воспользоваться повышеніемъ, на которое они рассчитывали по отъѣздѣ русскихъ офицеровъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, болгарская армія раздѣлилась какъ бы на два враждебные стана: ревностныхъ сторонниковъ князя и ярыхъ его противниковъ.

Недовольные всякаго рода болѣе чѣмъ когда либо искали силотиться вокругъ нашего дипломатическаго агентства, прикрывая личиною преданности Россіи и негодованія, яко бы возбуждаемаго въ нихъ неблагодарностью князя Александра относительно своей благодѣтельницы, личныя и партійныя соображенія и расчеты. Обычный пріемъ лицъ, именующихъ себя на Востокѣ нашими приверженцами и всегда лишь наравящихъ, какъ бы взять съ насъ побольше, не давъ ничего взаменъ. Чтобы разобраться въ этихъ крайне сложныхъ и разнообразныхъ отношеніяхъ, не дать вовлечь себя въ обманъ и направить разнородныя двигательныя силы къ цѣли соотвѣтствующей видамъ императорскаго кабинета—нуженъ былъ на мѣстѣ авторитетный его представитель, съ умомъ и опытностью, способный принять на себя отвѣтственность за свои дѣйствія и распоряженія, не ожидая приказаній изъ Петербурга, которыя, въ минуту кризиса, не могутъ поспѣть за событіями. Въмѣсто того, азіатскій департаментъ, отозвавъ изъ Софіи г. Кюндера въ самый разгаръ Сербо-Болгарской войны, не озаботился назначеніемъ ему преемника и оставилъ управлять агентствомъ молодого секретаря г. Богданова.

Отмѣтимъ, что по какому-то несчастному совпаденію, каждый разъ, когда въ Болгаріи или Румелии обстоятельства усложнялись или совершались важныя происшествія, во главѣ мѣстныхъ генеральныхъ консульствъ оказывались не сами агенты или консулы, а временные ихъ замѣстители, юноши, быть можетъ очень усердные и благонравные, но лишенные всякаго авторитета и чуждые самаго понятія объ отвѣтственности, а потому и легко подчиняющіеся вліянію лицъ, стоящихъ выше ихъ по общественному положенію, т. е. либо князя Александра, либо агентовъ иностранныхъ державъ. Такъ софійскимъ агентствомъ управлялъ, во время государственнаго переворота,

совершеннаго княземъ въ апрѣлѣ 1881 года, г. Лишинъ, а во все продолженіе пребыванія въ Болгаріи русскихъ министровъ-генераловъ—г. Арсеньевъ. Пловдивская „сухая“ революція не застала на своемъ посту генеральнаго консула Сорокина, котораго замѣнялъ секретарь г. Игельстромъ. Наконецъ наканунѣ низложенія князя Александра, какъ я уже сказалъ, представителемъ Россіи въ Болгаріи былъ опять юный и неопытный второстепенный чиновникъ—г. Богдановъ.

Явленіе это едва ли случайное и обличаетъ систему, въ силу которой азіатскій департаментъ, по примѣру пресловутаго вѣнскаго гоффриггата, считаетъ возможнымъ изъ Петербурга руководить событіями на всемъ пространствѣ Востока, имѣя на мѣстахъ лишь безсловесныхъ и покорныхъ исполнителей министерскихъ предначертаній. Хорошо извѣстны неудобства этой системы въ военномъ дѣлѣ. Не менѣе пагубны плоды ея и въ дипломатіи. При присущемъ центру самомнѣніи, мѣстные дѣятели вполнѣ обезличиваются, не смѣютъ и думать о возраженіяхъ или противорѣчіи, какъ бы ни расходилась сущность дѣла съ представленіемъ, которое составило себѣ о немъ министерство. Дѣятельность дипломатическая, по существу своему живая, основанная на общеніи съ людьми и на прямомъ воздѣйствіи на нихъ, на образъ мыслей ихъ и дѣйствій—превращается въ мертвую канцелярскую работу, шифровку и расшифровку депешъ, полученіе предписаній и отправленіе донесеній, и тѣмъ самымъ заранѣе обрекается на безплодіе.

Политика азіатскаго департамента въ Болгаріи сводилась къ тому, чтобы достигнуть удаленія князя Александра съ престола, но не столько для того, чтобы, по устраненіи его, установить между Россією и освобожденною ею страной отношенія, соотвѣтствующія ихъ обоюднымъ пользамъ и обезпеченныя надежными ручательствами, сколько просто, чтобы угодить *en haut lieu*. Этимъ суживался до предѣловъ какъ бы личнаго поединка между Русскимъ Императоромъ съ княземъ болгарскимъ вопросъ объ отношеніяхъ Болгаріи въ освободительницѣ и благодѣтельницѣ ея—Россіи, въ явный ущербъ пользамъ и достоинству русскаго двора. Соотвѣтственно сему, на случай низложенія князя, не было предположено никакихъ мѣръ съ цѣлью упрочить въ благоприятномъ для насъ смыслѣ

результаты такого происшествія. Не обнаружено также особой изобрѣтательности въ изысканіи способовъ произведенія переворота. Все дѣло предоставлено недовольнымъ болгарамъ, а нашимъ агентамъ предписано держаться въ сторонѣ и главнымъ образомъ стараться отнюдь не скомпрометировать себя и императорскій кабинетъ предъ Европою. Въ довершеніе всего самый переворотъ, какъ и предшествующія событія: отмѣна конституціи, возстановленіе ея, соединеніе обѣихъ Болгарій, Сербо-Болгарская война, болгаро-турецкое соглашеніе, — засталъ нашу дипломатію врасплохъ, былъ для нея преждевременнымъ сюрпризомъ.

Что же мудренаго, что при такихъ условіяхъ военный разговоръ 9 (21) августа 1886 года завершился полною неудачею и не только не измѣнилъ къ лучшему наше положеніе въ Болгаріи, но и значительно ухудшилъ его. Въ виду состоявшагося факта низложенія князя, нашъ молодой представитель совершенно растерялся, а изъ Петербурга не было сдѣлано никакихъ распоряженій, чтобы овладѣть движеніемъ и направить его въ смыслъ нашихъ интересовъ. Уклоненіе г. Богданова отъ всякаго участія въ руководствѣ дѣйствіями временного правительства и подчиненіе его внушеніямъ иностранныхъ товарищей не спасли насъ отъ укора въ подстрекательствѣ заговорщиковъ и въ поддержкѣ ихъ, но лишили возможности извлечь изъ событія положительныя выгоды. Укажемъ хотя бы только на представлявшійся случай ознакомиться съ довѣрительною политическою перепискою князя Александра, которая, конечно, пролила бы яркій свѣтъ на степень искренности и добросовѣстности политики Германіи и Австро-Венгріи въ Болгаріи и отношеній этихъ двухъ державъ къ Россіи. А между тѣмъ, г. Богдановъ не только не озаботился вытребовать эту переписку отъ зачинщиковъ переворота, но, уступая настояніямъ агентовъ нѣмецкихъ и австрійскихъ, принялъ мѣры къ полной ея сохранности и неприкосновенности.

Переворотъ 9 (21) августа былъ дѣломъ враждебныхъ князю офицеровъ болгарской арміи, а для Цанкова, не участвовавшего въ его подготовленіи — средствомъ возвратитъ себѣ власть. Вызванъ онъ былъ и совершенъ въ силу чисто болгарскихъ побужденій, причемъ указаніе на враждебную Россіи поли-

тигу князя было лишь благовиднымъ предложемъ. Доказательствомъ служить то, что первымъ дѣйствіемъ временного правительства, предсѣдателемъ коего былъ митрополитъ Климентъ, душою же „дѣдъ“ Цанковъ,—явилось обращеніе къ Государю Императору по телеграфу съ мольбою о признаніи самостоятельности Болгаріи. Такими же исключительно болгарскими соображеніями обусловлена была и реакція противъ переворота, съ тою лишь разницею, что вожди ея, Стамбуловъ съ товарищами, еще явственнѣе написали на своемъ знамени слово: *самобытность*. Идея самобытности всегда производитъ магическое дѣйствіе на народъ и этимъ объясняется торжество Стамбулова надъ Каравеловымъ, который, не помышляя о возвращеніи князя, искалъ войти въ соглашеніе съ великими державами объ избраніи ему преемника на точномъ основаніи Берлинскаго трактата, тогда какъ Стамбуловъ настоялъ на восстановленіи на престолѣ Баттенберга, которому онъ никогда не сочувствовалъ, но въ которомъ видѣлъ и признавалъ представителя начала политической самостоятельности Болгаріи.

Нигдѣ и никогда полная несостоятельность дипломатіи не выразилась болѣе ярко и наглядно, какъ въ дѣйствіяхъ ея до и послѣ переворота 9 (21) августа. Три года она всю свою политику въ Болгаріи строила въ виду случайности отрѣшенія отъ власти Баттенберга, искала даже заручиться согласіемъ на нее своихъ ближайшихъ союзниковъ дворовъ берлинскаго и вѣнскаго, и когда, наконецъ, фактъ совершился, то не сумѣла имъ воспользоваться. Тамъ, гдѣ нужна была быстрота и рѣшимость, наше дипломатическое вѣдомство выказало лишь обычную нерѣшительность. Какъ отнесется Россія къ низложенію князя Александра? Объ этомъ долго недоумѣвали и болгары, и Европа. Газеты возвѣстили предположенную посылку въ Болгарію князя Н. С. Долгорукова въ качествѣ чрезвычайнаго императорскаго комиссара. Но едва успѣлъ этотъ слухъ распространиться, какъ узнали, что принцу Баттенбергскому, тотчасъ по высадкѣ въ Рени, на русской берегъ, дозволенъ свободный выѣздъ изъ Россіи, и что онъ чрезъ Галицію и Румынію возвращается въ княжество.

Извѣстіе это окончательно сбило съ толку и притомъ не однихъ болгаръ, но и нашихъ мѣстныхъ агентовъ и въ числѣ

ихъ, управляющаго консульствомъ въ Русуѣ юношу-секретаря г. Шатохина. Не получая на запросъ свой по телеграфу никакихъ инструкцій ни изъ Петербурга, ни изъ нашего константинопольскаго посольства, молодой дипломатъ этотъ рѣшился отправиться въ мундирѣ на пароходную пристань встрѣчать князя Александра при вступленіи его на болгарскую землю. Такое участіе русскаго представителя въ пріемѣ князя еще болѣе убѣдило народъ въ томъ, что возвращеніе его состоялось съ вѣдома и согласія императорскаго кабинета, такъ какъ въ противномъ случаѣ его подѣ разными предлогами легко было бы задержать въ Россіи, впредь до установленія въ Болгаріи новаго порядка. Появленіе г. Шатохина на пристани въ Русуѣ имѣло весьма важныя послѣдствія, предвидѣть которыя, конечно, не могъ ни онъ самъ, ни князь, ни болгары, ни Европа. Оно было прямою причиною окончательнаго отреченія Баттенберга отъ болгарскаго престола.

Ободренный присутствіемъ русскаго дипломата при торжественной встрѣчѣ на болгарскомъ берегу, князь возымѣлъ надежду, что и само русское правительство согласится на возобновленіе прежнихъ съ нимъ отношеній и предастъ забвенію всѣ его прошлыя грѣхи и провинности. Для достиженія этого столь желаннаго для него результата онъ рѣшился на крайнее средство и въ телеграммѣ, обращенной къ Государю Императору, впервые призналъ, что вѣнецъ свой получилъ отъ Россіи, заявивъ, что сейчасъ же готовъ возвратить его по первому требованію¹⁾.

Всѣмъ памятенъ Высочайшій отвѣтъ, какъ громомъ поразившій Баттенберга. Слова его звучали ясно и твердо: „Не могу одобрить возвращенія вашего въ Болгарію, предвидя злополучныя послѣдствія для страны, уже подвергшейся столь тяжкимъ испытаніямъ. Миссія князя Долгорукова становится несвоевременною. Я буду воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ, до котораго доведена Болгарія, пока вы будете тамъ оставаться. Вашему высочеству предстоитъ рѣшить, что вамъ надлежитъ дѣлать. Предоставляю себѣ судить о томъ, въ чему обязываютъ меня чтима мною память моего Родителя, интересы Россіи и миръ Востока“²⁾.

¹⁾ Князь Александръ болгарскій Государю Императору 18 (30) августа 1886 г.

²⁾ Высочайшая телеграмма князю Александру отъ 20 августа (1 сентября) 1886 г.

Съ единодушнымъ восторгомъ встрѣтила Россія изъявленіе непреклонной воли своего Державнаго Вождя. Какъ отличны были и общія выраженія Царской телеграммы, и общій смыслъ ея отъ словообильныхъ, но всегда туманныхъ изліяній нашего дипломатическаго вѣдомства, многочисленныя примѣры коихъ я приводилъ въ предшедшихъ главахъ! Вопросъ объ удаленіи князя Александра изъ Болгаріи былъ поставленъ прямо, какъ предварительное условіе возвращенія этой странѣ благоволенія Русскаго Царя. Рядомъ съ благоговѣйнымъ упоминаемъ о покойномъ Государѣ побудительными причинами императорскихъ рѣшеній выставлены „интересы Россіи“ и „миръ Востока“. Такую мотивировку мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ русскомъ официальномъ документѣ по болгарскимъ дѣламъ. До тѣхъ поръ наша дипломатія твердила лишь о пользахъ *Болгаріи* да объ *европейскомъ* мирѣ.

Прямая постановка вопроса сразу измѣнила въ нашу пользу положеніе наше въ Болгаріи. Телеграмма Государя не заключала въ себѣ никакой угрозы, а между тѣмъ успѣхъ ея былъ поразителенъ. Князь Александръ понялъ, что не можетъ долѣе оставаться болгарскимъ княземъ, и въ прощальномъ воззваніи къ народу заявилъ, что удаляется, „сознавъ печальную истину, что отъѣздъ его изъ Болгаріи облегчитъ возстановленіе добрыхъ отношеній въ Россіи“¹⁾.

То была великая нравственная побѣда. Чего въ продолженіе многихъ лѣтъ не могли достигнуть интриги и ухищренія дипломатіи, сдѣлалось само собою, совершенно просто, лишь только Русскій Царь высказалъ свое властное слово. Предъ такимъ выраженіемъ высочайшей воли склонился не только Баттенбергъ, но и Европа, и сами болгары. Великія державы не смѣли протестовать, хотя телеграмма Государя Императора, очевидно, не сообразовалась съ постановленіями берлинскаго конгресса, признававшими за Россією въ Болгаріи положеніе вполне тождественное съ положеніемъ всѣхъ прочихъ державъ. Болгарскій народъ и регентство, поставленное во главѣ его удалившимся княземъ, выразили не меньшую покорность. Три

¹⁾ Воззваніе князя Александра къ болгарскому народу 27 августа (8 сентября) 1886 г.

дня по отъѣздѣ Баттенберга, Александровъ день былъ торжественно отпразднованъ въ Софіи, исключительно въ честь Русскаго Царя. Въ этомъ празднествѣ приняли единодушное участіе представители власти, депутаты, весь народъ.

Дѣло не ограничилось однѣми демонстраціями. Болгарское собраніе единогласно постановило отправить къ Государю Императору телеграмму съ изъявленіемъ чувствъ любви и признательности. Оно умоляло Государя предать забвенію прошлыя винны Болгаріи и снова взять подъ свою „святую защиту“ болгарскій народъ, его объединеніе, самобытность и самостоятельность.

Принявъ благосклонно выраженіе преданности представителей болгарскаго народа, Государь Императоръ повелѣлъ объявить собранію, что желаетъ увидѣть на дѣлѣ подтвержденіе искренности этихъ чувствъ. „Государь“, говорилось въ отвѣтной телеграммѣ министра иностранныхъ дѣлъ, надѣется, что какъ народъ, такъ и его правители „будутъ постоянно воздерживаться въ будущемъ отъ дѣйствій и заявленій, несогласныхъ съ хорошо извѣстнымъ болгарамъ взглядомъ Его Величества на настоящее положеніе ихъ страны и постараются положить конецъ раздорамъ между партіями“. Телеграмма возвѣщала предстоящее прибытіе въ Софію назначеннаго завѣдывать дѣлами дипломатическаго агентства генерала барона Каульбарса, которому предстояло „служить посредникомъ при передать болгарамъ всемиловѣйшихъ указаній въ виду обезпеченія странѣ ихъ счастливой будущности и возстановленія прежнихъ отношеній между Россіей и княжествомъ“. Заключалась телеграмма увѣреніемъ, что въ случаѣ готовности болгаръ сообразоваться съ этими указаніями, Государь возьметъ на себя заботу „о преуспѣяніи ихъ народныхъ интересовъ“.

Телеграмма г. Гирса уже замѣтно отклонялась отъ той, которою Государь Императоръ самъ отвѣтилъ на обращеніе князя Александра изъ Рушука. Въ ней мы не встрѣчаемъ болѣе упоминанія объ интересахъ Россіи и русская задача въ Болгаріи сводится снова къ обезпеченію счастія и благоденствія болгаръ. Обстоятельство это очень важно, такъ какъ имъ обуславливается дальнѣйшее развитіе нашихъ отношеній къ Болгаріи, приведшее въ концѣ концовъ къ полному съ нею разрыву.

XVII.

Миссія генерала барона Каульбарса.—Дѣйствія его въ Болгаріи.—Разрывъ.

Никогда, со времени выступленія русскихъ войскъ изъ Болгаріи, положеніе наше въ этой странѣ не представлялось болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ промежутокъ времени между отъѣздомъ изъ Софіи внязя Александра и прибытіемъ туда генерала барона Каульбарса. Въ лицѣ Баттенберга устранено было главное препятствіе къ восстановленію вполне нормальныхъ отношеній между Болгаріей и ея благодѣтельницей—Россіей. Народъ и правители его открыто признали Русскаго Царя своимъ покровителемъ и защитникомъ. Къ величайшему смущенію завистливой Европы, они сами просили Государя взять въ свои руки болгарское народное дѣло, явиться рѣшителемъ дальнѣйшихъ судебъ Болгаріи. Рядъ крупныхъ и мелкихъ промаховъ, совершенныхъ нашею дипломатіею въ продолженіе многихъ лѣтъ, исчезалъ безслѣдно. Одною силою событій Болгарія становилась къ Россіи въ положеніе, единственно приличествующее странѣ, освобожденной русскою кровью.

Отъ насъ зависѣло воспользоваться необыкновенно благопріятными условіями и упрочить, елико возможно, наше преобладающее вліяніе въ этой странѣ. Такова и была безспорно главная цѣль возложеннаго на барона Каульбарса порученія.

Цѣль эта не была достигнута. Напротивъ, двухмѣсячное пребываніе генерала въ Болгаріи завершилось отозваніемъ отътуда всѣхъ дипломатическихъ и консульскихъ представителей Россіи и полнымъ разрывомъ официальныхъ сношеній съ болгарскимъ правительствомъ. Такой исходъ былъ въ высшей степени пагубенъ для нашихъ государственныхъ пользъ и достоинства. Кто же виноватъ въ немъ, на кого должна пасть отвѣтственность?

Всякій политическій результатъ зависитъ обыкновенно отъ множества причинъ, весьма разнообразныхъ и сложныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что отрицательному результату миссіи барона Каульбарса не мало способствовали и интриги иностранныхъ дворовъ, и злонамѣренность, и недобросовѣстность вре-

менныхъ правителей Болгаріи. Но вѣдь ни на тѣхъ, ни на другихъ не лежитъ обязанность обезпечить честь Россіи и заботиться объ удовлетвореніи ея интересовъ. Задача эта — прямой долгъ русской дипломатіи, ея органовъ центральныхъ и помѣстныхъ. И если задача разрѣшена неуспѣшно, то отвѣчать за то предъ Государемъ и Россіею должна дипломатія.

Разсмотримъ же, какая часть отвѣтственности причитается на личную долю барона Каульбарса и какая падаетъ на дипломатію?

Самый фактъ отправленія въ Софію въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго генерала, не принадлежавшаго къ дипломатическому сословію, былъ равносильнъ признанію, что дипломаты, въ послѣднее время хозяйничавшіе въ Болгаріи, не оказались на высотѣ своей задачи. По этой причинѣ такое назначеніе не могло быть по душѣ дипломатическому вѣдомству. А тутъ еще вѣнскій дворъ предъявилъ протестъ противъ присвоенія русскому уполномоченному званія императорскаго комиссара, будто бы, несогласнаго съ признаннымъ Берлинскимъ конгрессомъ началомъ самостоятельности Болгаріи. Изъ Берлина посовѣтовали не настаивать на этомъ названіи, такъ какъ дѣло-де не въ формѣ, а въ существѣ, и министерство иностранныхъ дѣлъ поспѣшило согласиться съ этимъ доводомъ. Рѣшено было присвоить довѣренному лицу Государя Императора званіе завѣдующаго русскимъ дипломатическимъ агентствомъ въ Софіи. Такая уступка, поддержанная Германіею настояніемъ Австро-Венгріи, совершенно видоизмѣнила значеніе и смыслъ посылки русскаго генерала въ Болгарію. Посредникъ между болгарскими партіями, какимъ выставляла его приведенная въ предшедшей главѣ телеграмма, становился просто дипломатическимъ агентомъ, да къ тому же еще аккредитованнымъ при временномъ болгарскомъ правительствѣ, и приравнивался, такимъ образомъ, къ представителямъ всѣхъ прочихъ великихъ державъ. Маловажное на видъ обстоятельство это затруднило въ значительной степени успѣхъ возложеннаго на барона Каульбарса порученія.

Нельзя также признать удачнымъ выборъ довѣреннаго лица. Баронъ Каульбарсъ ѣхалъ въ Софію вопреки кастовой дипломатіи и чтобы исправить ея ошибки. Но, по своему служеб-

ному положенію военнаго агента въ Вѣнѣ, а также по всему нравственному и умственному складу, онъ близко соприкасался съ нею, во многомъ раздѣлялъ ея убѣжденія и воззрѣнія. Подобно большинству русскихъ дипломатовъ, и даже болѣе ихъ, онъ питалъ личное сочувствіе къ Баттенбергу, считая примиреніе съ нимъ русскаго двора вполне возможнымъ и даже желательнымъ. Не далѣе какъ за годъ до того онъ усердно работалъ въ этомъ направленіи. Но вызванный въ Высоко-Литовскъ, гдѣ, въ сентябрѣ 1886 года, имѣлъ пребываніе Государь Императоръ, онъ получилъ приказаніе объявить болгарамъ самымъ категорическимъ образомъ высочайшую волю, „что ни Баттенбергъ, ни кто либо изъ его братьевъ ни подъ какимъ видомъ не возвратятся въ Болгарію“. Повелѣніе это онъ исполнилъ въ точности, но нельзя не признать, что даромъ убѣждать другихъ обладаетъ лишь тотъ, кто самъ убѣжденъ въ силѣ и истинѣ своихъ завѣреній.

Дипломатія уклонилась отъ преподаванія барону Каульбарсу опредѣленныхъ наставленій. Инструкціи себѣ онъ принужденъ былъ измыслить самъ. На его мѣстѣ истинно-русскій человѣкъ, взрощенный въ народныхъ идеяхъ и вѣрованіяхъ, легко пришелъ бы къ сознанію, что обязанность лица, снабженнаго царскимъ полномочіемъ, состоитъ прежде всего въ огражденіи въ Болгаріи нужды и пользы, а также и достоинства Россіи. Барону Каульбарсу это даже не пришло въ голову и придуманныя имъ мѣры были вполне родственны по духу тѣмъ пріемамъ, въ которыхъ постоянно прибѣгали въ этой странѣ наши дипломаты. Требования генерала извѣстны. Ихъ было сначала три: 1) отсрочка на два мѣсяца выборовъ въ великое народное собраніе, созываемое для избранія новаго князя; 2) снятіе осаднаго положенія; 3) освобожденіе изъ заточенія лицъ, обвиненныхъ въ участіи въ переворотѣ 9 (21) августа.

Требованія эти были облечены въ форму совѣтовъ. Ни одно изъ нихъ не касалось собственно обезпеченія русскихъ интересовъ, а всѣ три, напротивъ, объяснялись желаніемъ нашего правительства водворить порядокъ въ Болгаріи, примирить враждующія партіи, и такимъ образомъ основать на твердыхъ началахъ благоденствіе и преуспѣваніе страны.

13 (25) сентября генераль прибылъ въ Софію и вступилъ въ управление агентствомъ. На другой же день онъ, въ полной парадной формѣ, сдѣлалъ официальные визиты регентамъ и министрамъ, а министру иностранныхъ дѣлъ вручилъ письмо г. Гирса, уполномочивавшее его въ качествѣ дипломатическаго представителя Россіи.

Припомнимъ, каковъ былъ тогдашній составъ временнаго болгарскаго правительства. Регентами были Стамбуловъ, Каравеловъ и Муткуровъ. Министерство было коалиціонное, составленное изъ членовъ народнической партіи и изъ всплывшихъ снова на политическую поверхность консервативныхъ триумвировъ. Вождь крайней лѣвой Радославовъ былъ предсѣдателемъ совѣта, но важнѣйшіе портфели были въ рукахъ триумвирата. Начевичъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Стоиловъ — министромъ юстиціи. Такимъ образомъ въ оппозиціи оставались Цанковъ и горсть его приверженцевъ, да сверхъ того нѣсколько консерваторовъ, сплотившихся вокругъ Балабанова и Бурмова.

На первыхъ же совѣщаніяхъ, происходившихъ между барономъ Каульбарсомъ съ одной стороны и болгарскими регентами и министрами — съ другой, выяснилось согласіе послѣднихъ на двѣ изъ трехъ рекомендованныхъ генераломъ мѣръ. Осадное положеніе было отмѣнено, заключенные по дѣлу 9 (21) августа — выпущены на свободу. Лишь главное требованіе объ отсрочкѣ выборовъ и самаго созыва великаго собранія встрѣтило упорный отказъ. Правители Болгаріи ссылались на постановленія тырновской конституціи и избирательнаго закона, устанавливающихъ сроки для выборовъ, и заявляли, что не считаютъ себя въ правѣ дѣйствовать вопреки основнымъ законамъ страны.

Отклоненіе послѣдняго требованія и было такимъ образомъ первоначальною причиною разрыва барона Каульбарса съ регентствомъ. Вникая въ сущность его, рѣшительно непонятнымъ становится значеніе, приданное ему нашимъ чрезвычайнымъ посланцемъ. Будь оно принято болгарскимъ правительствомъ, послѣдствіемъ его и было бы, пожалуй, усиленіе партіи Цанкова и вліянія его въ народномъ собраніи. Но едва ли позволительно смѣшивать этого политическаго дѣятеля и друзей его съ дѣйстви-

тельно искренними и преданными сторонниками Россіи среди болгаръ. Какъ и прочіе вожаки болгарскихъ политическихъ партій, Цанковъ неоднократно переходилъ изъ дружественнаго намъ лагеря во враждебный и обратно, сообразно требованіямъ собственнаго своего положенія и обстоятельствъ, дружилъ съ нами преимущественно, когда находился въ оппозиціи, враждовалъ по достиженіи власти. По своему далеко не безупречному прошлому, по личному характеру, честолюбивому и упрямому, онъ менѣе всякаго другого годился въ проводники русскаго вліянія въ Болгаріи. А если такъ, то какая надобность была ставить усиленіе Цанкова условіемъ возвращенія Болгаріи благоволенія и покровительства Россіи? Стоило ли изъ-за этого рисковать окончательною потерей нашего вліянія въ княжествѣ?

Надо полагать, что соображенія эти и не смущали барона Каульбарса, мало озабоченнаго практическими послѣдствіями предложенныхъ имъ мѣръ и, вѣроятно, увлеченнаго ихъ такъ сказать идеальнымъ характеромъ, мечтою объ исчезновеніи въ болгарскомъ собраніи всякихъ политическихъ партій, какъ будто что либо подобное возможно въ странѣ, управляемой конституціоннымъ порядкомъ? Тѣмъ не менѣе, отказъ регентовъ оскорбилъ его самолюбіе и онъ, отъ крайне примирительнаго, чуть ли не заискивающаго образа дѣйствій, круто перешелъ къ приемамъ иного рода, къ рѣзкимъ выходкамъ и угрозамъ. Заявленныя имъ, тотчасъ по пріѣздѣ, три требованія разрослись въ дѣвнадцать пунктовъ его знаменитаго циркуляра русскимъ консульствамъ въ Болгаріи. Документъ этотъ, содержащій въ себѣ полную политическую программу генерала и развивающій взглядъ его на отношенія Россіи къ Болгаріи, заслуживаетъ внимательнаго анализа.

Въ первомъ пунктѣ говорится о переживаемомъ Болгаріею кризисѣ и о надеждѣ Государя Императора, что болгары, прекративъ междоусобіе, открыто и единодушно сблизятся съ Россіею, отнесутся съ полнымъ довѣріемъ къ намѣреніямъ ихъ Освободителя, Русскаго Царя, направленнымъ единственно ко благу Болгаріи.

Въ этихъ словахъ генералъ ставилъ русское дѣло въ Болгаріи на традиціонную почву нашей дипломатіи: великодушіе и безкорыстіе, не взирая на то, что многолѣтній опытъ вполне

доказаль несостоятельность этой системы, непригодность ея для огражденія интересовъ Россіи, ея чести и достоинства. Цѣлью русской политики въ Болгаріи, какъ и всюду, должно быть прежде всего благо Россіи, а благо Болгаріи лишь по столько, по сколько оно совмѣстимо съ русскими интересами.

Послѣднія событія ясно показали, что оба понятія далеко не тождественны. Соединеніе княжества съ Румеліей, отраженіе сербскаго нашествія, прямое соглашеніе съ Турціею были бесспорно событіями, крайне благопріятными для Болгаріи и столь же неблагопріятными для насъ, ибо состоялись помимо насъ, и даже вопреки нашей волѣ. Притязаніе благодѣтельствовать во что бы ни стало назойливо само по себѣ и всегда заключаетъ нѣчто оскорбительное, въ особенности для самолюбія молодого народа, едва успѣвшаго вкусить отъ плода политической независимости. Какая польза для Россіи отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Болгаріи? Къ тому же, разрѣшеніе такой задачи сопряжено съ величайшими трудностями и можетъ быть признано просто неосуществимымъ. Ввести плавность и безмятежность въ отправленіе конституціонныхъ функцій Болгаріи — дѣло немыслимое, противное кореннымъ условіямъ того парламентарнаго образа правленія, которымъ мы сами надѣлили страну. Парламентаризмъ живетъ борьбою партій и искусственная поддержка одной изъ нихъ въ ущербъ прочимъ также невозможна на практикѣ, какъ установленіе путемъ регламентаціи сравнительной цѣнности произведеній промышленности и торговли. Идиллическая картина, нарисованная воображеніемъ барона Каудльбарса, невѣроятна нигдѣ и всего менѣе вѣроятна въ Болгаріи. Это — мечта, ничего общаго съ политикою неимѣющая, и по меньшей мѣрѣ наивно ставить въ зависимость отъ осуществленія ея установленіе правильныхъ и нормальныхъ отношеній между Болгаріею и Россіею.

Второй пунктъ, возвѣщающій намѣренія Россіи, споспѣшествовать внутреннему и внѣшнему преуспѣванію болгаръ лишь въ томъ случаѣ, если они докажутъ ей преданность свою не на словахъ, а на дѣлѣ, — порожденъ тою же дипломатическою идеологіею или, вѣрнѣе, фразеологіею. Что такое „преданность“ въ политикѣ? Въ чемъ и какъ должна она

проявляться? Если генераль разумѣль подь этимъ предоста-
вленіе Россіи въ Болгаріи извѣстныхъ правъ и преимуществъ,
то слѣдовало точно опредѣлить, какихъ именно? Но изъ словъ
его можно заключить, что онъ готовъ былъ удовольствоваться
лишь выраженіемъ внѣшняго почтенія, какъ бы перенося на
почву удовлетворенія нашего государственнаго и народнаго
самолюбія вопросъ объ отношеніяхъ къ намъ освобожденнаго
нами народа. Требуя отъ болгаръ вмѣсто слова дѣла, гене-
раль самъ не зналъ хорошенько, что разумѣль подь этимъ
„дѣломъ“.

Это явствуетъ изъ третьяго пункта чисто отрицательнаго
свойства. Въ немъ утверждается, что Россія не хочетъ за-
воевать Болгарію, а хочетъ только развитія ея благосостоянія
во всѣхъ родахъ. Для чего же нужно Россіи „единодушное
обращеніе“ всѣхъ болгаръ? Оказывается, для того только, чтобы
упрочить ихъ счастье. Но каждый народъ считаетъ себя луч-
шимъ судьей того, въ чемъ состоитъ его счастье. Прежде всего
оно состоитъ въ свободѣ, и свободою этою Болгарія дѣйстви-
тельно и безспорно обязана Россіи. Но развѣ не Россія надѣ-
лила ее также и тырновскою конституціею, и княземъ Баттен-
бергомъ, и даже отчасти апрѣльскимъ переворотомъ 1881 года?
Могли ли мы, послѣ всѣхъ этихъ непослѣдовательностей, тре-
бовать себѣ отъ Болгаріи безусловнаго довѣрія? Такое довѣріе
она, однако, питала къ истиннымъ своимъ благодѣтелямъ: Рус-
скому Царю и Русскому народу, но пора признаться, что она
не могла распространять его на всѣхъ представителей русской
власти, въ особенности на дипломатическихъ.

Въ четвертомъ пунктѣ генераль упрекаль, однако, болгаръ
именно въ недостаткѣ довѣрія къ Государю Императору, ссы-
лаясь на то обстоятельство, что телеграмма, заключавшая Вы-
сочайшій отвѣтъ на адресъ собранія, была-де скрыта прави-
тельствомъ отъ народа, не была опубликована. Обвиненіе это
несправедливо. Означенная телеграмма была напечатана всѣми
болгарскими газетами. Если ее не афишировали на улицахъ
и въ публичныхъ мѣстахъ, то остается узнать, потребовало ли
того наше дипломатическое агентство?

Въ пятомъ пунктѣ баронъ Каульбарсъ протестуетъ противъ
сожженія знаменъ Струмскаго полка и военнаго училища,

виновныхъ въ переворотѣ 9 (21) августа. Протестъ этотъ нельзя не признать нѣсколько неосмотрительнымъ. Мы видѣли, что упомянутый переворотъ далеко не соответствовалъ пользамъ русскаго дѣла въ Болгаріи, что плачевный исходъ его едва не нанесъ смертельнаго удара нашему обаянію въ странѣ и что вліяніе наше было восстановлено лишь личнымъ вмѣшательствомъ Государя въ дѣло и твердымъ и достойнымъ отвѣтомъ Его Величества на рущукскую телеграмму князя Александра. Тѣмъ не менѣе, вполне законно и понятно заступничество наше за участниковъ переворота, привлеченныхъ къ отвѣтственности за актъ насилія надъ княземъ, такъ какъ азіатскій департаментъ и его агенты въ Болгаріи не чисты отъ упрека въ соучастіи съ ними. Но зачѣмъ было идти далѣе? Прилично ли русскому генералу являться апологистомъ военного заговора, вдаваться въ теоретическое разсужденіе о значеніи знамени и въ разсмотрѣніе вопроса: слѣдуетъ или не слѣдуетъ сжигать его? Нельзя также сказать, чтобы были разумны и убѣдительны доводы, приведенные барономъ Каульбарсомъ въ защиту своего мнѣнія, которое едва ли онъ имѣлъ право въ данномъ случаѣ выдавать за мнѣніе своего правительства?

Не стоитъ и упоминать о шестомъ пунктѣ, касающемся слуха, оказавшагося ложнымъ, будто бы вмѣстѣ со знаменемъ были сожжены и украшавшіе ихъ георгіевскіе кресты.

Седьмой пунктъ заключалъ въ себѣ упрекъ собранію за то, что оно, въ два слѣдовавшія одно за другимъ засѣданія, выразило въ адресѣ чувство преданности къ особѣ Императора Всероссийскаго и вслѣдъ затѣмъ отправило сочувственную телеграмму принцу Баттенбергскому, что, по словамъ барона Каульбарса, было „смѣшною непослѣдовательностью, бросающею незавидную тѣнь на членовъ собранія“.

Если взглянуть безпристрастно на дѣло, то нельзя не признать, что между этими двумя дѣйствіями собранія не было ни малѣйшаго противорѣчія. Чувство благоговѣйной признательности къ Русскому Царю не могло заглушить въ немъ благодарности къ князю, который если и былъ виновенъ предъ Россією, то въ послѣдніе годы своего правленія пріобрѣлъ несомнѣнные права на признательность болгаръ. Онъ осуществилъ

завѣтную мечту соединенія, побѣдоносно отразилъ нашествіе сербовъ, перенесъ войну въ сербскіе предѣлы, достигнулъ признанія слиянія обѣихъ Болгарій Европою и султаномъ, наконецъ, добровольно пожертвовалъ властью, чтобы не служить препятствіемъ къ возвращенію болгарамъ благоволенія Россіи. Чѣмъ крупнѣе были его заслуги предъ Болгаріей, тѣмъ болѣе цѣны имѣло окончательное предпочтеніе, все же выказанное ею Россіи предъ нимъ, тѣмъ знаменательнѣе становилось обращеніе ея къ покровительству Государя Императора. Но вмѣнять собранію въ вину отданіе, такъ сказать, послѣдняго долга бывшему государю Болгаріи обличало въ нашемъ уполномоченномъ мелочность чувства, несоразмѣрную съ величіемъ русскаго Престола и съ достоинствомъ его Царственнаго Обладателя.

Восьмой пунктъ гласилъ: „Ни принцъ Баттенбергъ, ни кто либо изъ его братьевъ не могутъ ни подъ какииъ видомъ возвратиться въ Болгарію и вступить на престолъ ея“. Слова эти вѣрно передаютъ высочайшую волю, но вовсе не мотивируютъ ее. А отсутствіе мотивовъ обращаетъ въ актъ произвола рѣшеніе, оправдываемое цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ провинностей князя Александра передъ Государемъ и Россіей. Въ чемъ заключались эти провинности—русская дипломатія не озаботилась разъяснить болгарскому народу, который могъ только недоумѣвать, почему Россія оказывала Баттенбергу содѣйствіе и поддержку въ первые годы его правленія, когда онъ оскорблялъ народное чувство, и стала къ нему во враждебныя отношенія какъ разъ съ той минуты, какъ онъ взялъ на себя осуществленіе народныхъ идеаловъ? Недоумѣніе это могъ и долженъ былъ разсѣять баронъ Каульбарсъ, раскрывъ болгарамъ, въ чемъ именно князь Александръ провинился предъ Россіей, которая, избѣрясь въ своемъ ставленникѣ, не могла оставить въ рукахъ его судьбы болгарскаго народа. Но въ томъ-то и дѣло, что русскій уполномоченный не былъ увѣренъ въ этихъ провинностяхъ и искренно считалъ Баттенберга жертвою злонамѣренныхъ на вѣтовъ, клеветы, а потому и не могъ убѣждать другихъ въ томъ, во что не вѣрилъ самъ.

Девятый пунктъ требовалъ обезпеченія полной свободы выборовъ въ великое собраніе, а десятый—пояснялъ, что цѣль эта можетъ быть достигнута лишь подъ условіемъ принатія трехъ

приведенныхъ выше мѣрь. Требованіе двухмѣсячной отсрочки выборовъ оправдывалось утверженіемъ, что въ этотъ срокъ „народъ болгарскій сможетъ успокоиться и зрѣло и, сколько возможно, полно обсудить предстоящее ему рѣшеніе“.

Соглашаясь на двѣ мѣры и отвергая третью — отсрочку выборовъ, болгарское правительство отозвалось необходимостью строго соблюдать основной законъ страны, недопускающій двухмѣсячнаго срока. Такимъ образомъ, оно было совершенно право съ формальной стороны. Но какъ не усомниться въ оптимистическомъ взглядѣ барона Каульбарса на послѣдствія отсрочки и не согласиться съ регентами, утверждавшими, что продолжительныя приготовленія къ выборамъ не только не приведутъ къ прекращенію борьбы партій и къ успокоенію страстей, а, напротивъ, откроютъ обширное поле для агитаціи и нарушенія общественныхъ порядка и спокойствія?

Въ одиннадцатомъ пунктѣ баронъ Каульбарсъ совершенно напрасно выводитъ полученное имъ уже согласіе на освобожденіе отъ всякаго взысканія участниковъ 9 августа изъ положенія, „что настоящее правительство, происходящее изъ политическихъ партій и въ отсутствіе законнаго и устойчиваго правительства, лишено-де нравственнаго права судить и преслѣдовать другую партію, также политическую“. Партійное правительство.—необходимое условіе конституціоннаго режима, и если болгарское регентство незаконно, то какъ же объяснить аккредитованіе при немъ самого барона Каульбарса въ качествѣ дипломатическаго агента.

Двѣнадцатый и послѣдній пунктъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія общія мѣста: „Наконецъ, мы совѣтуемъ всѣмъ истиннымъ болгарскимъ патріотамъ забыть о прошломъ, взирать на будущее, заняться сообща единодушнымъ приготовленіемъ новой политической жизни, которая открывается предъ ними, подготавливая ихъ новому и молодому правительству почву здоровую и очищенную отъ миазмовъ“. Прекрасныя слова, къ несчастью ни мало не отвѣчающія печальной дѣйствительности. Еслибы изображенный ими порядокъ былъ возможенъ, Болгарія давно преобразилась бы въ родъ политической Аркадіи, не вѣдающей никакихъ бурь или потрясеній. На практикѣ пожеланіе барона Каульбарса было, повторяю, равносильно тре-

бованію дать Цанкову и его сторонникамъ въ собраніи и въ правительствѣ участіе болѣе широкое, чѣмъ то, которое обусловливалось ихъ значеніемъ въ странѣ ¹⁾).

Въ многорѣчивомъ циркулярѣ русскаго чрезвычайнаго уполномоченнаго мы напрасно стали бы искать чего либо дѣйствительно ограждающаго потребности Россіи въ Болгаріи. Единственное существенное требованіе, оставшееся неудовлетвореннымъ — двухмѣсячная отсрочка выборовъ не имѣла никакого отношенія, ни прямого, ни косвеннаго, къ нашему положенію среди болгаръ. Согласись на него регентство, и баронъ Каульбарсъ долженъ былъ бы этимъ удовольствоваться, а между тѣмъ, нужды и пользы Россіи въ Болгаріи такъ же, какъ и прежде, остались бы безъ всякихъ существенныхъ гарантій. Съ этой точки зрѣнія нужно признать счастливою для насъ случайностью упорство, проявленное регентами въ отклоненіи главнаго требованія генерала.

Въ сопротивленіи своемъ болгарское временное правительство встрѣчало тайную поддержку едва ли не всѣхъ представителей великихъ державъ, не исключая и тѣхъ изъ нихъ, на содѣйствіе коихъ своимъ видамъ рассчитывалъ императорскій кабинетъ. Это еще болѣе раздражило барона Каульбарса, который вступилъ съ регентствомъ въ открытую и упорную борьбу.

Регентство издало указъ о производствѣ выборовъ, а генераль, разославъ циркуляръ свой во всѣ русскія консульства, поручилъ консуламъ распространить его въ народѣ путемъ расклейки и раздачи. Обстоятельство это послужило первымъ поводомъ къ столкновеніямъ между нашими агентами и болгарскими властями. Одновременно въ нотѣ, обращенной къ болгарскому министру иностранныхъ дѣлъ Начевичу, генераль объявилъ, что признаетъ незаконными выборы, назначенные регентствомъ, и что самое великое собраніе, происшедшее изъ этихъ выборовъ, и всѣ его рѣшенія будутъ сочтены Россіей лишенными всякаго значенія. Въ одной изъ послѣдующихъ нотъ онъ также объявилъ незаконными и всѣ распоряженія регентства, несогласныя съ совѣтами, преподанными ему генераломъ отъ имени императорскаго кабинета.

¹⁾ Циркуляръ барона Каульбарса русскимъ консульствамъ въ Болгаріи 17 (29) сентября 1886 г.

Такие протесты были темъ болѣе опрометчивы, что остались совершенно безплодны, будучи лишены всякой матеріальной санкціи. Они явно свидѣтельствовали о безсиліи Россіи заставить уважать свою волю и только ободряли болгаръ къ дальнѣйшему сопротивленію. Еще худшіе результаты дала предпринятая барономъ Каульбарсомъ въ самый разгаръ избирательнаго движенія поѣздка по Болгаріи, не говоря уже о появленіи генерала на митингѣ въ Софіи, гдѣ онъ легкомысленно, хотя и не безъ личнаго мужества, подвергнулъ свое званіе чрезвычайнаго уполномоченнаго Русскаго Царя осмѣянію и даже оскорбленіямъ враждебно настроенной толпы. Всѣ эти поступки были совершены безъ малѣйшей надежды на успѣхъ и объяснить ихъ можно было бы однимъ только расчетомъ создать законный поводъ къ занятію Болгаріи русскими войсками. Трудно предположить, однако, чтобы генералу оставалась неизвѣстна высочайшая воля: во что бы ни стало избѣжать этой опасной крайности, а потому весь его образъ дѣйствій со времени разрыва переговоровъ съ регентствомъ представляетъ лишь рядъ выходовъ, совершенно непонятныхъ, имѣвшихъ единственнымъ послѣдствіемъ гоненіе со стороны регентовъ на всѣхъ нашихъ сторонниковъ и окончательную утрату нашего обаянія въ странѣ.

При такихъ условіяхъ была совершенно недостижима цѣль поѣздки генерала по Болгаріи, состоявшая въ томъ, чтобы „непосредственно разъяснить народу цѣль и значеніе преподаваемыхъ отъ имени императорскаго правительства регентамъ совѣтовъ и ознакомиться съ народными вождельніями“. Плачевный ходъ и исходъ ея достаточно извѣстны. А между тѣмъ въ Софіи, въ самый день выборовъ, подверглись поруганію зданіе русскаго агентства и осѣнявшій его русскій флагъ. Руководимая Цанковымъ оппозиція ухитрилась вовлечь въ избирательную борьбу молодыхъ и неопытныхъ дипломатовъ, оставленныхъ барономъ Каульбарсомъ въ столицѣ княжества. Дѣло дошло до того, что толпа бросала камни во дворъ агентства. Тогда г. Нелюдовъ совершенно правильно протестовалъ противъ этого акта насилія, заявивъ, что прекращаетъ сношенія съ временнымъ правительствомъ впредь до полученія приказаній генерала. Но баронъ не утвердилъ этой мѣры и предписалъ завѣдывавшему

агентством возобновить сношенія съ болгарскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Самъ онъ продолжалъ вести съ дороги потную войну съ регентствомъ. Онъ жаловался на чинимыя ему болгарскими властями препятствія и затрудненія, на жестокую расправу съ тѣми изъ болгаръ, которые обнаруживали сочувствіе и преданность Россіи, на преслѣдованіе и истязаніе русскихъ подданныхъ. Жалобы эти, не поддержанныя силой, разумѣется, оставались безъ послѣдствій и только выставляли въ болѣе яркомъ свѣтѣ безпомощность нашего дипломатическаго представителя. Еще болѣе компрометировали достоинство какъ его, такъ и императорскаго кабинета, тѣ ноты, въ коихъ онъ протестовалъ противъ способа производства выборовъ, противъ созыва великаго собранія и выражалъ „энергическое порицаніе“ дѣйствіямъ регентства. На послѣднюю ноту Начевичъ надменно отвѣчалъ, „что болгарскіе министры принимаютъ порицанія лишь отъ народнаго собранія, согласно обычаю, установленному во всѣхъ конституціонныхъ странахъ“.

19 (31) октября великое собраніе открыло свои засѣданія въ Тырновѣ. Прежде чѣмъ предложить ему приступить къ избранію князя, Стамбуловъ самъ возбудилъ вопросъ объ измѣненіи личнаго состава какъ регентства, такъ и министерства, и о привлеченіи въ нихъ представителей оппозиціонныхъ партій. Мысль эту внушалъ правителямъ Болгаріи баронъ Каульбарсъ съ первыхъ дней своего пріѣзда въ Софію, въ частныхъ бесѣдахъ, не касаясь ея, впрочемъ, въ официальныхъ сообщеніяхъ. Мы уже видѣли, что болгарское правительство въ томъ видѣ, въ какомъ оно образовалось по отреченіи князя Александра, служило выраженіемъ всѣхъ партій, за исключеніемъ кружка Цанкова и весьма немногочисленныхъ, такъ называемыхъ, консерваторовъ русскаго оттѣнка, друзей Балабанова и Бурмова. Привлеченіе оппозиціи въ составъ правительства сводилось, слѣдовательно, къ принятію Цанкова въ число регентовъ и нѣсколькихъ сподвижниковъ его въ министерство. Стамбуловъ взялъ на себя починъ переговоровъ съ Цанковымъ. Онъ предложилъ ему одно мѣсто въ регентствѣ и два министерскіе портфеля. Честолюбивый Цанковъ отказался принять это предложеніе, въ сущности не желая ни съ кѣмъ дѣлиться

властью, но мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что регентство должно-де быть совершенно упразднено, а министерство составлено изъ людей, указанныхъ Россією и пользующихся ея до-вѣріемъ ¹⁾. Это было равносильно требованію передать все управленіе странюю въ руки его, Цанкова. Понятно, что Стамбуловъ въ свою очередь отвергнулъ такое притязаніе. 28 октября (10 ноября) выбранъ былъ княземъ Болгаріи принцъ Вальдемаръ Датскій, а по отказѣ его высочества принять избраніе, собраніе разошлось, подтвердивъ полномочія регентства.

Пока все это происходило въ Тырновѣ, баронъ Каульбарсъ возвратился въ Софію болѣе чѣмъ когда либо раздраженный и озлобленный на правителей Болгаріи, не только не уклонившихся отъ борьбы съ нимъ, но и сзумѣвшихъ нанести ему многократныя и чувствительныя пораженія. Только этимъ состояніемъ духа можетъ объясниться совѣтъ, данный имъ Цанкову, уклониться отъ предложеннаго Стамбуловымъ участія въ правительствѣ. Генераль, кажется, былъ убѣжденъ, что дѣло не обойдется безъ оккупациі, которая могла одна, по мнѣнію его, достойно отомстить за претерпѣнныя имъ униженія. Первый шагъ къ ней онъ, вѣроятно, усмотрѣлъ въ распоряженіи объ отправкѣ въ Варну двухъ нашихъ военныхъ судовъ. По его настоянію министерство иностранныхъ дѣлъ разрѣшило ему обратиться къ болгарскому правительству съ нотой, въ которой онъ требовалъ принятія самыхъ энергическихъ мѣръ противъ посягательства на права проживающихъ въ Болгаріи русскихъ подданныхъ, присовокупивъ, что въ случаѣ неполученія въ трехдневный срокъ удовлетворительнаго отвѣта, онъ выѣдетъ съ дипломатическимъ агентствомъ и всѣми консульствами изъ Болгаріи.

На запальчивую ноту генерала Начевичъ отвѣчалъ уклончиво, но ловко и умно. Онъ сообщилъ, что болгарскимъ властямъ предписано подъ страхомъ взысканія принять самыя дѣйствительныя мѣры къ предупрежденію посягательствъ противъ русскихъ подданныхъ и лицъ, пользующихся русскимъ покров-

---

¹⁾ Телеграфическая переписка Стамбулова съ Цанковымъ, обнародованная болгарскимъ правительствомъ въ приложеніи къ циркулярной нотѣ Начевича агентамъ великихъ державъ отъ 12 (24) декабря 1886 г.

вительствомъ. Въ заключеніе онъ просилъ о сообщеніи именъ и мѣстъ жительства какъ подданныхъ Россіи, такъ и пользующихся ея покровительствомъ лицъ, подвергшихся оскорбленіямъ, въ видахъ розысканія и преданія суду виновниковъ оскорбленій.

Повторилась старая исторія препирательствъ нашихъ дипломатическихкихъ агентовъ, гг. Юнина и Кояндера, съ княземъ Александромъ. Подобно первымъ, баронъ Каульбарсъ проявлялъ нетерпѣніе и желчную раздражительность; по примѣру Баттенберга, регентство отличалось сдержанностью и вѣжливостью въ формахъ. О степени раздраженія генерала можно судить по тону отвѣтнаго сообщенія его, воспроизведеннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Признавая вполнѣ излишнимъ удовлетворить желаніе г. Начевича въ виду того, что совершавшіяся противъ русскихъ подданныхъ посягательства не могутъ не быть хорошо извѣстны болгарскому правительству, агенты коего были главными виновниками и участниками означенныхъ посягательствъ, генералъ Каульбарсъ предпочелъ объявить г. Начевичу, что онъ не находитъ возможнымъ входить въ требуемыя послѣднимъ объясненія, но что при первомъ насиліи, которое случится гдѣ бы то ни было на болгарской территоріи, онъ будетъ вынужденъ поступить согласно прежнему своему заявленію, т. е. выѣхать изъ Болгаріи со всѣми русскими агентами“¹⁾.

Такого рода отвѣтъ ясно обличалъ въ баронѣ Каульбарсѣ желаніе покинуть какъ можно скорѣе Болгарію. Дѣйствительно, личное положеніе его въ странѣ стало совершенно невозможнымъ. Онъ состоялъ въ открытомъ разрывѣ съ регентствомъ и министерствомъ, въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ къ товарищамъ своимъ, агентамъ правительственныхъ державъ, за исключеніемъ представителя Франціи, громко и единогласно осуждавшимъ его образъ дѣйствій. Не было ни для кого тайною, что во время своей поѣздки по странѣ, а также и по возвращеніи въ Софію, генералъ безуспѣшно пытался вызвать противное регентамъ движеніе въ войскѣ и народѣ, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Этого одного было уже достаточно, чтобы дискредитировать чрезвычайнаго уполномоченнаго Россіи, даже среди бол-

¹⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ 21 октября (2 ноября) 1886 г., № 231.

гарь, намъ искренно преданныхъ. Неудача всѣхъ его попытокъ, полное претерпѣнное имъ ꙗсско придавали его рѣзкимъ и угрожающимъ нотамъ и рѣчамъ отѣнокъ нѣсколько комической. Все это ставило его въ положеніе безвыходное, невыносимое. И вотъ, тотъ самый баронъ Каульбарсъ, который не рѣшился прервать дипломатическія сношенія съ болгарскимъ правительствомъ изъ-за дѣйствительнаго оскорбленія, нанесеннаго русскому флагу въ первый день выборовъ, въ Софіи, гдѣ разъяренная и подстрекаемая правительственными агитаторами толпа, позволила себѣ напасть на зданіе нашего агентства, — тотъ же самый баронъ придрался къ крайне мелочному поводу, чтобы вызвать такой разрывъ. Привожу изъ „Правительственнаго Вѣстника“ разсказъ объ этой послѣдней сценѣ траги-комедіи, разыгранной генераломъ въ Болгаріи.

„24 минувшаго октября (5 ноября) произошло новое покушеніе противъ каваса генеральнаго консульства въ Филиппополь. Отправляясь на телеграфную станцію для передачи довѣренныхъ ему телеграммъ, онъ подвергся нападенію толпы солдатъ и людей, вооруженныхъ палками, и былъ избитъ до того, что былъ доставленъ въ генеральное консульство въ безсознательномъ состояніи. Освѣдомившись, что нападеніе совершенно было по распоряженію военныхъ властей, генераль Каульбарсъ обратился къ г. Начевичу съ требованіемъ о смѣнѣ командира мѣстной бригады и коменданта города, о примѣрномъ наказаніи людей, принимавшихъ участіе въ нападеніи, и объ отдачѣ затѣмъ обычныхъ военныхъ почестей русскому флагу. Генераль Каульбарсъ предупредилъ г. Начевича, что въ случаѣ неполученія изложеннаго удовлетворенія до вечера 5 (17) ноября, онъ не преминетъ покинуть Болгарію“¹⁾.

Въ этомъ требованіи не менѣе ничтожности предлога поражаетъ развязность, съ которою баронъ Каульбарсъ принимаетъ на вѣру показаніе служителя консульства о причинахъ свалки и объ участіи въ ней солдатъ и утверждаетъ, что совершена она была „по распоряженію военныхъ властей“, а также несоразмѣрность потребованнаго удовлетворенія со слухаемъ, его вызвавшимъ. „Къ сроку этому“, — продолжаетъ „Пра-

¹⁾ „Правительственный Вѣстникъ“, 8 (20) ноября 1886 г., № 246.

вительственный Вѣстникъ“, — „не было получено не только потребованнаго удовлетворенія, но и отвѣта“. Генераль исполнилъ свою угрозу и 8 (20) ноября выѣхалъ изъ Софіи чрезъ Константинополь въ Россію, предписавъ всѣмъ нашимъ консуламъ въ Болгаріи и Румелии спустить флаги и послѣдовать его примѣру. Въ Пловдивѣ баронъ Каульбарсъ имѣлъ послѣднее личное столкновеніе съ простымъ жандармомъ, съ которымъ вступилъ въ пререканіе по поводу расклейки чинами мѣстнаго консульства его процальной ноты регентству. Нота эта была слѣдующая:

„Государю Императору благоугодно было прислать меня въ Болгарію съ порученіемъ заявить всему болгарскому народу чувства искренняго доброжелательства Его Величества. Я передалъ болгарскимъ правителямъ какъ выраженіе этихъ чувствъ, такъ и благонамѣренные совѣты, которые, по мнѣнію императорскаго правительства, должны были способствовать выходу страны изъ ея затруднительнаго положенія. Ни одинъ изъ этихъ совѣтовъ не былъ выполненъ въ той мѣрѣ, въ какой Россія считала себя въ правѣ ожидать этого. При этомъ агентамъ императорскаго правительства пришлось быть свидѣтелями дерзкихъ покушеній противъ русскихъ подданныхъ и лицъ, имѣющихъ право на покровительство Россіи, въ каковыхъ покушеніяхъ болгарскіе правители продолжаютъ относиться съ полнымъ невниманіемъ. Наконецъ, созваніе великаго народнаго собранія для выбора новаго князя не только безъ предварительнаго соглашенія съ представителемъ Россіи, но даже послѣ того, какъ со стороны его было открыто заявлено о несвоевременности такого шага, послужило несомнѣннымъ доказательствомъ твердой рѣшимости регентства идти въ разрѣзъ съ мнѣніемъ императорскаго правительства. Признавая бесполезнымъ въ виду вышеизложеннаго мое дальнѣйшее пребываніе въ Болгаріи, я объявляю, что нынѣшніе правители страны окончательно утратили довѣріе Россіи и что императорское правительство находитъ невозможнымъ поддерживать сношенія съ болгарскимъ правительствомъ въ его настоящемъ составѣ“¹⁾.

¹⁾ Баронъ Каульбарсъ болгарскому министру иностранныхъ дѣлъ 6 (18) ноября 1886 г.

Порваніе послѣднихъ связей, соединявшихъ Болгарію съ русскимъ правительствомъ, было привѣтствовано съ радостью при всѣхъ иностранныхъ дворахъ. Регентство торжествовало полную побѣду надъ нашею дипломатіей. Болгарскій народъ безмолвствовалъ.

XVIII.

Русскій циркуляръ отъ 11 (23) ноября 1886 года.—Оправданія болгарскаго регентства.—Причины неуспѣха миссиі барона Каульбарса.— Вопросъ объ оккупации.—Нецѣлесообразность этой мѣры.— Необходимость удовлетворенія.— Въ чемъ оно должно было заключаться?

Разрывъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Болгаріей—такой тяжкій политическій грѣхъ, что обѣ виновныя въ немъ стороны чувствовали потребность выгородить каждая свою отвѣтственность, приписывая вину исключительно противной сторонѣ.

Мы видѣли, какія побудительныя причины привелъ въ прощальной нотѣ баронъ Каульбарсъ. Къ сожалѣнію, при ближайшемъ разсмотрѣніи онѣ не отличаются ни точностью, ни логическою послѣдовательностью. Несправедливо утверждать, что ни одинъ изъ преподанныхъ генераломъ совѣтовъ не былъ выполненъ регентствомъ. Еще менѣе основателенъ упрекъ въ томъ, что болгарское правительство „относилось съ полнымъ невниманіемъ“ къ покушеніямъ противъ русскихъ подданныхъ и лицъ, имѣющихъ право на покровительство Россіи. Перечислить первыхъ отказался самъ баронъ, а что касается до послѣднихъ, то едва ли онъ имѣлъ основаніе распространять это понятіе на болгаръ, политическихъ противниковъ тѣхъ партій, которыя находились у власти. Еще менѣе основанія имѣлъ онъ требовать, чтобы великое собраніе было созвано не иначе, какъ съ его предварительнаго согласія. Самъ онъ облекъ свои требованія въ форму совѣтовъ, а извѣстно, что принятіе совѣта не обязательно для тѣхъ, кому тотъ преподается. Позволительно ли усмотрѣть въ отказѣ регентства принять совѣтъ, и притомъ только одинъ изъ трехъ предложенныхъ, „несомнѣнное доказательство твердой рѣшимости его идти въ разрѣзъ съ мнѣніями императорскаго правительства“, и вывести изъ того заключеніе „о невозможности поддерживать сношенія съ

нимъ въ настоящемъ его составѣ"? Здѣсь натяжка очевидна, и у барона Каульбарса можно предположить, какъ увидимъ далѣе, иныя причины для разрыва съ регентами.

Дипломаты, со своей стороны, пытались оправдать предъ Европой образъ дѣйствій генерала. Въ циркулярѣ къ нашимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ событія изложены не совсѣмъ такъ, какъ они происходили въ дѣйствительности. Упомянувъ объ отказѣ регентовъ „склониться передъ совѣтами“ барона Каульбарса, циркуляръ утверждалъ, что избранное вопреки этимъ совѣтамъ великое собраніе представляло лишь партію регентовъ, а отнюдь не болгарскій народъ, такъ какъ регенты преслѣдовали-де „всякую“ оппозицію. Утвержденіе рискованное, если припомнимъ, что въ составѣ временнаго правительства имѣлись представители всѣхъ партій, за исключеніемъ лишь одного Цаньова и друзей его. Далѣе приписывается барону Каульбарсу инициатива переговоровъ между Стамбуловымъ и Цанковымъ съ цѣлью привлеченія послѣдняго въ правительство, и выражается мнѣніе, что комбинація эта не состоялась оттого, что регенты получили одобреніе извнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ полной безнаказанности, вслѣдствіе устраненія опасности чьего либо вооруженнаго вмѣшательства. Въ заключеніе повторяется, что временные правители Болгаріи ничто иное, какъ „меньшинство радикальныхъ агитаторовъ“, притѣсняющее народъ и обращающее Болгарію „въ очагъ анархіи, революціи и вражды къ Россіи“¹⁾.

Регентство не оставило безъ отвѣта русскій циркуляръ. Въ нотѣ, сообщенной представителямъ всѣхъ великихъ державъ въ Софіи, болгарскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвергалъ заключавшіяся въ немъ обвиненія. Онъ указалъ на воплія законное происхожденіе регентства, установленное вѣяземъ Александромъ до отреченія отъ престола, напомнилъ, что изъ трехъ требованій барона Каульбарса регентство удовлетворило два и отклонило третье лишь потому, что оно было несогласно съ конституціею, и прямо заявилъ, что если нѣкоторые изъ проживающихъ въ Болгаріи русскихъ подданныхъ и подверглись кое-какимъ неприятностямъ, то единственно оттого, что при-

¹⁾ Циркуляръ отъ 11 (23) ноября 1886 г.

нимали участіе во враждебной правительству агитаціи, чего не можетъ-де терпѣть ни одно благоустроенное государство. Въ доказательство того, что баронъ Каульбарсъ не только не содѣйствовалъ примиренію партій, а, напротивъ, препятствовалъ ему, Начевичъ приложилъ къ своей нотѣ телеграммы, коими обмѣнялись Стамбуловъ и Цанковъ по вопросу о вступленіи послѣдняго въ составъ регентства. „Если“, — прибавилъ онъ, — „его превосходительство, г. Гирсъ, утверждаетъ противное, то, конечно, онъ самъ введенъ въ заблужденіе“¹⁾.

Выслушавъ обѣ стороны, нельзя не придти къ заключенію, что въ объясненіяхъ своихъ ни та, ни другая не достигла цѣли, не доказала полной своей невиновности. Справедливость обязываетъ насъ признать, однако, что болгарское оправданіе, при всѣхъ его недомолвкахъ, болѣе умѣренно и сдержанно, чѣмъ, очевидно, пристрастное изложеніе дѣла въ нашемъ дипломатическомъ циркулярѣ. Тѣмъ не менѣе, нисколько я не сомнѣваюсь, что разрывъ въ значительной степени вызванъ регентствомъ, внушаемымъ и ободряемымъ представителями иностранныхъ кабинетовъ. Не вижу повода негодовать на это, такъ какъ это совершенно въ порядкѣ вещей, и по меньшей мѣрѣ наивно требовать отъ чужеземцевъ, кто бы они ни были, ратованія за нужды и пользы Россіи, огражденія ея правъ и достоинства. Въ данномъ случаѣ меня исключительно занимаетъ вопросъ о томъ, насколько плачевный результатъ окончательной утраты нашего вліянія въ Болгаріи вызванъ ошибочностью нашихъ политическихъ замысловъ и оплошностью въ приведеніи ихъ въ исполненіе.

Государь Императоръ не только указалъ дипломатіи на честь и интересы Россіи, какъ на руководящія начала ея дѣятельности въ Болгаріи, но и личнымъ своимъ вмѣшательствомъ, вызвавшимъ отреченіе отъ власти князя Александра, расчистилъ для нея почву, создалъ самыя благопріятныя условія для проявленія въ этой странѣ ея искусства и усердія. Какъ же воспользовалась она этими преимуществами, какъ оправдала высочайшее довѣріе?

Начнемъ съ центрального вѣдомства. Я уже упоминалъ о

¹⁾ Г. Начевичъ агентамъ великихъ державъ въ Софіи 12 (24) декабря 1886 г.

недоброжелательствѣ, обнаруженномъ нѣкоторыми его чинами по поводу отправленія въ Болгарію, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго, лица, не принадлежавшаго къ дипломатическому сословію, взятаго со стороны. Недоброжелательство это неподдается юридическому опредѣленію, но сказалось во всѣхъ отношеніяхъ дипломатовъ къ барону Каульбарсу. Они отказались снабдить его точною и опредѣленною инструкціею, чтобы заранѣе снять съ себя всякую отвѣтственность въ случаѣ неудачи. Когда онъ началъ дѣйствовать на мѣстѣ, они не пытались остановить его, образумить, удержать отъ поступковъ компрометирующаго свойства. Невольно рождается подозрѣніе, ужъ не поступали ли они такъ съ затаенною цѣлью: доказать несостоятельность въ дипломатическихъ дѣлахъ не-спеціалиста, въ особенности генерала, и тѣмъ устранить на будущее время вмѣшательство военнаго вѣдомства и вообще лицъ военно-служащихъ въ нашу внѣшнюю политику?

Нейтральное отношеніе нашего Посольскаго Приказа къ барону Каульбарсу представляло для записныхъ дипломатовъ еще ту выгоду, что доставляло имъ возможность, въ объясненіяхъ съ иностранными кабинетами, на рѣзкое порицаніе ими образа дѣйствій этого уполномоченнаго отвѣчать, что дипломатія тутъ не причемъ, что баронъ Каульбарсъ—не ея посланецъ. Да и точно ли дипломаты были такъ чужды солидарности съ барономъ Каульбарсомъ, какъ повторяли это своимъ и чужимъ? Вѣдь они если не измыслили, то утвердили проектированныя генераломъ мѣры, и неоднократно выражали согласіе на его предположенія, и даже одобреніе его поступкамъ. Какъ у нихъ, такъ и у генерала, была совершенно общая точка зрѣнія на положеніе дѣлъ въ Болгаріи, оба исходили изъ понятій безкорыстія и великодушія, какъ основныхъ началъ русской политики на Востокѣ. Взглядъ на политическія партіи въ Болгаріи, усвоенный генераломъ, также былъ навѣянъ на него дипломатіею. То было наслѣдство его предшественниковъ, прежнихъ дипломатическихъ агентовъ въ Софіи, гг. Ионина и Коандера, весьма склонныхъ выдавать за враговъ и ненавистниковъ Россіи тѣхъ изъ болгаръ, что лично съ ними не поладили.

Все это нисколько не умаляетъ отвѣтственность барона Каульбарса, главнаго, хотя и не единственнаго виновника постиг-

шихъ его неудачъ, не только скромпрометировавшихъ его лично, но и испортившихъ окончательно положеніе русскаго дѣла въ Болгаріи. Слѣдуетъ сознаться, что генераль не оказался на высотѣ своего призванія, не понялъ смысла возложеннаго на него порученія, и въ рядѣ своихъ дѣйствій и распоряженій, при всей несомнѣнной своей благонамѣренности и личной добросовѣстности, обнаружилъ отсутствіе всякаго дипломатическаго таланта и такта. Не стану возвращаться къ его политической программѣ, приведенной въ предшедшей главѣ и поражающей своею бессодержательностью. Но въ самыхъ своихъ приемахъ онъ выказалъ столько запальчивости съ одной стороны и легкомыслія—съ другой, что рѣшительно становится непонятно, какъ можно было допустить его двухмѣсячное хозяйничанье въ Болгаріи, вопреки самымъ начальнымъ условіямъ дипломатической благопристойности?

Въ отказѣ регентовъ подчиниться одному изъ его требованій онъ усмотрѣлъ уколъ своему самолюбію. Съ этой минуты правители Болгаріи обращаются въ его личныхъ враговъ. Цѣлью всѣхъ его выходовъ, происковъ, разѣздовъ является низверженіе ненавистнаго ему правительства. Этимъ ловко пользуется Цанковъ и внушаетъ ему мысль, что интересъ Россіи требуетъ передачи власти въ руки его, Цанкова, и друзей его. Посредникъ между партіями, чрезвычайный уполномоченный Русскаго Царя обращается какъ бы въ политическаго заговорщика, стремящагося лишь къ тому, чтобы замѣнить правительство, дѣйствительно вмѣщающее въ себѣ представителей всѣхъ партій, за исключеніемъ одной, ничтожной и малочисленной, людьми этой самой послѣдней партіи. Вотъ, въ сущности, къ чему сводятся всѣ поступки барона Каульбарса, явные и тайные. Онъ вѣритъ въ искренность преданности Цанкова Россіи, Цанкова, который, когда былъ у власти, всегда являлся нашимъ самымъ злымъ и рѣшительнымъ противникомъ. Какъ естественное послѣдствіе такого взгляда, Стамбуловъ и послушная ему народная партія, обзываются анархистами, ничтожнымъ меньшинствомъ, захватившимъ власть насиліемъ и обманомъ, лютыми и непримиримыми врагами Россіи. Пускаются въ ходъ всѣ средства, чтобы низвергнуть ихъ, возбудить противъ нихъ и войско, и народъ. Когда же все это не удается, то генераль проявляетъ

свою досаду и бессильный гнѣвъ въ томъ, что провозглашаетъ незаконными и регентство, и министерство, и выборы, и великое собраніе, и всѣ ихъ дѣйствія, распоряженія, указы и законы. Но вѣдь съ этимъ правительствомъ онъ самъ велъ переговоры, при немъ онъ былъ аккредитованъ, его призналъ императорскій кабинетъ въ официальной отвѣтной телеграммѣ рускаго министра иностранныхъ дѣлъ на адресъ собранія Государю. Къ тому же, не представлялось ни малѣйшей вѣроятности, чтобы оно могло быть замѣнено другимъ. Слѣдовательно, каково бы ни было его нравственное качество, правительство это было сама Болгарія, Болгарія политическая, та, съ которою приходится соображаться и считаться въ международныхъ дипломатическихъ сочетаніяхъ. Не менѣе Цанкова правители страны признавали законность воздѣйствія Россіи на судьбы Болгаріи и даже доказали это на дѣлѣ, исполнивъ ея требованія, отмѣнивъ осадное положеніе, освободивъ изъ заключенія участниковъ въ заговорѣ 9 (21) августа. Если не исполненнымъ осталось третье требованіе объ отсрочкѣ на два мѣсяца выборовъ въ великое собраніе, то потому, что условіе это равнялось добровольной передачѣ власти Стамбуловымъ Цанкову и что въ политикѣ, какъ и въ жизни, самоубійство—явленіе довольно рѣдкое. А что такъ, а не иначе помышлялъ баронъ Каульбарсъ—доказывается заключительными словами его послѣдней ноты, что „нынѣшніе правители страны окончательно утратили довѣріе Россіи и что императорское правительство находитъ невозможнымъ поддерживать сношенія съ болгарскимъ правительствомъ *въ настоящемъ его составѣ*“.

Итакъ, Россія должна была удалиться изъ Болгаріи и надолго, если не навсегда, отказаться отъ пользованія въ этой странѣ плодами своего высокаго освободительнаго подвига, по той причинѣ, что дипломатія не поняла или не хотѣла понять, что Стамбуловъ и люди, сплотившіеся вокругъ него во временномъ правительствѣ, представляютъ дѣйствительно *политическое большинство* болгарскаго народа, а не шайку случайныхъ похитителей власти, за какую выдавали ихъ наши мѣстные представители. Это коренное заблужденіе и было главнымъ источникомъ всѣхъ нашихъ бѣдъ, и разсѣять его не успѣлъ, вѣзетса, и доселѣ цѣлый рядъ событій, прямо противорѣчащихъ жи-

даніямъ и предсказаніямъ дипломатіи и обличающихъ полное отсутствіе въ ней прозорливости и предусмотрительности.

Какъ бы то ни было, отъѣздъ изъ Болгаріи барона Каульбарса и всѣхъ русскихъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ создавалъ положеніе до такой степени ненормальное, что въ Петербургѣ призадумались надъ вопросомъ: какъ выйти изъ него, какъ возвратиться къ иному порядку, болѣе отвѣчающему и пользамъ Россіи, и ея достоинству? Такимъ исходомъ представлялась многимъ военная оккупациа. Находили, что русскія войска должны вступить въ княжество, занять его столицу, низвергнуть временное правительство и замѣнить его другимъ, болѣе благонадежнымъ и податливымъ на наши внушенія.

Мысль объ оккупации не представляла ничего новаго. Она зарождалась неоднократно и въ прежніе годы, каждый разъ, какъ обстоятельства въ Болгаріи обострялись въ неблагопріятномъ для насъ смыслѣ, благодаря неумѣлому веденію дѣлъ дипломатіею. Чего, казалось, проще, какъ проявленіемъ русской матеріальной силы изгладить слѣды нравственного и умственного безсилія нашихъ дипломатическихъ представителей? Всѣ личные противники послѣднихъ будутъ тогда вынуждены удалиться изъ страны. Во главѣ болгарскаго правительства замѣнять ихъ люди, выдающіе себя за ревностныхъ и искреннихъ нашихъ сторонниковъ. Болгарія обратится въ *tabula rasa* и русскіе дипломаты не преминутъ этимъ воспользоваться, чтобы насадить въ ней и упрочить преобладающее вліяніе императорскаго кабинета.

Заманчивая перспектива, но только на первый взглядъ. Сама по себѣ оккупациа, конечно, не могла служить *целью*, а являлась лишь *средствомъ* для достиженія цѣлей русской политики на Востокѣ. Каковы же были бы ея ближайшія послѣдствія? Кровавое столкновеніе между освободителями и освобожденными, пролитіе драгоцѣнной русской крови. И для чего? Чтобы водворить во главѣ управленія страной г. Цанкова на мѣсто г. Стамбулова. А потомъ что? Возвращеніе въ Болгарію русскихъ офицеровъ, быть можетъ, и русскаго военнаго министра. Но развѣ мы не видѣли, до какой степени оказались недостаточными эти гарантіи для обезпеченія русскихъ интересовъ въ княжествѣ? Развѣ Цанковъ и его партія, когда находилась

у власти, не были первымъ болгарскимъ министерствомъ, дерзнувшимъ ободрить князя Александра во враждебныхъ его дѣйствіяхъ противъ Россіи, раздѣлить съ нимъ отвѣтственность за нихъ? Развѣ присутствіе русскихъ военнаго министра и офицеровъ помѣшало осуществиться румелійскому перевороту, вопреки ясно выраженной волѣ нашего правительства? Развѣ *status quo ante*, существовавшее въ Болгаріи со времени берлинскаго конгресса и до низложенія князя Александра, могло считаться удовлетворяющимъ потребностямъ Россіи, ея нравственному чувству или политическимъ расчетамъ?

А между тѣмъ, Богъ вѣсть сколько времени пришлось бы продержать русскія войска въ Болгаріи для поддержанія въ ней именно этого порядка вещей. Какое бы число лѣтъ они тамъ ни оставались, удаленіе ихъ послужило бы сигналомъ къ новымъ смутамъ и междоусобіямъ. Искусственно водворенное нами правительство уступило бы напору своихъ политическихъ противниковъ, которые, какъ доказалъ опытъ, беспорно пользуются большимъ вліяніемъ на народъ. На политической поверхности Болгаріи снова появился бы Стамбуловъ, уже озлобленный и непримиримый по отношенію къ намъ. Неужели же намъ возвращаться снова въ княжество для борьбы съ нимъ и для вторичнаго водворенія у власти Цанкова? Вѣдь это было бы нескончаемою передрагою, которая подвергла бы Россію неисчислимымъ, крайне опаснымъ случайностямъ, безъ малѣйшей пользы для нея самой, для развитія ея силы и могущества на Востокѣ.

Но, быть можетъ, оккупация была бы предпринята съ цѣлью водворить въ Болгаріи иной порядокъ, болѣе тѣсно связать ее съ Россіею, просто обратить въ русскую область, управляемую непосредственно русскими чиновниками. Вѣроятно даже, что оккупация, еслибы состоялась, то волей-неволей и привела бы насъ именно къ такой развязкѣ, привела бы невольно, быть можетъ даже, несознательно, одною логикою событій. Но вопросъ въ томъ, насколько такой исходъ сообразенъ съ общимъ планомъ нашей внѣшней политики по отношенію какъ къ Востоку, такъ и къ Европѣ?

Невозможно допустить, чтобы присоединеніе Болгаріи къ Россіи могло совершиться безъ глубокихъ потрясеній, безъ общей европейской войны, которая совершенно видоизмѣнила бы

поземельныя отношенія великихъ державъ. Вотъ почему не только актъ присоединенія, но и малѣйшій намекъ на него вызвалъ бы вооруженное столкновение между Россіей съ одной стороны, Англійей и поддержанною Германіей Австріею—съ другой. Въ лучшемъ случаѣ, въ случаѣ побѣдоноснаго выхода Россіи изъ всѣхъ этихъ усложненій, еще остается рѣшить, которая изъ двухъ комбинацій наиболѣе благопріятна для разрѣшенія Восточнаго вопроса въ русскомъ смыслѣ: поработженіе ли Россіею одной лишней славянской области, или добровольное подчиненіе нравственному ея вліянію и политическому руководству совокупности балканскихъ государствъ?

Таковы, конечно, соображенія, внушившія самодержавной власти рѣшеніе, столь энергично выразившееся въ словахъ: не давать ни единого пятиалтыннаго на безразсудное дѣло оккупации. Вступленіе русскихъ войскъ въ Болгарію могло бы извлечь на время дипломатію изъ унижительнаго состоянія, въ которое ввергли ее ея собственныя ошибки, но послѣдствіемъ такой мѣры неминуемо былъ бы всеобщій пожаръ, пламя котораго охватило бы не только Европу, но весь міръ, и который излилъ бы на вселенную неисчислимыя бѣдствія.

Въ этотъ рѣшительный моментъ, какъ и во всѣ предшествовавшіе фазисы развитія болгарскаго вопроса, царственная мысль совпала съ высшимъ интересомъ Россіи, интересомъ ея самохраненія. Но, устранивъ участіе матеріальной силы въ прекращеніи болгарской неурядицы, необходимо было проявить тѣмъ болѣе силы духовной и искать выйти съ честью изъ положенія, очевидно, не приличествующаго ни выгодамъ Россіи, ни достоинству ея, какъ великой міровой державы.

Какъ и слѣдовало ожидать, этой силы духа не нашлось у русской дипломатіи. Она рѣшилась „выжидать развитія положенія дѣлъ“ (*attendre le développement de la situation*). Въ этихъ словахъ формуловала она свою программу по болгарскому вопросу ¹⁾. То была лишь фраза, плохо прикрывавшая нашу несостоятельность и безпомощность, какъ будто опытъ всѣхъ временъ не доказываетъ, что искать выиграть время въ политикѣ — значитъ безвозвратно потерять его.

¹⁾ Циркуляръ представителямъ Россіи при дворахъ великихъ державъ 11 (23) ноября 1886 г.

Неразумно было обрекать себя на бездѣйствіе, когда всѣ враждебныя намъ силы Западной Европы выступали въ походъ противъ насъ въ странѣ, для которой мы принесли столько жертвъ и которую нынѣ отдавали на произволь случая. Но были и другія, еще болѣе вѣскія соображенія, которыя должны были бы внушить дипломатіи рѣшенія, болѣе достойныя Государя и Россіи.

Каковы бы ни были причины разрыва нашего съ Болгаріей, разрывъ этотъ состоялся при условіяхъ, крайне оскорбительныхъ для нашей государственной чести. Русскіе подданные подверглись, хотя отчасти и по своей винѣ, гоненіямъ болгарскаго правительства, болгарская печать разражалась въ грубыхъ и дерзкихъ обвиненіяхъ. по адресу Россіи, толпа въ Софіи совершила нападеніе на зданіе нашего агентства, наконецъ, самъ русскій чрезвычайный уполномоченный, офиціальныи представитель императорскаго кабинета, подвергся неоднократнымъ личнымъ оскорбленіямъ со стороны какъ уличныхъ агитаторовъ, такъ и нѣкоторыхъ изъ второстепенныхъ властей. Этимъ не только нарушались права Россіи, но и самое достоинство ея подвергалось поруганію. Подобные поступки не должны были остаться безнаказанными. Если каждый человекъ обязанъ прежде всего отстаивать свою личную честь, то обязанность эта сугубо лежитъ на государствѣ, представляющемъ совокупную честь великаго народа. Если отдѣльная личность, безропотно перенесшая оскорбленія, предается общественному посмѣянію и презрѣнію, то не можетъ не потерять своего обаянія въ мірѣ и держава, допустившая посягательство на честь свою со стороны другой державы, все равно какой, большой или малой, сильной или слабой. Въ вопросахъ чести должны смолкнуть всякія постороннія размышленія и сомнѣнія, и удовлетворенія слѣдуетъ требовать съ непреклонною твердостью, не задумываясь надъ послѣдствіями. Въ этомъ высшій нравственный и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне реальный интересъ государства.

Изъ этихъ соображеній несомнѣнно явствуетъ, что Россія не только имѣла право потребовать удовлетворенія отъ Болгаріи, но и обязана была воспользоваться этимъ правомъ. Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, надлежало точно формулировать причины и предѣлы такого требованія. Временное болгарское правительство осмѣлилось выказать явное неуваженіе

къ представителю Россіи и допустило оскорбленіе его болгарами. Оно должно и отвѣтить за подобное нарушеніе международныхъ приличій. Требованіе объ удовлетвореніи имѣло бытъ поставлено отдѣльно отъ всякихъ другихъ требованій. Нужно было отправить въ Софію съ фельдъ-егеремъ ультиматумъ приблизительно слѣдующаго содержанія: „Разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Болгаріей вызванъ не отказомъ регентства подчиниться совѣтамъ императорскаго кабинета, а притѣсненіемъ русскихъ подданныхъ и рядомъ оскорбленій, нанесенныхъ русскому флагу и самому лицу русскаго чрезвычайнаго уполномоченнаго. Россія не намѣрена терпѣть подобнаго обращенія отъ кого бы то ни было, всего менѣе отъ правителей страны, освобожденной ея кровью. Она требуетъ торжественнаго и полнаго удовлетворенія. Болгарская депутація, съ однимъ изъ регентовъ во главѣ, должна прибыть въ Петербургъ и принести у подножія высочайшаго престола извиненія временнаго правительства и народа. По совершеніи этого акта, будетъ посланъ въ Болгарію императорскій комиссаръ, въ присутствіи коего будутъ оказаны, при самой церемоніальной обстановкѣ, военныя почести русскому флагу, который снова взвоется надъ зданіемъ русскаго агентства, привѣтствуемый салютомъ въ 101 пушечный выстрѣлъ. Послѣдствіемъ скорого и безусловнаго подчиненія регентства требованіямъ императорскаго кабинета будетъ восстановление обычныхъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Болгаріей“.

Еслибы на русскій ультиматумъ не послѣдовало въ теченіе однихъ сутокъ удовлетворительнаго отвѣта регентства, надлежало бы немедленно и безъ колебаній приступить къ понудительнымъ мѣрамъ. Первою изъ такихъ мѣръ было бы наложеніе амбарго на болгарскія суда, находящіяся въ русскихъ гаваняхъ, затѣмъ объявленіе въ состояніи блокады всѣхъ болгарскихъ береговъ, наконецъ появленіе русской черноморской эскадры предъ Варной или Бургасомъ, бомбардированіе этихъ мѣстностей и, въ крайнемъ случаѣ, занятіе ихъ русскимъ гарнизономъ. Одновременно Россія объявила бы Европѣ, что цѣлью всѣхъ этихъ мѣръ является отнюдь не притязаніе на вмѣшательство во внутреннія дѣла Болгаріи, а единственно удовлетвореніе за обиду, по полученіи коего, русскія сухопутныя силы

тотчасъ же покинуть болгарскую территорію, русскій флотъ— болгарскія воды. При такой ясной постановкѣ вопроса не было бы повода къ возраженіямъ со стороны великихъ державъ, тѣмъ менѣе къ вооруженному вмѣшательству которой либо изъ нихъ, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ, регентство, еслибы и попыталось упорствовать, то сопротивленіе его не могло бы быть продолжительно и оно вынужденнымъ бы нашлось дать Россіи потребованное удовлетвореніе.

Нѣтъ повода сомнѣваться въ успѣхѣ вышеизложенныхъ понудительныхъ мѣръ, подѣ условіемъ, разумѣется, что онѣ были бы умно и практично задуманы и съ непреклонною твердостью доведены до конца. Исторія дипломатическихъ сношеній изобилуетъ примѣрами такого рода, въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ, когда великой державѣ приходилось добиваться удовлетворенія отъ государства малаго и слабаго, которому она не можетъ объявить войны. Знать эти примѣры и указать на нихъ,— представить по этому предмету точную и обстоятельную справку— прямая обязанность дипломатіи ¹⁾. Если она не исполнила ее въ данномъ случаѣ, то едва ли такую небрежность можно приписать одной невѣжественности. Невольно зарождается подозрѣніе: не сказалось ли тутъ иное чувство, чувство злорадства, возбужденнаго неудачею барона Каульбарса, котораго, какъ выше замѣчено, дипломаты не причисляли къ числу своихъ? Мелочная кастовая завистливость не взяла ли вверхъ надъ патріотическими побужденіями и ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не потирали ли себѣ самодовольно руки нѣкоторые изъ нихъ вмѣсто того, чтобъ измыслить возмездіе за униженіе, испытанное русскимъ генераломъ и официальнымъ представителемъ русскаго двора отъ правителей Болгаріи? Или, что еще хуже, не ввергло ли ихъ въ состояніе безсмысленнаго оцѣпенѣнія отсутствіе живой вѣры въ мощь Россіи, боязнь, какъ бы такой рѣшительный шагъ не навлекъ на нее неудовольствія другихъ державъ? Какой горькій урокъ преподалъ имъ въ этомъ отношеніи всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя князь Бисмаркъ, не задумавшійся потребовать

¹⁾ Большая часть такихъ примѣровъ относится къ Испаніи, Португаліи и южно-американскимъ республикамъ. Наиболѣе извѣстное и близкое къ нашей эпохѣ дѣло: удовлетвореніе, потребованное Англіею отъ Греціи въ 1850 году по такъ называемому дѣлу Пачифико.

отъ Порты впуска въ Черно море германскихъ броненосцевъ для отмщенія за несравненно легчайшую обиду, нанесенную нѣмецкому вице-консулу въ Русчукъ однимъ изъ второстепенныхъ агентовъ того же временнаго болгарскаго правительства. Сличая въ обоихъ случаяхъ образъ дѣйствій кабинетовъ берлинскаго и петербургскаго, болгары, несомнѣнно, пришли къ выводу, еще болѣе уронившему среди ихъ обаяніе русскаго имени.

Излишне было бы перечислять здѣсь всѣ выгоды для Россіи отъ полученія полнаго и торжественнаго удовлетворенія. Онѣ были бы не только нравственнаго, но и чисто-политическаго свойства. Регентство познало бы, что съ Россією нельзя шутить безнаказанно и, конечно, проявило бы болѣе уступчивости въ дальнѣйшихъ переговорахъ, продолжать которые дало бы возможность возобновленіе дипломатическихъ сношеній и назначеніе въ Софію новаго русскаго представителя. Напротивъ, безвозвратное удаленіе изъ Болгаріи всѣхъ русскихъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ обращало ее въ широкое поле для происковъ и интригъ всѣхъ нашихъ враговъ и ненавистниковъ и прежде всего—представителей иностранныхъ державъ. Мало того: мы этимъ сами лишили себя возможности слѣдить за всѣмъ, что происходитъ въ этой странѣ, получать изъ нея вѣрныя и точныя извѣстія.

Удаляясь изъ Болгаріи, Россія добровольно покидала свой передовой постъ въ Балканахъ, на пути къ Проливамъ. Враждебныя намъ силы, которымъ мы сыграли въ руку, естественно, поспѣшили занять его.

XIX.

Непредусмотрительность дипломатіи.—Мечты и грезы болгарской эмиграціи.—Посредничество Турціи.—Обращеніе къ великимъ державамъ.—Призывъ къ примиренію.—Дипломатическая программа русско-болгарскихъ отношеній.

Удаленіе наше изъ Болгаріи ни мало не пріостановило теченія неблагоприятныхъ намъ событій въ этой странѣ, но, напротивъ, умножило и ускорило ихъ. Быстро слѣдовали одно за другимъ: попытки военныхъ возстаній въ Силистріи, Русчукъ и Бургасѣ, подавленные безъ труда регентствомъ, не остано-

вившимся предъ кровавою распрарой; выставленіе кандидатуры принца Фердинанда Кобургскаго; избраніе его великимъ собраніемъ, пріѣздъ въ Софію и водвореніе на болгарскомъ престолѣ.

Всѣ эти событія были неожиданностями для русской дипломатіи, самоувѣренно недопускавшей ихъ возможности до тѣхъ поръ, пока они не обращались въ совершившіеся факты. По теоріи дипломатовъ, Болгарія находилась въ состояніи полной анархіи, которое не могло-де долго продолжаться. Когда ихъ предупреждали о предстоящемъ избраніи князя — они, не запинаясь, отвѣчали, что среди членовъ царствующихъ въ Европѣ домовъ не найдется охотниковъ княжить въ Болгаріи при настоящихъ условіяхъ. Когда произнесено было впервые имя принца Фердинанда, они выражали увѣренность, что болгары не выберутъ католика. Когда, наконецъ, состоялось избраніе его, они наивно утверждали, что онъ не приметъ избранія, не поѣдетъ въ Софію, не вступитъ въ управленіе безъ согласія Порты и великихъ державъ, потому-де, что онъ „порядочный человекъ“. Всѣ эти ожиданія, какъ извѣстно, не оправдались. Дипломатія лишній разъ доказала полную свою непредусмотрительность.

Зависѣло это отчасти отъ того, что со времени отозванія консуловъ изъ Болгаріи, она смотрѣла на положеніе дѣлъ въ этой странѣ очами болгарской эмиграціи. Черезъ эту послѣднюю, и только черезъ нее одну, получались у насъ свѣдѣнія о происходящемъ за Дунаемъ, но потому-то свѣдѣнія эти и носили постоянно эмиграціонную окраску, представляя событія въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Эмиграція состояла изъ двухъ разрядовъ: офицеровъ, бывшихъ участниковъ военнаго заговора противъ князя Александра, помилованныхъ по настоянію барона Каульбарса и искавшихъ безопаснаго убѣжища въ русскихъ предѣлахъ, и нѣкоторыхъ членовъ оппозиціи съ Цанковимъ во главѣ, выселившихся частью въ Румынію, частью въ Константинополь. Первые участіемъ своимъ въ неудавшихся попыткахъ возстанія въ Рушукѣ, Силистріи и Бургасѣ окончательно порвали связь свою съ болгарскою арміею; вторые, гласно обращавшіеся къ Портѣ съ приглашеніемъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Болгаріи и даже ввести туда турецкія войска, лишились и послѣдней доли своего вліянія на народъ, видѣвшій въ нихъ предателей отечества.

И тѣ, и другіе, по свойственному людямъ самообольщенію, не сознавали оторванности своей отъ родной почвы и мечты свои и вождельнія охотно принимали за дѣйствительность. Они увѣряли азіатскій департаментъ, что имѣютъ на родинѣ многочисленныхъ сторонниковъ, что стоитъ вооруженному отряду эмигрантовъ появиться въ Болгаріи и вся страна единодушно возстанетъ противъ притѣвляющаго ее меньшинства. Иллюзіи ихъ напоминаютъ такія же грезы французскихъ эмигрантовъ въ эпоху революціи, также воображавшихъ, что народъ за нихъ и съ ними, и что республиканское правительство не устоитъ противъ появленія во Франціи бѣлаго знамени, поддержаннаго иностранными штыками. Роковое заблужденіе, за которое дорого заплатились и эмигранты, и вся монархическая Европа. Но современные дипломаты глухи къ урокамъ исторіи. Какъ и въ концѣ прошлаго столѣтія, они сквозь очки эмиграціи взираютъ нынѣ на событія въ Болгаріи. Какъ тогда, такъ и теперь эмигранты, разумѣется, выдавали себя за искреннихъ и преданныхъ друзей Россіи, и дипломаты вѣрили имъ, забывая, что, по мѣткому выраженію одного изъ даровитѣйшихъ молодыхъ консуловъ, хорошо изучившаго Болгарію и болгаръ, они не потому эмигранты, что были сторонниками Россіи, а потому стали нашими сторонниками, что—эмигранты.

Подъ впечатлѣніемъ разочарованій, которыя довелось намъ испытать въ Болгаріи, въ русскомъ обществѣ проявилось было стремленіе махнуть рукой на болгаръ и устраниваться отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ ихъ дѣлахъ. Не такъ, однако, относилась къ дѣлу дипломатія. Ее не покидала надежда на возвращеніе прежняго преобладающаго значенія въ этой странѣ, хотя едва ли она отдавала себѣ ясный отчетъ въ томъ, какимъ способомъ совершится такое превращеніе?

Въ сообщеніи, напечатанномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, заявлялось, что, „считая своимъ долгомъ заботиться о сохраненіи спокойствія на Востоцѣ, императорское правительство намѣрено попрежнему направлять свои усилія къ превращенію тяготяющаго надъ Болгаріею гнета и къ возстановленію въ странѣ этой законнаго порядка“¹⁾, а въ приведен-

¹⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ отъ 28 ноября (10 декабря) 1886 г.

номъ въ предшедшей главѣ циркулярѣ разъяснено, что къ достиженію этой цѣли мы будемъ стремиться исключительно „мирными средствами“¹⁾).

Подъ такими средствами разумѣлись переговоры съ Портою и съ великими державами.

Вслѣдъ за отъѣздомъ барона Каульбарса, мы предложили Портѣ выставить кандидатомъ на болгарскій престолъ князя Мингрельскаго и созвать на совѣщаніе предводителей и главныхъ членовъ болгарскихъ политическихъ партій для составленія коалиціоннаго правительства и разсмотрѣнія вопроса о томъ, долженъ ли князь Мингрельскій быть избранъ прежнимъ или новымъ великимъ собраніемъ? Великій визирь передалъ наше предложеніе регентству, которое не замедлило отвѣтить, „что не можетъ дать согласія на подобную комбинацію, лишенную всякаго законнаго основанія и выставляемую въ пользу кандидатуры, за которую не высказался даже ни одинъ изъ членовъ оппозиціи и которую отвергаетъ болгарскій народъ“. „При этихъ условіяхъ“,—говорилось въ циркулярной нотѣ болгарскаго министра иностранныхъ дѣлъ, — „образованіе смѣшаннаго министерства не могло бы имѣть никакого практическаго результата для разрѣшенія болгарскаго вопроса: оно могло лишь содѣйствовать къ отнятію у министерства регентовъ характера цѣльности, ослабивъ власть его и подвергнувъ опасности внутренний миръ“²⁾).

Подчиняясь нашимъ внушеніямъ, Порты не разъ еще передавала въ Софію различныя требованія и даже протесты. Такъ она протестовала противъ вступленія въ управленіе княжествомъ принца Кобургскаго. Но и только. Болгарское правительство оставляло ея сообщенія безъ всякихъ послѣдствій, а турки и не помышляли о поддержаніи ихъ силою.

Да и могло ли быть иначе, если взять въ соображеніе, что ослабленіе нашего вліянія въ Болгаріи отвѣчало прямому интересу Турціи, для которой политическая и военная связь княжества съ Россіей являлась положительною опасностью. Только

¹⁾ Циркуляръ представителямъ Россіи при великихъ державахъ отъ 11 (23) ноября 1886 г.

²⁾ Циркулярная нота г. Начевина агентамъ великихъ державъ въ Софію 12 (24) декабря 1886 г.

дипломаты могли воображать, что „права султана, какъ сюзерена, непосредственно затрогиваются незаконнымъ положеніемъ дѣлъ въ Софіи“ ¹⁾, только имъ и могло прійти въ голову, что Порта выйдетъ изъ своей апатіи и двинетъ войска свои для возстановленія въ Болгаріи порядка, при которомъ страна эта снова подпадетъ непосредственному вліянію Россіи. Я даже отъказываюсь вѣрить, чтобы сами они разсчитывали на успѣхъ своихъ переговоровъ съ турками; имъ просто нужно было сдѣлать видъ, что они не бездѣйствуютъ и, согласно дипломатической традиціи, они усердно гонялись за призракомъ, стараясь уловить собственную тѣнь.

Но какъ ни безнадежно было это упражненіе, его никакъ нельзя признать невиннымъ или безвреднымъ. Натравливая турокъ на болгаръ, мы сами нарушали вѣковыя историческія преданія русскихъ государства и народа, отрекались отъ мірового призванія Россіи, подрывали обаяніе ея въ глазахъ всего христіанскаго Востока. Страшное смѣшеніе понятій, поруганіе исторіи! Словно намъ чужды наши народныя вѣрованія, непонятна идея православнаго Царя и Святой Руси. При такомъ направленіи нашей восточной политики горькою насмѣшкою звучать въ дипломатическихъ устахъ увѣренія, „что дипломатія горячо-де печется объ обезпеченіи достоинства православной церкви, которой болгары обязаны сохраненіемъ своей національности въ вѣка рабства“ ²⁾.

Впрочемъ, не на одну Порту разсчитывала русская дипломатія для возстановленія въ Болгаріи „законнаго порядка“. Она возлагала свое упованіе и на посредничество великихъ державъ, и въ частности дворовъ берлинскаго и вѣнскаго. Въ моей исторической справкѣ я намѣренно избѣгалъ упоминанія о восточной политикѣ Германіи и Австро-Венгріи. Вопросъ этотъ слишкомъ важенъ и сложенъ, чтобы касаться его вскользь, мимоходомъ, и къ тому же не ознакомившись съ относящеюся до него дипломатическою перепискою. Но не могу не остановиться на одномъ обстоятельстве, представляющемъ мнѣ крайне характернымъ. Поведеніе какъ берлинскаго, такъ и вѣнскаго

¹⁾ Сообщение въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 11 февраля 1888 г.

²⁾ Сообщение въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 28 апрѣля 1888 г.

двора въ Болгаріи было уже весьма двусмысленно въ то время, когда трехдержавный союзъ былъ въ полной силѣ. Какъ же можно было рассчитывать на поддержку этихъ двухъ кабинетовъ, послѣ того какъ волею Государя Россіи вышла изъ состава означеннаго союза и возвратила себѣ по отношенію къ прежнимъ союзникамъ полную свободу дѣйствій?

Умолчу также о пресловутомъ инцидентѣ „подложныхъ документовъ“. Замѣчу только, что важно не то, поддѣльны они или нѣтъ, а важенъ вопросъ: дѣйствительно ли Германія держалась въ Болгаріи политики, отличной отъ той, которая изложена въ упомянутыхъ документахъ? Какъ бы то ни было, нѣмецкій канцлеръ громко исповѣдуетъ политику своекорыстія и польза Германіи не впервые требуетъ вовлеченія Россіи въ замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ. Неужели у насъ уже успѣли позабыть, какъ усердно подговаривалъ насъ князь Бисмаркъ въ 1876 году начать войну съ Турціей, что дало князю Горчакову поводъ назвать его „великимъ искусителемъ въ пустынѣ“?

Возвращаясь къ „мирнымъ средствамъ“ русской дипломатіи, встрѣчаемся съ обращеніемъ ея къ содѣйствію всего „европейскаго концерта“. По этому предмету, читаемъ въ одномъ изъ правительственныхъ сообщеній: „Имѣя въ виду повсемѣстно выраженное желаніе положить конецъ существующему тревожному состоянію, корень коего кроется преимущественно въ двусмысленномъ положеніи Болгаріи, императорское правительство сочло долгомъ сдѣлать вновь попытку, съ цѣлью вызвать заявленіе державъ о неприкосновенности трактатныхъ постановленій, касающихся Болгаріи, и необходимости возвратитъ ее на путь законности. Естественныя послѣдствія такого заявленія державъ должны быть представлены въ Константинополь, съ цѣлью склонить султана—объявить болгарамъ, что лицо, носящее нынѣ званіе князя, не законный правитель Болгаріи, а только похититель власти“¹⁾.

Ожидаемыхъ „естественныхъ послѣдствій“, однако, не послѣдовало. Обращеніе къ великимъ державамъ заранѣе было обречено на неудачу, если принять во вниманіе, что Восточный во-

¹⁾ Сообщеніе отъ 11 февраля 1888 г.

прось въ сущности есть ничто иное, какъ вопросъ объ антагонизмѣ на Востокѣ между Россіей и Европой. Изъ сего ясно слѣдуетъ, что все, что дѣйствительно можетъ обезпечить интересы Россіи на Востокѣ, никогда не будетъ допущено Европою, а все, что допуститъ Европа, всегда окажется недостаточнымъ для обезпеченія русскихъ интересовъ.

Въ предвидѣніи неминуемой неудачи совокупнаго дипломатическаго вмѣшательства въ дѣла Болгаріи, азіатскій департаментъ рѣшился сдѣлать шагъ по пути къ примиренію съ партією, находящеюся нынѣ у власти. Таково значеніе правительственнаго сообщенія отъ 11 февраля 1888 года.

Упомянувъ о Берлинскомъ трактатѣ, какъ объ „основаніи установившагося по общему соглашенію державъ на Балканскомъ полуостровѣ порядка вещей“ и „единственной международной гарантіи противъ потрясеній, опасныхъ для будущности юныхъ государствъ полуострова“, — означенное сообщеніе излагаетъ предположенное въ Константинополѣ представленіе великихъ державъ и затѣмъ, „не предрѣшая будущаго“ и „въ видахъ устраненія какихъ бы то ни было сомнѣній относительно цѣлей и намѣреній императорскаго правительства“, раскрываетъ образъ дѣйствій, „котораго оно твердо рѣшилось держаться въ болгарскомъ вопросѣ, въ случаѣ устраненія причинъ, способствующихъ продленію кризиса“.

Далѣе говорится о неизмѣнномъ участіи Россіи къ Болгаріи, о томъ, что она не считаетъ совмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ вмѣшиваться во внутренніе раздоры болгаръ, что она въ то же время далека отъ мысли подвергать кого либо отвѣтственности за минувшее и что — „одно чистосердечное раскаяніе послужитъ въ глазахъ ея залогомъ поворота къ лучшему“. „Россія“, — продолжаетъ сообщеніе, — „желаетъ исключительно блага Болгаріи и, по удаленіи похитителя власти, она будетъ ожидать перваго искренняго заявленія со стороны болгарскаго народа, выраженнаго чрезъ посредство его представителей, чтобы предать забвенію прошлое и позаботиться о возстановленіи сношеній, основанныхъ на взаимномъ довѣріи“.

Слѣдуютъ увѣренія, что Россія не намѣрена стѣснять свободы болгаръ въ дѣлахъ внутренняго устройства и управленія; что призваніе ея заключается не въ поспраніи, а въ защитѣ правъ

болгарскаго народа, лишь бы лица, руководящія его судьбою, умѣли разумно пользоваться этими правами; что если болгары отрѣшатся отъ личныхъ стремленій и расчетовъ и единодушно выведутъ свою родину на путь законности и благоустройства, то всякое постороннее вмѣшательство окажется безцѣльнымъ и излишнимъ, а водвореніе будущаго князя совершится безпрепятственно, въ условіяхъ, опредѣленныхъ трактатомъ; что именно эти соображенія побудили императорское правительство на первыхъ же порахъ отвергнуть мысль о возможности возстановленія законности при помощи мѣръ насилія.

Правительственное сообщеніе заканчивается слѣдующими словами: „При всемъ этомъ, само собою разумѣется, что, до удаленія изъ Болгаріи похитителя власти, императорское правительство будетъ продолжать считать существующее въ этой странѣ положеніе дѣлъ незаконнымъ, оставаясь при убѣжденіи, что въ устраненіи этого положенія заключается наиболѣе благонадежное средство упрочить всеобщее спокойствіе“¹⁾.

При внимательномъ ознакомленіи съ вышеизложеннымъ документомъ нельзя не придти къ сознанію, что, совѣтуя болгарамъ „умудриться опытомъ“, наши дипломаты сами и не думаютъ придерживаться этого благоразумнаго правила. Въ послѣднемъ обращеніи своемъ къ болгарамъ, они продолжаютъ держаться тѣхъ же возрѣній, которыя привели уже къ полной уtratѣ русскаго вліянія въ Болгаріи и даже къ разрыву съ нею.

Общій смыслъ сообщенія тотъ, что Россія примиреніе свое съ Болгаріей ставитъ въ зависимость отъ удаленія принца Кобургскаго — похитителя власти. Самовольное вступленіе его въ управленіе княжествомъ составляетъ-де нарушеніе Берлинскаго трактата. Какъ только съ отъѣздомъ его изъ Софіи будетъ возстановлено нарушенное право, ничто не будетъ болѣе препятствовать возвращенію Болгаріи благоволенія Россіи.

Все это было бы такъ, еслибы дѣйствительно воцареніе принца Фердинанда являлось причиною разрыва. Но вѣдь разрывъ этотъ произошелъ гораздо ранѣе и избраніе Кобурга было само лишь его послѣдствіемъ. Какимъ же образомъ пребываніе Кобурга въ Софіи можетъ считаться единственнымъ препят-

¹⁾ Сообщеніе отъ 11 февраля 1888 г.

ствиѣмъ къ примиренію? Тутъ, очевидно, кроется недоразумѣніе, вольное или невольное, но во всякомъ случаѣ не располагающее болгаръ къ довѣрью, безъ котораго немислимъ успѣхъ.

За удаленіе принца Фердинанда обѣщаютъ много разныхъ благъ, но не безъ существенныхъ оговорокъ и даже противорѣчій. Россія признаетъ право Болгаріи самостоятельно устраивать свои внутреннія дѣла, но подъ условіемъ, что болгары будутъ „разумно пользоваться этими правами“. Она не станетъ вмѣшиваться въ ихъ распри и раздоры, но требуетъ отъ нихъ единодушія, отреченія отъ личныхъ стремленій и расчетовъ. Она обязуется не прибѣгать къ „насилію“ для возстановленія законнаго порядка, но ждетъ „искренняго заявленія“ со стороны представителей болгарскаго народа; наконецъ, она не будетъ никого подвергать какой либо отвѣтственности за минувшее, однако, ей нужно заручиться „чистосердечнымъ сознаніемъ заблужденій“.

Но важнѣе всего, что въ правительственномъ сообщеніи мы снова находимъ излюбленную фразу нашихъ дипломатовъ: „что Россія желаетъ *исключительно* блага Болгаріи“. О русскихъ интересахъ и о необходимости обставить ихъ на будущее время надежными ручательствами—ни слова. Всѣ наши пожеланія сводятся къ требованію отъ болгаръ нѣсколькихъ фразъ о кровномъ родствѣ, о долгѣ признательности, о любви и преданности. За это мы снова готовы осыпать ихъ благодареніями, защищать *contra quousque*. Въ виду этого обстоятельства, оставленіе ими безъ вниманія вышеприведенныхъ заискивающихъ рѣчей я считаю за столь же счастливый для Россіи результатъ, какъ и отверженіе регентствомъ требованій генерала Каульбарса.

Если голосъ нашей дипломатіи все же остался гласомъ воющаго въ пустынь, то зависѣло это отъ того, что предложенія ея, даже на первый взглядъ, представлялись мало заманчивыми. Въ заявленное ею безкорыстіе болгары не вѣрили, а указанная мною оговорки и противорѣчія внушали имъ серьезныя опасенія, какъ бы не повторились снова, въ высшей степени притязательныя, хотя для Россіи вовсе бесполезныя и даже вредныя выходки нашихъ агентовъ, въ родѣ гг. Ионина, Кояндера, барона Каульбарса. Болгары были рады, что избавились, наконецъ, отъ непрошеннаго и назойливаго вмѣшательства ихъ

во внутреннія дѣла княжества, въ раздоръ и несогласія партій. Они не могли желать возвращенія ни ихъ, ни русскихъ офицеровъ. Въ продолженіе безъ малаго трехъ лѣтъ они привыкли обходиться безъ Россіи, да къ тому еще извѣстъ не предвидѣлось ни малѣйшей опасности, которая бы сдѣлала для нихъ желательною русскую помощь и защиту. Что же касается до обѣщанія не взыскивать съ нихъ за прошлыя вины, то оно могло вызвать лишь улыбку послѣ того, какъ устранено было въ томъ же сообщеніи всякое опасеніе насчетъ военной оккупаци.

Итакъ, всѣ перечисленные выше „мирныя средства“, пущенныя въ ходъ дипломатіей, привели къ отрицательному результату. Не удалась ни обращеніе къ Портѣ, ни призывъ на помощь „европейскаго концерта“, ни примирительныя предложенія болгарамъ. Истошивъ всѣ доступныя ихъ разумѣнію способы воздѣйствія, дипломаты наши утѣшали себя одною надеждою, что авось дѣла въ Болгаріи сами отъ себя примутъ иной оборотъ, положеніе Кобурга поколеблется и онъ вынужденъ будетъ удалиться изъ страны.

Допуская возможность и даже близость такого переворота, я, однако, не вижу ни малѣйшаго повода думать, что онъ обратится намъ на пользу. Напротивъ, есть полное основаніе предполагать, что, подобно всѣмъ предыдущимъ, новыя перемены въ Болгаріи только углубятъ бездну, отдѣляющую ее отъ Россіи. Какъ будто удаленіе Кобурга не можетъ, на примѣръ, послужить сигналомъ возвращенія Баттенберга, а съ нимъ и провозглашенія полной независимости Болгаріи, преобразованной въ королевство? Какъ бы ни былъ намъ непріятенъ подобный результатъ, но едва ли еще не опаснѣе представляется образованіе изъ трехъ балканскихъ государствъ: Румыніи, Болгаріи и Сербіи, федераціи, состоящей въ тѣсной связи съ средне-европейскою лигою и служащей ей орудіемъ противъ Россіи. Не говоря уже о томъ, что она окончателно преградила бы намъ прямую сухопутную дорогу къ Проливамъ, она явилась бы сильнымъ подспорьемъ нашимъ врагамъ, въ случаѣ возникновенія войны между нами и двумя сопредѣльными съ нами имперіями.

Въ силу этихъ соображеній и лишь по исчезновеніи послѣдней надежды на успѣхъ переговоровъ съ великими державами и съ Портою, а также примирительнаго обращенія къ болга-

рамъ, я, два мѣсяца спустя по обнародованіи правительственнаго сообщенія отъ 11 февраля 1888 года, приступилъ къ напечатанію въ „*Новомъ Времени*“ настоящей исторической справки вслѣдствіе побужденій, подробно изложенныхъ въ первой вступительной главѣ. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться трудомъ, который, при всѣхъ его несовершенствахъ, представляетъ первую и, смѣю утверждать, вполне добросовѣстную попытку критически отнестись къ дѣйствіямъ нашей дипломатіи въ болгарскомъ вопросѣ, бывшіе мои товарищи и сослуживцы обрушились на меня цѣлымъ градомъ упрековъ, обвиняя меня въ отсутствіи безпристрастія и добросовѣстности, называя отзывы мои „голословными и опрометчивыми“, заподозривая самые мотивы, побудившіе меня предпринять мой трудъ. При всемъ томъ они не опровергли ни одного изъ приводимыхъ мною фактовъ, не оспорили ни одного изъ источниковъ, на которые я ссылаюсь, не доказали неосновательности ни одного изъ моихъ выводовъ. Послѣ этого, я въ правѣ спросить, съ чьей стороны опрометчивость и голословность?

Нашлись и такіе, что не устыдились даже признать мою справку вредною для государственныхъ интересовъ Россіи. Но если она нуждается въ оправданіи, то таковымъ всего лучше можетъ служить ей заключеніе послѣдняго сообщенія нашего дипломатическаго вѣдомства по болгарскому вопросу.

По словамъ его, въ настоящей болгарской неурядицѣ виновны всѣ и вся, за исключеніемъ однихъ русскихъ дипломатовъ. Они-де пеклись о будущемъ благоденствіи Болгаріи, и если не ладили съ болгарамъ, то причиною тому слишкомъ раннее пробужденіе въ послѣднихъ политическихъ страстей. Настоящіе виновники разрыва съ Россіею — враждебныя ей вліянія и представители власти въ княжествѣ, „не относившіеся къ доброжелательнымъ намѣреніямъ императорскаго правительства съ тѣмъ довѣріемъ и безпристрастіемъ, на каковыя послѣднее имѣло полное право рассчитывать“. А потому азіатскій департаментъ будетъ неуклонно придерживаться прежней своей политической программы, формулируемой слѣдующимъ образомъ: внушеніе кому слѣдуетъ въ Болгаріи необходимости заботиться объ обеспеченіи достоинства православной церкви, о поддержаніи нравственности въ школахъ и дис-

циплины въ арміи и о сбереженіи средствъ страны. И въ этой программѣ опять полное умолчаніе объ интересахъ Россіи въ княжествѣ, и объ обеспеченіи ихъ матеріальными ручательствами; за то выражается надежда, „что время и опытъ побудятъ, наконецъ, болгарскихъ политическихъ дѣятелей прійти къ признанію ихъ заблужденій, императорское же правительство сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы облегчить имъ возвращеніе на путь законности и восстановленіе нормальныхъ отношеній къ Россіи“¹⁾.

Слова эти краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о закоренѣломъ упорствѣ дипломатовъ въ собственныхъ своихъ заблужденіяхъ. Они, увы! отнимаютъ всякую надежду на оставленіе ими пути, приведшаго насъ къ тому, что сами они называютъ „неестественнымъ отношеніемъ Болгаріи къ Россіи“. Еще нѣсколько шаговъ по этому пути и Болгарія будетъ утрачена для Россіи навсегда. Таково мое глубокое убѣжденіе, основанное на прилежномъ и тщательномъ изученіи болгарскаго вопроса. Въ немъ почерпаю я мужество и силу, чтобы довести тяжелый и неблагодарный трудъ свой до конца.

Что же дѣлать? Ничего, отвѣчаютъ дипломаты; ждать, пока болгары сознаютъ свои заблужденія. Но этого мы не дождемся никогда, какъ не дождемся и того, чтобы и дипломаты повились въ своихъ предразсудахъ и промахахъ. А между тѣмъ исторія не ждетъ и каждый день уноситъ одинъ за другимъ плоды великихъ трудовъ русскихъ государей, трудовъ, подъятыхъ въ теченіе столѣтій для утвержденія на православномъ Востокѣ могущества и славы Россіи.

XX.

Направленіе русской дипломатіи въ XIX вѣкѣ.—Разрѣшеніе болгарскаго вопроса на почвѣ обоюдной пользы Россіи и Болгаріи.—Основанія соглашенія Болгаріи съ Россіей.

Если станемъ отыскивать общій источникъ ряда промаховъ и неудачъ, поражений и униженій нашей политики въ Болгаріи за послѣднее десятилѣтіе, то найдемъ его въ политической

¹⁾ Сообщение отъ 28 апрѣля 1888 г.

системѣ, которой русская дипломатія упорно придерживается съ начала текущаго вѣка и которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ „политики отвлеченныхъ началъ“. Великодушіе и безкорыстіе — таковы два ея главные устоя. Она имѣла цѣлью на Западѣ—миръ и благоденствіе Европы, на Востокѣ—счастіе и процвѣтаніе христіанскихъ племенъ, ея населяющихъ. Въ этомъ отношеніи—повторяю—Санъ-Стефанскій договоръ и Берлинскій трактатъ—плоды одного и того же древа. И тотъ, и другой молчатъ о пользахъ и нуждахъ самой Россіи, не упрочиваютъ за нею ни малѣйшихъ матеріальныхъ обезпеченій ея интересовъ.

Такая политика вовсе не политика, а составляетъ нѣчто ей прямо противоположное. Она была бы просто невозможна, еслибы въ первые годы XIX столѣтія, съ переходомъ въ руки „наемниковъ“, инородцевъ и иновѣрцевъ, вѣдомства, правящаго внѣшними сношеніями Россіи, не произошло полного отчужденія ея отъ историческихъ преданій, отъ народныхъ думъ и вѣрованій. Русская мысль перестала освѣщать эту важную отрасль государственной дѣятельности, русское чувство—согрѣвать ее. Изякъ въ ней источникъ жизни, отъ нея повѣяло мертвечиною. Оживотворить ее снова можетъ только совокупность нравственныхъ и духовныхъ силъ русской земли.

Мы охотно признаемъ, что съ начала нынѣшняго царствованія, по поэтическому выраженію Аксакова, „освѣжающимъ воздухомъ повѣяло съ тѣхъ высотъ, откуда русскій народъ всегда привыкъ ждать появленія бодрого свѣта, которымъ однимъ принадлежитъ на Руси, по приговору исторіи, властная, зиждительная, животворящая сила“. Новое вѣяніе безспорно повліяло и на дипломатическіе круги, но далеко еще не въ той мѣрѣ, въ какой это представляется желательнымъ и даже необходимымъ. Причина тому—кастовая замкнутость означенныхъ круговъ, отчужденность ихъ отъ прочихъ отраслей русской государственной жизни и мысли общественной.

Обстоятельство это крайне неблагопріятно для разумнаго и успѣшнаго развитія дипломатической дѣятельности. При отсутствіи притока новыхъ и свѣжихъ силъ всякое искусство очень скоро обращается въ ремесло. Нѣтъ въ немъ больше мѣста творчеству; стремленіе къ идеалу, благородные порывы замѣняются

себялюбивымъ разсчетомъ, личнымъ своекорыстіемъ, завистью и затаенною злобою къ малѣйшему проблеску самостоятельнаго мышленія, ко всему выдающемуся, ко всему, что возвышается надъ низменнымъ уровнемъ замкнутой среды. Даже патріотическое одушевленіе встрѣчается политическими ремесленниками съ подозрительностью, приписывается побужденіямъ болѣе или менѣе неблаговиднаго свойства.

„Внѣземельная“ дипломатія — несомнѣнный анахронизмъ, рѣзкій диссонансъ въ современномъ русскомъ государственномъ строѣ. Она — единственное препятствіе полному возвращенію русской политики къ великимъ историческимъ началамъ, коими создалась Россія и которыя въ продолженіе долгаго ряда царственныхъ поколѣній развивали и утверждали ея силу и величіе. Начала эти — здравый и трезвый государственный эгоизмъ, подчиненіе всѣхъ прочихъ соображеній заботѣ о благѣ русскаго государства и народа.

Съ этой точки зрѣнія съ поразительною ясностью представится намъ и та политика, которой мы должны держаться относительно Болгаріи. Настоящее положеніе дѣлъ въ этой странѣ легко мирится съ правилами нашего великодушія и безгорыстія. Оно не можетъ быть терпимо ни единой минуты, если взять во вниманіе вредъ, проистегающій отъ него для нашихъ интересовъ и достоинства. Отношенія Россіи къ Болгаріи должны неизбѣжно или улучшиться, или ухудшиться. Они не могутъ остаться безъ измѣненій.

Въ какомъ же смыслѣ послѣдуютъ эти измѣненія? Вопросъ зависитъ отъ разрѣшенія другого предварительнаго вопроса: совмѣстимы ли взаимные интересы великой русской державы и небольшого княжества, вызваннаго ею къ жизни?

Постараемся отдать себѣ сначала ясный отчетъ въ томъ, чего требуютъ въ Болгаріи нужды и пользы Россіи. *Они требуютъ, чтобы Болгарія не являлась притономъ для нашихъ внутреннихъ враговъ и не обращалась въ орудіе противъ насъ въ рукахъ враговъ внѣшнихъ.* По крайнему моему разумѣнію, двойное это положеніе исчерпываетъ все, чего Россія въ правѣ желать и ожидать отъ Болгаріи. Остается опредѣлить тѣ надежныя матеріальныя ручательства, которыя обезпечили бы намъ удовлетвореніе этой нашей государственной потребности.

Въ свою очередь Болгарія, освобожденная русскою кровью, нуждается въ помощи Россіи для защиты своей свободы отъ враждебныхъ покушеній, окружающихъ ее съ двухъ сторонъ—сербовъ и грековъ, не считая турокъ. Въ той же помощи она нуждается и для достиженія полной политической независимости, для осуществленія своего народнаго идеала: объединенія въ одномъ государствѣ всѣхъ населенныхъ болгарскими землями Балканскаго полуострова.

Вотъ, если не ошибаюсь, та практическая почва, почва обоюдной пользы, на которой можетъ и должно состояться примиреніе и соглашеніе Россіи съ Болгаріей.

Оставимъ всякую заботу о благополучіи болгаръ. Предоставимъ имъ самимъ устроить свое собственное счастье. Перестанемъ вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла. Задача эта крайне трудная и неблагоприятная, она намъ не по силамъ, а, главное, отъ нея, какъ свидѣтельствуемъ прошлое, не предвидится ни малѣйшей пользы для насъ самихъ. Кто сѣетъ благодѣянія въ международныхъ сношеніяхъ, обыкновенно пожинаетъ одну неблагоприятность. Таковъ законъ природы и исторіи и сѣтовать на него неразумно и смѣшно. Гораздо лучше не подвергать себя его дѣйствию. Забудемъ даже о томъ добрѣ, которое мы сдѣлали болгарамъ. Всякое напоминаніе о немъ только раздражаетъ ихъ, если не служитъ для нихъ средствомъ разжалобить насъ и получить съ насъ что либо въ ущербъ собственнымъ нашимъ интересамъ.

Но спросимъ ихъ: „Хотите ли вы соединить ваши силы съ нашими для достиженія общихъ политическихъ цѣлей? Если вы этого хотите, если считаете это для себя полезнымъ, то условимся о томъ, какъ намъ дѣйствовать сообща. Первый и главный вашъ интересъ—охраненіе вашей свободы и государственной цѣлости. Мы охотно вамъ поможемъ отстоять и ту, и другую противъ кого бы то ни было. Но если на насъ лежитъ обязанность защищать васъ, то и вы должны всѣми мѣрами облегчить намъ исполненіе ея. Отсюда необходимость органической связи нашей арміи съ вашею. Мы не станемъ настаивать на возвращеніи въ Болгарію русскаго военнаго министра и русскихъ офицеровъ для командованія важнѣйшими частями, такъ какъ опытъ достаточно доказалъ неудобства по-

добнаго порядка. Но необходимо изыскать средства для обезпеченія дружнаго и согласнаго дѣйствія между вашими и нашими войсками. Цѣли этой могутъ отвѣчать: общій уставъ, общій планъ мобилизаціи, признаніе начала подчиненности болгарскаго военнаго министерства русскому. Понятно, что и ваша армія, въ случаѣ чьего либо нападенія на Россію, займетъ свое мѣсто въ ордръ-де-баталѣ русской арміи и вмѣстѣ съ нею будетъ отражать непріятеля. Этого требуетъ не долгъ благодарности—его не знаетъ политика, а политическая взаимность,—краеугольный камень нормальныхъ международныхъ отношеній“.

Наша военная помощь не ограничивается защитою болгарской территоріи, но распространяется и на тотъ случай, если обстоятельства позволятъ приступить къ провозглашенію независимости Болгаріи, въ предѣлахъ Санъ-Стефанскаго договора. Ясно, что осуществленіе этой завѣтной мечты болгаръ зависитъ отъ прекращенія турецкаго владычества на Европейскомъ материкѣ, а слѣдовательно—отъ завоеванія нами Константинополя. Но если болгары хотятъ этого результата, то они должны содѣйствовать намъ въ его достиженіи. Такое содѣйствіе можетъ выразиться въ уступкѣ намъ Бургасскаго порта, для учрежденія въ немъ станціи для нашего черноморскаго флота. Наконецъ, утвержденіе Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданельскомъ—необходимое условіе не только нашей помощи, но и согласія нашего на образованіе „цѣловупной“ Болгаріи. Обо всемъ этомъ слѣдуетъ объясниться съ болгарами откровенно, но твердо, чтобы избѣжать въ будущемъ недоразумѣній и разочарованій, которыми такъ изобилуетъ прошлое.

Исходя изъ предположенія, что политическіе виды Болгаріи совпадаютъ съ видами Россіи, нельзя не признать необходимости установленія между ними такого союза, который обезпечивалъ бы Болгаріи—защиту и покровительство Россіи, а намъ—дружбу и сильное содѣйствіе болгаръ. Независимо отъ изложенныхъ выше военныхъ и морскихъ мѣръ, актъ такого союза долженъ, мнѣ кажется, заключать обязательство Болгаріи не вступать помимо Россіи ни въ какія сдѣлки и соглашенія съ иностранными державами и предоставить русскому правительству опредѣлить время и способы общаго дѣйствія въ заранѣ условленномъ смыслѣ. Союзная конвенція должна быть

обставлена матеріальными гарантіями такого рода, чтобы права Россіи получили полное и надежное обезпеченіе. Ближайшее опредѣленіе этихъ гарантій зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, соображенныхъ съ общимъ нашимъ положеніемъ по отношенію къ Европѣ и съ многочисленными примѣрами, почерпнутыми изъ современной дипломатической исторіи.

Заручившись такими гарантіями, Россія смѣло можетъ предоставить болгарамъ полную свободу распоряжаться своими внутренними дѣлами и обѣщать никогда и ни подѣ какимъ предлогомъ не вмѣшиваться въ нихъ, прямо или косвенно. Такое обязательство съ нашей стороны не только не нанесетъ намъ вреда, но, напротивъ, возвыситъ и упрочитъ наше нравственное значеніе въ странѣ, подѣ условіемъ, разумѣется, чтобы данныя намъ обезпеченія были дѣйствительны и обязательны для всякаго правительства въ княжествѣ. Подѣ такимъ условіемъ для Россіи становятся совершенно безразличными даже личность князя и его политической образъ мыслей.

Само собою разумѣется, что, вступая въ сдѣлку съ болгарами на изложенныхъ выше основаніяхъ, мы ни въ какомъ случаѣ не станемъ приносить имъ въ жертву интересовъ другихъ христіанскихъ народностей, населяющихъ Балканскій полуостровъ. Россія никогда не должна упускать изъ виду, что призваніе ея—одинаково ограждать всѣхъ восточныхъ христіанъ, ея единовѣрцевъ, и примирять ихъ другъ другу противорѣчащія стремленія, отнюдь не отдавая предпочтенія племенному родству предѣ духовнымъ.

Такова въ общихъ чертахъ единственно разумная программа будущихъ отношеній Россіи къ Болгаріи, если принять за исходную точку убѣжденіе, что интересы обѣихъ странъ ни мало не противорѣчатъ другъ другу, а напротивъ, вполнѣ совпадаютъ, служа между ними крѣпкимъ соединительнымъ звеномъ. Но какъ быть, если убѣжденіе это уже болѣе не раздѣляется политическими вождями болгарскаго народа, если продолжительное удаленіе наше изъ Болгаріи окончательно отшатнуло ихъ отъ насъ и даже сблизило съ нашими противниками настолько, что они вступили съ ними въ положительныя обязательства, вошли въ заговоръ противъ Россіи?

Если такъ, то Россіи не останется ничего иного, какъ прямо

взглянуть опасности въ лицо и, сознавъ ошибочность прежнихъ возрѣній своихъ на Болгарію, отрѣшиться отъ всякаго сочувствія къ этой странѣ, правителямъ ея и населенію, признать въ нихъ заклятыхъ враговъ своихъ, тѣмъ болѣе непримиримыхъ, чѣмъ значительнѣе оказанныя имъ нами благодѣянія. Убѣдясь въ предательствѣ и измѣнѣ болгаръ, намъ слѣдуетъ и обращаться съ ними какъ съ врагами; не утѣшая себя мнимымъ различіемъ между настроеніемъ народа и вождей его, такъ какъ въ политикѣ каждый народъ отвѣчаетъ за свое правительство. Все, что было сдѣлано Россіею для Болгаріи, должно быть раздѣлано. Цѣлью нашихъ усилій должна быть не „цѣлокупная“ Болгарія, а раздѣлъ даже нынѣшняго княжества между сосѣдями его: румынами, сербами и греками, за исключеніемъ широкой полосы вдоль Чернаго моря, которую Россія можетъ искать оставить за собой. Словомъ, мы въ правѣ поступить съ Болгаріей, измѣнившею намъ и предавшеюся на сторону нашихъ противниковъ, какъ поступили съ Польшею, расчленивъ, раздавивъ ее, стереть съ лица земли, въ назиданіе всѣмъ прочимъ племенамъ, населяющимъ Востокъ, въ доказательство того, что позорный и бѣдственный конецъ ждетъ всякій славянскій народъ, что дерзнетъ поднять руку на великую Россію.

Дойдетъ ли дѣло до такихъ крайностей? Я этого не думаю, какъ не думаю и того, чтобы Болгарія была окончательно для насъ потеряна, чтобы болгары, въ ослѣпленіи своемъ, могли зайти такъ далеко, поступиться въ пользу личныхъ выгодъ племенными и государственными интересами своей родины. Какъ бы то ни было, существуютъ только два средства политическаго воздѣйствія: надежда и страхъ. Надо испытать въ примѣненіи къ Болгаріи и то, и другое, прежде чѣмъ установить твердую и неизмѣнную, чуждую всякихъ колебаній, политическую программу относительно этой страны. Въ этихъ видахъ слѣдуетъ выйти изъ бездѣйствія и путемъ тайнаго, но всесторонняго разслѣдованія выяснить главный вопросъ: возможно ли установить съ нынѣшними руководителями, находящимися у власти болгарскихъ политическихъ партій, соглашеніе, основанное на взаимной пользѣ Россіи и Болгаріи, или должно признать, что Болгарія перешла въ станъ нашихъ враговъ и разъ

навсегда вычеркнуть болгаръ изъ числа народовъ, осѣняемыхъ крылами русскаго двуглаваго орла?

Выясненіе и разрѣшеніе этого вопроса, отъ котораго зависитъ будущее всего Востока — дѣло государственныхъ людей, довѣріемъ Государя призванныхъ руководить внѣшними судьбами Россіи. Долгъ исторіи—внести свѣтъ въ ихъ дѣятельность и, путемъ разоблаченія временныхъ и мимолетныхъ заблужденій, искать установить, на строго-объективной научной почвѣ, внѣ всякихъ колебаній или сомнѣній, истины вѣчныя.

С.-Петербургъ.

Апрѣль-май 1888 г.

Приложенія къ исторической справкѣ Россія и Болгарія.

I.

Отвѣтъ „Гражданину“.

(„Новое Время“ 4 (16) мая 1888 г.).

Въ сегодняшней передовой статьѣ своей „Гражданинъ“ обвиняетъ меня въ забывчивости. Почему? Потому что въ исторической справкѣ „Россія и Болгарія“ я будто бы умалчиваю о Санъ-Стефанскомъ договорѣ и о творцѣ его—графѣ Пгнатевѣ.

Я могъ бы возразить „Гражданину“, что рядъ моихъ статей имѣетъ исключительною цѣлью выясненіе отношеній Россіи къ Болгаріи; что когда состоялся Санъ-Стефанскій договоръ, не было еще Болгаріи, а когда возникла Болгарія—не было уже Санъ-Стефанскаго договора; что поэтому я имѣлъ такое же право умолчать о немъ, какъ и о договорѣ Кучузь-Кайнарджійскомъ. Но дѣло въ томъ, что во II главѣ справки я высказалъ мнѣніе свое объ упомянутомъ актѣ насколько это мнѣ казалось нужнымъ для опредѣленія его вліянія на дальнѣйшее развитіе болгарскаго вопроса. „Въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ“,—писалъ я,—„завлюченномъ непосредственно съ Пор-

тою, мы не выговорили въ свою пользу ничего, кромѣ незначительнаго земельного и призрачнаго денежнаго вознагражденія нашихъ колоссальныхъ затратъ. За то программа освобожденія турецкихъ христіанъ осуществлена была вполнѣ“. И далѣе: „Чтобы отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ желаніи производить прямое давленіе на новосозданное государство, Россія, вступившая снова во владѣніе участкомъ Бессарабіи, отторгнутымъ отъ нея по Парижскому трактату, озаботилась передачею Румыніи сопредѣльной съ этимъ участкомъ части Болгаріи, а именно Добруджи“.

Нельзя кажется яснѣе сказать, что, по крайнему моему разумѣнію, Санъ-Стефанскій договоръ былъ проявленіемъ той же самой „политики безкорыстія“, которая нашла себѣ выраженіе въ дѣйствіяхъ нашихъ уполномоченныхъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Вину за это „Гражданинъ“ возлагаетъ на графа Игнатъева, забывая, что бывший посоль нашъ въ Константинополѣ велъ переговоры съ турками на основаніи точныхъ и опредѣленныхъ инструкцій, которыми былъ снабженъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Не въ первый разъ графъ Игнатъевъ, выражаясь словами Аксакова, является подъ перомъ офиціозныхъ публицистовъ „козломъ отпущенія для всѣхъ нашихъ дипломатическихъ грѣховъ и невгодъ“. Но сказать мало, нужно еще доказать, а въ статьѣ „Гражданина“ мы напрасно стали бы искать какихъ либо точныхъ данныхъ, подтверждающихъ означенное сужденіе. Если моя историческая справка, основанная на свидѣтельствѣ многочисленныхъ офиціальныхъ документовъ несомнѣнной подлинности, была обозвана „голословною и опрометчивою“, то что же сказать о бездоказательныхъ измышленіяхъ газеты князя Мещерскаго?

Авторъ статьи „Гражданина“ безусловно правъ, утверждая, что я пишу „то, что мнѣ хочется сказать“. Очень жаль, если самъ онъ пишетъ лишь то, что сказать хочется не ему, а кому-то другому. Я же хочу одного: выясненіемъ историческихъ законовъ, управляющихъ внѣшними нашими сношеніями, опредѣлить тотъ путь, слѣдуя которому Россія всего лучше можетъ оградить и обезпечить свои государственныя нужды и пользы, безопасность и достоинство. Въ виду такого высшаго всена-

роднаго интереса для меня представляются лишенными всякаго значенія личные вопросы о степени отвѣтственности за уклоненіе съ этого пути того или другого дипломата, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которые въ настоящее время, будучи удалены отъ дѣлъ, не имѣютъ никакого вліянія на ходъ политическихъ событій.

II.

О дипломатической отвѣтственности.

(„Новое Время“ 7 (19) мая 1888 г.).

Продолжая полемику со мною, „Гражданинъ“ въ статьѣ, появившейся вчера и озаглавленной „Санъ-Стефанскій договоръ“, утверждаетъ, что именно этотъ договоръ создалъ, выражаясь его словами „трясину“, въ которой тонетъ и понинѣ русская политика на Востокѣ.

Не имѣя возможности, за отсутствіемъ ссылокъ на источники, подвергнуть критическому разбору всѣ сообщаемыя „Гражданиномъ“ данныя о ходѣ мирныхъ переговоровъ въ Санъ-Стефанѣ, я вынужденъ былъ ограничиться повѣркою по офиціальнымъ документамъ одного, за то едва ли не самаго категорическаго изъ его утверждений, а именно, „что европейскій концертъ съ цѣлью уничтожить Санъ-Стефанскій договоръ былъ рѣшенъ въ ту самую минуту, когда графъ Игнатьевъ получилъ убѣжденіе, что онъ рѣшилъ Восточный вопросъ“.

По наведенной справкѣ оказалось: 13 (25) января 1878 г. русскій государственный канцлеръ телеграфировалъ послу нашему въ Лондонѣ: „Мы повторяемъ увѣреніе, что не намѣрены разрѣшать одиноко относящіеся къ миру европейскіе вопросы“ ¹⁾. А три дня спустя, въ телеграммѣ къ лорду Дерби, англійскій посолъ въ Петербургѣ сообщалъ: „Князь Горчаковъ отвѣчалъ, что для заключенія перемирія нужны были нѣкто-

---

¹⁾ Англійская Синяя книга 1878 г., № 3.

рыя основанія мира, но что основанія эти слѣдуетъ считать только предварительными, а не окончательными, поскольку они касаются Европы. Его свѣтлость рѣшительно заявилъ, что вопросы, относящіеся до европейскихъ интересовъ, будутъ условлены съ европейскими державами, и онъ далъ правительству ея величества ясныя и точныя увѣренія по этому предмету ¹⁾. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что вопреки утвержденію „Гражданина“, европейскій конгрессъ для пересмотра нашего частнаго мира съ Портою былъ рѣшенъ и условленъ *по меньшей мѣрѣ за мѣсяцъ* до заключенія Санъ-Стефанскаго договора.

Приведеннаго примѣра, надѣюсь, вполне достаточно, чтобы подорвать вѣру и въ прочіе доводы и выводы автора статьи „Санъ-Стефанскій договоръ“.

Но дѣло, очевидно, не въ этомъ договорѣ и даже не въ томъ, графъ ли Игнатевъ или германскій посолъ въ Константинополѣ лучше понимали интересы Россіи на Востока? Дѣло въ отвѣтственности за пораженія, понесенныя нашею политикою и, читая первыя двѣ статьи „Гражданина“, мнѣ все казалось, что онъ мысль свою не досказываетъ. Предположеніе мое подтвердила сегодняшняя статья той же газеты, прямо утверждающая, что во всемъ-де виноваты послѣднее славянское движеніе и вызванная имъ война Россіи съ Турціей, „искусственное возникновеніе которой имѣли слабость допустить въ Петербургѣ“, и которой „вовсе не желала наша петербургская дипломатія“.

Такая постановка значительно расширяетъ вопросъ, правильное и безпристрастное разрѣшеніе котораго становится возможнымъ лишь на строгой научной почвѣ философіи исторіи.

Опытъ всѣхъ вѣковъ показываетъ, что не отъ усилій дипломатіи зависитъ остановить теченіе исторіи, задержать стихійныя движенія народовъ по пути ихъ государственнаго развитія. Таково именно и было одушевленіе, охватившее весь въ 1876 году русскій народъ, отъ высшей ступени престола до крестьянской хижины, и правъ былъ Русскій Царь предъ судомъ Бога и исторіи, двинувъ полки свои на освобожденіе нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Поступая такимъ образомъ, императоръ Александръ II исполнялъ завѣтъ своихъ предковъ, дѣлая шагъ

¹⁾ Тамъ же, № 14.

впередъ по стезѣ ими указанной и предпринятое имъ святое дѣло увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Русская сила опрокинула всѣ противопоставленныя ей преграды и водрузила побѣдоносный стягъ свой предъ вратами Царя града.

Дипломатія не могла ни создать всемірно-историческое явленіе, ни помѣшать ему, но обязана была воспользоваться имъ, чтобы обратить его на благо Россіи. Если она этого не сдѣлала, то виновата въ томъ она и она одна.

Попытка выставить единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ того или другого изъ мѣстныхъ дипломатическихъ дѣятелей, какъ бы ни было велико участіе его въ переговорахъ, предшествовавшихъ войнѣ и слѣдовавшихъ за нею, не выдерживаетъ критики и свидѣтельствуется лишь о личномъ нерасположеніи къ этому лицу. Въ этомъ отношеніи графъ Игнатъевъ столько же виноватъ въ Санъ-Стефано, сколько графъ Шуваловъ въ Берлинѣ, и наоборотъ. И Санъ-Стефанскій и Берлинскій договоры—разновидные лишь на первый взглядъ плоды одной и той же дипломатической системы: политики безкорыстія. Первый имѣлъ цѣлью обезпечить интересы славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ, второй—общеевропейскіе интересы. Ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ и помину о нуждахъ и пользахъ Россіи, словно таковыхъ у нея вовсе не имѣется. Вотъ эта-то система, усвоенная нашею дипломатіею съ начала XIX вѣка, и люди, воспитанные въ ея преданіяхъ, и представляются главными, исключительными виновниками нашихъ невзгодъ и разочарованій.

Изъ замкнутыхъ корпорацій дипломатія всѣхъ упорнѣе въ своихъ предрасудкахъ и заблужденіяхъ, всѣхъ менѣе склонна сознаться въ совершенныхъ ошибкахъ, покаяться въ нихъ. Такъ, въ эпоху Севастопольской войны, когда въ Европѣ съ трескомъ рухнуло зданіе Священнаго Союза и соединились противъ насъ враги наши съ нашими друзьями, графъ Нессельроде имѣлъ мужество утверждать, что система тутъ не при чемъ, „что настоящая минута въ нашихъ политическихъ сношеніяхъ есть только случайный кризисъ, положеніе переходное, неопредѣленное, способное неожиданно измѣниться“¹⁾. Перемѣна не за-

¹⁾ Меморандумъ графа Нессельроде 1854 года. („Русская Старина“, ноябрь, 1873 года, стр. 804).

медлила наступить. Она состояла въ томъ, что Россія лишилась значительнаго участка своей государственной области, державныхъ правъ на Черномъ морѣ и протектората надъ христіанскимъ населеніемъ Турціи.

Однако дипломаты, повидимому, и сами извѣрились въ послѣдніе годы въ непогрѣшимости пресловутой своей системы, такъ какъ они ищутъ нынѣ взвалить отвѣтственность за нее на высшую власть и прикрыться ею, вмѣсто того, чтобы самимъ прикрывать ее. Въ газетѣ „Le Nord“ отъ 11 сентября новаго стиля минувшаго года, г. Бывшій Дипломатъ, возражая на одно изъ моихъ историческихъ изслѣдованій, заявлялъ, что русскіе дипломаты въ XIX столѣтіи „всегда были-де лишь вѣрными и покорными исполнителями Высочайшей воли“. Съ двойнымъ авторитетомъ профессора международного права и члена совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, г. Мартенсъ недавно еще поучалъ, „что въ силу основныхъ условій нашего государственнаго порядка, все управленіе внѣшней политики исключительно и непосредственно исходитъ отъ верховной государственной власти“¹⁾.

До какой степени неосновательно это ученіе, легко доказать слѣдующимъ сравненіемъ, заимствованнымъ изъ обыденной жизни. У отца многочисленной семьи заболѣлъ одинъ изъ сыновей. Онъ обращается къ врачу, который, чтобы не тревожить отца, изображаетъ ему болѣзнь ребенка какъ легкій недугъ, не представляющій опасности. Но болѣзнь не поддается леченію и начинаетъ принимать угрожающій оборотъ. Врачъ, боясь отвѣтственности, желая во что бы ни стало прикрыть свою оплошность, прибѣгаетъ къ сильнымъ средствамъ, еще болѣе ухудшающимъ положеніе больного. Наконецъ, ребенокъ умираетъ. Спрашивается: кто виноватъ въ его смерти? Врачъ, дурно лечившій его или отецъ, лишенный возможности провѣрить спеціальныя знанія и правильность способа леченія врача? Къ счастью, государственный организмъ выносливѣе человѣческаго, и какъ бы ни были крупны промахи дипломатическихъ эскулаповъ, они не такъ-то скоро успѣютъ подорвать въ немъ источники жизни, разумѣется подъ условіемъ, что сами они будутъ

¹⁾ Россія и Пруссія въ эпоху реставраціи, статья г. Мартенса въ „Русской Мысли“. Январь 1888 г., стр. 27.

въ-время устранены и замѣнены врачами болѣе способными и искусными.

Если отъ такого общаго разсужденія перейти къ частнымъ случаямъ, почерпнутымъ изъ исторіи дипломатіи, то не трудно привести множество примѣровъ, доказывающихъ, что глава государства не можетъ нести отвѣтственности за дѣйствія своихъ дипломатическихъ совѣтниковъ и представителей. Успѣхъ самыхъ разумныхъ политическихъ замысловъ зависитъ отъ знанія, таланта, а, наконецъ, и отъ доброй воли исполнителей. Развѣ въ умѣ государя представленія о данномъ предметѣ складываются не подъ впечатлѣніемъ поднесенныхъ ему докладовъ? Развѣ не во власти дипломатовъ придать тому или другому событію окраску, соотвѣтствующую ихъ личнымъ взглядамъ или видамъ? Развѣ, они не могутъ, не вступая въ явное противорѣчіе, противопоставлять распоряженіямъ, которымъ не сочувствуютъ, силу инерціи, вялость или просто равнодушіе въ исполненіи, тогда какъ исходъ всякой мѣры обусловленъ часто степенью ревности и усердія въ ея примѣненіи? Я уже не говорю о недобросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, о намѣренномъ введеніи государя въ заблужденіе, хотя исторія наша являетъ нѣсколько и такихъ прискорбныхъ примѣровъ.

Приведу изъ нихъ одинъ, относящійся къ 1799 году. Вице-канцлеръ графъ Панинъ совѣтовалъ нашему посланнику въ Берлинъ, барону Криднеру: каждый разъ, когда Криднеру придется дѣлать своему двору неприятное сообщеніе, смягчать его въ своихъ донесеніяхъ и заблаговременно предупреждать о нихъ вице-канцлера ¹⁾. Спустя два мѣсяца, онъ повторялъ ему тотъ же совѣтъ въ выраженіяхъ еще болѣе опредѣленныхъ: рѣчь идетъ уже не о „смягченіи“, а просто о томъ, чтобы проходить молчаніемъ „даже малѣйшія вещи, которыя могли бы раздражить государя“ ²⁾.

Таково свидѣтельство исторіи. Она учитъ насъ также, что самодержцамъ своимъ обязана Россія государственною цѣлостью, осуществленіемъ великой идеи собиранія русской земли. Трудна была эта задача въ XV и XVI вѣкѣ, когда небольшое ядро

¹⁾ Графъ Панинъ барону Криднеру 23 октября (3 ноября) 1799 г.

²⁾ Отъ того же къ тому же 19 (30) декабря 1799 г.

Московской Руси со всѣхъ сторонъ окружали сильные и хищные сосѣди, Швеція и Ливонія, Литва и Польша, Крымская орда и приволжскія татарскія царства. Здравый умъ и непреклонная воля трехъ царственныхъ поколѣній, Ивана III, Василя Ивановича и Грознаго, преодолѣли всѣ препятствія и создали царство русское изъ разрозненныхъ земель, раскинутыхъ на обширномъ пространствѣ, спаявъ ихъ единствомъ вѣры, власти и народности. Переживъ испытанія смутнаго времени, Россія подъ скиптромъ государей изъ дома Романовыхъ продолжала расширяться до размѣровъ безпримѣрныхъ въ исторіи, а мощная рука Великаго Петра, утроивъ ея силы, вдвинула ее въ сферу государствъ европейскіхъ. Дѣло Петра довершила преемница его величія Екатерина II. Съ конца XVIII вѣка, вслѣдствіе удаленія русской дипломатіи съ народной почвы, замедляется поступательное движеніе нашего отечества въ Европѣ, но и въ нынѣшнемъ столѣтіи на высотѣ Престола господствуетъ ясный и вѣрный взглядъ на преемственность политики, на историческія судьбы Россіи и на міровое ея призваніе. Какъ же не признать опасною ересью ученіе объ отвѣтственности самодержавной власти за уклоненіе дипломатическихъ органовъ отъ ея предназначеній?

А что русскій народъ никогда не впадалъ въ такое заблужденіе, даже въ самыя критическія минуты своего историческаго существованія, — доказываетъ слѣдующій поучительный примѣръ.

То было три четверти вѣка назадъ, когда гроза двѣнадцатаго года уже надвигалась на Россію. Въ виду страшной государственной опасности, дипломаты того времени пытались уклониться отъ отвѣтственности за нее. Вотъ какими вдохновенными словами отвѣчалъ незабвенный Карамзинъ на ихъ оправдательный лепетъ и слова эти были несомнѣнно выраженіемъ русской общественной мысли и совѣсти:

„Гласъ народа — гласъ Божій! Никто не увѣритъ россиянь, чтобы совѣтники трона въ дѣлахъ вѣншей политики слѣдовали правиламъ истинной, мудрой любви къ отечеству и къ доброму государю. Сии несчастные, вида бѣду, думали единственно о пользѣ своего личнаго самолюбія; всякій изъ нихъ оправдывался, чтобы винить Монарха!“¹⁾

1) Записка о Древней и Новой Россіи.

II.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Полемическія статьи.

I.

Дипломатія и печать.

(„Новое Время“ 8 октября 1886 г.).

Въ нашихъ министерскихъ канцеляріяхъ и департаментахъ издавна заведено, что лишь только поступаетъ новая бумага или вообще возникаетъ новый вопросъ, наводится справа въ архивѣ: не связано ли вновь возбужденное дѣло съ какимъ либо производствомъ въ прошедшемъ и не примѣнимы ли къ нему такъ называемые „бывшіе примѣры?“ Правило это очень разумно, потому что всякій предметъ уясняется вполнѣ только при разсмотрѣніи его вкупѣ съ явленіями, ему предшествовавшими и состоящими съ нимъ въ причинной связи.

Мы не знаемъ, соблюдается ли такой же порядокъ у насъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Думаемъ, однако, что если его тамъ и придерживаются, то обращенія къ архивамъ далеко еще недостаточно для правильнаго уразумѣнія того или другого внѣшняго политическаго вопроса. Зависитъ это отъ той причины, что въ дипломатическихъ архивахъ сохраняются свѣдѣнія не о томъ, какъ происходило дѣло въ дѣйствительности, а какъ оно представлялось въ данную минуту лицу, о немъ сообщавшему. Архивныя свѣдѣнія, безъ сомнѣнія, драгоценны, но полной вѣры заслуживаютъ лишь послѣ того, какъ бывають подвергнуты тщательной провѣркѣ. А приемы исторической критики едва ли извѣстны дипломатамъ, да и

трудно отъ нихъ требовать, чтобы они самоотверженно обличали ими же совершенныя ошибки или промахи. Какъ на примѣръ закоснѣлости ихъ въ своихъ заблужденіяхъ, укажемъ на слѣдующее обстоятельство, не лишенное, какъ увидимъ, и практическаго значенія.

До весьма недавняго времени, а, быть можетъ, даже и до сего дня, въ нашемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ были твердо убѣждены, что въ продолженіе Севастопольской войны, въ противность Австріи, Пруссія была-де намъ вѣрною союзницею и никогда не отказывала, если не въ матеріальной, то въ нравственной поддержкѣ. Убѣжденіе это прямо высказано въ сочиненіи старшаго совѣтника министерства иностранныхъ дѣлъ, пользующемся среди нашихъ дипломатовъ большимъ авторитетомъ и изданномъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ по-французски, а нынѣ появляющемся и въ русскомъ переводѣ. Вотъ что пишетъ по затронутому нами вопросу баронъ А. Г. Жomini: „Необходимо установить, что въ восточномъ кризисѣ Пруссія одна въ Европѣ выказала намъ добрую волю, насколько это позволяли собственное ея положеніе; одна она доказала, что въ благодарность за прошлое и въ предвидѣніи будущаго, дорожить поддержаніемъ дружескихъ связей съ Россією. За нею остается заслуга добрыхъ намѣреній и лишь въ ограниченной мѣрѣ отвѣтственность за увлеченія, присущія ея положенію“¹⁾.

Такъ *bona fide* поучаетъ насъ почтенный дипломатъ, а между тѣмъ, рядъ обнародованныхъ документовъ неопровержимой подлинности давно уже обнаружилъ совершенно противное, а именно, что Пруссія нисколько не менѣе, если не болѣе Австріи, измѣнила тогда союзу съ нами, и въ запуски съ послѣднею старалась примкнуть къ составлявшейся противъ насъ коалиціи съ обѣими морскими державами во главѣ; что прусскіе дипломаты шли гораздо далѣе австрійскихъ въ опредѣленіи цѣлей войны, и пока австрійцы довольствовались оттѣсненіемъ Россіи отъ Дуная, пруссаки замышляли отторженіе отъ нея всѣхъ ея окраинъ отъ Балтійскаго моря до Чернаго; что, наконецъ, если

¹⁾ Etude diplomatique sur la guerre de Crimée par un ancien diplomate, II, стр. 204.

обще-европейская коалиція не состоялась, то потому только, что Пруссія требовала предоставленія ей слишкомъ большихъ выгодъ, а главное, преобладанія въ Германіи, на что, понятно, не могла согласиться Австрія, а Англія и Франція болѣе дорожили союзомъ вѣнскаго двора, чѣмъ берлинскаго. Словомъ, противорѣчіе полное между *легендою* и *исторіею*. Послѣдствія же нашего дипломатическаго заблужденія были серіозны. Приведенный нами авторъ самъ сознается, что „тутъ важны прецеденты“, а потому, продолжаетъ онъ, „они позволяютъ думать, что еслибы подобный кризисъ вспыхнулъ нынѣ, то Пруссія и Германія, ставъ могучими, сдумѣли бы съ пользою явиться посредницами, остановить безправіе и заставить принять справедливыя рѣшенія“¹⁾. На этомъ силлогизмѣ построена была вся внѣшняя политика минувшаго царствованія. Но если основная посылка не вѣрна, то ясно, что ложень и выводъ.

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно для доказательства пользы, болѣе того, безусловной необходимости исторической справки для яснаго и правильнаго пониманія современныхъ политическихъ явленій. Всѣ они, а ужъ, конечно, самыя важныя, имѣютъ глубокіе корни въ прошедшемъ. Только этимъ путемъ возможно избѣгнуть въ оцѣнкѣ событій ошибокъ, проистекающихъ отъ одновременнаго наплыва множества различныхъ, сбивчивыхъ, часто разнорѣчивыхъ и другъ другу противоположныхъ свѣдѣній объ одномъ и томъ же фактѣ, потому что тотъ непременно имѣетъ причину въ одномъ или нѣсколькихъ предшешихъ событіяхъ и въ свою очередь становится причиною событій послѣдующихъ. И такъ, историческій методъ не только предостерегаетъ насъ отъ опрометчивыхъ сужденій въ настоящемъ, но до извѣстной степени приподнимаетъ передъ нами и завѣсу будущаго.

Сдается намъ, что подобную услугу призвана и можетъ оказывать нашей воинствующей дипломатіи одна только печать.

Часто приходится слышать отъ русскихъ дипломатовъ: помилуйте! какъ могутъ газеты правильно судить о политикѣ когда имъ неизвѣстна суть происходящихъ въ данную минуту переговоровъ между кабинетами? Въ свою очередь, печать не

¹⁾ Тамъ же, тѣ же томъ и страница.

безъ основанія упрекаетъ дипломатовъ въ томъ, что къ самымъ этимъ переговорамъ приступаютъ они налегкѣ, не запасшись познаніями, безъ которыхъ трудно, просто невозможно, бороться съ успѣхомъ противъ настойчивыхъ и свѣдущихъ противниковъ. Нигдѣ въ мірѣ не существуетъ столь натянутыхъ, скажемъ прямо, столь враждебныхъ отношеній между дипломатами и публицистами, какъ именно у насъ въ Россіи. Словно тѣ и другіе не подданные одного государя, не дѣти одного народа, не стремятся къ одной и той же цѣли: пользѣ, чести, величію отечества? Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса: кто больше виноватъ? мы ограничимся замѣчаніемъ, что положеніе это тѣмъ прискорбнѣе, что вездѣ на Западѣ давно установился по вопросамъ внѣшней политики тѣсный союзъ между дипломатіею и большинствомъ печатныхъ органовъ, союзъ удесетеряющей силы чужеземныхъ государствъ и обезпечивающей имъ, въ случаѣ столкновенія или пререканія съ нами, естественный перевѣсъ соединенной силы надъ разрозненностью и взаимнымъ недоувѣріемъ.

Первымъ изъ государственныхъ людей современной Европы, вполнѣ постигшимъ мощь печатнаго слова и вѣрно оцѣнившимъ всю пользу, которая можетъ быть извлечена изъ него при преслѣдованіи политическихъ цѣлей, былъ князь Бисмаркъ. Извѣстно, съ какою легкостью нынѣшній германскій канцлеръ не только мѣнялъ своихъ союзниковъ, но даже обращалъ ихъ въ противниковъ своихъ, обыкновенно при помощи союзниковъ новыхъ, предназначенныхъ, впрочемъ, какъ и прежніе, навлечь на себя со временемъ его удары. Такъ при содѣйствіи съ Австріею онъ истерзалъ Данію, затѣмъ одолѣлъ Австрію въ союзѣ съ Италіею и Франціею, наконецъ раздавилъ Францію, благодаря русской поддержкѣ. Одному союзу оставался онъ неизмѣнно вѣренъ во всю жизнь свою: союзу съ общественнымъ мнѣніемъ.

Сначала общественная мысль не поддавалась ему и въ первые годы своей министерской карьеры Бисмаркъ могъ, по мѣткому выраженію остроумнаго французскаго писателя, подобно герою одной изъ драмъ Александра Дюма старшаго, воскликнуть: „она мнѣ противилась — я изнасиловалъ ее“. Но ему никогда и наумъ не приходило дѣйствовать на печать угрозами или каратель-

ными мѣрами. Онъ взялъ у нея ея собственное оружіе—убѣжденіе, усвоилъ ея приемы, окружилъ себя дѣятелями въ ея среды. При обзорѣни государственной дѣятельности желѣзнаго канцлера, если возбудить вопросъ о томъ, что послужило ему болѣе дѣйствительнымъ орудіемъ: дипломатическая депеша или журнальная статья, то едва ли не придется высказаться въ пользу послѣдней. Во всякомъ случаѣ, печати несомнѣнно обязанъ Бисмаркъ въ значительной степени огромнымъ вліяніемъ своимъ на общественное мнѣніе въ Германіи и за предѣлами ея.

Постараемся доказать это положеніе.

Князь Бисмаркъ, по рожденію и воспитанію, не принадлежалъ къ высшему слою общества, къ прусской аристократіи, ни къ дипломатіи, ни даже къ чиновничеству. Онъ, выражаясь по-русски, земскій человѣкъ, помѣщикъ, до тридцати лѣтъ почти безвыѣздно проживавшій у себя въ имѣніи, если не считать путешествій его по чужимъ краямъ и двукратной попытки опредѣлиться на службу въ провинціальной администраціи, попытки, въ сложности продолжавшейся всего нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ занималъ въ своемъ уѣздѣ скромную выборную должность надзирателя за исправнымъ состояніемъ плетень. На политическое поприще вступилъ онъ впервые въ 1845 году, въ качествѣ депутата въ областномъ ландтагѣ, а два года спустя и въ соединенномъ, берлинскомъ. Онъ сразу открыто заявилъ себя ревностнымъ сторонникомъ охранительнаго направленія въ политикѣ, и потому естественно не былъ избранъ въ палату въ эпоху революціоннаго возбужденія, охватившаго Пруссію въ 1848 году. Досугъ свой Бисмаркъ посвятилъ тогда исключительно печати, принявъ дѣятельное участіе въ изданіи основанной въ самый разгаръ революціи „Новой Прусской“, болѣе извѣстной подъ именемъ „Крестовой“, газеты, поставившей себѣ задачу защиту и охрану консервативныхъ интересовъ. Онъ принадлежалъ къ числу ея постоянныхъ сотрудниковъ и писалъ въ ней отчеты о засѣданіяхъ палаты.

„Во время парламентскихъ преній“ — рассказываетъ основатель и главный редакторъ названной газеты, Вагнеръ, въ своихъ Воспоминаніяхъ, — „едва ли появился хотя одинъ номеръ „Крестовой Газеты“, въ которомъ не была бы помѣщена болѣе

или менѣе пространная статья г. фонъ-Бисмарка¹⁾. „Какъ часто — повѣствуетъ другой сотрудникъ той же газеты, первый биографъ будущаго канцлера, простодушный Георгій Гезекиль, — „сидѣлъ онъ (въ редакціи) за большимъ круглымъ столомъ, за который садилось столько превосходныхъ людей, и писалъ своимъ своеобразнымъ, твердымъ, длиннымъ и крѣпко сжатымъ почеркомъ. Иногда онъ быстро входилъ въ комнату, поспѣшно здоровался, становился, держа шляпу и перчатки въ лѣвой рукѣ, къ пюпитру, и наскоро набрасывалъ нѣсколько строкъ на бумагу“. „Привѣсьте къ этому обычный у насъ стихъ“, — говорилъ онъ тогда главному редактору и, раскланиваясь, спѣшилъ снова къ выходу“²⁾. Полныя ума, юмора и ѣдкаго сарказма статьи Бисмарка были замѣчены и имѣли успѣхъ. Талантливый журналистъ сказался въ немъ гораздо ранѣе искуснаго дипломата и гениальнаго государственнаго мужа.

Съ дипломатіею Бисмаркъ свелъ первое личное знакомство по назначеніи его, въ 1851 году, совѣтникомъ посольства, а вскорѣ затѣмъ и посланникомъ при германскомъ союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ. Нельзя сказать, чтобы онъ проникся уваженіемъ къ характеру, нравамъ и обычаямъ дипломатовъ. О впечатлѣніи, произведенномъ ими на него, можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ письма его къ женѣ: „Все, чѣмъ люди здѣсь терзаются — сущіе пустяки, и дипломаты эти, съ ихъ важничаньемъ при переливаніи изъ пустого въ порожнее, представляются мнѣ гораздо болѣе смѣшными, чѣмъ депутаты второй палаты въ сознаніи своего достоинства. Если не произойдутъ внѣшнія событія — а мы, умствующіе члены союзаго сейма, не можемъ ни направлять ихъ, ни предвидѣть — то я и сегодня знаю въ точности, что мы совершимъ въ одинъ годъ, въ два или въ пять лѣтъ, и я могъ бы исполнить это и въ двадцать четыре часа, лишь бы прочіе захотѣли хотя на одинъ день стать правдивыми и благоразумными. Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что всѣ они стряпаютъ на водѣ, но такой жидкій, незатѣйливый, водянистый супъ, въ которомъ и вапли жиру не найти, былъ для меня неожиданностью... Каждый изъ насъ дѣлаетъ видъ, будто предполагаетъ въ товарищѣ бездну

¹⁾ Wagener. Erlebtes, стр. 20.

²⁾ Georg Heseckiel: der Buch des Grafen von Bismarck.

мыслей и проектовъ, которые тотъ не желаетъ только высказать, а при этомъ всё мы ровно ничего не знаемъ, что станется съ Германіею... Никто, даже самый злонамѣренный и недовѣрчивый демократъ, и не подозрѣваетъ, сколько шарлатанства и напускной важности въ этой дипломатіи¹⁾.

Насколько, во время своего восьмилѣтняго пребыванія во Франкфуртѣ, преисполнился Бисмаркъ презрѣніемъ къ записнымъ дипломатамъ, настолько же онъ имѣлъ тамъ случай убѣдиться, какимъ могучимъ орудіемъ политическаго вліянія является печать для политика, знающаго ей цѣну и умѣющаго пользоваться ея услугами. Главнымъ вопросомъ, стоявшимъ на очереди при вступленіи его въ должность, былъ вопросъ о возобновленіи нѣмецкаго таможеннаго союза подъ главенствомъ Пруссіи. Австрія всѣми силами интриговала противъ этого предпріятія и на ея сторонѣ было большинство второстепенныхъ германскихъ правительствъ. Противодѣйствовать вѣнскому двору и его приверженцамъ Бисмаркъ могъ только посредствомъ печати. Въ этомъ отношеніи онъ проявилъ изумительную дѣятельность, въ то время совсѣмъ непривычную дипломатамъ. Стоитъ прочесть въ собраніи Пошингера рядъ его донесеній министру Мантейфелю о неустанной агитаціи, возбужденной имъ въ періодическихъ изданіяхъ и во множествѣ летучихъ листовъ, имъ самимъ составленныхъ и усердно распространяемыхъ въ Южной Германіи, въ защиту таможенныхъ видовъ Пруссіи. Только благодаря этимъ мѣрамъ, общественное мнѣніе въ Баваріи, Виртембергѣ, Баденѣ, обоихъ Гессенахъ, Нассау съ силою и единодушіемъ высказалось въ пользу таможеннаго союза въ прежнемъ его видѣ, т. е. подъ предѣтельствомъ Пруссіи, и вынудило правительства этихъ государствъ пожертвовать сочувствіемъ Австріи ихъ торговымъ и промышленнымъ интересамъ²⁾.

Когда, осенью 1862 года, Бисмаркъ, наконецъ, достигъ власти и вступилъ въ завѣдываніе внѣшними сношеніями прусскаго королевства, у него сложилось объ обязанностяхъ ди-

¹⁾ Бисмаркъ женъ 6 (18) мая 1851 г.

²⁾ См. Poschinger: Preussen im Bundestage, четыре тома, заключающіе въ себѣ всю дипломатическую переписку Бисмарка съ прусскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ изъ Франкфурта съ 1851 по 1859 г.

пломатіи ясное и опредѣленное представленіе, мало согласовавшееся съ тогдашнимъ состояніемъ этой отрасли государственной службы въ Пруссіи. „Дипломатія“,—читаемъ мы въ одномъ изъ сочиненій самаго авторитетнаго проводника политическихъ взглядовъ и воззрѣній канцлера,— „есть искусство удовлетворять законному своекорыстію государства, путемъ сношеній съ другими государствами. Иными словами, задача ея состоитъ въ томъ, чтобы политическую общину, къ коей принадлежитъ данный министръ иностранныхъ дѣлъ, посоль, посланникъ, повѣренный въ дѣлахъ и т. д., защищать отъ чужеземныхъ противниковъ, посредствомъ наблюденія, письменныхъ и словесныхъ представленій или доводовъ, воспрепятствовать составленію враждебныхъ ей союзовъ, доставить ей союзниковъ и упрочить ихъ за нею, и по возможности такъ обращаться съ ними, чтобы прежде всего были обезпечены интересы государя и народа, коихъ дипломатъ служить представителемъ, чтобы ихъ вліяніе, могущество и благосостояніе были возвышены и расширены. Все прочее, считающееся входящимъ въ кругъ обязанностей дипломатическаго агента, есть внѣшность, второстепенное дѣло, не болѣе какъ орнаментъ“¹⁾.

Въ особенности ополчался Бисмаркъ противъ „дипломатическихъ предразсудковъ“ и вотъ въ какихъ словахъ самъ отзывался о наиболѣе распространенномъ и вредномъ изъ нихъ: „У насъ, среди нашихъ лучшихъ друзей, много доктринеровъ, которые требуютъ отъ Пруссіи совершенно одинаковыхъ обязательствъ относительно защиты правъ чужихъ государей и странъ, какъ и собственныхъ подданныхъ. *Эта система солидарности консервативныхъ интересовъ всѣхъ странъ есть опасная фикція, доколь во всѣхъ странахъ не будетъ соблюдаться полнѣйшее и честнѣйшее взаимство.* Будучи проводима одною лишь Пруссіею, она становится донкихотствомъ, которое только ослабляетъ нашего короля и правительство при исполненіи ихъ собственной задачи, состоящей въ томъ, чтобы обязывать Пруссіи вѣренную Богомъ прусской коронѣ защиту отъ опасностей внѣшнихъ и внутреннихъ... Правительство наше и безъ того въ Пруссіи—либерально, за границею легитими-

¹⁾ Moritz Busch. Unser Reichskanzler, I стр. 222.

стично. Мы защищаемъ права чужихъ престоловъ съ большою настойчивостью, чѣмъ свои собственныя¹⁾.

Понятно, что при такихъ условіяхъ предпринятое Бисмаркомъ преобразование прусской дипломатіи, не менѣе коренное, чѣмъ то, которое въ XVI вѣкѣ совершилъ въ сферѣ нѣмецкаго духовенства Лютеръ, являлось дѣломъ полнымъ трудностей и препятствій. Крайне ненадежными представлялись ему его сотрудники, послы и посланники, надменные аристократы или выслужившіеся чиновники, враждебно противъ него настроенные, съ завистью взиравшіе на его возвышеніе. Не больше довѣрія внушала ему и второстепенный личный составъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, люди, воспитанные и посѣдѣвшіе въ иныхъ идеяхъ и правилахъ, чѣмъ тѣ, кои онъ намѣревался проводить въ своей политикѣ. Между тѣмъ—онъ отлично сознавалъ это—одинъ въ полѣ не воинъ, и первою его заботою было пріобрѣтеніе способныхъ и дѣятельныхъ подручниковъ, на которыхъ онъ могъ бы вполне положиться. Къ общему удивленію, къ ужасу традиціонныхъ дипломатовъ, выборъ его палъ на трехъ лицъ, не принадлежавшихъ къ этому сословію, на трехъ литераторовъ-публицистовъ и притомъ изъ совершенно противоположныхъ лагерей. Одинъ этотъ выборъ наглядно выражалъ то значеніе, которое новый министръ придавалъ печати, и важную роль, предназначенную ей въ его политической дѣятельности.

Первый писатель, привлеченный Бисмаркомъ на государственную службу, былъ Германъ Вагенеръ, уже упомянутый нами выше основатель „Крестовой Газеты“, состоявшій въ продолженіе многихъ лѣтъ главнымъ редакторомъ ея. Это было вполне естественно, ибо министръ самъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ обширными познаніями и рѣдкими способностями его и къ тому же былъ лично ему обязанъ многимъ. Вагенеръ получилъ званіе правительственнаго совѣтника и докладчика въ государственномъ министерствѣ. Онъ долго былъ правою рукою Бисмарка, довѣреннымъ совѣтникомъ его по всѣмъ важнѣйшимъ политическимъ вопросамъ, его, по собственному выраженію канцлера, „справочнымъ словаремъ“. Причиной увольненія Вагенера въ 1873 году было гласно взведенное

¹⁾ Изъ письма Бисмарка къ неизвѣстному 6 (18) сентября 1861 г.

на него въ палатѣ обвиненіе въ незаконныхъ сдѣлкахъ при выдачѣ желѣзнодорожныхъ концессій.

Совершенною противоположностью Вагенеру являлся другой избранникъ Бисмарка, Лотаръ Бухеръ. То былъ демократъ, и даже социалистъ, одинъ изъ главныхъ революціонныхъ дѣятелей 1848 года, другъ и единомышленникъ Лассалю. Присужденный къ пятнадцатилѣтнему заключенію за участіе въ смутахъ, Бухеръ избѣжалъ тюрьмы бѣгствомъ въ Англію, гдѣ оставался десять лѣтъ, добывая себѣ существованіе корреспонденціями въ различныя нѣмецкія газеты самаго крайняго направленія. Въ 1860 году онъ воспользовался амнистіею и возвратился въ Берлинъ. Тамъ онъ сблизился съ Родбертусомъ и Лассалемъ и одно время работалъ вмѣстѣ съ ними надъ организаціею нѣмецкихъ социаль-демократовъ. Вниманіе Бисмарка обратила не него его книга: „*Парламентаризмъ каковъ онъ есть*“, въ которой Бухеръ критически отнесся къ представительному образу правленія и изрекъ ему строгое осужденіе. Въ 1864 году онъ находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи, служа за небольшую плату въ телеграфномъ агентствѣ Вольфа, и получилъ отъ министра юстиціи отказъ на просьбу о дозволеніи занять мѣсто адвоката, когда Бисмаркъ предложилъ ему опредѣлиться на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ принятъ съ чиномъ тайнаго посольскаго совѣтника и на должность докладчика. Съ тѣхъ поръ Бухеръ сталъ любимымъ, дѣятельнѣйшимъ и ближайшимъ сотрудникомъ министра, а впослѣдствіи канцлера. Въ вялую и безцвѣтную дотолѣ переписку иностраннаго вѣдомства онъ внесъ живую, литературную струю, какъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка, прекрасно владѣвшаго языкомъ и привыкшаго къ обращенію съ печатнымъ словомъ. Безчисленныя бумаги, вышедшія изъ-подъ его талантливаго пера и преимущественно касавшіяся государственнаго переустройства Германіи, отличались изяществомъ формы, основательностью и глубиною содержанія. Бухеръ духовно какъ бы слился съ Бисмаркомъ и былъ съ нимъ неразлученъ, сопровождая его въ походахъ, а также оставаясь при немъ во время частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ канцлера, проводящаго, какъ извѣстно, по нѣсколькимъ мѣсяцевъ въ своихъ помѣстьяхъ. Не расточительный на похвалы своимъ подчиненнымъ, Бисмаркъ говорилъ про

Бухера: это просто перль. Во время Берлинскаго конгресса, члены его, первые министры и министры иностранныхъ дѣлъ всѣхъ великихъ державъ съ недоумѣніемъ созерцали бывшаго демократа и социалиста въ должности архивариуса высокаго собранія. Двадцать два года прослужилъ Бухеръ въ иностранномъ вѣдомствѣ, гдѣ давно уже занималъ мѣсто старшаго изъ совѣтниковъ, и лишь надняхъ вышелъ въ отставку, вѣроятно побуждаемый къ тому назначеніемъ на должность статсъ-секретаря молодого сына канцлера, графа Герберта Бисмарка.

Нѣсколько позднѣе Вагенера и Бухера, а именно въ началѣ 1870 года, приглашенъ былъ принять участіе собственно въ политико-литературныхъ работахъ канцлера Морицъ Бушъ. По своему прошедшему, онъ былъ также радикаль, участникъ національно революціоннаго движенія 1848 года. Годы, слѣдовавшіе за революціею, онъ провелъ въ странствованіяхъ по Америкѣ и Востоку, затѣмъ редактировалъ въ Лейпцигѣ либеральный журналъ „*Die Grenzboten*“, агитировалъ въ Голштиніи въ пользу принца Фридриха Августенбургскаго, а послѣ прусскихъ успѣховъ 1866 года преобразился въ пламеннаго проповѣдника нѣмецкой политики Бисмарка. Дѣятельность свою въ качествѣ оффиціознаго публициста онъ началъ въ Ганноверѣ, а оттуда былъ переведенъ въ Берлинъ, въ состоящее при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ бюро печати. Бушъ оставилъ эту службу въ 1873 году, и принялся было издавать газету „*Ганноверскій Курьеръ*“, но уже въ 1878 г. снова возвратился въ Берлинъ и съ того времени не перестаетъ служить канцлеру ревностнымъ распространителемъ его политическихъ и экономическихъ идей въ литературѣ нѣмецкой и иностранной.

Бушу обязаны мы воспроизведеніемъ въ его дневникѣ образа жизни и занятій Бисмарка въ самую интересную эпоху, а именно во время франко-германской войны 1870—71 годовъ. Благодаря ему, мы знаемъ, что въ тѣ дни, когда на поляхъ битвъ рѣшалась участь Западной Европы, одною изъ главныхъ заботъ нѣмецкаго канцлера было воздѣйствіе на общественное мнѣніе всего міра и что труду этому онъ лично посвящалъ, конечно, не меньше вниманія и времени, чѣмъ дипломатическимъ дѣламъ и переговорамъ. Посредникомъ между нимъ и газетами всѣхъ странъ и всевозможныхъ направленій служилъ именно Бушъ,

находившійся при немъ безотлучно въ продолженіе французскаго похода. Обязанности Буша были сложны и разнообразны до крайности. Первымъ долгомъ его было, разумѣется, сообщеніе по телеграфу и на письмѣ журналамъ нѣмецкимъ и англійскимъ свѣдѣній объ успѣхахъ и побѣдахъ германской арміи. Онъ поставлялъ такія корреспонденціи въ нѣсколько оффиціозныхъ берлинскихъ и провинціальныхъ газетъ, а также въ лондонскій „Times“, независимо отъ обязательнаго сотрудничества во французскихъ листкахъ, издаваемыхъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ нѣмецкими войсками. Но статьи его не всегда были исключительно военнаго содержанія; въ нихъ обсуждались и развивались вопросы политическіе, разумѣется, въ смыслѣ благопріятномъ для видовъ бисмарковской дипломатіи.

Указанія Бушъ получалъ непосредственно отъ канцлера и нельзя не удивляться всесторонности послѣдняго. Тогда какъ дипломатическіе помощники Бисмарка имѣли у него одинъ, много два доклада въ день, Бушъ призывался къ нему по пяти и по шести разъ въ сутки и получалъ отъ него программу своихъ работъ. Ничто, казалось, не ускользало отъ прозорливости Бисмарка и не было такой мелочи, бездѣлицы, на которую онъ не обратилъ бы вниманія, если только она представлялась пригодною для споспѣшествованія его цѣлямъ. Бушу поручалось возражать на жалобы, раздававшіяся во французской и иностранной печати по поводу жестокаго способа введенія нѣмцами войны, и не только оправдывать крутыя мѣры, принимаемыя главнымъ начальствомъ арміи, но и стараться обратить на самихъ французовъ обвиненіе въ постоянномъ нарушеніи междунаrodnаго права и воинскихъ обычаевъ. Онъ долженъ былъ напрягать усилія, чтобы уронить въ общественномъ мнѣніи Европы всѣхъ главныхъ французскихъ дѣятелей, а также и тѣхъ немногихъ добровольцевъ, которые, какъ, на примѣръ, Гарибальди, являлись на помощь Франціи, то издѣваясь надъ ними, то представляя ихъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ; возбудить между прочимъ презрѣніе въ вѣроломству французскихъ офицеровъ, успѣвшихъ бѣжать изъ плѣна; пригрозить луксембургцамъ, бельгійцамъ и швейцарцамъ за выраженіе сочувствія Франціи; дать строгое предупрежденіе даже австро-венгерскому правительству за робкую попытку его вступить за французовъ и проч., и проч. Вообще задача его состояла

въ томъ, чтобы одновременно съ военными ударами наносить неприятелю и возможно большій нравственный ущербъ.

Бисмаркъ не только направлялъ работу своего глашатая, но и самъ участвовалъ въ ней, часто диктуя ему важнѣйшія письма и статьи. Нечего и говорить, что онъ внимательно прочитывалъ большую часть имъ написаннаго, поправлялъ слогъ, умѣрялъ избытокъ усердія, упрекалъ и за излишнюю рѣзкость выраженія. „Отчего“,—спрашивалъ онъ,—„вы такъ грубы въ нашихъ писаніяхъ?“ Бушъ оправдывался, увѣряя, что умѣетъ быть и вѣжливымъ, и тонкимъ, даже съ отгѣнкомъ лукавства. „Такъ будьте же тонки, но не лукавы“,—поучалъ канцлеръ,—„и помните, что надо быть вѣжливымъ и въ самыхъ деклараціяхъ объ объявленіи войны“. И черезъ день прибавилъ: „Вы все еще не пишете довольно вѣжливо. Вы воображаете себя мастеромъ по части тонкости и лукавства. Между тѣмъ въ статьѣ вашей больше лукавства, чѣмъ тонкости. Оскорбленіе никогда не должно служить цѣлью въ политикѣ“.

Другую замѣчательную по своей характерности мысль высказалъ Бисмаркъ также въ наставленіи, данномъ Бушу по слѣдующему случаю. Часть нѣмецкой печати находила, что съ плѣннымъ Наполеономъ III обходятся слишкомъ любезно, поселивъ его въ одно изъ королевскихъ дворцовъ, и что онъ заслуживалъ бы совершенно иного обращенія. Канцлеръ поручилъ Бушу написать возраженіе. „Общественное чувство“,—объяснялъ онъ ему,—„всегда расположено судить о происшествіяхъ съ совершенно частной точки зрѣнія, находя, что при международныхъ столкновеніяхъ побѣдитель обязанъ превратиться въ судью и, руководствуясь нравственнымъ кодексомъ, покарать побѣжденнаго за преступленія, совершенныя противъ него, а если можно, то и противъ другихъ. Нельзя оправдать такихъ требованій: ставить ихъ—значить вовсе не понимать сущности политики. Идея наказанія, награжденія и мести исключены изъ нея совершенно; сообразоваться съ ними равносильно извращенію самаго смысла политики. Она предоставляетъ Божественному Провидѣнію и Тому, кто располагаетъ судьбою сраженій, карать государей и народы, преступившіе нравственный законъ. Она не имѣетъ ни обязанности, ни права изображать изъ себя судью. При какихъ бы ни было обстоятельствахъ, ей слѣдуетъ лишь поставить себѣ

вопросъ: въ чемъ здѣсь благо моей страны? Какимъ способомъ можно достигнуть наибольшей выгоды для моей страны? Сентиментальность также мало умѣстна въ политикѣ, какъ и въ торговомъ дѣлѣ. Задача политики—не мстить за прошлое, а заботиться о томъ, чтобы оно не возобновлялось“.

У Бисмарка совсѣмъ не было секретовъ для печати. Самъ продиктовалъ онъ Бушу для обнародованія въ газетахъ разговоръ свой съ Наполеономъ III утромъ 22 августа (3 сентября) въ разоренномъ домѣ, между Френуа и Доммери. Послѣ перваго свиданія съ Жюлемъ Фавромъ въ Ферриерѣ, когда Бушъ замѣтилъ ему, что его бесѣды съ французскимъ делегатомъ, вѣроятно, не подлежатъ огласкѣ, — „напротивъ!“ — отвѣчалъ канцлеръ. Дружественнымъ газетамъ даже сообщались всѣ подробности о происходившихъ съ Баваріею довѣрительныхъ переговорахъ по вопросу о провозглашеніи короля Вильгельма германскимъ императоромъ. Наконецъ, самыя условія будущаго мира, обыкновенно считающіяся дипломатами глубокою, непроницаемоею государственною тайною, были, по приказанію Бисмарка, весьма заблаговременно оглашены въ печати. 16 (28) августа, за пять дней до Седана, Бушъ оповѣстилъ о твердой рѣшимости канцлера не заключать мира иначе, какъ на условіи уступки Страсбурга и Меца, другими словами, Эльзаса и Лотарингіи, необходимыхъ-де для обезпеченія спокойствія и безопасности Германіи ¹⁾).

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, какое почетное мѣсто занимаетъ печатный станокъ въ дипломатическомъ арсеналѣ князя Бисмарка. Они краснорѣчивѣе слуховъ объ образцовой организаціи берлинскаго бюро прессы и объ обильныхъ щедротахъ такъ называемаго „фонда пресмыкающихся“. Справедливы эти слухи или нѣтъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что германскій канцлеръ влагаетъ въ означенное дѣло не одни значительныя денежныя средства, а и собственную мысль свою и личный свой трудъ. Въ результатѣ получается, что не только нѣмецкая, но и почти вся печать Западной Европы является союзницей Германіи, въ особенности, когда рѣчь идетъ объ ея ополченіи на насъ.

¹⁾ Moritz Busch: Graf Bismark und seine Leute, 2 Bände.

Это возлагаетъ на независимыхъ служителей русскаго печатнаго слова патріотическій долгъ зорко стоять на стражѣ государственныхъ польвъ, чести и достоинства отечества. Всего менѣе желаемъ мы установленія въ Россіи тѣхъ отношеній, которыя, какъ слышно, существуютъ между печатью и правительствомъ въ Германіи. Но, сохраняя полную самостоятельность, мы хотимъ, мы обязаны не затруднять, а по мѣрѣ силъ и возможности облегчать русской дипломатіи исполненіе ея задачи.

Таково наше „исповѣданіе вѣры“ въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ печати и дипломатіи.

II.

Дипломатическіе взгляды на основы русской государственной жизни.

(„Московскія Вѣдомости“ 18 февраля 1887 г.).

Съ отказомъ министра иностранныхъ дѣлъ защищать въ Департаментѣ Законовъ заявленное имъ въ засѣданіи общаго собранія Государственнаго Совѣта мнѣніе юрисконсульта Министерства профессора Мартенса о возраженіяхъ, могущихъ быть предъявленными иностранными правительствами противъ предложенныхъ измѣненій въ нашихъ судебныхъ уставахъ, другими словами, о признаніи за этими правительствами права вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла, такъ называемый „инцидентъ Мартенса“ можетъ почитаться оконченнымъ. По разсмотрѣніи въ высшемъ нашемъ правительственномъ учрежденіи, возбужденный министромъ юстиціи вопросъ о закрытіи въ извѣстныхъ случаяхъ дверей судебныхъ засѣданій будетъ разрѣшенъ Верховною Властью согласно съ нуждами и пользами Россіи, безъ малѣйшаго соображенія со взглядами или намѣреніями чужеземныхъ державъ. Тѣмъ не менѣе, намъ представляется полезнымъ остановиться на этомъ инцидентѣ и по его поводу сказать нѣсколько словъ вообще о положеніи, которое русское дипломатическое вѣдомство занимаетъ относительно нашихъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ большей части случаевъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ выражаетъ къ нимъ полное безучастіе, совершенно устранимаясь отъ ихъ обсужденія. Такъ поступаетъ оно въ вопросахъ

административныхъ, финансовыхъ, торговыхъ, обыкновенно во все не высказывая своего мнѣнія и слагая съ себя всякую отвѣтственность. Но если ему случается заявить свой взглядъ, то онъ непремѣнно зиждется на отвлеченныхъ положенiяхъ, выработанныхъ западною наукой и ни мало не согласованныхъ съ нашими историческими, географическими и народными особенностями, точь-въ-точь какъ поступали фритредеры, когда голосъ ихъ имѣлъ рѣшающее значенiе въ нашихъ высшихъ финансовыхъ сферахъ.

Формуловка такихъ „ограничительныхъ“ соображенiй нашего Посольскаго Приказа всегда выпадаетъ на долю профессора Мартенса, занимающаго каяедру международнаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ и состоящаго непремѣннымъ членомъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Образъ мыслей почтеннаго профессора достаточно извѣстенъ изъ многочисленныхъ трудовъ его по всѣмъ отраслямъ его специальности, трудовъ, печатавшихся и дома, и за границей, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ текущихъ политическихъ дѣлахъ онъ играетъ роль „свѣдущаго чловѣка“, ко мнѣнiямъ котораго наши дипломаты относятся съ особымъ вниманiемъ, принимая ихъ на вѣру какъ авторитетные научные выводы. Мы не станемъ отрицать правъ г. Мартенса на подобное уваженiе, но позволимъ себѣ усумниться въ томъ, чтобы на чтимомъ имъ Западѣ онъ признавался, такъ же какъ и у насъ, знаткомъ своего предмета, а взгляды и мнѣнiя его — непогрѣшимыми. Въ доказательство сошлемся на отзывъ о его капитальномъ сочиненiи по международному праву ¹⁾, данный въ листкѣ, пользующемся славой наиболѣе распространеннаго критическаго органа въ Германiи ²⁾.

Нѣмецкiй критикъ находитъ систему, на которой построена книга, совершенно ошибочною (*vollständig verfehlt*), выводы автора — страдающими отсутствiемъ юридической опредѣленности и точности, „и если“, продолжаетъ онъ, „юристы вообще

¹⁾ Martens, Friedr. von. Professor: *Völkerrecht. Das internationale Recht der civilisirten Nationen, systematisch dargestellt. Deutsche Ausgabe von Carl Bergbohm* Docent, 2 Bände, Berlin, 1886.

²⁾ *Literarisches Centralblatt für Deutschland*, издаваемый въ Лейпцигѣ Dr. Царике, № 10, 1886 года.

такъ охотно относятся къ дисциплинѣ народнаго права съ вы-
 соты своего царственнаго величія, то, по нашему мнѣнію, ува-
 жение къ означенной дисциплинѣ не возрастетъ отъ настоящаго
 сочиненія“. Затѣмъ критикъ указываетъ на многочисленные
 промахи и погрѣшности автора, доказывающіе, по словамъ его,
 что г. Мартенсъ не только постоянно смѣшиваетъ юридическія
 представленія, но что и свѣдѣнія его въ исторіи крайне недо-
 статочноы. Ошибки его въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ на-
 зываетъ прямо „невѣроятными“ (unglaublich). „На стр. 16-й“,
 читаемъ въ отзывѣ, „развивается происхожденіе постоянныхъ
 посольствъ, но оно не относится къ апокрисіаріямъ, коихъ
 содержали римскіе и прочіе епископы при византійскомъ дворѣ.
 Авторъ ничего о томъ не знаетъ. Ему извѣстны лишь папскіе
 апокрисіаріи при франкскомъ дворѣ (тогда какъ здѣсь апо-
 крисаріи значатъ нѣчто совсѣмъ иное) и въ Константинополѣ,
 въ виду того, что папскіе интересы въ завоеванныхъ турками
 земляхъ требовали-де особой заботливости. На стр. 29-й пора-
 жаетъ прекрасное замѣчаніе, что въ древней Германской имперіи
 государи и прочіе выбирали своихъ посланниковъ въ имперскомъ
 сеймѣ предпочтительно изъ жителей Франкфурта, *идъ собирався
 сеймъ!* Что здѣсь не описка, а просто проявляется невѣжество,
 доказываютъ слѣдующія за этимъ слова. На стр. 113-й папская
 непогрѣшимость опредѣляется такъ, что съ тѣхъ поръ каждое
 приказаніе папы становится безапелляціоннымъ закономъ. Исто-
 рія конкордатовъ излагается съ неподобнымъ замѣчаніемъ,
 будто первоначальною цѣлью ихъ было опредѣлить доходы папы
 изъ пастырской дѣятельности. На стр. 109-й, дѣло Мортара раз-
 сказано такъ ложно, что видно, что автору ничего неизвѣстно
 о сущности юридическаго вопроса. Когда же онъ замѣчаетъ, что,
 вслѣдствіе внимательства державъ, папа возвратилъ окрещен-
 наго ребенка его родителямъ-евреямъ, то это основывается развѣ
 на неоткрытыхъ доселѣ источникахъ. Въ дѣйствительности
 произошло противное“.

Мы охотно простили бы г. Мартенсу незнаніе того обще-
 извѣстнаго факта, что германскій имперскій сеймъ засѣдалъ не
 во Франкфуртѣ, а въ Регенсбургѣ, и предоставили бы ему вѣ-
 даться со своимъ нѣмецкимъ критикомъ по указаннымъ послѣд-
 нимъ юридическимъ и историческимъ несообразностямъ въ трудѣ

его, еслибъ могли надѣяться, что въ официальной своей дѣятельности почтенный профессоръ перестанетъ быть представителемъ отвлеченныхъ теорій въ ущербъ дѣйствительнымъ интересамъ русскаго государства и народа.

Къ сожалѣнію, въ нашемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ г. Мартенсъ далеко не одинъ представляетъ полную оторванность отъ родной почвы и взрощенныхъ на ней основныхъ началъ русской государственной жизни. Иначе намъ не пришлось бы читать въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ странную, чтобы не сказать болѣе, редакцію 7-й статьи договора великихъ державъ объ обезпеченіи египетскаго государственнаго долга, статьи, изъ которой можно вывести заключеніе, что, подобно прочимъ договаривающимся сторонамъ, на гарантію означеннаго долга, русское правительство обязуется-де *испросить разрѣшеніе у своего парламента* ¹⁾! Конечно, изъ такого утвержденія международнаго акта, подписаннаго русскимъ уполномоченнымъ и предварительно поднесенія на Высочайшую ратификацію скрѣпленнаго нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, еще не слѣдуетъ, чтобы въ Петербургѣ учрежденъ былъ парламентъ, подобный тѣмъ, которые существуютъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, но небрежная редакція упомянутой статьи доказываетъ, что наши дипломаты всячески стараются избѣгать всего, что устанавливаетъ наше отличіе отъ прочихъ державъ, хотя бы въ ущербъ нашему государственному праву, а также и здравому смыслу. Немного лѣтъ тому назадъ стремленіе это выразилось въ фактѣ, имѣющемъ еще болѣе важное значеніе.

Извѣстно, что министерство иностранныхъ дѣлъ уже болѣе 25 лѣтъ издаетъ „Ежегодникъ“ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie*. Книжка эта украшена императорскимъ гербомъ, издается на казенныя деньги, редижируется однимъ изъ чиновниковъ министерства, словомъ, носитъ вполне характеръ официальнаго изданія. Въ ней, по заведенному обычаю, обнародываются, независимо отъ разныхъ свѣдѣній, считающихся необходимыми для нашихъ дипломатовъ, государственные акты и дипломатическіе документы

¹⁾ „Правительственный Вѣстникъ“, 24 января 1887 годѣ.

за истекшій годъ, какъ-то: Высочайшіе манифесты, междуна-
родныя трактаты и конвенціи и немногія изъ депешъ нашего
двора, предназначенныя для гласности. Такъ, въ одномъ изъ
этихъ „Ежегодниковъ“, а именно въ выпускѣ 1883 года, помѣ-
щенъ, между прочимъ, во французскомъ переводѣ и извѣстный
манифестъ отъ 29 апрѣля 1881 года.

Не будемъ спрашивать, почему столь важный актъ былъ на-
печатанъ въ официальномъ дипломатическомъ сборникѣ лишь
черезъ два года по своемъ появленіи, но обратимъ вниманіе на
переводъ манифеста, такъ какъ этимъ путемъ онъ былъ дове-
денъ до свѣдѣнія иностранныхъ правительствъ. Насъ прежде
всего поразила крайняя небрежность и неточность всего пере-
вода, но удивленію нашему не было предѣла, когда мы уви-
дѣли, что слово „Самодержавная Власть“ не воспроизведено въ
немъ ни единого разу, и всюду замѣнено выраженіемъ: *pouvoir*
Souverain.

Подтверждаемъ это сопоставленіемъ нѣсколькихъ мѣстъ рус-
скаго подлинника съ переводомъ:

Богу въ неисповѣдимыхъ путяхъ
Его благоугодно было завершить слав-
ное царствованіе Возлюбленнаго Ро-
дителя Нашего мученическою кон-
чиной, а на Насъ возложить священ-
ный долгъ *самодержавнаго правленія*.

Въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ,
пріявъ отъ Бога *самодержавную власть*
на благо вѣреннаго Ему народа, пре-
былъ вѣренъ до смерти принятому Имъ
обѣту и кровію запечатлѣлъ великое
свое служеніе.

Но посреди великой Нашей скорби
гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать
бодро на дѣло правленія въ упованіи
за Божественный Промыслъ, *съ твоею*
въ силу и истину самодержавной вла-
сти, которую Мы призваны утверждать
и охранять для блага народнаго ото
всѣякихъ на нее поплзновеній ¹⁾.

Dieu dans Ses voies impénétrables
a voulu que le règne glorieux de Notre
Père bien aimé se terminât par le mar-
tyre et a daigné Nous appeler à rem-
plir le devoir sacré *du pouvoir Sou-*
verain.

Feu Notre Père, ayant reçu du Dieu
Tout-Puissant le *pouvoir Souverain*
pour le bien du peuple qui lui était
confié, est resté fidèle à son vœu
jusqu'à sa mort et a scellé de son sang
ses grands services.

Mais dans Notre profonde affliction
la voix de Dieu Nous ordonne d'as-
sumer courageusement la tâche de rég-
ner, d'espérer dans la Providence di-
vine, *d'avoir foi dans la force et la*
vérité du pouvoir Souverain que Nous
somme appelés à affermir et à défendre,
pour le bien du peuple contre toutes
espèces de tentatives dirigées contre
lui ¹⁾.

¹⁾ Высочайшій манифестъ отъ 29
апрѣля 1881 года, въ № 43 „Собранія
Узаконеній и Распоряженій Правитель-
ства“ того же числа и года.

¹⁾ „Annuaire diplomatique de l'Em-
pire de Russie pour l'année 1883“, pp.
189—161.

Въ переводѣ дипломатическаго „Ежегодника“ манифестъ 29 апрѣля могъ бы быть подписанъ любымъ изъ конституціонныхъ государей Запада, быть можетъ даже президентами республикъ Французской или Сѣверо-Американской, считающихся также представителями верховной власти (*puvoir Souverain*) народа! Въ этой передачѣ теряется все значеніе, весь смыслъ обращенія Русскаго Самодержца въ своимъ подданнымъ и открытаго исповѣданія имъ вѣры „въ силу и истину Самодержавной Власти!“

Какъ объяснить себѣ такое отступленіе официальнаго перевода отъ буквы и духа подлинника, если не привычною заботливостью сглаживать предъ Европой всѣ наши народныя особенности, ставящія Россію въ положеніе отличное отъ прочихъ государствъ. Не такъ поступали наши предки, достойные представители величія своей родины. Они не только не стыдились своеобразнаго титула Царя и Самодержца, но твердо были убѣждены, что титулъ этотъ первый и почетнѣйшій въ цѣломъ мірѣ. Вотъ какъ объясняли его посланники царя Алексѣя Михайловича къ испанскому двору, стольникъ Петръ Потемкинъ и дьякъ Семень Румянцовъ, когда посольскихъ дѣлъ секретаріусъ Гавріиль „съ великимъ учтивствомъ“ обратился къ нимъ съ просьбою, „чтобъ они, посланники, дали ему вѣдать: великій государь вашъ, его царское величество, во своихъ государскихъ титулахъ пишется Царемъ и Самодержцемъ; и что Царь и Самодержецъ разумѣется?“

„И стольникъ Петръ и дьякъ Семень ему говорили:

„Великому государю нашему (въ статейномъ спискѣ слѣдуетъ полный титулъ царя Алексѣя Михайловича) то царское достояніе Богъ далъ отъ презнихъ великихъ государей, царей и великихъ князей російскихъ. Прародитель его, великаго государя нашего, его царскаго величества, великій государь царь и великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ Кіевскій и всея Россіи воевалъ греческія великія государства, даже до самаго царствующаго Константина-Града, вторый нынѣ за грѣхи всѣхъ насъ православныхъ христіанъ и за несогласіемъ всѣхъ великихъ христіанскихъ государей обладаемъ мусульманами. И греческій царь Константинъ Мономахъ, прося милости у великаго государя Владиміра Всеволодовича, прислалъ къ нему,

великому государю, почестью Крестъ Животворящаго Древа и царскую шапку, и вѣнецъ, и діадиму: которымъ царскимъ саномъ поставлялись всѣ великіе государи, цари греческіе на царство греческое. И отъ того времени по ся мѣстъ всѣ великіе государи наши, цари и великіе князья россійскіе, поставляются на всѣ великіе и преславные государства Россійскаго царствія тѣмъ царскимъ вѣнцемъ и діадимою. А блаженныя памяти великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Великія Россіи Самодержца, дѣдъ, а великаго государя нашего (снова полный титулъ) его царскаго величества прадѣдъ, блаженныя памяти великій государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Россіи Самодержецъ, съ Божіею помощію поймалъ подъ свою царскую руку великія царства, про которыя сами вѣдаете, гдѣ были цари большія Золотыя Орды, Астраханское и Казанское великія царства и государства, и Сибирское царство. И нынѣ великій государь нашъ, его царское величество, всѣ тѣ великія царства съ Божіею помощію держитъ подъ своею царскою высокою рукою; и по тѣмъ великимъ царствамъ и государствамъ великій государь нашъ, его царское величество, во своихъ царскаго величества грамотахъ Царемъ и Самодержцемъ описуется“.

Нельзя было вѣрнѣе и точнѣе объяснить испанскому двору происхожденіе титула русскихъ государей отъ Βασίλειος и Ἀυτοκράτορ, титуловъ, носимыхъ нѣкогда византійскими императорами, перешедшихъ къ нашимъ монархамъ по праву преемства семейнаго и историческаго, и доннынѣ составляющихъ гордость Всероссійскаго Престола. Но память объ этой связи, свято хранимая русскими дипломатами не только XVII, но и XVIII вѣка, повидимому, чужда и непонятна современнымъ намъ ихъ эпигонамъ.

Невольно вспоминаются при этомъ размышленія, вызванныя въ покойномъ князѣ П. А. Вяземскомъ усвоеннымъ нашею дипломатіей временемъ Севастопольской войны пріемомъ: смягчать въ передачѣ иностраннымъ правительствамъ выраженіе Высочайшей воли. „Темпоризація въ исполнительной власти“, — пишетъ князь по этому поводу, — „можетъ быть очень полезна и спасительна, когда она въ-время успѣваетъ затормозить стремленіе безотвѣтственной воли. Но когда эта воля уже приступила

къ дѣлу и высказала во всеуслышаніе, чего она хочетъ, исполнительная темпоризація только что нарушаетъ достоинство верховной власти и компрометируетъ ее. Тутъ тоже выходитъ: traduttore-traditore. Исполнители-переводчики съ умысломъ ослабляютъ, измѣняютъ положительный смыслъ подлинника. Наша дипломатія обыкновенно невѣрный переводъ Высочайшаго текста. Онъ кажется ей слишкомъ рѣзокъ, и она добросовѣстно, вѣрю, но часто неловко старается смягчить выраженіе“.

Не вполне ли примѣнимы эти правдивыя строки, писанныя тридцать три года тому назадъ, къ приведенному нами дипломатическому переводу манифеста 29 апрѣля?

III.

Отвѣтъ г. Мартенсу.

(„Новое Время“ 3 марта 1887 г.).

Напечатавъ въ № 3498 „Новаго Времени“ объясненіе профессора Мартенса по поводу появившейся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статьи моей: *Дипломатическіе взгляды на основы русской государственной жизни*, вы, надѣюсь, не откажете дать мѣсто въ уважаемой вашей газетѣ и моему возраженію.

Г. Мартенсъ утверждаетъ,

„что г. Татищевъ, основываясь на *единственномъ* бранномъ изъ болѣе пятидесяти отзывовъ, появившихся о русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ изданіяхъ моего международного права цивилизованныхъ народовъ, отзывѣ лейпцигскаго критическаго органа „*Literarisches Centralblatt*“ (№ 10-й, за 1886 г.), силится доказать весьма крупныя ошибки во второмъ томѣ моего сочиненія“.

Такая постановка вопроса не совсѣмъ вѣрна. Не будучи специалистомъ по международному праву, я не бралъ на себя роль судьи между г. Мартенсомъ и его критикомъ, а ограничился воспроизведеніемъ обвиненій послѣдняго, съ цѣлью установить, что г. Мартенсъ, какъ и выражено въ моей статьѣ, далеко не единогласно признается на Западѣ „знаткомъ своего предмета, а взгляды и мнѣнія его — непогрѣшимыми“. Остановился же я на рецензій „*Literarisches Centralblatt*“ вовсе не потому, что она яко бы единственная „бранная“ изъ всѣхъ отзывовъ о книгѣ профессора, а потому, что означенный журналъ дѣйствительно пользуется славою авторитетнаго и наиболѣе распространеннаго критическаго органа въ Германіи.

Но нынѣ, когда г. Мартенсъ по пунктамъ возразилъ на

замѣчанія своего критика, я нравственнымъ долгомъ считаю самъ критически отнестись къ его оправдательнымъ доводамъ и, провѣривъ ихъ сличеніемъ съ подлежащими мѣстами его книги, предоставить русскимъ читателямъ судить о степени ихъ убѣдительности.

1) Рецензентъ „*Literarisches Centralblatt*“ обвиняетъ г. Мартенса въ томъ, что при изложеніи происхожденія постоянныхъ посольствъ, онъ забылъ упомянуть о папскихъ апокрисиаріяхъ при *византійскомъ дворѣ*. Г. Мартенсъ оправдывается, утверждая, что имъ упомянуто о существованіи апокрисиаріевъ въ *Константинополѣ*. Между тѣмъ, на указанной имъ стр. 15-й его книги, мы читаемъ:

„Первыя постоянныя посольства были учреждены папами въ средніе вѣка. Интересы римско-католической церкви нуждались въ то время въ покровительствѣ, особенно среди германскихъ варваровъ и въ земляхъ христіанскихъ, завоеванныхъ турками (!). Въ виду этого, римская курія стала значать къ франкскимъ королямъ, „этими первоурожденнымъ сынамъ католической церкви“, такъ могущественно содѣйствовавшимъ возвышенію папскаго авторитета на Западѣ Европы,—своихъ постоянныхъ уполномоченныхъ которые назывались *apocrisarii* и *responsales*, и такихъ же довѣренныхъ они имѣли въ Константинополѣ“.

Изъ соотношенія первой части этой фразы со второю не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ имѣлъ здѣсь въ виду папскихъ апокрисиаріевъ, находившихся въ Константинополѣ при дворѣ *не византійскихъ императоровъ, а турецкихъ султановъ*, и что, слѣдовательно, сдѣланный ему критикомъ упрекъ остается во всей силѣ. Это, впрочемъ, подтверждается и дальнѣйшею ссылкой самого г. Мартенса на стр. 196 и слѣд. другого сочиненія его: „О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокахъ“, гдѣ говорится именно объ отношеніяхъ римской курии къ Портѣ, по овладѣніи турками Царьградомъ. Прибавлю отъ себя, что въ приведенныхъ выше строкахъ поражаетъ страшное смѣшеніе обстоятельствъ времени, такъ какъ въ одной и той же эпохѣ отнесены явленія, отдѣленные нѣсколькими столѣтіями: меровинги и варолинги во Франціи и завоеваніе турками (замѣтите, не арабами) христіанскихъ областей.

2) Нѣмецкій критикъ заключаетъ изъ словъ г. Мартенса, что тотъ считаетъ Франкфуртъ на Майнѣ мѣстомъ собранія германскаго имперскаго сейма. Г. Мартенсъ отрицаетъ этотъ промахъ, увѣряя, что въ книгѣ его рѣчь идетъ не о до-револю-

ціонномъ имперскомъ сеймѣ, а о сеймѣ Германскаго Союза, окончившемъ свое существованіе въ 1866 году. Такъ ли это? На стр. 27-го II-й тома русскаго изданія книги г. Мартенса сказано:

„Въ старомъ германскомъ союзѣ нѣмецкіе князья и вольные города обыкновенно назначали своими уполномоченными на засѣданіе союзнаго сейма жителей г. Франкфурта, гдѣ собирался сеймъ. Но въ 1816 году сеймъ постановилъ, что на будущее время ни одно такое лицо не будетъ принято и не должно быть назначено въ качествѣ посла, кромѣ уполномоченныхъ самаго города Франкфурта“.

Допустимъ, что, не смотря на прилагательное „старый“, слова эти относятся дѣйствительно къ Германскому Союзу, основанному въ 1815 году. Но въ такомъ случаѣ они совершенно непонятны, ибо союзный сеймъ собрался впервые во Франкфуртѣ не ранѣе 1816 года, а между тѣмъ, именно въ этомъ году, какъ утверждаетъ самъ г. Мартенсъ, и состоялось распоряженіе объ устраниніи франкфуртскихъ жителей изъ состава уполномоченныхъ нѣмецкихъ князей и вольныхъ городовъ на сеймѣ. Когда же бы успѣли послѣдніе выбирать изъ уроженцевъ Франкфурта своихъ сеймовыхъ представителей, да еще не разъ и не два, а „обыкновенно“? И такъ, или слова г. Мартенса относятся къ старому имперскому сейму, собиравшемуся, какъ извѣстно, въ Регенсбургѣ, а не во Франкфуртѣ, и составляютъ „крупную“ историческую ошибку, или они вовсе лишены всякаго смысла.

3) Рецензентъ оспариваетъ опредѣленіе г. Мартенсомъ непогрѣшимости папы въ томъ смыслѣ, что со времени провозглашенія этого догмата послѣднимъ ватиканскимъ соборомъ „всякое повелѣніе римскаго первосвященника“, — какъ утверждается на стр. 108 книги, — „сдѣлалось безапелляціоннымъ закономъ для всего католическаго міра“. „Это положеніе неопровержимо“, — заключаетъ г. Мартенсъ въ своемъ возраженіи, забывая или можетъ быть не зная, что свойство непогрѣшимости приписывается ученіемъ ватиканскаго собора отнюдь не „всякому“ повелѣнію папы, а лишь рѣшеніямъ его по богословскимъ вопросамъ, изрекаемымъ имъ ex cathedra въ качествѣ верховнаго доктора католической церкви.

4) Также точно не выдерживаетъ критики другое, выдаваемое за неопровержимое, утвержденіе г. Мартенса (стр. 108),

будто „первоначально конкордаты имѣли цѣлью въ особенности опредѣлить тѣ матеріальныя выгоды, которыя долженъ былъ получать папа отъ паствы въ данной странѣ“. Такому узкому и одностороннему опредѣленію противорѣчить древнѣйшій изъ извѣстныхъ конкордатовъ, а именно Вормскій 1122 года, заключенный между папою Каликстомъ II и императоромъ Генрихомъ V и установившій взаимныя отношенія папской и императорской власти въ дѣлахъ не только церковныхъ, но и государственныхъ. Объ этомъ первообразѣ всѣхъ послѣдующихъ договоровъ означеннаго рода г. Мартенсъ вовсе не упоминаетъ въ своемъ трудѣ, быть можетъ именно потому, что Вормскій конкордатъ не подходитъ подъ его опредѣленіе, недостаточность коего онъ, вѣроятно, чувствуетъ и самъ, стараясь прикрыть его авторитетомъ Шульте, Гюблера, Бернагуса и др. Со своей стороны я позволю себѣ указать г. Мартенсу на весьма обстоятельную и вполне компетентную статью о конкордатахъ г. Германа въ т. V, стр. 737 „Государственного Словаря“ д-ра Блунчли, изъ которой онъ можетъ легко и удобно восполнить всѣ недостающія ему по этому предмету свѣдѣнія.

5) Наконецъ, рецензентъ „Literarisches Centralblatt“ совершенно правъ, доказывая, что г. Мартенсъ изложилъ извѣстное дѣло Мортара въ смыслѣ прямо противоположномъ истинѣ. На стр. 104 своей книги г. Мартенсъ рассказываетъ: „Въ 1858 г., сынъ одного еврейскаго семейства (sic), Мортара въ Италіи (sic), былъ насильно заключенъ въ іезуитскій монастырь для обращенія въ католическую вѣру. Европейскія правительства протестовали и побудили папу распорядиться о возвращеніи Мортара его семьѣ“. Въ дѣйствительности Мортара никогда не былъ возвращенъ родителямъ, и если справедливо увѣреніе г. Мартенса, будто это утверждаетъ Блунчли въ своемъ международномъ правѣ (стр. 24), то выводъ отсюда тотъ, что г. Мартенсъ ошибся въ сообществѣ германскаго ученаго, но все же ошибся, хотя бы и въ „мало интересномъ и мало извѣстномъ (вѣроятно самому г. Мартенсу) дѣлѣ“.

Таковы результаты провѣрки возраженія г. Мартенса по указаннымъ имъ же мѣстамъ его книги. Всякій самъ можетъ судить, насколько почтенному профессору удалось опровергнуть тяжкія обвиненія, взведенныя на него рецензентомъ „Litera-

risches Centralblatt“. Замѣчу, что въ статьѣ моей, напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, я привелъ лишь замѣчанія нѣмецкаго критика, касающіяся однихъ историческихъ промаховъ г. Мартенса, но въ самой рецензій указанъ въ книгѣ его цѣлый рядъ юридическихъ несообразностей, на основаніи коихъ изрекается автору строгій приговоръ и онъ признается не заслуживающимъ названія „насквозь образованнаго юриста“ (durchgebildeter Jurist). Правда, г. Мартенсъ утверждаетъ, что означенный отзывъ *единственный* не въ его пользу изъ болѣе пятидесяти отзывовъ, появившихся объ его трудѣ. Но, во-первыхъ, утверженіе это не точно, ибо намъ извѣстенъ весьма подробный и обстоятельный разборъ международнаго права г. Мартенса, напечатанный въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1885 года и вышедшій изъ-подъ пера профессора университета св. Владиміра и доктора международнаго права О. О. Эйхельмана, который, между прочимъ, замѣчаетъ, что „логика *признаваемыхъ* фактовъ сильно не вяжется съ утвержденіями г. Мартенса“ и что „изложеніе его діаметрально расходится съ его теоріей метода исторіи международнаго права, какъ введеніи въ систему его“; во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ, важно не количество, а качество рецензій. А мы видѣли, что сужденія рецензента „Literarisches Centralblatt“ построены на строго научномъ основаніи, отмѣченныя же имъ ошибки суть дѣйствительно ошибки, независимо отъ того, исправилъ ихъ г. Мартенсъ въ новомъ французскомъ изданіи своего международнаго права или нѣтъ. Г. Мартенсъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что онѣ не могутъ „подорвать его научный авторитетъ“, но едва ли онѣ будутъ содѣйствовать и утвержденію послѣдняго.

Окончивъ возраженіе по существу письма г. Мартенса, я не могу не выразить удивленія, что въ статьѣ моей всего болѣе задѣло его за живое критическое отношеніе къ его труду рецензента нѣмецкой учено-литературной газеты, но что онъ не счелъ нужнымъ возразить ни единымъ словомъ противъ основнаго положенія моей статьи, а именно: что отвлеченныя теоріи, коихъ онъ служитъ представителемъ, вредно отражаются на государственной жизни нашего отечества.

IV.

Документальная справка по вопросу объ австро-венгерскомъ занятіи Босніи и Герцеговины.

Письмо къ М. Н. Каткову.

(„Московскія Вѣдомости“ 29 апрѣля 1887 г.).

Вѣна, 18 (30) апрѣля 1887 г.

Сильное возбужденіе вызвали въ здѣшнихъ дипломатическихъ кругахъ неожиданныя разглашенія „*Стееро-Германской Всеобщей Газеты*“ о тайныхъ переговорахъ, происходившихъ между Россіей и Австро-Венгріей наканунѣ послѣдней войны.

Полемизируя съ русскими газетами, органъ нѣмецкаго канцлера, въ доказательство того, что-де не Германія, а сама Россія толкнула Австрію на Востоку, сперва намекнулъ на уговоръ, состоявшійся между Петербургомъ и Вѣной по вопросу о занятіи австрійцами Босніи и Герцеговины, а потомъ и указалъ на время его заключенія, условія и участниковъ, грозя дальнѣйшими разоблаченіями въ томъ случаѣ, если русская печать не поспѣшитъ признать въ Германіи безкорыстнаго и преданнаго друга, вѣрнѣйшую союзницу Россіи, и принести ей давь признательности за оказанныя намъ на Берлинскомъ конгрессѣ благодѣянія.

Что въ 1877 году должно было произойти соглашеніе между Россіей и Австріей, объ этомъ давно догадывались въ Европѣ, такъ какъ нельзя было допустить, чтобы правительство наше

повторило ошибку 1854 года и рѣшилось двинуть за Дунай совокупность нашихъ военныхъ силъ, не заручившись по меньшей мѣрѣ нейтралитетомъ державы, которая, благодаря географическому положенію своему, въ состояніи была бы простою демонстраціей въ тылу русской арміи задержать ея наступательное движеніе. Но въ чемъ именно заключалось означенное соглашеніе, этого не знали и знать не могли, потому что переговоры о немъ велись въ строжайшей тайнѣ, и какъ въ Россіи, такъ и въ Австріи были извѣстны лишь весьма ограниченному числу лицъ. Въ тайну уговора обѣими договаривающимися сторонами былъ, однако, тогда же посвященъ третій членъ союза — берлинскій дворъ, разумѣется подъ условіемъ соблюденія этой тайны. Съ тѣхъ поръ ни русское, ни австро-венгерское правительства не сочли умѣстнымъ огласить свою сдѣлку, что не удержало нынѣ германскаго канцлера отъ обнародованія довѣренной ему тайны.

Статьи оффиціознаго берлинскаго листка являются не только нарушеніемъ элементарныхъ политическихъ приличій, но и тѣмъ, что французы называютъ *abus de confiance*, въ строжайшемъ смыслѣ этого выразительнаго слова. Что же сказать о нихъ, какимъ названіемъ заклеить, если взять во вниманіе, что онѣ извращаютъ смыслъ передаваемыхъ событій и все дѣло представляютъ въ ложномъ свѣтѣ, то есть именно въ такомъ, какой требуется для достиженія цѣли берлинской политики? Цѣль эта, какъ вы вѣрно и справедливо замѣтили¹⁾, заключается въ томъ, чтобы всю вину свалить съ больной головы если не на совсѣмъ здоровую, то въ данномъ случаѣ все же неповинную голову русской дипломатіи.

„Рѣчь идетъ“, — утверждаетъ „*Северо-Германская Всеобщая Газета*“ — „о русско-австрійскомъ уговорѣ безъ соучастія и вѣдома Германіи, условленномъ уже въ 1876 году и въ январѣ 1877 года утвержденномъ въ формѣ трактата. Уже въ то время — и слѣдовательно задолго до Турецкой войны — приведенная впоследствии въ исполненіе относящаяся до Босніи и Герцеговины сдѣлка состоялась непосредственно между Австріей и Россіей и, какъ уже сказано, безъ соучастія и вѣдома Герма-

¹⁾ См. передовую статью № 101 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1887 года.

ніи. Переговоры, окончившіеся заключеннымъ тогдашнимъ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ трактатомъ, велись подъ руководствомъ и отвѣтственностію князя Горчакова и при прямомъ участіи извѣстныхъ русскихъ государственныхъ людей, которые сиятся нынѣ возмутить согласіе обѣихъ странъ тѣмъ, что ищутъ навязать, въ глазахъ русскаго общественнаго мнѣнія, вовсе тому непричастной нѣмецкой политикѣ отвѣтственность за событія, вызванныя ими самими“. И далѣе: „Берлинскому кабинету по собственному побужденію никогда не пришло бы на мысль заняться созваніемъ конгресса, Восточнаго вопроса ради, и вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ находятся Боснія и Герцеговина всегда былъ лишень интереса для нѣмецкой политики“¹⁾).

Внимательно вчитываясь въ эти строки, не знаешь, чему болѣе удивляться: мѣдному ли лбу ихъ автора, или расчету его на наивное легковѣріе того, что принято называть общественнымъ мнѣніемъ Европы. Въ статьяхъ берлинскаго оффиціоза, равно какъ и въ коментаріяхъ къ нимъ его кѣльнскаго собрата, что ни слово, то ложь, что ни выводъ, то дерзкій обманъ, злонамѣренное искаженіе истины.

Кому же, какъ не Бисмарку принадлежитъ первая мысль о распространеніи сферы австрійской мощи на Востока? Не онъ ли, задолго до насильственнаго вытѣсненія Австріи изъ Германіи, совѣтовалъ первой перенести центръ тяжести монархіи Габсбурговъ изъ Вѣны въ Буду²⁾? Не онъ ли, тотчасъ послѣ разгрома 1866 года, уполномочилъ баварскаго дипломата графа Тауфкирхена предложить вѣнскому двору содѣйствіе свое къ пріобрѣтенію „компенсацій“ въ балканскихъ земляхъ за тѣсное сближеніе съ Германіей и возобновленіе съ нею прежнихъ союзническихъ отношеній³⁾? Не онъ ли, наконецъ, повторилъ эти же самыя предложенія послѣ паденія имперіи Бонапартовъ во Франціи, съ которою, руководимая рукой Бейста, Австро-Венгрія едва не связала судьбы своихъ⁴⁾? Любопытно все, что, обѣщая Австріи отстаивать противъ Россіи политику ея на Востока, онъ въ то же время обнадеживалъ ее приступленіемъ самой Россіи къ союзу обѣихъ имперій.

¹⁾ „Сѣверо-Германская Всеобщая Газета“ отъ 15 (27) апрѣля 1887 года.

²⁾ Графъ Рехбергъ графу Кароли, 16 (28) февраля 1863 г.

³⁾ Баронъ Бейстъ графу Вимпфену, 7 (19) апрѣля 1867 г.

⁴⁾ Графъ Бейстъ императору Францу-Иосифу, августъ 1871 г.

И преступленіе это—я едва не сказалъ преступленіе—взаправду совершилось въ Берлинѣ, въ сентябрѣ 1872 года. Цѣлью тройственнаго соглашенія провозглашено было исключительно поддержаніе въ Европѣ мира и монархическаго порядка. Но смѣю увѣрить „*Стегер-Германскую Всеобщую Газету*“, что ни тогда, ни въ послѣдующіе три, даже четыре года, ни изъ Берлина, ни изъ Вѣны намъ и не намекали на какія либо австрійскія вождедѣнія на Востока.

При всемъ своемъ умственномъ превосходствѣ надъ большинствомъ современныхъ государственныхъ людей, князь Бисмаркъ не создаетъ событій, онъ только умѣетъ ловко пользоваться ими въ примѣненіи къ своекорыстнымъ своимъ цѣлямъ. Такъ, вспыхнувшее въ концѣ 1875 года герцеговинское возстаніе послужило ему средствомъ для осуществленія программы, положенной въ основаніе частнаго союза Германіи съ Австріей. Удивлялись неуспѣху всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ сообща тремя императорскими дворами для умиротворенія возставшихъ балканскихъ областей. Но какъ же могло быть иначе, если изъ трехъ союзниковъ только одинъ искренно желалъ этого умиротворенія, прочіе же два преслѣдовали совершенно иныя цѣли? Для нихъ возстаніе Босніи и Герцеговины должно было привести къ переходу ихъ подъ власть австрійцевъ. Но что мѣра эта не была рѣшена на свиданіи въ Рейхштадтѣ, явствуетъ изъ того, что полгода спустя Константинопольская конференція опредѣлила, сливъ обѣ области въ одну, предоставить ей право внутренняго самоуправленія подъ верховною властью Порты. Подъ такимъ постановленіемъ конференціи, подписаннымъ уполномоченными всѣхъ великихъ державъ, приложили свои подписи и два австро-венгерскіе представителя¹⁾.

Когда неудачный исходъ цареградскихъ совѣщаній выдвинулъ на очередь вопросъ о войнѣ Россіи съ Турціей, въ предвидѣніи этой случайности дѣйствительно возникли между дворами петербургскимъ и вѣнскимъ оживленные, но строго довѣрительные переговоры. Призванный по служебному моему положенію принимать въ нихъ дѣятельное, хотя и подчинен-

¹⁾ Приложение Д къ протоколу 1 засѣданія Константинопольской конференціи въ 11 (28) декабря 1876 г.

ное участіе, я и теперь, послѣ разоблаченій „*Съверо-Германской Всеобщей Газеты*“, не считаю себя въ правѣ приподнимать покровъ, столько лѣтъ скрывавшій ихъ отъ непосвященныхъ взоровъ. Но я не нарушу ни долга присяги, ни профессиональной дипломатической скромности, если засвидѣтельствую, что состоявшееся въ началѣ 1877 года соглашеніе между Петербургомъ и Вѣной во многомъ и весьма существенномъ разнится отъ условій, перечисленныхъ въ статьяхъ „*Съверо-Германской Всеобщей Газеты*“. Еслибъ соглашенію этому было суждено достигнуть полнаго осуществленія, то можно смѣло ручаться, что Балканскій полуостровъ не представлялъ бы нынѣ печальнаго зрѣлища кровавыхъ смуть, раздора и подчиненія чужеземнымъ и иновѣрнымъ владѣніямъ, а значеніе Россіи посреди его населеній навѣки утвердилось бы на основаніяхъ широкихъ и незыблемыхъ.

Какъ бы то ни было, но это *состоявшееся безъ соучастія и андома Германіи* австро-русское соглашеніе, быть можетъ, именно потому и не было никогда приведено въ исполненіе. Вскорѣ послѣ свиданія князя Бисмарка съ графомъ Андраши, происходившаго въ Зальцбургѣ въ сентябрѣ 1877 года, тотчасъ послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевной, вѣнскій дворъ началъ обнаруживать стремленіе освободиться отъ принятыхъ на себя предъ нами обязательствъ, а по подписаніи предварительныхъ условій нашего мира съ Турціей и вовсе отрекся отъ нихъ. Въ промежутокъ времени между Санъ-Стефанскимъ договоромъ и собраніемъ конгресса въ Берлинѣ возобновились переговоры Петербурга съ Вѣной, но привели они лишь къ отрицательному результату. Увѣжая на конгрессѣ, графъ Андраши ограничился тѣмъ, что выразилъ нашему послу сожалѣніе, что между нимъ и нами не успѣло состояться „предварительное соглашеніе“¹⁾.

Какая же была роль Германіи между двумя не поладившими союзниками, примиреніе противоположныхъ интересовъ которыхъ составляетъ, по увѣренію нѣмецкаго канцлера, главную задачу ея политики? Князь Бисмаркъ дальцемъ не шевельнулъ для улаженія австро-русскихъ несогласій. На просьбы

¹⁾ Новиковъ князю Горчакову 29 мая (10 іюня) 1878 г.

наши повліять въ примирительномъ смыслѣ на вѣнсвій дворъ, онъ насмѣшливо отвѣчалъ послу нашему въ Берлинѣ: „Отчего бы вамъ и не дать зарваться Австріи, если уже ей этого такъ хочется, въ западной части Балканскаго полуострова?“ ¹⁾ Извѣстенъ дальнѣйшій способъ исполненія имъ на конгрессѣ обязанностей „честнаго маклера“. Чтобъ ясно увидать, въ чью пользу обратилось его посредничество, достаточно и гласныхъ постановленій Берлинскаго трактата, не говоря уже о тайныхъ протоколахъ, служащихъ ему дополненіемъ.

Такъ ли поступила Россія относительно Пруссіи въ 1864 году, въ 1866, въ 1870—71 гг.?

Все это, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно и „*Съверо-Германской Всеобщей Газетъ*“, и въ особенности ея вдохновителямъ, а потому, распространяя завѣдомо ложныя свѣдѣнія о важномъ эпизодѣ современной политической исторіи, они, очевидно, рассчитываютъ лишь на испытанное долготерпѣніе русской дипломатіи, да на непреодолимое отвращеніе ея къ гласности, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ опроверженіи взведенной на нее клеветы. Но вѣдь всякому терпѣнію есть предѣлы, и вызовъ, дерзко брошенный въ лицо нашему дипломатическому вѣдомству тѣми, кого оно такъ долго и упорно считало лучшими своими друзьями, можетъ, наконецъ, побудить его, въ свою очередь, обнародовать имѣющійся въ его распоряженіи обильный историческій матеріаль, несомнѣнно обличающій лживость и недобросовѣстность берлинскихъ инсинуацій.

Въ доказательство того, какъ много выиграла бы русская дипломатія въ общественномъ мнѣніи не одной Россіи, но и всего славянскаго міра, рѣшившись на такой шагъ, приведемъ слѣдующія строки изъ депеши, подписанной, за болѣзнь государственнаго канцлера, статсъ-секретаремъ Гирсомъ, нашему послу въ Вѣнѣ, всего за шесть недѣль до открытія Берлинскаго конгресса, по поводу притязаній вѣнскаго двора на западныя балканскія земли: „Владѣніе этой территоріей обезпечило бы за Австро-Венгріей слишкомъ преобладательное военное и политическое положеніе. Она до такой степени тяготѣла бы съ одной стороны надъ Сербіей, съ другой—надъ Черногоріей, что въ сущ-

¹⁾ Убри князю Горчакову 4 (16) апрѣля 1878 г.

ности оба эти княжества были бы просто окружены со всѣхъ сторонъ ея владѣніями (deviendraient de simples enclaves). Всякое развитіе было бы возбранено имъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. А между тѣмъ будущность ихъ — это будущность всѣхъ племенъ славянскихъ. Сила обстоятельствъ можетъ заставить насъ согласиться на отсрочку ихъ полного освобожденія, но мы не считаемъ себя въ правѣ компрометировать ихъ существованіе въ будущемъ“. ¹⁾ Такое рѣшеніе Императорскаго кабинета представитель его при берлинскомъ дворѣ имѣлъ довести до свѣдѣнія и нѣмецкаго канцлера, и самого императора Вильгельма, поставивъ ихъ судьями между нами и Австріей. „Мы знаемъ“, — писалъ приэтомъ статсъ-секретарь Гирсъ тайному совѣтнику Убри, — „какую цѣну придаетъ князь Бисмаркъ охранѣ интересовъ Австріи. Но мы убѣждены, что онъ имѣетъ въ виду ея интересы законные и гласные (ses intérêts légitimes et avouables), а не заднія мысли, которыя могутъ скрываться подъ желаніемъ усилить усложненія настоящей минуты. Мы думаемъ, что сдѣлали все возможное для удовлетворенія справедливыхъ требованій вѣнскаго двора. Намъ нельзя идти далѣе, не переступивъ за предѣлы уступокъ, совмѣстимыхъ съ нашимъ достоинствомъ и съ требованіями нашего собственнаго положенія“ ²⁾.

Жаль, что у нашей дипломатіи не оказалось достаточно настойчивости и выдержки, чтобы примѣнить эти слова на дѣлѣ. На Берлинскомъ конгрессѣ она отступилась отъ нихъ и, отуманенная обѣщаніемъ Бисмарка явиться безпристрастнымъ посредникомъ между Россіей и Австріей, интересы коихъ одинаково-де дороги ему, безпрекословно подчинилась третейскому рѣшенію „честнаго маглера“.

Могъ ли бы, однако, руководитель нѣмецкой политики, еслибы даже и хотѣлъ, проявить въ этомъ дѣлѣ полное безпристрастіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ извѣстной книгѣ д-ра Буша «*Unser Reichskanzler*», не безъ основанія считающейся откровеніемъ политическихъ ученій князя Бисмарка. Вотъ что читаемъ на стр. 447-й ч. I этого сочиненія:

„Всякій разумный и безпристрастный человѣкъ, размышляющій о сущности вещей въ средѣ сорокадвухмилліоннаго на-

¹⁾ Гирсъ Новикову 20 апрѣля (2 мая) 1878 г.

²⁾ Гирсъ къ Убри 21 апрѣля (3 мая) 1878 г.

селенія Германіи, предпочелъ бы для насъ оставаться на хорошей ногѣ одновременно съ Россіей и Австріей. Но если, какъ нынѣ, мы вынуждены выбирать между обоими сосѣдями, то неослѣпленнымъ взорамъ недолго придется колебаться въ рѣшеніи. Отнюдь не одни національные мотивы совершенно опредѣленно указываютъ намъ на Австро-Венгрію. Среди тамошняго населенія насчитывается десять милліоновъ нѣмцевъ; мадьяры по вѣскимъ причинамъ всѣ стоятъ на нашей сторонѣ, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ; поляки въ Галиціи и не помышляютъ о томъ, чтобы стать русскими; даже чехамъ не мерещится ничего подобнаго, за исключеніемъ дюжины „непримиримыхъ“, много шумящихъ, но лишенныхъ всякаго значенія. И даже еслибъ Австрія была вполне славянскою державой, то и тогда слѣдовало бы отдать ей предпочтеніе при выборѣ. *Россія сама по себѣ достаточно сильна, и мы въ качествѣ союзниковъ можемъ принести ей мало пользы.*¹⁾ Австрія же сильно заинтересована въ нашей дружбѣ. И наоборотъ: она можетъ служить намъ опорой въ политикѣ, первую и высшую цѣль которой составляетъ обезпеченіе мира вселенной²⁾. Если Австро-Венгрія и Германская имперія соединятся во имя этой цѣли и въ глазахъ тѣхъ, кто замышляетъ нарушеніе мира, станутъ спина къ спинѣ, какъ необъятное карре посреди европейскаго материка, то едва ли возмогутъ нигилистическіе политики высшаго стилиа въ Московіи предпринять осуществленіе своихъ плановъ“.

Мнѣніе это хотя и сложилось въ головѣ нѣмецкаго канцлера, но принадлежитъ далеко не ему одному. „Оно“, — увѣряетъ д-ръ Бушъ, — „раздѣляется неизмѣримымъ большинствомъ въ мыслящей части нѣмецкаго народа. Только немногіе изъ владѣющихъ здравымъ разсудкомъ германскихъ государей разсуждаютъ иначе. Также и между высшими чинами прусскаго двора мнѣніе это насчитываетъ, какъ слышно, много рѣшительныхъ сторонниковъ.“

Все это было ясно какъ день и недолго оставалось тайной даже для благодушной русской дипломатіи. Князь Горчаковъ

¹⁾ Драгоценное признаніе, которое не мѣшало бы наизусть затвердить русскимъ дипломатамъ.

²⁾ Читай: утвержденіе преобладанія Германіи въ Европѣ.

возвратился изъ Берлина глубоко разочарованный въ прусской искренности и дружбѣ, и потерялъ въ нихъ всякую вѣру, когда между дворами берлинскимъ и вѣнскимъ стала проявляться полная солидарность въ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ на Востокѣ. Это сначала какъ будто удивляло его, что видно изъ слѣдующаго мѣста одной изъ его депешъ къ нашему послу въ Берлинѣ: „Нѣмецкіе агенты, правда, воздерживаются отъ враждебной намъ инициативы, предоставляя ее своимъ австро-англійскимъ товарищамъ, и ограничиваются тѣмъ, что слѣдуютъ за ними издали, но кончаютъ тѣмъ, что идутъ по ихъ слѣдамъ. Не таково содѣйствіе, на которое мы имѣли право рассчитывать и которое, по нашему мнѣнію, германское правительство могло бы и должно было бы намъ оказывать въ интересѣ самаго дѣла, совершеннаго подѣ его руководствомъ“. ¹⁾ Но черезъ три недѣли въ письмахъ канцлера къ тому же дипломату звучитъ уже меланхолическая нота. „Вы замѣтите“, — жалуется онъ, — „все болѣе и болѣе обнаруживающееся стремленіе всѣхъ нѣмецкихъ агентовъ къ сближенію съ ихъ австро-венгерскими товарищами, къ дѣйствію заодно съ ними во всѣхъ восточныхъ дѣлахъ. Это даже не то, чего можно было ожидать отъ „честнаго маклера“, тѣмъ болѣе на что мы были въ правѣ надѣяться отъ нашихъ старинныхъ отношеній съ Пруссіей“ ²⁾. Выводъ отсюда былъ простъ, и князь Горчаковъ не поколебался выразить его на письмѣ точно и опредѣленно. Онъ писалъ послу нашему въ Вѣнѣ: *„Мнѣ нечего вамъ и говорить, что въ нашихъ глазахъ соглашеніе трехъ императоровъ расторгнуто фактически поведеніемъ нашихъ двухъ союзниковъ въ отношеніи къ намъ. Въ настоящее время, наше главное дѣло — закончить ликвидацію прошлаго и впредь искать опоры лишь въ самихъ себѣ“*. ³⁾

Такъ кончился тройственный союзъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ восстановленъ на Берлинскомъ съѣздѣ 1872 года. Последняя Русско-Турецкая война обличила всю его нестойкость, доказала призрачность началъ, положенныхъ въ его основаніе, такъ же точно какъ война Севастопольская разсѣяла его первообразъ: пресловутый Священный Союзъ. Но странное дѣло!

¹⁾ Князь Горчаковъ къ Убри 6 (18) февраля 1879 г.

²⁾ Князь Горчаковъ къ Убри 26 февраля (10 марта) 1879 г.

³⁾ Князь Горчаковъ Новикову 2 (14) февраля 1879 г.

Между тѣмъ, какъ въ первый разъ потребовалось шестнадцать лѣтъ, чтобъ изгладить изъ памяти нашей дипломатіи тягостныя впечатлѣнія измѣны тѣхъ, кого она считала преданнѣйшими нашими друзьями и вѣрнѣйшими союзниками, такія же впечатлѣнія улетучились вторично *въ несравненно кратчайшій срокъ*: и году не прошло со времени приведеннаго нами заявленія князя Горчакова, какъ тройственный союзъ, подобно фениксу, уже возникъ изъ собственнаго пепла.

Нужно ли спрашивать, какіе были его плоды за послѣдній восьмилѣтній періодъ его существованія? Чтобъ оцѣнить ихъ по достоинству, достаточно указать на Балканскій полуостровъ и на вытѣсненіе нашего вліянія изъ Румыніи, Сербіи, Болгаріи. Мы не говоримъ уже о Западной Европѣ, гдѣ враги нашихъ союзниковъ едва не стали и нашими врагами и гдѣ Россія обрѣла друзей лишь съ той минуты, когда, руководимая Державною Волей, она высвободилась изъ-подъ опутывавшихъ ее сѣтей и снова стала сама собою. Дай Богъ, чтобъ она сумѣла сохранить свою самостоятельность, отстоять ее отъ посягательствъ лести или угрозы, и чтобы зловѣщій призракъ, столь долго омрачавшій ея политическій небосклонъ, исчезъ съ него навсегда.

Опасность еще не миновала. Статьи „*Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*“, послужившія исходною точкой нашихъ разъясненій, доказываютъ, что сосѣди наши не скоро примирятся съ положеніемъ, созданнымъ Россіи ея уклоненіемъ отъ стѣснительныхъ связей. Быть можетъ намъ снова стануть указывать на возобновеніе расторгнутаго союза какъ на *единственное* средство обезпечить миръ Европы. Но тогда, наученные опытомъ, мы въ правѣ будемъ назойливымъ искателямъ дружбы и единенія съ нами отвѣтить словами величайшаго изъ ораторовъ древняго Рима: *Pacem polo, quia infida!*

V.

О „раздражительности“ М. Н. Каткова.

(„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 28 августа 1887 г.).

Изъ всѣхъ газетъ, издающихся на французскомъ языкѣ, одинъ „Journal de St.-Petersbourg“ счель умѣстнымъ, въ отзывѣ о покойномъ М. Н. Катковѣ, приписать его предсмертной болѣзни и сопряженнымъ съ нею физическимъ страданіямъ ту, будто бы, „крайнюю раздражительность“, которая, по увѣреніямъ дипломатическаго органа, „связывалась въ писанныхъ изо дня въ день литературныхъ произведеніяхъ великаго писателя“.

Ядовитый намекъ этотъ, хотя и прикрытый лицемѣрнымъ соболѣзнованіемъ, не можетъ быть оставленъ безъ возраженія.

Да будетъ же вѣдомо г. Горну, что тотъ, чью преждевременную и страдальческую кончину единодушно оплакиваетъ Россія съ Царемъ своимъ во главѣ, терзался болями отечества несравненно сильнѣе, чѣмъ собственнымъ тяжкимъ недугомъ. Это хорошо извѣстно всѣмъ русскимъ людямъ, съ любовью слѣдившимъ за плодотворною общественною дѣятельностью покойнаго, хотя, быть можетъ, и не понятно иностранному публицисту, для котораго издательское дѣло въ Россіи представляется лишь выгодною спекуляціею.

Что же касается до упрека въ раздражительности, то отвѣтимъ на него примѣненіемъ къ М. Н. Каткову слѣдующихъ словъ изъ письма Великой Екатерины къ князю Потемкину-Таврическому, отъ 14 (25) мая 1790 года:

„Я писала безъ гнѣва“, — заявляла императрица. — „Одно мое опасеніе, что обиды, сдѣланныя Россійской имперіи, иногда не принимались съ тѣмъ чувствомъ, которое рвеніе къ достоинству ея въ моей душѣ впечатлѣно. Вся жизнь моя была посвящена поддержанію славы Россіи, а потому и неудивительно, что и обиды, и оскорбленія, ей наносимыя, для меня невыносимы. Я не могу терпѣть ихъ въ молчаніи и скрывать, какъ это мы дѣлали донныѣ, ради требованій минутной осторожности“.

Эти слова мудрой государыни никогда не слѣдовало бы забывать газетѣ, имѣющей притязаніе служить выразительницею взглядовъ и сужденій русскаго дипломатическаго вѣдомства.

Тейфенбахъ, въ Штуттгартѣ,
6 (18) августа 1887 г.

VI.

Франко-русскій союзъ.

Отвѣтъ „бывшему дипломату“.

Переводъ съ французскаго.

(Nouvelle Revue 1 октября н. ст. 1887 г.).

Въ донесеніи императору Францу-Иосифу графа Бейста объ аудіенціи, данной ему императоромъ Вильгельмомъ I въ Гастинѣ осенью 1871 года, мы находимъ изложеніе замѣчательной подробности, заслуживающей быть удержанною въ памяти.

„Императоръ“ — пишетъ бывший австро-венгерскій канцлеръ — „въ длинной рѣчи распространился о развитіи отношеній Австріи къ Пруссіи, начиная съ Семилѣтней войны и кончая войною франко-нѣмецкою 1870 года. Считаю долгомъ отмѣтить въ ней лишь нѣсколько положеній, въ виду того, что прусская точка зрѣнія на этотъ предметъ — та самая, что встрѣчается также въ сочиненіяхъ Зибеля и Ранке, и которую слишкомъ часто излагали предо мной прусскіе дипломаты новѣйшей школы“¹⁾.

Опредѣливъ такимъ образомъ тѣсную связь, существующую въ Пруссіи между поученіями историковъ и дѣйствіями и рѣчами государственныхъ людей, графъ Бейстъ воздалъ поспѣднымъ дань невольнаго уваженія. Просвѣщаясь свѣтомъ исторіи, размышляя надъ ея уроками, извлекая пользу изъ на-

¹⁾ Графъ Бейстъ императору Францу-Иосифу. См. въ его Запискахъ II, стр. 491.

копившагося опыта предшедших поколѣній, разумная политика предохраняетъ себя отъ колебаній, отъ промаховъ, отъ заблужденій всякаго рода, а также отъ разочарованій, являющихся ихъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. Сознавъ совершенныя ошибки, она уже не повторитъ ихъ и не задумается покинуть систему, осужденную событіями. Таковы приемы новѣйшей дипломатіи, справедливо считающей исторію главнымъ основаніемъ своихъ дѣйствій.

Но въ Европѣ существуетъ еще другая дипломатія, „старая“, недостатки и несостоятельность которой безпощадно обличаетъ исторія, чего та ей и не прощаетъ. Вотъ эта самая дипломатія предпочитаетъ упорствовать въ традиціонныхъ своихъ заблужденіяхъ и скорѣе погибнетъ безъ покаянія, чѣмъ признается въ неправотѣ или станетъ искать загладить нанесенный ею вредъ.

Размышленіи эти навѣяны на меня чтеніемъ письма, помѣщеннаго „бывшимъ дипломатомъ“ въ газетѣ *le Nord* съ цѣлью „протестовать противъ нѣкоторыхъ положеній“ моего историческаго изслѣдованія объ императорѣ Павлѣ и Первомъ Консулѣ Бонапартѣ, появившагося въ *Nouvelle Revue*.

Какія же это заподозрѣнныя авторомъ положенія? Онъ намъ ихъ не указываетъ; за то, „воздавъ справедливость“ тому, что ему угодно назвать моими „дарованіемъ“ и „патріотическими намѣреніями“, онъ не колеблясь обзываетъ меня „писателемъ страстнымъ“. Принимая въ соображеніе, что упрекъ этотъ самый мягкій изъ всѣхъ, съ которыми онъ обращается ко мнѣ, я согласенъ принять его на себя, но не иваче какъ строго опредѣливъ его смыслъ и предѣлы. Да, я пламенно, даже *страстно* люблю два предмета: отечество и истину, и убѣжденъ, что не могу сослужить лучшую службу первому какъ отыскивая вторую въ нашей національной исторіи.

Между тѣмъ, мой критикъ какъ разъ обвиняетъ меня въ томъ, что я-де обращаюсь съ исторіей, какъ адвокатъ на судѣ, дѣлая изъ нея произвольные выводы и ни мало не заботясь объ истинѣ. „Не такъ“,—сентенціозно заключаетъ онъ,—„поступаетъ безпристрастный историкъ“.

Читатели *Nouvelle Revue* знаютъ, съ какимъ тщаніемъ я озаботился въ моемъ трудѣ всякое утвержденіе подкрѣпляя

ссылкою на подлинныя документы, которые я люблю приводить дословно. Они быть можетъ нашли даже, что я слишкомъ злоупотребляю этимъ приѣмомъ, но я не могу не порадоваться тому, что именно имъ я обезпечилъ себя отъ нападоу моихъ противниковъ. Не знаю, отдастъ ли себѣ „бывшій дипломатъ“ ясный отчетъ въ сущности взводимого имъ на меня обвиненія, когда онъ упрекаетъ меня въ забвеніи того, что составляетъ священный долгъ историка. Но чѣмъ важнѣе обвиненіе, тѣмъ болѣе оно должно быть доказано. А мнѣ сдается, что бывшій дипломатъ даже не далъ себѣ предварительнаго труда ознакомиться съ многочисленными подстрочными примѣчаніями, встрѣчающимися на каждой страницѣ моего изслѣдованія и заключающими точныя указанія, съ обозначеніемъ времени оправдательныхъ документовъ, на которыхъ основано мое изложеніе. Оспаривать меня и уличить онъ могъ только противуполагая моимъ свои доказательства, моимъ документамъ—другіе, устанавливающіе противное тому, что утверждаю я. Онъ этого не сдѣлалъ, потому что не могъ сдѣлать. Истина—одна, въ исторіи какъ и во всемъ прочемъ. Но въ такомъ случаѣ, какого названія заслуживаютъ его голословныя утвержденія, посредствомъ которыхъ онъ ищетъ подорвать вѣру въ мой трудъ, возбудить подозрѣніе къ единственному качеству, принадлежащему мнѣ какъ историкъ: полной моею добросовѣстности?

Не пытаюсь даже опровергнуть приписываемыя имъ мнѣ погрѣшности, противникъ мой вслѣдъ за мною дѣлаетъ историческій обзоръ взаимныхъ политическихъ отношеній Россіи и Франціи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Я не послѣдую за нимъ въ этомъ общемъ взглядѣ на дѣлыя два столѣтія, хотя и не могу ему не напомнить, что герцогу Ришельё не могъ быть—какъ то утверждаетъ онъ—министромъ Карла X, уже по одной достаточной причинѣ, что самъ умеръ за два года до воцаренія помнутаго государя. По крайнему моему разумѣнію, „бывшій дипломатъ“ поступилъ бы осмотрительно воздержавшись отъ похвалы императрицѣ Екаторинѣ II за единственную крупную ошибку славнаго ея царствованія: преданіе Польши, этой искони славянской страны, въ жертву вождѣльнѣямъ нѣмецкихъ сосѣдей. Какъ бы ни оправдывали этотъ поступокъ политическія потребности того времени, народныя наши историки

единодушно порицають его и высказывая противуположное мнѣніе сотрудникъ газеты *le Nord* доказываетъ, что не у нихъ учился онъ исторіи. Его можно даже заподозрить, что мнѣнія свои объ этихъ важныхъ вопросахъ отечественнаго прошлаго онъ почерпаетъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ.

Я не вполне понимаю соображеній, руководившихъ имъ въ пространномъ этомъ разсужденіи, въ особенности взявъ во вниманіе, что приходитъ онъ какъ разъ къ тому самому выводу, котораго служилъ мнѣ исходною точкою. Онъ соглашается со мною въ томъ, во-первыхъ, что разумъ и интересъ постоянно побуждали какъ Францію такъ и Россію къ тѣснѣйшему сближенію и во-вторыхъ, что, не смотря на это, между обѣими странами не только не состоялся союзъ, но онъ почти всегда находились въ антагонизмѣ другъ къ другу, а часто даже просто въ состояніи войны.

Тутъ-то и начинается разногласіе между мною и моимъ критикомъ. Изъ приведенныхъ мною многочисленныхъ причинъ, объясняющихъ это странное и сожалѣнія достойное недоразумѣніе, бывшій дипломатъ останавливается лишь на одной, а именно, на отчужденіи отъ народныхъ началъ русской дипломатіи XIX вѣка. Причину эту онъ обзываетъ пустою. „Нужно“, говоритъ онъ, „имѣть много смѣлости и беззащѣтливости, дабы бросить такимъ образомъ неблаговидную тѣнь на нѣсколько поколѣній достойныхъ государственныхъ людей, игравшихъ видную роль въ нашей исторіи и даже на государей, коимъ они служили“.

То, что „бывшій дипломатъ“ старается выдать за актъ дерзости или не деликатности съ моей стороны, есть ничто иное—позволю я себѣ ему замѣтить—какъ пользованіе правомъ историка и исполненіе его обязанности. Въ изслѣдованіяхъ моихъ я попалъ на историческое явленіе огромной важности. Я отнесся къ нему критически и старался въ точности опредѣлить истекающія изъ него послѣдствія, основываясь, по обыкновенію, на документахъ несомнѣнной подлинности. Впрочемъ рѣчь тутъ вовсе не идетъ, какъ намекаетъ сотрудникъ газеты *le Nord*, о нѣсколькихъ государственныхъ людяхъ иностраннаго происхожденія, состоявшихъ на службѣ русскихъ царей, а объ отчужденіи въ руки наемныхъ пришлецовъ одной изъ важнѣйшихъ

правительственныхъ отраслей, не только въ ущербъ природеннымъ русскимъ, но съ полнымъ ихъ устраненіемъ. Развѣ это не безпримѣрное явленіе въ исторіи всѣхъ вѣковъ и народовъ — дипломатія внѣземельная внутри государства, чуждая странѣ, которую она призвана представлять и оберегать, не исповѣдующая ея вѣры, не разумѣющая даже языка ея, полная презрѣнія къ основнымъ началамъ ея національнаго существованія?

„Но“ — продолжаетъ бывший дипломатъ — „г. Татищевъ забываетъ, что тогда, какъ и теперь, люди эти были лишь исполнителями Высочайшей воли. Возможно ли допустить, чтобы три государя, послѣдовательно занимавшіе русскій престолъ, дали своимъ довѣріемъ лицъ неспособныхъ или измѣнниковъ?“

Слова эти очень жестки и я не помню, чтобы я примѣнялъ ихъ когда либо къ графу Нессельроде и дипломатамъ его школы. Все, что я говорилъ про нихъ — и отрицать это довольно трудно — что они не были русскими ни плотью, ни духомъ, а если такъ, то ясно, что они были всего менѣ пригодны для руководства внѣшнею политикою Россіи. Что же касается до ихъ подчиненія царской волѣ, то странно мнѣ, что бывший дипломатъ рѣшается говорить о томъ послѣ разительнаго примѣра послушанія, приведеннаго мною во второй главѣ моего изслѣдованія: *Императоръ Павелъ и Первый Консулъ Бонапартъ*. И примѣръ этотъ — не единственный. Ктому же, независимо отъ прямого неповиновенія развѣ не существуетъ множество способовъ перечить видамъ владыки, коль скоро они не согласуются съ предпочтеніями слугъ-исполнителей? Разработкѣ этой печальной темы я посвятилъ цѣлый отдѣльный этюдъ: *Русская дипломатія, старая и новая*¹⁾. Отсылаю къ нему „бывшаго дипломата“, если только самъ онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, кто не знакомъ съ языкомъ страны, ихъ питающей.

Но, возражаютъ намъ, если дѣйствительно таково положеніе дѣлъ въ Россіи, то не на монарха ли должна падать отвѣтственность за него? Увы! Съ начала вѣка четыре государя прошли чрезъ одно и то же испытаніе: каждый изъ нихъ могъ въ концѣ царствованія оцѣнить по достоинству заслуги „своихъ почтенныхъ дипломатическихъ совѣтниковъ или пред-

¹⁾ См. первую статью настоящей книги, стр. 5—71.

ставителей“ и убѣдиться, что если они и не измѣняли, то все же сослужили сомнительную службу. Павелъ первый извѣрился въ союзъ Пруссіи, Австріи и Англій, столь миломъ сердцу его министровъ, и сталъ искать союза съ Франціей. За три мѣсяца до кончины, Александръ I пришелъ къ тому же сознанию и, рискуя стать въ противорѣчіе съ дѣломъ всей своей жизни, повелѣлъ объявить своимъ союзникамъ что впредь онъ будетъ сообразоваться въ политикѣ исключительно съ пользами Россіи, отложивъ всякое попеченіе о „нравственномъ порядкѣ“ Европы. Кто повѣдаетъ намъ горькія и мучительныя размышленія Николая I—во время Крымской войны, Александра II—въ годину Берлинскаго конгресса, и приговоръ, изреченный ими слугамъ, совѣты которыхъ привели къ безвыходному положенію, ставшему Кавдинскими Фуркулами государственной чести Россіи? И все же исторія отвергнетъ оправдательные протесты псевдорусскихъ дипломатовъ, всегда готовыхъ укрыться за щитъ государя и навязать ему отвѣтственность за собственные промахи. Она признаетъ, вопреки имъ, что царскій престолъ всегда былъ и остается палладіумомъ народныхъ стремленій и что одного слова Самодержца достаточно, дабы расторгнуть козни, замышленные измѣной однихъ при соучастіи недомыслія другихъ.

Возвратимся, однако, къ возраженіямъ бывшаго „дипломата“.

Устранивъ мои доводы, онъ пытается иными причинами объяснить существующій уже болѣе двухъ столѣтій франко-русскій разладъ. Усматриваетъ онъ ихъ въ томъ, что изъ всѣхъ крупныхъ политическихъ партій, на которыя распадается Франція, нѣтъ будто бы ни одной, „что не являлась бы въ принципѣ враждебною Россіи“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что ученія, коихъ придерживаются различныя французскія политическія партіи, часто представляютъ въ ложномъ свѣтѣ вопросъ объ отношеніяхъ Франціи къ Россіи. Что самыя эти ученія въ совокупности своей проникнуты враждебностью къ намъ—положеніе довольно сомнительное. Совершенно же безразсуднымъ является предположеніе, будто искреннее соглашеніе двухъ великихъ державъ на почвѣ внѣшней политики зависитъ отъ большаго или меньшаго сходства ихъ вѣрованій, идей или учрежденій. Утверждать это значитъ отрицать примѣры противнаго, коими изобилуетъ исторія. Мы

ограничимся напоминаніемъ о союзѣ христіаннѣйшаго короля Франціи Франциска I съ султаномъ, повелителемъ правовѣрныхъ мусульманъ; на единеніе Ришельё, кардинала Римской Церкви и преслѣдователя французскихъ гугенотовъ, съ нѣмецкими протестантами; наконецъ на союзъ Франціи и Великобританіи съ Блистательною Портою Оттоманскою, съ 1853 по 1856 годъ. Тѣмъ, кто выставляетъ на видъ мнимую несомвѣстимость монархическаго образа правленія съ республиканскимъ, приведемъ на память, что въ эту послѣднюю эпоху, когда всѣ европейскія монархіи составляли коалицію противъ насъ, съ искренней пріязнью относилась къ самодержавной Россіи лишь одна сѣвероамериканская республика. Возможно ли послѣ того серьезно приписывать различію обоюдныхъ государственныхъ началъ успѣхъ попытокъ, совершенныхъ доселѣ съ цѣлью вызвать сближеніе между Россіей и Франціей?

„Бывшій дипломатъ“ самъ повидимому сознаетъ слабость своего довода, спѣша присовокупить, что примѣняется онъ исключительно къ прошедшему. Онъ оставляетъ открытымъ вопросъ о настоящемъ и будущемъ, приглашая меня „разрѣшить его, если у меня хватитъ на то смѣлости“. Впрочемъ, онъ тутъ же любезно предупреждаетъ меня, „что, дабы раздѣлать дѣло нѣсколькихъ вѣковъ, недостаточно однихъ громкихъ словъ и шумныхъ демонстрацій, и что мое тенденціозное историческое изложеніе—плохая услуга для Франціи, какъ и для Россіи, потому-де, что поощряетъ увлеченія, которыя могутъ привести только къ разочарованію обѣихъ сторонъ“.

Признаюсь, я не вполне понимаю, что именно хочетъ доказать „бывшій дипломатъ“? Конечно, историческій обзоръ ошибокъ прошлаго не достаточенъ для того, чтобы воспрепятствовать ихъ повторенію. Но, или я больно ошибаюсь, или это все же первый шагъ въ направленіи къ единодушному желанію русскихъ и французскихъ, приличествующему политикѣ обѣихъ странъ. Здѣсь кончается задача писателя и начинается та, что падаетъ на долю государственныхъ людей. Ихъ, въ особенности, имѣлъ я въ виду при составленіи моего труда, и я не предвижу ни малѣйшихъ неудобствъ отъ того, что обращаю ихъ вниманіе на ошибки ихъ предшественниковъ. Что же касается до поощренія увлеченій, ведущихъ къ разочарованію, то мнѣ кажется,

напротивъ, что единственное средство для предупрежденія послѣднихъ состоитъ съ установленіи твердаго основанія для грядущаго союза Россіи и Франціи, посредствомъ выясненія какъ исторической его законности, такъ и политической своевременности.

Франко-русскій союзъ—въ немъ все дѣло. Самъ „бывшій дипломатъ“ не относится къ нему враждебно. Бѣда лишь въ томъ, что у него не хватаетъ мужества, чтобы гласно исповѣдовать свое мнѣніе. Онъ ищетъ его на мирной почвѣ, усиливаясь сбегать *и козу, и капусту*. Пусть, говоритъ онъ—Россія будетъ находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ Франціею, но пусть также не ссорится изъ-за того съ Германіею. Въ подтвержденіе этого двойного пожеланія онъ приводитъ два закона политики, провозглашаемые имъ основными: первый, требующій установленія дружественнаго соглашенія Россіи съ Франціей; второй, вмѣняющій въ обязанность послѣдней избѣгать всякаго повода къ несогласію съ Берлиномъ.

Чудесная мечта, настоящая дипломатическая идиллія! Или „бывшій дипломатъ“ не знаетъ, что Пруссія взираетъ на свое соглашеніе съ Россіею только какъ на средство воздѣйствія противъ Франціи? Достаточно, чтобы Россія перестала быть ея союзницей, дабы она отнеслась къ ней какъ къ противницѣ. Если настоящее положеніе ея не доказываетъ этого довольно наглядно, то обратимся къ свидѣтельству исторіи и постараемся воспользоваться ея уроками.

Въ 1788 году истекаль срокъ союзному договору Россіи съ Пруссіей. Императрица Екатерина II отказалась возобновить его. Чего ради? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ она сама въ слѣдующемъ письмѣ къ князю Потемкину:

„Потому что прусскій союзъ—самый тяжелый, самый унизительный и самый несносный въ мірѣ. Милый другъ, я говорю по опыту. Къ несчастію, я присмотрѣлась къ яруму изблуди, и вспрыгнула отъ радости, какъ только увидала малѣйшій проблескъ возможности выдти изъ него ¹⁾“. Какія же были послѣдствія? Пруссія тотчасъ заключила союзъ съ Турціей, съ Польшей, противъ Россіи, то есть она принялась назойливо

¹⁾ Императрица Екатерина II князю Потемкину-Таврическому 15 (26) октября 1789 года.

предлагать намъ снова союзъ свой, посредничество между нами и Портою, съ которою мы вели войну, то страдая насъ участиемъ въ войнѣ, то вызываясь пожертвовать намъ своими недавними союзниками. Приводимъ отвѣтъ Екатерины: „Кабалу на себя дать я не намѣрена. Очаковъ также, какъ туркамъ отъ прусскаго двора гарантированный Крымъ, въ моихъ рукахъ находится безъ дозволенія Его Прусскаго Величества. Угорѣлыя кошки всегда мечутся¹⁾“.

Хватить ли послѣ этого у бывшего дипломата храбрости, чтобы ручаться за превосходныя намѣренія князя Бисмарка? Станетъ ли онъ приглашать Россію и Францію соединиться въ общемъ „мирномъ порывѣ?“ Кстати: что разумѣетъ онъ подъ этимъ изреченіемъ? Если онъ имѣетъ въ виду подчиненіе Германіи,—а иначе слова его лишены всякаго смысла,—то я противопоставлю его мнѣнію авторитетъ, который онъ едва ли отвергнетъ, а именно авторитетъ самого нѣмецкаго ванцлера. Князь Бисмаркъ находитъ, что этимъ путемъ всего легче придти какъ разъ къ результату, котораго желаютъ избѣжать во что бы ни стало, то есть къ войнѣ, потому что, поступая такимъ образомъ, скоро дойдутъ до крайняго предѣла уступокъ, согласуемыхъ съ достоинствомъ государства, не потерявшаго уваженія къ самому себѣ. А если такъ, то не лучше ли придерживаться мудраго правила Великой Екатерины, полагавшей, что врага нужно не убѣждать, а бить²⁾.

Правило это, должно быть, приходится не по вкусу „бывшему дипломату“. Онъ взаправду вѣритъ, что можно многого достигнуть „примирительными средствами“, въ пользу обѣихъ странъ и всей Европы. „И вотъ“—заключаетъ онъ,—„такъ какъ г. Татищевъ взялся соединить Россію съ Франціей, то онъ, по нашему мнѣнію, лучше бы поступилъ употребивъ свои дарованія и ученость на то, чтобы проповѣдовать имъ разумъ, вмѣсто того, чтобы возбуждать ихъ страсти“.

¹⁾ Помѣтка императрицы на донесеніе г. Алопеуса изъ Берлина отъ 6 (17) февраля 1791 г. Приводитъ ее въ т. VI своего Собранія трактатовъ и конвенцій, стр. 146, г. Мартенсъ неизвестно для чего прибавляетъ отъ себя въ скобкахъ послѣ слова „также какъ“—„берегъ Двѣстра“ и ставитъ точку послѣ слова „гарантированный“, что совершенно произвольно искажаетъ вполне ясный и прямой смыслъ цитаты.

²⁾ Императрица Екатерина II князю Потемкину-Таврическому 24 сентября (5 октября) 1789 г.

Легко сказать: соединить Россію съ Франціей! Спѣшу успокоить „бывшаго дипломата“: нѣтъ у меня, къ несчастью, такого завиднаго полномочія, ни, къ счастью—такого смѣшнаго притязанія.

Да они мнѣ и не нужны, потому что, не во гнѣвъ ему будь сказано, Россія и Франція уже представляются мнѣ соединенными съ того дня, какъ онѣ стали познавать, цѣнить и уважать другъ друга. Честь этой заслуги принадлежитъ во Франціи небольшому числу возвышенныхъ умовъ, отвѣчающихъ на имена виконта де-Вогюэ, Анатоля Леруа-Больё, г-жи Адамъ, Альфреда Рамбо и нѣсколькихъ другихъ усердныхъ дѣятелей великаго дѣла; въ Россіи потрудились въ томъ же смыслѣ Катковъ и группа патріотовъ, которыхъ онъ сплотилъ воеругъ себя. Достигнутое ими единеніе такъ реально, что принесло уже плоды. Сочувствіе французовъ къ русскимъ, русскихъ къ французамъ послужило основаніемъ къ соглашенію, которое нынѣ существуетъ уже *de facto* между обоими правительствами. Свидѣтельствуетъ о томъ сама газета *le Nord*, находящаяся, „что оно уже принесло много пользы“.

Да, *соглашеніе* существуетъ и его возвѣщаетъ намъ никто иной, какъ оффиціозный органъ русскаго дипломатическаго вѣдомства. Впрочемъ *le Nord* не хочетъ допустить, чтобы оно преобразилось въ *союзъ*, который, по словамъ его, „заключалъ бы въ себѣ роковой зародышъ обще-европейской войны“.

Я могъ бы возразить, что союзъ не всегда бываетъ наступательнымъ и что оборонительные союзы чаще предотвращаютъ войны, чѣмъ вызываютъ ихъ. Но къ чему спорить о словахъ, когда, по признанію дипломатической газеты, самое дѣло у насъ въ рукахъ. Сегодняшнее *соглашеніе* не есть ли завтрашній *союзъ*?

Хотите ли знать, когда состоится этотъ союзъ? Онъ состоится въ тотъ день, когда пробьетъ часъ общей опасности, путемъ неудержимаго стремленія двухъ народовъ и найдетъ въ обоихъ правительствахъ равное усердіе къ запечатлѣнію формальнымъ договоромъ солидарности ихъ дѣйствій. Онъ состоится, какая бы партія ни находилась тогда у власти во Франціи, ибо въ вопросѣ столь великой важности интересъ партій исчезнетъ предъ высшимъ интересомъ національной безопасности.

Великій народъ, ревниво оберегающій свою независимость, самъ руководить своими судьбами, не терпя вмѣшательства во внутреннія дѣла свои, какъ друзей такъ и враговъ. Но все же да будетъ позволено намъ пожелать Франціи правительство стойкое и сильное, законно и прочно составленное, пользующееся почтеніемъ и довѣріемъ націи, уважающее ея права, умѣющее пустить въ ходъ ея неисчерпаемыя средства, заботящееся о благосостояніи ея, достоинствѣхъ и величіи. Такое правительство, *каково бы ни было его происхожденіе, цвѣта и знамя*, можетъ быть увѣрено, что вызоветъ сочувствіе всѣхъ друзей Франціи въ Европѣ. Привѣтственно встрѣтитъ его Россія.

